

Серия
«РУССКИЙ ПУТЬ»

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ: PRO ET CONTRA

*Личность и творчество Никколо Макиавелли
в оценке русских мыслителей и исследователей*

Антология

Издательство
Русского Христианского гуманитарного института
Санкт-Петербург
2002

И. И. ЕВЛАМПИЕВ

Никколо Макиавелли — мыслитель прошлого и наш современник

1

Эпоха Возрождения и ее мировоззрение задают своего рода «систему координат» для понимания современной европейской цивилизации. Все наиболее заметные тенденции современного развития (как позитивные, так и негативные) свой исток берут в идеологии и культуре Возрождения. Средневековье в своем многовековом развитии выработало систему основополагающих принципов для всей последующей европейской культуры, но подлинное творческое раскрытие этих принципов произошло только в эпоху Возрождения. Как бы ни пытались некоторые мыслители строго догматической ориентации представить Возрождение феноменом, глубоко чуждым традиционной культуре, сформировавшейся в общих чертах в Средние века, неким непонятным отклонением от «правильного» христианского пути¹, невозможно пройти мимо того факта, что Средние века с некоторой неизбежностью шли к феномену Возрождения, что они «зрели» теми идеями, которые породили эту эпоху².

Средневековое мировоззрение, будучи христианским по своей сути, в самом христианстве делало акцент на идее принципиальной несамостоятельности человека перед лицом Бога.

¹ В русской философии XX в. такую точку зрения защищал И. А. Ильин.

² Особенно наглядно это доказал с использованием самого разнообразного конкретного материала Й. Хейзинга в своей книге «Осень средневековья».

В августиновской традиции свобода человека понималась как подчинение божественной воле, а его историческое творчество — как исполнение заданных от века решений Бога. Идея неразрывного единства Бога и человека, неотъемлемо присущая христианству и составляющая его безусловное преимущество перед другими мировыми религиями, здесь оказалась отодвинутой на второй план, заслонена идеей Божьего всемогущества.

Однако эта идея продолжала существовать в многочисленных ересьях, главным образом гностического толка. Вспомним, например, Амори (Амальрика) Бенского, который утверждал, что он есть Бог. Убеждение в тождестве человека и Бога вело еретиков к представлению о предельной значимости человеческих деяний в мире. Человек призван к свободной деятельности в мире, и даже его спасение, движение к Богу, обеспечивается не столько волей Бога, сколько его собственными усилиями.

До поры до времени Церкви совместно со светской властью удавалось сдерживать наступление еретических идей, однако историческая необходимость требовала того, чтобы эти идеи победили; и они нашли себе путь внутри самого христианского мировоззрения. Впрочем, сначала новая идеология вызревала в сфере обыденной жизни: неумная активность первых итальянских гуманистов, прокладывавших путь идеям Возрождения, имела основой и истоком гордую самостоятельность и неукротимую энергию итальянских купцов и ремесленников, вдруг ощутивших себя полновластными хозяевами своей судьбы, и своей жизненной практикой подтачивавших незыблемые каноны средневековой традиции, предписывающие неизменность, смирение со своей долей, а не стремление к возвышению над другими и переходу в более высокий социальный класс.

Рождение возрожденческого гуманизма означало, что теперь человек признает только тот авторитет, который сознательно принят им, проверен его разумом, согласован с его жизненными принципами. Человек вдруг осознал, что он является центром мира; хотя он и подчинен Богу, но имеет такое значение для мира, для всего бытия, которое делает его своего рода «со-работником» Бога в деле творения и устройства мира. Чтобы быть достойным этого предназначения, человек прежде всего должен «сотворить» себя, достичь той степени общественной и личной значимости, которая была замыслена о нем Богом, доказать неслучайность своего явления в мир.

Уже первые гуманисты, первые мыслители новой эпохи осознали через это необычность своего мировоззрения и его не-

соответствие традиционному христианству. Однако, будучи, как правило, глубоко набожными людьми, гуманисты не хотели выходить за границы Церкви и христианского мировоззрения, поэтому они пытались таким образом переместить акценты в системе идей христианства, чтобы «реабилитировать» земную жизнь и земное творчество человека. В наиболее прямой (даже несколько грубой форме) это сделал Лоренцо Валла, который попытался «обогатить» христианство эпикурейской моралью и проповедью земных наслаждений.

Более тонкий и сложный путь выбрали яркие представители неоплатонического направления в философии той эпохи: Николай Кузанский, Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола и, чуть позже, Джордано Бруно. Христианское мировоззрение здесь было «обогащено» элементами идеологии его самого страшного врага — гностицизма, соединенного с герметизмом и каббалистической мудростью.

Наиболее глубокое и точное соединение тех и других элементов осуществил Николай Кузанский, философская система которого стала самым адекватным выражением новых представлений о человеке. Николай опирался на немецкую мистическую традицию, идущую от Мейстера Экхарта и вобравшую в себя многие элементы средневековых гностических ересей, в том числе главную идею — представление о человеке как «частице» Бога в земном мире.

Философия Николая Кузанского несет на себе заметный отпечаток неоплатонизма. Понимая акт творения мира в духе неоплатоновской идеи эманации, Николай полагает наш мир не вторичным и злым началом по сравнению с божественным бытием, а совершенным творением и своего рода «продолжением» бытия Бога. Творение есть «развертывание» сущности Бога, поэтому мир совершенен и божествен, а не греховен и зол, как это утверждали средневековые философы. В учении Николая содержалось явное движение в сторону пантеизма, однако ему удалось избежать этого еретического уклонения за счет очень сложного развития указанного исходного принципа, задающего отношение Бога и мира.

Согласно Николаю, Бог в акте творения, длящемся вечно, вкладывает себя *целиком* в каждую вещь, но это присутствие божественной сущности в каждой вещи только потенциально — потенциально каждая вещь божественна и совершенна. Здесь выясняется статус и значение человека в земном мире. Человек есть как бы земное воплощение *продолжающегося акта творения*. Своими творческими усилиями человек призван раскрыть

потенциальную божественность мира, сделать все вещи и явления абсолютно совершенными, а мир в целом — адекватным раскрытием полноты божественного бытия. Призвание человека — непрекращающееся творчество, деятельное отношение к миру и жизни. В каждом акте творчества и даже в каждом акте деятельности, как-то влияющей на мир и возвышающей его, человек становится равным Богу, поскольку главное в сущности Бога — это как раз способность к творению, к творчеству.

Философия Николая очень точно передала дух эпохи, новое самоощущение человека. В отличие от Средневековья, когда время текло неторопливо и события мировой и личной истории совершались под действием всевидящего божественного Провидения, Возрождение порождает идею неуклонно убегающего времени, отмеряющего жизнь человека и требующего от него свершений ради реализации своего предназначения. Человек начинает «войну» с утекающим временем и с материальной необходимостью, подчиняющей его себе, лишаящей его жизнь смысла.

Через полтора столетия после Николая Кузанского это мироощущение преломилось в идее «героического энтузиазма» Джордано Бруно. Но в конце эпохи Возрождения нарастающий мировоззренческий кризис привел к своеобразному перемещению акцентов: если Николай делает упор на *личном* энтузиазме человека, на его личной творческой энергии, то Бруно уже проникнут недоверием, скепсисом по отношению к способности отдельного человека влиять на мир, и его героический энтузиазм — это призыв к служению общественным целям вопреки и наперекор личным склонностям и пристрастиям.

Это характерное смещение акцентов проступает и в изменении представления о том, кого из людей следует считать образцом той творческой, активной позиции, о которой говорят все мыслители Возрождения. Для раннего Возрождения это художник, одинокий творец, величественно и спокойно возвышающийся над людьми, создающий образцы божественной красоты, призванные служить основой для расширения сферы, в которой происходит окончательное раскрытие совершенства земного бытия, его превращение в земное «тело» Бога. Для позднего Возрождения художник уже не является высшим примером божественного служения человека. Он слишком одинок и слишком оторван от повседневной жизни людей, чтобы быть примером «героического энтузиазма». Высшее призвание человека — это общественное призвание, в котором осуществляется

творческое преобразование не мертвой материи мира, а жизни других людей ради их большего совершенства.

Об этом писали многие известные мыслители Возрождения: Эразм Роттердамский, Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Мишель Монтень и др. Об этом же писал и Никколо Макиавелли, в его сочинениях мы находим особенно наглядное отражение возрожденческого понимания *подлинной* роли и *подлинного* призвания человека. Недаром в последующей европейской истории именно его идеи (впрочем, как мы увидим, не все) стали особенно востребованными, в то время как глубокие идеи Николая Кузанского до поры до времени оставались «под спудом»; подлинное понимание их пришло гораздо позднее (в XIX и XX вв.), в преддверии нового радикального преобразования мировоззрения и общественной жизни Европы.

2

Со страниц многочисленных исследований, посвященных Макиавелли, он предстает перед нами главным образом как политический мыслитель, как первый представитель совершенно нового понимания государства и отношения ценностей национального развития к моральным и религиозным ценностям. Однако это только наиболее очевидный и явный срез его воззрений. За ним можно разглядеть зарождение очень сложного философского мировоззрения, далеко опережающего все то, что было привычно для той эпохи, раскрывшего свой глубинный смысл только в современную нам эпоху.

Однако начнем мы с того, что представляется более очевидным — с политических воззрений Макиавелли, изложенных в двух самых известных его сочинениях: «Государь» (1513) и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513—1517).

Чтобы понять истоки и смысл политической теории Макиавелли, степень ее новаторства, полезно вспомнить основные положения средневековой концепции государства и средневековые представления о целях государства. Классическую форму эта концепция получила у Августина. Подобно тому как мир есть творение Бога и его развитие во времени целиком определяется божественным Провидением, так и государство есть та форма существования человека и его нравственного развития, которая предопределена Богом и направляется его волей. Поскольку наиболее адекватно божественная воля и божествен-

ная благодать выражена в Церкви, средневековое видение государства безусловно предполагает его «поглощение» Церковью. Церковная организация выступает образцом и основой государственной организации; цели государства до неразличимости сливаются с целями Церкви: существование государства обусловлено необходимостью правильной «подготовки» христиан в земной жизни к «второму пришествию» и Страшному суду, государство призвано бороться с греховностью человека, не давать греху окончательно завладеть душами людей. Государство представляет собой необходимое для греховной человеческой природы устройство жизни, которое имеет дело именно с этой греховной природой, направлено на ее «обуздывание», приведение к той «норме», которая не позволит греху окончательно увести душу от пути к истине.

Средневековое мировоззрение подразумевало возможность существования совершенной государственной организации, в наибольшей степени соответствующей своей цели. Это был теократический идеал — идеал полного соединения католической Церкви и наследственной монархии, освещенной Церковью. Если бы он был осуществлен, история приобрела бы наиболее «правильный» характер, все в ней наиболее точно выражало бы замысел Бога в отношении человека и его земной судьбы. Только из-за неполного воплощения этого идеала в земных государствах и земной истории (что, впрочем, также предусмотрено божественным Провидением) в них есть место для действия человеческой свободы. Однако пределы этой свободы чрезвычайно узки, и она не влияет на провиденциальную и неизменную последовательность исторических событий, неуклонно воплощающих божественный замысел.

Только в эпоху позднего Средневековья в связи с возникновением теории «двойной истины» возникает представление о том, что исторические события и особенности государственной организации народов определяются не только божественной волей, но и какими-то земными причинами, — устремлениями людей, их представлениями о смысле своей земной жизни, их историческими и нравственными традициями. Возрождение производит окончательный переворот в этой сфере, и именно Макиавелли первым договаривает до конца то, что до этого говорилось только намеками.

Отношение Макиавелли к августиновской концепции косвенно проступает в одном выразительном пассаже из трактата «Государь», где он говорит о «церковных государствах». «Государства эти, — пишет он, — опираются на освященные религии-

ей устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти независимо от того, как те живут и поступают. Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и однако же на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготеют своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье.

Но так как государства эти направляемы причинами высшего порядка, до которых ум человеческий не достигает, то говорить о них я не буду; лишь самонадеянный и дерзкий человек мог бы взяться рассуждать о том, что возвеличено и хранимо Богом»³.

Тем не менее, несмотря на демонстративно высказанное нежелание рассматривать «церковные государства», Макиавелли далее подробно разбирает политику папского государства и причины его возвышения в ту эпоху в Италии, при этом он не выказывает ни малейшего пиетета по отношению к этому государству и рассматривает его как образование, совершенно равноправное со всеми светскими государствами. Более того, папское государство вызывает у него негодование своей коварной и двуличной политикой, ведущей к деградации Италии.

Совершенно очевидно, что в процитированном фрагменте Макиавелли имеет в виду не реальное «церковное государство», а его идеальный образ, который вдохновлял средневековых теологов, начиная с Августина. Почти не скрываема ирония, присутствующая в словах Макиавелли, и его демонстративный отказ от обсуждения такого идеального государства наглядно показывают, что для него это представление уже не имеет никакого конструктивного значения, представляя собой чистую фикцию.

Для Макиавелли все государства и все элементы общественной жизни людей подчинены исключительно земным законам и укоренены в земной жизни. Пытаясь понять законы их существования, Макиавелли выделяет три основных «силы», взаимодействие которых и определяет логику общественного развития. Первой из этих «сил» является судьба, фортуна, которая в изображении Макиавелли парадоксальным образом соединяет в себе черты античного рока и христианского Провидения: она жестока, как античный рок, но в то же время обладает значительным элементом непредсказуемости, внутренней свободы,

³ Макиавелли Н. Государь // Жизнь Никколо Макьявелли. Л., 1993. С. 274.

как веления Бога, подразумеваемые в идее Провидения; элемент непредсказуемости и свободы, который мыслится в этой «силе», позволяет обосновать и свободу человека.

Второй «силой», действующей на сцене общественной жизни, является народ, вся масса «обычных» людей, которая стремится к ограниченному набору целей (свобода, безопасность и благополучие) и предсказуема только в тех действиях, которые направлены на достижение и сохранение этих целей. Но самой главной «силой», на которую и обращает основное внимание Макиавелли, является отдельная свободная личность, обладающая «доблестью» (*virtù*). При этом Макиавелли предполагает, что, вообще говоря, в идеале весьма значительная часть народа может состоять из таких личностей. Этот почти уникальный случай был реализован в ранний период существования римского государства, именно поэтому там могла возникнуть наилучшая, согласно Макиавелли, форма государственного устройства — республика, основанная на равном достоинстве всех граждан.

В современных условиях такое государство создать уже невозможно: людей, обладающих «доблестью», совсем немного, а поскольку только они и способны властвовать над остальными, т. е. быть правителями, Макиавелли и приходит к выводу, что наилучшее устройство для подавляющего большинства современных государств — это монархия. В этом смысле можно утверждать (это мнение разделяет большинство современных исследователей), что между двумя главными сочинениями Макиавелли — «Государем», где прославляется единовластное правление, и «Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия», где речь идет о древнеримской республике как об идеале, — нет никакого противоречия; просто в одном случае Макиавелли говорит о государственном идеале, к которому приблизились древние римляне, а в другом о неприглядной действительности современной ему Италии.

Таким образом, общественная реальность в каждый момент определяется взаимодействием указанных трех «сил»: фортуны, устремлений народа и действий «доблестной» личности. Только последнюю из этих «сил» Макиавелли полагает подлинно сознательной и целеустремленной: и фортуна, и народ непредсказуемы и служат как бы материалом для волевых усилий личности — государя, правителя или того, кто претендует на то, чтобы стать правителем. Чтобы достичь успеха в своих действиях, такая личность должна придерживаться правильно-

го «метода» борьбы с двумя другими «силами» — ради стабильности общественной жизни и своей власти над людьми.

Значительная часть рассуждений Макиавелли в «Государе» касается того, как необходимо вести себя в отношении народа, поскольку народ составляет тот непосредственный «материал», из которого государь творит совершенное государство. В этой части рекомендации Макиавелли очень конкретны и подробны.

Конечно, государь должен дать народу спокойствие и благосостояние — то, что он больше всего ценит. «Государь должен... выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие — открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства»⁴. Однако в этой «позитивной» части Макиавелли не слишком многословен; в противоположность этому он предельно детально описывает «негативные» стороны правильного поведения государя — то, что абсолютно необходимо для него, хотя и выглядит противоречащим традиционным представлениям о должном.

Так, государь должен делать разом все необходимые для укрепления своей власти злые поступки, а добрые дела стараться делать постепенно и понемногу, чтобы люди забыли зло и все время обращали внимание на добро; «тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрерывных обид. Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя — вести себя с подданными так, чтобы никакое событие — ни дурное, ни хорошее — не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо

⁴ Макиавелли Н. Государь. С. 307.

его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью»⁵.

Государь не должен быть чрезмерно щедрым и не должен бояться прослыть скупым, поскольку это в критической ситуации, когда будут нужны средства, например, для ведения войны, избавит его от необходимости накладывать на народ излишние поборы; «кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременять народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, — то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих благодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность — крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости»⁶.

Рассматривая вопрос о том, что лучше для государя: чтобы его любили или боялись, Макиавелли однозначно склоняется ко второму ответу. «Говорят, однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбирать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверяясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренеб-

⁵ Макиавелли Н. Государь. С. 269—270.

⁶ Там же. С. 286.

речь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно»⁷.

То же самое касается выбора между честностью и хитростью; «из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисице. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется»⁸.

Подводя итог и обобщая все свои рекомендации, Макиавелли предлагает государю по возможности делать вид, что он обладает всеми моральными добродетелями, но ни в коем случае не рассматривать их соблюдение как абсолютно обязательное для себя. «Иначе говоря, — пишет он, — надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла»⁹.

Здесь мы подходим к гораздо более сложному и важному вопросу о том, как Макиавелли понимал соотношение государя («доблестной» личности) и фортуны. Прежде всего еще раз обратим внимание на то, как он понимает фортуна. Макиавелли сознательно противопоставляет свою точку зрения многовековой средневековой традиции, предполагающей, что миром правит Бог и человек не обладает существенной свободой перед

⁷ Там же. С. 289.

⁸ Там же. С. 291.

⁹ Там же. С. 292.

лицом божественного Провидения. Он настойчиво утверждает, что человек сам может определять свою жизнь и свою судьбу наперекор самым могущественным силам, действующим в мире; «ради того, чтобы не утратить свободу воли, — пишет Макиавелли, — я предположу, что, может быть, судьба распределяется лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям. Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать. Но хотя бы и так, — разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег?

То же и судьба: она являет свое всеисие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений»¹⁰.

Как видно из этого отрывка, макиавеллиева фортуна не является столь уж фатальной и непреодолимой, более того, нетрудно понять, что Макиавелли не представляет ее силой, более высокой, чем человек. Скорее, наоборот: «доблестная» личность при достаточной активности, достаточном «напоре» способна саму фортуна поставить себе на службу, сделать (как и народ) «материалом» для своих замыслов. Макиавелли даже презрительно сравнивает фортуна с женщиной, которая легко подчиняется силе: «...фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна — женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать — таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело»¹¹.

Нетрудно заметить, что Макиавелли приходит к точно такому же представлению о соотношении человека и мира, которое разрабатывали другие, быть может, более известные представители философской мысли Возрождения. Вспомним, например, что для Пико делла Мирандолы человек — центральное звено мироздания, способное радикально влиять на положение дел в мире. В «Речи о достоинстве человека» Пико определяет смысл

¹⁰ Макиавелли Н. Государь. С. 311—312.

¹¹ Там же. С. 313.

особого его положения в мире с помощью таких слов Бога, якобы сказанных человеку в момент творения: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю»¹². То, чем станет человек, зависит исключительно от его собственного выбора, от его настойчивости в преследовании своих целей: человек может подняться в своем самосозидании до ангелов или опуститься до звериного состояния. Причем это относится не только к человеку как родовому существу, но и к отдельному человеку в его личных устремлениях.

Отметим, что Пико делла Мирандола и близкие ему философы (Николай Кузанский, Марсилио Фичино и др.), признавая человека центром мира и оправдывая его свободу в созидании себя и своей жизни, все-таки не отрицали существования Бога как Творца и Управителя мира. Человек признавался ими все-таки подчиненным Богу, и это выражалось в том, что он должен был следовать некоторым незыблемым принципам, которые были заданы Богом и присущи самому Богу. Как и Бог, человек не мог нарушить заповеди высшего Добра, высшей Красоты, высшей Любви, высшего Разума.

У Макиавелли идея божественной свободы человека (свободы, равной творческой свободе Бога) проводится не столь подробно и философски убедительно, однако в одном моменте он идет гораздо дальше своих современников, предвосхищая концепцию свободы, которая получит признание только в XIX и XX вв. Он вообще отрицает наличие в мире Бога как *всемогущей* и, главное, *рациональной* и *благой* силы. Все самые могущественные силы, действующие в мире, являются *иррациональными*, не подчиняющимися никаким жестким законам. Только человек является тем звеном мироздания, которое способно задавать законы и следовать им. Но, поскольку он сам формулирует эти законы, он не связан ими абсолютно, они обладают *вторичной* и *относительной* ценностью по сравнению

¹² Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 507—508.

с абсолютной ценностью господства над себе подобными (над народом) и над миром, его силами (над фортуной).

Это и дает обоснование приведенным выше суждениям Макиавелли о том, что добро, конечно, лучше, чем зло, но *не абсолютно* лучше, а только до тех пор, пока добро и связанные с ним человеческие добродетели служат указанной высшей и абсолютной цели. Строго говоря, невозможно утверждать, что Макиавелли провозглашает аморализм. Он просто подчиняет мораль более высоким ценностям, которые связаны с самим человеком, с теми силами — *быть может, самыми могущественными в бытии*, — которые скрыты в человеке и которые он *должен* раскрепостить и явить в мире.

В связи с этим нужно особо подчеркнуть, что Макиавелли вкладывает в понятие «доблести», «добродетели» (*virtù*) существенно иной смысл, чем все его современники, активно использовавшие этот термин; интерпретация «доблести» у Макиавелли носит гораздо более революционный характер по отношению к средневековым представлениям о человеке.

Наиболее подробно содержание понятия *virtù* анализировалось в сочинениях известного гуманиста Леона Баттиста Альберти. Для него *virtù* выступает как определение всего самого *ценного* и *положительного* в душе человека; «...мне, — пишет Альберти, — кажется возможным утверждать, что все смертные созданы природой, чтобы любить и сохранять всякое ценное свойство (*virtù*), которое есть не что иное, как заключенная в нем хорошо организованная природа. Поэтому считаю позволительным утверждать, что порочные намерения смертных — это нарушение обычая и испорченность разума, проистекающая от различия мнений и глупости»¹³.

«Добродетель» человека в понимании Альберти отличается от ее средневекового понимания прежде всего тем, что он рассматривает ее как своего рода «задание» для человека: человек в своей земной жизни должен раскрыть заложенные в нем положительные качества и показать безусловную ценность своей индивидуальности. Однако одновременно здесь можно найти и явное сходство с традиционным христианским мировоззрением, поскольку Альберти не сомневается в том, что «добродетель» (*virtù*) есть соответствие человеческих качеств и представлений некому незыблемому божественному закону Добра, Разума и Красоты. По убеждению Альберти, в человеке заложено

¹³ Цит. по книге: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV веков. М., 1977. С. 158.

жена от природы способность к однозначному различению добра и зла, точно так же как и способность во всех ситуациях с помощью разума находить правильное решение возникающих в его жизни проблем, именно благодаря этому он может эффективно противостоять капризам и прихотям судьбы, фортуны¹⁴.

Эту точку зрения, выраженную одним из первых ярких представителей гуманистической философии Возрождения, разделяли практически все последующие мыслители. Совсем не то мы находим у Макиавелли. Для него «доблесть», «добродетель» (*virtù*) человека заключается не в следовании положенным извне законам (кем бы они ни были положены — Богом или человеком), а в способности преодолевать любые законы в стремлении к достижению своих целей. Главным в этом понятии для Макиавелли оказывается внутренняя энергия личности, ее «напор» в движении вперед и способность использовать в этом движении любые средства. Если для других гуманистов, современников Макиавелли, человек выступал как существо *равное* Богу только по способности к деятельности, но все-таки стоящее ниже Бога в том смысле, что законы этой деятельности и основные цели, преследуемые им, были заданы Богом, то Макиавелли идет до конца в возвышении человека: человек сам определяет законы своего поведения в зависимости от стечения обстоятельств в мире; Бог ничего не может противопоставить энергии личности и ничем не может помочь ей.

Не менее характерно различие между Макиавелли и другими гуманистами в понимании взаимодействия человека и судьбы, фортуны. Альберти, как уже было сказано, приходит к выводу, что противостояние фортуне для человека возможно только на основании безусловного следования законам своей духовной, божественной природы, т. е. все тем же законам Добра, Разума и Красоты, заданным Богом. И сама суть указанного противостояния, и возможность победы человека в этом противостоянии обуславливаются тем, что наряду с *иррациональной фортуной* в мире властвует божественный порядок, *рациональная божественная закономерность*. «Добродетель» человека основана как раз на том, что этот божественный порядок заложен и в его природе; через развитие божественных основ своей личности человек включается в этот порядок, и иррациональный хаос фортуны уже не может существенно исказить выстраиваемую им самим закономерность собственной жизни.

¹⁴ См.: там же. С. 163—169.

Макиавелли не признает никакого божественного порядка в мире. «Доблестная» личность у него один на один противостоит иррациональному хаосу судьбы, и ничего, кроме настойчивости и энергии собственных внутренних побуждений, не гарантирует человеку возможности перебороть судьбу. По сути, человек оказывается столь же иррациональной и непредсказуемой силой, что и фортуна; и только бóльшая энергия и целеустремленность помогает одной из этих сил победить другую.

Такой подход к человеку, лишаящий его божественной «опоры» в мире, была весьма необычен даже для такой революционной эпохи, как Возрождение; видимо, поэтому Макиавелли испытывает некоторые колебания в описании того, как следует вести себя человеку, чтобы перебороть фортуна. В этом месте в рассуждениях Макиавелли возникает разительное противоречие, которое было подмечено и подробно проанализировано в работах Л. М. Баткина¹⁵.

С одной стороны, Макиавелли постоянно подчеркивает необходимость для «доблестной» личности следовать примерам, даваемым великими представителями древних и новых народов, т. е. подчеркивает неизменность тех основных законов, по которым действует человек, пытаясь достичь своих целей и «укротить» фортуна. В этом части своих размышлений Макиавелли близок к своим современникам-гуманистам, да и к античным авторам, признававшим наличие в мире незыблемого (божественного) порядка, следование которому и делает человека совершенным и добродетельным.

Но, с другой стороны, в некоторых фрагментах своих трактатов Макиавелли внезапно дает совершенно иные рекомендации «доблестной» личности; он утверждает, что постоянство поведения, неизменность раз и навсегда выбранных стереотипов и образцов для решающих поступков рано или поздно приведет личность к поражению в ее борьбе с фортуной. Единственный эффективный способ противостоять ей — это *непрерывно меняться*, учитывая ее изменения, непрерывно быть готовым к новым, непредсказуемым поступкам и действиям.

«Я думаю, — пишет в этой связи Макиавелли, — ...что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени»¹⁶. Талант «следования за

¹⁵ См.: Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 173—208.

¹⁶ Макиавелли Н. Государь. С. 312.

временем» оказывается чрезвычайно редким и трудным, но именно его отсутствие обуславливает, в конечном счете, неудачу государя в своем правлении. Например, как пишет Макиавелли, «пока для того, кто действует осторожностью и терпением, время и обстоятельства складываются благоприятно, он процветает, но стоит времени и обстоятельствам перемениться, как процветанию его приходит конец, ибо он не переменил своего образа действий... осторожный государь, когда настает время применить натиск, не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно»¹⁷.

Вторая из этих тенденций в понимании действий государя, «доблестной» личности особенно важна для понимания перспектив, которые открывали философские размышления Макиавелли. Они намечали подходы к представлению о *десакрализованном* и даже более того — *беспредпосылочном* субъекте, к представлению о человеке как абсолютно самостоятельном, самодельном существе. С подлинной решительностью европейская философия двинулась в заданном здесь Макиавелли направлении только в конце XIX — начале XX в.¹⁸ Нетрудно, в частности, видеть, что эта система идей предвосхищает представление о человеке и целях его жизни у Ф. Ницше.

О влиянии Макиавелли на Ницше мы еще будем говорить ниже, а теперь вернемся к политическим воззрениям итальянского мыслителя, чтобы более внимательно рассмотреть в те цели, которые он выдвигает в качестве ориентира для деятельности государя, «доблестной» личности.

3

Средневековая концепция государства отвергала существование национальных начал в жизни христианского общества и по отношению к целям христианского государства. Перед Христом и Церковью нет «ни эллина, ни иудея», поэтому и государство, если оно стремится к выполнению своих истинных целей, должно объединять нации и бороться с тенденцией к национальному обособлению. Хотя католической Церкви не

¹⁷ Там же. С. 312—313.

¹⁸ См.: Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. С. 216—220.

очень хорошо удавалось противостоять стремлению наций к самостоятельности, средневековое мировоззрение не способствовало самобытному развитию наций, подобно тому как оно не способствовало раскрытию творческих сил, таящихся в отдельной личности. Именно поэтому Возрождение было совершенно естественным и необходимым этапом развития европейской культуры. Раскрепощая отдельную личность, полагая творческие потенции человека главной силой земного бытия, Возрождение одновременно раскрепостило энергию национального развития.

Макиавелли, в течение 14 лет бывший секретарем Флорентийской республики и исполнявший многочисленные внешнеполитические поручения своего государства, очень хорошо понимал несовместимость интересов различных наций и стран, неизбежность постоянной борьбы между ними за первенство и господство. Трезво оценивая смысл и причины этой борьбы и не испытывая, кроме того, ни малейшего пиетета по отношению к христианству и его представлениям о человеке, Макиавелли в определенном смысле возвращается к античному, языческому пониманию истории и роли отдельных народов в истории. Каждый народ, обладая своей религией, своей культурой, своими традициями и преследуя свои собственные цели, неизбежно приходит в столкновение с соседними народами и вынужден вести непрекращающуюся борьбу с ними. Эта борьба может быть успешной, только если нация достаточно сплочена и организована, поэтому главным условием ее победы является правильно устроенное государство. Создание такого государства должно быть первостепенной целью и самой главной ценностью не только для народа в целом, но и для каждого его представителя, в первую очередь, конечно, для «доблестной» личности, которая ставит себе в жизни *высшие* цели.

В силу сказанного становится понятным, почему «доблестная» личность у Макиавелли почти неразличимо сливается с «государем», а главными целями личности (любой) становятся не личные интересы, а интересы своей нации, из которых главный — создание эффективного и сильного государства. Это еще раз доказывает, что было бы неправильно обвинять Макиавелли в аморализме самого примитивного толка, которого было предостаточно в эпоху Возрождения. Этот достаточно известный аморализм Возрождения был естественным следствием эгоистических устремлений личности, которая перестала чувствовать над собой давление абсолютной божественной воли, карающей и дарующей благодать, и которая в духе нового ми-

ровоззрения стала рассматривать потребности своей низшей природы достойными внимания и удовлетворения¹⁹.

В политической теории Макиавелли все выглядит по-иному. Макиавелли утверждает, что человек должен осознать единство своих личных целей и устремлений с целями и устремлениями нации, и именно это единство должно руководить его поступками, при этом все моральные и религиозные представления он должен признать вторичными факторами, призванными служить движению к главным целям. Если человек оказывается неспособным к этому, он вызывает искреннее презрение Макиавелли и теряет право называться «доблестной» личностью.

Чрезвычайно характерный пример в этом отношении дает один фрагмент из «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия», где Макиавелли порицает тирана Перуджи Джовампаоло, который, несмотря на всю свою беспринципность и кровожадный нрав, не смог одним разом покончить со своим врагом — папой Юлием II, хотя имел возможность вероломно убить его: «...Джовампаоло, не ставивший ни во что ни кровосмешение, ни публичную резню родственников, не сумел, когда ему представился к тому удобный случай, или, лучше сказать, не осмелился совершить деяние, которое заставило бы всех дивиться его мужеству и оставило бы по себе вечную память, ибо он оказался бы первым, кто показал прелатам, сколь мало надо почитать всех тех, кто живет и правит подобно им, и тем самым совершил бы дело, величие которого намного превысило бы всякий позор и связанную с ним, возможно, опасность»²⁰.

Макиавелли отказывается оценивать поступок Джовампаоло (точнее, его *неспособность* совершить «героический» поступок и убить папу Юлия II) как свидетельство его проснувшейся совести или осознание незыблемых законов добра: «...в груди негодяя, который сожительствовал с сестрой и ради власти убил двоюродных братьев и племянников, не могло пробудиться какое-либо благочестивое чувство»²¹. Это было проявлением его «обыденности», его неспособности быть на уровне высших образцов человеческой «доблести». Не случайно именно в этом месте Макиавелли с презрением отзывается обо всем человеческом роде, о подавляющем большинстве его представителей,

¹⁹ Подробнее об этом см.: Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 110—138.

²⁰ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Жизнь Никколо Макьявелли. С. 358.

²¹ Там же.

которые утратили способность к великим, т. е. к действенным, поступкам, радикально влияющим на состояние дел в мире и показывающим, кто является подлинным хозяином мира. «Вот почему и приходится делать вывод, — констатирует Макиавелли, — что люди не умеют быть ни достойно преступными, ни совершенно хорошими: злодейство обладает известным величием или является в какой-то мере проявлением широты души, до которой они не в состоянии подняться»²². Здесь еще раз вспоминается Ницше с его призывом к устранению всех поставленных традицией и религией преград ради бесконечного творческого развития человека.

Еще более прямые параллели возникают здесь с историями, рассказанными в трагедиях Шекспира. Упомянутый фрагмент из трактата Макиавелли заставляет вспомнить некоторых героев Шекспира (например, Макбета) — *великих* представителей эпохи; их величие проявляется не столько в следовании незыблемым нормам и образцам поведения, сколько в желании преодолеть все нормы и образцы ради раскрепощения могущественных и иррациональных сил в себе самих, ради *абсолютной полноты* жизни. За трагедиями Шекспира и за историями «героев» Макиавелли просматривается одно и то же представление о человеке, которое обессмертило имя Шекспира, точно так же как оно должно было бы обессмертить и имя Макиавелли, если бы на это представление не наслоились другие идеи, превратившие Макиавелли в пугало для обывателей и религиозных святош.

В этом контексте уместно вспомнить одно рассуждение Льва Шестова, посвященное Шекспиру, а точнее, его герою — Макбету. Вопреки мнению многочисленных интерпретаторов Шекспира (в первую очередь Шестов имел в виду Георга Брандеса), утверждавших, что в своих трагедиях Шекспир пытается доказать незыблемость моральных заповедей и неизбежность наказания для злодеев, Шестов настаивает на том, что Шекспир ничему не пытается нас научить. Его главная цель — показать человека *в его жизни*, непредсказуемой, иррациональной, не подчиняющейся никаким заповедям и запретам. Для большей наглядности Шестов противопоставляет отношение к человеку у Шекспира и Канта; последний предстает у него олицетворением «моральной» точки зрения на человека. «Да, для Канта, — подводит итог Шестов, — люди не были людьми, а понятиями, к которым он относился по известным правилам. Преступление

²² Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 358.

для него было лишь тем явлением, которому нужно отыскать предикаты, достаточно определенные и точные. При отыскании предикатов пришлось отвергнуть ближнего — но философ этого даже не заметил. У Шекспира же речь идет не о преступлении, которое нужно определить, а о преступнике, которого нужно понять, которому нужно вернуть образ и подобие Божие. Поэтому-то Кант против Макбета, а Шекспир с Макбетом»²³. Макбет для Шекспира не пример, не назидание, а живой человек, демонстрирующий непредсказуемость жизни, способность жизни принимать любые формы и добиваться своего, несмотря ни на что.

Рассуждения Шестова без малейших изменений можно отнести и к Макиавелли. Тем более что Макиавелли гораздо более прямо, чем Шекспир, выражает мысль, сформулированную Шестовым: моральные и религиозные заповеди не могут иметь для человека такое же значение, как его жизнь; там, где они противоречат устремлению к полноте жизни и реализации высших жизненных целей, они должны быть отброшены.

4

Вернемся к политической теории Макиавелли и к его представлениям о целях «доблестной» личности. Как мы помним, они совпадают с целями нации как целого, причем чем больше «доблести» и достоинства в отдельном человеке, тем полнее это совпадение и тем в большей степени личность способна одновременно, без какого-либо противоречия, служить и своим целям, и целям нации.

На первый взгляд здесь Макиавелли приходит к явному противоречию: как можно совместить его рекомендации к государю, в которых сквозит неприкрытое презрение к народу и требование к насилию над ним в случае необходимости, с выводом о том, что государь, в сущности, должен иметь в виду прежде всего благо всей нации, т. е. того же самого народа?

Это кульминационный пункт в наших размышлениях о политической (впрочем, как уже выяснилось, не только политической) философии Макиавелли. Разрешить указанное противоречие можно только через ясное понимание того факта, что в своей теории Макиавелли все время руководствуется неким

²³ Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1911. Т. 1. С. 279—280.

идеалом государственного устройства, который выступает как бы мерилom совершенства и несовершенства современных ему государств и соответственно критерием для оценок тех или иных действий государя, стремящегося осуществить главные национальные интересы.

Изображению этого идеала посвящен главный труд Макиавелли — трактат «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Напомним, что более известное его сочинение — трактат «Государь» был создан во время написания «Рассуждений». Он явился своего рода откликом на современные события, связанные с судьбой Италии. Еще не закончив свое главное сочинение, Макиавелли попытался применить его выводы к современной ему действительности.

Начинаются «Размышления о первой декаде Тита Ливия» изображением того, как возникали первые политические структуры в истории древнейших народов. Макиавелли возрождает античную теорию договорного происхождения государства, содержащуюся в трудах Полибия, Цицерона и др., и дает набросок новой версии этой теории, которая позже будет подробно развита сторонниками новоевропейской концепции «общественного договора».

«Вначале, когда обитателей на земле было немного, люди какое-то время жили разобщенно, наподобие диких зверей. Затем, когда род человеческий размножился, люди начали объединяться и, чтобы лучше оберечь себя, стали выбирать из своей среды самых сильных и храбрых, делать их своими вожаками и подчиняться им. Из этого родилось понимание хорошего и доброго в отличие от дурного и злого. Вид человека, вредящего своему благодетелю, вызывал у людей гнев и сострадание. Они ругали неблагодарных и хвалили тех, кто оказывался благодарным. Потом, сообразив, что сами могут подвергнуться такому же обиду, и дабы избежать подобного зла, они пришли к созданию законов и установлению наказаний для их нарушителей. Так возникло понимание справедливости. Вследствие этого, выбирая теперь государя, люди отдавали предпочтение уже не самому отважному, а наиболее рассудительному и справедливому»²⁴.

Таким образом, исходной формой государства выступает монархия, единоличное правление. Однако, как далее утверждает Макиавелли, монархия рано или поздно превращается из вы-

²⁴ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 320—321.

борной в наследственную, и это приводит к «вырождению» государей, которые думают уже не о справедливости, а о собственных корыстных интересах. Народ, недовольный их правлением, свержает очередного монарха с помощью заговора, и наиболее энергичные и мужественные люди, вставшие во главе этого заговора, становятся Оптиматами, совместно управляют государством на основе возрожденных принципов справедливости. Но со временем здесь происходит точно такое же «вырождение» властителей, как и в случае монархии. Наследники Оптиматов, не являясь самыми достойными для власти людьми, начинают использовать ее в корыстных интересах и в конце концов вызывают ненависть народа. Народ вновь восстает и теперь замещает аристократическое правление демократическим — сам начинает править, исходя из своего понимания справедливости. Но и этот период благополучного существования оказывается недолговечным, теперь уже из-за порчи нравов самого народа.

«Так как любой государственный строй на первых порах внушает к себе некоторое почтение, то народное правление какое-то время сохранялось, правда, недолго — пока не умирало создавшее его поколение, ибо сразу же вслед за этим в городе воцарялась разнузданность, при которой никто уже не боялся ни частных лиц, ни общественных; всякий жил как хотел, и каждодневно учинялось множество всяких несправедливостей. Тогда, вынуждаемые к тому необходимостью, или по наущению какого-нибудь доброго человека, или же из желания покончить с разнузданностью, люди опять возвращались к самодержавию, а затем мало-помалу снова доходили до разнузданности — тем же путем и по тем же причинам»²⁵.

Так происходит «круговорот» форм правления, который мог бы продолжаться вечно, если бы народ не становился жертвой завоевателей — более сильных и могущественных соседей. Однако оказывается возможным еще один, более благоприятный вариант развития, который и был реализован в Древнем Риме. Там удачным образом в одной сложной форме правления были совмещены достоинства трех основных форм — монархии, аристократии и демократии. Возникшая форма правления оказалась наиболее устойчивой и именно ее Макиавелли считает близкой к идеальной, образцом для всех народов и всех исторических эпох.

²⁵ Там же. С. 322—323.

Почему же эта форма правления ушла в прошлое и никогда не была реализована после падения римской республики, а затем гибели Римской империи? Здесь Макиавелли несколько отклоняется от следования античным авторам; он вносит в заимствованную у них концепцию важнейшее понятие своей политической теории — понятие «доблести». Важно подчеркнуть, что в данном случае это понятие совершенно неожиданно оказывается примененным не к отдельной личности, а к *народу в целом*. «Размышляя о ходе дел человеческих, — пишет Макиавелли, — я прихожу к выводу, что мир всегда остается одинаковым, — что в мире этом столько же дурного, сколько и хорошего, но что зло и добро перекачываются из страны в страну. Это подтверждают имеющиеся у нас сведения о древних царствах, которые сменяли друг друга вследствие изменения нравов, а мир при этом оставался одним и тем же. Разница состояла лишь в том, что та самая доблесть, которая прежде помещалась в Ассирии, переместилась в Мидию, затем в Персию, а из нее перешла в Италию и Рим. И хотя за Римской империей не последовало империи, которая просуществовала бы длительное время и в которой мир сохранил бы всю свою доблесть целостной, мы все-таки видим ее рассеянной среди многих наций, живущих доблестной жизнью»²⁶.

Таким образом, «доблесть» — энергия и волевая устремленность личности в преследовании высших целей жизни (сочетающих личные и национальные интересы) — может быть присуща большему или меньшему кругу представителей данной нации. Это, видимо, и определяет, по Макиавелли, возможность или невозможность установления идеального, *республиканского* образа правления. Только если достаточно большая доля народа обладает «доблестью», т. е. способна к ответственному сочетанию личных интересов с интересами нации, — только в этом случае государственная организация нации приобретает такой характер, который позволяет ей достичь великих свершений в своем независимом и плодотворном развитии.

В результате получается, что достаточно высокий «уровень» «доблести» в нации есть важнейший показатель ее здоровья, ее способности к нормальному существованию и установлению совершенного государственного строя. Поскольку Макиавелли очень низко оценивает уровень «доблести» у своих соотечественников, в современной ему Италии, нетрудно понять, почему он не считает возможным установление здесь республикан-

²⁶ Макиавелли Н. Рассуждения... С. 376.

ского строя и призывает «доблестную» личность, государя, на монархическое правление ради создания возможностей для последующего улучшения нравов своего народа.

В условиях низкого уровня «доблести» в народе только единовластное правление может достичь успеха, и одной из важнейших его задач должно стать создание условий, при которых происходит увеличение доли «доблестных» личностей в нации. И уже далеким следствием установления правильного единовластного правления должно стать восстановление идеального правления — республики.

В пользу того, что Макиавелли не рассматривал монархическое правление, с таким энтузиазмом изображаемое им в «Государе», в качестве окончательной и наилучшей формы правления, свидетельствует выразительный фрагмент из его трактата «Размышления о первой декаде Тита Ливия», в котором он с не меньшим энтузиазмом доказывает, что «доблестный» народ превосходит «доблестного» государя как субъекта власти. Здесь Макиавелли решительно расходится с античными историками и античными политическими мыслителями, считавшими народные массы непостоянными и капризными. «Я прихожу к выводу, — пишет Макиавелли, — противоречащему общему мнению, полагающему, будто народ, когда он находится у власти, непостоянен, переменчив и неблагодарен. Я утверждаю, что народ грешит названными пороками ничуть не больше, нежели любой государь. Тот, кто предъявит обвинение в указанных пороках в равной мере и народу и государям, окажется прав; избавляющий же от них государей допустит ошибку. Ибо властвующий и благоустроенный народ будет столь же, а то и более, постоянен, благоразумен и щедр, что и государь, притом государь, почитаемый мудрым. С другой стороны, государь, сбросивший узду закона, окажется неблагодарнее, переменчивее и безрассуднее всякого народа. Различие в их действиях порождается не различием их природ — ибо природа у всех одинакова, а если у кого здесь имеется преимущество, то как раз у народа, — но большим или меньшим уважением законов, в рамках которых они живут»²⁷. И продолжает: «...если мы сопоставим все беспорядки, произведенные народом, со всеми беспорядками, учиненными государями, и все славные деяния народа со всеми славными деяниями государей, то мы увидим, что народ много превосходит государей и в добродетели, и в славе. А если государи превосходят народ в

²⁷ Там же. С. 372.

умении давать законы, образовывать гражданскую жизнь, устанавливать новый строй и новые учреждения, то народ столь же превосходит их в умении сохранять учрежденный строй. Тем самым он приобщается к славе его учредителей»²⁸.

Это и означает, что если бы нашелся «доблестный» государь, который, взяв власть в свои руки, правильными решениями направил бы народ к совершенству, к росту в нем «доблести», то через какое-то время этот народ неизбежно стал бы достаточно зрелым для того, чтобы установить (самому или вместе с государем) наилучшую форму правления — республику. Макиавелли верит в эту возможность, по крайней мере в теоретическом плане. Однако, когда он рассматривает ситуацию, сложившуюся в Италии, он приходит к выводу, что этой возможности противодействуют мощные факторы и она вряд ли должна рассматриваться как реальная.

Главным из негативных факторов, противодействующих развитию его нации, Макиавелли считает христианскую религию. Нужно признать, что мало кто из современников Макиавелли, несмотря на все свободомыслие эпохи, с такой степенью резкости критиковал христианство. По существу, он *главным образом* именно на христианство, в той форме, которую оно приобрело в католицизме, возлагает ответственность за бедственное положение Италии — за ее политическую раздробленность, за ее неспособность противостоять завоевателям, за упадок «доблести» в народе. При этом речь идет не только о корыстной, недальновидной политике папского государства, которую Макиавелли критикует во многих местах своих главных трактатов; он переносит эту критику на саму суть католицизма, противопоставляя его не только языческим религиям древних народов, но и первохристианству, учению самого Иисуса Христа.

Макиавелли признает установление религиозных верований важнейшей составляющей правильного развития нации, но при этом религия понимается им как вторичный фактор и вторичная ценность по отношению к ценностям национального развития. Религия — это удобное орудие для управления народом; судя по высказываниям Макиавелли, он не очень высоко оценивал собственное содержание истин, провозглашаемых в религии. Точно так же он предлагает относиться к религии и государям: «...главам республики или царства надобно сохранять основы поддерживающей их религии. Поступая так, им будет легко сохранить государство свое религиозным, а следователь-

²⁸ Макиавелли Н. Рассуждения... С. 373—374.

но, добрым и единым. Им надлежит поощрять и умножать все, что возникает на благо религии, даже если сами они считают явления эти обманом и ложью»²⁹.

Естественно, что при таком понимании значения религии в обществе Макиавелли не признает никакой единой и универсальной религии, которую должны рано или поздно принять все народы. Народы слишком различны по своим древнейшим традициям, интересам и устремлениям, и это должно проявляться в религиозной сфере; разные народы могут и должны создавать и исповедовать разные религии, так чтобы они наилучшим образом отвечали условиям их существования. Языческие религии и раннее христианство признаются Макиавелли в равной степени способными служить плодотворному развитию наций. «Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее, чем они оказались в наше время»³⁰.

Но и наоборот, «неправильная», извращенная религия, по мнению Макиавелли, является существенным негативным фактором, препятствующим нормальному развитию нации. Такой религией он признает прежде всего ту форму христианства, носителем которой стала католическая Церковь. «Невозможно представить большего свидетельства упадка религии, нежели указание на то, что народ, находящийся ближе всех к римской Церкви, являющейся главой нашей религии, наименее религиозен. Тот, кто рассмотрит основы нашей религии и посмотрит, насколько отличны ее нынешние обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям»³¹.

Обосновывая этот резкий вывод, Макиавелли указывает на разложение и моральную деградацию папской курии, давно не способной служить примером и оплотом благочестия, во имя своих корыстных и материальных интересов ведущей Италию к гибели. Однако главным в его критике оказывается вовсе не это. О разложении и деградации высшей иерархии католической Церкви писали многие гуманисты, достаточно вспомнить в этой связи некоторые новеллы «Декамерона»; недаром еще при жизни Макиавелли, в 1517 г., Мартин Лютер выступил со

²⁹ Там же. С. 344.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

своими виттенбергскими тезисами и породил реформационное движение, которое стало для Церкви — прямо по пророческому высказыванию Макиавелли — «мучительным испытанием».

Макиавелли идет гораздо дальше своих современников, он отвергает само *мировоззрение* Церкви на основании того, что она сознательно воспитывает в верующих *не силу, а слабость*, требует пренебрежения славой, мирскими благами, всеми земными ценностями. «Размышляя над тем, — пишет он, — почему могло получиться так, что в те стародавние времена (в Древней Греции и Древнем Риме. — И. Е.) народ больше любил свободу, чем теперь, я прихожу к выводу, что произошло это по той же самой причине, из-за которой люди сейчас менее сильны, а причина этого кроется, как мне кажется, в отличии нашего воспитания от воспитания древних и в основе ее лежит отличие нашей религии от религии античной. Наша религия, открывая истину и указуя нам истинный путь, заставляет нас мало ценить мирскую славу. Язычники же ставили ее весьма высоко, видя именно в ней высшее благо. Поэтому в своих действиях они оказывались более жестокими... кроме того, античная религия причисляла к лику блаженных только людей, преисполненных мирской славой — полководцев и правителей республик, наша же религия прославляет людей скорее смиренных и созерцательных, нежели деятельных. Она почитает высшее благо в смирении, в самоуничижении и в презрении к делам человеческим; тогда как религия античная почитала высшее благо в величии духа, в силе тела и во всем том, что делает людей чрезвычайно сильными. А если наша религия и требует от нас силы, то лишь для того, чтобы мы были в состоянии терпеть, а не для того, чтобы мы совершали мужественные деяния. Такой образ жизни сделал, по-моему, мир слабым и отдал его во власть негодяям: они могут безбоязненно распоряжаться в нем как угодно, видя, что все люди, желая попасть в рай, больше помышляют о том, как стерпеть побои, нежели о том, как бы за них расплатиться. И если теперь кажется, что весь мир обабился, а небо разоружилось, то причина этому, несомненно, подлая трусость тех, кто истолковывал нашу религию, имея в виду праздность, а не доблесть. Если бы они приняли во внимание то, что религия наша допускает прославление и защиту отечества, то увидели бы, что она требует от нас, чтобы мы любили и почитали родину и готовили себя к тому, чтобы быть способными встать на ее защиту»³².

³² Макиавелли Н. Рассуждения... С. 381—382.

Как мы видим, в этом фрагменте Макиавелли еще раз резко противопоставляет исходную форму христианской религии, вполне отвечавшую задачам национального развития, ее позднейшей «интерпретации» в рамках католической Церкви, которая превратила христианство в религию слабости и презрения к жизни. Вновь здесь невозможно обойти вниманием явное сходство рассуждений Макиавелли с отношением к христианству и его роли в истории европейских народов, высказанным четыре столетия спустя Ф. Ницше. В этом пункте прямое влияние Макиавелли на Ницше особенно очевидно, о чем мы еще будем говорить ниже.

Завершая анализ политических и философских взглядов Макиавелли, нужно еще раз подчеркнуть, что их невозможно исчерпать такими прямолинейными характеристиками (очень часто применяемыми по отношению к нему его критиками), как «аморализм», «политический волюнтаризм», «атеизм», «эгоизм» и т. п. Философия Макиавелли гораздо сложнее, чем может показаться с первого взгляда, и этим в значительной мере объясняется популярность его имени в последующей европейской истории, а не только эпатазирующими крайностями его представлений о задачах и образе действий «государя». Макиавелли дал первый, достаточно лаконичный, но все-таки четкий набросок философской теории общества, не основывающейся на идее божественного вмешательства, предполагающей, что все причины общественного развития коренятся внутри самого общества: в устремлениях народа или больших социальных групп, в волевых актах отдельной («доблестной») личности, в прихотливых закономерностях окружающей человека реальности («фортуны»). Именно на этом пути позже были созданы оригинальные социально-политические концепции, противостоящие концепции божественного, сверхъестественного характера государственной власти, — от многочисленных версий теории «общественного договора» (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант) до грандиозных атеистических «эсхатологий» К. Маркса и А. Кожева. Недаром даже Гегель, который в определенной степени возродил идею сверхъестественной сущности государства, высоко оценивал Макиавелли именно за трезвое изображение общественной жизни в его эпоху³³.

При всей яркости и известности политических идей итальянского мыслителя, необходимо тем не менее признать, что это не самое важное в его воззрениях: за их ярким «фасадом»

³³ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 413.

скрыта та философская «постройка», которая и составляет самое ценное в наследии Макиавелли — то, что делает его мыслителем, актуальным и для современной эпохи. Мы имеем в виду его представление о человеке, его попытку приблизиться к совершенно новому образу, новой философской модели человеческой личности. Ему самому не удалось сделать это достаточно последовательно и полно, но он с предельной наглядностью показал саму возможность понимания человека, не только окончательно порывающего со средневековой христианской традицией, но и намечающего плодотворную альтернативу только еще рождающемуся новоевропейскому рационализму. Безраздельное господство рационализма в последующие два с половиной столетия не позволило этим элементам философских взглядов Макиавелли оказать существенное влияние на развитие европейской мысли, они оставались неостребованными вплоть до конца XIX в. Только после окончательного краха рационализма эти идеи Макиавелли стали созвучными исканиям мыслителей новой эпохи и получили опосредованное отражение и развитие в философии XX в.

5

Обращаясь к тому, как складывалась судьба произведений и идей Макиавелли после смерти их создателя, нужно еще раз повторить, что на протяжении более чем двух столетий ожесточенные дискуссии шли только вокруг самой заметной и явной части его творческого наследия — вокруг его политической концепции.

Как это часто бывает с яркими и «решительными» (в интеллектуальном смысле) авторами, наследие Макиавелли редко вызывало чисто академический интерес, его труды и сам его образ стали объектом восхищения и подражания у одних и объектом ненависти и презрения — у других³⁴.

Понятно, что наиболее непримиримую позицию по отношению к Макиавелли заняла католическая Церковь, которая, по существу, возглавила «антимакиавеллистское» движение. При папе Павле IV (в 1599 г.) сочинения Макиавелли были внесены в «Индекс запрещенных книг». В течение короткого времени в

³⁴ См.: Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 372—376.

среде иезуитов было создано огромное число трактатов с опровержением идей Макиавелли. Среди литературы, написанной против Макиавелли в XVI—XVII вв., выделяется огромная книга И. Жантийе «Рассуждения о способах доброго правления... против Макиавелли» (1576). И в этой книге, и в большинстве других сочинений такого рода Макиавелли изображается как наставник тиранов, проповедник аморальных методов борьбы за власть — беспринципности, вероломства, лицемерия и т. п. Как правило, авторы соответствующих сочинений демонстрируют слабое знание текстов самого Макиавелли, их основным «методом» является произвольное комбинирование отдельных цитат, вырванных из контекста, и даже выдумывание тезисов, доказывающих моральную, религиозную и политическую «порочность» Макиавелли. Хотя во всем этом движении не было ни одного достаточно крупного мыслителя, оно оказало большое влияние на формирование расхожего «демонизированного» образа Макиавелли, способствовало рождению представления о нем как о проповеднике крайнего аморализма и нигилизма.

Гораздо богаче и интереснее выглядит история позитивного восприятия идей Макиавелли. Его труды в самой существенной степени повлияли на складывание новоевропейской политической философии, особенно в том ее направлении, которое не признавало божественного происхождения государства. Его идеи были подхвачены и получили развитие уже в XVI в. В 1590 г. соотечественник Макиавелли Джусто Липсио опубликовал сочинение «Политические книги» (переведенное в 1598 г. на французский язык), где развивал тезис Макиавелли о необходимости использовать религию в качестве орудия политической деятельности. Эту же идею развивал в своем трактате, посвященном искусству политики, Гаспар Шоппе. В 1639 г. Габриель Ноде в своей книге, изданной в Париже, положительно оценивал теорию Макиавелли, полагая, что Макиавелли стремился изобразить в своих трудах образ идеального правителя, а не тирана, как полагают его недоброжелатели.

Особо нужно сказать о влиянии Макиавелли на крупнейших философов XVII—XVIII вв. У Ф. Бэкона можно найти множество ссылок на Макиавелли, которого создатель методологии эмпиризма ценил за умение трезво, без малейших иллюзий и фантастических предпосылок, изображать поведение людей на арене истории. «Нам, — пишет Бэкон, — есть за что благодарить Макиавелли и других авторов такого же рода, которые открыто и прямо рассказывают о том, как обычно поступают

люди, а не о том, как они должны поступать»³⁵. Спиноза называл итальянского мыслителя «проницательнейшим Макиавелли»³⁶ за ту же самую способность правдиво описывать «механизм» борьбы за власть. Современные исследователи отмечают влияние идей Макиавелли и на политические воззрения Декарта.

Идеи Макиавелли, конечно же, привлекали внимание политических деятелей. Ришелье говорил о влиянии, которое на него оказали сочинения Макиавелли. Сохранились комментарии Наполеона к «Государю». Военная теория Макиавелли повлияла на Фридриха II, хотя тот и был резким противником политических идей итальянского мыслителя.

Всплеск интереса к политическим сочинениям Макиавелли произошел в эпоху Просвещения, когда была окончательно оформлена теория общества и государства, исключавшая какое-либо божественное вмешательство в земные дела людей. Макиавелли пользовался большим уважением у французских просветителей, причем его взгляды оценивались как последовательно демократические и республиканские. Особенно выразительным и характерным является суждение Ж.-Ж. Руссо. «Делая вид, что он дает уроки королям, — пишет Руссо, — он преподавал великие уроки народам. “Государь” Макиавелли — это книга республиканцев». И добавляет в качестве комментария: «Макиавелли был порядочным человеком и добрым гражданином; но, будучи связан с домом Медичи, он был вынужден, когда отечество его угнеталось, скрывать свою любовь к свободе. Один только выбор им его отвратительного героя (имеется в виду Цезарь Борджиа, которого Макиавелли признает идеалом государя. — И. Е.) достаточно обнаруживает его тайное намерение; а сопоставление основных правил его книги о “Государе” с принципами его же “Рассуждения о Тите Ливии” и его “Истории Флоренции” доказывает, что этот глубокий политик имел до сих пор лишь читателей поверхностных или развращенных. Римская курия наложила на его книгу строжайшее запрещение. Еще бы, ведь именно папский двор Макиавелли и изобразил наиболее прозрачно»³⁷.

³⁵ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 401.

³⁶ Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Соч.: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 313.

³⁷ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 204.

В результате политические идеи Макиавелли через их отражение в сочинениях просветителей естественным образом вошли в систему новоевропейских представлений о праве и государстве, причем особенно большое значение они имели для формирования классического европейского либерализма.

6

Глубоко скрытая философская подоснова политической теории Макиавелли гораздо медленнее пробивала себе дорогу к пониманию и воплощению в последовательные философские теории. Первой из таких теорий, в которой можно обнаружить определенное влияние Макиавелли, стала историософская концепция Джамбаттисты Вико. Как мы помним, высшей ценностью в общественном развитии Макиавелли считал благо нации, по существу, именно нацию он рассматривал в качестве подлинного субъекта истории; столкновение национальных образований — это и есть основная причина исторических событий, самого движения истории. Никакой иной причины, более высокой, чем устремления нации, Макиавелли в истории не видел и не признавал. Этот ключевой принцип и лег в основу теории Дж. Вико, который попытался понять человеческую историю как мозаичную картину возвышений и падений отдельных наций. Позже по этому же пути пошли в своих философских построениях Я. Данилевский и О. Шпенглер.

Но по-настоящему значимым влияние идей Макиавелли стало только во второй половине XIX в., и связано это было с рождением «неклассической» философии, преодолевшей, наконец, традиции и стереотипы рационализма — в первую очередь в понимании общества и человека. Не случайно двумя мыслителями, наиболее непосредственно воспринявшими глубинную тенденцию философских исканий Макиавелли, стали К. Маркс и Ф. Ницше — «основоположники» новейшей философии, чьи имена в современных исследованиях постоянно оказываются рядом, несмотря на видимое различие их мировоззренческих интенций.

Смысл «неклассической» эпохи, начавшейся в философском развитии Европы во второй половине XIX в., заключается в окончательном преодолении тех стереотипов в понимании общества и человека, которые были созданы Средними веками и которые были лишь частично устранены в Новое время — не

столько устранены, сколько *модифицированы*. Средневековое мировоззрение подчиняло человека и общество божественной воле, а главным достоинством личности признавало следование за божественным Провидением и исполнение законов, данных человеку Богом. Новоевропейский рационализм не слишком сильно изменил соотношение «сил»: человек и общество по-прежнему признавались подчиненными высшему началу, теперь таким началом был Мировой Разум.

То же самое касалось понимания общества. Средневековые рассматривало общество как всецело обусловленное божественным замыслом о человеке и истории. Рационалистические модели общества, отвергая идею сверхъестественного, божественного установления общественных законов, сохранили представление о том, что эти законы заданы раз и навсегда, остаются неизменными — их источником является вечная и неизменная природа человека. Это означает, что все реально существующие общества и государства необходимо оценивать с точки зрения их идеальной модели, которая может быть получена на основании познания указанной неизменной природы человека. Наиболее точно это убеждение выразилось в концепции естественного права, составлявшей общее место почти всех новоевропейских теорий общества и государства.

В сочинениях Макиавелли мы также находим представление о неизменности природы человека и основных законов, по которым существует общество и протекает общественная жизнь людей. Но наряду с этим здесь содержится и прямо противоположная тенденция — понимание невероятной *пластичности* человека и форм его общественной жизни и, соответственно, признание условности всех самых «незыблемых» законов (мы уже говорили выше об этом противоречии, которое является своего рода критическим пунктом всей философии Макиавелли). Новая эпоха, эпоха «неклассической» культуры и «неклассического» мировоззрения востребовала именно эту тенденцию в философских взглядах Макиавелли.

Маркс делает выписки из сочинений Макиавелли, восторгается его яркими описаниями из «Истории Флоренции», наконец, в одной из основополагающих работ, в книге «Немецкая идеология», написанной совместно с Ф. Энгельсом, ставит Макиавелли на первое место в ряду мыслителей, открывших путь к совершенно новому пониманию общества: «...начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и других мыслителей Нового времени, не говоря уже о более ранних, сила изображалась как основа права; тем самым теоретическое рассмотрение политики

освобождено от морали, и по сути дела был выдвинут лишь постулат самостоятельной трактовки политики»³⁸.

Восторг, который вызывали рассуждения Макиавелли об обществе у Маркса, вполне понятен, ведь Маркс пытался создать *беспредпосылочную* теорию общества, в которой общество представляло бы как абсолютно самобытное бытие, не связанное ни законами природы, ни законами морали, ни законами человеческой природы. Самое главное в теории Маркса, то, что явно напоминает политические воззрения Макиавелли, — это убеждение в возможности отдельной («доблестной») личности, воспринявшей прогрессивную тенденцию общества и выражающей интересы прогрессивного класса, радикально повлиять на ход исторического процесса, направить развитие общества в благоприятное русло. При этом, как и в теории Макиавелли, в учении Маркса обнаруживается разительное противоречие. С одной стороны, общество *с необходимостью* переходит от одного состояния к другому, от одной общественно-экономической формации к другой. Но, с другой стороны, в идее коммунизма Маркса, в той форме, как она изложена в «Немецкой идеологии», заложено представление о «скачке» общества «из царства необходимости в царство свободы», т. е. о переходе в такую фазу развития, когда будущее оказывается *открытым* и определяется исключительно волей и устремлениями людей — прежде всего волей классовых вождей, лидеров, ведущих идеологов и политиков, «государей» в широком смысле этого слова.

Вторая тенденция в понимании общества была предельно вульгаризирована в конкретном приложении марксизма к политической реальности XX в. — особенно в России. В результате она вернулась к своим историческим «истокам» и породила идеологию откровенного волюнтаризма и «вождизма». В этом смысле представляется достаточно естественным совпадение тех методов политической борьбы, которые превозносил Макиавелли, и тех, которые взяли на вооружение наиболее решительные последователи Маркса — русские большевики во главе с В. Лениным.

Отвергая эту политическую практику, мы не должны забывать о том глубоко позитивном содержании, которое заключено в теории Маркса, — это представление о *свободе*, присущей обществу в целом, и о его особой «природе», не поддающейся описанию в терминах традиционной рационалистической философии.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 314.

фии и *творимой* человеком, человечеством, осознавшим свою ответственность в качестве полноправного и свободного субъекта истории.

Если Маркс в своих философских размышлениях об обществе пришел к представлению о «царстве свободы», которое ожидает общество и в котором произойдет окончательное «снятие» с него гнета мировой необходимости, то его младший современник Ф. Ницше искал философского обоснования для убеждения в безусловной, неограниченной свободе *отдельного человека*. И в этих поисках ему, как и Марксу, неоценимую помощь оказал Макиавелли.

В сочинениях Ницше очень мало указаний на те интеллектуальные влияния, которые определили складывание его философского мировоззрения. Тем весомее выглядит одно из прямых высказываний Ницше по поводу такого влияния. Произнося в книге «Сумерки идолов» гневную филиппику в адрес Платона и христианского платонизма, Ницше упоминает о тех, кто помог ему «излечиться от платонизма: «Моим отдыхом, моим пристрастием, моим *исцелением* от всякого платонизма был всегда *Фукидид*. Фукидид и, быть может, *principe* Макиавелли ближе всего родственны мне безусловной волей ничем себя не морочить и видеть разумность в *реальности* — а не в “разуме”, еще того менее в “морали”...»³⁹

Во всех своих работах — от самых ранних до самых поздних — Ницше неизменно видел в античном идеализме, родоначальниками которого выступили Парменид, Сократ и Платон, самую губительную тенденцию культуры, которая, соединившись позже с первохристианством, с учением Иисуса Христа, исказила его и превратила в непреодолимый барьер для развития человека, для раскрытия его творческой энергии; именно платонизм сделал позднейшее христианство формой господства «слабых» над «сильными». В высказываниях Ницше о христианстве проскальзывают почти буквальные совпадения с рассуждениями Макиавелли о негативной роли католической Церкви в жизни современной ему Италии.

«Христианство, — пишет, например, Ницше, — есть смертельная вражда к господам земли, к “знатным”, и вместе с тем скрытое, тайное соперничество с ними (им предоставляют «плоть», себе хотят *только* душу...). Христианство — это ненависть к *уму*, гордости, мужеству, свободе; это — *libertinage*

³⁹ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 626.

ума; христианство есть ненависть к *чувствам*, к радостям чувств, к радости вообще...»⁴⁰

Противопоставляя, подобно Макиавелли, раннее христианство, учение самого Иисуса Христа, той интерпретации этого учения, которая стала основой и орудием «власти» над людьми католической Церкви, Ницше утверждает, что только в его эпоху, через девятнадцать веков после Иисуса, пришла пора восстановить его учение и сделать действенным. «Только мы, — провозглашает Ницше, — *ставшие свободными* умы, имеем подготовку, чтобы понять то, чего не понимали девятнадцать веков... во все иные времена люди с бесстыдным эгоизмом желали только *своей* выгоды; воздвигли *церковь* в противоположность Евангелию...»⁴¹

По отношению к Ницше, точно так же как и по отношению к Макиавелли, до сих пор господствует масса предубеждений, ничего общего не имеющих с подлинным мировоззрением немецкого философа. Одно из таких предубеждений — представление о враждебности Ницше не только историческому христианству (католической Церкви), но и учению самого Иисуса Христа. На самом деле «парадокс Ницше» заключается в частности в том, что он с какой-то не вполне понятной теплотой относится к Иисусу и видит в его учении нечто чрезвычайно важное, то, что было потеряно его не слишком проницательными последователями.

Отвергая как ложные и вторичные все выдумки христианских «жрецов» о трансцендентном всемогущем Боге, о «Царстве Небесном» как запредельном идеальном бытии, о посмертном существовании в раю и т. п., Ницше утверждает, что главное в учении Иисуса — это сама его *жизнь*, в которой он продемонстрировал возможность для человека *быть абсолютным, совершенным*. «“Царство Небесное” есть состояние сердца, а не что-либо, что “выше земли” или приходит “после смерти”... “Час смерти” не есть христианское понятие. “Час”, время, физическая жизнь и ее кризисы совсем не существуют для учителя “благовестия”... “Царство Божье” не есть что-либо, что можно ожидать; оно не имеет “вчера” и не имеет “послезавтра”, оно не приходит через “тысячу лет” — это есть опыт сердца; оно повсюду, оно нигде... Этот “благовестник” умер, как и жил, как и *учил*, — не для “спасения людей”, но чтобы показать, как нужно жить»⁴².

⁴⁰ Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 647.

⁴¹ Там же. С. 661.

⁴² Там же. С. 660.

Эти рассуждения, в которых Ницше и восхищается Иисусом, и «спорит» с ним, гораздо больше говорят о сути его философии, чем более известные, но менее искренние высказывания, в которых он предстает «антигуманистом», «аморалистом», «атеистом» и т. п. Философия Ницше направлена на раскрытие *абсолютности* человека, достигаемой не в какой-то иной жизни и не благодаря Богу или иным «высшим» силам, а в земной жизни и силами самого человека. Человек *больше* того, что он есть. В нем самом скрыты самые могущественные и *благие* силы бытия, и только от него самого зависит, сумеет ли он раскрыть их и поставить на службу благородным и возвышенным целям жизни⁴³.

Идея *абсолютной власти* человека над своей судьбой и дополняющая ее идея *ответственности* за свои поступки — вот что составляет главное позитивное содержание рассуждений Ницше. А также и идея *бесконечного творческого развития* человека, способности человека быть творческим центром мира, способности преодолеть свою подчиненность миру и его необходимости. Именно эти идеи сделали Ницше одним из основоположников новейшей философии — вместе с С. Кьеркегором, Ф. Достоевским, К. Марксом и другими великими мыслителями конца XIX в., по новому осмыслившими загадку человеческого бытия⁴⁴. Европейская философия несколько столетий шла к такому пониманию человека, ставшему основой нового этапа ее развития; и в самом начале этого пути возвышается величественная фигура Макиавелли, впервые осмелившегося прямо сказать о гордом одиночестве и безграничном дерзании «доблестной» личности, не признающей над собой никакой более высокой и более властной инстанции.

⁴³ Отметим, что именно так интерпретировали философию Ницше известные русские философы начала XX в. (см., например, статью С. Л. Франка «Фр. Ницше и этика “любви к дальнему”» и книгу Л. Шестова «Достоевский и Ницше (философия трагедии)»).

⁴⁴ Подробнее см. в статье: Евлампиев И. И. Достоевский и Ницше: на пути к новой метафизике человека // Вопросы философии. 2002. № 2.

А. С. АЛЕКСЕЕВ

Макиавелли как политический мыслитель *

Credo che il maggiore bene, che si faccia e il più grato a Dio è quello, che si fa alla sua patria.

*Machiavelli*¹⁾

ПРЕДИСЛОВИЕ

Das beste, was der Mensch zu leisten vermag, besteht nicht in dem, was er thut, sondern in dem, was er in edlen und tüchtigen Geistern anregt.

*A. Feuerbach*²⁾

В 1877 г. появилось новое исследование о Макиавелли: «Machiavelli e il suo tempo» Виллари³⁾. Если прежние ученые, писавшие о флорентийском секретаре⁴⁾, ограничивались толкованием и критической оценкой воззрений Макиавелли и не исследовали тех исторических условий, которые определили эти воззрения, то Виллари все свое внимание сосредоточивает на изучении жизни автора «Князя»⁵⁾ и той исторической эпохи, которая связана с именем Макиавелли. Он не подвергает анализу воззрений Макиавелли, а считает эти воззрения вполне выясненными прежними критиками и лишь задается вопросом: как и при каких условиях сложилась политическая доктрина флорентийского секретаря?

Задача и методы книги Виллари заслуживали бы полного сочувствия, если было бы верно то предположение, из которого

* В данной публикации изменен порядок оформления примечаний, принятый в серии. Все подстрочные примечания автора даны под звездочкой (*). Примечания, вынесенные А. Алексеевым в конец книги, обозначены цифрой со звездочкой (1*, 2* и т. д.) и даны также под строкой. Примечания и комментарии составителя вынесены в конец книги (раздел «Комментарии») и обозначены цифрой со скобкой (напр., 1), 2) и т. д.). — *Ред.*

выходит итальянский историк, т. е. если бы сочинения Макиавелли не нуждались более в изучении и в истолковании.

На самом же деле это не так: политическая доктрина флорентийского секретаря, несмотря на ту богатую литературу, которую она вызвала, еще далеко не созрела для исторической критики. Изучение сочинений автора «Князя» и знакомство с литературой о Макиавелли убедили нас, что приписываемые флорентийскому секретарю воззрения далеко не соответствуют действительному смыслу его учения, и что целый ряд мыслей Макиавелли, всего ярче освещающих его политические убеждения и философскую подкладку его учения, или оставались по сие время незамеченными, или ложно истолковывались. А пока воззрения известного писателя еще не изучены и не истолкованы с достаточной основательностью и полнотою, до тех пор и объяснение этих воззрений условиями времени может повести лишь к ложным и совершенно произвольным выводам, как то и доказывает книга Виллари *.

Выходя из этого убеждения, мы, приступив к нашему труду, поставили себе прежде всего задачею изучить сочинения Макиавелли и на основании такого изучения восстановить мирозерцание флорентийского секретаря, проникнуть глубже в его философские воззрения и свести в цельную и законченную систему его отдельные положения. Большинство писателей ограничивается выпиской некоторых мест из сочинений Макиавелли, наиболее выдающихся по своей резкости и оригинальности **;

* Виллари, очевидно, не взял на себя труда самостоятельно изучить сочинения Макиавелли и не сумел освободиться из-под влияния господствующих в современной литературе воззрений на нравственное достоинство политических правил Макиавелли: он примыкает к воззрениям, высказанным Маттером и Франком (см. ниже с. 210), и старается объяснить, как сложилось у Макиавелли воззрение на политику как на область, в которой нравственные правила неприменимы. Наше исследование покажет, что Макиавелли никогда не помышлял о таком отделении политики от морали: весь труд Виллари, вся его эрудиция, весь ученый аппарат потрачены, таким образом, на объяснение доктрины, которую на самом деле никогда не проповедовал автор «Князя» и которую Виллари не приписал бы Макиавелли, если бы изучил беспристрастно творения флорентийского секретаря и не доверился бы авторитету вышеупомянутых ученых.

** Писатели старой школы, в особенности: *Gentillet*. Discours sur les moyens de bien gouverner et maintenir en paix un royaume ou autre principauté?.. Contre N. Machiavel. 1579; *Mazeres*. De Machiavel et de l'influence de sa doctrine sur les opinions, les mœurs et la politique de la France pendant la révolution. 1816; Machiavel où morceaux choisis et

гие передают вкратце содержание его политических трактатов, не упоминая об его поэтических произведениях и исторических трудах и не обращая никакого внимания на его философские воззрения *; третьи, наконец, стараются выяснить себе и те основные начала, на которых покоится учение Макиавелли, но не берут на себя труда проследить развитие этих начал и применение их к отдельным вопросам практической политики **.

Первая часть нашего труда представляет собою попытку пополнить этот пробел в литературе о Макиавелли. Цель ее — выяснить мирозерцание Макиавелли и развернуть перед читателем цельную картину политического учения автора «Князя».

Такое систематическое изложение воззрения Макиавелли — задача нелегкая. Макиавелли нигде не излагает своего мирозерцания и не развивает своих воззрений на мораль, религию и государство, а выставляет лишь отдельные положения и практические правила. Эти правила и положения разбросаны по его многочисленным сочинениям, и лишь сопоставляя их между собою, вникая в их внутреннюю связь и стараясь раскрыть ту логическую нить, которая объединяет их, можно восстановить основные философские воззрения, на которых покоится все учение Макиавелли.

Изложив в первой части нашей книги учение Макиавелли как систематическое целое, мы во второй части делаем попытку проследить генезис этого учения и задаемся вопросом: как и при каких условиях сложились философские воззрения Макиавелли?

Этим вопросом задается и Виллари в своей исторической монографии «Machiavelli e il suo tempo». Он разворачивает перед нами картину культурного быта Италии в эпоху Возрождения, затем излагает биографию Макиавелли в связи с историей его времени и старается показать, как постепенно слагались его политические воззрения под влиянием пережитых им событий и впечатлений, испытанных им на пути его служебной деятельности. Такова же была первоначально и программа второй части нашего исследования, но внешние обстоятельства, не позволившие нам воспользоваться материалом, необходимым для выполнения этой

pencées de cet écrivain par Mr. L. H***; *Hoffmann*. Euvres. Vol. VIII; Critique. Vol. V. 1831; из новейших писателей — *Janet Paul*. Histoire de la science politique des trois derniers siècles. 1872. V. II.

* *Bluntschli*. Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik. 1867; *Чичерин*. История политических учений. Т. I.

** *Franck Ad*. Reformateurs et publicistes de l'Europe. 1864; *Ferrari*. Machiavel, juge des revolutions de notre temps. 1849; *Vorländer*. Geschichte der philosophischen Moral-Rechts und Staats-Lehren. 1855.

программы, и желание не откладывать выхода нашего труда, знакомого читателя с результатами нашего изучения сочинений Макиавелли, побудили нас изменить этот первоначальный план и ограничиться исследованием тех сторон затронутого нами во второй части вопроса, которые не нашли себе должного освещения в книге Виллари. Итальянский историк, как нам кажется, не воспользовался тем богатым материалом, который заключается в самих произведениях Макиавелли и в особенности в его посольских донесениях и письмах. Его биография Макиавелли не столько говорит о Макиавелли, сколько о тех событиях, которые разыгрались на его глазах; он нередко пускается в очень подробное и крайне обстоятельное изложение эпизодов, не оставивших по себе никаких следов на политической доктрине Макиавелли. С другой же стороны, он упускает из виду целый ряд свидетельств в посольских донесениях Макиавелли, прямо указывающих на то, как и когда зародились зачатки тех воззрений Макиавелли, которые подробно развиты и обоснованы им в его политических трактатах. Ограничиваясь во второй части нашего труда изучением посольских донесений и писем Макиавелли в связи с позднейшими трактатами, мы стараемся пополнить эти недостатки и пробелы в труде Виллари и доказываем, что политическое учение Макиавелли не что иное, как ответ на вопрос, как должно быть устроено государство, чтобы оно не страдало теми недугами, которыми была заражена современная ему Флоренция; что все основные положения Макиавелли, выясняющие нам его воззрения на происхождение и сущность морали, на воспитательную задачу государства и на те условия, которые благоприятствуют развитию гражданских добродетелей, суть, во-первых, последствия его взгляда на природу человека, сложившегося в течение его долголетней общественной деятельности, во-вторых, результат его наблюдений над испорченностью итальянского народа и его размышлений над причинами этой испорченности.

Изложив в первой части нашего труда учение Макиавелли, объяснив во второй как и при каких обстоятельствах сложилось это учение, мы в третьей и последней части нашего исследования подвергаем это учение критической оценке и стараемся определить то место, которое занимает Макиавелли в истории политических учений. Эта часть, в свою очередь, распадается на три отдела. В первом отделе мы указываем на отношение учения Макиавелли к политической доктрине средних веков. Так как никакой преемственной связи между воззрениями средневековых писателей и учением Макиавелли не существует, то мы указываем лишь вкратце и в самых общих чертах на ту резкую грань,

которая отделяет мирозерцание Макиавелли и его учение о государстве от тех воззрений, которые господствовали в средние века. Во втором отделе мы определяем то отношение, в котором Макиавелли стоял к политической доктрине своего времени и, дабы иметь более твердую точку опоры, останавливаемся на главном представителе этой доктрины и проводим параллель между воззрениями Гвиччардини и Макиавелли. В третьем отделе мы рассматриваем воззрения Макиавелли, оказавшие влияние на дальнейший ход политической мысли; останавливаемся подробно на той преемственной связи, которая, по нашему мнению, существует между учением Макиавелли и утилитарными теориями XVIII и XIX вв., и заканчиваем наш труд исследованием вопроса: что могло побудить писателя, так горячо и искренно преданного политической свободе, написать трактат о тирании?

Этот беглый обзор содержания нашего труда должен был убедить читателя, что наша книга не представляет собою цельного и законченного исследования о Макиавелли, а является не чем иным, как рядом этюдов о вопросах, которые или совсем упущены из виду, или недостаточно обследованы критиками и истолкователями политической доктрины флорентийского секретаря.

Цель этих этюдов — доказать, наперекор господствующим в современной литературе воззрениям, что Макиавелли рассматривал политические вопросы не с односторонней точки зрения практического политика, а изучал явления государственной жизни в связи со всеми влияющими на них условиями, что он не только не отрицал морали, а, напротив, считал нравственные требования обязательными для политика и видел в гражданских добродетелях главное основание общежития, что он с неумолимой логикой доказывал развращающее влияние деспотизма на народные нравы и видел в республике государственную форму, которая одна может примирить противоположность общественных интересов, обеспечить материальное благосостояние народа и раскрыть этому народу путь к нравственному просветлению.

Мы думаем, что эти воззрения Макиавелли имеют интерес не только для историка политической мысли, но и для всякого, задумывающегося над основными проблемами политической науки. Вполне сознавая недостатки и пробелы в нашем труде, мы утешаемся надеждою, что наше исследование, впервые осветившее и развившее эти воззрения Макиавелли, найдет среди русской публики внимательных и благосклонных читателей.

А. С. Алексеев
Москва, 18 декабря 1879 г.

В в е д е н и е ЛИТЕРАТУРА О МАКИАВЕЛЛИ

On rencontrerait difficilement dans l'histoire de la philosophie et des lettres un nom tour à tour plus flétri et plus exalté, un génie plus deversément et plus mal compris, des écrits plus cités et moins lus, que le nom, le génie et les écrits de Machiavel.

*Ad. Franck*⁶⁾

Литература о Макиавелли настолько обширна и поучительна, что вызвала целый ряд исследований, между которыми по полноте библиографических указаний, по добросовестному, спокойному и беспристрастному отношению к рассматриваемым писателям первое место принадлежит, бесспорно, труду Моля «Die Machiavelli Litteratur». В этом исследовании немецкий ученый собрал все сколько-нибудь замечательные отзывы и мнения о Макиавелли как о политическом писателе, изложил их в систематическом порядке и подвергнул их критической оценке с точки зрения своего воззрения на достоинство политических трактатов флорентийского секретаря.

В предлагаемом обзоре главнейших сочинений, посвященных Макиавелли, мы поставили себе иную задачу. Наша цель, во-первых, показать, как сложились те ложные воззрения на Макиавелли, которые держатся еще по сие время в литературе и обществе, во-вторых, объяснить, в силу каких причин возникли эти воззрения, в-третьих, определить, что по наше время сделано для понимания Макиавелли и что еще остается сделать. Такой обзор укажет нам на пробелы в литературе о Макиавелли и выяснит нам, какой методе мы должны следовать при изучении творений флорентийского секретаря, чтобы не впасть в заблуждения и ошибки его прежних критиков и комментаторов^{1*}.

Трактаты Макиавелли вызвали в Италии богатую политическую литературу^{2*}, самым замечательным представителем кото-

^{1*} *Periès*. Oeuvres de Machiavel. Paris, 1823. Vol. I; *Artaud*. Machiavel, son génie et ses erreurs. Paris, 1832; *Mohl*. 1) Geschichte; 2) Litteratur der Staatswissenschaften. Erlangen, 1858. Bd. III.

^{2*} *Botero*. Della Ragione di Stato; *Gianotti*. Libro della repubblica de' Veneziani; Vita ed azioni di Girolamo Savorgnano; Discorso sopra il fermare il Governo di Firenze l'anno 1527; Discorso intorno alla forma della repubblica di Firenze; Della repubblica Fiorentina; Discorso delle cose

рой должно считать Гвиччардини. Этот государственный муж, политический писатель и историк, написал непосредственно по появлению в печати политических трактатов Макиавелли критические замечания на рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия. В этих замечаниях, свидетельствующих о добросовестном и основательном изучении сочинений флорентийского секретаря, Гвиччардини подвергает отдельные положения Макиавелли обстоятельной и беспристрастной критике. Он не соглашается с воззрением Макиавелли на преимущества национальных войск над наемными^{3*}, старается опровергнуть доводы, которыми автор «Князя» подкрепляет свой взгляд на языческую религию как на одну из причин римского величия^{4*}, отрицает, что борьба патрициев с плебеями содействовала упрочению свободы в Риме^{5*}, и не разделяет воззрения Макиавелли на достоинства народного правления^{6*}. Но эти возражения не касаются тех сторон политического учения Макиавелли, которые вызвали такие страстные нападки со стороны позднейших критиков. Гвиччардини не только не считает политические советы Макиавелли безнравственными, но находит их, напротив, вполне разумными и целесообразными^{7*}, и весь тон его воззрений свидетельствует о том уважении, с которым он относится к своему знаменитому предшественнику. И у других политических писателей Италии XVI века мы замечаем то же самое отношение к Макиавелли. Никто не обвиняет его в безнравственности, а все признают в нем глубокого мыслителя, тонкого наблюдателя, остроумного писателя. Мы будем иметь ниже случай подробно разобрать политические воззрения Гвиччардини и его полемику с Макиавелли, здесь же мы констатируем лишь тот важный и поучительный факт, что первый критик Макиавелли, изучивший его трактаты без всякой предвзятой мысли и находившийся в политических условиях, которые

d'Italia; Discorso sopra il riordinare la repubblica di Siena; *Uberto Foglietta*. La Repubblica di Genova; *Scipione Ammirato*. Discorsi sopra Cornelio Tacito; *Bartolomeo Cavalcanti*. Trattati sopra gli ottimi reggimenti delle repubbliche antiche e moderne; *Francesco Sansovino*. Del Governo et amministrazione di diversi Regni e Repubbliche cosi antiche come moderne.

^{3*} Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio (Opere inedite di Francesco Guicardini. Firenze, 1857. Vol. I. P. 69—70, 61, 62).

^{4*} Ibid. P. 26—27.

^{5*} Ibid. P. 12, 16.

^{6*} Ibid. P. 43—47, 52, 53, 54—59.

^{7*} Ibid. P. 22—24, 42—43, 66—67.

служили ему ключом к пониманию и верной оценке Макиавелли, не обвиняет его в безнравственности и не впадает в ошибки и заблуждения последующих критиков, верному суждению которых, как мы сейчас увидим, мешали религиозные и политические тенденции.

Первыми обличителями Макиавелли выступают богословы, иезуиты и монахи^{8*}. Известно, что Макиавелли стоит на светской почве и относится индифферентно к различным вероисповеданиям, что он приписывал религиозному воспитанию католической Церкви развращающее влияние на общественные нравы, что он видит в языческой религии одну из причин величия Рима, и что он объясняет разъединение и раздробленность Италии политикою пап. Против этих-то воззрений, противоречащих христианскому мирозерцанию и учению католической Церкви, и вооружаются первые порицатели Макиавелли. Они выхватывают их из той общей цепи умозаключений, выяснив которую, только и можно понять их настоящий смысл и значение, и доказывают их ложность, основываясь на свидетельствах Св. Писания, приводя примеры из библейской истории и жития святых и ссылаясь на авторитеты Отцов Церкви и средневековых писателей^{9*}. Чтобы поколебать авторитет Макиавелли, они изобличают его в невежестве, утверждают, что он ничего не смыслил в политике и что он обязан своими ссылками на древних писателей своим друзьям, снабдившим его необходимыми цитатами^{10*}. Желая придать бóльшую убедительность своим доводам и подкрепить свой взгляд на Макиавелли как на атеиста и безбожника, они не только представляют его писателем, лишенным всякого нравственного чутья,

^{8*} *Polus*. Apologia ad Carolum V super libro de unitate Ecclesiae. 1744. Elogia Doctorum Virorum ab aorum memoria publicatis ingenii monumentis illustrium Authore *Paulo Iovio* Novocomense, episcopo Nucерino Antverpiae 1557; *Hieronymi Osorii* Lusitani De nobilitate civili libri II; ejusdem de nobilitate christiana libri II. Florentia, 1552. *Antonii Possevinii* e societate Iesu judicium de Nuae milites, Galli Ioannis Bodini, Nicolai Machiaueli et Antemachiaueli quibusdam scriptis. Lugduni, 1594 и мн. др.

^{9*} См. между прочим: *Possevinus*. P. 131, 134; *Osorius*. P. 201, 218.

^{10*} *Possevinus*. Diximus alibi non defuisse Machiauello ingenium et acumen, sed defuisse pietatem et *usum rerum*. *Iovius*: Qui non miretur in hoc Machiauello tantum valuisse naturam, ut in nulla vel certe mediocri literata cognitione, ad justum recte scribendi facultatem, pervenire poterit... Constat eum, sicuti ipse nobis fatebatur a Marcello Virgilio... Graecae atque Latinae linguae flores accepisse, quos scriptis suis insereret⁷⁾.

но и стараются заподозрить его личный характер и сочиняют про него небылицы с целью набросить тень на его частную жизнь и общественную деятельность^{11*}. Они не скупятся на сильные выражения и осыпают бессовестного безбожника ругательствами, делающими честь их изобретательности^{12*}. Самые хлесткие и смелые обличительные трактаты были написаны людьми, вовсе не читавшими сочинений Макиавелли и знакомыми с его воззрениями лишь понаслышке^{13*}. О серьезной критике политического учения Макиавелли у этих писателей не может быть и речи. Их интересует Макиавелли не как политический писатель, а как враг светского владычества пап, как свободный мыслитель, не признававший авторитета католической Церкви. Если они и упоминают о некоторых политических правилах, встречающихся в «Il Principe», то лишь для того, чтобы извратить их смысл, изобличить Макиавелли в безнравственности, унижить его в глазах читателя и возбудить негодование против писателя, осмелившегося усомниться в законности светских притязаний пап^{14*}. Острые их полемики направлены не столько против Макиавелли, сколько против светского мирозерцания вообще и против лжеучений, которые были вызваны расколом в западной Церкви.

Если сочинения этих писателей, впервые вооружившихся против Макиавелли, и лишены всякого научного значения, то они тем не менее важны для нас в том отношении, что показывают, где должно искать настоящий источник тех ложных воззрений, которые выставляют Макиавелли безнравственным писателем. Этот источник — невежество и беззастенчивость в союзе с религиозными предрассудками и фанатизмом учеников Лойолы.

Вслед за иезуитами и монахами выступили и светские писатели, вооружившиеся против Макиавелли не во имя религии, а из политических мотивов. К этим писателям принадлежат Боден и Жантийе. О полемике Бодена с Макиавелли мы будем иметь случай говорить ниже; здесь же ограничимся краткой характеристикой книги Жантийе^{15*}. Мотивы, цель и метода этой книги как нельзя яснее вытекают из предисловия, которое Жантийе пред-

^{11*} Напр., *Polus* и *Iovius*.

^{12*} *Possevinus*: *Sceleratum satanum organum* (p. 129); *Osorius*: *impurus scriptor atque nefarius*⁸⁾ (p. 199).

^{13*} *Possevinus*.

^{14*} *Possevinus* и *Bozius*. *De imperio virtutis, sive imperia pendere a viris virtutibus, non a simulatis*. Coloniae, 1598.

^{15*} *Gentillet*. *Discours sur les Moyens de bien gouverner et maintenir en bonne paix un Royaume ou autre Principauté... Contre Nicolas Machiavel florentin*. Genève, 1579⁹⁾.

посылает своему труду. В этом предисловии он говорит между прочим следующее: «Моя цель показать, что Макиавелли ничего или по крайней мере очень мало смыслит в политической науке, и что он выставляет жестокие правила, на которых и построил науку не политическую, а тираническую... Макиавелли был невежда в политических делах. Да он и не соединял в себе тех условий, которые необходимы для понимания политической науки. Он не обладал опытом; да и иметь его не мог, ибо ничего не видал на своем веку, кроме ссор и передраг некоторых мелких тиранов Италии. В истории он также был круглый невежда. Основательных и твердых суждений мы у него не замечаем, его аргументация поверхностна и свидетельствует лишь об его умственном бессилии. Он обладал некоторым остроумием, но это остроумие служит ему лишь для того, чтобы придать соблазнительную окраску злым и безнравственным советам...^{16*} О жизни и смерти Макиавелли я ничего сказать не могу, да, по правде сказать, и не старался наводить справок о жизни человека, память которого заслуживает вечного забвения. Но я тем не менее решаюсь утверждать, что никогда не существовало человека, который до такой степени был бы погружен в омут пороков, как этот флорентиец. Из его предисловия к “Князю” видно, что он был изгнан из Флоренции и жил в ссылке... И в некоторых других местах он рассказывает нам, что он жил то во Франции, то в Риме, то в других городах не в качестве посланника (ибо в таком случае он не преминул бы упомянуть об этом), а ссыльным и беглецом^{17*}. Кроме книги о князе, он написал еще рассуждения о первых десяти главах Тита Ливия. Здесь он выхватывает отдельные места из Ливия, пересыпая их примерами из истории мелких итальянских княжеств. Он писал также о военном деле, но тут приходится удивляться только той смелости, с которой он говорит о предмете, совершенно ему незнакомом^{18*}. Я свел отдельные положения Макиавелли к общим правилам, которые и разделил на три группы. Я не мог следовать порядку изложения Макиавелли, ибо мне пришлось бы в таком случае возвращаться к одному и тому же вопросу по несколько раз...^{19*} Если мне скажут, что я выворачиваю лишь одну дурную сторону учения Макиавелли, то я отвечу, что все, что принадлежит Макиавелли, никуда не годится. Если он выставляет иногда и хорошие правила других авторов, то луч-

^{16*} *Gentillet. Discours...* P. 4.

^{17*} *Ibid.* P. 5.

^{18*} *Ibid.* P. 18.

^{19*} *Ibid.* P. 5.

ше познакомиться с этими правилами в сочинениях самих авторов, где они гораздо более на месте, чем у Макиавелли»^{20*}. Еще интереснее те места предисловия, в которых Жантийе говорит о мотивах, побудивших его написать свою книгу. «При Франциске I и Генрихе II сочинения Макиавелли, — говорит Жантийе, — не читались, и Францией управляли люди, верные древним обычаям и преданиям старины. Со смертью же Генриха вторглась во Францию итальянская или, лучше сказать, флорентийская система правления, проповедуемая Макиавелли, так что с этого времени имя этого флорентийца сделалось знаменитым и уважаемым, как имя мудрейшего во всем мире человека. И этому нечего удивляться, ибо все любят следовать обычаям своей страны (намек на Екатерину Медичи)^{21*}. Двор кишит итальянцами, и если хочешь чего добиться, нужно уметь объясниться на языке этих иноземцев. Итальянцы управляют Францией, издают законы, пишут предписания, ведут внешнюю и внутреннюю переписку, занимают лучшие места, заведуют королевскими доменами^{22*}. В древнее время Франция управлялась законами, она наслаждалась миром и спокойствием, теперь же, когда во Франции царствуют макиавеллисты, законы попираются, внутренний мир нарушен, торговля и промышленность в упадке^{23*}. Если меня спросят, из чего я заключаю, что современная Франция управляется Макиавелли, то я отвечу следующее: известный образ действия вытекает из общих правил, а если мы посмотрим на образ действий современных правителей Франции, то увидим, что он вполне согласуется с правилами, проповедуемыми Макиавелли»^{24*}. В заключении Жантийе обращается с воззванием к правителям Франции, умоляя их покинуть путь атеизма, безбожия, вероломства, тирании, жестокости, грабежа, вымогательств (*atheisme, impiété, perfidie, tyrannie, cruauté, pilleries, usures*). «Неужели вы допустите, — восклицает он, — чтобы эти итальянцы сеяли атеизм и безнравственность в вашей стране, чтобы они воздвигали школы безбожия. Не забудьте, что Франция всегда свято хранила христианскую религию, что наши древние короли своим благочестием и религиозностью заслужили столь почетный титул христианских королей»^{25*}. Из этого предисловия как нельзя яснее вытекает, что цель книги Жантийе — не изу-

20* Ibid. P. 6.

21* Ibid. P. 10.

22* Ibid. P. 11.

23* Ibid. P. 12.

24* Ibid. P. 11.

25* Ibid. P. 10.

читать политическое учение Макиавелли, а изобличить в безбожии и безнравственности людей, стоявших во главе Франции. Его нападки направлены не против Макиавелли, а против Екатерины Медичи и ее сподвижников. Вооружаясь не против настоящих виновников возмущавшей его политической системы, а против писателя, давно замолкнувшего, Жантийе мог дать волю своему негодованию и свободнее рассуждать о тех недугах, которыми страдало его отечество. И, чтобы вернее достигнуть своей цели, он упоминает лишь о тех местах в сочинениях Макиавелли, которые могли напомнить читателю ту политическую систему, которая возмущала лучших людей Франции. По поводу этих мест Жантийе пускается в пространные рассуждения о политическом состоянии Франции, о его недостатках и о тех средствах, с помощью которых они могли бы быть устранены. Не находя у Макиавелли всех тех политических правил, против которых он считает необходимым вооружаться, Жантийе или извращает смысл слов Макиавелли, или приписывает ему воззрения, которые никогда не высказывал автор «Князя»^{26*}. Чтобы вызвать в читателе негодование против политической доктрины Макиавелли, Жантийе, как и его предшественники иезуиты и монахи, выставляет его извергом рода человеческого. Мы привели выше слова Жантийе, из которых видно, каким путем он приходит к этому выводу.

Мы остановились подробнее на книге Жантийе, ибо книга эта имела большой успех: она выдержала несколько изданий, была переведена на иностранные языки и вызвала целый ряд сочинений, написанных в том же духе^{27*}. Жантийе первый пустил в обращение слово «макиавеллизм» для обозначения политики, которая пренебрегает нравственными правилами и считает всякое средство дозволенным, как скоро оно ведет к желанной цели. С его легкой руки это слово укоренилось в литературе и обществе и установилось мнение, будто Макиавелли в своих сочинениях возвел в теорию политику виновников Варфоломеевской ночи.

Воззрения, приписанные Макиавелли рассмотренными нами писателями, не могли не возбудить всеобщего интереса и любопытства. Изучение писателя, открыто проповедовавшего безбожие и политическое коварство, должно было казаться многим благодарной темой для ученых диссертаций и рассуждений. И вот выступает целый ряд писателей, для которых политические правила Макиавелли, собранные и истолкованные Жантийе, служат

^{26*} *Gentillet. Discours...* P. III.

^{27*} *Mohl. Litteratur der Staatswissenschaften.* P. 550 (примеч. 1).

поводом для рассуждений о недозволительности безнравственных средств в политике и о преимуществе добродетели над пороком. Перечислять эти сочинения, а тем более передавать их содержание мы не будем, так как все они свидетельствуют о незнакомстве авторов с писателем, о котором рассуждают, и суть не что иное, как плоские и бессодержательные рассуждения с точки зрения прописной морали о некоторых местах из сочинений Макиавелли, выхваченных наудачу и нередко искаженных до неузнаваемости^{28*}.

Интереснее сочинения тех писателей, которые взяли на себя труд прочитать если не все сочинения Макиавелли, то по крайней мере его главнейшие политические трактаты и заметившие, что суждения предшествующих критиков противоречат воззрениям Макиавелли и не согласуются с общим смыслом его политического учения. Одни из них обращают особенное внимание на те места в сочинениях Макиавелли, которые опровергают главнейшие возводимые на него обвинения и противопоставляют эти места приписываемым Макиавелли воззрениям. Так, например, поступает Амело де ла Гуссе^{29*}. Мнение, будто Макиавелли был атеистом, он опровергает тем, что приводит 12-ю гл. I кн. и 1-ю гл. III кн. «Discorsi»¹⁰), в которой Макиавелли говорит о важном значении религии для государственной жизни; неосновательность воззрения, будто Макиавелли был приверженцем тирании, он доказывает тем, что обращает внимание читателей на 10-ю гл. I кн. «Discorsi», где Макиавелли хвалит основателей республики и порицает основателей тирании. Другие писатели стараются объяснить жестокость и суровость политических правил, встречающихся в «Il Principe», или тем, что задача Макиавелли — указать на те средства, которыми вводятся и поддерживаются государственные учреждения, и что эти средства не могут быть всегда гуманными, как не могут быть всегда приятными больному лекарства, прописываемые врачом^{30*}, или тем, что Макиавелли предлагает советы лишь новому князю^{31*} или князю, завладев-

^{28*} *Фридрих Великий*. Antimachiavel. Oeuvres. Vol. VIII; *Mazeres*. De Machiavel et de l'influence de sa doctrine sur les opinions, les mœurs et la politique de la France pendant la révolution. Paris, 1816.

^{29*} A. N. *Amelot de la Houssaye*. Le Prince de Nicolas Machiavel. Amsterdam, 1683.

^{30*} *Guillaume Cappel*. Le Prince de Nicolas Machiavel traduit d'italien en françois. 1553.

^{31*} *Ioh. Friderici Christi*. De Nicolo Machiavello libri tres. Lipsiae, 1731.

шему престолу незаконными средствами^{32*}. Третьи, наконец, обращают особенное внимание на те страницы в сочинениях флорентийского секретаря, в которых Макиавелли является открытым защитником политической свободы и непримиримым врагом тирании. Они задались вопросом: как мог писатель, так горячо защищавший республиканский строй, написать книгу, в которой он предлагал советы тирану? Чтобы ответить на этот вопрос, они пускаются в различные догадки, между которыми наибольший успех имела мысль, высказанная Джентилисом^{33*}, повторенная Руссо^{34*11)} и подробнее развитая Альфьери^{35*}. Эти писатели объясняют политическую тенденцию «Il Principe» тем, что Макиавелли хотел будто бы выставить в этой книге всю гнусность деспотизма и предостеречь народ от сетей, расставляемых тиранами.

Все эти писатели не столько изучают сочинения Макиавелли, сколько стараются защитить Макиавелли от возводимых на него обвинений. И эта полемика увлекает их в противоположную крайность, мешает им спокойно и беспристрастно относиться к разбираемому писателю и согласовать кажущиеся противоречия в воззрениях Макиавелли основательным изучением этих воззрений. Но это новое направление в литературе о Макиавелли имело то важное последствие, что воззрения на автора «Князя» как на безнравственного писателя и приверженца тирании перестало быть господствующим, и что была освещена другая сторона в учении Макиавелли, которая оставалась до того времени в тени. Последующие писатели должны были считаться с этими противоположными воззрениями и, стараясь примирить их, — глубже вникнуть в учение Макиавелли и обратить внимание на те исторические условия, которые определили его политические убеждения и воззрения.

Краткому обзору сочинений этих новейших критиков мы должны предпослать несколько общих замечаний.

Критики XIX в. унаследовали от своих предшественников воззрение на Макиавелли как на писателя, считавшего всякое средство дозволенным, как скоро оно ведет к желанной цели. Кроме того, литература предшествующих веков выставила на первый план вопрос о том противоречии, которое будто бы су-

^{32*} *H. Conringius*. Animadversiones politicae in Machiavelli principem. Helmstadt, 1686.

^{33*} *Gentilis*. De legationibus.

^{34*} *Rousseau*. Contrat social.

^{35*} *Alfieri*. Del Principe e delle lettere.

ществом между «Discorsi» Макиавелли и его «Il Principe». Исследование этих двух вопросов и составляет главное содержание критических статей, посвященных Макиавелли. Все писавшие о флорентийском секретаре стараются прежде всего объяснить безнравственность политических советов Макиавелли и тот факт, что писатель, являющийся в одном сочинении защитником политической свободы, предлагает в другом советы тирану. И эти вопросы увлекают их до такой степени, что они не обращают должного внимания на те воззрения Макиавелли, которые не могут служить им материалом для разрешения этих вопросов. Стараясь объяснить индифферентное будто бы отношение Макиавелли к предписаниям морали, они обращаются к изучению его времени, рассуждают об общей распущенности нравов в эпоху Возрождения и раздробленности Италии и т. п., и эти исторические исследования заслоняют главную цель их труда — объяснить политические воззрения Макиавелли. Другие же, рассуждая о доктрине флорентийского секретаря, наталкиваются на вопросы об отношении политики к морали и отводят этому вопросу широкое место в своих исследованиях. Третьи, наконец, разбирая мнения ученых, писавших о Макиавелли, теряются в этом хаосе противоречивых мнений и отказываются от самостоятельного суждения о значении Макиавелли как политического писателя^{36*}. Благодаря, таким образом, во-первых, разноречию в воззрениях на Макиавелли, во-вторых, тому, что к изучению Макиавелли приплетаются посторонние вопросы, долженствующие занять в исследованиях о Макиавелли лишь второстепенное место, в-третьих, тому, что рассуждения о Макиавелли сводятся к рассуждениям о причинах безнравственности его учения и об отношении «Il Principe» к «Discorsi», — многие стороны в учении Макиавелли остались и по наше время без должного освещения, и личность флорентийского секретаря, его учение и место, занимаемое им в истории политических учений, не оценены по достоинству.

Новейших критиков Макиавелли можно разделить на две группы. Писатели первой группы, изучая политические сочинения Макиавелли, подвергают их подробному и тщательному анализу и на основании такого изучения, не обращающего внимания на те условия, среди которых жил и действовал флорентийский секретарь, произносят свой приговор о Макиавелли. Другие, наоборот, стараются объяснить учение Макиавелли не столько совокупностью его воззрений, его методом и его взглядом на задачи

^{36*} Tiraboschi. Storia della letteratura italiana. Vol. VII.

политической науки, сколько условиями его времени, в которых они видят ключ к пониманию воззрений Макиавелли.

Между писателями первой группы заслуживают особого внимания Маттер^{37*}, Форлендер^{38*} и Франк^{39*}. Они добросовестно и основательно изучили главнейшие политические трактаты Макиавелли, уяснили себе его воззрения в их взаимной связи и излагают их наглядно, ясно и просто. Они видят в нем гениального политического писателя, которого ставят наряду с Аристотелем и Монтескье¹²⁾. Они не сомневаются в честности его личного характера, хвалят искренность его убеждений, его патриотизм и любовь к свободе. Они не отрицают, что Макиавелли выставял правила, возмущающие нравственные чувства современного человека, но объясняют эти правила тем, что Макиавелли отделял политику от морали и рассматривал политические вопросы исключительно с точки зрения государственного интереса. Главный источник заблуждений этих писателей заключается в том, что они не выясняют себе практических целей сочинений Макиавелли и не исследуют ту обстановку, которая определила его воззрения и политические убеждения. Они, кроме того, не освещают его философского миросозерцания и не обращают никакого внимания на те места в сочинениях Макиавелли, которые выясняют нам его воззрения на происхождение и сущность морали.

Для характеристики приемов писателей, объясняющих политическую доктрину условиями времени, упомянем о критических трудах Ранке^{40*}, Гервинуса^{41*} и Маколея^{42*}. Ранке и Гервинус развивают мысль, впервые высказанную Гироде^{43*}, будто Макиавелли видел в тирании средство спасти Италию от иноземного владычества и вывести ее на путь политического обновления.

Как «Discorsi», так и «Il Principe», по воззрению Ранке, не теоретические исследования, а практические руководства, в которых Макиавелли предлагает советы государственным людям Италии. Последний вывод «Рассуждений» может быть сведен к следующему положению: Италия в корне испорчена, политиче-

37* Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles.

38* Geschichte der philosophischen Moral-Rechts und Staats-Lehre.

39* Reformateurs et publicistes de l'Europe.

40* «Zur Kritik der neueren Geschichtsschreiber» в его собрании сочинений.

41* Historische Schriften.

42* Kleinere historische Schriften.

43* Введение к «Oeuvres de Machiavel» (trad. par Guiraudet. Paris, 1803).

ская свобода в ней невозможна, лишь неограниченный князь, который силою поборол бы всякое сопротивление, может спасти ее от конечной гибели. И это дело обновления Италии Макиавелли возлагает на Лоренцо Медичи, для которого он и написал своего «Князя». В этой книге он излагает те средства, с помощью которых Лоренцо может завладеть властью и, став во главе Италии, сделаться ее спасителем. Макиавелли, заключает Ранке, искал спасения Италии, но политическое состояние ее казалось ему до такой степени отчаянным, что у него достало смелости прописать ей яд^{44*}.

Воззрение Гервинуса может быть сведено к следующим положениям: испорченность нравов достигла в Италии крайних пределов, и единственное средство спасти отечество от иностранного владычества Макиавелли видел в неограниченной власти князя. Этот князь, по Макиавелли, не тиран, а вооруженный реформатор. Власть его должна быть властью преходящей и продолжаться лишь до тех пор, пока Италия не окрепнет и не созреет к самостоятельной политической жизни. Но власть реформатора Италии, ограниченная во времени, должна быть неограниченной по объему, ибо лишь человек, облеченный широкими полномочиями, способен организовать политическую жизнь Италии на прочных основаниях. Он должен соединять в себе всю мощь государства и сосредоточивать в своих руках все функции власти: он должен быть воплощением государства, юридической личностью, к которой не применимы нравственные требования, точно так же, как они не применимы к государству как отвлеченному целому^{45*}. Мы покажем ниже, что эти рассуждения Ранке и Гервинуса противоречат воззрениям Макиавелли на природу княжества, на те недуги, которыми страдало его отечество, и на те средства, с помощью которых он считал возможным устранить недостатки политического строя Флоренции и освободить Италию от варваров. Здесь же мы укажем лишь на источник заблуждений рассматриваемых писателей. XVI век был эпохой образования больших государств с сильной центральной властью во главе. Одна Италия представляла собою конгломерат мелких государств, и эта ее раздробленность была одной из причин ее политического бессилия. Ранке и Гервинус, подметив это явление и задумываясь над мотивами, побудившими Макиавелли написать «Il Principe», объяснили цель автора «Князя» желанием подтолкнуть Италию на тот путь, которым шло политическое движение осталь-

^{44*} Guiraudet. Oeuvres de Machiavel. P. 156, 171—174.

^{45*} Historische Schriften. P. 129—148.

ных европейских государств. Они не задались вопросом, как понимал Макиавелли потребности своего времени, а, изучая эпоху Возрождения, составили себе свой собственный взгляд на эти потребности и затем приписали автору «Князя» тенденцию, вытекающую из условий времени, как они их понимали.

Маколей в живом и талантливом очерке объясняет нам причины и характер нравственной испорченности итальянцев в эпоху Возрождения. Италия, говорит он, была обязана своим материальным богатством и своей культурой раннему развитию промышленности и торговли, она была населена купцами и банкирами и предоставляла защиту своих границ наемным войскам; влиятельные классы общества предпочитали рыцарским играм и военным упражнениям занятия искусством и литературой. Этими особенностями итальянского быта объясняется то, что соотечественники Макиавелли дорожили более всего теми качествами, которые свидетельствуют о тонкости и изощренности ума, об умении сдерживать свои страсти и влечения, жить не столько чувствами, сколько рассудком. Если северные народы ценили рыцарский дух, мужество и отвагу, то итальянцы предпочитали им ловкость, притворство, хитрость и все те качества, которые обеспечивают успех людям, воспитавшимся не на поле брани, а в торговых конторах, орудовавших не мечом, а пером, изощривших свои силы не на рыцарских турнирах, а в обществе ученых и художников, обязанных своим положением не личному мужеству, а своей ловкости и расчетливости. Эти особенности национального характера итальянцев отразились и на политической доктрине Макиавелли. И для него политическое коварство, обман и хитрость суть средства, которыми политик не может пренебрегать при известных условиях. Но этой стороной своего учения Макиавелли был сыном своего века, и мы не можем винить его за то, что он выставлял в своих сочинениях правила, которые не только практиковались, но и одобрялись его современниками^{46*}. Эти замечания Маколея совершенно верны, но они освещают и объясняют лишь одну сторону политического учения Макиавелли и притом ту, которая отличается наименьшею оригинальностью. Маколей не обратил никакого внимания на те воззрения Макиавелли, которыми он выступает из своего века и возвышается над нравственным уровнем своей среды. А лишь осветив эти воззрения Макиавелли, мы можем оценить его значение по достоинству и объяснить то вли-

^{46*} Kleinere historische Schriften. S. 280—300, 315—316.

яние, которое он оказал на последующее развитие политической мысли^{47*}.

Подводя итог предшествующему изложению, мы приходим к следующим выводам.

Если новейшие критики Макиавелли не дают нам цельного и полного представления о Макиавелли как политическом мыслителе и нередко при оценке его учения впадают в явные заблуждения, то объясняется это, во-первых, тем, что мирозерцание Макиавелли и его философские воззрения остались до сего времени без должного освещения, во-вторых, тем, что писатели, подвергающие тщательному анализу политические сочинения Макиавелли, не обращают внимания на те условия, которые определили его воззрения, писатели же, обратившие внимание на эти условия, не выясняют себе учения Макиавелли в целом, а задумываются лишь над той или другой стороной его учения.

Дабы не впасть в ошибки наших предшественников, мы поставили себе задачей, во-первых, изучить политическое учение Макиавелли в связи с его философскими воззрениями, во-вторых, объяснить, под влиянием каких условий сложился не тот или другой взгляд Макиавелли, а совокупность его философских и политических воззрений, в-третьих, на основании такого изучения определить место, занимаемое Макиавелли в истории политических учений.

^{47*} В новейшее время появился целый ряд новых сочинений о Макиавелли: *Twستن*. Machiavelli. Berlin, 1868; *Detluf*. Essai sur les oeuvres de Machiavel. 1868; *Gioda*. Machiavelli e le sue opere. Firenze, 1874; *Amico*. La vita di Nicolo Machiavelli Commentari Storico—critici sulla vita pubblica e privata. Firenze, 1876; *Francesco Nitti*. Machiavelli Nella vita e nelle dottrine. Napoli, 1876; *Villari*. Machiavelli e il suo tempo. Firenze, 1878. Заслуживают внимания лишь последние два сочинения. Виллари и Нитти поставили себе целью изучить жизнь Макиавелли и объяснить его воззрения условиями времени и теми впечатлениями, которые он испытывал на пути своей служебной деятельности. В вышедших пока частях Нитти рассматривает биографию Макиавелли до 1512, а Виллари — до 1506 г. Критической оценки учения Макиавелли мы не находим пока ни у того, ни у другого. О книге Виллари см. выше «предисловие».

Часть I
СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ МАКИАВЕЛЛИ

Quale adunque può essere malattia maggiore a uno corpo d'una republica, che la servitù? Quale medicina è più da usare necessaria, che quella che da questa infermità la sollevi? Sono solamente quelle guerre giuste, che sono necessarie; e quelle armi sono pietose, dove non è alcuna speranza fuori di quelle. Io non so qual necessità sia maggiore che la nostra, o qual pietà possa superar quella, che tragga la patria sua di servitù.

Machiavelli ¹³⁾

I
МИРОСОЗЕРЦАНИЕ МАКИАВЕЛЛИ

Мир, по воззрению Макиавелли, не гармонический порядок, созданный любящим Творцом, — это хаос сил, враждующих с человеком. И среди этого мира стоит одиноко человек, самая беспомощная тварь: плачем приветствует он этот мир страданий, отвратительным хрипением заканчивает свое жалкое существование ^{48*}. Природа вооружила всех животных орудиями борьбы, один человек рождается беспомощным ^{49*}. И если он чем-нибудь превосходит остальных тварей, то это — своими непомерными желаниями, которые даны ему лишь на то, чтобы страдать и мучиться. Звери своим чутьем умеют отличать полезное от вредного: одни избегают холода, другие — теплых лучей солнца, третьи проводят холодную зиму на юге и укрываются летом от знойных лучей солнца на севере ^{50*}. Один человек бесцельно бродит и нигде не находит себе убежища ^{51*}; его страсти не дают ему покоя и гонят его в смрадные и зараженные места ^{52*}. Животные удовлетворяются немногим, люди же боятся бедности и ищут богатства, которое закрывает им путь к добру ^{53*}. Живот-

^{48*} Dell' Asino d'Oro. Песнь VIII. Стих 42.

^{49*} Там же. Ст. 40—41.

^{50*} Там же. Ст. 16—18.

^{51*} Там же. Ст. 19.

^{52*} Там же. Ст. 20—21.

^{53*} Там же. Ст. 22.

ные удовлетворяют свои страсти лишь настолько, насколько того требует природа; человек же погрязает в сладострастии и любит пороком^{54*}. Звери питаются тем, что им посылает небо, человек же посылает гонцов во все части света и ныряет на дно океана, чтобы насытить свою утробу^{55*}. Природа изощрила человеческие способности, наделила человека гибкими членами и даром слова, но она же влила в человека яд тщеславия и алчности^{56*}. Судьба сулит человеку много соблазнительных благ, но лишь для того, чтобы завлечь человека в свои сети и обмануть его^{57*}. Природа наделила человека потребностями и влечениями, но лишила его средств удовлетворять им. Изощренные способности человека — причина его страданий, богатство человека — источник его нищеты и бессилия^{58*}. Если ты встретишь, восклицает Макиавелли, человека, который кажется счастливым и довольным, то не верь ему: боров, который роется в грязи, в сто крат счастливее его^{59*}.

Человек, по воззрению Макиавелли, не царь природы, а самая жалкая и беспомощная тварь.

Но он имеет общее всем животным чувство самосохранения; и это чувство заставляет его бороться с природою и с самим собою. И чем беспомощнее человек, чем необузданнее его страсти, чем враждебнее ему природа, тем отчаяннее его борьба за существование. И эта-то борьба и породила все то, что составляет не физическую природу: она создала государство, нравственность, религию.

Сознавая свое бессилие в борьбе с природою, человек стал искать союза с себе подобными. Люди, жившие первоначально разрозненно, стали сближаться между собою, дабы общими силами отражать общих врагов. Так возникло государство^{60*}.

Нашедши в общежитии средство отражать внешних врагов, человек обратился к борьбе с самим собою, со своими страстями. Пока люди жили разрозненно, ничто не побуждало их сдерживать свои страсти; соединившись же в государство, люди поняли, что эти страсти — враги всякого общежития, и что внутренний мир может быть обеспечен лишь тогда, когда люди откажутся от

^{54*} Там же. Ст. 31.

^{55*} Там же. Ст. 32—34.

^{56*} Там же. Ст. 44.

^{57*} Там же. Ст. 45.

^{58*} Там же. Ст. 39.

^{59*} Там же. Ст. 50.

^{60*} Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

исключительного преследования своих эгоистических стремлений и в интересах мирного общежития наложат узды на свои страсти. Из этой борьбы людей со своими страстями возникли нравственность^{61*} и религия^{62*}, обуздавшие человеческие влечения.

Зло — беспомощность человека среди враждебного ему мира и необузданность его страстей — породило добро: государство, нравственность, религию.

Но это добро порождает новое зло. Люди, забывая уроки прошлого, разрушают дела рук своих и легкомысленно стирают с лица земли все то, что в поте лица своего отвоевали их предки^{63*}. Люди не удовлетворяются завоеванными благами. Их алчность ненасытна. Государства стремятся расширить свои границы и, поглощая чужие владения, уготовляют себе погибель^{64*}. Спарта и Афины, величие которых удивляло мир, рушились, когда стали расширять свои границы и подчинили себе соседние государства. Было время, когда Флоренция отражала сильных врагов; теперь же, когда владычество ее обнимает широкую область, она одряхлела и любой враг может заставить ее трепетать^{65*}. Сильные, побеждая слабых, изнуряют свои силы и в свою очередь становятся добычей сильных. Одно государство основывает свое величие на развалинах другого лишь для того, чтобы, обессилев в борьбе, уступить место другому. Так чередуются величие со слабостью, и возвышение государства образует причину его упадка^{66*}.

Люди, которые выросли среди благоустроенного общежития и не испытали изменчивости судьбы, забывают, какую ценою были куплены блага, которыми они наслаждаются^{67*}. И покой, наступающий в государстве, в котором процветает нравственность и уважается религия, порождает праздность и довольство. А праздность и довольство — источники пороков^{68*}. Покой, который отвоевали себе люди, учредив религию и нравственность, является, таким образом, причиной нового зла, разрушающего

^{61*} Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

^{62*} Там же. Гл. 11—12.

^{63*} Dell' Asino d'Oro. Песнь V. Ст. 30—31, 34—35.

^{64*} Там же. Ст. 13—14.

^{65*} Там же. Ст. 20—21.

^{66*} Там же. Ст. 15, 18—19.

^{67*} Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

^{68*} Dell' Asino d'Oro. Ст. 27—28, 32—34.

государство. Так порождает зло добро, а добро — зло, и одно является причиной другого^{69*}.

Но не только люди разрушают созданное ими. Существует еще другая сила, врывающаяся в область, которую отвоевал себе человек. Эта сила — сила судьбы.

Судьба, по Макиавелли, — не имманентная миру сила, которая управляла бы им по определенным, неизменным законам; это и не фатум, которому бы слепо подчинялись люди. Судьба, как ее понимает Макиавелли, — какая-то стихийная сила, вмешивающаяся в дела людей лишь в эпохи брожения, в эпохи всеобщих переворотов. Макиавелли сравнивает ее с рекою, которая, обратившись в бурный поток, заливает собою целые долины, срывает деревья и жилища, смывает землю с одного места и наносит ее на другое^{70*}. И как эта река постепенно входит в свои берега, так и для людей снова наступают времена, когда они не испытывают бушевания судьбы и могут свободно направлять ее течение по своему произволу. По поводу нашествия галлов на Рим Макиавелли замечает, что в истории встречаются события, которые нельзя объяснить ничем иным, как непосредственным вмешательством судьбы. Читая у Ливия страницы, относящиеся к нашествию галлов, и сравнивая их с другими, нельзя подумать, говорит Макиавелли, что речь идет о действиях одного и того же народа. Очевидно, то была судьба, которая руководила римлянами и заставляла их делать одну ошибку за другой и изменять своему обыкновенному мужеству и предусмотрительности. Свой рассказ о поведении римлян за это время Макиавелли заканчивает словами Ливия: «*Adeo obcoecat animos fortuna, cum vim suam ingruentem refringi non vult*»¹⁴ и прибавляет, что ничего не может быть вернее такого заключения^{71*}. Эти рассуждения, и в особенности заключительные слова Ливия, в устах Макиавелли очень характеристичны и еще более выясняют его взгляд на роль судьбы в истории. События текли своим естественным течением, и все они могли быть объяснены естественными причинами, все они проистекали с необходимостью из качеств римского народа и из деятельности отдельных передовых людей. Но вот наступает нашествие галлов, и судьба, преследуя какие-то свои особенные цели, ослепляет людей и руководит ими, совершенно независимо от их свободной воли. Таким образом, эта судьба не есть фак-

^{69*} Там же. Ст. 35; *Storie Fiorentine*. Кн. V, § 1.

^{70*} *Il Principe*. Гл. 25.

^{71*} *Discorsi*. Кн. II. Гл. 29.

тор, постоянно присущий мировым явлениям, а лишь по временам нарушает она естественное течение событий.

Но и там, где двигательницей является судьба, человек не утрачивает безусловно своего значения. Макиавелли заставляет его тогда играть роль орудия судьбы, исполнителя ее предначертаний. Когда, говорит Макиавелли, судьба хочет совершить великие дела, то она избирает человека, имеющего достаточно ума и мужества, чтобы понять благоприятность условий и воспользоваться ими. Когда же судьба хочет совершить какой-нибудь важный переворот, тогда она также выставляет передовых людей, которые должны содействовать ей произвести этот переворот^{72*}. Главу, из которой мы заимствовали только что приведенное место, Макиавелли заканчивает словами: «Люди содействуют судьбе, но не могут противостоять ей, прядут ее нити, но не в силах разорвать их. Они не должны рассчитывать на судьбу; и так как они не знают ее намерений и пути, которые она преследует, пути кривые и неисповедимые, то они и должны всегда надеяться и, надеясь, никогда не полагаться на судьбу, каково бы ни было их положение и в какой бы нужде они ни находились бы». Человек может и должен вступать в борьбу с судьбою. Мы видели выше, что Макиавелли сравнивает действие судьбы с рекою, внезапно выступившей из берегов. Этим же сравнением он пользуется, дабы выяснить, что люди имеют в своем распоряжении средства, могущие предупреждать вредные последствия вторжения судьбы. Как можно плотинами и каналами предупреждать разлитие реки, так точно и судьба лишь там проявляет свою власть, где нет силы, способной оказать ей сопротивление^{73*}.

Кроме судьбы, действующей порывами, Макиавелли признает существование еще другой силы, которую он также иногда называет судьбой, но которая имеет иное значение. Он называет ее также счастьем, когда она благоприятствует людям, — несчастьем, когда она становится им поперек дороги. Эта сила есть не что иное, как стечение случайных обстоятельств, слагающихся помимо воли людей. Хотя везде у Макиавелли проглядывает воззрение, по которому все, что не физическая природа, есть создание человека, тем не менее, изучая историю, он не мог не заметить, что многое в политической и общественной жизни народов не может быть объяснено одним этим фактором. И вот, дабы выйти из затруднения, он приписывает все то, что не может быть объяснено свободной волей людей, вмешательству судьбы. Там,

^{72*} Discorsi. Кн. II. Гл. 29.

^{73*} Il Principe. Гл. 25.

где идет речь о личности как о творце известных учреждений, как о двигательнице известных событий, там Макиавелли чувствует себя в своей области и пускается в подробный анализ; там же, где заявляют о себе другие факторы, там он, как бы сознавая свое бессилие определить их характер и значение, подводит их под понятие судьбы, счастья или несчастья, не разлагая эти, во всяком случае сложные, причины на их составные элементы. Судьба в этом втором смысле составляет фактор, с которым, по мнению Макиавелли, справиться не трудно. Сила его обратно пропорциональна силе людей. Там, где человек свободно проявляет свои способности, там область, в которой хозяйничает судьба, очень ограничена. Там же, где люди слабосильны и вялы, там судьба держит их в своих руках ^{74*}. Великие люди, говорит Макиавелли, остаются все те же, как бы счастье ни колебалось; и, когда судьба меняется, возвышая их или унижая, они остаются верны себе, сохраняют бодрость духа и обусловливаемый им образ действия, так что всякий видит, что судьба не имеет над ними власти. Иначе поступают бессильные люди: они пьянеют от счастья и делаются тщеславными, приписывая все доставшиеся им случайно блага добродетелям, которых они никогда и не знавали ^{75*}. Таким образом, счастье и несчастье не стесняют деятельности великих людей: они идут прямо к своей цели, не рассчитывая на счастье и не смущаясь несчастьем. Счастливое стечение обстоятельств имеет для них значение лишь настолько, насколько оно представляет им удобный случай к приложению своих сил и умения ^{76*}. Но иногда вмешательство судьбы облекается в форму, более доступную человеческому уму. Время от времени, говорит Макиавелли, происходят перевороты, производимые или людьми, или небом. К последним должно причислить чуму, голод, наводнения. «Что такие явления бывают, в этом, я думаю, — говорит Макиавелли, — сомнения быть не может как потому, что рассказами о них наполнены исторические повествования, так и потому, что действие их выразилось в забвении прошедшего, наконец, и потому, что они лежат в порядке вещей, ибо как простые

^{74*} Dove gli uomini hanno poca virtù, la fortuna dimostra assai la potenza sua ¹⁵⁾ (Discorsi. Кн. II. Гл. 30).

^{75*} Там же. Кн. III. Гл. 31.

^{76*} Ma per venire a quelli che per propria virtù e non per fortuna, son diventati principi, dico che li più eccellenti sono Moisè, Ciro, Romulo, Teseo e simili... Ed esaminando le azioni e vita loro, non si vedrà che quelli avessino altro dalla fortuna che l'occasione, la quale dette loro materia di potervi introdurre quella forma che a lor parse ¹⁶⁾ (Il Principe. Гл. 6).

тела часто, когда в них накопилось много лишних веществ, самопроизвольно делают движение, последствием которого является очищение, служащее им в пользу, так точно и в сложном теле, каким является человеческий род, случается, что когда все страны до того переполнены жителями, что совместная жизнь делается невозможной и им некуда переселиться, ибо все места заняты, и когда хитрость и злоба людей достигли своих крайних размеров, мир необходимо должен очиститься тремя вышеупомянутыми путями, дабы люди, уменьшившись в числе и униженные, могли бы жить удобнее и сделаться лучше»^{77*}. Хотя приведенное место и не отличается особенной ясностью, и Макиавелли, с одной стороны, говорит о небе, ниспосылающем на человечество голод и болезни, с другой же стороны, проводит параллель между этими явлениями и процессом в организме, тем не менее нельзя не заметить, что тут не идет более речи о той слепой судьбе, мотивы, средства и цели вмешательства которой остаются необъясненными человеку. *Primum movens*¹⁷⁾ явлений и тут является судьба, но эта сверхъестественная сила действует уже по известным законам, пользуется существующими естественными условиями и лишь комбинирует их таким образом, чтобы они производили тот, а не другой результат. Ее можно сравнить с естествоиспытателем, который пользуется своим знакомством с законами, управляющими физической природой, чтобы вызвать то или другое явление и воспользоваться им для своих целей.

Вмешательством судьбы Макиавелли объясняет и те перевороты, которые, по его воззрению, наступают в известные промежутки времени и разрушают все результаты предшествующего исторического развития. Эти перевороты уничтожают не только все выработанное человеком, но и изглаживают самую память о прошедшем. Та горсть людей, которая остается в живых после всеобщего крушения, не принадлежит к носителям того порядка, который был выработан предшествующими поколениями. Эти люди и не могут поэтому служить посредствующим звеном между отжившим человечеством и долженствующим народиться вновь. Они даже не способны хранить память о прошедшем, ибо это прошедшее отошло в вечность, не успев даже задеть их. Таким образом, перевороты, происходящие через известный промежуток времени, разрушают все без остатка, и человечество стоит снова на своей первоначальной исходной точке. Мир представляет собою опять *tabula rasa*¹⁸⁾, и человек должен снова начать свою работу — наполнять этот белый лист содержанием. Эта работа

^{77*} Discorsi. Кн. II. Гл. 5.

выпадает на долю тех людей, которые пережили всеобщее разрушение. Хотя они и не носят на себе следов стертого с лица земли порядка, они тем не менее имеют природу, общую всем людям. Если они и не унаследовали созданного прежними поколениями, то они все же носят в себе тот источник, из которого вылился разрушенный строй. Несмотря на всеобщее разрушение, зло с корнем не вырвано, ибо это зло лежит в самом человеке, это зло — природа человека. И вот почему белый лист снова наполняется тем же содержанием, которое только что было стерто с него. Повторяется сызнова весь тот процесс, который человечество только что пережило. И этот процесс порождает те же результаты и продолжается до тех пор, пока мир не наполняется вновь людской злобой, которая влечет за собою новое разрушение. Отсюда вечное круговращение. Но человечество, описывая эти круги, не двигается вперед, а постоянно возвращается к своей первоначальной исходной точке. Описав круг, оно ничему не научилось, никаких результатов не добыло и возвращается к своему прежнему состоянию, дабы сызнова и с роковой необходимостью вступить на прежний путь. История человечества не есть, следовательно, прогрессивное движение, разложение старого, рождение новых сил и их развитие. Люди не способны к усовершенствованию; они даже не способны устоять на том уровне, на котором застают их естественное состояние. Люди живут лишь для того, чтобы спускаться все ниже со ступеньки на ступеньку, пока испорченность их не достигнет крайних размеров и новый переворот не очистит мир от накопившейся людской злобы.

II

Цель государства и перевоспитание человека в государстве

1. ПЛЕМЯ, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

Макиавелли чуждо понятие племени как целого, связанного единством происхождения. То, что заставило соединиться людей в общежитие — не родство, а исключительно общность интересов. Государство не выросло из семьи, и родственные отношения никогда не служили связующим началом общежития. Люди жили первоначально разрозненно, и единство происхождения не сближало их. Лишь когда необходимость защищаться общими силами была осознана людьми, они решились сблизиться и основать государство. При этом сближении единство крови никакой роли не играло, и люди различного происхождения могли соеди-

ниться в общежитие. Не бессознательный мотив родства, а свободная воля людей, действовавших в сознании общности своих интересов, соединила людей в государство^{78*}.

Соединившись в отдельные группы, люди остаются те же. Ни совместная жизнь в государстве, ни одинаковые исторические судьбы, ни единство языка и религии не налагают на людей особого отпечатка, и наклонности, воззрения и чувства людей остаются неизменными, какое бы историческое прошедшее люди ни имели за собою, под каким бы политическим строем они ни жили, на каком бы языке ни говорили, какую бы религию ни исповедовали. Макиавелли чуждо понятие национальности как культурного целого^{79*}.

Для него существует лишь политическое единство — народ, который в его глазах не что иное, как совокупность отдельных граждан, связанных своим сожителем в государстве.

Это государство, по воззрению Макиавелли, не объективный порядок, имеющий свое основание в самом себе и преследующий свои цели независимо от воли людей; это и не организм, имеющий свою особую природу и развивающийся по неизменным законам; это, наконец, и не божественное установление, преследующее пути, предначертанные ему Провидением. Государство создано людьми, держится и направляется свободною волею людей. Оно не имеет никакого самостоятельного бытия: человек, которому оно обязано своим существованием, держит его в своей власти и может по произволу видоизменять его, разрушать и вновь созидать. Это положение не есть только последствие, логически вытекающее из воззрения Макиавелли на возникновение государства, но и находит себе подтверждение в многочисленных местах «Discorsi» и «Il Principe». Укажем на некоторые из них. В 10-й главе первой книги «Discorsi» Макиавелли говорит, что между хваленными людьми заслуживают наибольшей похвалы учредители религий, основатели республик и монархий; напротив, позорна деятельность разрушителей религий, монархий и республик. Таким образом, Макиавелли выходит тут из предположения, что государства и религия — искусственные учреждения, которые создаются и разрушаются людьми. Устроители государств могут создать по своему произволу любую государственную форму и не связаны ни историческим прошедшим народа, ни естественными условиями страны. Кто хочет, например, учредить республику, способную делать обширные завоевания, тот должен

^{78*} Discorsi. Кн. I. Гл. 1—2.

^{79*} См. ниже, с. 96—99.

устроить ее по образцу Рима; желающий же создать республику, которая удовлетворялась бы небольшой территорией, должен ввести учреждения Спарты и Венеции^{80*}. Устроитель государства в своей творческой деятельности ничем не стеснен и связан лишь теми целями, которые по произволу ставит себе организуемое им общежитие. Человек не только способен из сырого материала создать любую государственную форму, но и, наперекор естественным условиям, ввести в стране, благоприятной монархии — республику, а в стране, благоприятной республике — монархию. Макиавелли требует только, чтобы этот человек пользовался авторитетом и обладал способностями, выходящими из ряда обыкновенных (Discorsi. Кн. I. Гл. 55). Хотя Макиавелли и не отрицает того влияния, которое могут оказать на развитие государственной жизни условия физической природы, тем не менее он не считает этого влияния неотразимым и думает, что оно может быть парализовано учреждениями и законами. Человек в состоянии бороться с физической природой, устранять препятствия, созданные ею, и заменять искусственными средствами недостаток благоприятных естественных условий. Богатство природы и плодородие почвы, говорит Макиавелли, имеют вредное влияние на государственную жизнь в том отношении, что развивают праздность, не понуждают людей к настойчивому труду и делают их склонными к раздорам. Тем не менее желательно, продолжает Макиавелли, чтобы при основании городов выбирались эти именно плодородные местности, ибо в таких местностях население быстрее возрастает и успешнее развивает в себе элементы силы; неблагоприятные же последствия плодородия и богатства страны могут быть устранены законами и учреждениями. И в подтверждение своего мнения приводит Рим, который, благодаря законам, изданным Ромулом, Нумою и другими, сумел преодолеть неблагоприятные условия своего естественного положения^{81*}. Хотя устроитель государства тем легче достигает своей цели, чем сырее и ближе к природе тот материал, из которого ему приходится создавать свое творение, тем не менее энергическая личность способна установить совершенно новые условия государственной жизни и у народа, который уже долгое время жил под известной формой общежития и привык к ней^{82*}. Даже народ, в корне испорченный, может быть воскрешен к новой жизни деятельностью одного человека. Если хорошие законы, целесообраз-

^{80*} Discorsi. Кн. I. Гл. 6.

^{81*} Там же. Кн. I. Гл. 1. Ср. также: Storie Fiorentine. Кн. I.

^{82*} Там же. Кн. I. Гл. 11.

ные учреждения не в силах спасти народ от упадка, то отдельный человек в состоянии вывести его на путь обновления. И если у этого человека достанет сил и настойчивости и смерть не оторвет его от предпринятого им дела, то он сумеет излечить общежитие от болезни, подтачивавшей его существование^{83*}. Влияние человека в деле переустройства государства всего резче выступает в том месте «Discorsi», в котором Макиавелли сравнивает реформатора с ваятелем. Как ваятель из сырого мрамора скорее высечет прекрасную статую, чем из камня, который уже служил материалом другому художнику, так точно и реформатору легче основать новый государственный порядок у горных жителей, чуждых всякой гражданственности, чем у жителей городов, которых общежитие уже испорчено. Что может быть характеристичнее такого сравнения: организатор государства и ваятель! Как скульптор должен обладать лишь чувством красоты и искусной опытной рукой, чтобы из куска мрамора создать прекрасный образ, так точно и устроитель государства, по Макиавелли, должен обладать лишь политическим искусством и крепкой волей, дабы облечь грубую форму общежития в совершенный государственный порядок. Как никакой мрамор не в силах устоять против твердого резца ваятеля, так и никакое общество, каковы бы его историческое прошедшее и условия его государственной жизни ни были, не в состоянии поставить реформатору непреодолимых препятствий на пути его организаторской деятельности.

Государство само по себе цели не имеет: оно не что иное, как средство, с помощью которого люди удовлетворяют потребностям, вложенным в них природою. Не люди существуют для государства, а государство для людей. Потребность общими силами защищать общие интересы соединила людей в общежитие. Созданное всеми и для всех государство должно и служить интересам всех: *Цель государства — общее благо*^{84*}.

^{83*} Discorsi. Кн. I. Гл. 17.

^{84*} E veramente meravigliosa cosa è a considerare, a quanta grandezza venne Atene per ispazio di cento anni, poichè la si liberò dalla tirannide di Pisistrato. Ma sopra tutto meravigliosissima cosa è a considerare, a quanta grandezza venne Roma, poichè la si libero da' suoi Re. La cagione è facile ad intendere; perchè non il bene perticolare ma il bene commune è quello che fa grandi le città... Onde ne nasce che gli uomini a gara pensano ai privati ed a publici commodi; e l'uno e l'atro viene meravigliosamente a crescere (Discorsi. Кн. II. Гл. 2). E. benchè molte volte, per suffragi pubblici e liberi, si sia dato ampla autorità a pochi cittadini di potere riformarla; non pertanto mai ordinata a commune utilità, ma

Но по силам ли такая задача государству, как его понимает Макиавелли?

Дабы ответить на этот вопрос, мы должны познакомиться с воззрением Макиавелли на человеческую природу.

2. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА

В человеке живут самые разнообразные влечения, которые и управляют его деятельностью. Человек не имеет врожденных нравственных понятий, он лишен всякой внутренней силы, которая сдерживала бы его влечения и направляла бы их в ту или другую сторону. Человеческие влечения возбуждаются внешними впечатлениями и действуют тем сильнее, чем чувствительнее полученный ими извне толчок. Человека, как его нам рисует Макиавелли, можно сравнить с музыкальным инструментом, который не действует самопроизвольно, а издает звуки лишь тогда, когда по его клавишам ударяет какая-либо внешняя сила. Хотя люди, говорит Макиавелли, и хвалят заслуживающее похвалу и хулят заслуживающее хулу, тем не менее большая часть из них, ослепленные ложным счастьем или ложной славой, преднамеренно или невольно вступают на путь тех, которые более заслуживают порицания, чем похвалы. Между тем как они могли бы основать республику или монархию и этим приобрести себе прочный почет, они вместо того обращаются обыкновенно к тирании, не замечая, какой славы, какой безопасности, какого внутреннего удовлетворения они себя этим лишают и какому по-

sempre a proposito della parte loro: il che ha fatto non ordine, ma maggiore disordine in quella città (Там же. Кн. I. Гл. 49). Nonindemo, per non lasciare questa parte indecisa dico, come in un cittadino che viva sotto le leggi d'una repubblica, credo sia più laudabile e meno pericoloso il procedere di Manilo; perchè questo modo tutto è in favore del pubblico, e non riguarda in alcuna parte all' ambizione privata; perchè per tale modo non si può acquistare partigiani, mostrandosi sempre aspro a ciascuno, ed amando solo il ben commune; perchè chi fa questo, non s'acquista particolari amici, quali noi chiamiamo, come di sopra si disse, partigiani. Talmentechè, simil modo di procedere non può esser più utile nè più desiderabile in una repubblica; non mancando in quello l'utilità pubblica, e non vi potendo essere alcun sospetto della potenza privata (Там же. Кн. III. Гл. 22). La cagione perchè tutti questi governi sono stati defectivi, è che le riforme di queglii sono state fatte non a satisfazione del bene commune, ma a corroborazione e securità della parte¹⁹⁾ (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze). Ср. также: *Storie Fiorentine*. Кн. III, § 1; кн. III, § 5 и ниже, с. 139—143.

зору, какой хуле, какой опасности и какому беспокойству они себя подвергают^{85*}. Таким образом, по Макиавелли, люди могли бы, если бы только не поддавались напору внешних впечатлений, отличать славное от бесславного: спокойное созерцание последствий известных действий помогло бы им отличать добрые действия от дурных; но так как в них нет внутренней нравственной силы, которая побуждала бы их следовать тому, что хорошо, избегать того, что дурно, то они поддаются внешним впечатлениям, которые возбуждают их дурные стороны и увлекают на ложный путь.

Если деятельность людей направляется влечениями, возбуждаемыми внешними случайными обстоятельствами, то эта деятельность не может быть ни устойчивой, ни последовательной. Если зашевелится в людях какое-нибудь чувство под внешним впечатлением, то они поддаются ему; но вот они сталкиваются с явлением, возбуждающим в них новое влечение, и они отдаются ему и, действуя под его напором, парализуют результаты своей собственной деятельности, которыми они были обязаны преобладанию в них первого чувства. Так именно поступил Паоло Болюни, по поводу поведения которого Макиавелли замечает, что люди не умеют быть ни совершенно злыми, ни совершенно добрыми, ибо и для совершения зла требуется известное величие и возвышенность чувств, на что, однако, люди не способны. В войне с Юлием II Паоло руководило чувство вражды к нему. Но вот этот враг вступает к нему в город; вместо того чтобы остаться верным чувству вражды, в нем, под впечатлением отважного поступка папы, зашевелилось новое чувство — трусость, и, отдаваясь ему, он не решается убить папу и упускает таким образом случай раз навсегда покончить со своим врагом^{86*}. Такой неустойчивостью людей, их постоянными колебаниями между различными чувствами Макиавелли объясняет также поведение полководцев, не умеющих избегать вредных последствий неблагодарности, которая выпадает на их долю, когда князья, воспользовавшись плодами их побед, не нуждаются более в их услугах. Полководцы, по мнению Макиавелли, должны после одержанной ими победы сделать одно из двух: или немедленно же покинуть войско и, отказавшись от всяких тщеславных планов, передать его в руки князя, или же броситься в противоположную сторону и предпринять все меры, которые необходимы для того, чтобы обратить победу в свою пользу. Других путей не существует. Но так как

^{85*} Discorsi. Кн. I. Гл. 10.

^{86*} Там же. Кн. I. Гл. 27.

люди не умеют быть ни совершенно добрыми, ни совершенно злыми, то они обыкновенно не делают ни того, ни другого и гибнут жертвою своего малодушия^{87*}.

Итак, деятельность людей неустойчива и непоследовательна. Люди, говорит Макиавелли, очень легко поддаются впечатлениям, но чувства их, быстро воспламеняющиеся, так же быстро и остывают^{88*}. Поэтому людей не трудно убедить в чем-либо, но не легко поддерживать их в этом убеждении^{89*}. Люди непостоянны по самой природе своей, и лишь законы в состоянии обуздывать их страсти. Напрасно говорят писатели, будто народ непостоянен: неустойчивость есть недостаток, общий всем людям, и князь, не сдержанный законами, еще изменчивее толпы^{90*}.

Если же мы видим, что люди перестают иногда колебаться между различными чувствами и стремительно преследуют известную цель, то это объясняется не настойчивостью и последовательностью, а тем, что какой-либо внешний толчок вызвал в них с особенной силою известное влечение, которое всецело и овладевает ими. Если, например, что-нибудь угрожает людям опасностью, то их охватывает чувство страха и, безотчетно отдаваясь ему, они направляют всю свою деятельность к устранению этой опасности. Чувство страха ослепляет их до того, что они нередко, сами того не подозревая, идут навстречу опасности, подкрадывающейся к ним со стороны, с которой они менее всего ожидали ее. Люди поступают, говорит Макиавелли, повторяя слова короля Фердинанда²⁰⁾, как мелкие хищные птицы, которые набрасываются на добычу с такой жадностью, что не замечают большей птицы, которая вьется над ними и готова наброситься на них^{91*}.

Люди не имеют власти над своими страстями и в стремлениях и желаниях не умеют соблюдать чувство меры. Так, например, люди в своем стремлении завоевать себе свободу увлекаются до того, что угрожают свободе других, и ту же самую несправедливость, против которой они только что вооружились, причиняют другим, как будто, прибавляет Макиавелли, нужно обижать или быть обиженным^{92*}. Это неумение сдерживать свои страсти, действовать спокойно и обдуманно нередко бывает причиною тому, что деятельность людей, направленная на известную цель, оста-

^{87*} Там же. Кн. I. Гл. 30.

^{88*} Il Principe. Гл. 6.

^{89*} Там же.

^{90*} Discorsi. Кн. I. Гл. 58.

^{91*} Там же. Кн. I. Гл. 40.

^{92*} Там же. Кн. I. Гл. 46.

ется бесплодной, хотя эта цель сама по себе вполне достижима. Малейший успех делает людей самонадеянными, ими овладевают надежды, увлекающие их за пределы осуществимого. Люди поэтому, говорит Макиавелли, нередко лишаются прочного и близкого блага в своем самонадеянном стремлении к большему, но отдаленному благу^{93*}.

Между желаниями людей и их силами не существует соответствия. Природа людей, говорит Макиавелли, такова, что они всего требуют, но достигнуть всего не в состоянии, так что их желания всегда сильнее способности осуществить желаемое; отсюда и постоянное недовольство приобретенным и постоянная неудовлетворенность^{94*}. Желания людей, говорит Макиавелли в другом месте, ненасытны, так как природа дала им силу и влечение желать всего, а судьба наделила их способностью лишь достигать немногого; поэтому, продолжает Макиавелли, в умах людей возникает постоянная неудовлетворенность и отвращение к приобретенному; этим же объясняется то, что люди хулят настоящее, хвалят прошедшее, желают будущего, не руководствуясь при этом никакими разумными мотивами^{95*}.

Эта ограниченность способностей человека, с одной стороны, и неумеренность его желаний — с другой, порождают неуверенность в своих силах, которую проявляет человек во всех своих действиях. Русская поговорка: блудлив, как кошка, труслив, как заяц, вполне применима к человеку, как его нам рисует Макиавелли.

Благодаря этой, прирожденной человеку, трусости в нем легко возбуждается и поддерживается чувство страха, которое является одним из главнейших мотивов человеческих действий^{96*}. Люди благодаря трусости своей, говорит Макиавелли, мстят за мелкие обиды; когда же им наносятся чувствительные обиды, то у них недостает мужества отомстить за них. Отсюда Макиавелли

^{93*} Discorsi. Кн. II. Гл. 27.

^{94*} Там же. Кн. I. Гл. 37.

^{95*} Там же. Кн. II. Введение.

^{96*} Erano adunque i Fiorentini distrarri da due diversi passioni, e dalla voglia d'aver Lucca, e dal timore della guerra con il duca. Vinse non di meno, come sempre interviene, il timore (Storie Fiorentine. Кн. V. Гл. 14). Gli uomini sono spinti da due cose principali o dalie amore, o dal timore (Discorsi. Кн. III. Гл. 22). Odiando gli uomini le cose o per timore o per invidia (Там же. Кн. II. Введение). Gli uomini offendono o per paura, o per odio²¹⁾ (Il Principe. Гл. 7).

выводит правило, что князь не должен раздражать народ мелкими обидами, а принимать такие радикальные меры, которые отняли бы у людей охоту мстить ему^{97*}. Сравнивая любовь со страхом, Макиавелли замечает, что последнее чувство постоянное, и советует поэтому своему князю воздействовать на людей не любовью, а страхом^{98*}.

В человеке, по воззрению Макиавелли, преобладают дурные влечения. Люди, говорит он, более склонны ко злу, чем к добру^{99*}. Про них можно вообще сказать, что они неблагодарны, непостоянны, лицемерны, трусливы, корыстолюбивы^{100*}. История множеством примеров доказывает, что всякий устраивающий общество и вводящий в нем законы должен выходить из того предположения, что люди дурны, и что они дают простор злобе своего сердца каждый раз, как только им представляется случай беспрепятственно проявлять ее^{101*}.

Но как бы разнообразны эти влечения ни были, они связаны одним общим мотивом. И этот мотив — эгоизм. Эгоизм — отличительная черта человеческой природы; из него вытекают все человеческие влечения, между которыми Макиавелли отводит корыстолюбию^{102*} и властолюбию^{103*} первое место.

Страсть к приобретению земных благ у имущих так же сильна, как и у неимущих; и человек, имеющий столько же, сколько и всякий другой, не владеет спокойно и стремится приобретать

^{97*} Il Principe. Гл. 3.

^{98*} Там же. Гл. 7.

^{99*} Discorsi. Кн. I. Гл. 9.

^{100*} Il Principe. Гл. 17.

^{101*} Discorsi. Кн. I. Гл. 3.

^{102*} Если, говорит Макиавелли, не отнимать у людей их имущества и чести, то они большего и не потребуют (Il Principe. Гл. 19). Отнятие имущества, замечает Макиавелли в другом месте, всего более оскорбляет людей, и князь должен остерегаться лишать их этих благ (Discorsi. Кн. III. Гл. 6). Из приведенных мест можно сделать лишь то заключение, что люди дорожат столько же имуществом, сколько и честью; но мы можем указать на другие, в которых Макиавелли прямо заявляет, что материальные блага ценятся людьми всего выше. Передавая подробности о борьбе, возникшей в Риме по поводу аграрных законов, Макиавелли заключает свой рассказ словами: «Из этого видно, насколько люди дорожат имуществом более, чем почетом» (Discorsi. Кн. I. Гл. 37). В другом месте он выражается еще резче: «Люди помирятся скорее со смертью отца, чем с потерей имущества» (Il Principe. Гл. 17).

^{103*} См. ниже с. 84—90.

новые блага, принадлежащие другим^{104*}. Человек, таким образом, до такой степени своекорыстен, что смотрит даже с завистью на тех, которые не имеют над ним никакого преимущества, и готов к каждому обратиться с приглашением: *ôtes toi de là, que je m'y mette*²²⁾. Зависть преследует человека повсюду, и нет такого положения, которое могло бы удовлетворить его. Макиавелли неоднократно указывает на зависть как на один из главнейших мотивов человеческой деятельности^{105*}.

Если люди до такой степени дорожат земными благами, что не могут смотреть на ближнего без того, чтобы в них не зародилось желание завладеть тем, чем он владеет, то всякое действие, лишаящее их тех благ, которые принадлежат им лично, должно возбудить в них еще бóльшие страсти. Человек, как нам его рисует Макиавелли, крайне чувствителен ко всякой наносимой ему обиде и никогда не помирится с человеком, нарушившим его личные интересы. Чувство мести настолько сильно в людях, что, отдаваясь ему, они готовы жертвовать всем, даже теми благами, которыми они всего более дорожат^{106*}.

И любовь, которая является одним из главных двигателей человеческой деятельности, по воззрению Макиавелли, не что иное,

^{104*} Discorsi. Кн. I. Гл. 5. Agli uomini non basta ricuperare il loro, che vogliono occupare quello d'altri a vendicarsi (Storie Fiorentine. Кн. III, § 11). E tanto sono mossi più gli uomini dalla speranza dello acquistare, che dal timore del perdere; tanto è più prontà la mollitudine ad occupare quello d'altri, che al guardare il suo²³⁾ (Там же. Кн. IV, § 18).

^{105*} Ancorachè, per la invida natura degli uomini, sia sempre stato pericoloso il ritrovare modi ed ordini nuovi, quanto il cercare acque e terre incognite (Discorsi. Кн. I. Введение). Odiando gli uomini le cose o per timore o per invidia (Там же. Кн. II. Введение). Egli fu sempre, e sempre sarà, che gli uomini grandi e rari in una repubblica nei tempi pacifici sono negletti; perchè per la invidia che s'ha tirato dietro la riputazione che la virtù d'essi ha dato loro, si truova in tali tempi assai cittadini che vogliono, non che esser loro eguali, ma esser loro superiori²⁴⁾ (Там же. Кн. III. Гл. 16).

^{106*} Perchè se uno uomo è offeso grandamente o dal pubblico o dal privato, e non sia vendicato secondo la satisfazione sua; se e' vive in una repubblica, cerca ancora con la rovina di quella vendicarsi; se e' vive sotto un principe, ed abbia in se alcuna generosità, non si acquieta mai, in fino che in qualunque modo si vendichi contra di lui, ancora che egli vi vidisse dentro il suo proprio male (Там же. Кн. II. Гл. 28). Fuora di queste necessità, la roba e l'onore sono quelle due cose che offendono più gli uomini che alcun'altra offesa, e dalle quali il principe si debbe guardare: perchè e non può mai spogliare uno tanto, che non gli resti un coltello da vendicarsi²⁵⁾ (Там же. Кн. III. Гл. 6).

как чувство, обусловленное эгоистической природой человека, не что иное, как плата за полученные благодеяния^{107*}. Любовь, говорит Макиавелли, есть связь, обусловленная чувством благодарности; и эта связь может быть порвана любым соображением личной пользы^{108*}. Но как скоро любовь есть лишь плата за добро, лишь отражение впечатлений, полученных извне, то чувство это должно быть крайне непостоянным и держаться в людях, лишь пока они испытывают те приятные ощущения, которыми оно было вызвано. «Пока ты оказываешь людям добро, — говорит Макиавелли, — они всецело преданы тебе, предлагают свой кров, свое имущество, свою жизнь, своих сыновей, но лишь пока ты в этом не нуждаешься; но стоит тебе только потребовать этих благ, и они отворачиваются от тебя»^{109*}.

3. ПЕРЕВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ГОСУДАРСТВЕ

Цель государства — общее благо; люди же, которыми только и держится это государство, — узкие эгоисты, умеющие действовать только под напором своекорыстных влечений. Как же, спрашивается, теперь могут эти эгоисты, соединившись в государство, отказаться от исключительного преследования своих личных интересов и сделаться носителями общего блага?

Макиавелли не избегает этого вопроса. Напротив, он постоянно имеет в виду несоответствие между природою людей и обязанностями, которые возлагает на них жизнь в государстве. Все его политическое учение есть не что иное, как ряд правил, имеющих целью указание тех средств, с помощью которых это несоответствие может быть сглажено. И средства эти заключаются в обуздании своекорыстных влечений людей и в привитии гражданам нравственных качеств, которые сделали бы их способными служить общему благу. Но возможно ли обуздать своекорыстные влечения людей и заставить их действовать на благо общее?

Мы знаем из предыдущего, что влечения людей возбуждаются внешними впечатлениями. Эти впечатления, воздействуя на человека, не встречают с его стороны никакого отпора. Кто знаком с влечениями человека и теми внешними мотивами, которыми они возбуждаются, тот может заставить человека действовать

^{107*} E la natura degli uomini è così obbligarsi per li beneficii che essi fanno, come per quelli che essi ticevano (Il Principe. Гл. 10). Gli uomini quando hanno bene da che credono aver male, si obbligano più beneficatore loro²⁶⁾ (Там же. Гл. 9).

^{108*} Там же. Гл. 17.

^{109*} Там же.

так, а не иначе. Мы сравнили выше человеческие влечения с клавишами музыкального инструмента: посвященный в устройство этих клавишей может, ударяя по ним, издавать любые звуки. Когда люди предоставлены самим себе и мотивами их деятельности служат влечения, возбуждаемые случайными обстоятельствами, тогда деятельность их лишена всякого смысла: страсти людей, ничем не сдержанные, бросают их из стороны в сторону. Люди действуют хорошо лишь тогда, когда их влечения сдерживаются и направляются разумной силой; там же, где влечения людей ничем не обузданы, люди бессильны и деятельность их бесплодна. «Дела людей, — говорит Макиавелли, — никогда не достигли бы такой высоты, если бы люди не были принуждены к тому необходимостью» ^{110*}. Люди действуют в силу необходимости или по свободному выбору; и мы видим большую добродетель там, где выбор имеет наименее места ^{111*}. Люди не иначе делают добро, как в силу необходимости; там, где им предоставлен свободный выбор и свобода их ни в чем не стеснена, там возникают замешательство и беспорядок ^{112*}.

Этой стороной человеческой природы и должны воспользоваться основатели и организаторы государства. Они должны устроить государственную жизнь таким образом, чтобы внешняя сила воздействовала на людей и заставляла их действовать лишь в направлении, полезном общежитию. Эта сила, ввиду крайней впечатлительности и неустойчивости человеческой природы, должна быть, во-первых, силою принудительной, во-вторых, постоянно воздействующей на людей. Она должна быть мечом Дамокла, висящим над головами граждан и напоминающим им об их обязанностях. Очевидно, что такой силой не обладает ни школа, ни церковь. Как бы хороши ни были правила, которые прививает человеку воспитание, они не в состоянии развить в человеке нравственной устойчивости: сталкиваясь с соблазнами жизни, поддаваясь влиянию новой среды, человек изменяет правилам, вложенным в него воспитанием ^{113*}. Но и религия, пока она действует на людей путем проповеди, бессильна обуздать страсти людей. Лишь когда она является политическим орудием в руках государства ^{114*} или когда она говорит устами вооруженного пророка ^{115*}, она перестает быть гласом вопиющих в пустыне. Но во-

^{110*} Discorsi. Кн. III. Гл. 12.

^{111*} Там же. Кн. I. Гл. 1.

^{112*} Там же. Кн. I. Гл. 3.

^{113*} Там же. Кн. I. Гл. 42.

^{114*} Там же. Кн. I. Гл. 11—13.

^{115*} Il Principe. Гл. 6.

оруженные пророки и религия, опирающаяся на авторитет государства, сильны не своим словом, а тем мечом, которым наделило их государство.

Сила, долженствующая обуздать страсти людей и воспитать в них гражданские добродетели, может заключаться, по воззрению Макиавелли, лишь в условиях государственной жизни. Только эти условия, среди которых постоянно вращается гражданин, и которые действуют на него с неотразимой силой, могут заставить его отказаться от исключительного преследования своих личных интересов. Только государство обладает авторитетом, способным сдерживать страсти людей и направить их влечения на благую цель.

Своекорыстные влечения людей коренятся в самой природе человека, изменять которую не в состоянии ни законы, ни учреждения. Государство не в силах вложить в людей качества, которые не даны природой; оно бессильно переродить людей и обратить эгоистов в бескорыстных, самоотверженных служителей общего блага. Государству, нуждающемуся в гражданах, способных исполнять общественные обязанности, ничего другого не остается, как считаться с этими влечениями и воспользоваться ими в своих интересах, т. е. предупреждать и пресекать вредные последствия этих влечений и направлять их на благую цель. Влечения людей сами по себе не вредны: они делаются таковыми лишь тогда, когда им дается полный простор, и когда их не направляет и не регулирует разумная сила, сознательно стремящаяся к благой цели^{116*}. Одно и то же влечение является то рычагом для великих гражданских подвигов, то источником безрассудных и гибельных поступков. Задача государства в борьбе с человеческими влечениями — сдерживать эти влечения, где они могут иметь лишь вредные последствия, и давать им волю там, где они могут служить стимулом плодотворной деятельности.

Главные влечения, с которыми приходится бороться государству — корыстолюбие и властолюбие.

Корыстолюбивые влечения людей вредны всякому общежитию. Государство должно поэтому препятствовать развитию этих влечений и с этой целью делать их беспредметными. И средство к тому — законы, устанавливающие равномерное распределение имуществ и препятствующие накоплению материальных богатств в руках немногих^{117*}.

^{116*} См. с. 81 и примеч. 110*—112*.

^{117*} Il quale disordine nelle repubbliche ha causato di molte rovine; perchè quelli cittadini che immeritamente si veggono sprezzare, e conoscono che e' ne sono cagione i tempi facili e non pericolosi, s'ingegnano di tur-

Властолюбие, по воззрению Макиавелли, — главный источник тирании, и нельзя назвать то государство благоустроенным, которое дает широкий простор властолюбию отдельных граждан.

bargli, movando nuove guerre in pergiudizio della repubblica. E pensando quali potessino essere i rimedi, ce ne trovo due: l'uno *mantemere cittadini poveri, acciochè con le ricchezze senza virtù non potessino corrompere nè loro nè altri* (Discorsi. Кн. III. Гл. 16). Noi abbiamo ragionato atrove, come la più util cosa che si ordini in un viver libero è che si mantenghino i cittadini poveri. E benchè in Roma non apparisca quale ordine fusse quello che facesse questo effetto, avendo, massime, la legge agraria avuta tanta oppugnatione; nondimeno per esperienza si vidde, che dopo quattrocento anni che Roma era stata edificata, v'era una grandissima povertà; *nè si può credere che altro ordine maggiore facesse questo effetto, che vedere come per la povertà non t'era impedita la via a qualunque grado ad a qualunque onore, e come s'andava a trovare la virtù in qualunque casa l'abitasse...* Dove si vede due cose notabilissimi: l'una la povertà, e come vi stavano dentro contenti, e come bastava a quelli cittadini trarre della guerra onore, e l'utile tutto lasciavano al pubblico. Perchè, s'egli avessero pensato d'arrichire della guerra, gli sarebbe dato poca briga, che i suoi campi fussino stati guasti. L'altra è, considerare la generosità dell'animo di quelli cittadini, i quali preposti ad uno esercito, saliva la grandezza dell'animo loro sopra ogni principe; non stimarano i re, non le repubbliche; non gli sbigottiva nè spaventara cosa alcuna; e tornati dipoi privati, diventavano parchi, umili, curatori delle piccole facultà loro, ubbidienti ai magistrati, reverenti alli loro maggiori: talchè pare impossibile che uno medesimo animo patisca tanta mutazione. Durò questa povertà ancora insino ai tempi di Paulo Emilio, che furono quasi gli ultimi felici tempi di quella Repubblica, dove un cittadino che col trionfo suo arricchì Roma, nondimeno mantenne povero sè. Ecotanto si stimara ancora la povertà, che Paulo nell'onorare chi s'era portato bene nella guerra, donò a un suo genero una tazza d'ariento, il quale fu il primo ariento che fusse nella sua casa. E potrebbesi con un lungo parlare mostrare quali migliori frutti produca la povertà che la ricchezza e come l'una ha onorato le città, le provincie, le sette; e l'altra l'ha rovinata; se questa materia non fusse stata molte volte da altri uomini celebrata (Discorsi. Кн. III. Гл. 25). Le repubbliche bene ordinate hanno a tenere ricco il pubblico, e il loro cittadini poveri (Там же. Кн. I. Гл. 37). Sparta, come ho detto, essendo governata da un Re e da uno stretto Senato, potette mantenersi così lungo tempo, perchè essendo in Sparta pochi abitatori, ed avendo tolta la via a chi vi venisse ad abitare, ad avendo prese le leggi di Licurgo con riputatione, le quali osservando, levavano via tutte le cagioni de' tumulti, poterono vivere uniti lungo tempo: per chè Licurgo con le sue leggi fece in Sparta più equalità di sostanze, e meno equalità di grado; perchè quivi era una eguale povertà, ed i plebei erano manco ambiziosi; perchè i gradi della città si distendevano in pochi cittadini, ed erano tenuti discosto dalla plebe, nè gli nobili col trattargli male dettero mai loro desiderio di aver gli ²⁷⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 6).

С другой стороны, величайшие гражданские подвиги совершаются людьми не из бескорыстного служения общему благу, а из жажды власти. Великие основатели и реформаторы государств были и великими властолюбцами; и если бы их служение государству не сулило бы им земных благ, не удовлетворяло бы их тщеславие, они никогда не совершили бы славных деяний, которые сделали их имена бессмертными. Считать властолюбцев безусловно вредными людьми — значит отрицать заслуги Моисея, Тезея, Кира, Александра. Мало того: ни одно государство не может существовать без сильных людей, обязанных высоким положением в обществе своей жажде власти. «Республика, — говорит Макиавелли, — не может существовать без сильных людей и не может быть управляема. С другой же стороны, авторитет отдельных граждан — источник тирании. Необходимо поэтому наделять граждан лишь таким авторитетом, который был бы полезен, а не вреден городу и его свободе»^{118*}.

Чей же авторитет полезен, и чей — вреден?

Люди стремятся к власти не ради власти. То, что делает властолюбие вредным, — это те своекорыстные влечения, ради которых люди ищут власти. Поэтому вредны те властолюбцы, которые живут в обстановке, благоприятствующей развитию этих влечений. А в такой обстановке живут люди, обладающие материальными богатствами. Богатство обеспечивает людям досуг, позволяющий им жить праздно. Праздность же расслабляет человека и дает перевес животной стороне его природы. Не находя в своей обстановке принуждения к труду, человек предается разгулу и находит удовольствие лишь в такой жизни, которая лелеет его тело и не заставляет его напрягать умственные силы. Изнеженное тело, отупевший ум лишают человека способности подчинять рассудку свои страсти и сдерживать их силою воли. Живя в довольстве, не зная лишений, он не понимает чужих страданий: служение на пользу других ему не по силам. Если такой человек ищет власти, то лишь для того, чтобы дать больший простор своим страстям, жить на чужой счет, высасывать соки у своих подвластных и ими насыщать свою утробу. Властолюбие богатых людей, имеющее такие мотивы, не может быть полезно государству. Бедность, по Макиавелли, — самое действительное воспитательное средство: она не дает развиваться тем дурным страстям, ради которых люди ищут власти. Уничтожить богатство отдельных лиц — значит уничтожить источник вредных общежитию властолюбивых влечений. Средство против властолюбцев, говорит Макиавелли, — содержать людей в бедности, дабы они сво-

^{118*} Discorsi. Кн. III. Гл. 28.

им богатством без добродетели не портили ни себя, ни других^{119*}. Но не только материальное богатство, но и всякое другое благо, выпавшее случайно на долю человека, а не добытое им собственными усилиями, развивает в нем влечения, вредные общежитию. Человек, занимающий высокое общественное положение не по заслугам, а обязанный своим положением случайным обстоятельствам, никогда не может отправлять возложенных на него обязанностей, как того требуют интересы целого. Человек, который пользуется властью, случайно перешедшей в его руки, привыкает смотреть на нее как на благоприобретенную собственность, которою он может распоряжаться по произволу. Он видит в ней целый ряд прав, но не признает связанных с нею обязанностей. Он смотрит на себя как на отмеченного природою человека: он становится надменным и высокомерным. Достигнув власти без труда, он и не признает необходимости трудиться на пользу других. Он предается наслаждениям, и страсть к наслаждениям все растет в нем и вместе с нею стремление расширять свою власть, прочищать себе новые пути к новым наслаждениям. Властолюбивые влечения таких людей, по воззрению Макиавелли, безус-

^{119*} Там же. Кн. III. Гл. 16. L'altra cagione è, che quelle repubbliche dove si è mantenuto il vivere politico ed incorrotto, non sopportano che alcuno loro cittadino nè sia, nè viva ad uso di gentiluomo: anzi mantengono infra loro una pari equalità ed a quelli signori e gentiluomi che sono in quella provincia sono inimicissimi; e se per caso alcuni porvengono loro nelle mani, come principi di corrutella e cogione di ogni scandalo, gli ammazzano. E per chiarire questo nome di gentiluomini quale e' sia dico cre gentiluomini sono chiamati quelli che ociosi vivono de proventi delle loro possessioni abbondantemente, senza avere alcuna cura o di coltivare, o di alcuna altra necessaria fatica a vivere. Questi tali sono perniciosi in ogni repubblica ed in ogni provincia; ma più perniciosi sono quelli che, oltre alle predette fortune, comandano a castella, ed hanno sudditi che ubbidiscono a loro. Di questi due sorti di uomini ne sono pieni il regno di Napoli, terra di Roma, la Romagna e la Lombardia. Di qui nasce che in quelle provincie non è mai stata alcuna repubblica, nè alcuno vivere politico; perchè tali generazioni di uomini sono al tutto nemici di ogni civiltà. Ed a volere in provincia fatte in simil modo introdurre una repubblica, non sarebbe possibile; ma a voler e riordinare, se alcuno ne fusse arbitro, non arebbe altra via che farvi un regno (Там же. Кн. I. Гл. 55). Prima perchè a volere che un cittadino possa offendere e pigliarsi autorità istraordinaria, conviene qu'egli abbia molte qualità le quali in una repubblica non corrotta non puo mai avere: perchè gli bisogna essere ricchissimo, ed avere assai aderenti e portigiani, i quali non può avere, dove le leggi si osservano²⁸⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 34). См. также места, приведенные в примеч. 117*, в особенности из «Discorsi». Кн. III. Гл. 25.

ловно вредны; и задача государства — устранять условия, которые являются источником таких влечений^{120*}. Государство должно быть устроено таким образом, чтобы общественные власти покоились лишь в руках людей, которые своими заслугами успели доказать свою способность к государственному служению. Власть, порученная им, не должна быть случайным подарком, но наградой за оказанные государству услуги. И человек, который приобрел власть ценою долговременного и добросовестного служения, будет пользоваться ею не для удовлетворения своекорыстных целей, а в интересах того общества, которое поручило ему эту власть во внимание к заслугам. Жизнь, посвященная общественному служению, воспитала в нем любовь к труду, обуздала похоти плоти, развила более благородные стремления. Властолюбие такого человека не вредно обществу: не удовлетворяясь своим положением, он не уступает напору низких страстей: им двигает жажда деятельности, его соблазняют тот почет, те награды, то всеобщее уважение, которые выпадают на долю достойных слуг государства^{121*}.

^{120*} Discorsi. Кн. I. Гл. 2, 20, 24; см. ниже примеч. 121*.

^{121*} E la ragione è questa, che nessuna repubblica bene ordinata, non mai cancellò i demeriti con gli meriti de' suoi cittadini; ma a vando ordinati i premii ad una buona opera e le pene ad una cattiva, ed avendo premiato uno per aver bene operato, se quel medesimo opera dipoi male, lo gastiga, senza avere riguardo alcuno alle sue buone opere. E quando questi ordini sono bene osservati, una città vive libera molto tempo; altrimenti, sempre rovinerà presto. Perchè, se ad un cittadino che abbia fatto qualche egregia opera per la città si aggiunge, oltre alla riputazione che quella cosa gli arreca, una audacia e confidenza di potere. senza temer pena, fare qualche opera non buona, diventerà in breve tempo tanto insolente, che si risolverà ogni civiltà. E ben necessario, volendo che sia temuta la pena per le triste opere, osservare i premii per le buone; come si vede che fece Roma. E benchè una repubblica sia povera, e possa dare poco, debbe di quel poco non astenersi; perchè sempre ogni piccolo dono, dato ad alcuno per ricompensa di bene ancora che grande, sarà stimato, da chi lo riceve, onorevole e grandissimo (Discorsi. Кн. I. Гл. 24). Il vivere libero propone onori e premii, medianti alcune oneste e determinate cagioni e fuori di quelle non premia n? onora alcuno (Там же. Кн. I. Гл. 16). См.: там же. Кн. III. Гл. 28; кн. I. Гл. 20. Vera cosa è che alcune divisioni nuocono alla repubblica, ed alcune giovano: quelle nuocono, che sono dalle sette e da' pertigiani accompagnate; quelle giovano, che senza sette e senza partigiani si mantengono. Non potendo adunque provvedere uno fondatore di una repubblica, che non sieno inimicizie in quella, ha da provvedere almeno che non vi sieno sette: e per cio è da sapere, come in fue modi acquistano riputazione i cittadini nelle città, o per vie pubbliche, o

Не всякий достигнувший власти собственными усилиями добился ее законными путями. Немало встречается общественных деятелей, которые не пренебрегали никакими средствами, чтобы достигнуть почестей и влияния. Незаконными путями достигают власти, по Макиавелли, те, которые не гнушаются давать взятки власть имущим, обещаниями и подарками вербуют себе приверженцев и составляют себе партию людей, которые из личных мотивов помогают своему вождю захватить в свои руки власть, дабы впоследствии поделиться с ним добычею. Средства, к которым прибегают эти властолюбцы, уже указывают на цели, ради которых они ищут власти. Боясь прямой дороги, тяготясь усилиями, которые налагает на человека честное общественное служение, они, раз достигнув власти, будут пользоваться ею так же беззастенчиво, как и добивались ее. Успех, выпавший им на долю так легко, ободрит их идти по раз избранному пути. И если они, стремясь к власти, пренебрегали трудом и общественным служением, то, завладев желанным благом, они будут иметь еще менее побуждений к пользованию своею властью в интересах целого. Макиавелли неоднократно настаивает на том, чтобы таким людям был закрыт путь к возвышению. Это, по его мнению, самое действенное средство уничтожения властолюбивых влечений, вредных общежитию, ибо как скоро люди, прибегающие к насилию и обману, будут знать, что их усилия напрасны, и что государство гнушается их услугами, то они сумеют заглушить в себе стремление к власти, сделавшееся беспредметным ^{122*}.

per modi privati. Publicamente s'acquista, vincendo una giornata, acquistando una terra, facendo una legazione con sollecitudine e con prudenza, consigliando la repubblica saviamente e felicemente; per modi privati si acquista, beneficiando questo e quell' altro cittadino, difendendolo da' magistrati, sovvenendolo di danari, tirandolo immeritamente agli onori, e con giuochi e doni pubblici gratificandosi la plebe. Da questo modo di procedere nascono le sette ed i partigiani; e quanto questa riputazione cosi guadagnata offende, tanto quella giova, quando ella non è con le sette mescolata; perchè l' e fondata sopra un bene commune, non sopra un bene privato. E benchè ancora dai cittadini cosi fatti non si possa per alcuno modo provvedere che no vi sieno odii grandissimi; non di meno, non avendo partigiani, che per utilità propria gli seguitino, non possono alla repubblica nuocere, anzi conviene che giovino; perchè è necessario per vincere le loro prove, si voltino all' esaltazione di quella e particolarmente osservino l'uno l'altro, acciochè i termini civili non si trapassino ²⁹⁾ (Storie Fiorentine. Кн. VII, § 1).

^{122*} Е per discorrere questa cosa più particolarmente, dico che una repubblica senza cittadini riputati non può stare, nè può governarsi in alcun modo

Но и властолюбие лиц, достигших власти, высокого положения в обществе личными заслугами и могущих похвалиться всеми качествами, которые составляют украшение государственного деятеля, может, при известных обстоятельствах, сделаться гибельным для государства. Человеку, вкусившему раз всю сладость власти, все те выгоды и преимущества, с которыми связано высокое положение в обществе, привыкшему к общественной деятельности и полюбившему ее, трудно возвратиться к частной жизни. Если общество устраняет такого человека от всякого участия в политической деятельности, то оно само воспитывает себе в нем врага и наталкивает его на опасный путь. Оскорбленное честолюбие, неудовлетворенная жажда деятельности заставят его добиваться кривыми путями положения, на которое ему дают право его способности и заслуги. Видя законные пути к такому положению закрытыми, он станет искать незаконных и не остановится ни перед каким средством, чтобы завладеть силою тем, что общество не хотело ему дать добровольно. Из полезного общественного деятеля он превратится в опасного врага государственного порядка и употребит свои силы и способности на деятельность, проникнутую желанием отомстить своим неблагодарным согражданам. Если государство хочет обезопасить себя со сторо-

bene. Dall' altro canto, la riputazione de cittadini è cagione della tirannide delle repubbliche. E volendo regolare questa cosa bisogna talmente ordinarsi, che i cittadini sieno riputati di riputazione che giovi, e non nuoca alla città ed alla libertà di quella. E pero si debbe esaminare i modi con a quali ei pigliano blici sono: quando uno, consigliando bene, e operando meglio in beneficio commune, acquista riputazione. A questo onore si debbe aprire la via ai cittadini, e proporre premii ed ai consigli ed all' opere, talchè se n'abbino ad onorare e soddisfare. E quando queste riputazioni prese per queste vie siano schiette e semplici, non fanno mai pericolose: ma quando le sono prese per vie private, che è altro modo preallegato, sono pericolosissime ed in tutto nocive. Le vie private sono, facendo beneficio a questo ed ad quell' altro privato, con prestargli danari, maritargli le figliuole difendendolo dai magistrati, e facendogli simili privati favori i quali si fanno gli uomini partigiani, e danno animo a che è cosi favorito di poter corrompere il pubblico e sforzar le leggi. Debbe pertanto, una repubblica bene ordinata aprire le vie, come è detto, a chi cerca favori per vie pubbliche e chiuderle a chi li cerca per vie private; come si vide che fece Roma: perche in premio di chi operava bene per il pubblico, ordino i trionfi e tutti gli altri onori che la dava ai suoi cittadini; ed in danno di chi sotto varii colori per vie private cercava di farsi grande ordino l'accusa (Discorsi. Кн. III. Гл. 28). Perchè e' nucono alle repubbliche i magistrati che si fanno e l'autaritati che si danno per vie straordinarie non quelle, che vengono per vie ordinarie ³⁰⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 34).

ны властолюбивых влечений имеющих подобные мотивы, то оно должно раскрывать широкий простор всем даровитым и заслуженным гражданам и вознаграждать их заслуги по достоинству. Если все сильные и достойные умы и таланты найдут себе законное приложение, то они не будут искать незаконных путей, и государственному порядку не будет грозить опасность^{123*}.

Воспитание людей к гражданской жизни не может заключаться в одном пресечении и обуздании вредных общежитию влечений. Быть добродетельным, по Макиавелли, значит не только воздерживаться от зла, но и творить благо^{124*}. Государство, сдерживающее властолюбивые и корыстолюбивые влечения, лишь уготовляет почву, на которой должны возрасти положительные добродетели. Макиавелли требует от благоустроенного государства, чтобы оно не только заглушало в людях вредные общежитию влечения, но и воспитывало в них добродетели, которые наделяли бы их способностью быть достойными служителями общего блага.

В чем же заключаются эти гражданские добродетели? Мы знаем, что цель государства — общее благо. Все нравственные качества, которыми должны быть вооружены граждане, дабы быть носителями общего блага, и являются, по воззрению Макиавелли, теми гражданскими добродетелями, которые составляют главную основу государства. И деятельная любовь общего блага — первая из этих добродетелей, из которой вытекают все остальные^{125*}. Дабы эта добродетель могла развиваться в людях, необходим целый ряд условий.

^{123*} Vedesi, pertanto, come nelle repubbliche è questo disordine, di fare poca stima de' valentuomini ne' tempi quieti. La qual cosa gli fa indegnare in due modi: l'uno per vedersi mancar del grado loro; l'atro per vedersi fare compagni e superiori uomini indegni e di manco sufficienza di loro. Il quale disordine nelle repubbliche ha causato di molte rovine; perchè quelli cittadini che immeritamente si veggono sprezzare, e conoscono che e' ne sono cagione i tempi facili e non pericolosi, s' ingegnano di turbargli, movendo nuove guerre in pregiudizio della repubblica. E pensando quali potessino essere i rimedi, ce ne trovo due: l' uno, mantenere i cittadini poveri, acciocchè con le ricchezze senza virtù non potessino corrompere nè loro nè altri; l' altro, di ordinarsi in modo alla guerra, che sempre si potesse far guerra, e sempre s' avesse bisogno di cittadini riputati, come fa Roma ne' suoi primi tempi³¹) (Там же. Кн. III. Гл. 16).

^{124*} Discorsi. Кн. II. Гл. 2 (см. примеч. 132*); Dell' Asino d'Oro. Песнь V. Ст. 34—42.

^{125*} Credo che il maggiore bene, che si faccia e il più grato a Dio è quello, che si fa alla sua patria (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze). *Cosimo*:

Человек Макиавелли — крайний материалист. Ему недоступны абстрактные идеи, он неспособен воодушевляться идеальными благами. То, чего он не видит и не осязает, то для него и не существует^{126*}. Общее благо не может быть поэтому для человека предметом служения, пока оно — идеальная цель, теряющаяся в тумане грядущих времен. Граждане государства, в котором власть покоится в руках одного или немногих и правители эксплуатируют эту власть в своих интересах, граждане такого государства способны лишь любить свой очаг и свое добро; в ближнем они видят или своего личного друга, или своего личного врага, или своего соперника, или своего пособника в погоне за земными благами; понятие общего блага лежит за пределами их умственного и нравственного кругозора. Гражданские добродетели могут, по воззрению Макиавелли, развиваться лишь в свободном государстве, ибо лишь в таком государстве общее благо — не пустозвонная фраза, прикрывающая своекорыстные влечения правителей, не требование немногих избранных умов, а та реальная цель, которой служат все граждане, живущие сознательной общественной жизнью. Общее благо воплощается здесь в целом ряде учреждений. Граждане видят и осязают его. Уже воспитание научает их помнить о гражданских обязанностях и свято соблюдать их; каждый из граждан так или иначе участвует в общественной жизни и по мере сил и умения служит своему отечеству: интересы общественные — вместе с тем и его личные интересы. Общественная площадь, на которой обсуждаются государственные дела, общественные зрелища, которые выводят героев и восхваляют их гражданские добродетели, горячие и вдохновенные речи народных вождей, деятельность правителей, которая у всех перед глазами и служит предметом свободного обсуждения, — все это впечатления, которые ежедневно испытывает гражданин свободного государства, и которые напоминают ему, что кроме личного блага существует еще другое, столь же реальное благо — благо целого. В таком государстве любовь общего блага выражается в привязанности к родной почве, к тем учреждениям и людям,

Quali cose cono quelle, che voi vorreste introdurre simili all antiche? *Fabrizio*: Onorare e premiare le virtù, non dispregiare la povertà, stimare i modi e gli ordini della disciplina militare, constringere i cittadini ad amore l'uno l'atro, a vivere senza sette, a stimare meno il privato che il pubblico³²⁾ (Dell arte della guerra. Кн. I). См. также: *Storie Fiorentine*. Кн. § 5³³⁾; *Discorsi*. Кн. II. Гл. 2; кн. III. Гл. 8.

^{126*} См. ниже примеч. 162*.

которые служат этому благу. А лишь к таким чувствам и привязанностям способны люди^{127*}.

Мы знаем из предыдущего, что любовь, по Макиавелли, есть не что иное, как привязанность, объясняющаяся личными мотивами, не что иное, как плата за полученные благодеяния^{128*}. Любовь общего блага может поэтому развиваться лишь под сенью такого государственного строя, который не ложится тяжелым бременем на народ, не требует от него одних жертв и услуг, а наделяет граждан видимыми и осязательными благами. В стране, в которой государственная власть покоится в руках одного или немногих, в которой неприкосновенность имущества и чести граждан не обеспечена, в такой стране, по воззрению Макиавелли, люди не могут любить государство, которое представляется им враждебной силой, умеющей лишь угнетать и притеснять. Любовь общего блага может окрепнуть лишь в государстве, которое является защитником и покровителем граждан. Гражданин, который может спокойно пользоваться плодами своих трудов, который доверчиво предоставляет защиту своего имущества и своей чести государству и видит в нем верного стража своих интересов, такой гражданин не может не дорожить благами общежития и не видеть в них необходимого условия своего благосостояния. И, проникаясь благодарностью к учреждениям, которые охраняют его очаг, его семью, его добро, к тем общественным деятелям, которые пекутся о его интересах, он научается любить и уважать их как своих естественных защитников и покровителей. И эта любовь является здесь не бескорыстным чувством, а не чем иным,

^{127*} Nè potrete a questo male trovare rimedio; perchè quelli signori possono fare la loro signoria sicura che hanno pochi nimici, i quali tutti o con la morte o con l'esilio è facile spegnere: ma negli universali odj non si trova mai sicurtà alcuna; perchè tu non sai donde ha a nascere il male; e chi teme di ogni uomo, non si può mai assicurare di persona; e se pure tenti di farlo, ti aggravi nei pericoli, perchè quelli che rimangono, si accendono più negli odj, e sono più parati alla vendetta. Che il tempo a consumare i desiderj della libertà non basti, è certissimo; perchè s'intende spesso quella essere in una città da coloro riassunta, che mai la gustarono, ma solo per la memoria che ne avevano lasciata i padri loro l'amavano; e perciò, quella ricuperata, con ogni ostinazione e pericolo conservano; e quando mai i padri non l'avessino ricordata, i palagi pubblici, i luoghi de' magistrati, l'insegne de' liberi ordini la ricordano; le quali cose conviene che sieno con massimo disiderio da' cittadini cognosciute³⁴⁾ (Storie Fiorentine. Кн. 2, § 34). Ср. также: Discorsi. Кн. II. Гл. ³⁵⁾ и примеч. 195*—197*.

^{128*} См. с. 80—81.

как платою за благодеяния, которыми наделяет его государство^{129*}.

Любовь общего блага не должна, однако, остаться на степени простого благожелания: она становится добродетелью лишь тогда, когда выражается в деятельном служении на пользу государства^{130*}. Эта деятельная любовь предполагает в людях энергию и мужество. Развитию же этих качеств, по воззрению Макиавелли, всего более способствует экономическая обстановка. Богатство обеспечивает людям досуг, а досуг приучает людей к праздности. Бедность же принуждает людей к труду и развивает в них силу воли и любовь к деятельной жизни^{131*}.

Развитию в людях мужества и энергии способствует и религиозное воспитание. И если эти гражданские добродетели не процветали более в его время, между тем как в античном мире они украшали граждан и являлись источником подвигов, удивлявших мир, то эту перемену, по воззрению Макиавелли, должно приписать влиянию католической Церкви. Если современный ему человек ослаб физически и утратил бодрость духа, то он обязан упадком своих душевных и физических сил религиозному воспитанию нового времени, которое научает людей страдать и унижаться и видеть в презрении к земным благам высшую добродетель^{132*}.

^{129*} Discorsi. Кн. II. Гл. 2 и места, приведенные в примеч. 127*, 198*—200*.

^{130*} Там же; см. также ниже примеч. 132*; Dell' Asino d'Oro. Песнь V. Ст. 34—42.

^{131*} См. выше примеч. 117*, 119*; Discorsi. Кн. I. Гл. 1, 3, 6; Кн. III. Гл. 16; Dell' Asino d'Oro. Песнь V. Ст. 32—33.

^{132*} Pensando dunque donde posse nascere, che in quelli tempi antichi, i popoli fussero più amatori della libertà che in questi; credo nasca da quella medesima cagione che fa ora gli uomini manco forti: la quale credo sia la diversità della educazione nostra dalla antica, fondata nella diversità della religione mostra la verità e la vera via, ci fa stimare meno l'onore del mondo: onde i gentili stimandolo assai, ed avendo posto in quello il sommo bene, erano nelle azioni loro più feroci... La religione antica, oltre di questo, non beatificava se non gli uomini pieni di mondana gloria: come erano capitani di eserciti, e principi di repubbliche. La nostra religione ha glorificato più gli uomini umili e cintentativi, che gli attivi. Ha dipoi posto il sommo bene nelle umiltà, abiezione, nello dispregio delle cose umane: quell' altra lo ponera nella grandezza dello animo, nella fortezza di corpo, ed in tutte le altre cose, atte a fare gli uomini fortissimi. E se la religione nostra richiede che abbi in te fortezza, vuole che tu sia atto a patire pi? che a fare una cosa forte. Questo modo di vivere, adunque, pare che abbi renduto il mondo debole, a datolo in preda

Мы видели, что любить государство может заставить граждан лишь личный интерес. И только этот личный интерес может, по воззрению Макиавелли, заставить людей служить государству. Государство должно поэтому вознаграждать услуги граждан и обставлять их деятельность такими условиями, которые заставляли бы их искать общественной службы в своих личных интересах. Гражданские добродетели могут, по воззрению Макиавелли, процветать лишь в государстве, которое умеет ценить эти добродетели и вознаграждать их по заслугам^{133*}.

III

УСЛОВИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

1. УСЛОВИЯ МЕСТНОСТИ

Макиавелли считает условия местности важным фактором государственной жизни. Они, по его мнению, определяют внешнюю политику государства, влияют на его внутренний строй и воздействуют на нравственный склад народа. Государство, основанное в защищенной природою местности, может развиваться успешнее, чем общежитие, которому приходится тратить свои силы на отражение внешних врагов. Быстрое развитие венецианской республики Макиавелли объясняет ее географическим положением, которое защищало ее от нападения варваров, опустошавших остальную Италию^{134*}. Но такое географическое положение, ставящее врагам естественные преграды, имеет и важные неудобства: необходимость не заставляет граждан упражняться в военном искусстве, что развивает в них праздность и изнеженность, т. е. качества, в которых Макиавелли видит источник вредных общежитию влечений^{135*}. Такое государство прочно лишь, пока остается в своих естественных границах, но стоит ему только переступить их, и все преимущества его географического положения исчезают и обращаются в невыгоды: распространившись за пределы защищенных природою границ, оно раскрывает врагам настежь двери в свою территорию и, сравнившись в этом отношении с другими государствами, оно далеко отстает от них в

agli uomini scelerati; i quali sicuramente lo possono maneggiare, reggendo come la università degli uomini, per andare in paradiso pensa più a sopportare le sue battiture che a vendicarle³⁶⁾ (Discorsi. Кн. II. Гл. 2).

^{133*} Discorsi. Кн. I. Гл. 16, 24, 29; кн. III. Гл. 28.

^{134*} Там же. Кн. I. Гл. 1.

^{135*} См. выше с. 85, 93.

способности защищать свою территорию: оно не может выставить надежной военной силы, ибо население его невелико и испорчено праздною жизнью. Такое государство может поэтому существовать, лишь пока остается в своих естественных границах. Но жизнь всего земного, по Макиавелли, заключается в постоянном движении: оно растет или приближается к упадку. И государство не составляет в этом отношении исключения: стремление к расширению — естественное стремление, присущее всякому здоровому обществу; как скоро это стремление замерло и государство остановилось в своем развитии, — оно уже на пути к упадку. Вот почему государство, которому самой природой указаны известные границы, носит в себе зачаток смерти и рано или поздно должно пасть^{136*}.

Плодородие почвы имеет важное значение для государственной жизни. Оно, с одной стороны, влияет на нравственный склад народа, с другой, — на внешнее могущество государства. Почва, которая вознаграждает труд человека лишь ценою продолжительных и настойчивых усилий, развивает в людях энергию и любовь к труду^{137*}. Но бедность почвы — важное препятствие к размножению населения, а густота населения является первым условием внешнего могущества государства, ибо лишь государство с густым населением может выставить войско, способное отражать внешние нападения. Основатели государств должны поэтому избирать плодородные местности и устранять законами неудобства, проистекающие из богатства природы^{138*}.

Если условия местности являются такими важными факторами государственной жизни, то руководители государств должны принимать их во внимание и согласовать с ними цели и средства своей политики^{139*}. Но они, с другой стороны, не должны безусловно подчиняться им, ибо предоставлять природе полный простор и безропотно признавать над собою ее господство значит заранее отказаться от всякой благоустроенной жизни. Мы знаем, что мир физический, по воззрению Макиавелли, — не гармонический порядок, а хаос сил, враждующих с человеком^{140*}. Этот мир ничего даром человеку не уступает, и каждая пядь земли, которую отвоевывает себе человек, носит на себе след его пота и крови. Нет, по мнению Макиавелли, на всем земном шаре угол-

^{136*} Discorsi. Кн. I. Гл. 1, 6.

^{137*} Там же. Кн. I. Гл. 1.

^{138*} Там же. Кн. I. Гл. 1; Кн. II. Гл. 3.

^{139*} Там же. Кн. I. Гл. 1, 6; Кн. II. Гл. 3.

^{140*} См. выше с. 64 и сл.

ка, который обеспечил бы человеку мирное существование. Человек избегает одного неудобства лишь для того, чтобы очутиться среди обстановки, которая ставит ему новые препятствия, и человеку ничего другого не остается, как из двух зол выбрать меньшее^{141*}. Люди должны отказаться от мысли найти страну, которая удовлетворяла бы всем требованиям общежития, и трудом и энергией создавать условия, которые не уготовила им природа. Они должны избегать лишь таких местностей, невыгоды которых не могут быть устранены, и вступать в борьбу с природою везде, где эта борьба обещает им успех^{142*}. История Рима показывает, что энергия и мудрость людей в силах побороть препятствия, которые с первого взгляда кажутся непреодолимыми. Римляне жили в стране, которая щедро вознаграждала труд человека, и тем не менее это богатство не изнежило римлян: они и среди счастливых условий сумели развить в себе те гражданские добродетели, которым Рим обязан своим величием^{143*}.

2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЕДШЕЕ

Как бы различны ни были условия жизни, в которых вращается человек, на какой бы ступени исторического развития он ни стоял, всегда и везде природа его остается неизменной. «Люди, — говорит Макиавелли, — рождаются, живут и умирают по одним и тем же законам^{144*}. Кто наблюдает прошедшие и настоящие события, тому легко заметить, что во всех городах и у всех народов господствуют и всегда господствовали одни и те же желания и стремления»^{145*}. Мы знаем из предыдущего, что главным двигателем исторических событий является человек^{146*}. Если же природа этого человека остается всегда и везде неизменной, то и все то, что совершается в истории, должно носить на себе один и тот же отпечаток. «В мире, — говорит Макиавелли, — происходит все одинаковым образом и в нем везде существовало столько же добра, сколько и зла, но это добро и зло распределяются лишь неодинаковым образом по различным странам»^{147*}. История, по Макиавелли, есть, таким образом, не что иное, как перестановка

^{141*} Discorsi. Кн. I. Гл. 6.

^{142*} Там же. Кн. I. Гл. 1.

^{143*} Там же. Кн. I. Гл. 1; кн. II. Гл. 3.

^{144*} Там же. Кн. I. Гл. 11.

^{145*} Там же. Кн. I. Гл. 39.

^{146*} См. выше примеч. 80*.

^{147*} Discorsi. Кн. II. Введение.

сил, раз навсегда в мире существующих. Материал, из которого складывается общественная жизнь, остается все тот же. Если же он в различное время дает различные результаты, то это объясняется тем, что он допускает различные комбинации. Политику не приходится поэтому считаться с исторически сложившимся: он может во всякое время разрушить выработанное предшествующими поколениями и строить новое здание с самого основания по стилю, произвольно избранному.

Государственный строй складывается из учреждений, не имеющих корней в прошедшем, но держащихся исключительно теми потребностями, которыми они были вызваны. Обычай не имеет места в образовании форм общежития; и нет таких условий, которые с естественной необходимостью и независимо от воли людей порождали бы известные неотразимые последствия. Макиавелли не знает учреждений, которые нельзя было бы объяснить разумной причиной: все явления государственной жизни — искусственные и целесообразные учреждения; они созданы людьми в сознании своих потребностей и держатся только этими потребностями. Если поэтому потребность, ради которой люди создали известное учреждение, исчезла, то этим самым пресечен тот корень, которым оно питалось и жило^{148*}.

Как люди не способны стремиться к идеальным целям^{149*}, так точно они не умеют сохранять привязанность к старым учреждениям, теряющимся в тумане отживших веков. Прошедшее не освящает для них учреждений и не вырабатывает преданий и исторических идеалов. Люди не умеют уважать древние учреждения только потому, что с ними связаны дорогие воспоминания^{150*}.

Историческое прошедшее, по воззрению Макиавелли, имеет значение лишь настолько, насколько оно живо в людях в форме известных привязанностей и привычек ума. Общественный строй,

^{148*} Gli uomini sono molto più presi dalle cose presenti; che dalle passati; e quando nelle presenti ei trovano il bene, vi si godono e non cercano altro (Il Principe. Гл. 24). Nè credino, che sia vero che gli uomini facilmente ritornino al modo del vivere aecchio e consueto: perchè questo si verificia quando il vivere vecchio piacesse più del nuovo; ma quando e' piace meno non si torna se non forzato³⁷⁾ (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze).

^{149*} См. выше, с. 91.

^{150*} E se straordinarii vizi non lo (т. е. наследственного князя) fanno odiare, è ragionevole che naturalmente sia ben voluto da' suoi, e nell' antichità e continuazione del dominio sono spente le memorie e le cagioni delle inovazioni; perchè sempre una mutazione lascia lo addentellato per la edificazione del l'altra³⁸⁾ (Il Principe. Гл. 2).

среди которого люди прожили известное время, влияет на их образ жизни и на их частную обстановку. Они привыкают к этой обстановке, и если она не противоречит их более настоятельным потребностям и обеспечивает им мирное существование, то они привязываются к ней и держатся ее. Вот эти-то привычки и привязанности и являются, по воззрению Макиавелли, теми следами исторического прошедшего, с которыми приходится считаться политику^{151*}.

Но эти привязанности не пускают глубоких корней в человеке, и причина тому — крайняя впечатлительность и неустойчивость человеческой природы. Как история проходит для человечества бесследно, так и отдельный человек не имеет прошедшего. Он живет только настоящим: прошедшее не развивает в нем склада мыслей и чувств, которые могли бы устоять против испытываемых им внешних впечатлений и оставались бы неизменными среди изменчивости внешней обстановки. Привязанность к учреждениям держится в людях, пока существуют эти учреждения, но стоит только разрушить эти учреждения, и привязанность к ним исчезает^{152*}.

Реформатору, заменяющему старый строй новым, не приходится, следовательно, смущаться древностью известных учреждений, ибо эта древность сама по себе никаких связей не выработала. Он должен только обращать внимание на привычки и привязанности людей, сложившиеся под влиянием этих учреждений, а главное, исследовать, какие интересы людей затрагиваются разрушением старого строя^{153*}. Кроме того, так как люди

^{151*} E a possederli securamente basta aver spenta la linea del principe cje li dominava; perchè nelle altre cose matenendosi loro le condizioni vecchie, e non vi essendo disformità di costumi gli uomini si vivono quietamente (Там же. Гл. 3). Perchè gli uomini usi a vivere in un modo, non lo vogliono variare; e tanto più veggendo il male in viso, ma avendo ad essere loro mostro per congetture³⁹⁾ (Discorsi. Кн. I. Гл. 18).

^{152*} Qualunque diventa principe o d'una città o d'uno stato e tanto più quando i fondamenti suoi fussino deboli e non si vogla o per via di regno o di repubblica alla vira civile, il migliore rimedio che egli abbia a tenere quel principato, è, sendo egli nuove principe fare ogni cosa di nuovo in quello stato: come è nelle città fare nuovi governi con nuovi nomini; fare i poveri ricchi, come fece David quando ei diventò Re: qui esurientes implevit bonis, et divites dimisit inanes; edificare oltra di questo nuove città, disfarre delle fate, cambiare gli abitatori da un luogo ad un altro⁴⁰⁾ (Discorsi. Кн. I. Гл. 26).

^{153*} Talchè si vede certo, che di quel che si die un populo circa la mala o buona dispozion sua, si debe tenere non gran conto, quando tu sia ordinato

дорожат более внешностью, чем действительностью^{154*}, то реформатор должен сохранять внешнюю оболочку учреждений и не разрушать внешних форм, к которым пригляделись люди^{155*}.

IV НАРОД

Хотя страсти и влечения у всех людей и во все времена одинаковы^{156*}, они тем не менее проявляются различно, по различию тех общественных условий, среди которых люди вращаются. Дабы познакомиться с природою отдельных общественных элементов, недостаточно изучить природу человека вообще, а необходимо и проследить, какое направление получают страсти и влечения людей, как скоро люди выступают на поприще общественной деятельности и являются или самостоятельными государственными деятелями, или членами той или другой общественной группы.

Начнем с народа.

Под народом Макиавелли понимает трудящийся люд, состоящий из граждан, которые ни богатством, ни общественным положением не возвышаются над общим уровнем. Рассуждая о достоинствах и недостатках народа, Макиавелли говорит о совокупности граждан как о целом, играющих активную роль в государственной жизни не иначе как выступая замкнутой толпой.

in modo da poterlo mantenere, s'egli è ben disposto s'egli è mal disposto da potere provvedere che non ti offenda. Questo s'intende per quelle male disposizioni che hanno i popoli, nate da qualunque altra cagione, che o per avere perduto la libertà, o il loro principe stato amato da loro, e che ancora sia vivo, perchè le mae disposizioni che nascono da queste cagioni sono sopra ogni cosa formidabili, e che hanno bisogno di grandi rimedi a frenarle: l'altre sue indisposizioni fieno facili, quando ci non abbia capei a che refuggire (Там же. Кн. I. Гл. 57). Perchè quello stato che si muta, nacque con violenza o non; eperchè quando e' nasce con violenza, conviene nasca con ingiuria di molti, è necessario poi, nella rovina sua, che gli ingiurati si vogliono vendicare; e da questo desiderio di vendetta nasce il sangue e la morte degli uomini⁴¹⁾ (Там же. Кн. III. Гл. 7).

^{154*} См. примеч. 165*.

^{155*} Colui che desedera o che vuole riformare uno stato d'una città, a volere che sia scetto, e poterlo con satisfazione di ciascuno martenerere, è necessitato a ritenere l'ombra almanco de'modi antichi; accio che a'popoli non paia avere mutato ordine, ancora che in fatto gli ordini nuovi fussero al tutto alieni di passate⁴²⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 25).

^{156*} См. выше, с. 96.

Дурные качества человеческой природы — крайняя подвижность и неустойчивость — не могут так резко выступать у народа благодаря тому, что он — сложное целое, движения которого тормозят его отдельные составные части, — люди, держащиеся различных воззрений и имеющие неодинаковые стремления. Народ, действуя в совокупности, может выставлять лишь такие требования, которые общи всем гражданам: отдельные противоречащие друг другу воззрения и стремления должны слиться в общее желание, прежде чем сделаться мотивом деятельности народа как целого. Вот почему Макиавелли считает народ неспособным к быстрым решениям и движениям^{157*}.

Требования, с которыми выступает народ, обуславливаются не своекорыстными влечениями и прихотями отдельных граждан, которые слишком противоречат друг другу и развитию которых, кроме того, препятствует экономическая обстановка народа, а лишь интересами, общими всем гражданам, составляющим народ. Эти интересы — безопасность и неприкосновенность имущества и чести. Только ради защиты этих интересов народ выходит из своей пассивной роли, и его желания удовлетворены, как скоро ему обеспечена неприкосновенность его имущества и чести^{158*}.

Этими двумя отличительными качествами народа — его неспособностью к быстрым решениям и движениям, с одной стороны, и скромностью и ограниченностью его желаний, с другой, — Макиавелли объясняет все его достоинства и недостатки.

^{157*} Le repubbliche avere il moto loro tardo, fàra che le porrano sempre più a risolversi, che il principe e per questo porrano più e rompere la fede di lui⁴³⁾ (Discorsi. Кн. I. Гл. 59).

^{158*} Discorsi. Кн. I. Гл. 57. См. также примеч. 162*. I desiderii de'popoli liberi, rade volte sono perniziosi alla libertà, perchè e' nascono o da essere oppressi, o da suspizione di avere a essere oppressi (Там же. Кн. I. Гл. 4). Dico ch'ei debbe esaminare prima quello che il popolo desidera, e troverà sempre ch'ei desidera due cose: l'una vendicarsi contro a coloro che sono cagione che sia servo; l'altra di riavere la sua libertà... Ma quanto all'altro popolare desiderio di riavere la sua licertà, non potendo il principe satisfargli, debbe esaminare quali cagioni sono quelle che gli fanno desiderare d'essere liberi; e troverà che una piccola parte di loro desidera d'essere libera per comandare; mai tutti gli altri che sono infiniti desiderano la libertà per vivere securi (Там же. Кн. I. Гл. 16). Altre a questo non si può con onestà satisfare a' grandi, e senza ingiuria d'altri; ma sibbene al popolo: perchè quello del popolo è più onesto fine che quel de' grandi, volendo questi opprimere, e quello non essere oppresso (Il Principe. Гл. 9). E qualunque volta alla università degli uomini non si taglie nè robba, nè onore, vivono contenti⁴⁴⁾ (Там же. Гл. 19).

Народ, будучи неспособен к быстрым решениям и движениям, дорожа благами, которые нуждаются прежде всего в прочном государственном порядке, народ, по самой природе своей, отличается постоянством и служит самым надежным хранителем законного порядка. Этот порядок — необходимое условие народного благосостояния; и где ему грозит опасность, там грозит опасность и тем благам, которыми всего более дорожит народ. Нарушение законного порядка, если только он охраняет имущество и честь граждан, никогда не может быть делом народа, который желает лишь одного — жить мирно и не быть угнетенным. Народ живет не столько рассудком, сколько чувствами. Он держится известных учреждений не потому, что считает их целесообразными, а скорее потому, что пригляделся и привык к ним. Народ трудно убедить в необходимости преобразований: он не умеет дорожить благами, которые сулят ему выгоды лишь в будущем, как бы соблазнительны эти выгоды ни были^{159*}. Народ по самой природе своей консервативен^{160*}. Властолюбивые влечения, этот главный источник насильственных переворотов, чужды народу, ибо влечения эти для народа беспредметны: масса трудящегося люда за почестями не гоняется и ничего другого от государства не требует, кроме мира и спокойствия^{161*}.

Народ, как мы сказали выше, вмешивается в активную политическую жизнь лишь ради защиты неприкосновенности иму-

^{159*} *Perchè li assai uomini non si accordano mai ad una legge nuova che riguardi uno nuovo ordine nella città, se non è mostro loro da una necessità che bisogni farlo (Discorsi. Кн. I. Гл. 2). E veramente, ma non fu alcuno ordinatore di leggi straordinare in uno popolo, che non ricorresse a Dio; perchè altrimenti non sarebbero accettate: perchè sono molto bene conosciuti da uno prudente, i quali non hanno in se ragioni evidenti da potergli persuadere ad altri (Там же. Кн. I. Гл. 11)... Incrudelità degli uomini, i quali non credano in verità una cosa nuova, se non ne veggono nata esperienza ferma*⁴⁵⁾ (*Il Principe. Гл. 6*).

^{160*} *I popoli sono tanto superiori nel mantenere le cose ordinate, ch'egli aggiungono senza dubbio alla gloria di coloro che l'ordinano... Vedesi un popolo cominciare ad avere in orrore una cosa e molti secoli stare in quella opinione: il che non si vede in uno principe*⁴⁶⁾ (*Discorsi. Кн. I. Гл. 58*).

^{161*} *E senza dubbio, se si considera il fine de' nobili e delli ignobili, si vedrà in quelli desiderio grande di dominare, ed in questi solo desiderio di non essere dominati; e, per conseguente, maggiore volontà di vivere liberi, potendo meno sperare d'usurparla che non possono li grandi: talchè essendo i popolani proposti a guardia d'una libertà, è ragionevole ne abbino più cura, e non la potendo occupare loro, non permettino che altri la occupi*⁴⁷⁾ (*Там же. Кн. I. Гл. 5*).

щества и чести, т. е. интересов, которые дороги всем гражданам в одинаковой степени; другими словами, мотивами его политической деятельности служит не частное, а общее благо. Если народ и не обладает проницательностью и дальновидностью, то он может похвалиться здоровым чутьем, которое позволяет ему отличать полезное от вредного, его суждение определяется лишь интересами общего блага и не затемняется теми своекорыстными стремлениями, которые в большинстве случаев определяют суждения сильных людей^{162*}. Поэтому Макиавелли и считает народ всего более способным к выбору должностных лиц. Народ не доступен лести: льстить можно лишь отдельным лицам, целый же народ лестью в свою пользу расположить нельзя. Те личные связи и привязанности, которые играют такую важную роль при назначении должностных лиц князем, не имеют места при народных выборах; между народом и служителями государства не могут установиться отношения, обуславливающиеся частными интересами, личными симпатиями и антипатиями. Народ, который не ищет почестей, является самым беспристрастным судьей при раздаче этих почестей и руководствуется при выборе должностных лиц лишь их действительными заслугами и интересами целого^{163*}.

Но если неподвижностью народа и скромностью его желаний обуславливаются достоинства народа, то ими же объясняются и его недостатки.

Неподвижность народа лишает его способности принимать быстрые и энергические решения. На народ рассчитывать нельзя,

^{162*} Ma quanto alla prudenza ed alla stabilità, dico, come uno popolo è più prudente, più stabile e di miglor giudicio che un principe. E non senza cagione si assomiglia la voce d'un popolo a quella di Dio: perchè si vede una opinione universale fare effetti meravigliosi ne' pronostichi suoi: talchè pare che per occulta virtù ei prevegga il suo male e il suo bene (Discorsi. Кн. I. Гл. 58). E li popoli, come dice Tulio, benchè siano ignoranti, sono capaci della verità⁴⁸⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 4).

^{163*} Credo ancora, che si possa conchiudere, che mai un uomo prudente non debbe fuggire il giudizio popolare nelle cose particolari, circa le distribuzioni de gradi e delle dignità: perchè solo in questo il popolo non si inganna; e se si inganna qualche volta fia si raro, che s'ingannerano più volte i pochi uomini che avessino a fare simili distribuzioni (Там же. Кн. I. Гл. 47). Vedesi ancora, nelle sue elezioni ai magistrati fare di lunga migliore elezione che uno principe; nè mai si persuaderà ad un popolo, che sia bene tirare alla dignità uno uomo infame e di corrotti costumi: il che facilmente e per mille vie si persuade ad un principe⁴⁹⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 58).

где необходимо быстрой и энергической мерой устранить угрожающую государству опасность. Народ не обладает также проницательностью и дальновидностью и не видит опасности, пока она не наступила. Он не способен обозреть положение вещей в целом, спокойно обсудить обстоятельства и предвидеть их последствия^{164*}.

Отсутствием проницательности объясняется и увлечение народа внешностью. Народ не способен проникать за внешнюю оболочку явлений и понимать их настоящий смысл. Обсуждая то или другое явление, он руководствуется лишь тем внешним впечатлением, которое они на него производят. Народу очень легко импонировать красивым словом, если даже за этим словом не кроется никакого содержания или оно служит лишь для того, чтобы скрыть настоящие намерения оратора. Предприятие, которое производит сильное впечатление своею отважностью, легко может соблазнить толпу, если даже его последствия губительны для народа^{165*}.

Народ, на которого производит такое сильное впечатление внешность, и который живет не столько рассудком, сколько чувствами, по необходимости труслив. Его легко застраховать энергиче-

^{164*} Perchè, così come molti non sono atti ad ordinare una cosa, per non conoscere il bene di quella, causato dalle diverse oppinioni che sono fra loro (Там же. Кн. I. Гл. 9). Ed esaminando donde possa procedere questo, credo proceda che gli uomini nelle cose generali s'ingannano assai, nelle particolari non tanto⁵⁰⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 47).

^{165*} La prima, che l'popolo molte volte, ingannato da una falsa immagine di bene, desidera la rovina sua; e se non gli è fatto capace, come quello sia male, eguale sia il bene, da alcuno in chi esso abbia fede, si pone in le repubbliche infiniti pericoli e danni. E quando la sorte fa che il popolo non abbi fede in alcuno, come qualche volta occorre, sendo stato ingannato per lo addietro o dalle cose o dagli uomini; so viene alla rovina di necessità... Pertanto, considerando quello che facile a quello che è difficile persuadere da un popolo, si può fare questa distinzione: o quel che tu hai a persuadere rappresenta in prima fronte guadagno, o perdita; o veramente pare partito animoso, o ville: quando nelle cose che si mettoo innanzi al popolo, si vede guadagno, ancora che vi sia nascosto sotto perdita; e quando e'paia animoso, ancora che vi sia nascosto sotto la rovina della repubblica, sempre sara facile persuaderlo alla moltitudine: e così fià sempre difficile persuadere quelli partiti, dove apparisce o viltà o perdita, ancorachè vi fusse nascosto sotto salute e guadagno (Там же. Кн. I. Гл. 53). Lo universale degli uomini si pasce così di quel che pare, come di quello che è, anzi molte volte si muovono più per le cose che paiono, che per quelle che sono⁵¹⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 25).

ской и суровой мерой, и он теряет голову, встречаясь лицом к лицу с непредвиденной опасностью^{166*}.

Народ, как мы знаем из предыдущего, ценит лишь блага, которые видит и осязает. Вот почему он дорожит общественными деятелями, лишь пока испытывает на себе их благодеяния, пока любит их храбростью и отвагою, пока вкушает плоды их полезной деятельности. Но он забывает об их заслугах и честном служении, как скоро он в них более не нуждается, и платит неблагодарностью за оказанные ему услуги^{167*}.

Мы сказали выше, что желания народа весьма ограничены. Но чем скромнее желания народа, тем более он дорожит ими и тем чувствительнее он ко всем нарушениям неприкосновенности его чести и имущества^{168*}. Он ревностно хранит эти блага и недоверчиво смотрит на людей, которые своим поведением дали ему повод подозревать их в намерении стеснить его свободу. Его подозрение нередко бывает неосновательным и поражает людей, оказавших ему действительные услуги^{169*}. Обыкновенно неподвижный и тяжелый на подъем, он способен на самые отчаянные поступки, как скоро задеты его имущество и честь, и страшно мстит тем, которые лишают его этих благ^{170*}.

^{166*} Dei quali editti, da prima per coloro contra a chi è venivano, si fu fatto beffe; dipoi, quando si appressi il tempo dello ubbidire, tutti ubbidirono. E Tito Livio dice queste parole: Ex ferocibus universis, singuli metu suo obedientes fuere. E veramente, nono si può mostrare meglio la natura d'una moltitudine è audace nel parlare molte volte contra alle deliberazioni del loro principe; dipoi como veggono la pena invis non si fidando l'uno del altro, corrono ad ubbidire⁵²⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 57).

^{167*} Qualunque legge le cose fatte dalle repubbliche troverà in tutte qualche spezie di ingratitudine a suoi cittadini⁵³⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 27); см. также примеч. 169*.

^{168*} Il Principe. Гл. 17; Discorsi. Кн. I. Гл. 16, 57.

^{169*} Quanto agli errori per mantenersi libera, sono, intra gli altri questi di offendere quei cittadini, che la dovrebbebbè premiare, aver sospetto di quelli in cui dovrebbebbè confidare⁵⁴⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 29).

^{170*} Non e meraviglia ancora che i popoli hanno vendetti istraordinarii contra a quelli che gli hanno occupata la libertà (Там же. Кн. II. Гл. 2). Dove, nondimeno, il principe farsi temere in modo, che se non acquista l'amore, e fugga l'odio; perchè può molto bene stare insieme essere temuto e non odiato: il che farà sempre che s'ategna dalla robba de suoi cittadini e de suoi sudditi, e dalle donne loro. E quando pure gli bisognasse procedere contro di sangue di qualcuno farlo quando vi sia giustificazione conveniente e causa manifesta: ma soprattutto astenersi dalla robbe d'altri: perchè gli uomini dimenticano più presto la morte del padre, che la perdita del partimonio⁵⁵⁾ (Il Principe. Гл. 17); см.: Discorsi. Кн. I. Гл. 16.

V

ДВОРЯНЕ, ВЕЛЬМОЖИ, КНЯЗЬ

1. ДВОРЯНЕ И ВЕЛЬМОЖИ

Дворяне, по воззрению Макиавелли, безусловно вредный элемент для всякого здорового общежития. Они обставлены условиями, которые развивают в них наиболее опасные общежитию влечения. Они пользуются богатством без добродетели и занимают высокое положение в обществе не по заслугам^{171*}. Они хитрые и ловкие властолюбцы^{172*}, и все их стремление направлено к одному: властвовать над народом, дабы угнетать его^{173*}.

От дворян должно отличать вельмож, т. е. лучших людей и именитых граждан, обязанных высоким положением в обществе своим заслугам и талантам и достигнувших власти собственными усилиями. Их властолюбие не грозит опасностью государству, а, напротив, полезно общежитию, если только они обставлены надлежащими условиями и деятельность их стоит под контролем общества^{174*}.

2. КНЯЗЬ

Князь, по воззрению Макиавелли, необходимый элемент во всяком государстве, не исключая и республики. Лишь князь, облеченный неограниченной властью и ничем не стесненный в своей деятельности, способен организовать государство, вновь преобразовать старый государственный порядок, устранить решительной и энергической мерой грозящую государству опасность. Везде, где требуется быстрота и единство действия, власть князя необходима, столько же в республике, сколько и в княже-

^{171*} Discorsi. Кн. I. Гл. 54.

^{172*} Perchè essendo in quelli (т. е. дворянах) più vedere e più astuzia, avanzano sempre tempo per salvarsi, e cercano gradi con quello che sperano che vinca⁵⁶⁾ (Il Principe. Гл. 9).

^{173*} Discorsi. Кн. I. Гл. 5; также см. выше примеч. 161*. Notasi adunque, per questo testo, in prima esser nato in Roma questo inconveniente di creare questa tirannide per quelle medesime cagioni, che nascono la maggiore parte delle tirannidi nelle città: e questo è da troppo desiderio del popolo d'esser libero, e da troppo desiderio de' nobili di comandare (Там же. Кн. I. Гл. 40). La potenza de' Tribuni della plebe nelle città di Roma fu grande, e fu necessaria, perchè altrimenti non si sarebbe potuto por freno all'ambizione della Nobiltà, la quale avrebbe molto tempo innanzi corrotta quella Repubblica, che la non si corruppe⁵⁷⁾ (Там же. Кн. III. Гл. 11).

^{174*} См. с. 84—90 и ниже примеч. 229*.

стве^{175*}. Но дабы власть князя была действительно полезной общежитию, необходимо, чтобы носитель ее был человек, одаренный энергией и силою воли. Этими же качествами может обладать лишь человек, который возведен на княжеский престол волею народа или личной энергией и ловкостью добился власти. Если князь и способен организовать государство и руководить им в моменты опасности и общественных кризисов, то ему не по силам поддерживать установленный им строй и управлять общежитием, когда государственная жизнь снова потекла своим нормальным течением. И интересы общежития требуют, чтобы он возвратил власть в руки народа, когда дело переустройства государства окончено или опасность, грозившая государству, миновала^{176*}.

Если, таким образом, деятельность князя, обязанного высоким положением своим заслугам, и бывает иногда полезной государству, а в известных случаях и безусловно необходима, то наследственный князь, по воззрению Макиавелли, не способен руководить здоровым государственным строем^{177*}.

^{175*} Discorsi. Кн. I. Гл. 9; также см. ниже примеч. 176*; Discorsi. Кн. I. Гл. 17. I principi sono superiori a popoli nelle ordinare leggi, formare vite civili, ordinare statuti et ordini nuovi (Там же. Кн. I. Гл. 58). Perchè a volergli rinovare a poco a poco conviene che ne sia cagione uno prudente, che veggia questo inconveniente assai discosto, e quando e'nasce (Там же. Кн. I. Гл. 18). E quanto a questi, conviene che nasca o da una legge la quale spesso rivegga il conto agli uomini che sono in quel corpo, o veramente da uno uomo buono che nasca fra loro, il quale con gli suoi essempli e con le sue opere virtuose, faccia il medesimo effetto che l'ordine⁵⁸⁾ (Там же. Кн. III. Гл. 1).

^{176*} Debbe (т. е. князь-организатор) in tanto esser prudente e virtuoso, che quella autorità che si ha presa, non là lasci creditaria ad un altro: perchè essendo gli uomini più proni al male che al bene, potrebbe il suo successore usare ambiziosamente quello che da lui virtuosamente fusse stato usato. Oltre di questo, se uno e atto ad ordinare, no è la cosa ordinata per durare molto, quando la rimagna sopra le spalle d'uno; ma si bene, quando la rimane alle cura di molti, e che a molti sia il manteneria⁵⁹⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 9). См. также: Там же. Кн. I. Гл. 34 и ниже с. 145.

^{177*} Там же. Кн. I. Гл. 9, примеч. 180*. E perchè i principi sono di corta vita, conviene che quel regno manchi presto, secondo che manca la virtù d'esso. Donde nasce che i regni i quali dependono solo dalla virtù d'uno uomo, sono poco durabili, perchè quella virtù manca con la virtù di quello; e rade volte accade che la sia rinfrescata con la successione, come prudentemente Dante dice: Rede volte risurge per li rami l'umana probitade: e questo vuole qualche la dà, perchè da lui si chiami (Там же. Кн. I. Гл. 11). E certamente si può stimare, che se Roma sortiva per

Мы знаем из предыдущего, что лишь личный интерес может заставить человека любить общее благо и служить ему^{178*}. Положение же наследственного князя не побуждает его действовать в интересах целого: он обязан своею властью не народу и управляет им помимо его воли, ему поэтому совершенно безразлично, благоденствует ли этот народ или нищенствует. Порочность власти князя не зависит от благоденствия целого; напротив, угнетенный и извращенный народ терпеливее выносит ярмо княжеской власти. «То, что князь делает в своих интересах, — говорит Макиавелли, — то оскорбляет народ, и наоборот, то, что он делает в интересах народа, то вредит ему»^{179*}.

Наследственный князь не обставлен условиями, которые сдерживали бы и дисциплинировали его влечения; напротив, он вырос и возвращается в обстановке, которая дает перевес дурным наклонностям человеческой природы. Отсутствие труда, жизнь в довольстве и роскоши развивают в нем животные страсти и похоти плоти, затемняют его умственные способности, расслабляют его тело, развращают его вкусы. Он находит удовольствие в одних плотских наслаждениях, всякая умственная работа, всякий физический труд ему в тягость^{180*}.

terzo suo Re un uomo che non sapesse con le armi renderle la sua riputazione, non arebbe mai poi, o con grandissima difficoltà, potuto pigliare piede, nè fare quelli effetti ch'ella fece. E così, in mentre ch'ella visse sotto i Re, la portò questi pericoli di rovinare sotto un Re o debole o tristo. Poiche Roma ebbi cacciati i Re, mancò di quelli pericoli i quali di sopra sono detti che la portava, succedendo in lei uno Re, o debole o tristo. Perchè la somma dello imperio si ridusse ne'consoli, i quali non per eredità o per inganni o per ambizioni violenta, ma per suffragi liberi venivano a quello imperio, ed erano sempre uomini eccellentissimi⁶⁰ (Там же. Кн. I. Гл. 19—20).

^{178*} См. выше с. 92.

^{179*} Al contrario interviene quando vi è uno principe; dove il più delle volte quello che fa per lui, offende la città; e quello che fa per la città, offende lui. Non può ancora le città che egli acquista, sottometterle o farle tributarie a quella città di che egli è tiranno: perchè il farla potente non fa per lui; ma per lui la tenere lo stato desgiunto e che ciascuna terra e ciascuna provincia ricanosca lui. Talchè di suoi acquisti, solo egli ne profitta, e non la sua patria (Там же. Кн. II. Гл. 2). Le crudeltà delle moltitudine sono sontra ei temono che occupi il ben commune, quelle d'un principe sono contra a che ei temono che occupi il bene proprio⁶¹ (Там же. Кн. I. Гл. 58).

^{180*} Ma come dipoi si cominciò a fare il principe per successione e non per elezione, subito cominciorno li eredi a degenerare dai loro antichi; e e

Лишенный всякого нравственного устоя, наследственный князь неспособен к последовательной деятельности. Непостоянство — отличительная черта наследственного князя^{181*}. Князь при назначении должностных лиц руководится не действительными заслугами людей, а своими личными симпатиями и антипатиями. Людей с талантом и воодушевленных любовью к общему благу он не допускает до участия в управлении государством; он видит в них опасных врагов своей неограниченной власти и боится их. Народ недоверчиво относится к именитым гражданам, достигнувшим высокого положения в обществе из слишком ревнивого охранения своей свободы, подозрение же князя имеет своим мотивом боязнь за прочность своей власти^{182*}.

Расположение народа можно купить лишь ценою действительных услуг; в княжестве же лживое слово, угождение вкусам князя, поправки его прихотям раскрывают всякому ловкому льстецу доступ к высшим почестям^{183*}.

lasciando l' opere virtuose, pensavano che i principi non avessero o fare altro che superare li altri di sontuosità e di lascivia e d' ogni altra qualita deliziosa⁶² (Там же. Кн. I. Гл. 2). См. также след. примеч.

^{181*} Un principe sciolto dalle leggi, sarà ingrato, vario ed imprudente più che uno popolo... E se nelle cose gagliarde o che paiano utili, come di sopra si dice, egli erra; molte volte erra ancora un principe nelle sue proprie passioni, le quali sono molte più che quello de' papoli... Perchè ad un popolo licenzioso e tumultuario, gli può da un uomo buono esser parlato, e facilmente può essere ridotto nella via buona: ad un principe cattivo non è alcuno che possa parlare, nè vi è altro rimedio che il ferro. Da che si può far coniettura della importanza della malattia dell' uno e dell' altro: chè se a curare la malattia del popolo bastano le parole, ed a quella del principe bisogna il ferro, non sarà mai alcuno che non guidichi, che dove bisogna maggior cura, siano maggiori errori⁶³ (Там же. Кн. I. Гл. 58).

^{182*} E se la sorte facesse che vi surgesse un tiranno virtuoso, il quale per animo e per virtù d' arme ampliasse il dominio suo, non ne risulterebbe alcuna utilità a quella repubblica, ma a lui proprio: perchè e' non può onorare nessuno di quelli cittadini che siano valenti e buoni, che egli tiranneggia, non volendo avere ad avere sospetto di loro⁶⁴ (Там же. Кн. II. Гл. 2). См. также: Dell' Arte della guerra. Кн. II (место приведено в примеч. 197*).

^{183*} Il Principe. Гл. 23; Discorsi. Кн. I. Гл. 58.

VI РЕСПУБЛИКА

1. РЕСПУБЛИКА — НАИЛУЧШАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФОРМА

Познакомившись с воззрением Макиавелли на цель государства^{184*} и на природу отдельных общественных элементов^{185*}, рассмотрев условия^{186*}, которые влияют на государственную жизнь, мы можем теперь приступить к разрешению вопроса: какую государственную форму Макиавелли считает наилучшей, т. е. какая, по его воззрению, наиспособнее осуществит цель государственного общежития?

Ни княжество, ни аристократия, ни демократия не удовлетворяют требованиям общежития. И после всего изложенного нами выше понятно, почему. В княжестве власть покоится исключительно в руках князя, в аристократии — в руках вельмож, в демократии — в руках народа. Каждая из этих государственных форм основывается, таким образом, лишь на одном из трех общественных элементов, между тем ни один из них, как мы видели выше, не способен быть исключительным носителем государственной власти. Кроме того, все эти три государственных формы, сосредоточивая всю власть в руках или князя, или вельмож, или народа, не обставляют правительственный класс условиями, которые обуздывали бы страсти правителей. А мы знаем, что там, где нет этих условий, люди постепенно приближаются к нравственному упадку, которые не только лишают их тех добродетелей, без которых правители не могут удержать в своих руках власть, но и делают их вообще неспособными ко всякой благоустроенной государственной жизни.

Если причины неудовлетворительности княжества, аристократии и демократии заключаются, во-первых, в том, что они основываются лишь на одном из общественных элементов, во-вторых, в том, что они своим устройством не предупреждают нравственного упадка правителей, то наилучшей формой общежития должно считать тот государственный строй, который основывается на всех общественных элементах и обставляет правителей и граждан условиями, сдерживающими их влечения и обуздывающими их страсти.

Такой государственной формой является, по воззрению Макиавелли, республика. Под республикой Макиавелли подразуме-

^{184*} См.: С. 71—75.

^{185*} См.: С. 99—108.

^{186*} См.: С. 94—99.

ваает не народное правление, а смешанную государственную форму, в которой власть покоится в руках выборного князя, вельмож и представителей народа^{187*}.

В республике отдельные функции государственной власти распределяются между общественными элементами сообразно их наклонностям и способностям, и эти отдельные общественные элементы, участвуя в управлении государством, дополняют и контролируют друг друга^{188*}.

Недостатки народа не выступают так резко в республике, ибо народ участвует в управлении лишь настолько, насколько то позволяют ему его способности: он лишь выбирает главу государства и должностных лиц и контролирует их действия; там же, где требуется энергия и быстрота действия, он предоставляет кормило правления своему выборному главе, где требуются рассудительность и осмотрительность, он поручает именитым гражданам заведование государственными делами. Неподвижность народа не задерживает хода управления, ибо орудиями народной воли являются лучшие люди, одаренные теми качествами, которых недостает народу. Слишком ревнивое охранение народом своей свободы, его увлечение внешностью, его трусость в моменты опасности не могут вызывать насильственных переворотов в республике, ибо народом руководят умные и просвещенные граждане, заменяющие недостающее народу самообладание.

Но и недостатки единоличной власти смягчаются в республике тем, что народ избирает главу государства лишь на короткий срок и обставляет ее условиями, предупреждающими злоупотребления князем властью^{189*}.

Властолюбие вельмож не опасно республике, если только народ контролирует их деятельность и следит за тем, чтобы она оставалась в пределах законного порядка^{190*}.

Республика более других государственных форм удовлетворяет первому условию всякого общежития — прочности. Государственная власть обнимает все общественные элементы, и нет в республике класса, который был бы исключен от участия в управлении, и неудовольствие которого могло бы послужить причиною переворотов^{191*}. Все законные желания находят себе пол-

^{187*} Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

^{188*} Discorso sul Riformar lo stato di Firenze.

^{189*} Discorsi. Кн. I. Гл. 33—34.

^{190*} См. ниже примеч. 223*.

^{191*} Ne ei è altra via da fuggire questi mali, che fare in modo che gli ordini della città per loro medesimi possano stare ferme; e staranno sempre

ное удовлетворение в республике. Те блага, которыми всего более дорожит народ, обеспечены в свободном государстве. Властолюбие и честолюбие сильных людей находят себе законный исход: всем способным и заслуженным гражданам раскрыт широкий путь к почестям и отличиям. Все здоровые и мощные элементы имеют доступ к управлению^{192*}. Граждане могут свободно расширять свое благосостояние, мирно пользоваться плодами своей деятельности и, заботясь о своем частном благе, содействовать благу целого. И благосостояние отдельных лиц и целого растет в свободном государстве в удивительных размерах^{193*}.

fermi, quando ciascheduno vi averà sopra le mani; e quando ciascuno saperrà quello ch'egli abbi a fare ed in che gli abbi a confidare; e che nessuno grado di cittadino, o per paura di sè o per ambizione, abbi a desiderare innovazione⁶⁵) (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze).

^{192*} E se Fabio fusse stato re di Roma, poteva facilmente per dere quella guerra; per chè non arebbe saputo variare col procedere suo, secondo che variavano i tempi: ma sendo nato in una repubblica, dove erano diversi cittadini e doversi umori, come la ebbe Fabio, che fu ottimo ne'tepi debiti a sostenere la guerra, cosi ebbe poi Scipione ne' tempi atti a vincerla. Di qui nasce, che una repubblica ha maggior vita, ed ha più lungamente buona fortuna che un principato; perchè la può meglio accommodarsi alla diversità de temporali, per la diversità di cittadini che sono in quella, che non può un principe. Per chè un uomo che sia consueto a procedere in un modo, non si muta mai come è detto; e conviene di necessità, quando si mutano i tempi disformi a quel suo modo, che rovini (Discorsi. Кн. III. Гл. 9). Il che tanto più debbe fare una repubblica, avendo il modo della allegere non solamente due successioni, ma infinite principi virtuosissimi, che sono l'uno dell'altro successori; la quale virtuosa successione fia sempre in ogni repubblica bene ordinata⁶⁶) (Там же. Кн. I. Гл. 20). См. также примеч. к гл. 16 кн. I. «Discorsi».

^{193*} E facil cosa è conoscere donde nasca né popoli questa affezione del vivere libero; perchè si vede per esperienza, le cittadi non avere mai ampliato nè de dominio nè di ricchezza, se non mentre son state in libertà... La cagione è facil ad intendere: perchè non il bene particolare, ma il bene comune è questo che fa grandi le città... Non è meraviglia adunque, che gli antichi popoli con tanto e dio perseguitassino i tiranni ed amassino il vivere libero... Per chè tutte le terre e le provincie che vivono libere in ogni parte, come di sopra disse, fanno i progressi grandissimi. Perchè quivi si vede maggiori popoli, per essere i matrimoni pi? liberi, e più desirabili da gli uomini: perchè ciascuno procrea volentieri quelli figguli che crede potere nutrire, non dubitando che il patrimonio gli sia tolto, chè e' conosce non solamente che nascono liberi e non schiavi, ma che possono mediante la virtù loro diventare principi. Vegonvisi le ricchezze multiplicare in maggiore numero, e quelle che vengono dalla celtura, e quelle che vengono dalle arti. Perchè ciascuno volentieri multiplica in quella cosa, cerca di acquistare quel beni, che srede acquistati potersi

В республике осуществляется цель общежития, ибо в свободном государстве власть покоится в руках всех и служит не интересам немногих лиц или одной партии, а интересам целого. Республика, кроме того, основывается на народе, который, как мы видели выше, всего способнее понимать общее благо и охранять его ^{194*}. Только в республике могут процветать гражданские добродетели ^{195*}. Свободное государство наделяет людей теми благодеяниями, которые только и могут заставить их любить свою родину, дорожить ее честью и благоденствием ^{196*}. Граждане республики участвуют в управлении государством, имеют не только частные, но общественные интересы. Услуги государству вознаграждаются в республике, и граждане, побуждаемые личной выгодой, стремятся на поприще общественной службы, научаются служить общему благу, любить его и дорожить им ^{197*}. Лесть и низкопоклонство в свободном государстве никому впрок не идет, каждый чувствует себя самостоятельным и независимым, и если и получает вознаграждение за свои труды и заслуги, то никому не считает себя обязанным, кроме как себе и государству: чув-

godere. Onde ne nasce che gli uomini a gara pensano ai privati ed a publici comodi, e l'uno l'altro viene meravigliosamente a crescere (Там же. Кн. II. Гл. 2). Vedesi le città, dove i popoli sono principi, fare in brevissimo tempo augumenti eccesivi, e molto maggiori che quelle che sempre sono state sotto un principe: come fece Roma dopo la cacciata de're, ed Atene da poi che la si liberò da Pisistrato ⁶⁷⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 58).

^{194*} E senza dubbio, questo bene comune non è osservato se non nelle repubbliche, perchè tutto quello che fa a proposito suo, si eseguisce ⁶⁸⁾ (Там же. Кн. II. Гл. 2).

^{195*} E' si è di sopra discorso, come un tristo cittadino non può male operare in una repubblica che non sia corrotta... Pertanto io non credo che s'а essemplio in questa istoria più atto a mostrare la bontà di tutti gli ordini di quella Repubblica, quantò è questo; veggendo che nessuno di quella città si mosse a diffendere un cittadino d'ogni virtù, e che pubblicamente e privatamente aveva fatte moltissime opere laudabili. Perchè in tutti loro poté più l'amore della patria, che nessuno altro rispetto, e considerarono molto più ai pericoli presenti che la lui dipendavano, che ai meriti passati: tanto che con la morte sua e'si libirarono. E Tito Livio dice: Hunc exitum habuit vir, nisi in libera civitate natus esset, memorabilis ⁶⁹⁾ (Там же. Кн. III. Гл. 8).

^{196*} См. выше примеч. 133*.

^{197*} Nelle repubbliche escono più uomini eccellenti, che de'regni perchè in quelle più delle volte si onora la virtù, ne'regni si teme onde ne nasce ehe nell'una gli uomini virtuosi si nutriscono, nell' altri si spergono ⁷⁰⁾ (Dell' arte della guerra. Кн. II). См. также: Discorsi. Кн. I. Гл. 16.

ство собственного достоинства может окрепнуть только в республике^{198*}.

В свободном государстве развивается все богатство и разнообразие народных сил. Трудящийся люд может спокойно и мирно работать, уверенный, что его труд не пропадет даром; таланты людей не остаются под спудом; им раскрыт широкий путь развиваться и крепнуть. Ни бедность, ни происхождение не закрывают людям доступа к почестям: республика отыскивает добродетель, где бы она ни находилась. Жизнь народных сил течет в свободном государстве широким руслом, и все, что способно жить, живет полной и цельной жизнью^{199*}.

2. ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ И КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ВВОДИТСЯ РЕСПУБЛИКА

Основание государства есть творческий акт свободной воли людей, действующих в сознании своих интересов. Люди, соединяясь в общежитие, вполне понимают те цели, которые преследует государство, и способны взвесить достоинства тех мер, с помощью которых они намереваются осуществить эти цели. И те потребности, которые заставляют людей соединиться в общежитие, остаются всегда неизменными и составляют главнейшее связующее звено и для грядущих поколений; государственная жизнь никаких новых факторов не вырабатывает, которые не были бы налицо при самом возникновении государства. Основатели государств не только вполне ясно сознают цели общежития, но и имеют под руками весь тот материал, из которого складывается государственная жизнь. Они, таким образом, могут похвалиться сведениями и вооружены средствами, которые ничуть не уступают тем, которыми обладают государственные люди, имеющие за собою исторический опыт. Но они имеют перед ними и важные преимущества. При основании государства дурные влечения человеческой природы еще дремлют в людях, ибо они беспредметны: люди, живя разрозненно, не имеют повода соперничать друг с другом в погоне за земными благами, они не ищут власти и почестей, ибо ни того, ни другого в догосударственном быту не существует. Страсти и влечения не затмевают поэтому рассудка лю-

^{198*} Il vivere libero pronono onori e premii, mediante alcune oneste e determinate cagioni, e fuori di quelle non premia nè onora alcuno; e quando uno ha quelli onori e quelli utili, che gli pare meritare non confessa avere obbligo con coloro, che lo rinumerano⁷¹) (Discorsi. Кн. I. Гл. 16).

^{199*} Discorsi. Кн. I. Гл. 20; кн. II. Гл. 2; кн. III. Гл. 25.

дей при основании государства. Кроме того, потребности общежития никогда так ясно не сознаются, как при основании государства, ибо только эти потребности заставили людей сблизиться, и все в одинаковой степени сознают неудобства жизни враспыленную^{200*}.

Из такого взгляда на условия, при которых возникает государство, вытекают последствия, перед которыми Макиавелли не останавливается, и которые он высказывает очень ясно и определенно.

Во-первых. Если при основании государства людей еще не коснулась испорченность и они всего яснее сознают потребности общежития, то наисчастливейшим должно считать то государство, которое сумело воспользоваться этими благоприятными условиями и при самом своем основании получило совершенное устройство, сделавшее всякие дальнейшие преобразования и улучшения излишними^{201*}.

Во-вторых. Если государство при самом своем возникновении получает устройство, регулирующее общественные отношения и для будущих поколений, то основание государства не может быть делом народа, который не обладает ни проницательностью, ни дальновидностью. Государство не может быть основано иначе как усилиями одного лица^{202*}.

^{200*} Discorsi. Кн. III. Гл. 1.

^{201*} Non e', adunque, la salute di una repubblica od'uno regno avere uno principe, che prudamente governi mentre vive, ma uno che l'ordini in modo, che morendo ancora si mantegna (Там же. Кн. I. Гл. 12). Talchè fekice si può chiamare questa repubblica la quale sortisce uno uomo si prudente, che le dia leggi ordinati in modo, che senza avere bisogno di coreggerle, possa vivere securamente sotto quelle... E, pel contrario, tiene qualche grado d'infelicità quella città, che, non si sendo abbatutta ad uno ordinatore prudente, è necessitata da sè medesima riordinarsi: e di queste ancora è più discosto dall'ordine; e quell è più discosta, che con suoi ordini è al tutto fuori del dritto cammino, che la possi condurre al perfetto e vero fine: perchè quelle che sono in questo grado, è quasi impossibile che per qualche accidente si rassettino. Quelle altre ce, se le non hanno l'ordine perfetto, hanno preso il principio buono, atto a diventare migliori, possono per la occorenza delli accidenti diventare perfette⁷²⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 2).

^{202*} E debbesi pigliare questo per una regola generale: che non mai o di rado occorre che alcuna repubblica o regno sia da principio ordinato bene, o al tutto di nuovo fuori delli ordini vecchi riformato, se non è ordinato da uno; anzi è necessario che uno solo sia quello che dia il modo, e dalla cui mente dipenda qualunque simile ordinazione. Però uno prudente ordinatore d'una repubblica, e che abbia questo animo di volere giovare non

В-третьих. Если самое совершенное устройство то, которое получает государство при своем возникновении, то все дальнейшие преобразования и улучшения могут иметь лишь одну цель — возвращать государство к его первоначальной исходной точке^{203*}.

Чем свободнее и самостоятельнее основатель республики в своей организаторской деятельности, тем совершеннее созданное им дело. Зависимость от людей и обстоятельств стесняет его деятельность, заставляет его принимать во внимание не только интересы устраиваемого им государства, но и чужие желания, и посторонние обстоятельства. Эта зависимость ставит ему целый ряд препятствий, которые могут быть устранены лишь жестокими и суровыми мерами^{204*}.

Наибольшей самостоятельностью пользуется основатель республики, вводящий государственные учреждения у народа, которого еще не коснулась испорченность^{205*}. Человеку же, вводящему республиканский строй у народа, не впервые вступающего в гражданскую жизнь, приходится бороться с привязанностью народа к старым учреждениям и с враждою людей, извлекавших выгоду из разрушенного строя. И нет другого средства устранить последнее препятствие, как сделать этих людей неспособными вредить делу свободы^{206*}.

Еще труднее основать республику у народа, в который проникла испорченность, обуславливающаяся экономическим и общественным неравенством^{207*}. В стране, в которой существует дворянство, республиканский строй не может упрочиться, ибо дворяне, как мы знаем из предыдущего, желают лишь одного — властвовать над народом, дабы угнетать его^{208*}. Основатель республики, желающий ввести в такой стране свободный строй, дол-

a se, ma al bene comune, non allo sua propria succeſsione, ma alla comune patria, debbe ingegnarsi di avere l'autorità solo; nè mai uno ingegno savio reſponderà alcuno di alcuna azione iſtraordinaria, che per ordinare un regno o costituire una repubblica uſaſſe⁷³⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 9).

^{203*} Там же. Кн. III. Гл. 1, 22.

^{204*} Там же. Кн. I. Гл. 49.

^{205*} Там же. Кн. I. Гл. 11.

^{206*} Там же. Кн. I. Гл. 16.

^{207*} Io credo che non ſia fuori di propoſito, nè diſforme dal ſopraſcritto diſcorſo, conſiderare ſe in una città corrotta ſi può mantenere lo ſtato libero, ſendovi; o quando e' non vi fuſſe, ſe vi ſi può ordinare. Sorpa la qual coſa dico, come gli è molto difficile fare o l'uno o l'altro⁷⁴⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 18).

^{208*} См. выше примеч. 173*.

жен прежде всего устранить эти вредные всякому здоровому общежитию элементы^{209*}.

Ввести республику у народа, извращенного жизнью под властью князя, по силам лишь тирану. Народ, который был устранен от всякого участия в общественной жизни, за которого мыслил и действовал князь, такой народ, стряхнув с себя ярмо княжеской власти, превращается в дикого зверя, укротить которого может лишь человек, облеченный неограниченной властью^{210*}.

3. КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ РЕСПУБЛИКА

Республика держится добродетелью граждан; там, где эта добродетель исчезла, свободный строй должен рушиться. Вот почему все мудрые законодатели республики заботились прежде всего о создании и поддержании тех условий, которые благоприятству-

^{209*} Colui, che vuole fare dove sono assai gentiluomini una repubblica, non la può fare se prima non gli spegni tutti (Там же. Кн. I. Гл. 55). A voler creare una repubblica in Milano, dove è grande inequalità di cittadini, bisognerebbe spegnere tutta quella nobiltà e ridurla ad una equalità con gli altri⁷⁵⁾ (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze).

^{210*} Quanta difficoltà sia ad uno popolo, uso a vivere sotto un principe, preservare dipoi la libertà, se per alcuno accidente l'acquista, come l'acquistò Roma dopo la cacciata de Tarquini; lo dimo ostrano infiniti esempi che si keggono nelle memorie delle antiche istorie. E tale difficoltà è ragionevole; perchè quel popolo è non altrimenti che uno animale bruto, il quale, ancora che di feroce natura e silvestre, sia stato nudrito sempre in carcere ed in servitù, che dipoi lasciato a sorte in uno campagna libero, non essendo uso a pascersi, nè sappiendo le latebre dove si abbia a rifuggire, diventa preda del primo, che cerca rincatenarlo. Questo medesimo interviene ad uno popolo, il quale sendo uso a vivere sotto i governe d'altri, non sapiendo ragionare de delle difese e offese pubbliche, non cognoscendo i principi ne essendo conosciute da loro, ritorna presto sotto un giogo, il quale il più delle volte è più grave che quello che per poco innanzi si aveva levato d'un su'l collo: e trovasi in questa difficoltà, ancora che la materia non sia in tutto corrotta; perchè in uno popolo dove in tutto è entrata la corruzione, non può, non che piccol tempo, ma punto vivere libero (Discorsi. Кн. I. Гл. 16). E debbesi presupporre per cosa verissima, che una città corrotta che vive sotto un principe, ancora che quel principe con tutta la sua stripe si spegna, mai non si può ridurre liberà, anzi conviene che l'un principe spegna l'altro; e senza creazione d'un nuovo signore non si posa mai, se già la bontà d'uno, insieme con la virtù, non la tenessi liberà; ma durerà tanto quella libertà, quanto durerà la vita di quello⁷⁶⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 17).

ют развитию гражданских добродетелей^{211*}. Мы знаем из предыдущего, что эти условия заключаются главным образом в равномерном распределении экономических богатств и в равенстве граждан перед законом^{212*}.

Равномерное распределение имущества устанавливается законами, предупреждающими накопление богатств в руках немногих. Образцами таких законов Макиавелли выставляет законы Ликурга^{213*}. Равенство граждан обеспечено там, где ни бедность, ни происхождение не закрывают людям доступа к должностям и почестям^{214*}.

Закон, по выражению Макиавелли, — нерв политической свободы^{215*}, и тот республиканский строй прочен, который кладет

^{211*} Quanto sia difficile, nello ordinare una repubblica, provvedere a tutte quelle leggi che la mantenghino libera, lo dimostra assai bene il processo della Repubblica romana: dove non ostante che fussinno ordinate di molte leggi da Romolo prima, dipoi da Numa, da Tullo Ostilio e Servio, ed ultimamente dai dieci cittadini creati a simile opera; nondimeno sempre nel maneggiare quella città si scoprivano nuove necessità, ed era necessario creare nuovi ordini: come intervenne quando crearono i Censori, i quali furono uno di quelli provvedimenti che aiutarono tenere Roma libera, quel tempo che la visse in libertà. Perchè, diventati arbitri de' costumi di Roma, furono cagione potissima che i Romani differissino più a corrompersi⁷⁷⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 49).

^{212*} См.: с. 81—94.

^{213*} Discorsi. Кн. I. Гл. 6. См. также примеч. 117*, 119*.

^{214*} Там же. Кн. III. Гл. 25.

^{215*} Там же. Кн. I. Гл. 33. Ср. также: Storie Fiorentine. Кн. III, § 5. Le città, e quelle massimamente che non sono bene ordinate, le quali sotto nome di repubblica ei amministrano, variano spesso i governi e stati loro, non mediante la libertà e la servità, come molti credono, ma mediante la servità e la licenza: perchè della libertà solamente il nome dai ministri della licenza, che sono i popolani, e da quelli della servità, che sono i nobili, è celebrato, desiderando qualunque di costoro non essere nè alle leggi nè agli uomini sottoposto. Vero è che quando pure avviene (che avviene rade volte) che, per buona fortuna della città, surga in quella uno saggio, buono e potente cittadino, dal quale si ordinino leggi, per le quali questi umori de' nobili e de' popolani si quietino, o in modo si restringhino che male operare non possino; allora è che quella città si può chiamar libera, e quello stato si può stabile e fermo giudicare: perchè, sendo sopra buone leggi e buoni ordini fondato, non ha necessità della virtù di un uomo, come hanno gli altri, che lo mantegna. Di simili leggi ed ordini molte repubbliche antiche, gli stati delle quali ebbono lunga vita, furono dotate: di simili ordini e leggi sono mancate e mancano tutte quelle, che spesso i loro governi dallo stato tirannico al licenzioso,

закон в основание государственной жизни, и который обставляет деятельность правителей и граждан законными нормами, исключаящими всякий произвол.

Государственные учреждения и законы должны предусматривать события и на случай их наступления устанавливать правила, которые сделали бы личную деятельность граждан, не связанную законами, излишней. Государственные законы не должны оставлять ни одной лазейки, через которую мог бы проскользнуть честолюбивый человек и под предлогом служить общему благу воспользоваться своим исключительным положением ради личных интересов ^{216*}.

Законы и учреждения не должны раздражать народ и сдерживать страсти людей одной внешней силой. Граждане должны видеть в законе не пугало, а своего защитника и покровителя. Повиновение законам и уважение к существующим учреждениям поддерживаются не репрессивными мерами, а вниманием к интересам народа. Не заглушать должно голос народа, а давать ему полный простор высказаться, прислушиваться к нему и следовать ему. Макиавелли требует, чтобы народу было дано право обвинять общественных деятелей, которые кажутся ему опасными. Это учреждение предупреждает насильственные перевороты, которые наступают там, где народное неудовольствие, не находя законного исхода, ищет незаконных путей ^{217*}.

e da questo a quell' altro hanno variato e variano; perchè in essi, per i potenti nimici che ha ciascuno di loro, non è, nè puote essere alcuna stabilità: perchè l'uno non piace agli uomini buoni, l'altro dispiace ai savj; l'uno può far male facilmente, l'altro con difficoltà può far bene; nell'uno hanno troppa autorità gli uomini insolenti, nell'altro gli sciocchi; e l'uno e l'altro di essi conviene che sia dalla virtù e fortuna di un uomo mantenuto, il quale, o per morte può venir meno, o per travagli diventare inutile ⁷⁸⁾ (Там же. Кн. IV, § 1).

^{216*} Ed in una repubblica non vorebbe mai accader cosa, che coi modi straordinari s'avesse a governare. Perchè, ancora che il modo istraordinario per allora facesse bene, nondimeno lo esempio fa male; perchè si mette una usanza di rompere gli ordini per bene, che poi sotto quel colore si rompono per male. Talchè mai fia perfetta una repubblica, se con le leggi non ha provvisto a tutto, ed ad ogni accidente posto il rimedio, e dato il modo a governarlo. E però, conchiudendo, dico che quelle repubbliche le quali negli urgenti pericoli non hanno refugio o al Dittatore o a simili autorità, sempre ne gravi accidenti rovineranno ⁷⁹⁾ (Discorsi. Кн. I. Гл. 34).

^{217*} Там же. Кн. I. Гл. 7.

Но законы, по воззрению Макиавелли, лишь тогда достигают своей цели, когда носителями и исполнителями их являются граждане, проникнутые тем же самым духом, который вложен в эти законы законодателем. «Как хорошие нравы, — говорит Макиавелли, — дабы удержать, нуждаются в хороших законах, так и законы, дабы быть соблюдаемы, нуждаются в хороших нравах»^{218*}. Сами по себе законы не осчастливят народ. Если они не находят добросовестных исполнителей и истолкователей, то они остаются мертвыми буквами. Дабы быть рычагами народного благоденствия, законы нуждаются, как выражается Макиавелли, в оживлении добродетелью граждан^{219*}.

Кроме того, как бы совершенны эти законы ни были, они не способны обнять все разнообразие общественных явлений и всегда оставляют простор личной деятельности граждан. Там, где эти граждане не проникнуты сознанием своих обязанностей, они воспользуются во зло предоставленной им свободой. И то общежитие счастливее и прочнее, которое держится не столько законами, сколько добродетелью граждан^{220*}.

Макиавелли различает три функции государственной власти: власть исполнительную, власть совещательную и власть контролирующую^{221*}. Эти три функции государственной власти должны быть распределены между отдельными общественными элементами, сообразно их наклонностям и способностям. Исполнительная власть покоится в руках одного лица, совещательная — в руках лучших людей, контролирующая — в руках народа^{222*}.

Государственная власть должна, с одной стороны, пользоваться авторитетом; с другой стороны, носители ее должны быть обставлены условиями, которые не позволяли бы им злоупотреблять предоставленной им властью^{223*}.

Государственная власть пользуется авторитетом лишь там, где носителями ее являются достойнейшие граждане республики, облеченные широкими полномочиями. Достойнейшие же граждане будут стоять во главе республики лишь в том случае, если занятие высших должностей предоставит им действительные

^{218*} Там же. Кн. I. Гл. 18.

^{219*} Там же. Кн. III. Гл. 1.

^{220*} Там же. Кн. I. Гл. 8, 18.

^{221*} Del governo della città di Lucca.

^{222*} Там же; Discorso sul Riformar lo stato di Firenze.

^{223*} Эти условия заключаются, во-первых, в контроле народа (Discorsi. Кн. I. Гл. 5, 40), во-вторых, во взаимном контроле должностных лиц (Там же. Кн. I. Гл. 50; кн. III. Гл. 11).

выгоды. Лишь личный интерес может заставить людей променять частную жизнь на служение общественному делу. Где это служение не представляет выгод, которые могли бы соблазнить знатнейших граждан, там искать его будут лишь ничтожные люди, не сумевшие создать себе положение в обществе и видящие в государственной службе доходную статью. Вот почему необходимо, во-первых, чтобы носители государственной власти получали высокое вознаграждение, во-вторых, чтобы срок службы не был слишком короток, в-третьих, чтобы они были наделены действительной властью^{224*}.

Так как государственный механизм республики очень сложен, то необходимо организовать его таким образом, чтобы ни одно учреждение не могло задерживать обыкновенного течения государственных дел^{225*}.

Эта сложность затрудняет и быстроту решений, которая бывает необходимой в моменты опасности и общественных кризисов^{226*}. В этих случаях необходимо облечь одно лицо широкими полномочиями, но обставить его условиями, которые не позволили бы ему злоупотребить предоставленной ему властью^{227*}.

VII

КНЯЖЕСТВО

1. ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ И КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ВВОДИТСЯ КНЯЖЕСТВО

Княжество держится исключительно властью князя и чем неограниченнее эта власть, тем прочнее княжество. Власть же князя тем сильнее, чем более она обладает средствами для удержания народа в повиновении. Этими средствами не могут быть законы, ибо законы соблюдаются лишь добродетельными гражданами, подданные же князя извращены политическим рабством. Военная сила заменяет собою в княжестве силу закона. Если республика есть царство законного порядка, то тирания — господство личного произвола, основывающегося на военной силе^{228*}. Власть князя тем прочнее, чем она сосредоточеннее. Если князь нуждается в помощниках при управлении государством, то эти помощники не должностные лица, пользующиеся

^{224*} Discorso sul Riformar lo stato di Firenze; Del governo della città di Lucca.

^{225*} Discorsi. Кн. I. Гл. 50; Discorso sul Riformar lo stato di Firenze.

^{226*} Discorsi. Кн. I. Гл. 33—34.

^{227*} Там же. Кн. I. Гл. 34.

^{228*} См. ниже с. 129—130.

самостоятельностью в предоставленной им сфере деятельности, а не что иное, как личные слуги князя^{229*}. Но эти помощники недостаточны. Если князь хочет упрочить свою власть, то он должен найти себе пособников в деле угнетения народа. А мы знаем, что дворяне стремятся лишь к одному — властвовать над народом, дабы угнетать его^{230*}. Услугами дворян и должен поэтому воспользоваться князь. Если республика управляется лучшими людьми, то княжество может удержаться лишь с помощью наиболее вредных элементов общежития^{231*}. Очевидно, что при таких условиях государственной жизни благосостояние народа не может процветать, но должно постепенно приближаться к упадку^{232*}.

Макиавелли смотрит, таким образом, на княжество как на ненормальный государственный строй. Но эта государственная форма существует и встречается чаще, чем республика, и причина тому — природа людей, которые более склонны ко злу, чем к добру^{233*}. Княжество есть факт, с которым приходится считаться политику; и его несовершенство не может освободить его от не-

^{229*} См. ниже с. 131—132.

^{230*} См. выше примеч. 173*.

^{231*} E che colui che dove è assai equalità vuole fare uno regno o uno principato, non lo potrà mai fare se non trae di quella equalità molti di animo ambizioso ed inquieto, e quelli fa gentiluomini in fatto, e non in nome, donando loro castella e possessioni, e dando loro favore di sustanze e d'uomini; acciochè, posto in mezzo di loro, mediante quelli mantegna la sua potenza; ed essi, mediante quello, la loro ambizione; e gli altri sono constretti a sopportare quel giogo che la forza, e non altro mai, può far sopportare loro (Discorsi. Кн. I. Гл. 55). E per il contrario, a volere un principato in Firenzi dove è una grandissima equalità, sarebbe necessario ordinavi prima la inequalità, e farvi assai nobili di castella e ville, i quali insieme con il principe tenessino con l'armi e con l'aderenzie loro soffocata la città e tutta la provincia. Perchè un principe solo spogliato di nobilità non può sostenere il pondo del principato, però è necessario che infra lui e l'universale sia un mezzo che l'aiuti sostenerlo⁸⁰⁾ (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze).

^{232*} Conosciesti ancora nelle lezioni delle istorie, qualli danni i popoli e le città ricevino per la servitù... Dimodochè, subito che nasce una tirranide sopra un viver libero il manco male che ne resulti a quelle città, è non andare più innanzi, nè crescere più in potenza o in ricchezze; ma il più delle volte, anzi sempre, interviene loro, che le tornano indietro... Il contrario di tutte queste cose segue in auelli paesi che vivono servi, e tanto più mancano del consueto bene, quanto è più dura la servitù⁸¹⁾ (Discorsi. Кн. II. Гл. 2).

^{233*} Discorsi. Кн. I. Гл. 10.

обходимости исследовать природу княжества, изучать те условия, при которых оно возникает, и те средства, с помощью которых оно поддерживается.

Княжество является последствием или завоевания, когда князь силою оружия подчиняет своей власти свободный город^{234*}, или борьбы партий, когда враждующие между собою вельможи и народ наделяют властью одного человека, дабы с его помощью задавить враждебную партию^{235*}, или нравственной испорченности народа^{236*}. В последнем случае тирания является неизбежным несчастьем. Испорченный народ не способен жить под сенью республиканского строя: он утратил способность управляться и лишен тех добродетелей, которыми только и держится республика. Законы не в состоянии обуздать страсти испорченного народа: лишь железной руке тирана по силам сдержать разнузданную толпу^{237*}. Для народа, в который проникла испорченность, княжество — единственный выход из анархического состояния. Если княжество и бессильно наделить его теми благами, которые выпадают лишь на долю свободного народа, то оно, по крайней мере,

^{234*} Il Principe. Гл. 3, 5.

^{235*} Там же. Гл. 9.

^{236*} См. примеч. 207*, 210*, 239*.

^{237*} Ed ha ad intendere questo Vostra Santità, che in tutte le città dove è grande equalità di cittadini non vi si pu? ordinare principato se non con massima difficoltà: perchè, a voler creare una repubblica in Milano, dove è grande inequalità di cittadini, bisognerebbe spegnere tutta quella nobilità e ridurla ad una equalità con gli altri; perchè tra di loro sono tanto straordinari, che le leggi non bastano a reprimerli, ma vi bisogna una voce viva ed una potestà regia che gli reprima (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze). Dove manco il timore di Dio, conviene che o quel regno rovini, o che sia sostenuto dal timore d'un principe, che supplisca a' defetti della religione (Discorsi. Кн. I. Гл. 11). Dove la materia è corotta, le leggi bene ordinate non giovano, se già le non son mosse da uno che con una estrema forza le facci osservare (Там же. Кн. I. Гл. 17). Da tutte le soprascritte cose nasce la difficoltà, o impossibilità, che è nelle città corrotte mantenervi una repubblica, o a crearella di nuovo. E quando pure la vi si avesse a creare o a mantenere, sarebbe necessario ridurla più verso lo stato regio, che verso lo stato popolare; *accioche quelli uomini i qualli dalle leggi, per la loro insolenzia, non possono essere corretti, fussero da una podest? quasi regia in qualche modo frenati* (Там же. Кн. I. Гл. 18). *Dove è tanto la materia corotta che le leggi non bastino a frenarla, vi bisogna ordinare insieme con quelle maggior forza; la quale e una mano regia*, che con la potenza assoluta ed eccessiva ponga freno alla eccessiva ambizione e corruttela de' potente⁸²⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 55).

обеспечит ему внешний порядок и этим спасет его от конечной гибели^{238*}.

Средства, с помощью которых вводится княжество, не могут быть иными как крайне суровыми и жестокими, и добродетельному человеку они не по силам^{239*}. Необходимость прибегать к

^{238*} E veramente, dove non è questa bontà, non si può sperare nulla di bene; come non si può sperare nelle provincie che in queste tempi si veggono corrotte: come è la Italia sopra tutte le altre; ed ancora la Francia e la Spagna di tale corruzione ritengono parte. E se in quelle provincie non si vede tanti disordini quanti nascono in Italia ogni dì, deriva non tanto dalla bontà de' popoli, la quale in buona parte è mancata; quando dallo avere uno re che gli mantiene uniti non solamente per la virtù sua, ma per l'ordine di quelli regni, che ancora non sono guasti⁸³⁾ (Там же. Кн. I. Гл. 55).

^{239*} Qualunque diventa principe o d'una città o d'uno stato, e non si voglia o per via di regno o di repubblica alla vita civile; il meggliore rimedio che egli abbia a tenere quel principato, è, sendo egli nuovo principe, fare ogni cosa di nuovo in quello Stato... Sono questi modi crudelissimi, e nemici d'ogni vivere, ma solamente christiano, ma umano; e debbegli qualunque uomo fuggire, e volere piuttosto vivere privato, che diventar Re con tanta rovina degli uomini: nondimeno, colui che non vuole mantenere, conviene che entri in questo malr (Там же. Кн. I. Гл. 26). Quanto ad innovare questi ordini ad un tratto, quando ciascuno conosce, che non sono buoni, dico che questa inutilità, che facilmente si conosce, è difficile a ricorreggerla: perchè a fare questo, non basta usare termini ordinari essendo i modi ornari cattivi; ma è necessario venire allo straordinario, come è alla violenza ad all' armi, e diventare innanzi ad ogni cosa principe di quella città, e poterne disporre a suo modo. E perchè li riordinare una città al vivere politico presuppone uno uomo buono, ed il diventare per violenza principe di una repubblica presuppone un uomo cattivo; per questo si troverà che radissime volte accagia, che uno uomo buono voglia diventare principe per vie cattive, ancorachè il fine suo fusse buono; e che uno reo divenuto principe, voglia operare bene, e che gli caggia mai nell'animo usare quella autorità bene, che egli ha male acquistata (Там же. Кн. I. Гл. 18). Perchè tale corruzione e poca attitudine alla vita libera, nasce da una inequalità che è in quella città: e volendola ridurre eguale, è necessario usare grandissimi straordinari; i quali pochi sanno o vogliono usare (Там же. Кн. I. Гл. 17). Ed è una regola verissima, che quando si comanda cose aspre, conviene con asprezza farle osservare: altrimenti, te ne troveresti ingannato. Dove è da notare, che a voler essere ubbidito, è necessario saper comandare e a comandare le cose forti, conviene esser forte; e quello che è di questa fortezza e che le comanda, non può poi con dolcezza farle osservare (Там же. Кн. III. Гл. 22). Vero è ch'io giudico infelici quelli principi, che per assicurare lo Stato loro hanno a tenere vie straordinarie, avendo per nemici la mol-

таким мерам объясняется, во-первых, тем, что они приводятся в исполнение князем, с природою которого мы познакомились выше^{240*}, во-вторых, теми условиями, которыми сопровождается основание княжества у свободного или испорченного народа.

Достоинства нового князя заключаются исключительно в силе и энергии, средства же, к которым он прибегает для упрочения своей власти — во внешнем могуществе, основывающемся на военной силе. Условия же, которыми сопровождается основание княжества, также не могут содействовать смягчению образа действий нового князя. Князь, завоевывающий свободный город, силою вещей принужден прибегать к огню и мечу для упрочения своей власти^{241*}. Княжество, которое возникает из борьбы партий, является следствием внутренних смут. Внутренние же неурядицы разрушают законный порядок в государстве, и диктатор, делающийся тираном при таких условиях, не может уважать закона, ибо он ниспровергнут, не может уважать желания

titudine (Там же. Кн. I. Гл. 16). Il che dipende da un'altra necessità naturale ed ordinaria, quale fa che sempre bisogna offendere quelli di chi si diventa nuovo principe, e con gente d' arme, e con infiuite altre ingiurie che si tira dietro il nuovo acquisto. Dimodochè ti trovi aver inimici tutti quelli che tu hai offesi in occupare quel principato; e non ti puoi mantenere amici quelli che vi t' hanno (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze). Quali opere volete voi che siano le vostre, che contrappesino alla dolcezza del vivere libero, o che faccino mancare gli uomini dell disiderio delle presenti condizioni? Non, se vio aggiugnessi a questo imperio tutta la Toscana, e se ogni giorno tornassi in questa città trionfante de' nimici nostri; perchè tutta quella gloria non sarebbe sua, ma vostra, e i cittadini non acquisterebbero sudditi, ma conservi, per i quali si vedrebbero nella servit? aggravare. E quando i costumi vostri fussero santi, i modi benigni, i giudici retti, a farvi amare non basterebbero: e se voi credessi che bastassino, v'ingannereste; perchè a uno consueto a vivere sciolto ogni catena pesa, ed ogni legame lo strigue; ancora che trovare uno stato violento con un principe buono sia impossibile, perchè di necessità conviene, o che diventino simili, o che presto l'uno per l'altro rovin. Voi avete dunque a credere, o di avere a tenere con massima violenza questa città, alla qual cosa le cittadelle, le guardie, gli amici di fuori molte volte non bastano; o di essere contento a quella autorità che noi vi abbiamo data: a che noi vi confortiamo, ricordandovi che quel dominio è solo durabile, che è volontario; nè vogllate, accecato da un poco d'ambizione, condurvi in luogo, dove non potendo stare, nè più alto salire, con massimo danno vostro e nostro, di cader necessitato⁸⁴⁾ (Storie Fiorentine. Кн. II, § 34).

^{240*} См. выше с. 105—108.

^{241*} Il Principe. Гл. 3.

борющихся партий, ибо одна партия наделила его властью, дабы обезоружить другую, не может уважать свободы, ибо его цель — на развалинах этой свободы основать тиранию^{242*}. Княжество же, которое выводит развращенный народ из анархического состояния, не может быть введено иначе как суровыми мерами, ибо такой народ лишился свободы именно потому, что мягкие меры, на которые только и способна республика, оказались недостаточными для поддержания порядка и вызвали необходимость в неограниченной власти князя, который заменяет господство закона военной диктатурой^{243*}.

Итак, средства, к которым прибегает новый князь, дабы быть целесообразными, должны по необходимости отличаться суровостью. Но князь должен помнить, что они легко могут возбудить ярость народа. Князь не должен понапрасну раздражать народ и, вынужденный прибегать к суровым мерам, князь должен стараться быстро покончить с ними и потом обратить их на пользу народа^{244*}. Если же это невозможно, то суровость этих мер должна быть настолько действительной, чтобы лишила народ возможности мстить князю за нанесенные ему оскорбления^{245*}. Князь должен избегать полумер, ибо чем решительнее он действует, тем меньше ему приходится опасаться народной ненависти. Действовать же энергически и решительно может лишь тот князь, который пользуется независимостью и свободой действий^{246*}.

Препятствия, которые встречает князь, подчиняющий своей власти новую область и присоединяющий ее к своему государству, лежат или в нравах и обычаях завоеванной страны, или в ее государственном устройстве.

Всего легче завоевать страну, которая имеет одинаковые нравы с государством завоевателя: князю не приходится здесь разрушать старых учреждений, он вынужден лишь устранить князя этой страны и уничтожить его династию. И народ, оставаясь при своих обычаях, спокойно переносит власть нового владыки и забывает своего старого князя, ибо привязанность к нему сделалась беспредметной, а мы знаем, что люди живут лишь настоящим, и что прошедшее для них не существует. В стране же, нравы, язык и учреждения которой отличаются от существующих в государстве завоевателя, князь вынужден не только устранить

^{242*} Там же. Гл. 9.

^{243*} См. примеч. 239*, 212*.

^{244*} Il Principe. Гл. 8.

^{245*} Там же. Гл. 3.

^{246*} Там же. Гл. 6.

прежнего владыку и его династию, но и разрушить весь старый строй и заменить его новым. Самое лучшее средство упрочить свою власть в такой стране — это самому поселиться в ней^{247*}. Князь, поселившийся в завоеванной стране, увидит возникающие беспорядки в самом зачатке и сумеет предупредить их своевременно; чиновники не будут грабить жителей, и народ, имея убежище в князе, будет чувствовать успокоение. Другим средством к упрочению власти в завоеванной стране является основание в ней военных колоний^{248*}. Военные колонии обходятся дешевле содержания большого войска и оскорбляют меньшее число жителей, а именно лишь тех, у которых отняты дома и пашни и переданы колонистам; да и эти немногие не опасны: они живут в бедности и разрозненно. Остальная же, бóльшая часть жителей пользуется неприкосновенностью своего имущества и живет спокойно, опасаясь участи, постигшей ограбленных жителей^{249*}.

Что же касается препятствий, которые встречает князь в государственном устройстве завоеванной страны, то они зависят от того, кто управляет завоеванной страной, неограниченный ли властитель и его слуги, как в Турции, или князь или дворяне, как во Франции. Страну, как Турцию, труднее завоевать, но легче удержать в своей власти, ибо завоеватель не находит себе союзников в стране, населенной рабами, слепо преданными своему владыке. Завоевав же раз такую страну, легко удержать ее в своей власти — стоит только уничтожить властителя и его династию и занять его место: рабское население будет так же крепко держаться нового властителя, как оно рабски повиновалось своему прежнему владыке. Государство же, которое управляется князем и вельможами, нетрудно завоевать, ибо среди дворян всегда найдутся недовольные. Удержаться же в такой стране нелегко, ибо те же самые дворяне, которые раскрыли завоевателю двери в свое отечество, легко могут сделаться орудиями гибели нового князя, как только представится к тому удобный случай^{250*}.

Трудная задача выпадает на долю князя, делающегося тираном свободного города. Такому князю приходится бороться не только с привязанностью народа к старым учреждениям, но и с любовью народа к свободе. А мы знаем, что если народ дорожит чем-нибудь, то это — своей свободой, и если что может разжечь

^{247*} Il Principe. Гл. 3.

^{248*} Там же.

^{249*} Там же.

^{250*} Там же. Гл. 4.

его страсти, то это — лишение свободы^{251*}. Князю, который хочет основать тиранию в свободном городе, ничего другого не остается как или разрушить его, или самому поселиться в нем^{252*}.

Частное лицо, которое делается тираном города, обязано своим возвышением или стечению счастливых обстоятельств, или своей собственной энергии. Тому, кто ничем не обязан счастью, труднее достигнуть власти, но легче удержать ее. Труднее стать ему во главе княжества, потому что не счастье, а он сам расчищает себе путь к власти. А нет ничего труднее, как заменять старый строй новым, ибо вводящий новые порядки имеет своими врагами всех тех, которые извлекали выгоду из старого порядка, и вялыми защитниками тех, которые надеются извлечь выгоду из нового порядка; вялость же эта проистекает, во-первых, из боязни противников, на стороне которых закон, во-вторых, из неверия людей, которые не доверяют нововведениям, пока опыт не доказал им их пригодность. Легче же удержать такому князю власть потому, что он обязан своим положением не слепому случаю, а собственным усилиям: не им руководят обстоятельства, а он управляет ими; такой князь, кроме того, не избалован счастьем и прошел школу, которая закалила его силы. И положение такого князя тем прочнее, чем он самостоятельнее, чем менее ему приходится принимать во внимание чужие интересы и желания, чем свободнее он может распоряжаться своими средствами и чем эти средства способнее подчинять его воле обстоятельства и людей. Князь же, который обязан своим положением счастливому стечению обстоятельств и чужой помощи, должен прежде всего стремиться к тому, чтобы стать самостоятельным и сделать чужую помощь излишней^{253*}. Так именно поступил Цезарь Борджиа. Он достиг власти благодаря счастливому стечению обстоятельств и сделался князем Романьи с помощью французского короля, Орсини и Колонна⁸⁵⁾. Но он знал, что французский король ненадежный союзник и что Орсини и Колонна его скрытые враги. Вот почему все его стремления были направлены к одному: сделаться самостоятельным и независимым. С этой целью он прежде всего позаботился о хорошем войске. Потом он заручился союзом с испанцами, врагами французов, ослабил партию Орсини в Риме и, завлекши их хитростью в Синигалию, уничтожил

^{252*} См. выше с. 59—60.

^{252*} Там же. Гл. 5. См. также: *Storie Fiorentine*. Кн. II, § 34 (письмо это приведено выше в примеч. 239*).

^{253*} *Il Principe*. Гл. 7.

тех, которые искали лишь удобного случая, чтобы погубить его. Зная, что власть князя крепка лишь привязанностью к нему народа, Цезарь поспешил наделить Романью хорошим управлением. Но это была задача нелегкая, так как в Романье господствовала полнейшая анархия. Нельзя было иначе внести порядок в эту страну как ценою жестоких мер. Дабы не сделаться жертвою народного неудовольствия, он велел казнить одного из своих слуг и выставить его изуродованное тело на поруганье народа.

Тот, кто с помощью преступлений сделался тираном свободного города, должен, решившись раз вступить на этот путь, не останавливаться на полдороге, а решительными и быстрыми ударами устранить своих врагов и всех тех, которых он раздражил своими жестокостями, или которые так или иначе могут сделаться ему опасными. Так именно поступил Агафокл⁸⁶⁾, и если он достиг цели, то был обязан своим успехом тому, что сумел покончить с жестокостями сразу и, обезопасив себя со стороны своих врагов, не имел более повода жестокими мерами возбуждать народное неудовольствие^{254*}.

Князю, который делается тираном города, пользуясь смутами, возбужденными борьбою партий, не приходится прибегать к насильственным мерам, к огню и мечу: его сила заключается в хитрости, в умении пользоваться слабостями партий. Такой князь обязан своим положением или вельможам, которые наделяют авторитетом одного из своей среды, когда чувствуют свое бессилие совладать с народом, или народу, который облакает властью одного человека, дабы иметь вождя и защитника в борьбе с дворянами. Князю, достигшему власти с помощью дворян, трудно удержаться, ибо он окружен людьми, считающими себя ему равными, и которыми поэтому труднее повелевать; кроме того, нельзя удовлетворять желаниям дворян, не нарушая интересов других, ибо они не только стремятся властвовать и угнетать, но, обладая дальновидностью и хитростью, умеют и настаивать на своих требованиях. Власть же князя, основывающегося на народе, прочнее. Стремления народа, желающего лишь одного — не быть угнетенным — честнее, и их легче удовлетворить. Кроме того, князь никогда не может обезопасить себя со стороны враждебного народа, который своею многочисленностью всегда опасен князю; вельмож же немного и их нетрудно обезоружить^{255*}.

^{254*} II Principe. Гл. 8.

^{255*} Там же. Гл. 9.

2. КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ КНЯЖЕСТВО

Княжество есть господство личного произвола. Оно управляется не законами, а личною волею князя, который сосредоточивает в своих руках всю полноту государственной власти. Так как княжество основывается исключительно на власти князя и держится только ею, то вся задача управления в княжестве заключается в поддержании и упрочении княжеской власти. Вопрос: какими средствами поддерживается княжество? — сводится к вопросу: какими средствами поддерживается власть князя?

О справедливости и законности в княжестве речи быть не может, ибо справедливость и законность предполагают существование законного порядка и уважение к нему, а ни того, ни другого в княжестве не существует. Князь управляет среди беззаконного порядка необузданным и недисциплинированным народом, в котором прирожденные человеку страсти не сдержаны условиями государственной жизни, а проявляются во всей своей отвратительной наготы; на людей же, в которых государственная жизнь не воспитала гражданских добродетелей и для которых не существует различия между добром и злом, нельзя воздействовать иначе как грубой силой ^{256*}.

Этими условиями государственной жизни обусловливается характер тех средств, к которым прибегает князь для поддержания своей власти.

Власть князя, во-первых, тем прочнее, чем большими средствами она обладает для удержания народа в повиновении. Этими средствами может быть лишь внешняя сила — сила войска. «Власть того князя прочна, — говорит Макиавелли, — который своим богатством или деньгами, или людьми может выставить многочисленное и хорошо организованное войско» ^{257*}. «Князь не должен иметь другого занятия, другой мысли, другого искусства, кроме войны. Ибо только военное искусство приличествует тому, кто повелевает» ^{258*}.

Управляя развращенным народом, князь может удержать его в повиновении лишь страхом наказания и не должен смущаться прозванием грозного. «Ибо, прибегая к немногим устрашительным примерам, он окажется милосерднее тех, которые из излишнего мягкосердечия дают волю беспорядкам, порождающим гра-

^{256*} См. ниже примеч. 262*.

^{257*} Il Principe. Гл. 10.

^{258*} Там же. Гл. 14.

бежи и убийства: эти беспорядки поражают все общежитие, наказания же, исходящие от князя, лишь немногих»^{259*}.

Власть князя, во-вторых, тем сильнее, чем она сосредоточеннее. Князь должен держать все нити управления в своих руках и не терпеть в государстве самостоятельных властей. Его помощники при управлении государством должны быть его личными слугами и в своей деятельности руководствоваться исключительно волею своего повелителя^{260*}. Князь должен щедро вознаграждать своих слуг и обставлять условиями, которые заставляли бы их из личной выгоды верно и преданно служить своему владыке. Князь должен связать их судьбу со своею судьбою, должен делиться с ними почестями и упреками, выгодами и невыгодами своего положения, дабы его интересы были бы их интересами^{261*}. Князь, как мы знаем из предыдущего, легко доступен лести. Лесть же ловких придворных может сделаться очень опасной князю: она может лишить его самостоятельности. Князь должен поэтому остерегаться льстецов, и самое действенное средство обезоружить их — это окружить себя мудрыми советниками и позволить им говорить князю правду в лицо. Но князь должен лишь принимать во внимание мудрые советы и, выслушав их, действовать по собственному усмотрению^{262*}.

Княжеская власть, в-третьих, тем прочнее, чем безропотнее и охотнее народ подчиняется ей. Ярмо княжеской власти должно, с одной стороны, держать народ в повиновении, с другой — оно должно быть наложено осторожной и предусмотрительной рукой. Одна внешняя сила не может удержать народ в повиновении. Как республика держится не одними законами, а и добродетелью граждан, так и княжество нуждается в подданных, которые повиновались бы не только из страха наказания, но из уважения и привязанности к князю. В республике гражданская добродетель — любовь общего блага — возбуждается тем, что государство наделяет граждан благодеяниями и, привлекая их к участию в политической жизни, заставляет их принимать близко к сердцу общественные интересы. Князь к таким средствам прибегать не может, ибо те качества, которые он должен привить своим подданным, не имеют ничего общего с теми добродетелями, в которых нуждается республика. Качества эти — не любовь общего блага, а привязанность к князю. В республике граждане должны любить государство, в княжестве — князя.

^{259*} Discorsi. Кн. III. Гл. 19, 22; Il Principe. Гл. 17.

^{260*} Там же. Гл. 9, 4.

^{261*} Там же. Гл. 22.

^{262*} Там же. Гл. 23.

Первое условие привязанности — отсутствие ненависти. А ничто так не возбуждает народной ненависти как нарушение неприкосновенности имущества и чести граждан. Князь, который хочет приобрести расположение народа, должен прежде всего не касаться тех благ, которыми более всего дорожат люди ^{263*}.

Князь должен не только не раздражать народ, но и стараться заслужить его расположение.

Он не может приобрести расположение народа действительными добродетелями. Добродетели ценятся лишь добродетельными людьми, народ же, которым управляет князь, развращен политическим рабством, а какими бы добродетелями князь украшен ни был, он этими добродетелями на испорченный народ никакого впечатления не произведет ^{264*}. Живя среди волков,

^{263*} Discorsi. Кн. I. Гл. 16—17, 40; Кн. III. Гл. 19; Il Principe. Гл. 16—17. Vivevano adunque i cittadini pieni di indegnazione, veggendo la maestà dell' stato rovinata, gli ordini guastil le leggi annullate, ogni onesto vivere corrotto, ogni civii modestia spenta; perchè coloro che erano consueti a non vedere alcuna regal pompa, non potevano senza dolore quello d'armati satelliti a più e a cavallo, circondato riscontrare. Per che, veggendo più d' appresso la loro vergogna, erano colu che massimamente odiavano di onorare necessitati: a che si aggiugneva il timore, veggendo le spesse morti e le continove taglie, con le quali impoveriva e consumava la città. I quali sdegni e paure erano dal duca cognosciute e temute; non di meno voleva dimostrare a ciascuno di credere essere amato. Onde occorse che, avendogli rivelato Matteo di Morozzo, o per gratificarsi quello, o per liberar sè dal pericolo, come la famiglia de' Medici con alcuni altri aveva contra di lui congiurato, il duca, non solamente non ricercò la cosa, ma fece il rivelatore miseramente morire: per il qual partito tolse animo a quelli che volessino dalla salute sua avvertirlo, a lo dette a quelli che cercassinno la sua rovina. Fece ancora tagliare la lingua con tanta crudeltà a Bettone Cini, che se ne morì, per aver biasimate le taglie che ai cittadini si ponevano [1343]: la qual cosa accrebbe ai cittadini lo sdegno, e al duca l'odio; perchè quella città, che a fare ed a parlare di ogni cosa e con ogni licenza era consueta, che gli fussino legate le mani, e serrata la bocca, sopportare non poteva. Crebbono adunque questi sdegni in tanto e questi odj, che, non che i Fiorentini, i quali la libertà mantenere non sanno, e la servitù patire non possono, ma qualunque servile popolo arebbono alla recuperazione della libertà infiammato: onde che molti cittadini e di ogni qualità, di peder la vita, o di riavere la loro libertà ⁸⁷⁾ (Storie Fiorentine. Кн. III, § 36).

^{264*} Volendo un principe manteneri lo stato, è spesso forzato a non esser buono; perchè, quando quella università, o popolo, o soldati, o grandi, che sieno della quella tu giudichi per mantenerti aver bisogno, è corrotta, ti convien seguire l' umor suo, e satisfarle; e allora le buone opere ti sono inimiche ⁸⁸⁾ (Il Principe. Гл. 19).

князь должен уметь и выть по-вольчему. «Человек, — говорит Макиавелли, — который при всех обстоятельствах видит в добродетельных поступках свое назначение, должен необходимо погибнуть среди злых людей. Поэтому князь, который хочет удержаться, должен научиться быть злым, дабы в случае необходимости воспользоваться этим умением»^{265*}. «Как похвально, — говорит Макиавелли в другом месте, — соблюдать верность слову и жить честно — очевидно всякому. Тем не менее опыт нашего времени доказывает, что те князья совершали великие дела, которые не дорожили этой честностью и вероломством завлекали людей в свои сети и в конце концов брали верх над теми, которые полагались на свою честность. Умный владетель не должен поэтому соблюдать верность слову, если эта верность может принести ему вред, и если исчезли причины, побудившие его связать себя словом. Если бы все люди были хороши, то это правило было бы не хорошо, но так как люди злы и не держат слова, то и князя ничто не обязывает считать себя связанным данным обещанием»^{266*}.

Итак, князь не может заслужить уважения народа, воздействуя на хорошую сторону человеческой природы, так как эту хорошую сторону заглушило политическое рабство. Князю ничего другого не остается, как воспользоваться слабостями людей. Мы знаем, что народ увлекается внешностью, что на него производят сильное впечатление блестящие предприятия, красивые речи, отважные подвиги, все то, что имеет оболочку, ослепляющую его чувства^{267*}. Этой-то стороной человеческой природы и должен воспользоваться князь. «Князь, — говорит Макиавелли, — должен производить на людей впечатление великого, из ряда вон выходящего человека»^{268*}. Ничто так не возвеличивает авторитет князя, как блестящие подвиги и личные примеры мужества. Князь должен казаться поощрителем заслуг и чтить всех, отличающихся в своей области... Он должен в известные промежутки времени устраивать для народа празднества и зрелища»^{269*}.

Князь должен отличаться лишь такими качествами, которые умеет ценить испорченный народ. Но такой народ не в состоянии отличать действительно полезное от вредного. Что же, спраши-

^{265*} Il Principe. Гл. 15.

^{266*} Там же. Гл. 18.

^{267*} См. выше примеч. 165*.

^{268*} Il Principe. Гл. 21.

^{269*} Там же.

вается, определяет его суждение? Ходячая, уличная мораль, отвечает Макиавелли. «Людам, — говорит Макиавелли, — приписывают известные качества, ради которых их или хвалят, или хулят: одного считают щедрым, другого скупым, одного жестоким, другого милосердным, одного вероломным, другого честным, одного женоподобным и трусливым, другого мужественным и отважным, одного сладострастным, другого воздержанным и тому подобное»^{270*}. Вот с этими ходячими воззрениями и должен считаться князь и производить своим поведением впечатление человека, обладающего всеми теми качествами, которым рукоплещет толпа, в своих же действиях руководствоваться исключительно тем, что содействует упрочению власти, и помнить, что успех в глазах толпы оправдывает всякое средство. «Всякий скажет, — говорит Макиавелли, — что было бы похвально, если бы князь был разукрашен добродетелями, но так как обладать ими и вместе с тем оставаться неприкосновенным не допускают людские отношения, то князь должен уметь избегать упреков в недостатках, которые лишают его власти»^{271*}. «Князю необходимо не обладать всеми добродетелями, а производить на людей впечатление человека, обладающего ими. Да, я решаюсь утверждать, что если он в действительности обладает ими, то они опасны, если же они лишь кажущиеся добродетели, то они полезны. Князь, в особенности новый, не может соблюдать всего того, что люди называют хорошим, так как он часто для удержания власти вынужден действовать наперекор благочестию, честности, любви к ближнему, человечности. Поэтому он должен обладать гибкостью и уметь сообразоваться с обстоятельствами и колебаниями судьбы. Он не должен покидать пути добра, если этот путь лежит в пределах возможного, но и уметь делать зло, когда его к тому вынуждают обстоятельства. Князь должен крайне остерегаться проронить слово, которое противоречило бы вышеперечисленным качествам. В особенности же князь должен казаться благочестивым, ибо люди судят более по глазам, чем по рукам: видеть могут все, проникать же вглубь — удел немногих»^{272*}.

Итак, если в республике добродетель служит основанием общежития, то в княжестве ей нет места, и князь должен обладать лишь призрачными добродетелями, вводящими в заблуждение народ, извращенный политическим рабством и утративший способность отличать действительное добро от действительного зла.

^{270*} Там же. Гл. 15.

^{271*} Там же.

^{272*} Там же. Гл. 18.

Эти «добродетели» князя должны служить лишь блестящей вывеской, ослепляющей толпу и прикрывающей нравственную наготу тирана.

Часть II

КАК И ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ СЛОЖИЛИСЬ ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ МАКИАВЕЛЛИ

Wer auch nur einen Augenblick lang wahrhaft einer hohen Idee ins Antlitz schaute, der ist ihr für immer verfallen mit seinem ganzem Leben, seiner Kraft und seinen Hoffnungen. Rücksichtlos erfasst sie ihn und schreitet über ihn hinweg ihrer Vollendung entgegen. Ob er es vermag ihre Last zu tragen, oder nicht, ob er leidet oder siegt, ob er untergeht, sie achtet es nicht, denn sie muss sich erfüllen.

*L. Stein*⁸⁹⁾

I

Задача Макиавелли

Макиавелли провел лучшую пору своей жизни на государственной службе. И когда возвращение Медичи во Флоренцию заставило его покинуть общественную деятельность, он не перестал трудиться на пользу своего отечества: его помыслы по-прежнему вращаются в области, к которой он прирос душою, судьба родного города по-прежнему волнует его и составляет предмет его постоянных дум и забот. Уединившись в круг своей семьи, он с напряженным вниманием следит за течением государственных дел в своем отечестве, переписывается с друзьями, наделяет их советами, делится с ними своим опытом и глубоким знанием политических отношений. Но эта переписка с друзьями не удовлетворяет его. Привыкнув к общественной деятельности и полюбив ее, он тяготится досугом. «Долго так продолжаться не может! — восклицает он. — Такая бездеятельная жизнь подтачивает мое существование, и если Бог не сжалятся надо мною, то я в один прекрасный день покину мой дом и сделаюсь репетитором или писарем у какого-нибудь вельможи»^{273*}. Он неоднократно вы-

^{273*} Письмо от 10 июля 1514 г.

ражает желание покинуть свое убогое убежище, возвратиться во Флоренцию и снова вступить на службу. «Я был бы счастлив, — пишет он к Веттори⁹⁰⁾, — если бы Медичи воспользовались моими услугами и дали бы мне какое-нибудь поручение во Флоренции или вне города»^{274*}. Его желанию не суждено было исполниться. Но и вдали от государственных дел его помыслы постоянно заняты ими. Вот как он нам описывает свою жизнь в деревне: «Я встаю с восходом солнца и иду в рощу присмотреть за работою дровосеков, вырубаящих мой лес, и из рощи я направляюсь к ручью, а оттуда к птицеловному току с книгою в кармане: или с Данте и Петраркою, или с Тибуллом и Овидием. Я читаю их любовные интриги и похождения, вспоминаю пережитое мною и некоторое время наслаждаюсь этими думами. Потом захожу в харчевню, что на большой дороге, говорю с проезжающими, спрашиваю о новостях с родины, прислушиваюсь к их разговорам и присматриваюсь к различным вкусам и фантазиям людей. К тому времени наступает обеденный час, и я сажусь с своею семьею за скромную трапезу... После обеда я возвращаюсь снова в харчевню, там обыкновенно уже восседают хозяин, мясник, мельник и два кирпичника. И с ними я провожу остальную часть дня, играя в карты... Когда наступает вечер, я возвращаюсь домой и иду в свою рабочую комнату. На пороге я сбрасываю свое крестьянское платье, все в грязи, облачаюсь в роскошную придворную одежду и отправляюсь к дворам великих мужей древности. Приветливо ими встреченный, я питаюсь пищею, которая одна мне приличествует и для которой я рожден. И тогда стыд меня не удерживает разговаривать с ними, спрашивать о причинах их поступков, и они охотно отвечают мне. И четыре часа я не чувствую усталости, забываю все страдания, не боюсь бедности, меня не пугает смерть, и я весь погружаюсь в этот забытый мир»^{275*}. И вот в эти вечерние часы Макиавелли пишет свои сочинения, сделавшие его имя бессмертным, и этот простой рассказ о том, как он писал их, как нельзя лучше характеризует мотивы и цели его литературной деятельности. Потребность его души — заниматься государственными делами, мыслить и думать о них, натолкнула его на путь теоретических размышлений о государстве. Его пером руководит не тщеславие, не жажда славы, не склонность к теоретическим исследованиям, а желание наделить соотечественников полезными советами, поделиться своим опытом, воодушевить подраста-

^{274*} Письмо от 20 декабря 1514 г.

^{275*} Письмо от 10 декабря 1513 г.

ющее поколение любовью к родине и научить его дорожить общественной деятельностью. В своем введении к «Discorsi» он в следующих словах объясняет нам цель своих рассуждений о первых десяти книгах Тита Ливия. «Я не могу не удивляться и не скорбеть, когда вижу, каким уважением пользуется древность, и как часто (оставляя в стороне многие другие примеры) обломок древней статуи покупается за большую цену, для того чтобы иметь его при себе, украшать им свой дом, дать возможность подражать ему тем, которые посвятили себя искусству, и как потом эти последние стараются всеми силами воспользоваться им во всех своих произведениях, и когда я вижу, с другой стороны, как самые доблестные подвиги, которые, как показывает нам история, совершены государствами и древними республиками, царями, предводителями, гражданами, законодателями и другими людьми, понесшими много трудов на пользу своего отечества, — служат более предметом удивления, чем подражания, и что даже всякий избегает их, так как от древней доблести не осталось никакого следа. Особенно же становится это прискорбным, когда я вижу, что в тяжбах, которые происходят между гражданами, и в болезнях, которым подвергаются люди, постоянно прибегают к тем решениям и тем лекарствам, которые уже определены и указаны древними; во всем же, что касается устройства республик, поддержания государства или управления им, что касается устройства войска, образа ведения войны, суда и расправы над подданными, средств увеличить государственную власть, — нет ни государя, ни республики, ни предводителя, ни гражданина, которые брали бы пример с древних. И я думаю, что это происходит не столько от слабости, в которую поверг мир теперешний способ воспитания, и от того зла, которое причинила честолюбивая праздность многим странам и городам христианским, сколько от того, что ни у кого нет истинного понимания истории, чтобы при чтении ее постигать смысл и дух исторических событий, *gustare quel sapore delle istorie che le hanno in se*⁹¹⁾. Отсюда происходит, что большинство читателей находят удовольствие в разнообразии тех случаев, о которых повествует история, и не думают о подражании им, считая подражание не только трудным, но и невозможным, как будто небо, солнце, стихии, люди изменились в своем движении, в своей природе и в своем могуществе против того, чем они были прежде. Желая сколько-нибудь извлечь людей из этого заблуждения, я решился написать о книгах Тита Ливия все, что по характеру событий древнего и нового времени я сочту нужным для лучшего уразумения их, так что те, которые будут читать мои «Рассуждения», могли бы извлечь из них ту пользу, из-за кото-

рой следует стремиться к знанию истории»^{276*}. «Я выскажу прямо и смело все то, что я знаю о новых и древних временах, дабы сердца юношей, которые прочтут мою книгу, отвернулись бы от первых и научились бы подражать последним. На каждом честном человеке лежит обязанность учить других тому добру, которое ему не удалось применить к жизни, в надежде, что между ними найдутся люди, которые воспользуются данным уроком»^{277*}. В своей «Истории Флоренции» Макиавелли не только хочет исследовать исторические события, но и извлечь из них практические правила и советы. Он в следующих словах объясняет нам тенденцию своей книги: «Если при описании событий в этом испорченном мире нам не придется повествовать о храбрости солдат, о мужестве полководцев, о любви к отечеству граждан, то мы зато увидим, к какому обману, к какой хитрости, к каким уловкам прибегали князья, полководцы и правители республик, чтобы завладеть властью и влиянием, которые не соответствовали ни их заслугам, ни их способностям. И знакомство с этими явлениями окажется, может быть, не менее полезным изучения древней истории, ибо если эта последняя воспаляет благородные умы к подражанию, то история Флоренции удержит их от тех ложных путей, которым следовали наши предки»^{278*}.

Макиавелли, сойдя с поприща практической деятельности, не превращается, таким образом, в отвлеченного мыслителя, а остается государственным мужем, принимающим близко к сердцу судьбы своего отечества. Макиавелли — секретарь флорентийской республики и государственный деятель, и Макиавелли — историк и политический мыслитель, воодушевлены одним и тем же чувством — любовью к своему отечеству, проникнуты одним и тем же сознанием — сознанием своих гражданских обязанностей, преследуют одну и ту же цель — служение своему отечеству.

Макиавелли не является в своих политических трактатах ученым, изучающим политическую жизнь независимо от каких бы то ни было практических задач: он выступает в них гражданином и патриотом, пишущим свои трактаты в виду тех вопросов, которые волновали современную ему политическую жизнь Италии; *потребность его ума — думать и писать о государственных делах* — *натолкнула его на путь политических исследова-*

^{276*} Discorsi. Введение к кн. I (перевод Герье).

^{277*} Discorsi. Введение к кн. III.

^{278*} Storie Fiorentine. Кн. V, § 1 (разделение книг на параграфы находим в новейшем издании сочинений Макиавелли P. Fanfani и L. Passerini).

ний, цель же этих исследований — выяснить причины тех недугов, которыми страдало его отечество, и отыскать те средства, с помощью которых они могли бы быть устранены. Потребности политической жизни Италии вообще и Флоренции в особенности были для Макиавелли исходными точками его теоретических исследований, и эти потребности определяют задачу его политических трактатов.

Чем, спрашивается теперь, страдала современная ему Италия и в чем заключались те недуги, которые нуждались во врачевании?

Причина всех зол, преследующих Италию, по воззрению Макиавелли, — ее бессилие. Италия раздроблена на мелкие государства, ее правители не имеют собственного оружия и не в состоянии оказывать сопротивление тем иноземным полчищам, которые то и дело врываются в ее пределы. Раздробленность Италии и ее военное бессилие — вот, по воззрению Макиавелли, причина тому, что она перестала быть хозяином у себя дома, что ее судьбы в руках алчных иноземцев, и что отдельные итальянские государства, находящиеся под страхом иноземного нашествия, не могут свободно расти и развиваться и занять подобающего им места в системе европейских государств^{279*}. Но разъединение Италии интересует Макиавелли лишь настолько, насколько оно отражается на отношениях ее к «варварам». Он нигде не указывает нам на раздробленность Италии как на причину ее внутренних неурядиц, нигде не требует, чтобы отдельные итальянские государства отказались от своей самостоятельности, слились в одно политическое тело и образовали государство наподобие Франции и Испании. *Внутреннее государственное устройство Италии — вопрос, которого Макиавелли не касается вовсе.*

Но Макиавелли был не только итальянцем, но и флорентийцем, и мы утверждаем наперекор господствующему мнению, что он принимал ближе к сердцу интересы Флоренции, чем интересы Италии. Макиавелли провел лучшую пору своей жизни на службе флорентийской республике, те пятнадцать лет, в течение которых он состоял секретарем Совета Десяти, были не только самым счастливым, но и самым плодотворным временем его жизни. Он был в это время поглощен государственными делами, которые, по его собственному сознанию, были той областью, которая всего более соответствовала его наклонностям и вращаясь в которой он только и чувствовал себя на своем месте. И эта-то его деятельность, посвященная флорентийской республике, и опре-

^{279*} Il Principe. Гл. 25—26; Discorsi. Кн. III. Гл. 10; кн. I. Гл. 12.

делила образ его мыслей и его политические убеждения, которым он остался верен до конца своей жизни. Неудивительно поэтому, что он рассуждал о политических вопросах не столько как итальянский патриот, сколько как гражданин свободной Флоренции.

Флоренция, по Макиавелли, страдает общим всем итальянским государствам недугом: она не имеет собственного оружия. Другой источник постигших ее несчастий — борьба партий. «Естественная вражда между народом и дворянством, — говорит Макиавелли, — причина которой заключается в том, что последнее хочет повелевать, а первый не хочет повиноваться, — источник всех тех зол, которые возникают в городах. Из этой борьбы проистекает все то, что расшатывает республики. Вражда между народом и дворянами была причиною раздоров в Риме, и она же разъединяла Флоренцию. Последствия этих раздоров были там и здесь не одинаковы. Вражда между народом и дворянами была улажена в Риме словами, во Флоренции — мечом. В Риме она закончилась взаимным соглашением, получившим форму закона, во Флоренции же — ссылками и убийствами. В Риме она лишь изошрила военное мужество, во Флоренции она окончательно убила его. В Риме она породила неравенство, во Флоренции же она привела к полнейшему равенству. Это различие в последствиях можно объяснить лишь различием в тех целях, которые преследовали эти два народа. Римский народ хотел лишь одинаковых прав с дворянами, флорентийский же народ стремился сосредоточить власть в своих руках и исключить дворян от всякого участия в правлении. Так как требования римского народа были справедливы, то они и не могли раздражать дворянство в такой степени, как требования флорентийского народа, которые были оскорбительны и несправедливы. Дворянство во Флоренции, кроме того, вступило в борьбу для защиты своих прав с большим запасом сил, и это имело своим последствием кровопролития и ссылки. И законы, которые издавались по окончании борьбы, издавались не в интересах общего блага, а в интересах победоносной партии^{280*}. Отсюда проистекают все то зло и все те беспорядки, которыми страдает наше отечество. Мы не находим между гражданами ни согласия, ни дружбы, разве только среди тех, которые соединяются для совершения какого-нибудь преступления против отечества или против частных лиц. Религия и страх Божий исчезли; клятва и обещания соблюдаются лишь до тех пор, пока того требует личная выгода. Люди прибегают к клятве лишь

^{280*} Storie Fiorentine. Кн. V, § 1; Discorsi. Кн. II. Гл. 30.

для того, чтобы нарушить ее; она служит им средством обмана, и чем обман ловчее придуман, тем более он заслуживает похвалы в глазах людей. Все, что способно портиться — испорчено... Юноши праздны, старцы распутны, и нет пола, нет возраста, который не был бы заражен дурными правилами. Законы бессильны положить конец этой всеобщей испорченности, ибо они извращаются и искажаются дурными нравами. Отсюда возникают алчность, стремление не к истинной славе, а к позорным почестям, которое, в свою очередь, порождает ненависть, вражду, несогласия, ссоры, кровопролития, ссылки, угнетение добра и возвеличение зла. В уповании на свою правоту добродетельные граждане не окружают себя партией приверженцев, которые бы защищали их, как то делают злые граждане, а, лишенные защиты, они погибают в неравной борьбе со злыми. И такие примеры воспитывают в людях любовь к партиям; злые примыкают к этим партиям из властолюбия и тщеславия, добродетельные же — уступая необходимости. Но что еще хуже — это то, что вожаки и передовые люди партий прикрывают свои настоящие намерения и цели привлекательною завесой. Хотя все они враги истинной свободы, они тем не менее попирают республиканский строй под предлогом защиты свободы... И когда они вышли победителями из борьбы, то наградою им служит не сознание того, что они упрочили свободу, а злорадство: они всего более довольны тем, что преодолели своих врагов и захватили власть в свои руки. И раз достигнув власти, они не останавливаются ни перед каким средством, как бы жестоко, как бы безнравственно, как бы несправедливо оно ни было. Вот почему законы, которые издаются такой победоносной партией, имеют в виду не общее благо, а личную выгоду вожаков этой партии. Вот почему ведутся войны, заключаются договоры не для славы отечества, а ради удовлетворения тщеславия немногих»^{281*}. История Флоренции, по воззрению Макиавелли, не что иное, как история борьбы партий. Эта борьба, по его мнению, не есть зло само по себе и делается пагубной для государства лишь тогда, когда кончается победой одной партии и порабощением другой, когда последствием ее является не законный порядок, примиряющий требования борющихся партий, а устройство, имеющее в виду лишь интересы победоносной партии. Такое устройство не может быть прочно: порабощенная партия ждет лишь удобного случая, чтобы ниспровергнуть государственный строй, пренебрегающий ее интересами; господствующий класс, опьяненный победой, спешит воспользоваться пло-

^{281*} Storie Fiorentine. Кн. III, § 5.

дами этой победы, эксплуатирует власть исключительно в своих интересах и целым рядом несправедливых, насильственных и жестоких мер пытается обезоружить своих противников. Эти несправедливые меры не уничтожают побежденную партию, а лишь раздражают ее. Все недовольные элементы в государстве соединяются с целью опрокинуть существующий строй: господствующий класс забывает, какую ценою была куплена победа, засыпает на своих лаврах и тратит свои силы на мелкие интриги и раздоры. И тогда поработенная партия поднимает знамя восстания, и начинается снова борьба, которая имеет то же последствие: господство одной партии и поработение другой. И эта постоянная смена правительства, эта неустойчивость государственного строя, это отсутствие преемственности в развитии государственных учреждений подрывает уважение к законному порядку, разжигает политические страсти и дает широкий простор тщеславию и властолюбию отдельных граждан. Любовь общего блага, эта главнейшая гражданская добродетель, не может развиваться в государстве, которое защищает интересы одной партии, а не имеет в виду блага целого.

Все учение Макиавелли о государстве есть не что иное, как ответ на вопрос, как должно быть устроено и управляемо государство, чтобы оно не впало в те ошибки, которые погубили Флоренцию. Зная теперь, чем Макиавелли объясняет эти ошибки, мы можем предугадать его ответ. Лишь то государство стоит на высоте своей задачи, которое обладает внешним могуществом и внутренней устойчивостью. Главнейшее условие внешнего могущества — сильное и хорошо организованное войско, важнейшее условие внутренней устойчивости — законный порядок, привлекающий к участию в управлении все общественные элементы и стоящий на страже общего блага.

Лишь то войско может служить надежной опорой внешнего могущества государства, которое состоит из граждан, сплоченных преданностью своему отечеству. Этому условию не удовлетворяют ни наемные, ни союзнические войска. Всего опаснее последние. Государство не может распоряжаться ими по своему усмотрению и не имеет над ними власти, которая в руках союзника, преследующего свои собственные интересы. В случае поражения государство, опиравшееся на союзнические войска, пропало; в случае победы оно делается пленником своего союзника^{282*}. Но и наемные войска имеют важные неудобства. Ничто не связывает их с государством, кроме денежной выгоды: стоит им только найти

^{282*} Discorsi. Кн. II. Гл. 20.

более щедрого владыку, и они покидают знамя, которому служили. Наемные войска подчинены не государству, которое платит им жалованье, а своему предводителю, который ведет их туда, куда его влечет жажда славы и наживы. Они состоят из людей, которые избрали войну своим ремеслом. Такие люди не могут быть хорошими солдатами, ибо их ремесло выгодно для них лишь в том случае, если они грабят и разбойничают. Они или должны желать непрерывной войны, или так воспользоваться военным временем, чтобы им было чем жить в мирное время. Наемные войска, кроме того, самый беспокойный элемент в государстве, которым легко может воспользоваться ловкий честолюбец для осуществления своих замыслов, направленных против существующего порядка. Как лишь то государство прочно, в котором процветают гражданские добродетели, так и лишь то войско надежно, которое состоит из граждан, воодушевленных любовью к своему отечеству и преданностью государству. Граждане, вступившие в ряды войска, не должны видеть в военном занятии ремесло и доходную статью, а обязанность, лежащую на всех гражданах в равной степени.

Войско, состоящее из людей, вышедших из среды народа, будет связано с этим народом общностью своих интересов, и такое войско не будет пугалом для мирных жителей, а их защитником и покровителем^{283*}. Главное условие внешнего могущества государства заключается, таким образом, по Макиавелли, в том, чтобы государство имело собственное войско, чтобы это войско состояло не из наемных ратников, а из граждан, отправляющих военную повинность по зову правительства; это войско должно быть, кроме того, в полнейшей и безусловной зависимости от государства, которое одно имеет право распоряжаться военными силами страны.

Макиавелли объясняет внутренние неурядицы, истощившие Флоренцию, как мы показали выше, тем, что государственные устройства, то и дело сменявшие друг друга, были правительствами партий, эксплуатировавших власть в своих интересах и пренебрегавших интересами остального населения. Исходя из этого наблюдения, Макиавелли требует, чтобы государственная власть не находилась в руках того или другого класса, а обнимала все те общественные элементы, из которых складывается государство. Такое государственное устройство, во-первых, прочно, ибо принимает во внимание интересы отдельных партий, старается примирить их между собою и не дает повода к недовольству, являющемуся

^{283*} Il Principe. Гл. 12; Discorsi. Кн. I. Гл. 43; Dell' arte della guerra. Кн. I.

причиною переворотов; оно, во-вторых, справедливо, ибо предоставляет каждому общественному классу подобающее ему участие в государственном управлении; оно, в-третьих, имеет самое благотворное влияние на народные нравы, ибо развивает в народе уважение к законному порядку, любовь общего блага и преданность государству.

К этим основным положениям сводится учение Макиавелли о государственном устройстве. Мы видим, что они были навеяны политическим бытом Флоренции и служили лишь ответом на те вопросы, которые должен был задавать себе Макиавелли, вдумываясь в причины тех недугов, которыми страдало его отечество.

II

Как и при каких условиях сложились политические воззрения Макиавелли

Объяснив цель литературной деятельности Макиавелли и выяснив те вопросы, которыми он задавался в своих политических трактатах, мы должны теперь спросить себя, как сложились те его положения и воззрения, которые служат ответом на эти вопросы.

Не должно думать, что любовь Макиавелли к теоретическим размышлениям, которая принесла такой богатый плод в его политических трактатах, зародилась лишь тогда, когда изменившиеся условия его внешней обстановки лишили его возможности служить государству на поприще практической деятельности. Не досуг натолкнул Макиавелли на теоретические размышления: этот досуг был для него лишь удобным случаем дать волю широкому полету его теоретической мысли. Макиавелли, еще находясь на государственной службе, задумывался над общими вопросами, старался уяснить себе природу социальных отношений и занять точку зрения, которая позволила бы ему беспристрастно и спокойно относиться к вопросам практической политики и разрешать их в связи с общим ходом государственной жизни. В посольских донесениях и письмах Макиавелли мы узнаем автора «Discorsi», теоретика и мыслителя, в его политических трактатах — государственного мужа, закаленного долголетним опытом. *В своей практической деятельности Макиавелли не теряет из виду теоретических соображений, в своей литературной деятельности он не утрачивает практического смысла и трезвого взгляда.*

До нас дошел интересный документ, из которого видно, как Макиавелли понимал обязанности посланника. Этот документ —

инструкция посланнику при дворе императора Карла V (Рафаэло Джиролами), написанная Макиавелли. В этой инструкции мы читаем: «Тот хорошо исполняет данное ему поручение, кто знакомится с природою князя и тех, которые руководят им. Прежде всего вы должны изучить характер императора: сам ли он управляет или предоставляет управление другим, скуп ли он или щедр, любит ли он войну или дорожит миром, руководит ли им славолюбие или другая страсть, любим ли он народом, какими он окружен советниками, чего они хотят, подстрекают ли они его к новым войнам или советуют ему пользоваться его настоящим выгодным положением. Вы должны также присмотреться к настроению вельмож и баронов, живущих вдали от императора, узнать, велико ли их могущество и влияние, довольны ли они императором, и если недовольны, то какими путями они могут вредить ему и может ли Франция подкупить их и завлечь на свою сторону». Эта инструкция является как бы программой, по которой Макиавелли собирал наблюдения, послужившие ему материалом для его «Князя». Из нее видно, что все те вопросы, о которых он рассуждает в «Il Principe», интересовали его уже тогда, когда он присматривался к политической жизни не в качестве теоретика, а в качестве практического политика. Вчитываясь внимательнее в его дипломатическую переписку, нам нетрудно заметить, что Макиавелли в своей посольской деятельности держался тех именно правил и приемов наблюдения, которым он советует следовать Рафаэло Джиролами. Находясь при дворах Александра VI и Юлия II, Людовика XII и императора Максимилиана, следя за деятельностью Цезаря Борджиа в Романье, Макиавелли не только собирает сведения, необходимые для добросовестного исполнения данного ему поручения, но и обращает особенное внимание на характер правителя и его приближенных, на вооруженные силы страны, на экономическую обстановку, нравы и обычаи народа. В этом отношении особенно замечательны его «Rapporto delle cose della Magna», «Discorso sopra le cose dell' Alemagna», «Rittratti delle cose della Francia», «Della Natura de' Francesi»⁹²⁾. В этих донесениях мы встречаем все те наблюдения и замечания о государственном устройстве Германской империи и Французского королевства, об экономическом состоянии и нравственном складе французов и немцев, которые Макиавелли изложил затем в своих «Discorsi», и на основании которых он делает свои выводы о влиянии нравов на политический быт народов, выводы, определившие, между прочим, его воззрения на происхождение и сущность морали.

Описывая в своем «Rapporto delle cose della Magna» политическое состояние Германии, Макиавелли подробно описывает нам характер Максимилиана. «Император, — говорит он, — ни у кого совета не спрашивает, а между тем всякий навязывается ему с советами. Он всегда хочет настоять на своем, на самом же деле он находится в полнейшей зависимости от своих приближенных. Хотя он добровольно никому своих намерений не доверяет, тем не менее, когда его план сделался известным, его умеют настроить так, что он отказывается от них. Он получает громадные доходы, а между тем никогда не имеет гроша в кармане и, что всего хуже, не знаешь, куда он деваает деньги»^{284*}. В другом месте он говорит о Максимилиане следующее: «Император до такой степени бесхарактерен, что всякий может провести его и настроить по-своему... Он обладает многими добродетелями и был бы совершенным человеком, если бы не имел указанных недостатков. Он отличный полководец и умеет поддерживать правосудие в своей стране, он приветлив и любезен на аудиенциях и обладает многими другими качествами лучших правителей»^{285*}. «Его расточительность превосходит всякое вероятие: он всегда нуждается в деньгах, и никакая сумма его удовлетворить не может, как бы выгодно его положение в данное время ни было. Он непостоянен: нынче он хочет одного, завтра другого, он желает невозможного, а то, что осуществимо, не манит его; он принимает поэтому решения вкривь и вкось. С другой же стороны, он великий полководец и поддерживает в своем войске справедливость и порядок. Он очень вынослив и храбр и в этом отношении никому не уступит. Его ум и его тело в постоянном движении, но очень часто вечер расстраивает то, что решило утро»^{286*}. Эта характеристика Максимилиана показывает, с каким интересом и вниманием Макиавелли изучал людей и вникал во внутренние пружины их действий и поступков. И каждый раз, когда он на пути своей служебной деятельности встречается с из ряда вон выходящей личностью, он изучал ее характер и тщательно анализировал его. Такой личностью был для него и Цезарь Борджиа, с которым он вел переговоры от имени Флорентийского правительства с октября 1502 г. по январь 1503 г. Если неудачи Максимилиана Макиавелли объясняет его бесхарактерностью и нерешительностью, то в Цезаре его поразили противоположные качества, и он видит причину его успехов в его силе воли, железной энергии и последова-

^{284*} Rapporto delle cose della Magna fatto questo dì 17 giugno 1508.

^{285*} Там же.

^{286*} Discorso sopra le cose d'Alemagna e sopra l'imperadore.

тельности. Приведем некоторые места из писем Макиавелли, показывающие, какое впечатление на него произвел герой Синигалии. «Трудно выведать что-нибудь у герцога, ибо имеешь дело с князем, который правит самостоятельно»^{287*}. «Он очень скрытен и совещается с немногими»^{288*}. «Никто не говорит с ним, за исключением трех-четырех советников, и время от времени он выслушивает иностранца, который докладывает ему какое-нибудь важное дело. Он никогда не покидает своей рабочей комнаты, за исключением 5-и или 6-и часов ночи. Поэтому имеешь случай говорить с ним лишь на официальных аудиенциях. Но тот, кто не приходит к нему за каким-нибудь делом, того он не принимает вовсе»^{289*}. «Герцог очень скрытен, и я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь знал его настоящие намерения. Его приближенные неоднократно говорили мне, что он лишь тогда раскрывает свои намерения, когда делает приказания, а раздает он приказания лишь тогда, когда его принуждает к тому необходимость, т. е. непосредственно перед исполнением и никогда не раньше того»^{290*}. «На стороне этого князя необыкновенное счастье, мужество, сверхъестественная решительность. Это — человек необыкновенного ума. Он имеет в своем распоряжении значительное и хорошо организованное войско и стоит во главе государства, которым управляет с большим авторитетом, и не имея ни близ себя, ни вокруг себя сколько-нибудь опасных врагов, ибо он или уничтожил, или обезоружил их»^{291*}. В этих последних словах кроется вся программа «Il Principe» и стоит лишь подробнее развить скрывающуюся в них мысль, чтобы вывести из нее все те положения, которые Макиавелли выставляет в «Князе».

Изучение Макиавелли характера Максимилиана и Цезаря определило его воззрения на те качества, которыми должен обладать князь. В «Il Principe» Макиавелли предостерегает князя от тех недостатков, на которые он указывает в своих посольских донесениях, рассуждая о Максимилиане; требуя же от князя решительности, энергии, последовательности, он указывает на черты, которыми обладал Цезарь и которых не доставало Максимилиану. В 16-й главе «Il Principe» Макиавелли доказывает вред излишней щедрости теми же самыми доводами, которыми он в своих посольских донесениях подкрепляет свой взгляд на расто-

^{287*} Legazione X al duca Valentino, письмо от 13 ноября 1502 г.

^{288*} Там же, письмо от 27 октября 1502 г.

^{289*} Там же, письмо от 3 ноября 1502 г.

^{290*} Там же, письмо от 26 декабря 1502 г.

^{291*} Там же, письмо от 8 января 1503 г.

чительность Максимилиана как на одну из причин его постоянных денежных затруднений, лишивших его свободы действия и парализовавших все его начинания. В «Il Principe» Макиавелли говорит, что щедрость князя удовлетворяет лишь немногих, большинство же раздражает. В письме же из Мантуи он замечает, что если Максимилиану и удастся облагодетельствовать сто тысяч подданных, то двести тысяч увидят себя обманутыми в своих ожиданиях. В главе, озаглавленной «Как нужно избегать льстецов», Макиавелли говорит, что князь должен быть разборчивым в выборе приближенных, прислушиваться к мнениям мудрых советников, пользоваться их указаниями, но, приняв к сведению их советы, действовать по собственному усмотрению и быть настойчивым при исполнении раз принятого решения. Что Макиавелли, выставляя эти правила, имел в виду Максимилиана, видно из того, что он в подтверждение их приводит в пример императора и, указывая на последствия его уступчивости, повторяет почти буквально то, что он говорит о нем в своих посольских донесениях. «Император, — замечает Макиавелли, — очень скрытен, он никому не доверяет своих планов и ни у кого не спрашивает совета. Но когда эти планы обнаруживаются, тогда его приближенные начинают противоречить ему, и он, будучи человеком бесхарактерным, уступает их настояниям». В этой же главе Макиавелли повторяет слова того же приближенного, на мнение которого он ссылается в своем письме из Мантуи.

Все основные правила политического искусства, выставляемые Макиавелли в «Il Principe» и «Discorsi», мы уже встречаем в его посольских донесениях. В письмах к Совету Десяти Макиавелли неоднократно повторяет, что государственный человек, который хочет достигнуть успеха, должен обладать независимостью и полной свободой действия^{292*}, что он должен избегать средних путей, не останавливаться на полдороге^{293*}, уметь пользоваться благоприятной минутой и сообразовать свои поступки с обстоятельствами^{294*}.

Как в «Discorsi», так и в «Il Principe» Макиавелли советует князю не раздражать народа, а стараться приобретать и заслужить его расположение, ибо это расположение — одна из главнейших и надежнейших опор его власти. На том же основании Макиавелли советует завоевателям упрочивать свою власть во вновь приобретенных странах не одними только устрашительными мера-

^{292*} Legazione XX presso la Corte di Roma, письмо от 11 ноября 1503 г.

^{293*} Legazione X al duca Valentino, письмо от 9 октября 1502 г.

^{294*} Там же, письмо от 8 ноября 1502 г.; там же, письмо от 3 ноября 1502 г.

ми, но вниманием к интересам населения. Эти политические правила сложились у Макиавелли еще тогда, когда он присматривался к обращению современных ему правителей с подданными и к различным способам ведения войны. Состоя посланником при императоре, он пишет письма Совету Десяти, в которых неоднократно указывает на политическую прозорливость венецианцев, умевших возбуждать к себе доверие населения: «Венецианцы очень хорошо обращаются с жителями этого города, ибо этот город для них — важный стратегический пункт»^{295*}. «Чем медленнее они будут вести войну, тем сильнее скажется желание народа возвратиться под власть прежних владык, ибо население все более раздражается постоянными военными постоями, грабежами и убийствами. Венецианцы же поступают наоборот, они берегут жителей городов и деревень более, чем то можно было ожидать от войска, находящегося в неприятельской стране»^{296*}. В одном из писем, написанных Макиавелли из Рима, где он состоял посланником при папском дворе, мы читаем: «Своими вооружениями папа скорее наживает себе врагов, чем друзей, ибо он принуждает жителей вооружаться из собственных средств и делает еще многое другое, чем наживаешь себе врагов, а не друзей»^{297*}. Макиавелли указывает тоже на Цезаря как на правителя, умевшего дорожить привязанностью народа и приобретать его расположение. Говоря о тех мерах, которые необходимы для умиротворения восставшего населения Ареццо, Макиавелли замечает, что верностью мятежных городов можно заручиться двояким путем: или оказывая населению beneficia, или же сделавши его примерным наказанием раз навсегда безвредным^{298*}.

Лишь то государство наслаждается спокойствием и благодеянием, которое обладает внешним могуществом и имеет в своем распоряжении хорошо организованное войско. Это одно из основных положений политического учения Макиавелли. И оно сложилось у флорентийского секретаря еще в то время, когда он не помышлял о литературной деятельности, и было результатом его наблюдений над политическим состоянием современных ему государств, как то доказывают следующие места из его посольских

^{295*} Legazione a Pandolfo Pertucci, письмо от 27 июня 1503 г.; Legazione XX, Seconda presso la Corte di Roma, письмо от 6 сентября 1506 г.; Legazione XXIV, all' Imperadore Massimiliano in Germania, письмо от 8 февраля 1508 г.

^{296*} Там же, письмо от 29 ноября 1507 г.

^{297*} Legazione XX, Seconda presso la Corte di Roma, письмо от 26 сентября 1506 г.

^{298*} Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati⁹³).

донесений: «В борьбе государств за существование смерть постигает всегда слабейшие тела»^{299*}. «Я всегда говорил и снова повторяю, что слабые государства должны скорее бояться, чем желать смут»^{300*}. «Венецианцы повсюду выставляют образ Св. Марка, который держит в руках вместо книги — меч. Они, кажется, уразумели, что государства не поддерживаются одною ученостью»^{301*}. «Герцог поступает разумно, вооружаясь и вербуя друзей. Дружбы между князьями поддерживаются оружием, и только оно может служить им прочным основанием»^{302*}. «Наилучший способ удерживать раз приобретенную власть — это иметь собственное оружие, приобретать расположение народа и заручаться друзьями»^{303*}. «Князь, хорошо вооруженный и имеющий собственное оружие, всегда может рассчитывать на успех»^{304*}.

Прочность и благоустройство государства, по воззрению Макиавелли, развиваемому в «Discorsi», зависит в гораздо большей степени от нравов народа, чем от законов и учреждений. Читая посольские донесения флорентийского секретаря, мы убеждаемся, что Макиавелли еще будучи посланником пришел к сознанию о том тесном взаимодействии, которое существует между политическим бытом народа и его нравственным складом. Этим только и можно объяснить, что он в своих отчетах о политическом состоянии Германии и Франции так подробно останавливается на нравах и обычаях народа, старается объяснить характер французов и немцев политическими и экономическими условиями и с особенным интересом изучает то влияние, которое оказывает нравственный склад этих народов на их материальное богатство и на особенности их политического строя. Приведем те места из этих донесений, в которых Макиавелли, описав политическое и военное устройство Германии и Франции и указав на достоинство и недостатки этого устройства, рисует нам быт и нравы французов и немцев. «Французский народ унижен и раболепен и отличается большой преданностью королю. Он живет доходами со своей земли, которых хватает лишь на уплату податей и на удовлетворение насущных потребностей. Излишки крестьянского хозяйства стекаются в казну баронов, которая поэтому всегда

^{299*} Legazioni XIII, a Pandolfo Petrucci, письмо от 17 июля 1505 г.

^{300*} Там же, письмо от 23 июля 1505 г.

^{301*} Legazione XXI, a Mantova per affari col Imperadore, письмо от 7 декабря 1509 г.

^{302*} Legazione X, al duca Valentino, письмо от 8 ноября 1502 г.

^{303*} Там же, письмо от 13 ноября 1502 г.

^{304*} Там же, письмо от 20 ноября 1502 г.

полна. Если же крестьянин имеет флорин в кармане, то он уже считает себя богачом»^{305*}. «Французы не прочь воспользоваться чужим добром. Они воруют очень ловко и нередко прокучивают свою добычу в компании тех, которых только что обокрали. Французы более вспыльчивы, чем смелы и ловки, и если их первый натиск отражен врагом, их смелость обращается в бабью трусость. Они скорее хитры, чем умны. Они дорожат лишь минутной выгодой, о будущем не заботятся и скоро забывают как нанесенные им обиды, так и полученные благодеяния»^{306*}. «В могуществе Германии никто сомневаться не может, ибо она имеет излишек в людях, в материальных богатствах и в военных силах. Что касается богатства, то нет города, который не имел бы общественной казны, и все говорят, что один Страсбург имеет несколько миллионов гульденов. Объясняется это, во-первых, тем, что деньги не уходят за границу и все необходимое для городского хозяйства производится городскими жителями, во-вторых, тем, что они не делают лишних трат, а употребляют общественные деньги лишь на покрытие расходов по городскому хозяйству и по военной обороне города. В их запасных магазинах всегда хранятся жизненные припасы, напитки и топлива на целый год; у них запасено и много сырья, обработка которого в случае осады может прокормить весь трудящийся люд без ущерба для города. Содержание войска им ничего не стоит, так как граждане вооружены и постоянно упражняются в военном искусстве. Но если в Германии государство богато, то граждане бедны. И эта бедность граждан — причина богатства государства. Граждане тратят очень мало на свои личные нужды, на постройку, на одежду, на домашнюю утварь. Каждый гражданин живет по своему состоянию, и их потребности несравненно ограниченнее наших. Последствием таких нравов является то, что деньги остаются в стране, и что жители удовлетворяются тем, что производит их страна. И эта простая и свободная жизнь вполне удовлетворяет их»^{307*}.

Если Макиавелли, еще будучи секретарем республики, с таким вниманием изучал нравы народов и характер политических деятелей, то неудивительно, что мы уже в его дипломатической переписке встречаемся с тем пессимистическим взглядом на природу человека, который так резко бросается в глаза при чтении его политических трактатов. В своих посольских письмах Макиавелли постоянно повторяет, что люди не умеют взвешивать по-

^{305*} Rittratti delle cose della Francia.

^{306*} Della natura de Francesi.

^{307*} Rapporto delle cose della Magna.

следствия своих поступков, что единственным мотивом их деятельности являются личная выгода и соображения пользы. Он предостерегает правителей Флоренции от излишней доверчивости, советует им не полагаться на обещания, не забывать, что начало неприязни — оскорбления, и начало дружбы — благодеяния, и помнить, что лишь те дружбы прочны, которые основываются на взаимной выгоде.

В 1503 г., т. е. в начале своей служебной карьеры, Макиавелли по поводу восстания в Ареццо написал небольшой трактат, озаглавленный «*Del modo di trattare i Popoli della Valdichiana ribbellati*». Если бы мы не знали, когда и при каких условиях Макиавелли написал его, мы могли бы подумать, что перед нами лежит глава из «*Discorsi*», почему-либо не вошедшая в его главный политический трактат. Мы встречаем здесь те же ссылки на римского историка, те же приемы исследования политического вопроса, ту же методику изложения, которые характеризуют его «*Рассуждения о первых десяти главах Тита Ливия*». Как отдельные главы «*Discorsi*» обычно начинаются рассказом из Тита Ливия, так и этот трактат Макиавелли начинает словами римского историка, передающего речи консула Фурия Камилла, который предлагал различные меры для умиротворения Лациума. Рассказав затем, на какие мероприятия решился сенат, Макиавелли продолжает: «Из этого постановления видно, что, по мнению римлян, можно заручиться верностью возмущившегося народа лишь двумя путями: или оказывая ему благодеяния, или делая его безвредным. Средние же пути они считали вредными. Когда дело дошло до исполнения приговора, то римляне избрали и тот, и другой путь. Тем, на покорность которых они могли рассчитывать, они оказывали благодеяния, с остальными же они поступали так, что всякая опасность нового возмущения в будущем исчезала. Дабы достигнуть последнего результата, римляне прибегали обыкновенно к двум средствам. Первое заключалось в том, что они разрушали непокорный город и переселяли жителей в Рим, другое в том, что они или выселяли всех жителей и поселяли новых, или же оставляли часть жителей и переводили такое количество колонистов, что последние составляли большинство. Историю называют руководительницей поступков, и особенно поступков государственных людей. И действительно, мир был всегда один и тот же и был населен людьми, имеющими всегда одни и те же страсти... Тот, кто этому не верит, тот пусть обратит внимание на события, разыгравшиеся в Ареццо, и сравнит их с событиями в Лациуме, о которых нам повествует история... Если же история — руководительница наших поступков, то те, в руках которых ле-

жала судьба восставших городов долины Кианы, должны бы последовать примеру римлян, но они этого не сделали».

Этот трактат замечателен во многих отношениях. Он показывает, во-первых, что Макиавелли, стоя еще в самом круговороте политической жизни, относился к совершавшимся на его глазах событиям не как практический политик, принимающий во внимание лишь то, что входит в круг его служебной деятельности, но как мыслитель, старавшийся раскрыть внутренние причины явлений, подвести их под общие точки зрения и извлечь из них правила политической мудрости. Этот политический трактат показывает, во-вторых, что Макиавелли, еще будучи весь поглощен практической деятельностью, обращался к римлянам за советами и изучал древних писателей с целью черпать у них правила политического искусства. И те воззрения, которые излагает Макиавелли в этом трактате, написанном под свежим впечатлением события, совершившегося на его глазах, он впоследствии повторяет в «Discorsi» и «Il Principe». 23-я глава I книги «Рассуждений» есть не что иное, как второе издание этого трактата. В этой главе Макиавелли приводит слова консула Фурия Камилла и решение сената и затем делает выводы, с которыми мы только что познакомились. Если бы мы не знали, при каких условиях и по какому поводу Макиавелли написал этот трактат, мы могли бы подумать, что рассказ Ливия навел его на те размышления, которые он развивает в 23-й главе «Discorsi». На самом же деле он излагал здесь воззрения, которые сложились у него под впечатлением события, в котором он играл активную роль в качестве комиссара флорентийского правительства^{308*}. Свои политические правила Макиавелли извлекал не из римской жизни, а из изучения действительной жизни. Он обращался к римлянам лишь за советами и изучал древнюю жизнь лишь для того, чтобы проверить воззрения, которые слагались под впечатлением пережитых им событий. Исходной точкой политических размышлений Макиавелли является не тот или другой рассказ Ливия, а всегда та или другая проблема, с которой он сталкивался на пути своей служебной деятельности.

Кругозор наблюдений Макиавелли очень ограничен: он не выходит за пределы итальянской жизни. Макиавелли путешествовал по Германии и Франции, но государственный быт этих народов не имел решающего влияния на его политические воззрения.

^{308*} Ribellione della Valdichiana e di Arezzo. Scritti inedite di Niccolò Machiavelli illustrati da Giuseppe Canestrini; Legazione IX, Commissione al campo contro Arezzo⁹⁴⁾.

Читая его донесения о политическом состоянии Франции и Германии, нетрудно заметить, что он все свое внимание сосредоточивает на изучении организации вооруженных сил, личного характера правителей, нравов народа; когда же он переходит к изложению государственного устройства, он ограничивается кратким и сухим перечнем должностей и учреждений. Раздробленность Германии, борьба князей с городами, отношение их к императору имеют в глазах Макиавелли много аналогичного с раздробленностью и разъединением Италии, и вот почему он пускается в более подробное объяснение этих явлений. Что наблюдения Макиавелли над государственным устройством Германии и Франции остались без влияния на его политическую доктрину, всего яснее вытекает из того, что он в своих политических трактатах лишь мимоходом упоминает о политическом строе этих стран. Мы видели выше, что характеристика императора Максимилиана, его наблюдения над нравами немецкого народа перешли целиком в «Il Principe» и «Discorsi», все же то, что он в своих посольских донесениях говорит о политическом строе Германии и Франции, не оставило по себе никаких следов в его политических трактатах. Он упоминает в своих сочинениях о Франции лишь для того, чтобы противопоставить господствующее в ней единство разъединению Италии. Но он не объясняет нам, чем это единство обуславливается и какими средствами оно поддерживается. Когда же он делает попытку объяснить значение французского парламента, то эта попытка служит только лишним доказательством тому, что он не понимал государственного устройства Франции: везде ему мерещится борьба народа с дворянами, и этой борьбой он объясняет и назначение парламента, который, по его словам, был введен французскими королями для обуздания властолюбия дворян^{309*}.

Как пребывание Макиавелли в Германии и Франции не расширяет кругозора его наблюдений, так и изучение римской истории не могло его снабдить новым материалом для исследования политической жизни. Читая Ливия, Макиавелли не переносится в те отдаленные времена, о которых повествует римский историк, а остается в политической атмосфере своего родного города. В «Discorsi» Макиавелли не исследует римской жизни, а лишь те политические вопросы, которые имели для него, задумывавшегося над причинами безотрадной судьбы своего отечества, особенный интерес. Как путешествуя по Франции и Германии Макиавелли присматривался лишь к военному устройству, к личным

^{309*} Il Principe. Гл. 19.

качествам правителей, к нравам народа, так точно, и изучая римскую историю, он с особым тщанием сопоставляет лишь те места из Ливия, которые рисуют военное искусство римлян, нравственный склад римского народа и те правила, которым следовали государственные мужи древности в своей политической деятельности. Государственные учреждения Рима стоят для него на втором плане. Он изучает государственный быт Рима лишь настолько, насколько он представляет аналогии с государственным бытом Флоренции, и останавливается лишь на тех римских учреждениях, с помощью которых, по его мнению, римляне избегли тех ошибок, в которые впали его соотечественники. Мы привели выше место из «*Storie Fiorentine*», в котором Макиавелли проводит параллель между борьбой партий во Флоренции и в Риме. Различием в характере и исходе этой борьбы он объясняет и различие, существующее в государственном быте этих двух государств. Уже из этого места видно, что борьба плебеев с патрициями заинтересовала Макиавелли своим сходством с борьбой партий во Флоренции. И вот почему он в своих «Рассуждениях о первых десяти главах Тита Ливия» обращает внимание лишь на те государственные учреждения, которые стоят в связи с борьбой плебеев с патрициями. Такими учреждениями были в глазах Макиавелли трибунат, децемвират³¹⁰ и диктатура. «Когда были изгнаны Тарквинии, — говорит Макиавелли, — страх перед которыми сдерживал дворян, тогда нужно было придумать другое учреждение, которое производило бы такое же действие, как Тарквинии. И вот почему после долгих волнений, мятежей и раздоров между дворянами и народом был учрежден трибунат и вооружен такими полномочиями и таким сильным авторитетом, что трибуны могли сделаться впоследствии посредниками между сенатом и народом и сдерживать высокомерие дворян»^{310*}. Трибунат, по Макиавелли, есть, таким образом, не что иное, как учреждение, созданное для поддержания равновесия между плебеями и патрициями и для защиты народа от властолюбивых притязаний дворян^{311*}. И о децемвирате Макиавелли рассказывает нам только потому, что он дает ему случай выяснить своим читателям вредные последствия борьбы партий. «После долгих переговоров между народом и дворянами о тех законах, которые должны были установить свободу на более прочных основаниях, было решено послать Спурия в сопровождении двух других граждан с целью достать списки законов Солона, которые должны были лечь

^{310*} Discorsi. Кн. I. Гл. 3.

^{311*} Там же.

в основание нового законодательства». Рассказав затем историю децемвирата, Макиавелли продолжает: «Тирания возникла в Риме вследствие тех же причин, вследствие которых тирании вообще возникают в городах, т. е. вследствие чрезмерного стремления народа к свободе и дворян к власти. И когда они не могут согласиться относительно закона, который обеспечил бы им свободу, и одна партия возлагает на одно лицо защиту своих прав, тогда возникает тирания. Народ и дворяне согласились назначить децемвинов и вооружить их исключительными полномочиями, народ — в надежде уничтожить консульскую власть, дворяне — в надежде сломить власть трибунов. Когда же, после избрания децемвинов, народу показалось, что Аппий стоит на его стороне и притесняет дворян, то доверился ему и стал покровительствовать ему. Но когда народ впадает в подобное заблуждение и наделяет властью одно лицо для того, чтобы оно притесняло тех, которых он ненавидит, то всегда случится, что это лицо, если только он умный человек, сделается тираном города. Ибо, благоприятствуя народу, он постарается сломить с его помощью власть дворян и никогда не станет угнетать народ, пока не расправится с дворянами. И лишь покончив с последними, он приступит к угнетению народа. И если тогда народ спохватится и заметит свою ошибку, то уже будет поздно: ловушка захлопнулась»^{312*}.

Макиавелли в своих «Discorsi» разбирает еще другое учреждение — диктатуру, которая стоит также в связи с борьбой партий, хотя и не непосредственно. В «Storie» Макиавелли говорит, что власть во Флоренции переходила неоднократно в руки одного лица, восстанавливавшего то единение, в котором нуждался город и поддерживать которое было не в силах республиканское правительство, раздираемое на партии. Но не город облакал это лицо исключительными полномочиями, а оно само, пользуясь раздорами, захватывало власть в свои руки. Макиавелли считает диктатуру полезной и необходимой при известных условиях: он в своих сочинениях неоднократно выражает мысль, что энергичному и мудрому законодателю, ничем не стесненному в своей организаторской деятельности, нетрудно было бы ввести во Флоренцию республику и упрочить в ней свободный государственный строй; он считал, кроме того, лишь князя, облеченного исключительной властью, способным объединить вооруженные силы итальянских государств и изгнать варваров из Италии. Но он требует, чтобы этот диктатор был не узурпатором, а возведен в свой высокий сан волею народа. И вот этому-то условию не удов-

^{312*} Там же. Кн. I. Гл. 40.

летворяли владыки Флоренции: они были обязаны своим исключительным положением не народному избранию, а мелким интригам и недостойным ухищрениям. Медичи, напр<имер>, своим богатством и своей хитрой политикой сумели проложить себе путь к власти и сделали фактически владыками Флоренции, хотя и оставались частными людьми и никакого официального положения не занимали. Правления Козимо и Лоренцо сделали пагубными для Флоренции именно потому, что они, с одной стороны, своим влиянием парализовали республиканские учреждения, с другой же, стоя вне правительства и принужденные действовать через посредство существовавших правительственных органов, были лишены свободы действия^{313*}. Макиавелли, изучая политическую жизнь своего отечества, натолкнулся, таким образом, на исследование вопроса: при каких условиях диктатура необходима и какими условиями должно быть обставлено лицо, облеченное исключительными полномочиями, дабы оно, с одной стороны, выполняло успешно возложенное на него дело, с другой же, не злоупотребило предоставленной ему властью? И вот, дабы ответить на этот вопрос, Макиавелли обращается за советом к римлянам и посвящает несколько глав своих «Рассуждений» исследованию римской диктатуры: «Когда значение, могущество и владычество римской республики стали возрастать, тогда соседи ее, которые первоначально не понимали опасности, грозившей им с этой стороны, уразумели, наконец, свою ошибку, соединились против Рима и заключили наступательный союз для отражения этой опасности. Римляне учредили тогда диктатуру, т. е. облекли одно лицо властью принимать и исполнять решения по своему усмотрению, не отдавая никому отчета в своих действиях. И так как эта мера оказалась в данном случае полезной и римлянам, только благодаря ей удалось устранить грозившую им опасность, то они стали прибегать к диктатуре во всех тех смутах и замешательствах, которые обуславливались расширением внешнего могущества. Тут следует заметить, что при возникновении опасности, наступающей вследствие внешних или внутренних причин и разрастающейся до такой степени, что она возбуждает всеобщий страх, гораздо лучше выждать время, чем пытаться устранить ее. Ибо те, которые хотят устранить ее, не дав ей созреть, вливают лишь масло в огонь и ускоряют зло. И подобные замешательства возникают в республиках чаще из внутренних, чем из внешних причин. Дело в том, что республика предоставляет гражданину

^{313*} Discorso sopra il Riformar lo stato di Firenze.

очень часто большую власть, чем ему приличествует, искажает этим закон, жизненный нерв свободы, и дает разрастись злу до таких размеров, что опаснее бороться против него, чем представлять его своему естественному течению. И такие замешательства труднее распознаются при их возникновении благодаря присущей людям наклонности благоприятствовать началу вещей. И эта наклонность благоприятствовать новым начинаниям сказывается в особенности тогда, когда эти начинания соблазняют людей своей привлекательной внешностью и когда они исходят от молодых людей. Ибо когда выступает в республике благородный юноша, одаренный блестящими способностями, тогда взоры всех обращаются на него и все соперничают в оказании ему почестей, так что он, если в нем есть хоть искра самолюбия, быстро завоевывает себе высокое положение в государстве. Когда же он раз добрался до такой высоты, то граждане, уразумев свою ошибку, не имеют более средств исправить ее и своей враждой против влиятельного гражданина лишь содействуют упрочению его могущества. Можно было бы в подтверждение сказанного привести много примеров, но я ограничусь примером из истории нашего города. Козимо Медичи, которому наш город обязан своим величием, достиг благодаря своей мудрости и невежеству остальных граждан такого могущества, что, с одной стороны, боялись оскорблять его, с другой же стороны, считали его исключительное положение в республике опасным. Уцано, мудрый и опытный гражданин, понял, что была сделана ошибка, т. е. что опасность, которой угрожало городу могущество Козимо, не была признана вовремя, но он не хотел, чтобы была сделана вторая ошибка, т. е. чтобы граждане вооружались открыто против Медичи, ибо он предвидел, что такая попытка должна повлечь за собою гибель государства. Пережившие его граждане пренебрегли этим мудрым советом: они прибегли к насилию и изгнали Козимо из Флоренции. Последствием этого поступка было то, что партия Козимо, возмущенная нанесенным ему позором, скоро затем снова призвала его и сделала правителем Флоренции, т. е. возвела его на такую ступень, которой бы он никогда не достиг, если бы ему не оказали открытого сопротивления. То же самое случилось в Риме с Цезарем»^{314*}. После этого введения Макиавелли обращается к рассмотрению римской диктатуры и объясняет, почему диктатура в эпоху республики никогда не угрожала опасностью Риму. Из приведенного нами места видно, что Макиавелли, рассуждая о диктаторской власти в Риме, имел в виду один из недуг-

^{314*} Discorsi. Кн. I. Гл. 33.

гов политического быта Флоренции и что он говорит об этом римском учреждении лишь для того, чтобы предостеречь своих соотечественников от тех ошибок, в которые впали их предки, расчистив Козимо Медичи путь к власти.

Если в «Discorsi» Макиавелли указывает на тот путь, следуя по которому Флоренция может приобрести свою прежнюю силу и могущество, то в «Storie» он объясняет нам тот исторический процесс, который довел ее до политического бессилия. «История Флоренции» Макиавелли не что иное, как история той болезни, которая истощила его отечество. Обо всем том, чему Флоренция была обязана своим величием, что сделало из нее центр умственной жизни Италии и носительницу итальянской культуры в эпоху Возрождения, обо всем этом Макиавелли умалчивает в своей «Истории Флоренции». Он нигде не говорит об экономической жизни своего родного города, об его промышленности и торговле, о процветавших в ней науках и искусствах. Все его внимание поглощено политической жизнью, и вся его «История Флоренции» сводится к истории ее военных неудач и борьбы партий. Итак, куда бы Макиавелли ни обращал свой взор, что бы он ни исследовал, о чем бы он ни говорил, всегда и везде он преследует лишь одну цель — раскрыть причины тех недугов, которыми страдал его родной город, и изыскать те средства, которые могли бы излечить его от этих недугов. К исследованию политической жизни неитальянских государств он прилагает мерило, которое сложилось у него под влиянием той политической обстановки, среди которой он жил и действовал; и путешествуя по Германии и Франции, и изучая Ливия, кругозор его наблюдений не расширяется, и он остается в политической атмосфере своего родного города. Плебеи и патриции для него не что иное, как *popolo minuto* и *popolo grosso*⁹⁶ Флоренции; французский парламент не что иное, как учреждение, имеющее целью умерить властолюбие дворян; в Цезаре он узнает Козимо Медичи, в Аппии Клавдии — итальянского тирана.

III

КАК И ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ СЛОЖИЛИСЬ ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ МАКИАВЕЛЛИ

В предшествующем отделе мы показали, как сложилась политическая доктрина Макиавелли, на следующих же страницах мы хотим объяснить генезис его философских воззрений.

Разбирая посольские донесения флорентийского секретаря, мы уже имели случай заметить, что Макиавелли никогда не рассмат-

ривает исследуемых им явлений вне связи с окружающими их условиями и всегда видит в отдельном явлении необходимое звено в общей цепи причин и следствий. Рассматривая частный случай, он всегда восходит к общим причинам и старается занять такую точку зрения, которая позволила бы ему отнестись объективно к этому частному случаю и приложить к нему не случайное, а более общее мерило. Благодаря такому способу разрешения отдельных случаев из практической жизни, теоретическая мысль Макиавелли изопрямилась, и у него постепенно складывались те основные философские воззрения, которые являются необходимым предположением для разрешения отдельных вопросов практической политики. Но эти философские вопросы не интересуют Макиавелли сами по себе, он задумывается над ними лишь по поводу подлежащих его разрешению политических проблем, и они должны служить ему лишь точками опоры при обсуждении отдельных вопросов политического искусства.

Одно из первых дошедших до нас писем Макиавелли ^{315*}, написанное им еще до поступления на государственную службу, свидетельствует, что он по самому складу своего ума был скептиком и трезво и беспристрастно относился к окружавшим его явлениям. В этом письме Макиавелли передает содержание проповедей Савонаролы ⁹⁷⁾ и рассказывает нам, как этот ловкий доминиканец, дабы нагнать страх на своих противников, называл их орудиями дьявола, себя же и своих приверженцев — служителями Бога, сила и число которых растет в борьбе с притеснителями и гонителями. В заключение Макиавелли замечает: «Когда синьория заступилась за Савонаролу пред папою, и он заметил, что ему нечего более бояться своих противников, тогда он переменял свою тактику. И так как он не считал более нужным поддерживать единение в своей партии страхом перед грозящим ей будто бы политическим рабством, то он перестал говорить о тиранстве и порочности своих врагов и старался вооружить всех против папы и его посланников. Он говорил о нем все то, что только можно сказать о безбожном человеке, и лгал что ни есть мочи» ^{316*}. Макиавелли видит, таким образом, в Савонароле не убежденного проповедника, не боговдохновенного человека, а ловкого и хитрого политика, морочащего толпу и пользующегося своим влиянием и даром слова для проведения своих планов. Это замечательное письмо показывает, что Макиавелли вступил на поприще общественной деятельности трезвым наблюдателем, свободным от всяких увле-

^{315*} Письмо от 8 мая 1498 г.

^{316*} Там же.

чений и предвзятых мнений. Его ум был белым листом бумаги, не исписанным ни общественными, ни религиозными предрассудками: те наблюдения и впечатления, которые он испытал в течение своей долголетней служебной деятельности, могли отпечатлеваться на этом неисписанном листе, не перемешиваясь никакими посторонними элементами. Макиавелли рассматривал наблюдаемые им явления такими, какими они представлялись ему в действительности, между его пронизательным оком и объектами его наблюдений не существовало никакой посредствующей среды, которая помрачала бы его взор и окрашивала бы ложным цветом предметы его исследования.

Его трезвый ум был недоступен иллюзиям. Он был враг всякой лжи и сторонился ее и тогда, когда она могла скрыть от него всю отвратительную наготу действительной жизни и хоть на время рассеять его тяжелые думы. Макиавелли не принадлежал к тем счастливым натурам, которые умеют отвлекаться от окружающей их обстановки и создать себе мирок, до которого бы не доносились стон и плач, оскорбляющие их нежный слух и нарушающие их душевное спокойствие. Макиавелли не искал этого спокойствия, напротив: он боялся и избегал его. Когда обстоятельства принудили его покинуть общественную службу, он мучается своей бездеятельностью, и тишина деревенской жизни тяготит его. Он жаждет тех тревог и треволнений, которые пугают других. Страдать страданиями своего народа, радоваться его радостями было потребностью его души. То, что для других душевное спокойствие вдали от мирской суеты, то было для Макиавелли общественная жизнь; то, что для других семейный очаг, убаюкивающий их в мирный и безмятежный сон, то была для Макиавелли общественная площадь. А человек, который смотрит действительности прямо в лицо, который стоит среди своего народа и не затыкает ушей, когда он зовет о помощи, для такого человека иллюзий не существует, для него эта жизнь — тернистый путь, и этот мир — не лучший из миров, а мрачное поле брани, пропитанное потом и кровью несчастных жертв, обессиленных в отчаянной борьбе за существование. Макиавелли не принадлежал к тем убогим духом, которые в сознании своего бессилия сторонятся борьбы с жизнью, но он и не принадлежал к тем сильным духом, для которых эта сила — источник духовных наслаждений, отвлекающих их от суеты мирской и скрывающей от их взора людские страдания. Макиавелли был поэтом, но не тем поэтом, который «рожден для вдохновенья, для песен сладких и молитв». Как его исследующая мысль занята судьбами его отечества, так и источник его вдохновения — бедствия, постиг-

шие Италию. В своих поэтических произведениях он изливает свое горе, оплакивает несчастную судьбу своего родного города, воспекает геройские подвиги павших за святое дело свободы и громит тиранов и деспотов^{317*}.

Ни поэтическое вдохновение, ни философские размышления, ни исторические исследования не могли оторвать Макиавелли от той почвы, к которой он прирос душою. Макиавелли жил и мыслил в самом круговороте итальянской политики, он был свидетелем тех катастроф, которые разразились над Италией и сделали из нее добычу варваров. Он пережил те тяжелые времена, когда правители Флоренции извивались перед высокомерной Францией и завистливой, но бессильной империей, и деньгами и подарками задабривали Людовика XII⁹⁸⁾ и Максимилиана⁹⁹⁾; он был посланником при французском дворе и сам рассказывает нам, с каким презрением смотрели на его отечество и как нагло издевались над его бессилием^{318*}; он играл активную роль в той несчастной войне с Пизой, которая обнаружила всю бессовестность и продажность кондотьеры, этой язвы современной ему Италии^{319*}; он должен был от лица когда-то могущественной Флоренции вести переговоры с мелкими тиранами, с такими извергами рода человеческого, как Пандольфо Петруччи и Паоло Больони, уверять их в дружбе своего правительства, восхвалять их мудрость, как милостыни, испрашивать у них помощи, унижаться и раболепствовать перед ними^{320*}; он сопровождал Цезаря Борджиа в его походе на Романью и мог собственными глазами видеть, к каким средствам должны были прибегать государственные мужи Италии, чтобы не сделаться жертвою тех подпольных интриг и недостойных ухищрений, к которым сводилась вся политическая мудрость того времени^{321*}; он состоял посланником при римском дворе и рассказывает нам о продажности кардиналов и о том золоте и тех обещаниях, ценою которых Юлий II сделался намест-

^{317*} I Decenali ad Almano Salviati.

^{318*} Legazione (V) prima alla Corte di Francia.

^{319*} Legazione IV, Commissione in Campo contro i Pisani и Spedizione contra Pisa del 1409 и del 1504 (в: Scritte inedite, изд. Canestrini).

^{320*} Legazione VII, a Siena a Pandolfo Petrucci; Legazione XII, a Siena a Pandolfo Petrucci, per la seconda volta; Legazione XVI, a Gianpolo Baglioni.

^{321*} Legazione X al duca Valentino in Romagna; Legazione XI, allo stesso; Descrizione del modo tenuto dal duca Valentino nell'ammazzare Vitellozzo Vitelli, Oliverotto da Fermo; il signor Pagolo e il duca di Gravina, Orsini.

ником Христа^{322*}; он должен был терпеть личные обиды и оскорбления и сказать себе, что они наносятся ему не как частному лицу, а как представителю Флоренции^{323*}. Макиавелли, таким образом, пережил и перестрадал все то, что пережило и перестрадало его отечество. Что ж удивительного, если он, сын того века, в котором человеческая мысль эмансипируется от средневековых предрассудков и в котором зарождается дух свободного исследования, сын той страны, которая воспитала Галилея, если он, говорим мы, своим трезвым умом не хотел верить, чтобы несчастья и бедствия, постигшие его отечество, были ниспосланы любящим Творцом? Что ж удивительного, если этот мир не представлялся ему целесообразным порядком, которым управляет высший разум или благое провиденье, а темным царством, в котором хозяйничает злая судьба?

Макиавелли пережил знаменательную эпоху в истории своего родного города.

На его глазах рушилось владычество Медичи, он присутствовал при восстановлении демократического строя, во главе которого стал Савонарола, он был свидетелем его смерти на костре и видел, как созданное им дело погибло, он играл активную роль в реорганизации республиканских учреждений и был достойным сподвижником Содерини; он с болью в сердце должен был покинуть свой город, когда эти учреждения пали и Медичи заняли свое прежнее место. На его глазах совершился целый ряд переворотов, которые стерли с лица земли старые учреждения и создали новые. Демократия вытеснила тиранию, умеренная республика — народное правление, пока, наконец, не восторжествовала снова тирания. И все эти перевороты были связаны с именем той или другой выдающейся личности. И в остальной Италии Макиавелли мог наблюдать ту же неустойчивость политического строя и следить за деятельностью отдельных государственных мужей, уничтожавших старые учреждения и вводивших новые, разрушавших государства и созидавших новые. Карта Италии на глазах Макиавелли несколько раз меняла свои очертания. Все мелкие государства Италии были или республиками, так же быстро менявшими свое устройство, как Флоренция, или государствами, во главе которых стояли тираны-узурпаторы. Большинство этих тиранов были когда-то кондотьеры¹⁰⁰⁾ и насилем захватили государственную власть в свои руки. Они могли удержаться

^{322*} Legazione XIII, alla corte di Roma. Cp. также: Dispaccei di Giustiniani (изд. Villari). Т. II.

^{323*} См. ниже примеч. 318*.

лишь прибегая к тем средствам, которым они были обязаны своим возвышением. Они жили в постоянном страхе за свой престол, за свою жизнь. Хитрость и преступления были их политическими орудиями, огонь и меч заменяли им государственные законы и учреждения. Эти тирании держались властью одного лица: они покоились исключительно на плечах тирана. Чем он был хитрее, предусмотрительнее, решительнее, энергичнее, тем прочнее и устойчивее было его государство; малейшая ошибка, малейший недосмотр, неловкий расчет могли лишить его власти, а государство – единственной опоры. Личный произвол заменял в этих тираниях государственное устройство, к личной деятельности тирана и его слуг сводилось все государственное управление. Макиавелли был неоднократно при дворе этих тиранов. Он состоял посланником при Цезаре Борджиа в Романье, Пандольфо Петруччи в Сиене, Паоло Больони в Перудже, Екатерине Сфорца в Форли. А Цезарь, Пандольфо и Паоло были типами итальянских тиранов того времени, а их государства – теми тираниями, которые создавались и поддерживались деятельностью одного лица. На его глазах Цезарь очистил Романью от мелких тиранов и объединил ее в одно политическое тело. Но Макиавелли был свидетелем и тому, как это вновь созданное государство просуществовало лишь несколько месяцев и снова распалось на свои составные части.

Мы сказали выше, что не изучение истории и не знакомство с политическим бытом других государств определили воззрения Макиавелли, а исключительно наблюдения над политической жизнью Италии. Эта же политическая жизнь, как мы сейчас показали, должна была поразить его своей неустойчивостью и теми постоянными переворотами, во главе которых стояли отдельные выдающиеся личности. Неудивительно поэтому, что он сводил все явления общественной жизни к свободной деятельности людей, т. е. к такому фактору, который бросался ему всего резче в глаза и влияние которого на государственную жизнь было для него всего яснее, всего осязательнее. И, рассуждая об отдаленных эпохах, о возникновении государств и религий, Макиавелли объясняет все эти явления теми причинами, которые на его глазах обуславливали собою перевороты в государственной и религиозной жизни Италии. Рассуждая о Нуме, в котором он видит основателя римской религии, ему рисуется Савонарола, говоря об основателях государств Моисее, Тезее, Кире, Ромуле, он думает о Цезаре Борджиа, Франческо Сфорца. Он не замечает различия в исторических условиях и убежден, что люди древности действовали точно так же, как и те государственные мужи, мотивы и цели деятель-

ности которых он изучил вблизи. Как миланское герцогство и княжество в Романье были творениями Франческо Сфорца и Цезаря, так и римское государство, по воззрению Макиавелли, не что иное, как искусственное учреждение, созданное личной деятельностью Ромула. Как Савонароле удалось воодушевить флорентийцев своею проповедью и сделать их послушными орудиями своих реформаторских начинаний, так точно и Нума ввел религиозные обряды, дисциплинировавшие римлян и положившие основание тем добрым нравам, которые послужили твердой опорой римскому государству. Все различие между организаторской деятельностью Ромула и Цезаря сводится лишь к тому, что первый действовал самостоятельно, второй же был обязан своим возвышением чужому оружию и счастливому стечению обстоятельств. Различие же между Нумою и Савонаролою заключается лишь в том, что первый взялся за свое дело умнее и опирался на военную силу, созданную Ромулом, второй же выступил невооруженным пророком и хотел воздействовать на людей не силою оружия, а силою убеждения.

Итак, Макиавелли, рассуждая о государстве и религии, имеет в виду политические условия своего времени и объясняет происхождение государств теми же самыми причинами, которые на его глазах обуславливали собою возникновение политических тел, т. е. деятельностью отдельных передовых людей. Так складывается основное положение его учения, которое гласит: свободная деятельность людей создает государства и религии, ею держатся все государственные и религиозные учреждения, она направляет общественную жизнь и является причиною всего того, что не физическая природа.

Если свободная деятельность людей, по Макиавелли, — главный фактор государственной жизни, то его взгляд на природу человека должен был иметь решающее влияние на его философскую доктрину. Мы показали выше, что этот взгляд сложился у него еще тогда, когда он был всецело поглощен практической деятельностью. В своих посольских донесениях он неоднократно повторяет, что люди действуют не иначе как под напором своекорыстных влечений, что они лишены всякого нравственного чувства, и что единственным мотивом их деятельности служит личная выгода.

Если же такова, по воззрению Макиавелли, природа человека, то он и не мог верить в самобытность нравственных начал и должен был объяснить возникновение нравственных понятий и качеств людей влиянием внешней обстановки. В первом политическом трактате, написанном им в 1503 г., он выражает мысль,

что природа людей не меняется, и что их страсти и влечения остаются те же, на какой ступени исторического развития они бы ни стояли. Путешествуя же по Германии и Франции, он обратил особое внимание на народные нравы и, читая Ливия, с особенным тщанием собирал свидетельства о гражданских добродетелях римлян. Мы знаем также, что в испорченности итальянских нравов Макиавелли видит главный источник бедствий, постигших его отечество. Сравнивая нравы итальянского народа с нравами французов, немцев и римлян, Макиавелли заметил, что нравственный склад этих народов далеко не одинаков. Если же природа людей не меняется и если страсти и влечения людей были в древности такими, какими мы их наблюдаем в наше время, если ни историческое прошедшее, ни климатические условия, ни принадлежность к тому или другому племени или национальности не имеют влияния на нравственный склад народа, то различие в нравах итальянцев, французов, немцев и римлян Макиавелли мог отнести лишь на счет различия в государственном быте этих народов.

Как политическое учение Макиавелли есть не что иное, как ответ на вопрос, как должно быть устроено государство, чтобы оно не страдало теми недугами, которыми заражен политический строй Флоренции, так и содержание его учения о нравственности определяется его воззрением на причины нравственной испорченности итальянского народа.

Мы привели выше место из «Storie», в котором Макиавелли рисует нам растление итальянских нравов и вместе с тем указывает на причины этого явления. Из этого места видно, что Макиавелли объясняет испорченность нравов флорентийского народа условиями его политической жизни. Испорченность эта, по его воззрению, обуславливается тем, что индивидуальные интересы преобладают над общественными, что эгоизму и личному произволу дан слишком широкий простор, что граждане руководятся не интересами общего блага, а соображениями личной пользы, что они не признают над собою авторитета каких бы то ни было нравственных начал, которые сдерживали бы их своекорыстные страсти и влечения. Мы знаем из истории, что в этом действительно заключалась нравственная испорченность итальянского народа в эпоху Возрождения. Все те объективные начала, перед которыми склонялся человек Средних веков, рушились, и эмансипированная личность в сознании своей силы расправляет свои крылья и сбрасывает все те оковы, которые сдерживали ее свободный полет. В Средние века отдельный человек не выступал из пределов общины или корпорации; вся его жизнь и деятельность

вращались в рамках того союза, к которому он принадлежал по рождению; его общественную деятельность регулировала корпорация; в своей частной обстановке он следовал унаследованным традициям и преданиям. Его семейные нравы, его частная жизнь находились под контролем общества; субъективному суждению, личному произволу, свободному почину места не было; за человека мыслила и действовала корпорация, он мыслил ее мыслями, жил ее жизнью. С распадением же феодального быта, с развитием торговли и промышленности, с возникновением республик и тираний, установивших гражданское равенство, итальянец эпохи Возрождения освобождается от всех тех стеснений, которые сдерживали его личное суждение и свободу деятельности. Традиции и предания не могли более определять порядка его жизни и образа его мыслей, ибо исчезли те союзы, которые определяли их и передавали от поколения к поколению. Он не находил более опоры в корпорации, он стоял на собственных ногах и должен был личной энергией прокладывать себе дорогу в жизни. Общество расчленилось теперь не по сословиям, а по классам и по политическим партиям. Неимущий мог сделаться имущим, приверженец побежденной ныне фракции мог сделаться завтра главою господствующей партии; гражданин, живший в скромной обстановке, мог подняться с низшей ступени общественной лестницы на высоту, которая обеспечила ему власть и влияние. Вождь пайки разбойников мог собрать вокруг себя отважных бойцов и, увеличивая число своих сподвижников, стать во главе сильного войска и насилием пробить себе путь к власти. Положение лица в обществе определяют ни рождение, ни принадлежность к тому или другому сословию, а исключительно, как выражается Макиавелли, счастье и личные способности. Кондотьери мог сделаться королем (Сфорца), монах стать во главе правительства (Савонарола), богатый купец держать в своих руках судьбы одного из могущественнейших городов Италии (Медичи). И эти владыки, сами вышедшие из народа, окружают себя государственными мужами, художниками, учеными, писателями, поэтами, которые были такого же темного происхождения, как и они, но которые сумели своими талантами завоевать себе положение в обществе. Тирани, который занимал престол не по закону, положение которого в государстве было лишено всяких легальных основ, должен был прибегать к хитрости, обману и насилию, чтобы власть не ускользнула от него и чтобы какой-нибудь ловкий соперник не перехитрил его. Но не только в тираниях, но и в республиках государство держалось не столько законами и учреждениями,

сколько ловкостью той партии, которая заправляла делами республики, или, вернее, того вождя, который стоял во главе этой партии. И для этих вождей законы служили лишь ширмами, которые должны были скрывать от народа их настоящие планы и намерения. Козимо Медичи, этот разбогатевший купец, стоял вне правительства, а на самом деле был главой флорентийского правительства. И вокруг этого солнца вращается целый ряд мелких планет, людей, сумевших завоевать себе положение в обществе или своим богатством, или своими талантами. Все они чувствуют, что стоят не на твердой почве, и что новый государственный порядок может вытеснить их в ряды тех, которых они теперь притесняют. Воспользоваться своим положением, жить, пока живет-ся, и держать ухо востро, — вот тот кодекс правил, который определяет и направляет их деятельность. А те, которые стоят вне правительства, точат кинжалы, заготавливают яд, интригуют, составляют заговоры и ждут лишь нового взрыва, чтобы ворваться в те дворцы, в которых пируют их враги^{324*}.

Эта неустойчивость государственного строя, лишенного всяких легальных основ, это отсутствие объективных начал, которые указали бы каждому свое место в обществе, это неуважение к существующему порядку, этот произвол отдельных выдающихся личностей, их клеветов и сподвижников, эта погоня за почестями и богатствами — все это вместе взятое раскрывает, с одной стороны, широкий простор развитию личности, придает ей уверенность в своих силах, изоощряет индивидуальные способности, но, с другой стороны, узаконяет эгоизм, разнуздывает страсти, порождает в людях пренебрежение чужими интересами и всеми теми благами, которые не служат наслаждениям минуты.

Для нас эпоха Возрождения в Италии — то богатое талантами время, когда впервые зарождается современный человек, когда свободное исследование рассеивает мрак средневекового невежества, когда писали и создавали свои бессмертные творения Петрарка, Буаналекки, Рафаэль, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Тициан, Макиавелли, Гвиччардини. И мы признаем во всестороннем развитии личности источник той богатой и разнообразной культуры, плодами которой мы не перестаем наслаждаться. Темные же стороны индивидуализма, которые отразились на общественном и политическом быте того времени, отступают для нас на второй план. Макиавелли же относится к последствиям индивидуализма совершенно наоборот.

^{324*} Ср.: *Burkhard. Cultur der Renaissance in Italien*. Гл. I.

Наука и искусство процветали при дворах тех тиранов, в которых Макиавелли видел угнетателей итальянского народа; их умели ценить кондотьеры, эти апостолы политического коварства; им покровительствовали Козимо и Лоренцо Медичи, виновники политического рабства Флоренции; они служили утехой папам, которые внесли смуты и раздоры в Италию; ими гордились те богачи и вельможи, про которых Макиавелли говорит, что в них не было и искры любви к отечеству. И поэты и художники были плохими патриотами, равнодушными к судьбам своего отечества; они льстили сильным мира сего, потакали их прихотям, развлекали их в часы досуга. Макиавелли, внимание которого всецело поглощено политическими судьбами отечества, признавал добром лишь то, что содействует государственному благу, и злом все то, что ему противоречит. Неудивительно поэтому, что наука и искусство в его глазах высокой цены не имели. Говоря о людях, заслуживающих похвалы, он ставит на первое место учредителей религий, на второе основателей республик и королевств, на третье полководцев, последнее же место занимают люди науки^{325*}. В своей «Истории Флоренции» Макиавелли говорит: «Мудрецы заметили, что науки следуют за военными успехами, и что полководцы предшествуют философам. Когда хорошо организованное войско одержало победу, а победы обеспечили мир и покой, тогда наступает благородная праздность, и нет праздности, которая могла бы ослабить воинственный дух под более благовидным предлогом, как та праздность, которая состоит в занятиях науками. Это понял Катон, когда афиняне отрядили в Рим в качестве посланников философов Диогена и Карнеада. Заметив, что римское юношество с удивлением стало прислушиваться к их речам, и поняв то зло, которое могла породить эта благородная праздность, Катон распорядился, чтобы ни один философ не имел доступа в Рим»^{326*}. Выше же мы показали, что Макиавелли в «Storie» не обращает никакого внимания на развитие наук и искусств и ни единым словом не упоминает о тех именно сторонах культурной жизни Флоренции, которые имеют для нас такой высокий интерес. Если Макиавелли не умеет ценить значение наук и искусств и если он рассматривает влияние индивидуализма лишь настолько, насколько он отразился на политическом и общественном быте его отечества, то неудивительно, что он заметил лишь дурные последствия эмансипации личности и видел в отсутствии всяких объективных начал, которые сдержи-

^{325*} Discorsi. Кн. I. Гл. 10.

^{326*} Storie Fiorentine. Кн. V, § 1.

вали бы свободу суждения и действия, источник всех тех пороков, которые истомили его отечество. Выходя из этого убеждения, он развивает в своих сочинениях мысль, что лишь то государство прочно и счастливо, в котором эгоизм и личный произвол отдельных граждан сдержаны условиями государственной жизни, воспитавшими в людях страх Божий, уважение к законному порядку, преданность государству и любовь к отечеству.

Итак, основные положения Макиавелли, выясняющие нам его воззрения на происхождение и сущность морали, на воспитательную задачу государства и на те условия, которые благоприятствуют развитию гражданских добродетелей, суть, во-первых, последствия его взгляда на природу человека, сложившегося в течение его долголетней общественной деятельности, во-вторых, результат его наблюдений над испорченностью итальянского народа и его размышлений над причинами этой испорченности.

Часть III

МЕСТО, ЗАНИМАЕМОЕ МАКИАВЕЛЛИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Tanto nomini nullum par elogium ¹⁰¹⁾.

Определить место известного писателя в истории политических учений — значит показать, какой стороной своего учения этот писатель выступает из своего века и в чем заключаются его воззрения, которые представляют собою шаг вперед в истории развития политической мысли. Если мы хотим поэтому определить значение Макиавелли как политического мыслителя, то мы должны, во-первых, выяснить отношение его учения к политической доктрине Средних веков, во-вторых, показать, насколько Макиавелли был сыном своего века и насколько он является самостоятельным мыслителем, в-третьих, определить, какой стороной своего учения он повлиял на дальнейшее развитие политической мысли. Настоящий отдел нашего труда распадается, таким образом, на три части. В первой части мы исследуем отношение учения Макиавелли к политической доктрине Средних веков, во второй проводим параллель между Макиавелли, Гвиччардини и Боденом, в третьей, наконец, разбираем те воззрения Макиавелли, которыми он выступает из своего века и идет навстречу новому времени.

I

МАКИАВЕЛЛИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА СРЕДНИХ ВЕКОВ

Политическое учение Макиавелли открывает собою новый фазис в истории развития политической мысли.

В Средние века авторами политических трактатов являются богословы и служители Церкви. В своих богословских сочинениях они рассуждают о политических вопросах, в своих политических трактатах они остаются богословами, прилагающими к изучению государственной жизни ту же методу и те же приемы, которым они следуют в своих теологических сочинениях. Макиавелли является первым политическим писателем, всецело поглощенным светскими интересами и обсуждающим политические вопросы с точки зрения этих интересов.

Политические писатели Средних веков стояли в стороне от мелких забот и треволнений, составляющих содержание политической жизни. Они посвящали свой труд и свое время лишь на разрешение тех общих вопросов, которые волновали христианский мир. Они рассуждали о папе и императоре, об отношении светской власти к духовной, об обязанностях монарха, о повиновении подданных властям и т. д., действительная же жизнь с ее мелкими интересами, вопросы государственного устройства и управления, политическое искусство во всех его разнообразных проявлениях — не входят в круг их наблюдения. Макиавелли же, наоборот, стоит в самом круговороте политической жизни, исследует ее во всех направлениях, отзывается на все жгучие вопросы дня и не столько рассуждает об общих началах государственной жизни, сколько о будничных интересах практической политики.

Писатели Средних веков обращаются ко всему христианскому миру: они не имеют в виду тот или другой народ, то или другое государство; их политическое учение носит на себе космополитический характер, они рассуждают о всемирной Церкви и о всемирной монархии, долженствующей обнять все человечество. Макиавелли же писал прежде всего для своих соотечественников; исходной точкой его размышлений были те недуги, которыми страдала современная ему Италия, его политические советы имеют в виду данные отношения и должны служить практическим руководством государственным людям его времени. Средневековые писатели не обращаются к народу, а к папам и императорам и к сильным мира сего; их политические трактаты недоступны непосвященным в диалектические тонкости схоластики и написаны на латинском языке, непонятном народу. Ма-

киавелли же писал на языке своего народа и хотел, чтобы к его голосу прислушивались все, которым дороги интересы человечества.

Политические писатели Средних веков черпают свою мудрость из Св. Писания, из творений Св. Отцов, из сочинений древних писателей. Источники же политической мудрости Макиавелли — личный опыт, история, наблюдения над действительной жизнью. Он не преклоняется слепо перед авторитетом древних писателей; он дорожит не столько их политической доктриной, сколько их историческими повествованиями, которые знакомили его с государственным бытом древнего мира. Не философские и политические трактаты древних, а античная жизнь была для Макиавелли тем материалом, из которого он черпал правила политического искусства. Свободному и беспристрастному изучению древних писателей в Средние века не было простора, они могли заимствовать у древних лишь то, что не противоречило учению Церкви. Макиавелли же не был стеснен подобными соображениями, он не признавал авторитета Св. Писания и относился к библейским сказаниям точно так же, как и к рассказам Ливия.

Если средневековые писатели говорят о земных царствах, то лишь для того, чтобы призывать всех верных сынов Церкви к царству Божьему, если они рассуждают о земных интересах, то лишь для того, чтобы противопоставить их интересам духовным, если они трактуют о светской власти, то лишь для того, чтобы определить ее отношение к власти духовной. Для Макиавелли же вопросы политической жизни имеют не только самостоятельное значение, но и господствуют над всеми остальными. Если он говорит о религии и морали, то лишь для того, чтобы определить их отношение к государству, если он рассуждает о религиозных интересах, то лишь для того, чтобы выяснить их служебную роль в государстве. Религия в его глазах не что иное, как политическое орудие, долженствующее служить целям государственного общежития. Откровенной религии для него не существует, он объясняет происхождение религий естественными причинами; они, по его воззрению, были вызваны потребностями общежития; устроители государств вводили религиозные обряды для того, чтобы поддерживать единение и дисциплину в народе и уважение к государственным законам. Религия, как и государство, есть дело рук человеческих и при ее установлении делались такие же ошибки, как и при введении государственных учреждений. Религии, как и все дела людей, не совершенны и не только могут, но и должны быть улучшаемы и преобразованы по мере

обветшания старых обрядов и возникновения новых потребностей. Макиавелли требует, чтобы религиозные обряды, как и государственные учреждения, были возобновляемы через известные промежутки и возвращаемы к их первоначальной исходной точке. «Христианская религия, — говорит Макиавелли, — совершенно бы исчезла с лица земли, если бы св. Франциск и св. Доминик не возвратили бы ее к ее началу тем, что подражая жизни Христа и живя в бедности не разожгли бы в сердцах людей уже потухшую религию... И это учреждение поддержало христианство и поддерживает его и по сие время»^{327*}. Смена и развитие религии подлечит таким же неизменным законам, как и развитие языка. Макиавелли подробно развивает эту мысль в 5-й главе II книги «Discorsi». В этой же главе он говорит, что все религии в своей борьбе за существование прибегали к одним и тем же средствам, и христианская религия, стараясь изгладить всякую память о языческой религии, поступала лишь так, как поступали ее предшественницы и как станут поступать религии, имеющие еще народиться.

Если средневековая доктрина учит, что церковь существует для государства, и что государство получает свой меч¹⁰²⁾ от духовной власти, которая господствует над светской, то, по воззрению Макиавелли, религия возникает лишь в государстве и сильна лишь тем мечом, который вручает ей государство. Если по воззрениям, господствовавшим в Средние века, государство есть союз низшего порядка, и люди могут достигать своего назначения лишь при содействии Церкви, то, по воззрению Макиавелли, лишь государство создает те условия, которые развивают в людях нравственные понятия, лишь государство вооружает людей орудиями для борьбы против зла и лишь в государстве это зло может быть побеждено. Если политическая доктрина Средних веков учит, что цель человека не на земле, а на небесах, и что человек тем вернее может достигнуть этой цели, чем более он пренебрегает земными интересами, то Макиавелли, наоборот, видит в пренебрежении земными интересами одну из причин тех зол, которые преследуют современное человечество.

Политическая литература Средних веков имеет для нас исключительно исторический интерес. Средневековые писатели не выяснили ни одного философского вопроса, не разрешили ни одной политической проблемы. Их учение о морали ничего самостоятельного собою не представляет, и оно не оказало никакого влияния на нравственные теории нового времени. В области полити-

^{327*} Discorsi. Кн. I. Гл. 1.

ки лишь один вопрос обследован ими со всех сторон: это вопрос об отношении светской власти к духовной. И в исследовании и разрешении этого вопроса заключается оригинальная сторона средневековых политических учений. Но вопрос этот утратил для последующих веков всякий интерес. Волнующий современное общество вопрос об отношении государства к Церкви имеет очень мало общего с той проблемой, которая занимала средневековых богословов и политиков. Никто в Средние века не помышлял о секуляризации государства, никто не сомневался в том, что религия должна лежать в основании всей политической жизни, что на государстве лежит обязанность защищать истинную религию, заботиться о чистоте догматов и преследовать еретиков. В Средние века шел лишь спор о том, кому принадлежит главенство — духовной власти или власти светской, кто должен властвовать над христианским миром — папа или император. Римские первосвященники не добивались самостоятельности и свободы Церкви, ибо никто не оспаривал их, они хотели, чтобы церковный союз подчинил себе государство, чтобы светские князья признали в наместнике Христа своего владыку, они хотели основать теократию и стать во главе ее. И против этих-то притязаний и вооружались короли и императоры, отстаивая самостоятельность светской власти и ее независимость от Рима. Этот вопрос уже давно решен историей в пользу светской власти, и если мы рассуждаем об отношении государства к Церкви, то уже не ссылаемся ни на Иоанна Салисберийского, Фому Аквинского, Эгидия Римского, ни на Оккама, Данте и Марсилия Падуанского. И как спор, который тянется через всю политическую литературу Средних веков, не интересует нас более, так он и не существует и для Макиавелли. Автор «Князя» нигде не говорит об отношении светской власти к духовной, светский характер государства и его самостоятельность и независимость для него вне всякого сомнения. Если он говорит о папе и императоре, то лишь как о факторах, с которыми приходится считаться итальянской и общеевропейской политике. В немецком императоре он видит лишь соседа Италии, угрожающего ее свободе и независимости, но соседа наименее опасного. О папской же власти он рассуждает лишь для того, чтобы указать на одну из причин разъединения Италии и ее нравственной испорченности. Но если Макиавелли не касается вопроса, исследование которого составляет главное содержание средневековых политических трактатов, то он берется за разрешение проблем, над которыми его предшественники не задумывались и которые определяют содержание и направление политической литературы нового времени. Закономерность социальных

явлений, объяснение возникновения государства потребностями человеческой природы, воззрения на мораль как на результат сожителства людей в государстве, взгляд на государство как на учреждение, созданное людьми для защиты их общих интересов, закон социальной борьбы и отношение государства к этой борьбе, влияние климата, почвы, нравственного склада народа на его политический строй, — все это вопросы и воззрения, которые чужды Средним векам и которые были впервые выдвинуты Макиавелли.

II

МАКИАВЕЛЛИ, ГВИЧЧАРДИНИ И БОДЕН

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Критики Макиавелли ставят автору «Князя» в особенную заслугу то, что он отделил политику от религиозной морали, что у него достало смелости разрушить все те верования, смыть все те предрассудки, разбить все те кумиры, пред которыми преклонялось средневековое общество. Но они спешат прибавить, что он только разрушал, а не созидал. Эти писатели забывают, что религиозный индифферентизм был общим явлением в высших слоях итальянского общества эпохи Возрождения; что дух свободного исследования, пренебрежение религиозной моралью, отрицательное отношение к средневековым идеалам были отличительными чертами умственной жизни Италии того времени. Не Макиавелли разрушил средневековые верования и идеалы, а естественный ход исторических событий. Макиавелли же более чем кто-либо сознавал вред той анархии в умах и нравах, которая была последствием религиозного индифферентизма и того отсутствия объективных начал, которые в Средние века сдерживали свободу личного суждения и необузданность эгоистических стремлений. И размышления Макиавелли над теми средствами, которые могли бы положить конец этой анархии, и породили его учения о нравственности и государстве. Этим средством не мог быть для Макиавелли авторитет Церкви; он понимал, что религиозная мораль, проповедуемая Церковью, во главе которой стоял Александр Борджиа, потеряла всякий авторитет; он не мог стать в ряды бойцов за то учение, влиянию которого он приписывал нравственную испорченность своего века. Его ум, свободный от всяких религиозных предрассудков, созревший среди обстановки, не располагавшей к мечтательности, просветленный духом свободного исследования, закаленный изучением действительной

жизни, не мог желать возрождения средневековых идеалов. И вот он провозглашает новую светскую мораль с новыми идеалами и новыми целями, с идеалами, которые ждут своего осуществления не за гробом, а на земле, с целями, которые научают людей видеть в служении отечеству и государству свое призвание и высшее назначение. *Макиавелли, таким образом, не только разрушает, но и созидает, не только ниспровергает средневековые идеалы, но и заменяет их новыми: отрицательной стороной своей доктрины он стоит на почве своего времени, положительной же стороной своего учения, которое провозглашает новые начала морали, он выступает из своего века, возвышается над своей средой и идет навстречу новому времени.*

Объяснение безнравственности политических советов автора «Князя» условиями времени сделалось общим местом в новейшей литературе о Макиавелли. Но критики, утверждающие, что флорентийский секретарь был сыном своего века, спешат оговориться: они замечают, что безнравственность среды объясняет, но не оправдывает безнравственности его политических советов; действительно великий и благородный ум, говорят они, сумел бы подняться над уровнем своего века и был бы не только сыном своего века, но сделался бы и его руководителем. Если бы политическое учение Макиавелли было не чем иным, как возведенным в теорию политическим искусством его времени, то нельзя было бы не согласиться с мнением этих ученых. Но мы знаем, что Макиавелли не только выставлял политические правила, на которых отразилась испорченность его века, но что он и возмущается этой испорченностью, и что он видит в ней главный источник тех зол, которые преследуют его отечество; мы знаем, что, по его воззрению, одна из главнейших задач государства — бороться против распущенности нравов и воспитать в гражданах страх Божий, любовь общего блага, уважение к законному порядку и преданность государству. Если бы Макиавелли обладал философской невозмутимостью Спинозы или пылкой фантазией Руссо, если бы он мог похвалиться способностью немецких философов в тиши кабинета, вдали от мирской суеты писать о наилучшем государственном устройстве, то он не написал бы тех страниц, которые возмущают его критиков. Но мы знаем, что он в своих политических трактатах преследовал практические задачи и хотел снабдить своих соотечественников советами, которыми они бы могли руководствоваться в своей практической деятельности. Он не мог поэтому указать лишь на те цели, к которым должны были стремиться его соотечественники, но и должен был указать на те средства, с помощью которых эти цели могли бы быть достигнуты.

А если он хотел указать на эти средства, то он должен был стать по необходимости на почву существующих отношений и считаться с данным политическим состоянием. *Если Макиавелли, развивая свое учение о нравственности и рассуждая о наилучшем государственном устройстве, выставляет положения, которые и отличаются чистотою и возвышенностью убеждений, то говоря о политических средствах, он поневоле спускается на тот общий уровень, на котором стояли его современники, и предлагает советы, на которые в наше время не решится политик, живущий в совершенно иной нравственной атмосфере.* Разбор политических учений Гвиччардини и Бодена, к которому мы теперь приступаем, подтвердит только что выставленные нами положения и покажет, что Макиавелли был не только сыном своего времени, но что он и сумел подняться над уровнем века и эмансиповаться из-под гнета окружавшей его среды.

2. ИЗЛОЖЕНИЕ УЧЕНИЯ ГВИЧЧАРДИНИ

Что такое этот мир, кем, для кого и для чего он создан — мы не знаем. Мы только чувствуем и имеем случай убеждаться в том на каждом шагу, что он не создан любящим Творцом на благо человечества. Повсюду человек встречается с враждебными ему силами, загораживающими ему путь к счастью. Как бы он ни выбивался из сил, как бы он ни напрягал свой ум, какой бы житейской мудростью он вооружен ни был, он нигде не находит себе покоя и не может завоевать себе положения, которое обеспечило бы ему прочное счастье и удовлетворило бы всем его желаниям и стремлениям. Мир, в котором человеку живется так плохо, в котором честный труд остается без вознаграждения, в котором мудрые и благородные умы должны нередко уступать поле сражения глупцам и злодеям, в котором победа остается не на стороне правого дела, а выпадает на долю сильных и ловких, такой мир не может быть целесообразным порядком, управляемым божественным Промыслом. «Жестоко ошибаются те, — восклицает Гвиччардини, — которые верят в конечное торжество справедливости: не разум управляет миром, а ловкость, грубая сила и слепая судьба»^{328*}. И эта судьба, то и дело вмешивающаяся в дела людей, не есть тот справедливый судья, в которого верят иные мечтатели, судья, карающий зло и вознаграждающий добро, спо-

^{328*} Ricordi politici e civile. 126, 213 (Opere inedite, т. I). Это — ряд сен-тенций, которые обозначены в издании сочинений Гвиччардини Canestrini цифрами, на которые мы и указываем в наших ссылках.

спешествующий благим намерениям и тормозящий злые начинания. Эта судьба не действует по разумному плану, и мы напрасно стали бы ломать себе голову над мотивами и конечными целями ее вмешательства. Она бросает человека из стороны в сторону, распределяет свои дары случайно и без разбора; она то помогает человеку, то отворачивается от него, то расчищает путь к добру, то содействует злу. Она непостоянна, и горе тому человеку, который, соблазненный ее улыбкой, положится на нее и доверится ей. Но горе и тем подлецам, которые в своем высокомерии не хотят считаться с этой темной силой, горе тем мечтателям, которые, в надежде на свои силы и в сознании правоты своего дела, забывают, что последнее слово во всех людских начинаниях принадлежит судьбе. Человек должен бороться с судьбою, должен по мере сил и умения стараться сузить область ее владычества, но он должен помнить, что конечный исход всякого дела, предпринятого им, зависит не от него, и что все его усилия окажутся напрасными, если судьба не сжадется над ним и не выведет его на торную дорогу. Но чем ограниченнее предоставленная человеку свобода деятельности, тем более он должен дорожить ею, тем настойчивее преследовать свои цели^{329*}.

Человек, преследуя эти цели, должен прежде всего отказаться от всяких иллюзий, отрезвиться от всех праздных мечтаний и стряхнуть все предрассудки толпы. Он должен прямо и трезво смотреть на вещи, не предаваться напрасным и неосуществимым надеждам и помнить, что безмятежное счастье ему недоступно, что его силы ограничены, что на каждом шагу его ожидают разочарования, что он может смягчить свои страдания, но не преодолеть их. Человек, вооружившись беспристрастным взглядом на вещи, должен видеть в разуме, изощренном опытом, своего верного союзника и руководителя. Но и тут излишняя самоуверенность опасна: круг наблюдений человека очень ограничен, и его ум легко извращается и слабеет. В самом деле, жизнь находится в постоянном течении, и человеку трудно поспеть за быстрым ходом событий. Люди, кроме того, не умеют пользоваться своими ограниченными умственными силами и вместо того чтобы изощрять их наблюдениями и изучением действительной жизни, извращают и расслабляют их праздными философствованиями, бесцельным чтением книг, поклонением перед авторитетами. Теоретические знания полезны лишь сильным умам, умеющим пользоваться этими знаниями и с толком применять их к жизни: слабые же мозги теоретического образования не переваривают и

^{329*} Там же. 20, 30—31, 85, 274, 382.

оно скорее вредно, чем полезно людям, не одаренным природным умом. Теория до такой степени разнится от практики, что мы нередко видим прекрасных теоретиков, ударяющих лицом в грязь, как скоро дело доходит до применения теоретических знаний к жизни. Иначе и быть не может: действительную жизнь нельзя втиснуть в теоретические формулы; ее текучесть и изменчивость не допускает общих правил, которые были бы применимы везде и всегда; политик должен поэтому принимать во внимание индивидуальную обстановку каждого отдельного случая, каждый встречающийся ему на практике вопрос разрешать особо и остерегаться применять к нему правило, оказавшееся целесообразным в другом аналогичном случае, ибо нет в мире двух вещей, которые были бы во всем похожи друг на друга. Но, с другой стороны, опасно теряться в мелочах и упускать из виду общие точки зрения. Как в этом мире нет ничего совершенного, так нет и совершенного знания, которое раскрыло бы нам истину. Человеку ничего другого не остается как изодрать свой ум наблюдениями за действительной жизнью, накапливать сведения, расширять личный опыт; таким путем приобретается некоторый навык, с помощью которого удастся сильным и проницательным умам находить верные решения вопросов политики. Но и такие умы, если они и вооружены богатым опытом, нередко впадают в ошибки и заблуждения. Они должны быть поэтому крайне осторожны во всех решениях и суждениях. Лучший судья наших поступков — это время, только оно может раскрыть последствия известной меры и этим произнести над ней безошибочный приговор. Быстрота в решениях всегда опасна; политик должен выжидать время, дать созреть явлению и лишь тогда принимать свои меры, когда сама жизнь указала то направление, в котором он должен действовать. Предвидеть будущее человек не может: жизнь слишком изменчива и разнообразна, кроме того, судьба то и дело разрушает наши планы и надежды^{330*}. Находятся, правда, люди, которые уверяют, будто можно поднять завесу, скрывающую от нас грядущие события. Но предугадывать будущее с помощью астрологии — праздная мечта; такой науки не существует, ибо она трактует о предметах, недоступных человеческому уму. Если тем не менее астрологи имеют успех среди народа, то объясняется это невежеством толпы и присущим всем людям желанием предугадывать будущее. Не могут удовлетворить этому желанию и духи умерших. Если они и существуют, в чем позволительно сомневаться, то природа их остается для нас всегда непроницаемой тайной и

^{330*} Ricordi politici e civile. 6, 23, 208, 218, 318, 343, 372, 382.

было бы опасно довериться их руководительству. Не должны мы и прислушиваться к тому, что говорят нам попы о божественном Провидении, ибо пути его неисповедимы; это — бездонная пропасть, в которую человек не смеет заглядывать ^{331*}.

Гвиччардини относится к религиозным верованиям или индифферентно, или скептически. Религиозная точка зрения, по его воззрению, неуместна при изучении политической жизни, и Гвиччардини держится того мнения, что не следует примешивать религиозных размышлений к политическим исследованиям ^{332*}. Но он и не советует нападать на религию, ибо она пустила слишком глубокие корни в умах людей ^{333*}. Большинство чудес, по его мнению, можно объяснить естественными причинами. Но если допустить, что чудеса не плод болезненного воображения, то на них должно смотреть как на тайны природы, недоступные человеческому уму ^{334*}. Гвиччардини выражается еще резче, когда заводит речь о влиянии религии на нравы и папского владычества на судьбы Италии. «Излишняя религиозность, — говорит Гвиччардини, — развращает мир, расслабляет умы, вводит людей в заблуждения, отвлекает их от благородных и смелых предприятий» ^{335*}. «Я всегда желал разрушения папства, — восклицает Гвиччардини в другом месте, — и если бы судьба не сделала меня служителем пап, то я любил бы Мартина Лютера ¹⁰³⁾ более, чем самого себя, ибо надеялся бы, что раскол его положит конец этому бессовестному тиранству попов» ^{336*}.

Как миром управляет темная сила, именуемая судьбою, так и человек — игральное слепых страстей. Личный интерес служит единственным мотивом человеческих поступков; такой мотив сам по себе не зло, напротив: если бы люди действовали всегда согласно разумно понятному интересу, то они могли бы достигнуть относительного счастья; но в том-то и беда, что не личный интерес, руководимый рассудком и опытом, определяет суждения и действия людей, а своекорыстные страсти, затуманивающие рассудок людей и лишаящие их способности отличать полезное от вредного ^{337*}.

^{331*} Там же. 207, 211.

^{332*} Там же. 92.

^{333*} Там же. 253.

^{334*} Там же. 123—124.

^{335*} Там же. 254; ср. также: 159—160.

^{336*} Там же. 346; ср. также: 28.

^{337*} Там же. 61, 150, 218.

Люди корыстолюбивы, алчны, завистливы, мстительны, трусливы. Они соперничают друг с другом в погоне за земными благами, но сколько бы они ни приобретали, они никогда не удовлетворены. Ими руководит более надежда на приобретение новых благ, чем страх потерять раз приобретенное. Люди непостоянны в своих чувствах и привязанностях; они неблагородны и злопамятны, оказанные им благодеяния забывают, за нанесенные же им обиды мстят^{338*}. Живя среди злых людей, нужно уметь и считаться со слабостями людей. Нужно или отказаться от всякой деятельности, или примириться с мыслью, что честность и справедливость еще не обеспечивают успеха. «Нельзя, — говорит Гвиччардини, — управлять подданными иначе как строгостью, ибо того требует злоба людей»^{339*}. «Если бы все люди, — замечает он в другом месте, — были честны и умны, то гуманность была бы уместнее жестокости, но так как большинство людей не честны и не умны, то и приходится прибегать к строгости, а те, которые думают иначе, жестоко ошибаются»^{340*}. Недоверчивость людей, их завистливость и пронырство требуют, чтобы политик умел притворствоваться и скрывать свои настоящие намерения. Гвиччардини очень часто повторяет эту мысль и развивает целую теорию притворства^{341*}. Но если такое обращение с людьми и необходимо, то, с другой стороны, не должно забывать, что открытый обман и грубое насилие всегда производят на людей дурное впечатление и раздражают их. Политик должен поэтому казаться откровенным и гуманным, но эта внешность не должна мешать ему принимать те меры, которые он считает необходимыми для достижения своей цели^{342*}. Государство создано людьми и для людей, цель его — защищать интересы граждан, обеспечить им мирное существование, заботиться об их благосостоянии^{343*}. Только жизнь в государстве способна смягчить людские страдания, вооружить людей орудиями для борьбы с природой и привить им те качества, которые являются необходимыми условиями совместной жизни в государстве^{344*}. И одна из важнейших задач государства — перевоспитание человека.

338* Там же. 19, 27, 41, 61—62, 120, 122, 134, 150—151, 157, 170, 192, 196, 203, 224, 263—264, 282, 285, 307, 309.

339* Там же. 30.

340* Там же. 41.

341* Там же. 133, 153, 199, 246, 267, 273.

342* Там же. 342.

343* *Del reggimento di Firenze libri due*. Ст. 22 (*Opere inedite*. Vol. II); *Ricordi*. 172.

344* Там же. 163, 282.

Источник дурных поступков, по воззрению Гвиччардини, не эгоизм, а ложное понимание личной пользы. Дурно поступают не те, которые руководствуются в своей деятельности личным интересом, а те, для которых этот интерес заключается в материальных богатствах, которые не умеют ценить духовные блага и не дорожат теми почестями и наградами, которые выпадают на долю достойных слуг государства. Материальными же благами дорожат всего более те, которые не вкушали сладости духовных наслаждений и всецело поглощены заботами о насущном хлебе. Государство должно придти на помощь людям и обставить их такими условиями, которые научили бы их дорожить духовными интересами и предпочитать чувственным удовольствиям духовные наслаждения. Страсти сами по себе не зло, они делаются злом лишь тогда, когда увлекают людей на ложный путь. Только страстный человек способен на великие подвиги, человек же, лишенный этого божественного огонька, дрябл и вял и предпочитает деятельной жизни праздность и покой. Но дабы людские страсти служили источником гражданских подвигов, необходимо, чтобы возбужденная ими деятельность преследовала благую цель, избегала кривых путей и вращалась в пределах законного порядка. «Честолюбие, — говорит Гвиччардини, — не заслуживает порицания, и не должно осуждать тех честолюбцев, которые честными и благородными средствами ищут славы, ибо от этих именно честолюбцев исходят великие и блестящие подвиги. И тот, кто не воодушевлен этим стремлением, тот вообще не способен воодушевляться и склонен более к праздной, чем к деятельной жизни. Дорожащему почестями удастся всякое дело; он не знает утомления, не боится опасности, его не смущают материальные заботы, дела же людей, лишенных этого стимула, бесцветны и бесплодны. Граждане, стремящиеся к славе и почестям, полезны и заслуживают похвалы, если только они стараются заслужить их добродетелью и мудростью и делами на благо отечества, а не добиваются их кривыми путями, прибегая к интригам партии и пренебрегая законным порядком. Вредны те честолюбцы, которые имеют в виду лишь свое собственное величие: люди, поклоняющиеся этому идолу, не знают никаких преград, и для них не существует ни справедливости, ни честности»^{345*}. Государство, преследуя свою воспитательную задачу, не должно поэтому противодействовать прирожденным человеку эгоистическим стремлениям, оно должно лишь направлять их на благую цель, обставлять граждан условиями, которые развили бы в них способность отличать полезное от вредного и которые научили бы их видеть

^{345*} Там же. 98, 118, 223, 233.

свою выгоду не в преследовании материальных интересов, а в деятельности, посвященной общему благу^{346*}.

Гвиччардини различает три государственные формы: монархию, аристократию и демократию. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки. Достоинства монархии сводятся к тому, что все государственное управление сосредоточивается в руках одного лица; а государственные дела разрешаются с большим единством, с большей скоростью, с большей настойчивостью, если зависят от одного лица, чем если ими заправляют многие. Слабая же сторона монархии заключается в том, что власть может перейти в руки недостойного князя, и тогда все выгоды единовластия обращаются в недостатки, которые могут сделаться источником неисчислимых бедствий. Эта случайность может наступить не только в наследственной, но и в избирательной монархии, ибо выбор может пасть на человека, который не оправдает возложенных на него надежд: лицо, которое до избрания обладало желательными для князя качествами, став во главе государства, нередко изменяет свой характер: порученная ему власть развращает его и он обнаруживает качества, которые он не имел повода проявлять, будучи частным человеком. Избирательная монархия имеет и тот важный недостаток, что выборный князь постарается обойти закон, который препятствует его сыновьям занять отцовский престол, и это натолкнет его на путь, опасный государственному порядку. Нельзя ввести в монархии учреждения, которые устранили бы все ее слабые стороны, нужно удовлетвориться порядком, который бы по крайней мере смягчил ее недостатки. С этой целью должно ввести закон, в силу которого монарх не имел бы права разрешать ни одного важного дела без участия контролирующих властей. Несмотря на указанные недостатки избирательной монархии, она во всяком случае целесообразнее наследственной, необходимо только, чтобы глава государства избирался не на короткий срок, а пожизненно. Если же это почему-либо неудобно, то должно продолжительный срок предпочитать краткому и иметь при этом в виду общее правило, что чем продолжительнее срок, на который избирается князь, тем ограниченнее должна быть его власть.

Аристократия имеет ту хорошую сторону, что не так легко возвращается в тиранию, как единовластие; она и не имеет недостатков демократии, ибо во главе ее стоят лучшие люди, которые управляют государством и с большим умением, и с большей мудростью, чем невежественная толпа. Недостаток же аристократии

^{346*} Ricordi. 133, 164, 177, 218, 224—225, 240—241.

закljučается в том, что вельможи, сосредоточивая в своих руках всю полноту власти, склонны эксплуатировать ее в своих частных интересах и пренебрегать интересами народа; кроме того, властолюбие и честолюбие, которые так легко могут развиться в среде правящего класса, порождают партии и раздоры, которые, в свою очередь, являются причиной государственных переворотов и революций. Недостатки этой государственной формы всего резче выступают в аристократиях, в которых власть наследственна в известных семействах; в таких аристократиях легко может случиться, что государством будут управлять не благороднейшие и мудрейшие граждане, а бездарнейшие и недостойнейшие. Центр тяжести государственного устройства аристократии, которая желает избежать указанных недостатков, должен лежать в сенате, который состоял бы из мудрейших, богатейших и благороднейших вельмож, назначаемых из числа граждан, имеющих доступ к государственным должностям. Члены этого сената должны избираться не на короткий срок, и число их должно быть достаточно велико, чтобы все достойнейшие граждане могли надеяться вступить со временем в ряды правителей. Народ, кроме того, не должен быть исключен от участия в управлении. Вельможи должны заведовать теми отраслями государственного управления, которые требуют подготовки, специальных знаний и опытности, в делах же, касающихся внешней политики, законодательства и выбора должностных лиц, должна быть предоставлена известная доля участия народу.

Демократия имеет то важное преимущество над остальными государственными формами, что она держится не столько людьми, сколько законами; кроме того, нигде интересы целого не соблюдаются так свято, как в государстве, в котором власть покоится в руках всего народа. Слабые же стороны демократии объясняются тем, что государственными делами заведует народ, т. е. тот общественный элемент, который наименее способен к управлению. Народ не обладает ни опытностью, ни знаниями; он отличается непостоянством и неустойчивостью; он любит новизну и легко поддается влиянию честолюбивых и беспокойных голов; он легко доступен клевете, лживым и злонамеренным наущениям и не умеет дорожить услугами просвещенных и мудрых граждан; он не умеет соблюдать чувство меры; чем большей свободой он пользуется, тем неумереннее его требования, и нет такого состояния, которым он бы мог удовлетвориться; им руководят не доводы рассудка, а случайные увлечения^{347*}. Демократия

^{347*} Там же. 140, 184, 197, 204, 335, 345, 378, 397.

будет поэтому устроена тем лучше, чем меньшим влиянием народ будет пользоваться на те государственные дела, которые требуют знаний и опытности: эти дела должны находиться в руках сената, и народ должен лишь утверждать его решения.

Из этих рассуждений^{348*} Гвиччардини делает тот общий вывод, что наилучшая государственная форма — смешанное правление. Это смешанное правление может упрочиться лишь при известных условиях, и эти условия не встречаются, например, во Флоренции, в которой любовь к свободе настолько сильна, что в ней может установиться или демократия, которая удовлетворила бы стремление народа к свободе, или тирания Медичи, с которой связана память о величии и блеске Флорентийской республики. Но Гвиччардини не скрывает своей антипатии к чисто народному правлению, он желал бы для Флоренции республику с аристократическим оттенком, в котором знатнейшие и богатейшие граждане имели бы преобладающее влияние на государственные дела^{349*}.

Правители государств должны, по Гвиччардини, опираться на элементы силы и возбуждать в народе настроение, благоприятное существующему строю и соответствующее видам и целям правительства. «Не должно забывать, — говорит Гвиччардини, — что все государства возникли и держатся насилием»^{350*}. На стороне сильных всегда остается перевес, ибо не мудрость и не умеренность обеспечивают успех, а могущество^{351*}. Когда слабый сталкивается с сильным, то первый должен всегда уступать поле сражения второму, если он и вступил в борьбу в сознании правоты своего дела и если он и превосходит своего противника мудростью, честностью и благородством^{352*}. Правители должны поэтому искать лишь союза с сильными державами, а внутри государства опираться на те общественные элементы, которые могут служить надежным основанием власти. Должно принять за общее правило, что государственный строй не прочен, пока не обезоружены враги старого порядка или те граждане, которые почему-либо не хотят примириться с существующим порядком. Свобода города, сбросившего иго тирана, лишь тогда обеспечена, когда убит князь со всем своим потомством. Князь должен зорко

^{348*} Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio. C. 6—10.

^{349*} Del Reggimento di Firenze libri due.

^{350*} Ricordi. 48, 315.

^{351*} Там же. 114.

^{352*} Там же. 211.

следить за тем, чтобы в среде его подданных не было недовольных и беспокойных голов. Смелые головы не опасны, если только князь сумеет примирить их с существующим порядком: он должен остерегаться лишь тех из них, которые склонны к переворотам. Князь не должен бояться народного неудовольствия, пока оно не приняло острого характера; это неудовольствие угрожает князю опасностью лишь тогда, когда доводит народ до отчаяния. Князь должен поэтому стараться приобретать расположение народа и не раздражать его понапрасну, беспокойные же и буйные головы он должен беспощадно уничтожать ^{353*}. Без пролития крови тиран обойтись не может. Но он должен прибегать к жестокостям лишь в крайних случаях и помнить, что возбужденное ими неудовольствие может уничтожить их благодетельные последствия ^{354*}. Князь должен приобретать расположение народа не щедростью, а возбуждением надежды на награды, ибо оказанные народу награды скоро забываются, надежда же на получение наград — более устойчивое чувство, которым князь и должен воспользоваться в своих интересах. Князь должен быть скорее скуп, чем щедр; пример одного одаренного произведет большее впечатление, чем распределение наград между многими; как бы князь щедр ни был, всегда останутся много обделенных; кроме того, князь может быть щедрым лишь на чужой счет, а неблагоприятно отнимать у большинства, чтобы одарить меньшинство ^{355*}.

3. МАКИАВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ

Только что изложенные нами воззрения Гвиччардини поучительны во многих отношениях. Мы видим, что Гвиччардини был сторонником того же мирозерцания, которое исповедовал и Макиавелли, что он, как и флорентийский секретарь, не верил в целесообразность мирового порядка, не признавал за человеком других обязанностей, кроме тех, которые обуславливаются земными интересами, что он отрицал самобытность нравственных начал и видел в человеке существо, обуреваемое эгоистическими страстями и лишенное всякого прирожденного нравственного чутья.

Мы сказали выше, что Макиавелли, предлагая практические советы, имевшие в виду ближайшие цели итальянской полити-

^{353*} Там же. 21, 98, 131, 175.

^{354*} Там же. 342.

^{355*} Там же. 5, 173.

ки, должен был считаться с условиями времени и выставлять правила, которые наше время осуждает с нравственной точки зрения. Эти правила мы встречаем и у Гвиччардини, который прямо заявляет, что жестокость, притворство и обман суть средства, которыми не должен пренебрегать политик. Убивать врагов старого порядка, беспощадно уничтожать мятежников, льстить подданным, держать народ в ежовых рукавицах и вместе с тем производить на него впечатление гуманного и любвеобильного князя, — все это советы, которые предлагает тирану не только Макиавелли, но и Гвиччардини. Автор «*Storie d'Italia*» написал критические замечания на «Рассуждения» Макиавелли: «*Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio*». Места в «*Discorsi*», которые обратили на себя особенное внимание критиков Макиавелли, обвиняющих автора «Князя» в безнравственности, нисколько не смущают Гвиччардини, и он или проходит их молчанием, или прямо заявляет сочувствие изложенным в них правилам. Если он и делает некоторые оговорки и ограничения, то они сущности дела не касаются, и читатель выносит из знакомства с «*Considerazioni*» то общее впечатление, что Гвиччардини вполне одобряет политические правила Макиавелли и нисколько не возмущается ими. Очевидно, что эти правила не только практиковались в его время, но и одобрялись теорией.

Макиавелли и Гвиччардини считают изучение действительной жизни единственным источником познания. Но это изучение приводит Макиавелли к раскрытию законов, управляющих политической жизнью. Гвиччардини же извлекает из него лишь практические правила политического искусства. Прошедшее, говорит Гвиччардини, пропадает для нас безвозвратно, внутренние же мотивы современных нам событий и поступков остаются для нас скрытыми; политическая жизнь, кроме того, так разнообразна и изменчива и подвержена стольким случайностям и колебаниям, что мы не в состоянии извлечь из нее общие правила деятельности, раскрыть внутренние причины явлений и подвести их под общие точки зрения. Гвиччардини находит, что Макиавелли выставляет слишком абсолютные правила^{356*}; по его воззрению, нет ничего опаснее таких общих правил: политик должен жить изо дня в день и для каждого нового случая придумывать новое правило. Макиавелли же верит в силу знания и думает, что человек, вооруженный наукою, может до известной степени преодолеть ограниченность своих способностей. Но это знание, которое де-

^{356*} Considerazioni. С. 41—42.

дает человека владыкою мира, не заключается в личном опыте, а в знакомстве с природою социальных явлений и теми законами, которые управляют общественной жизнью.

По Гвиччардини, слепая судьба управляет миром, и человек бессилён оказать ей сопротивление, она повсюду становится ему поперек дороги и парализует все его начинания. Гвиччардини, рассуждая о влиянии судьбы на человеческие дела, приходит к тому безотрадному выводу, что человеку ничего другого не остается как безропотно преклоняться перед всесилием судьбы. Макиавелли также верует в силу судьбы и этим воззрением платит дань своему веку, но он думает, что судьба бодрствует лишь тогда, когда дремлет человек, что она лишь там заявляет о себе, где человек не вооружается против нее и не вступает с ней в открытую борьбу.

Гвиччардини считает людей эгоистами, обуρεваемыми страстями, и думает, что лишь государство может воспитать в них качества, являющиеся необходимыми условиями благоустроенного общежития. Но эти воззрения остались безо всякого влияния на его политическое учение. Макиавелли же те же самые воззрения послужили исходной точкой для размышлений, плодом которых явилось его учение о нравственности, определившее его взгляд на республику как на наилучшую государственную форму. Гвиччардини выставляет правила, которые свидетельствуют о безнравственности его века; он этой безнравственностью не возмущается и не говорит нам, как должно быть устроено государство, в котором жестокие и суровые меры были бы неприложимы. Макиавелли же видит в распушенности итальянского народа главный источник постигших его несчастий и, ратуя против безнравственности своего века, указывает на республику как на тот государственный строй, который держится не политическим коварством, не огнем и мечом, а добродетелью граждан, их любовью общего блага, их уважением к законному порядку, их преданностью государству и отечеству.

Наш разбор политического учения Гвиччардини подтверждает, таким образом, выставленные нами выше положения и служит лишним доказательством тому, что *Макиавелли, отрицая целесообразность мирового порядка, развивая свой пессимистический взгляд на природу человека, выставляя политические правила, которые возмущают нравственное чувство современного человека, — стоит на почве своего века; ратуя же против безнравственности окружавшей его среды, указывая на республику как на государственную форму, воспитывающую в людях гражданские добродетели, развивая новый взгляд на происхож-*

дение и сущность морали и применяя к изучению политической жизни положительную методу — выступает из своего века и является предвестником нового времени.

4. МАКИАВЕЛЛИ И БОДЕН

Различие в воззрениях Макиавелли и Бодена объясняется различием тех политических условий, среди которых жили и действовали эти писатели. Первый писал в первой половине XVI века и был гражданином Флорентийской республики, второй писал в эпоху религиозных войн и был подданным французского короля. Италия времен Макиавелли и Франция времен Бодена — это два совершенно различных мира. Итальянцы эпохи Возрождения имеют перед глазами образцы различных конституций: мы не знаем страны, которая, за исключением разве древней Греции, обнимала бы на небольшом пространстве такое разнообразие государственных форм. Каждый город имел свою конституцию, и нередко одно и то же государство в небольшой промежуток времени несколько раз меняло свое устройство. Эта пестрая, подвижная картина должна была невольно наводить на размышления о достоинствах и недостатках различных государственных форм, о причинах государственных переворотов и о тех средствах, которыми вводятся и поддерживаются политические учреждения. Но это разнообразие и изменчивость государственного быта должны были, с другой стороны, поколебать веру в устойчивость политических форм, в преемственность исторического развития, в возможность найти государственное устройство, которое представляло бы собою гарантии прочности и долговечности и было бы применимо у всех народов и во все времена; они должны были поколебать уважение к существующему строю, породить беспокойство в умах и тот дух критики, который признает за отдельными государственными формами лишь относительные достоинства. Политический быт Италии клонился к упадку, и не существовало государственной формы, с которой были бы связаны исторические судьбы Италии и в которой итальянские патриоты могли бы видеть исход из той общей неурядицы, которая охватила их отечество: итальянцы XVI века не имеют политического идеала.

В совершенно иных условиях политической жизни находился Боден. Он жил в то время, когда борьба феодализма с королевской властью была уже решена в пользу последней. Французская монархия покоилась на твердых основаниях, она имела глубокие корни в прошедшем, с нею были связаны славные истори-

ческие воспоминания и ее дальнейший рост был неотразимым требованием всего предшествующего политического развития; французские политики, не зараженные духом борющихся партий и не ослепленные религиозным фанатизмом, уважали в монархии национальное учреждение, с которым связаны судьбы французского народа, и видели в усилении королевской власти и в упрочении монархических учреждений единственное средство положить конец междоусобиям, раздиравшим Францию, и восстановить в стране порядок и покой. Цель их политических стремлений была им, таким образом, вполне ясна, и они имели политический идеал, который совпадал с тем государственным порядком, дальнейший рост которого был на время прерван междоусобиями и религиозными смутами. Если они в этом отношении имели важное преимущество над итальянскими политиками, то они не могли похвалиться тем богатством и разнообразием материала для сравнительных наблюдений над политическим бытом различных государств, которое изошрило политическое мышление итальянцев: они имели перед глазами лишь одну государственную форму, и изучение ее не могло развить в них способность относиться беспристрастно и объективно к явлениям политической жизни, ибо они считали эту государственную форму наилучшей. Этим различием в политических условиях Италии и Франции объясняется и различие в воззрениях Макиавелли и Бодена.

Макиавелли не столько говорит о государственных учреждениях и законах, сколько о государственных переворотах и о тех средствах, с помощью которых вводятся и поддерживаются государственные учреждения. Боден же обращает по преимуществу внимание на государственное устройство, политического искусства не касается вовсе, и его учение о государственных переворотах лишено всякой оригинальности. Макиавелли не знает совершенного государственного устройства, годного для всех времен и народов: он с одинаковым интересом и вниманием исследует тиранию, аристократию, демократию и умеет ценить их относительные достоинства и недостатки. Боден также рассматривает достоинства и недостатки отдельных государственных форм, но, читая эти его рассуждения, чувствуешь, что он знаком с государственными формами лишь по отзывам историков и политических писателей. И его окончательный вывод свидетельствует, что он говорит о них лишь для того, чтобы выполнить программу своего сочинения, заимствованную у Аристотеля, и чтобы рельефнее выставить достоинства наследственной монархии, которую он считает наилучшей государственной формой. Что Боден не умел,

подобно Макиавелли, относиться беспристрастно к отдельным государственным формам и взвешивать их достоинства и недостатки, видно, между прочим, из того места его «Методов»^{357*}¹⁰⁴, в котором он упрекает Макиавелли за то, что он не имел твердых убеждений, и что он хвалит то демократию, то аристократию, то тиранию. Боден, очевидно, не сумел стать на точку зрения Макиавелли и не понимал, как можно быть приверженцем республики и вместе с тем рассуждать о преимуществах других государственных форм. Благоговением Бодена перед исторически сложившимися формами государственного строя Франции объясняется и его уважение к преданиям, его нелюбовь к переворотам и к радикальным преобразованиям. Он не враг реформ, но он требует, чтобы эти преобразования совершались медленно и постепенно, чтобы они не прерывали исторической преемственности, чтобы реформаторы не прибегали к тем суровым и жестоким мерам, о которых говорит Макиавелли^{358*}.

Между эпохой Макиавелли и временем Бодена лежит Реформация. Она снова выдвинула на первый план вопросы религии и морали. Вера в любящего Творца, создавшего мир на благо человечества, получила новую пищу. Религиозный индифферентизм Макиавелли и его материалистическое миросозерцание потеряли под собою почву. Вера Бодена в целесообразность мирового порядка, в вечные начала добра и справедливости объясняется, во-первых, этим новым веянием времени, во-вторых, тем, что автор «Республики», считая абсолютную монархию наилучшей государственной формой, преклоняясь перед авторитетом исторически сложившегося, ратуя против всяких насильственных переворотов, нарушающих преемственность в развитии государственных форм, не мог разделять воззрений итальянцев, видевших в государстве и религии дела рук человеческих и признававших в потребностях и интересах людей единственное мерило достоинств и недостатков отдельных государственных форм. Боден нуждался для обоснования своего учения в карающем Боге, который служил бы прототипом абсолютному монарху, он нуждался в благоустроенной вселенной, в которой бы правил Бог, на подобие того, как монарх правит благоустроенным государством. И учение о правде гармонической Боден заимствует у древних лишь для того, чтобы дать философскую подкладку своему воззрению на монархию как на наилучшую государственную форму: только в монархии господствует, по его воззрению, правда

357* *Bodin. Methodus ad facilem historiarum cognitionem.* Гл. VI.

358* Введение в «*Republique*» и кн. IV, гл. 6.

гармоническая, сочетающая свободу и равенство, между тем как в аристократии существует лишь правда распределяющая, в демократии же лишь правда уравнивающая. Миросозерцание Макиавелли есть плод самостоятельных размышлений и наблюдений над природой человека и политической жизнью, он проводит его последовательно через все свое учение о государстве и не останавливается и перед его крайними последствиями. Боден же, развивая философские воззрения, является эклектиком, заимствующим у древних воззрения, которые всего более соответствуют его политическим убеждениям. Он поэтому и не умел быть последовательным и эмансипироваться от господствовавших в его время предрассудков. Он верит в астрологию и посвящает целую главу «Республики» исследованию вопроса, как можно по движению светил предугадывать грядущие события? Но этого мало: он пишет целую книгу в опровержение доводов ученых, отвергавших колдовство и осуждавших сожигание ведьм.

Макиавелли не обладает эрудицией Бодена; когда он начал писать свои политические трактаты, его воззрения уже вполне сложились и он не считал нужным рыться в книгах и богатством цитат придавать своим выводам большую убедительность. И так как его цель — не написать систематические исследования, а лишь поделиться с согражданами своим политическим опытом, то он говорит в своих сочинениях лишь о вопросах, над которыми он имел случай задумываться в течение своей долголетней служебной деятельности и которые, ввиду политического состояния Италии, имели для него особенный интерес. Вот почему учение Макиавелли и не представляет собою систематического целого, и он не касается многих вопросов, входящих в программу политики, как ее начертал Аристотель. Боден же поставил себе целью не только исчерпать эту программу, но, как он уверяет нас, и пополнить ее. Но так как область его наблюдений еще ограниченнее кругозора Макиавелли, и он не имел перед глазами того разнообразия государственных форм, сравнительному исследованию которых Макиавелли обязан своими важнейшими выводами, то и он должен был обратиться к изучению историков и политических писателей и ссылками на их авторитет подкреплять свои выводы. Но так как Боден, сопоставляя исторические факты и мнения ученых, следовал далеко не научной методе и так как в его время не существовало исторической науки, то его цитаты и примеры представляют собою крайне пеструю и беспорядочную смесь исторических фактов с вымыслами. Боден загромодил свою книгу такою массою цитат и примеров, которые он заимствует то из современной истории, то из библейских ска-

заний, то из истории римлян, греков, ассирийян, египтян и т. д., что его мысль нередко теряется в этой груде фактов, перемешанных в ужасающем современного читателя беспорядке. Мы не хотим этим умалять значения Бодена, но думаем, что его значение заключается не в его эрудиции, не в его методе и не в ширине его воззрений, как то утверждает Бодрильяр, ставящий Бодена выше Макиавелли и считающий его основателем современной науки о государстве. Последующее изложение покажет, что Макиавелли, а не Боден, первый применил к изучению политической жизни сравнительно-историческую методику и что его, а не автора «Республики», должно считать отцом того направления в положительной науке о государстве, которое породило труды Монтескье и его последователей.

III

Воззрения Макиавелли, оказавшие влияние на дальнейший ход политической мысли

1. МЕТОДА МАКИАВЕЛЛИ

Мы показали выше, что задача политических трактатов Макиавелли — снабдить государственных людей Италии практическими советами. Но не должно думать, что все богатое и разнообразное содержание трактатов Макиавелли исчерпывалось бы практическими правилами политического искусства, и что он рассуждал бы лишь о вопросах, стоящих в непосредственной связи с ближайшими задачами итальянской политики. Государственный быт Италии служит флорентийскому секретарю лишь исходной точкой для размышлений, обнимающих всю область политической жизни, доступную его наблюдению. Макиавелли не хочет снабдить своих сограждан правилами, непосредственно применимыми к отдельным частным случаям, а предлагает советы, имеющие в виду обобщенные случаи, у которых отнята их индивидуальная обстановка. Но цель Макиавелли — не только наделить государственных людей такими общими советами, но и снабдить их сведениями, которые позволили бы им относиться самостоятельно к встречающимся им на практике вопросам и разрешать их собственным умом. Преследуя эту цель, он пускается в рассуждения о природе и цели государств, об общих условиях, влияющих на государственную жизнь, о природе общественных элементов, о достоинствах и недостатках государственных форм, о влиянии их на нравственный склад народа и т. д.

Положения, выставленные Макиавелли в его политических трактатах, можно разделить, таким образом, на две группы: к

первой принадлежат его теоретические положения, к которым он сводит результаты исследования социальных явлений вообще, ко второй — правила политики. Эти правила, в свою очередь, имеют в виду или индивидуальные случаи, или случаи обобщенные. Теоретические положения и практические правила распределены неравномерно по сочинениям Макиавелли. В одних преобладают теоретические начала и общие правила политики, в других — практические правила, имеющие в виду данный случай из практической жизни. К первой группе принадлежат «Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio», «Il Principe» и «Dell' Arte della Guerra», ко второй — «Discorso sopra il Riformar lo Stato di Firenze, fatto ad istanza di papa Leone X», «Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati», «Due provvisioni per istituire milizie nazionali nella Repubblica fiorentina», «Discorso alla Balìa di Firenze sopra il provvedere danari», «Discorso fatto al Magistrato de' Dieci sopra le cose di Pisa».

Политические трактаты, в которых Макиавелли выставляет теоретические начала наряду с правилами политики, можно, в свою очередь, разделить на две группы: к первой принадлежат «Discorsi», в которых Макиавелли изучает все явления политической жизни, доступные его наблюдению; ко второй «Il Principe» и «Dell' Arte della Guerra», в которых он исследует лишь известную категорию социальных явлений.

Задача последующего изложения — выяснить те научные приемы, которым следовал Макиавелли, изучая явления государственной жизни и выставляя правила политического искусства.

Макиавелли прямо заявляет нам, что не хочет идти по стопам своих предшественников, говоривших о воображаемом государстве; его задача — не конструировать идеальное общежитие, а изучить действительную жизнь и на основании этого изучения выставить правила, которые могли бы быть применены к жизни^{359*}. И Макиавелли остается верен этой задаче. Он не переступает границ, указываемых опытом, и изучает социальные явления лишь настолько, насколько они доступны наблюдению; он не выставляет абсолютных правил, применимых всегда и везде, а, имея в виду разнообразие условий и целей общежития, предлагает лишь правила относительные, видоизменяющиеся сообразно индивидуальным особенностям отдельных случаев; он не пытается раскрыть последних причин социальных явлений и указать на конечную цель общественного развития; он не мечтает об идеальном порядке, годном для всех времен, мест и наро-

^{359*} Il Principe. Гл. 16.

дов, а рассматривает лишь исторические формы общежития, рассуждает об их достоинствах и недостатках и объясняет нам, при каких условиях может быть введен один государственный строй и при каких — другой.

Приемы исследования, которыми он пользуется при изучении политической жизни, обуславливаются его воззрением на природу социальных отношений.

Учреждения и законы суть, по Макиавелли, результат деятельности людей, которая обуславливается, с одной стороны, потребностями и влечениями, присущими людям, с другой — условиями окружающей их среды. Вся государственная жизнь сводится к взаимодействию этих двух факторов — человека и окружающей его обстановки. Условия же, определяющие деятельность людей, или созданы людьми, или даны физической природою. Условия, созданные людьми, суть условия производные, физическая же природа и человек с его страстями и влечениями суть факторы первоначальные.

Человек, по Макиавелли, свободы воли не имеет: им управляют страсти и влечения, его деятельность подчинена тем же вечным и неизменным законам, которые управляют физической природой^{360*}. «Люди, — говорит Макиавелли, — жили и умирали всегда по одним и тем же законам»^{361*}. «Тому, кто изучает события прошедшего и настоящего, нетрудно заметить, что во всех государствах и у всех народов существовали и существуют одни и те же желания и стремления»^{362*}. Если же деятельность людей и окружающая их природа подчинены неизменным законам, то знакомый с этими законами может предсказывать грядущие события. «Чтобы предугадывать будущее, — говорит Макиавелли, — нужно изучать прошедшее, ибо все события, совершающиеся в мире, суть необходимые последствия предшествующих событий. Объясняется это тем, что события эти вызваны деятельностью людей, имевших всегда одни и те же страсти, а одинаковая причина может иметь лишь одинаковые последствия»^{363*}. «Изучая прошедшее, нетрудно предусматривать будущее и прибегать к тем же самым средствам, которыми пользовались древние»^{364*}. Макиавелли признает, таким образом, закономерность социальных явлений и учит, что не произвол управляет миром, а естествен-

^{360*} Discorsi. Кн. I. Введение.

^{361*} Там же. Кн. I. Гл. 2.

^{362*} Там же. Кн. I. Гл. 39.

^{363*} Там же. Кн. III. Гл. 43.

^{364*} Там же. Кн. I. Гл. 39.

ные и неизменные законы. Закономерность социальных явлений выражается, по Макиавелли, во-первых, в том, что данное общественное состояние есть всегда следствие предшествующего ему состояния, во-вторых, в том, что социальные явления в данную эпоху стоят в тесной между собою связи и находятся в необходимой друг от друга зависимости.

Макиавелли, признавая солидарность социальных явлений, изучает государственные учреждения в связи с влияющими на них условиями. Рассуждая о целесообразности того или другого порядка, он прежде всего рассматривает, удовлетворяет ли оно потребностям народа и соответствует ли оно условиям климата и почвы, вяжется ли оно с экономическим бытом народа и его нравственным складом. В государстве, говорит Макиавелли, в котором существует гражданское равенство, власть князя недолговечна, и наоборот, в стране, где много дворян, республиканский строй не может упрочиться. В государстве, имеющем географическое положение Венеции, могут удержаться аристократические учреждения, государство же, обнимающее широкую область, не защищенную природою, должно покоиться и на широких основаниях народовластия. Если в государстве, которое сохранило чистоту нравов, потворство низким страстям толпы не может нарушить общественного порядка, то в государстве, в которое уже проникла нравственная испорченность, честолюбцы, льстящие народу и умеющие возбуждать его дурные инстинкты, всегда могут рассчитывать на успех. Но не только учреждения, пригодные в одной стране, не могут пустить корней в государстве, в котором господствуют иные условия, но и учреждения одного и того же государства должны видоизменяться по мере того как возникают новые потребности, воззрения и обычаи. «Государственные учреждения, — говорит Макиавелли, — введенные при возникновении республики, когда народ был еще не испорчен, оказываются непригодными при дальнейшем развитии государственной жизни, когда нравственная испорченность уже проникла в народ. И если гражданские законы изменяются согласно изменившимся условиям, то государственные учреждения никогда не изменяются или по крайней мере очень редко, и вот почему законы оказываются бессильными, ибо действие их парализуется учреждениями, не претерпевшими соответствующих изменений»^{365*}.

Макиавелли признает, таким образом, закономерность в последовательном развитии и сосуществовании социальных явле-

^{365*} Там же. Кн. I. Гл. 18.

ний. Спрашивается теперь, какие он применяет приемы исследования к раскрытию законов, управляющих политической жизнью?

Разбор 55-й главы I книги «Discorsi», в которой Макиавелли знакомит нас с одним из таких законов, всего лучше ответит нам на этот вопрос. В этой главе мы читаем: «Другая причина чистоты нравов в Германии заключается в том, что республики, в которых политическая жизнь осталась неиспорченной, не терпят в своей среде дворян и поддерживают полнейшее гражданское равенство... И дабы выяснить, что такое дворяне, я говорю, что дворянами называются те, которые живут праздно доходами с своих имений, не занимаясь ни обработкой полей, ни каким-либо другим полезным занятием. Эти люди вредны во всякой республике и во всякой стране, но наиболее вредны те из них, которые владеют замками и имеют подданных. Этими двумя классами людей переполнены Неаполитанское королевство, Римская область, Ломбардия, Романья. Этим и объясняется, почему в этих странах никогда не могла упрочиться республика и вообще какой бы то ни был здоровый государственный порядок, ибо дворяне — худший враг всякой гражданственности... И если кто-нибудь захотел бы внести порядок в эти государства, то ему бы ничего другого не оставалось, как учредить в них королевство. Где население до такой степени испорчено, что законы не в силах поддерживать в нем порядка, там должна быть учреждена королевская власть, которая обуздала бы властолюбие и распущенность дворян неограниченностью и абсолютностью своего могущества. Подтверждается это примером Тосканы, где на небольшом клочке земли существовали три республики: Флоренция, Сиена и Лукка. Объясняется это явление тем, что в этой области нет владельцев замков или дворян или их по крайней мере очень мало, и что в ней господствует полнейшее равенство, так что мудрый человек, знакомый с прежними учреждениями, мог бы ввести в этой стране свободный государственный строй». Макиавелли, сравнивая государственный и общественный строй итальянских государств, заметил, что в странах, где существует дворянство, республиканские учреждения не могли привиться, и что свободный государственный строй упрочился лишь в тех областях, в которых существовало гражданское равенство. Но, выставляя положение, что республиканский строй не вяжется с неравенством состояний, Макиавелли не ограничился указанием на подмеченное им однообразие, а старался выяснить себе ту внутреннюю причину, которой обуславливалось это явление. Главные влечения, управляющие деятельностью людей, по Макиавелли, властолю-

бие и корыстолюбие. Корыстолюбивые влечения безусловно вредны во всяком общежитии. Властолюбие же отдельных граждан может ужиться со свободным строем лишь в том случае, если эти граждане будут стремиться к власти не для достижения своекорыстных целей, а в интересах того общежития, которое поручило ему власть во внимание к их заслугам. Дворяне же, по Макиавелли, живут в такой обстановке, которая развивает в них корыстолюбие и заставляет их стремиться к власти лишь для удовлетворения низких страстей и личных интересов. И везде, где Макиавелли раскрывает какой-нибудь закон, он следует только что указанной нами методе: первым шагом при раскрытии такого закона ему служит наведение, но дабы объяснить и проверить то единообразие, которое он подметил, идя путем индукции, он прибегает к выводу, причем исходной точкой его дедукции являются законы человеческой природы.

Мы знаем, что Макиавелли не только исследует природу социальных явлений, но и выставляет в своих сочинениях правила политического искусства. Спрашивается теперь, в каком отношении стоят эти правила к тем законам, которые, по Макиавелли, управляют общественной жизнью?

Макиавелли сравнивает политика с врачом, который пользуется своим знакомством с законами, управляющими физической природой, чтобы вызвать то или другое явление и воспользоваться им для своей цели. Так должен поступать и политик. Задавшись известной практической целью и зная, какими причинами вызывается интересующее его явление и какие оно влечет за собою последствия, он должен, познакомясь с индивидуальной обстановкой данного случая, применить к нему такие средства, которые вызвали бы последствия, соответствующие его цели. Макиавелли сравнивает действие судьбы с рекою, выступившей из берегов, и говорит, что люди могут своею деятельностью направить развитие политической жизни к желательной цели точно так же, как они плотинами и каналами регулируют течение реки и дают ей то и другое направление^{366*}. Это сравнение как нельзя лучше выясняет нам воззрение Макиавелли на задачи и пределы политической деятельности. Как строители плотин и каналов не в силах остановить бурного потока реки, а могут лишь искусственными средствами предупредить вредные последствия наводнения, так точно и политик не господствует над законами, управляющими социальными явлениями, а может лишь воспользоваться своим знакомством с этими законами для достижения

^{366*} II Principe. Гл. 25.

той или другой цели. И Макиавелли, выставляя правила политического искусства, так именно и поступает. Исследовав, например, расслабляющее влияние богатой природы на физические силы народа, он советует правителям государств, поставленных в счастливые географические условия, военными упражнениями воспитать в гражданах те качества, которые не привили им условия местности^{367*}.

Предшествующее изложение показало, что Макиавелли в своих сочинениях не только выставляет правила политического искусства, но и исследует природу государственной жизни вообще. Неверно поэтому мнение ученых, утверждающих, будто Макиавелли является в своих сочинениях лишь практическим политиком и будто он рассматривает политические средства лишь с точки зрения целесообразности. Блунчли считает Макиавелли основателем политики, как ее понимают немецкие ученые, и ставит ему даже в особенную заслугу то, что он отделил политику от морали. *Мы же показали, что Макиавелли изучает государственные учреждения не с односторонней точки зрения практического политика, а изучает их в связи со всеми влияющими на них условиями и что он первый из писателей нового времени применил к изучению государственной жизни положительную методику.*

2. ВОЗЗРЕНИЕ МАКИАВЕЛЛИ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Если мы возьмем за исходную точку воззрения ученых на происхождение и сущность государства, то мы можем разделить политических писателей нового времени на две группы.

По учению писателей первой группы, государство есть создание свободной воли людей. Мотив, который определяет содержание и направление этой воли, созидающей государство, понимается различными учеными различно. Для одних этот мотив — требование разума, для других — прирожденное человеку стремление к мирному общежитию или потребность в нем, для третьих — сознание необходимости обеспечить и гарантировать прирожденные человеку права: свободу и равенство. Под напором этого мотива люди соединяются в государство, но он не есть бессознательный мотив, воздействующий на людей с неотразимой силой, а служит лишь толчком к тому свободному творческому акту, который создает государство. Государство есть про-

^{367*} Discorsi. Кн. I. Гл. 1.

дукт свободного соглашения, и формой этого соглашения является договор. Воля отдельных лиц, заключающих этот договор, и есть единственная причина государства и его единственное правомерное основание. Государство само по себе назначения не имеет, оно преследует лишь те цели, ради которых люди соединились в государство. Государство есть искусственное учреждение, созданное свободною волею людей, все государственные учреждения целесообразны, и вся жизнь государства сводится без остатка к деятельности отдельных лиц.

Писатели второй группы признают в государстве самобытный порядок, возникающий и развивающийся независимо от свободной воли людей и преследующий свои самостоятельные цели, не совпадающие с целями отдельных лиц, составляющих государство. Для одних этот самобытный порядок — организм, для других — продукт естественных сил, имеющий свою самостоятельную природу, далеко не исчерпываемую понятием организма.

Отправною точкою органического учения о государстве служит понятие об организме. Как в организме действует особая сила, которая превращает химические и механические процессы в органические и обуславливает собою жизнь организма, так точно и государством управляет сила, которая производит все те явления в государственной жизни, которые кажутся невооруженному глазу действиями отдельных лиц. Складывая политическую деятельность отдельных лиц, мы не получим того, что называем жизнью государства; складывая индивидуальные воли, мы не получим той силы, которая оживотворяет государство. Человек может действовать лишь по законам своей психической природы, но эти законы не суть те, которые управляют государством. Очевидно, что политическая деятельность отдельных граждан получает свое содержание и направление от одухотворяющей государство силы, и эта сила, лежащая вне человека, и создала государство и управляет его жизнью^{368*}. Государство, подобно человеку, есть факт первоначальный, не нуждающийся ни в оправдании, ни в объяснении, и имеющий свою последнюю причину в воле Высшего Существа, создавшего вселенную^{369*}. Отличие государства от человека заключается не в том, что оно имеет иную форму и иное содержание, а в том, что оно есть организм высшего порядка, и что в нем поэтому моменты личности, находящиеся у человека в

^{368*} Zeitschrift für Völkerpsychologie. Bd. II. S. 397; *Lasarus*. Das Leben der Seele. Bd. II. S. 252; *Rottenburg*. Vom Begriff des Staates. Bd. I. S. 35—36.

^{369*} *Slein*. Die vollziehende Gewalt. Bd. I. S. 3, 5.

состоянии зародыша неясными и неразвитыми получают самостоятельное бытие и являются отдельными организмами, имеющими особую форму и особое содержание и преследующие особые цели^{370*}. Эти организмы и суть то, что мы называем учреждениями. Эти учреждения, будучи необходимыми составными частями организма, не могут быть поэтому продуктами сознательной деятельности людей, а возникают и растут подобно тому, как растут и развиваются члены человеческого тела, т. е. с естественной и неотразимой необходимостью и в том последовательном порядке, который предначертан им природою. Государственный строй не есть поэтому порядок, выработанный умственной и нравственной деятельностью людей, а продукт естественного процесса, и в этом процессе на долю людей выпадает такая же роль, какую химические и механические силы играют в организме.

По учению Франца, ратующего против органического учения, но в сущности приходящего к тем же результатам, государство есть продукт естественных сил: эти силы суть или силы индивидуальные, коренящиеся в человеке, или силы связующие, лежащие вне человека. Индивидуальные силы людей, соединяющиеся в государство, претерпевают метаморфозу, которая производит продукт, отличный от его конститутивных элементов. Эта метаморфоза и порождает те связующие силы, без которых совокупность людей, составляющих государство, была бы стадом, а не политическим телом. И заблуждения прежних теорий заключаются именно в том, что они игнорировали или, по крайней мере, не умели оценить по достоинству значение этой метаморфозы и объясняли происхождение государства свободной волей людей. Уже простейшее человеческое общение — семейство, обнаруживает всю ошибочность такого взгляда, так как семья возникает не из свободной воли людей, а из человеческой природы. Семейную связь нельзя объяснить взаимными отношениями между самостоятельными индивидами: семейство не есть сумма, состоящая из мужа, жены, детей, а продукт, который имеет качества, отличные от качеств его составных частей, и производит последствия, которые члены семьи, взятые в отдельности, произвести бы не смогли. То же самое должно сказать и про экономические отношения. Если люди берутся за известные занятия по свобод-

^{370*} *Slein*. Die vollziehende Gewalt. S. 8—9. Критическую оценку органического учения о государстве см.: *Krieken*. Von d. s. organischen Staats theorie; *Gerber*. Grundsätze des deutschen Staatsrechts; *Gumplovicz*. Philosophisches Staatsrecht.

ному выбору, то, заняв раз известное положение, их охватывает целая сеть отношений, которые ставят одного в зависимость от другого: производителя от потребителя, предпринимателя от работника, господина от слуги и обратно. Везде мы видим, что экономическая деятельность связывает людей помимо их воли и производит следствия, нередко диаметрально противоположные тем, которые имелись в виду и желались людьми. Эти последствия обуславливаются не индивидуальной деятельностью, а природою экономических отношений. А эти экономические отношения и являются одной из тех сил, которые связывают людей в государство. Такими силами являются и общинная связь, отношение людей к земле и целый ряд других факторов, объединяющих людей в государство помимо их воли. Когда завершился этот процесс сплочения, тогда происходит новая метаморфоза связующих сил, которая сводится к тому, что эти силы концентрируются в единую волю. Тогда люди приходят к сознанию своей принадлежности к общему политическому союзу, и дальнейшее развитие государственной жизни уже не обуславливается действием одних слепых сил, но и деятельностью людей, сознательно преследующих цели общежития^{371*}.

Эти два противоположных воззрения на происхождение и сущность государства были вызваны, между прочим, и противоположными политическими мотивами. Учение писателей, видевших в государстве искусственное учреждение, созданное людьми и для людей, было протестом против государственного порядка, разрушенного Французской революцией. Рационалисты хотели противопоставить исторически сложившемуся государству политический идеал, который соответствовал бы требованиям разума. Вооружаясь против государственного порядка, который возмущал их и представлялся им грубым насилием, защищая прирожденную человеку свободу и независимость от какого бы то ни было авторитета, которому бы люди подчинились не в силу свободного решения, рационалисты не могли видеть в государстве самобытного порядка, независимого от свободной воли людей и налагающего на человека обязанности помимо его воли. Их политическое учение, исходившее из начала индивидуальной свободы, нуждалось в таком объяснении происхождения государства, которое бы предоставляло этой свободе наибольший простор.

^{371*} *Frantz. Die Naturlehre des Staates als Grundlage der Staatswissenschaften. S. 179—185.*

Когда же идеалы рационализма разбились о действительную жизнь, когда жизнь и теория померялись силами и когда эта жизнь выяснила всю незрелость и односторонность политических требований, вызванных отрицательным отношением к действительности, и обнаружила живучесть исторически сложившихся форм общежития, тогда, естественно, должно было возникнуть и новое направление в политической литературе. Но это направление, вооружаясь против односторонностей прежних теорий, впало в противоположную крайность. Если рационалистические теории, ратуя против существующего порядка, безусловно отрицали этот порядок и, выставляя свои требования, игнорировали исторически сложившийся быт, то новое направление, проповедовавшее уважение к существующему, примирялось с данными порядками и видело в них необходимый продукт исторического развития. Если рационалистические теории, исходя из начала свободы, ставили государство в зависимость от свободной воли людей, то направление, исходящее из начала власти, видело в государстве объективный порядок, независимый от человека, и отрицало участие психического труда в образовании и развитии государства и его учреждений.

Указав на политические мотивы, вызвавшие эти два противоположных воззрения на происхождение и сущность государства, нам, знакомым с теми условиями, которые определили направление политических размышлений Макиавелли, нетрудно будет понять, почему он не мог впасть в крайности изложенных нами теорий. Задача политического учения Макиавелли — начертить такое государственное устройство, которое, с одной стороны, обеспечило бы политическую свободу, с другой же — упрочило бы авторитет государства. Преследуя эту последнюю задачу, Макиавелли требует, чтобы государство, созданное людьми, в своем дальнейшем существовании перестало быть союзом, зависимым от свободной воли людей; а эта цель достигается тем, что вводятся учреждения и создаются условия политической жизни, которые воспитывают в людях страх Божий, любовь к отечеству, уважение к существующему порядку. Государство, в котором процветают эти добродетели, перестает быть союзом, держащимся волею людей, а делается порядком, который коренится в устойчивых чувствах и привычках людей. И, по учению антиреволюционных теорий, государство есть объективный порядок, но порядок, изначально существующий и составляющий часть мирового плана, предначертанного Творцом. По Макиавелли же, этот порядок — целесообразное учреждение, продукт сознательной деятельности людей. Государство при своем возникновении не было объектив-

ным порядком, оно сделалось таковым лишь при дальнейшем развитии политической жизни, которая требовала, чтобы государственные учреждения имели самостоятельные основы, независимые от случайных желаний и прихотей граждан.

Макиавелли, как и рационалисты, видит в государстве учреждение, созданное людьми. Но исходной точкой рационалистов является отвлеченный человек, мыслимый вне всех тех жизненных условий, которые видоизменяют его природу, влияют на его образ мыслей и определяют направление его деятельности. Рационалисты, кроме того, говоря о происхождении государства, ставят человека в такое состояние, о котором история не дает нам ни малейших указаний. Исходной же точкой учения Макиавелли служит человек, стоящий среди реального мира, человек, облеченный плотью и кровью, человек с его страстями и потребностями. По учению рационалистов, государство есть результат единичного акта свободной воли; эту волю определило прирожденное человеку чувство; и люди, действуя под напором этого мотива, создают необходимый и единственно разумный государственный порядок. Государство, таким образом, при самом своем возникновении выступает во всеоружии всех тех учреждений, составляющих содержание политического строя; и этот строй должен существовать неизменно у всех народов и во все времена; он не растет и не развивается, и тот мотив, который вызвал государство, поддерживает общежитие и в его дальнейшем существовании. По учению же Макиавелли, чувство самосохранения является лишь первым толчком к той творческой деятельности, которая создает государство. Эта деятельность обуславливается, с одной стороны, потребностями людей, с другой — условиями окружающей их среды. Потребность защиты от внешних врагов соединила людей в государство; по мере же усложнения общественной жизни и возникновения новых потребностей возникают и новые учреждения, и первоначальное государственное устройство видоизменяется, разрастается и совершенствуется. Кроме того, так как потребности и внешние условия не одинаковы у различных народов и в различные времена, то Макиавелли признает и различные виды происхождения государства и не знает того совершенного государственного устройства, о котором мечтали рационалисты.

3. УЧЕНИЕ МАКИАВЕЛЛИ О НРАВСТВЕННОСТИ И УТИЛИТАРИЗМЕ

Воззрение на происхождение и сущность морали слагалось у Макиавелли по мере того как он изучал современную ему поли-

тическую жизнь, вникал в условия окружавших его явлений и старался выяснить себе их причины и последствия. Макиавелли не вносит в свои рассуждения готовой моральной теории: его воззрения на нравственность, как и вся его философия — плод практических наблюдений и самостоятельных размышлений, свободных от всяких предрассудков и предвзятых мнений. Рассуждения Макиавелли не втиснуты в узкие рамки школьной теории, не стеснены искусственными построениями застывшей в мертвые формулы доктрины, а прямо вылились из наблюдений над действительной жизнью. И благодаря именно тому, что Макиавелли не облачает своего воззрения на мораль в мундир школьной теории, присяжные ученые и не признали в нем своего собрата и не обратили должного внимания на те места в его сочинениях, которые выясняют его воззрения на нравственность. Писатели, изучавшие творения флорентийского секретаря, имеют в виду лишь политика, историка, драматурга, поэта; Макиавелли же моралист неизвестен ученому миру. В настоящем отделе мы хотим пополнить этот пробел в литературе о Макиавелли и познакомить читателя с воззрением автора «Князя» на нравственность и на отношение политики к морали. Цель этого отдела — показать, что Макиавелли первый из писателей нового времени развил то воззрение на мораль, по которому нравственные начала не прирождены человеку, а являются последствием и необходимым условием сожителства людей в государстве.

Но прежде чем приступить к изложению воззрений Макиавелли на нравственность, мы должны рассмотреть мнения ученых, утверждающих, что автор «Князя» считал нравственные правила необязательными для политика.

І. ВОЗЗРЕНИЯ КРИТИКОВ МАКИАВЕЛЛИ НА НРАВСТВЕННОЕ ДОСТОИНСТВО ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ СОВЕТОВ

Критиков Макиавелли можно разделить на две группы: одни из них утверждают, что автор «Князя» отрицает нравственные начала вообще, другие же объясняют безнравственность его политических советов тем, что он считал нравственные правила неприложимыми к политике. Рассмотрим же воззрения ученых первой группы, к которой принадлежат Және, Феррари, Кине.

Предлагая государственным людям политические советы, говорит Және, Макиавелли имел в виду исключительно точку зрения целесообразности. Как бы безнравственны политические средства ни были, они всегда законны, как скоро ведут к предположенной политиком цели. И религия, и нравственность имеют

для Макиавелли значение лишь настолько, насколько они служат орудиями в руках политика. Добродетелью политик не должен пренебрегать, если она может содействовать достижению задуманного им плана; но он должен отбросить ее как ненужную ветошь, как скоро она становится ему поперек дороги^{372*}. Мораль Макиавелли есть не что иное, как мораль людей толпы.

Совість подсказывает им, что существует различие между добром и злом, страсти же их противятся этому различию. Как же они поступают? Они думают одно, а делают другое; они сознают, что поступают не так, как им подсказывает совесть, но извиняют свой образ действий тем, что и остальные люди поступают не лучше их, и что действовать иначе значило бы сделаться жертвою обмана. Всякое средство дозволено, как скоро оно ведет к желанной цели; к этому положению сводится практическая философия человека толпы. Перенесите эти рассуждения в область политики, и вы получите доктрину Макиавелли^{373*}. Напрасно говорят, будто Макиавелли предлагает свои безнравственные советы лишь новому князю: жестокость и коварство, по его воззрению, так же полезны в наследственной монархии, как и во вновь приобретенном княжестве; они приложимы как при введении нового княжества, так и при нормальном течении государственной жизни. Оговорки, которыми Макиавелли сопровождает свои безнравственные правила, суть не что иное, как уступки общественному мнению. Если у Макиавелли иногда и прорывается нравственное чувство, то он спешит заглушить эти благородные порывы рассуждениями, которыми доказывает необходимость безнравственных мер с точки зрения политической целесообразности. Макиавелли поступает, как врач, который осуждает отравление и который тем не менее указывает наилучшие средства отравления желающим воспользоваться ими^{374*}. Мораль Макиавелли заключается в отсутствии всякой морали^{375*}. Основное правило политического искусства Макиавелли, несмотря на все оговорки и прикрасы, сводится к пресловутому правилу: цель освящает средства^{376*}.

Жане обязан этими своими выводами той методе, которой он следовал, анализируя учение Макиавелли. Он очень тщательно собирает все те места из сочинений автора «Князя», в которых

^{372*} *Paul Janet*. Histoire de la science politique. Т. II. С. 27.

^{373*} Ibid. P. 14.

^{374*} Ibid. P. 15.

^{375*} Ibid. P. 13.

^{376*} Ibid. P. 30.

говорится о политических преступлениях и предлагаются правила, возмущающие нравственное чувство современного человека, и на основании этих отрывочных мест произносит свой жесткий приговор. Осветив ярким светом одну сторону учения Макиавелли, он оставляет в тени все то, что Макиавелли говорит о добродетели как об основании политической жизни; он ни единым словом не упоминает о рассуждениях Макиавелли, посвященных тлетворному влиянию тирании на народную нравственность, и не излагает воззрений Макиавелли на республику как на государственную форму, всего более содействующую развитию гражданских добродетелей. Жане старается уверить читателя, что Макиавелли, советуя государственным людям прибегать к суровым и жестоким мерам, выставляет общие правила, приложимые везде и всегда. Если бы Жане задался вопросом, какие особенные условия Макиавелли имел в виду, выставляя эти правила, то он должен был бы убедиться, что автор «Князя» считал жестокие меры приложимыми лишь при известных условиях, не допускающих другого образа действий, и что он видел в необходимости прибегать к таким средствам несчастье для народа, но несчастье неизбежное.

Если источник заблуждений Жане заключается в том, что он вырывает отрывочные правила Макиавелли из той общей цепи умозаключений, которые только и могут выяснить настоящий смысл этих правил, то Феррари этого упрека сделать нельзя: он, напротив, обращает главное внимание на основные воззрения разбираемого им автора. Он сводит мирозерцание Макиавелли к следующим положениям.

Пока человек действует под напором инстинктов, им руководит слепая судьба^{377*}. Но он одарен и рассудком; и этот рассудок наделяет его способностью управлять событиями. Не нарушая мировых законов, человек может или задерживать, или ускорять естественный ход вещей, и в пределах предоставленной ему сферы деятельности подчинять своей воле обстоятельства и направлять их согласно своим целям. Эти цели человек ставит себе совершенно произвольно; ни мировые законы, ни рассудок не налагают на него каких бы то ни было обязанностей. Человек безгранично свободен как в выборе целей, так и в выборе средств^{378*}. Всякая цель законна, как скоро она достижима, всякое средство дозволено, как скоро оно целесообразно. Успех — в чем бы он ни

^{377*} *Ferrari. Machiavel, juge des revolutions de notre temps.* P. 6.

^{378*} *Ibid.* P. 7.

выражался и чему бы он ни служил, — вот единственное мерило человеческих поступков. Макиавелли одобряет всякий поступок, как скоро им достигается предложенная цель, и порицает, наоборот, всякое неудавшееся начинание. Ни религия, ни мораль для него не существуют: интерес, безусловно, свободный, — вот его божество; холодный рассудок, руководимый эгоизмом, — вот его добродетель^{379*}. И как отдельные люди не преследуют никаких определенных неизменных целей, так и сам Макиавелли в своих сочинениях не поставил себе никакой определенной задачи. Он не дает нам систематического учения, нигде не выступает убежденным проповедником и излагает свои правила наудачу. Он предлагает советы как тиранам, так и республиканцам, является перед нами то советником пророков и духовных владык, то опять ментором мелких тиранов и кондотьеры.

Заслуга Феррари заключается в том, что он первый глубже вник в учение Макиавелли и старался выяснить себе философскую подкладку его политического учения. Если он тем не менее пришел к ошибочным выводам, то объясняется это тем, что наш автор смешивает мирозозерцание Макиавелли с его положительным учением. Феррари прав, утверждая, что Макиавелли не верит в нравственный порядок и не признает самобытности нравственных начал; но он жестоко ошибается, думая, что Макиавелли отрицает нравственность вообще. Феррари верно определяет воззрение Макиавелли на природу человека как существа, обуреваемого эгоистическими влечениями; но он заблуждается, утверждая, что, по Макиавелли, человек должен всегда и везде руководствоваться личным интересом. Макиавелли, совершенно наоборот, видит в эгоистических влечениях главный источник зла и налагает на государство обязанность — сдерживать страсти людей и направлять их на благоую цель. Феррари имеет в виду лишь воззрения Макиавелли на мир и на человека, каким он представляется ему в естественном состоянии, но не обращает внимания на учение Макиавелли, указывающее на те средства, с помощью которых человек может выйти из естественного состояния и развить в себе те качества, которыми его обделила природа.

Если Феррари утверждает, что Макиавелли в своих политических сочинениях не преследует никакой определенной цели, то Кине, наоборот, объясняет безнравственность политической доктрины Макиавелли ее практической задачей. Он старается оправдать автора «Князя» следующими рассуждениями.

^{379*} Ibid. P. 9.

Макиавелли, следивший в своей молодости за реформаторской деятельностью Савонаролы, был и свидетелем его смерти на костре. И этот костер поглотил для Макиавелли не только представителя идеи, но и саму идею. Он перестал верить в возможность обновления Италии на почве христианской морали. Он отказывается от политики ангелов и архангелов и от всего того, что составляло основание средневекового общества. Церковь оказалась бессильной спасти Италию; необходимо было теперь спасти отечество наперекор ее учению. Царство духа рушилось, наступило теперь царство грубой силы. Бог покинул человека, и человек, в свою очередь, покидает своего Бога. И этот человек, без религии, без морали, утративший веру в Бога и во все то, что было свято его предкам, взваливает на свои плечи всю тяжесть мироздания. Его воодушевляют ближайшие цели земного существования, и они только и определяют все его действия и суждения. Для него не существует более ни Бога, ни морали, ни добродетели, ни порока, он знает лишь материальные силы, которыми он пользуется для достижения ближайших целей^{380*}. Воплощением этого нового человека и является Макиавелли. Великая заслуга его заключается в том, что у него достало смелости разрушить все те верования, смыть все те предрассудки, разбить все те идеалы, которыми жило средневековое общество. Но нужно сознаться, что он не созидал, а только разрушал и заменил средневековый быт господством грубой силы^{381*}. И когда все отчаивались спасти Италию, Макиавелли берет на себя дело обновления своего отечества^{382*}. Если его предшественники хотели возродить Италию преобразованиями в области политической и религиозной, то Макиавелли мирится с существующим порядком, берет людей и обстоятельства такими, какими выработала их действительность, и видит добро в чрезмерности зла. Италия шла навстречу деспотизму. Вместо того чтобы остановить ее на этом пути, он видит во всеобщем рабстве преддверие свободы. Деспотизм должен совершить чудо: Италия должна обратиться в труп, чтобы воскреснуть к новой жизни. Эти мысли и надежды руководили Макиавелли, когда он писал свою книгу о князе. Макиавелли делает тирану всевозможные уступки, он наделяет его всеми орудиями зла, ложью и обманом, всеми полезными преступлениями, приносит ему в жертву небо и ад и требует от него лишь силы и неустрашимо-

^{380*} *Quinet. Revolutions d'Italie. P. 95—97.*

^{381*} *Ibid. P. 99.*

^{382*} *Ibid. P. 101.*

сти^{383*}. И, окружив князя этими адскими силами, он разражается, наконец, в последней главе этим восхитительным воззванием, этой Марсельезой XVI века, этим трубным гласом, зовущим князя на поле брани против врагов Италии. Тут, в этой последней главе, Макиавелли сбрасывает личину, искажавшую его прекрасный образ, он выступает перед нами человеком, который дает, наконец, волю накопившейся в нем злобе и раскрывает перед нами тайну своего сердца, задачу своей жизни, цель своих страстных стремлений. Тиран должен сделаться спасителем Италии, рабство должно породить свободу:

...et à la liberté
Il mène l'esclave épouvanté!¹⁰⁵⁾

Макиавелли, по воззрению Кине, является, таким образом, не спокойным исследователем, изучающим политическую жизнь народов и на основании этого изучения предлагающего свои политические советы, а страстным патриотом, жертвующим своими убеждениями ради той практической задачи, которая его воодушевляет; советы, предлагаемые в «Il Principe», имеют целью вооружить князя лишь временными орудиями зла, орудиями, которые вручает Макиавелли своему князю лишь под условием — изгнать иноземцев из Италии. Источник заблуждений Кине заключается в том, что он видит в политическом трактате Макиавелли не результат исследования политической жизни народов, а гражданский подвиг страстного патриота. Но выставляемые Макиавелли положения, как показало наше изложение его учения, не уступки той практической задаче, которую приписывает ему Кине, а наоборот, политические советы, заключающиеся в «Il Principe», суть необходимые последствия мирозозерцания Макиавелли и его воззрений на природу общественных отношений. При изучении политической жизни народов Макиавелли руководит лишь одна цель — раскрыть истину; он никогда не насилует своих убеждений ради достижения какой бы то ни было цели, как бы благородна эта цель ни была. Любовь к несчастной Италии натолкнула его на путь политических размышлений; но то была любовь не страстного патриота, а закаленного долголетним опытом государственного мужа и мыслителя. Макиавелли не проповедовал только, а исследовал и учил.

Обращаемся теперь к рассмотрению воззрений тех ученых, которые объясняют безнравственность политических советов Макиавелли тем, что автор «Il Principe» считал будто бы нравственные правила неприменимыми в политике.

^{383*} Ibid. P. 101—108.

Эту мысль впервые высказал Маттер. Его воззрение на нравственное достоинство политических советов Макиавелли можно формулировать следующим образом.

Политика, по воззрению Макиавелли, самостоятельная наука, не нуждающаяся в какой бы то ни было высшей санкции и черпающая свои правила из самой себя^{384*}. Макиавелли не отрицает морали, он умеет ценить проповедуемые ею начала и знает, что почет и слава ожидают тех, которые в своей деятельности руководятся правилами морали. Макиавелли признает мораль, но считает ее неприложимой в той области, которую исследует. Он умеет отличать добродетель от внешнего могущества; но там, где ему приходится выбирать между этими двумя факторами, он дает предпочтение внешнему могуществу^{385*}. Мораль и политика, по его воззрению, две различные области: и политика должна стать независимой от морали и покоиться на самостоятельных началах.

Ту же самую мысль высказывает Франк, принадлежащий к числу тех немногих писателей, которые беспристрастно и добросовестно изучили политические сочинения Макиавелли. Он приходит в своей критической оценке политической доктрины автора «Князя» к следующим выводам.

Интерес, по воззрению Макиавелли, является единственным мотивом человеческих поступков. Изучение интереса государства в связи с внешними условиями политической жизни и составляет предмет политики, науки, соблюдение правил которой ведет к успеху и могуществу, пренебрежение — к слабости и разрушению. Политика, таким образом, независима от законов морали, ей нечего обращать внимание на абсолютные начала нравственности и справедливости, она должна иметь их в виду лишь настолько, насколько они служат интересам государства. Политика изучает действительные отношения и действительных людей, мораль же — идеальные отношения и идеальных людей; политика изучает то, что есть, мораль — то, что должно быть^{386*}. Источник заблуждения Макиавелли заключается в том, что он в области политики не признает за человеком ни абсолютных прав, ни абсолютных обязанностей, что он подчиняет мораль политике и священные права человечества — государственному интересу^{387*}.

^{384*} *Matter. Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles. P. 73, 75, 77.*

^{385*} *Ibid. P. 78—79.*

^{386*} *Ad. Franck. Reformateurs et publicistes d'Europe. P. 300—301, 304—305.*

^{387*} *Ibid. P. 309, 334—335.*

Рассуждения Маттера и Франка повторяет и Блунчли в своей критической статье о Макиавелли^{388*}.

По воззрению Маттера, Франка и Блунчли, Макиавелли верит в абсолютные начала морали, верит, что нравственные понятия прирождены человеку, но считает политику областью, в которой эти абсолютные начала неприменимы. Но мы знаем, что мирозерцание Макиавелли исключает веру в какие бы то ни было абсолютные начала^{389*}; он не мог поэтому отделять политику от морали, которая для него не существовала.

Причина, почему рассмотренные нами писатели приходят к совершенно ошибочным выводам, заключается не только в том, что они не выясняют себе учения Макиавелли в целом и не обращают должного внимания на философскую подкладку его политической доктрины, но и в том, что они прилагают к учению автора «Князя» совершенно неприменимый к нему масштаб: *они выходят из того убеждения, что существуют абсолютные начала морали и справедливости; не находя в сочинениях Макиавелли и следов такого воззрения на мораль, они приходят к выводу, что Макиавелли или отрицал мораль вообще, или считал ее неприменимой в политике.* Но они забывают, что существует философская доктрина, которая не разделяет их взгляда на самобытность моральных начал и которая тем не менее признает мораль и видит в ней главное основание общежития. Макиавелли исповедует именно эту доктрину: он не верит в прирожденность человеку нравственных понятий, а видит в этих понятиях последствие и необходимое условие сожителства людей в государстве.

Познакомить читателя с этим воззрением Макиавелли на нравственность — задача последующего изложения.

II. УЧЕНИЕ МАКИАВЕЛЛИ О НРАВСТВЕННОСТИ

Главная причина зол, преследующих современное человечество, заключается, по Макиавелли, в том, что человеческим страстям дан слишком широкий простор, что везде господствует личный произвол, ничем не сдержанный эгоизм. Единственный исход из этого плачевного состояния Макиавелли видит в таком государственном порядке, который наложил бы узду на человека. И этой цели должна служить нравственность, которая пере-

^{388*} *Bluntschli. Geschichte des allgemeine Staatsrechts und der Politik. S. 10.*

^{389*} См. выше с. 64—71.

воспитывает человека и научает его уважать общее благо как высшее мерило своих поступков.

Общее благо, по воззрению Макиавелли, не есть совокупность частных польз: он очень хорошо понимает, что, складывая частные интересы, интереса общего не получишь. Макиавелли, не считающий этот мир лучшим из миров, не верит в возможность такого государственного порядка, который примирил бы противоречащие друг другу интересы людей и согласовал бы общую пользу с пользой отдельных лиц. Под общим благом Макиавелли понимает и не благо государства как такового, ибо государство, по его воззрению, никакого самостоятельного бытия не имеет и есть учреждение, созданное людьми и для людей. Общее благо, по Макиавелли, есть не что иное, как совокупность интересов, общих большинству граждан. И везде, где частный интерес противоречит интересу общему, первый должен уступить место второму, но не потому, что общий интерес есть интерес неперемный и необходимый, как утверждают идеологи, а по той простой причине, что там, где приходится выбирать между двумя благами, должно давать предпочтение большему, точно так же, как из двух зол нужно выбирать меньшее^{390*}.

Нравственные правила и нравственные качества, которые делают людей способными подчиняться этим правилам, развиваются, по Макиавелли, лишь в государстве.

Пружинами человеческой деятельности служат его эгоистические влечения, возбуждаемые внешними впечатлениями. Человек, предоставленный самому себе, не способен спокойно и хладнокровно взвешивать последствия своих поступков и давать предпочтение тем из них, которые всего более согласны с личным интересом. Не холодный рассудок руководит человеком, а его слепые страсти. Не начало пользы определяет суждения и поступки человека, а его эгоистические влечения, затуманивающие его рассудок и лишаящие его способности отличать полезное от вредного^{391*}.

Лишь суровая необходимость может заставить человека обуздать свои страсти и прислушаться к голосу рассудка.

Такая необходимость наступает для людей тогда, когда они, соединившись в государство, приходят к сознанию, что мирное общежитие невозможно, пока каждый из них дает полную волю страстям и преследует лишь свои личные интересы. Потребность в мирном общежитии настолько сильна, что она преодолевает

^{390*} II Principe. Гл. 7.

^{391*} См. выше с. 75—81.

необузданную игру страстей и заставляет людей наложить узду на свои влечения. Этими уздами являются законы, учреждения, условия местности, экономическая обстановка. Таким образом, неотразимая необходимость подчинять личные желания и страсти высшим требованиям общежития порождает целый ряд условий, заставляющих граждан сообразовать свои поступки с предписаниями общего блага^{392*}. Но дабы человек преклонялся перед авторитетом нравственного закона, необходимо, чтобы этот закон не был в его глазах предписанием светского законоводителя, а стоял бы под покровительством божества. Вот почему Макиавелли и придает такое высокое значение религии, освящающей нравственный закон и заставляющей людей признавать в нем повеление, независимое от людского произвола. «Изучая римскую историю, — говорит Макиавелли, — нельзя не заметить, что религия содействовала поддержанию дисциплины в войске, единению в народе, развитию добродетели, возбуждению стыда в злых. И как богопочитание есть одна из главнейших причин величия государств, так пренебрежение им — причина их упадка... И где нет страха Божия, там государство должно или рушиться, или быть поддерживаемо властью князя, который заменяет страх Божий страхом наказания»^{393*}. «Княжества и республики, которые дорожат чистотою нравов, должны соблюдать религиозные обряды и поддерживать уважение к ним. Ибо нет более верного признака упадка страны, как пренебрежение религией. Правители республик и королевств должны поэтому поддерживать основы религии; и если эти основы будут твердыми, то в их государстве будет господствовать религиозность, а следовательно, и единение, и добродетель»^{394*}.

Нравственно поступает, по Макиавелли, не тот, кто действует по началу пользы, а тот, кто подчиняется нравственным правилам как таковым. Эти правила должны обуздывать и дисциплинировать своекорыстные влечения и быть тем божеством, перед которым бы люди безропотно преклонялись. В Риме общее благо было для граждан именно таким божеством, и вот почему Макиавелли ставит их в пример одряхлевшему человечеству нового времени: он видит источник величия Рима не в военном могуществе и не в совершенстве государственного устройства, а в добродетелях римлян. Из народов нового времени Макиавелли может указать лишь на жителей свободных немецких городов, нравы

^{392*} См. выше с. 83—94.

^{393*} Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

^{394*} Там же. Кн. I. Гл. 12.

которых еще не заражены той испорченностью, которая является главной причиной политического бессилия современных ему государств. И признак неиспорченности немцев Макиавелли видит в том, что они служат государству не по принуждению, а в сознании своих обязанностей^{395*}.

Нравственность, по воззрению Макиавелли, есть, таким образом, совокупность правил, вытекающих из начала общего блага и воплотившихся во всем строе государственной жизни, правил, сложившихся исторически независимо от воли отдельных лиц. Нравственность, подобно праву, государству, религии есть явление историческое, обуславливающееся потребностями общежития; она вызвана недостатками человеческой природы и имеет целью сгладить эти недостатки и вооружить человека качествами, которые необходимы для совместной жизни в государстве и которыми природа обделила человека.

III. РАЗБОР МЕСТ ИЗ СОЧИНЕНИЙ МАКИАВЕЛЛИ, ОБРАТИВШИХ НА СЕБЯ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНИЕ КРИТИКОВ

Но если Макиавелли не отрицает нравственных начал, а, напротив, видит в гражданских добродетелях главное основание общежития, то как объяснить те места в его сочинениях, в которых он, рассуждая о жестоких и коварных политических средствах, не осуждает этих средств?

Разбор мест из сочинений Макиавелли, обративших на себя особенное внимание его критиков, ответит нам на этот вопрос.

Начнем наш разбор с 27-й главы I книги «Discorsi». В этой главе Макиавелли рассказывает нам, как папа Юлий II, предпринявший поход против мелких тиранов Романьи, вступил лишь с небольшим количеством телохранителей в Перуджию, принадлежавшую одному из этих мелких тиранов — Джиованно Паоло Больони. Паоло, стоявший во главе значительного войска, не осмелился наложить руку на папу, своего врага, хотя Юлий, вступивший в Перуджию без войска, находился совершенно в его власти. Рассказав этот случай, Макиавелли замечает: «Джиованно Паоло, который считал ни во что быть кровосмесителем, явным убийцею своих ближайших родственников, недостало, таким образом, умения или, лучше сказать, смелости совершить поступок, который возбудил бы удивление своею храбростью и который увековечил бы его память». Эти слова возбудили негодование ученых критиков, которые вывели из них заключение, будто Ма-

^{395*} Discorsi. Кн. I. Гл. 55.

киавелли упрекает Больони за то, что он не убил папу Юлия II, когда ему представлялся к тому удобный случай. Это негодование здесь совершенно неуместно. Слова Макиавелли можно понять лишь в общей цепи тех умозаключений, которые тянутся через 26-ю и 27-ю главы I книги «Discorsi». Первую из этих глав Макиавелли заключает словами: «Но люди избирают известные средние пути, которые наиболее опасны, ибо люди не умеют быть ни совершенно добрыми, ни совершенно злыми». И вот, в подтверждение этого своего воззрения на человеческую природу, Макиавелли приводит пример Больони, который не умел быть последовательным в творении зла. Макиавелли рисует личность Больони в самых мрачных красках и говорит, что его не могли удержать от убийства ни благородство души, ни голос совести, ибо в человеке, находившемся в преступной связи со своею сестрой, убившем своих двоюродных братьев и племянников, дабы захватить власть, — не могло шевельнуться чувство сожаления: очевидно, что единственной причиной его образа действий была трусость, неумение прямо и неуклонно идти по раз избранному пути. Макиавелли, таким образом, не упрекает здесь Больони за то, что он не совершил политического преступления, которое могло иметь для него полезные последствия: поступок Больони, рассматриваемый с точки зрения политической, в данном случае вовсе не интересует Макиавелли; он рассказывает нам поведение Больони в подтверждение своего взгляда на природу человека, не умеющего быть последовательным ни в творении зла, ни в творении добра. Рассуждая о поведении Паоло, Макиавелли выступает не моралистом и не политиком, а беспристрастным наблюдателем, подметившим интересный психологический факт. И если бы в подтверждение этого факта ему подвернулся другой пример, в котором вместо трусливого злодея фигурировал бы благонамеренный трус, он стал бы так же резко упрекать его за неумение быть последовательным в творении добра, как он упрекает Больони за неумение быть последовательным в творении зла.

Что Макиавелли может одобрять известные жестокие и коварные средства в политике, которые служат целям, противоречащим его политическим убеждениям, и которые он не оправдывает с точки зрения нравственной, видно, между прочим, из 40-й главы I книги и 9-й главы III книги «Discorsi».

Первую из этих глав Макиавелли начинает с замечания, что история децемвирата раскрывает, с одной стороны, целый ряд ошибок, сделанных народом и сенатом и послуживших во вред свободе, с другой стороны — ошибок, сделанных Аппием Клав-

дием и помешавших ему захватить власть в свои руки и сделать-ся тираном Рима. «Сенат и народ, — продолжает Макиавелли, — сделали величайшие ошибки при учреждении децемвирата. Хотя мы и указали выше, рассуждая о диктаторской власти, что лишь те начальственные лица опасны, которые самовольно захватывают власть, а не те, которые назначаются народом, тем не менее народ при назначении должностных лиц должен обставлять их такими условиями, которые не позволили бы им злоупотреблять властью. Римляне же вместо того, чтобы назначить над децемвирами стражу, которая сдерживала бы их в пределах законности, устранили эту стражу и сделали децемвиров единственными носителями правительственной власти». Обращаясь потом к рассмотрению поведения Аппия Клавдия, Макиавелли говорит следующее: «Всякий, желающий сделаться тираном города, должен стараться приобрести расположение народа и, заручившись этим расположением, уничтожить дворян. Лишь устранив дворян, тиран может обнаружить свои настоящие намерения и приступить к порабощению народа. Этот путь избрали все те, которые основали тиранию в республиках; и если бы Аппий избрал его, то его тирания имела бы более жизненной силы и была бы долговечнее. Хорошо придумана была та хитрость, к которой прибег Аппий, дабы, выдавая себя за друга народа, завлечь его в свои сети; хорошо придуманы и те меры, с помощью которых Аппий добился вторичного выбора децемвиров, хорошо придумана и та смелость, с которой он, наперекор дворянам, выбрал себя самого децемвиrom и назначил себе товарищей — единомышленников. Но было неблагоприятно сразу переменить свое обращение с народом и из друга народа обратиться в его притеснителя». В приведенных рассуждениях Макиавелли так же беспристрастно рассматривает поведение народа, как и образ действий тирана, и наряду с советами, обращенными к народу, выставляет правила, которыми должен руководствоваться тиран. Макиавелли не выступает здесь ни руководителем народа, ни советником тирана: он не предлагает здесь практических советов; цель его рассуждений — анализировать одно из явлений политической жизни Рима, указать на те обстоятельства, которые благоприятствуют возникновению тирании в республике, на те причины, которые вызывают борьбу дворян с народом и на те условия, которые влияют на исход этой борьбы.

Таким беспристрастным исследователем Макиавелли является и в своей знаменитой главе о заговорах, в которой он не только рассматривает образ действия заговорщиков, но и тех, против которых эти заговоры были направлены.

Обращаемся теперь к той главе «Il Principe», которую должно считать главной виновницей тех нападков, которые вот уже триста лет сыплются на Макиавелли. Можно, не боясь преувеличения, утверждать, что, не напиши Макиавелли этой главы о Цезаре Борджиа, его имя не сделалось бы для людей толпы синонимом политического коварства. Эта глава имела решающее влияние на участь политического учения Макиавелли, и ее можно в этом отношении сравнить лишь с 6-й главой II книги «*Esprit des lois*»¹⁰⁶). Как имя Монтескье не приобрело бы такой популярности, если бы он не написал этой коротенькой главы своего многотомного сочинения, так точно и имя Макиавелли не сделалось бы столь известным, если бы в его «Князе» не было VII главы. И как большинство панегиристов Монтескье знакомы с его сочинениями лишь по главе об английской конституции, так хулители и порицатели Макиавелли, не берущие на себя труда ознакомиться с сочинениями флорентийского секретаря, видят в авторе «Князя» лишь защитника политических преступлений Цезаря Борджиа.

Макиавелли рассматривает в VII главе «Il Principe» те политические средства, к которым должен прибегнуть новый князь, обязанный властью чужому оружию и счастливому стечению обстоятельств. «Такой князь, — говорит Макиавелли, — опирается на счастье и оружие того, кому он обязан своим возвышением, и не может, и не умеет упрочить своего положения; не умеет, ибо нельзя предположить, чтобы человек, привыкший к жизни честного лица, если он только не одарен необыкновенной доблестью, умел бы управлять; не может, ибо не имеет в своем распоряжении верного и преданного войска. Кроме того, новое государство, как и все, быстро возникающее и растущее, не пустило еще глубоких корней и не имеет под собою достаточно твердой почвы... Такие новые государства могут удержаться лишь в том случае, если князь ухватится железными руками за счастье, случайно выпавшее ему на долю, воспользуется им для упрочения своего господства и, овладевши властью, быстрыми и решительными мерами создаст те основы могущества, которые другие князья находят уже готовыми. Так именно поступил Цезарь Борджиа. И если ближе рассмотреть принятые им меры, то нельзя не прийти к заключению, что он положил важное основание своей власти, исследовать которую я не считаю лишним, ибо сомневаюсь, чтобы можно было выставить новому князю лучший образец для подражания». После этих вступительных слов Макиавелли рассказывает нам, к каким средствам прибег Цезарь для упрочения

своей власти в Романье. Мы изложили в другом месте^{396*} эти меры, которые сводятся к тому, что Цезарь Борджиа организовал собственное войско, стал независимым от своих ненадежных союзников, устранил хитростью и обманом своих врагов Орсини и Вителли и жестокими мерами ввел порядок в своем новом княжестве. Макиавелли заключает свой рассказ следующими словами: «Сопоставляя все эти действия герцога, я не могу ему сделать упрека; я, напротив, думаю, что его можно поставить в пример всем тем, которые достигли власти и помощью чужого оружия, и благодаря счастливому стечению обстоятельств, ибо, одаренный крепкой волею и задавшись широкими планами, он не мог править иначе. Кто считает поэтому необходимым обезопасить себя в своем новом княжестве со стороны врагов, нанять себе друзей, *завоевать себе положение насилем или обманом*, приобрести любовь народа и возбудить к себе страх, заслужить верность и преданность солдат, уничтожить тех, которые могут или вынуждены оскорблять его, кто хочет заменить старые порядки новыми учреждениями, быть строгим и снисходительным, великодушным и щедрым, уничтожить изменническое войско и создать новое, заручиться дружбой королей и князей, так, чтобы они охотно оказывали ему добро и лишь с трепетом в сердце решались оскорблять его — для того поступки Цезаря — лучший образец для подражания». Из приведенных выше вступительных слов Макиавелли и из этого заключения вытекает, что автор «Князя» не выставляет герцога образцом для подражания всем князьям вообще, а лишь тем тиранам, которые обязаны своим возвышением не собственным заслугам и не заняли княжеского престола по наследству, а захватили власть случайно и притом с помощью чужого оружия. Такие исключительные обстоятельства требуют, по мнению Макиавелли, и исключительных мер; и заслуга Цезаря заключается именно в том, что он не убоился этих мер и смелыми и меткими ударами сумел невыгодное положение обратить в свою пользу. Но дабы сделаться достойным последователем Цезаря Борджиа, недостаточно, по Макиавелли, быть в исключительно неблагоприятных условиях; необходимо кроме того принадлежать к категории тех кондотьеры, которые без зазрения совести, насилем и обманом прокладывают себе путь к власти и не останавливаются ни перед каким средством для достижения своей цели. В приведенном месте Макиавелли прямо говорит, что советует следовать примеру герцога лишь тем, которые хотят завладеть властью насилем и обманом. Только для таких тиранов

^{396*} См. выше с. 127—128.

Цезарь Борджиа — герой, достойный подражания; Макиавелли не сочувствует цели политических стремлений Цезаря, а хвалит лишь ту железную последовательность, с которой герцог преследовал свой план. И эта последовательность, хотя и истраченная на недостойное дело, возбуждает удивление Макиавелли тем более, что он не находит ее у своих современников, которых он обвиняет в неумении смело и прямо идти по раз избранному пути. И как он упрекает Джиовано Паоло Больони за его трусость, так он хвалит Цезаря Борджиа за его смелость и энергию. И там, и здесь он воздерживается от оценки их политических планов, а является лишь судьей их способности — достигать раз задуманной цели. Если же мы желаем познакомиться с суждением Макиавелли о деятельности Борджиа с точки зрения политической, то мы должны обратиться к его «Discorsi», в которых он клеймит позором тиранов и узурпаторов, насилием и обманом захватывающих власть в свои недостойные руки^{397*}. Что Макиавелли и с нравственной точки зрения не одобряет образа действий Цезаря, как нельзя яснее вытекает из 26-й главы I книги «Discorsi». В этой главе он говорит следующее: «Всякий, кто делается тираном города или государства, в особенности когда основания общежития непрочны и когда он не хочет основать ни королевства, ни республики, не может для упрочения тирании избрать лучшего средства, как, будучи сам новым князем, все переделать с нуля, как то: ввести в городах новое управление с новыми названиями, с новыми полномочиями, с новыми людьми, сделать бедных богатыми, по примеру царя Давида, qui esurientes implevit bonis et divites — dimis et inanes¹⁰⁷⁾; потом воздвигать новые города, разрушать старые, переводить жителей с одного места на другое и вообще ничего не оставлять нетронутым в стране, дабы не было в ней ни чина, ни должности, ни положения, ни богатства, владельцы и носители которых не были бы обязаны всем новому князю. Такие средства очень жестоки и возмущают не только всякое христианское, но и всякое человеческое чувство, и всякий должен стараться избегать их, и лучше остаться частным человеком, чем сделаться королем на погибель стольких людей; тем не менее тот, кто не хочет избрать этого пути добра, должен, если только хочет удержаться, прибегнуть к этому злу».

Наш разбор VII главы «Князя» показал, таким образом, как неосновательно мнение ученых, утверждающих, будто Цезарь Борджиа был излюбленным героем Макиавелли. Автор «Князя» нигде не рассуждает о политической деятельности Цезаря Борд-

^{397*} Discorsi. Кн. I. Гл. 10.

жия в ее совокупности, нигде не выражает симпатии его политическим начинаниям, а освещает лишь одну сторону этой личности, обнаружившую черты, которые не могли не вызвать удивления Макиавелли, возмущавшегося дряблостью своего века.

В рассмотренных нами местах Макиавелли или воздерживается от всякой оценки разбираемых им политических средств, или прямо высказывает свое отвращение к ним.

Но автор «Князя» выступает в своих политических трактатах не только наблюдателем и исследователем, но и политиком, предлагающим государственным людям практические советы. И между этими советами встречаются такие, предлагая которые, Макиавелли является приверженцем правила: цель освящает средства.

Сопоставляя места, в которых Макиавелли одобряет жестокие и суровые политические средства ввиду той полезной цели, которой они служат, мы приходим к заключению, что он считал необходимым прибегать к подобным средствам или в тирании^{398*}, или в основании и переустройстве государства^{399*}, или для подавления мятежей и восстаний, или, наконец, на войне. *Таким образом, только там, где не существует законного порядка, т. е. где цель не может быть достигнута законными средствами или потому, что эти средства еще не успела выработать общественная жизнь, или потому, что они уже обветшали, а новые не успели еще родиться, только там Макиавелли советует политикам следовать правилу: цель освящает средства.*

Ограничивая применение этого правила перечисленными случаями, Макиавелли этим самым выясняет нам свое воззрение на отношение политики к нравственности, обосновать и развить которое — задача следующего отдела.

IV. ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ К НРАВСТВЕННОСТИ, ПО ВОЗЗРЕНИЮ МАКИАВЕЛЛИ

Мы знаем из предыдущего, что мир, по воззрению Макиавелли, не целесообразный порядок, а хаос сил, враждующих с человеком. Природа ничего человеку даром не уступает, и он вынужден отвоевывать каждую пядь земли, каждый кусок хлеба, вести неустанную и отчаянную борьбу с природой и с себе подобными. Лишь ценою такой борьбы он может достигнуть цели своего су-

^{398*} Discorsi. Кн. I. Гл. 16—18, 27, 40—41, 55; кн. II. Гл. 23; кн. III. Гл. 45.

^{399*} Discorsi. Кн. I. Гл. 9, 11, 16—18, 26, 34—35, 40, 55; кн. II. Гл. 13, 23; кн. III. Гл. 2—5, 40—41. II Principe. Гл. 3, 5—9.

ществования и удовлетворить своим потребностям. В догосударственном быту человек следует правилу: цель освящает средства.

Но человек постепенно преодолевает сопротивление, оказываемое ему природой, и заставляет ее служить своим интересам. За борьбу с природой следует мир, и тогда человек в своих отношениях к внешней природе перестает следовать правилу: цель освящает средства. Он не проводит более дней и ночей в беспорядочной погоне за добычей, не топчет лугов, не убивает первого попавшегося ему зверя, не опустошает леса и поля, а удобряет пашни, приручает зверей, бережет лес, орошает луга и собирает жатву: человек лелеет природу, природа кормит человека.

Мир с природою научает человека дорожить и миром с себе подобными. Соединившись в общежитие, люди создают средства, которые позволяют им достигать целей общежития с наименьшей тратой времени и труда, не прибегая к действиям, противоречащим интересам отдельных членов союза. Они вводят законы и учреждения, которые освящают эти средства, и грозят наказанием всякому, пользующемуся иными средствами. Эти законы и учреждения устанавливают такой общественный порядок, который делает излишним прибегать к суровым и жестоким мерам, и позволяют каждому удовлетворять свои интересы, не мешая и другим достигать того же.

Люди создают, таким образом, среди внешнего нецелесообразного мира — искусственный, целесообразный.

В таком целесообразном порядке правило «цель освящает средства» неприложимо, ибо тут целям общежития соответствуют законные средства.

Но с течением времени это соответствие между целями и средствами нарушается. Потребности и вместе с ними цели общежития изменяются, средства же, воплотившись в форму законов, учреждений, нравственных правил, религиозных верований, остаются без изменения. Общественный порядок перестает быть целесообразным, и правители и граждане для удовлетворения вновь возникших потребностей вынуждены нарушить освященные временем правила. В такие эпохи революций безнравственные действия неизбежны, ибо лишь ценою суровых и жестоких мер, нарушающих интересы отдельных лиц, может быть введен новый целесообразный порядок. В такие эпохи общественных кризисов правило «цель освящает средства» снова вступает в силу.

Но нравы известной страны могут быть до такой степени испорчены, что исключают возможность введения целесообразного порядка, и тиран, поддерживающий порядок в такой стране,

вынужден руководствоваться правилом «цель освящает средство».

Но и при таких исключительных условиях государственной жизни это опасное правило неприложимо безусловно. Не всякая цель освящает всякое безнравственное средство. Суровые и жестокие меры можно извинить лишь в том случае, если цель, безусловно необходимая в интересах общего блага, может быть достигнута лишь ценою этих мер. Макиавелли порицает государственных людей, пренебрегающих нравственными соображениями для достижения власти и славы, но извиняет тех, которые, имея в виду исключительно общее благо, были вынуждены прибегать к жестоким мерам. Он противопоставляет Цезаря Ромулу: первый своим пренебрежением правами народа разрушил римскую свободу, второй своими суровыми мерами положил первое основание величию Рима. Говоря о жестоких мерах, к которым прибег Ромул при основании государства, Макиавелли оправдывает его образ действий следующими рассуждениями: «Мудрый организатор государства, имеющий в виду не свои личные интересы, а интересы общего блага, не свое потомство, а общее отечество, должен стремиться к сосредоточению власти в своих руках. И благоразумные люди никогда не осудят его за исключительную меру, предпринятую им для установления порядка в королевстве и для основания республики. И если его осудит поступок, то его оправдывает успех; и если последний хорош, то он всегда оправдывает его, ибо достоин порицания лишь тот жестокий человек, который разрушает, а не тот, который созидает»^{400*}. «Там, где идет речь о спасении отечества, — говорит Макиавелли в другом месте, — нечего рассуждать о том, справедливо или несправедливо, гуманно или жестоко, похвально или достойно порицания то или другое средство, а нужно, отложив всякое постороннее соображение, ухватиться за то средство, которое может спасти отечество и свободу»^{401*}. Но и нравственная цель, по воззрению Макиавелли, не оправдывает всякого безнравственного средства. Жестокие меры могут быть оправданы лишь в том случае, если добро, купленное ценою этих мер, превышает причиненное им зло. Если политику предстоит одно из двух: или решиться на жестокую меру и этим причинить непосредственное зло меньшинству, или же отказаться от этой меры, дать развиваться общественному недугу, могущему заразить все общество и погубить его, то политик должен принести в жертву интересы меньшинства интересам большинства,

^{400*} Discorsi. Кн. I. Гл. 9.

^{401*} Там же. Кн. III. Гл. 41.

следуя правилу, что из двух зол должно выбирать меньшее. «Князь, — говорит Макиавелли, — не должен смущаться прозванием грозного: немногими устрашительными примерами он окажется милосерднее тех, которые из излишнего мягкосердия дают волю беспорядкам, порождающим грабежи и убийства; последние оскорбляют все общество, между тем как наказания постигают лишь немногих»^{402*}. В подтверждение правила, что для устранения вновь приобретенной свободы необходимо казнить сыновей Брута (т. е. приверженцев старого порядка), Макиавелли приводит пример Пьеро Содерини, который надеялся примирить сыновей Брута долготерпением и добротой и этим ускорил падение флорентийской республики. «Хотя он, — говорит Макиавелли, — как человек умный и сознавал необходимость устранять врагов старого порядка, и судьба и честолюбие этих врагов давали ему на то удобный случай, он тем не менее не мог решиться на такой шаг, во-первых, потому, что надеялся долготерпением и добротой рассеять их злонамеренные планы, во-вторых, потому, что видел лишь в исключительной власти, которая нарушила бы гражданское равенство, — средство, способное устранить этих врагов. Такая же исключительная власть, по его мнению, нагнала бы такой страх на толпу, что народ не согласился бы по его смерти избрать вновь пожизненного гонфалоньери¹⁰⁸⁾, учреждение, содействовать которому Содерини считал необходимым. Это было благоразумное и добродетельное намерение, *но нельзя никогда давать простора злу из-за какого-нибудь добра, если добро легко может быть уничтожено злом*. Так как об его действиях и намерениях стали бы судить по их успеху, то он должен был бы предвидеть, что, — если счастье ему не изменило бы и он сохранил бы жизнь, — ему бы удалось убедить всякого, что мотивом его действия было не тщеславие, а забота об общем благе. И он мог бы устроить таким образом, что его преемник не мог бы воспользоваться во зло тем, что было предпринято им во имя хорошей цели. Но его ввело в заблуждение указанное выше мнение, и он не хотел понять, что время не может преодолеть людской злобы, и что никакие благодеяния не в состоянии изгладить ее»^{403*}.

Но если Макиавелли и считал дозволенным в эпохи общественных кризисов прибегать к жестоким мерам, то при нормальном течении общественной жизни он считал всякую незаконную деятельность опасной и предостерегал государственных деятелей

^{402*} Il Principe. Гл. 17.

^{403*} Discorsi. Кн. III. Гл. 3.

при таких условиях следовать правилу «цель освящает средства». Макиавелли в своих политических сочинениях развивает мысль, что в благоустроенной и неиспорченной республике правители не имеют ни повода, ни возможности творить зло, что все цели общежития могут быть достигнуты законными средствами, и что безнравственный поступок, могущий оказаться полезным в тирании, сам себя наказует в неиспорченной республике. Если в тирании злые семена быстро всходят на пропитанной испорченностью почве, то в республике общественная совесть возмущается всяким безнравственным поступком. В 19-й главе «Князя» Макиавелли говорит: «Князь, желающий удержаться, вынужден быть злым: если народная масса, будь то войско, народ или вельможи, испорчены, то князь должен уметь приноравливаться к их дурным наклонностям, и при таких условиях государственной жизни добрые дела пагубны». В 6-й же главе III книги «Discorsi» Макиавелли говорит, что мысль об измене и не может прийти в голову гражданам неиспорченной республики, где безнравственные правила вообще неприменимы. Мысль, что злые поступки сами себя наказуют в республике, Макиавелли очень подробно развивает в 6-й главе III книги «Discorsi», где он подтверждает эту мысль целым рядом примеров из римской истории. «Злой гражданин, — говорит он в этой главе, — не может творить зла в неиспорченной республике... И если бы Манлий жил во времена Мария и Суллы, когда общество было уже испорчено, мог придать ему форму, наиболее соответствовавшую его тщеславию, то он достиг бы тех же самых результатов, как Марий и Сулла. И наоборот, если Марий и Сулла жили бы во времена Манлия, то их замыслы в самом зачатке встретили бы непреодолимые препятствия». В неиспорченной республике нет, таким образом, не только повода прибегать к безнравственным средствам, но самая возможность их исключена условиями общественной жизни. Правило «цель освящает средства» неприменимо в таком благоустроенном государстве; и политик, следующий этому правилу, поступает не только безнравственно, но и неблагоразумно. Если в эпохи общественных кризисов государственные люди вынуждены действовать по этому правилу, то при нормальном течении общественной жизни всякий незаконный поступок, если он даже предпринимается во имя общего блага, может нанести неисцелимый вред государству. «Между установлениями республики, — говорит Макиавелли, — должно быть и такое учреждение, которое следило бы за тем, чтобы граждане под предлогом добра не могли бы творить зла, и чтобы они пользовались лишь такою сте-

пенью авторитета, который был бы полезен, а не вреден свободе»^{404*}. «Республика, — говорит Макиавелли в другом месте, — должна быть устроена таким образом, что исключала бы необходимость в исключительных мерах. Если исключительная мера и принесла бы временную пользу, то пример подействовал бы дурно, ибо был бы введен обычай для хорошей цели нарушать учреждения, которые могли бы под тем же предлогом быть нарушены ради дурной цели»^{405*}.

Современные ученые, возмущающиеся безнравственностью политической доктрины Макиавелли, выставляют, однако, рассуждая об отношении политики к морали, те же самые положения, которые излагает и автор «Князя», и с которыми мы только что познакомились. И они учат, что цели политики не должны противоречить морали, но что государственные люди, преследуя эти цели, вынуждены нередко прибегать к средствам, несогласным с предписаниями абсолютной морали.

Но современные ученые не подкрепляют этих положений теми доводами, которые приводит Макиавелли в подтверждение своего воззрения на отношение политики к морали. И это различие в аргументации объясняется тем, что новейшие ученые являются приверженцами телеологического миросозерцания, между тем как Макиавелли отрицает целесообразность мирового порядка. Автор «Князя» оправдывает безнравственные средства в политике несовершенством общественного порядка, отсутствием законных средств к достижению необходимых целей общежития. Современные же ученые, верующие в целесообразность всего существующего, вынуждены прибегать к самым отчаянным уловкам, чтобы объяснить факт, не вяжущийся с их миросозерцанием.

Мир, по учению телеологов, есть создание разумного существа, устроившего вселенную в виду известной цели и согласно с этой целью. В этом мире нет ничего случайного, и каждое явление есть необходимая составная часть мирового плана и предназначено служить конечной цели мироздания. Но если в мире все разумно и целесообразно и во всем проявляется разумность Творца, то и самое зло должно быть добром и содействовать осуществлению предначертанного изначала плана. Такое объяснение зла есть необходимое последствие телеологического миросозерцания, для которого все, что существует, разумно, и которое поэтому должно преклоняться перед злом и видеть в нем необходимый элемент целесообразного порядка. Если Макиавелли отрицает разумность

^{404*} Discorsi. Кн. I. Гл. 43.

^{405*} Там же. Кн. I. Гл. 37.

мироздания и видит в государстве учреждение, созданное людьми для борьбы против зла и способное до известной степени смягчить людские страдания, то политики-телеологи объясняют необходимость прибегать к безнравственным средствам служебную ролью зла в мировом порядке. Блунчли, например, следующими рассуждениями старается оправдать безнравственные средства в политике: зло, по его учению, имеет в мире лишь преходящее значение. Оно есть необходимая составная часть нравственного порядка и существует лишь для того, чтобы содействовать торжеству добродетели. В этом смысле можно говорить о дурных средствах, служащих благим целям. Проступок отдельного лица осуждается частной моралью; рассмотренный же в связи с общим ходом политического развития, он нередко выступает перед нами необходимым звеном в общей цепи событий, содействовавших усовершенствованию государственной жизни. И, рассмотренный с этой точки зрения, он перестает быть злом и становится добром. Как Творец, управляя миром, не может обойтись без человеческих страстей, так и руководители государств должны уметь пользоваться ими в интересах общежития^{406*}. Нельзя поэтому требовать от государственного человека, чтобы он безусловно отказался от средств, осуждаемых моралью. И такое объяснение отношения средств к целям оправдывает и общественное мнение, которое возмущается убийством Генриха IV и Линкольна и чтит память Юдифи и Шарлотты Корде. К этим гражданским подвигам оно, очевидно, применяет изречение Спинозы, сказавшего, что нужно убивать тирана, как бешеную собаку^{407*}.

Эти рассуждения Блунчли лишены всякого научного обоснования и суть не что иное, как философские размышления *ad hoc*¹⁰⁹⁾. Он не развивает их ни в своем учении о государстве, ни в своей политике, и они остаются безо всяких последствий для разрешения им отдельных вопросов практической политики. Если Макиавелли точно определяет те случаи, в которых жестокие и суровые меры необходимы, то туманные рассуждения Блунчли, расплывающиеся в общих фразах о зле, содействующем торжеству добра, не в состоянии служить политику надежным руководством для разрешения отдельных случаев практической жизни и предоставляют широкий простор личному произволу. Служебным значением зла можно оправдать любой безнравственный поступок, и ни один политик не в состоянии возвыситься на

^{406*} *Blunschli*. Die Lehre vom modernen Staat. Bd. III. Politik als Wissenschaft. S. 17—18.

^{407*} *Ibid*. S. 21.

ту заоблачную точку зрения, с высоты которой он мог бы окинуть взором весь мировой порядок и определить, является ли данная политическая мера необходимым звеном в общей цепи предусмотренного Творцом мирового порядка. Блунчли как бы и сам признает эту невозможность и предоставляет всемирной истории быть судьей безнравственных мер в политике. Блунчли не определяет, в чем заключается нравственный порядок, он и не развивает нам своего взгляда на сущность морали, и мы напрасно стали бы искать в его книге ответа на вопрос, в чем заключается мерило нравственности. Он говорит нам, что политическое преступление осуждается частной моралью, рассмотренное же в связи с общим ходом народного развития нередко обнаруживается добром. Но если известный поступок является необходимым требованием нравственного порядка и содействует торжеству добра, то на каком основании лицо, совершивши этот поступок, заслуживает порицания, и кто дает нам право делать его ответственным за этот поступок? Одно из двух: или мерило нравственности — «усовершенствование целого», и тогда нельзя считать поступок, содействующий этому усовершенствованию, злом, или мерилom нравственности является другое начало, и тогда поступок, не подходящий под это мерило, всегда останется злом, какие бы последствия он не имел. Блунчли оправдывает политика, который не руководствуется правилами абсолютной морали, обязательными для частного человека, тем, что политик вынужден действовать через людей и на людей и должен поэтому иметь в виду не идеального человека, а считаться с недостатками людей и уметь стать на средний уровень народной нравственности, между тем как частный человек может вести созерцательную жизнь, удалиться от соблазнов суеты и углубиться в самого себя. Если, таким образом, по воззрению Блунчли, человек может соблюдать строгие правила абсолютной морали, лишь ведя жизнь отшельника, а деятельность среди людей вынуждает политика приравниваться к нравственному уровню большинства, то непонятно, почему нельзя на том же основании оправдывать безнравственные поступки частных лиц, вынужденных действовать на поприще практической деятельности. Не один только политик действует на людей и через людей, но и всякий человек, не удовлетворяющийся жизнью отшельника. А если деятельность через людей вынуждает политика смягчать строгие правила морали, то такие же уступки должны быть дозволены и частному человеку.

Иначе объясняет отношение политики к нравственности Чичерин¹¹⁰⁾, который формулирует свое мнение следующим образом.

Политику невозможно подвести под точку зрения безусловной нравственности, точно так же как нельзя приложить к государству начал абсолютного права. Над тем и другим господствует высшая цель политической жизни — общее благо. Эта цель сама по себе есть начало нравственное, но она не всегда может быть достигнута безукоризненными средствами. От частного человека можно требовать, чтобы поступки его были безупречны, ибо цель, которую он себе полагает, личное счастье, не есть неперемнная и необходимая, она должна подчиняться высшим требованиям. Частный человек должен жертвовать своим счастьем своему личному достоинству. Но благоденствие народа нельзя приносить в жертву абсолютной строгости нравственных правил. В политике верховный закон есть общее благо (*salus populi suprema lex*)⁴⁰⁸; для спасения отечества приходится иногда жертвовать всем. Правитель не может уклониться от деятельности; он обязан управлять государством, избирая тот путь, который возможен. А так как цель необходимо должна быть достигнута, то дозволительно в случае крайности употреблять и такие средства, которые не оправдываются нравственностью. Здесь является столкновение двух начал, при котором нравственный закон не может иметь притязания на безусловное владычество^{408*}.

Основное положение этих рассуждений сводится к тому, что благо государства есть цель неперемнная и необходимая, перед которой должны отступать нравственные соображения. Но благо государства не есть абсолютная цель, и правило «*salus populi suprema lex*» есть лишь правило относительное. Государство имеет право на существование лишь при известных условиях. Государство, лишенное жизненной силы и прозябающее лишь по милости своих соседей, или препятствующее объединению национальности, способной образовать самостоятельное политическое тело, — такое государство служит^{409*} лишь помехою естественному ходу политического развития. На наших глазах рушился целый ряд государств, и никто не станет осуждать политических движений, которые стерли с лица земли мелкие итальянские и немецкие государства. Сохранение государства есть желательная цель лишь постольку, поскольку оно удовлетворяет интересам граждан, ради защиты которых оно существует, и поскольку оно является необходимым предположением их благосостояния. Если же во имя общего блага дозволительно прибегать к безнравственным средствам, то не потому, что благо государства есть цель не-

^{408*} Чичерин. История политических учений. Т. I. С. 313¹¹²).

^{409*} Holtzendorf. Principien der Politik. S. 160.

обходимая, а лишь ввиду того соображения, что добро, достигаемое безнравственными средствами, перевешивает зло, причиняемое ими. Тут применяется правило Макиавелли, что из двух зол должно выбирать меньшее. Безнравственные средства всегда зло и остаются злом и тогда, когда принимаются во имя общего блага, но это зло не так велико, как губительные последствия политики, не решающейся ввиду нравственных соображений прибегать к средствам, необходимым для спасения государства, являющегося необходимым предположением наиболее жизненных интересов народа.

Но если это так, если во имя общего блага дозволительно жертвовать нравственными соображениями лишь потому, что целью такой жертвы может быть куплено благо народа, перевешивающее нарушение интересов отдельных лиц, то почему, спрашивается, это соображение пользы применимо лишь в области общественной жизни и не способно оправдать безнравственных поступков частных лиц? Если уж раз стать на точку зрения пользы, то непонятно, почему эта точка зрения уместна лишь в политике. И в области частной жизни существуют такие же необходимые цели, как и в политике, ради достижения которых, став раз на точку зрения пользы, можно оправдать известные средства, несогласные со строгими правилами морали: то, что спасение государства для народа, то может быть, например, для семьи сохранение жизни отца, который кормит и поит ее. Тут, очевидно, вопрос о дозволительности безнравственных средств сводится к вопросу о степени важности тех целей, во имя которых прибегают к безнравственным средствам, и непоследовательно утверждать, что такие цели существуют только в политике.

Эти рассуждения сглаживают, таким образом, всякое различие между частной и общественной моралью и узаконивают и в области частной жизни опасное правило «цель освящает средства».

С точки же зрения учения Макиавелли о нравственности это различие имеет другое обоснование, которое не только объясняет факт этого различия, но и вполне вяжется с воззрением автора «Князя» на происхождение и сущность морали.

Нравственность есть такое же историческое явление, как государство и религия. Она вызвана потребностями общежития и складывается под влиянием условий общественной жизни. А так как эти потребности и условия не остаются неизменными везде и всегда, то и содержание нравственных правил не одинаково у всех народов и во все времена.

Но и у одного и того же народа нравственные понятия не всегда совпадают, и различные общественные группы исповедуют различные правила морали.

Все граждане должны служить общему благу, но они содействуют ему неодинаковым образом и служат ему на различных поприщах. На всех гражданах лежат поэтому общие всем обязанности, но они, кроме того, имеют еще особенные обязанности, обуславливающиеся их особым положением в государстве. В отдельных общественных группах слагаются особые нравственные правила и прививаются людям особенные нравственные качества, которые являются необходимым предположением той деятельности, к которой они привязаны. Смелость и храбрость суть качества, которые высоко ценятся в военном сословии, смирение же и милосердие являются украшениями служителей Церкви. Хитрость в сношениях с товарищами возмущает нас, торговый же человек, прибегающий к хитрости, не всегда и не при всех обстоятельствах осуждается членами своего сословия. Безусловное послушание — правило, которому обязаны подчиняться как члены военного сословия, так и члены монастырской общины, но слепое послушание на других поприщах общественной деятельности может вырождаться в порок, осуждаемый общественным мнением. Цель нравственных правил — регулировать отношения между людьми согласно общему благу — видоизменяется, специализируется и получает особое содержание в отдельных общественных кругах. Для большинства людей высшее мерило нравственности поступков не представляется в отвлеченной формуле общего блага; это мерило получает более определенное, более конкретное содержание, которое обуславливается той ближайшей обстановкой, среди которой вращается человек, и той ближайшей целью, которая направляет его деятельность. Лишь меньшинство сознает высшее начало нравственности и умеет прилагать его к отдельным частным случаям, большинству же это начало представляется в его частном применении к той среде и к той сфере деятельности, в которую его поставило его общественное положение.

Этим различием нравственных правил и понятий в различных общественных кругах и в различных сферах деятельности объясняется различие между частной и общественной моралью. Как для частного человека, так и для политика мерило нравственности — общее благо, но правила, вытекающие для государственного деятеля из этого начала, не совпадают с нравственными правилами, обязательными для частного человека, и это различие объясняется тем, что цели и условия деятельности политика не

совпадают с целями и условиями деятельности частного человека.

Различие в образе действия частного человека и политика обуславливается и тем, что сфера частных отношений подчинена общим правилам, между тем как область политики еще ждет своего законодателя. Мы сказали выше, что нравственные цели, по воззрению Макиавелли, могут быть достигнуты нравственными средствами лишь в целесообразном порядке, т. е. там, где общественная жизнь устроена таким образом, что каждый может защищать свои интересы, не мешая и другим достигать того же, другими словами, где целям общежития соответствуют и законные средства. Область политики далеко еще не является таким целесообразным порядком, между тем как в частной жизни общественный порядок расчистил всякому путь к достижению законных целей существования. И вот почему мы осуждаем частного человека, не избирающего этих путей, и оправдываем политика, который, не находя протоптанных путей, вынужден для достижения своих целей прибегать к исключительным мерам.

Но Макиавелли, не осуждая политика, прибегающего во имя общего блага к небезупречным средствам, тем не менее не оправдывает его с точки зрения нравственной. Нравственно поступает, по его воззрению, не тот, кто в каждом отдельном случае рассчитывает последствия своих поступков и согласует их с общим благом, а тот, кто подчиняется нравственному *правилу* как таковому. Вот почему с точки зрения Макиавелли убийство тирана, оправдываемое Блунчли требованиями нравственного порядка, остается всегда и при всех условиях преступлением, ибо такой самосуд никогда не может быть возведен в общее правило; убийство же врага на поле битвы оправдывается нравственностью, ибо убийство при таких условиях — общее правило, освященное международными обычаями.

V. УТИЛИТАРИЗМ

Макиавелли первый из писателей нового времени объяснил происхождение нравственных понятий эгоистической природой человека и внешними условиями общественной жизни. Основные положения утилитаризма, прежде чем в защиту их выступили Гельвеций, Гольбах, Бентам, были провозглашены Макиавелли, которого и должно считать отцом моральных теорий, защищаемых в наше время последователями Конта. Между учением Ма-

киавелли, утилитаризмом XVIII в. и позитивизмом XIX в. существует несомненная преемственная связь.

Гельвеций, Гольбах, Бентам, Милль, Клавель отрицают самобытность нравственных начал и учат, что моральные понятия не врождены человеку, а привиты ему жизнью в обществе. Эти основные положения утилитаризма выставляет и Макиавелли, но и в дальнейшем развитии этих положений утилитаристы повторяют мысли, впервые высказанные автором «Князя».

Писатели XVIII и XIX вв., отрицающие самобытность нравственных понятий, видят в эгоизме отличительную черту человеческой природы. По их воззрениям, личный интерес является исключительным мотивом человеческих поступков; способность же сдерживать эгоистические влечения прививается людям лишь жизнью в обществе. Этот взгляд на природу человека впервые высказал Макиавелли, который объясняет эгоизмом все явления нравственного и общественного порядка.

Утилитаристы приписывают условиям государственной жизни преобладающее влияние на нравственный склад народа. Признавая в нравственности совокупность правил, сдерживающих эгоистические влечения и регулирующих отношения между людьми по началу общего блага, они видят в деспотизме главное препятствие развитию здравых нравственных понятий и учат, что свободная форма правления является условием, наиболее содействующим развитию в людях способности уважать чужие интересы и соотносить свои поступки с интересами целого. Это положение утилитаризма лежит и в основании политического учения Макиавелли и определяет его взгляд на республику как на наилучшую форму правления. Эту излюбленную мысль Макиавелли особенно подробно развивает Гельвеций, подкрепляющий свои рассуждения на эту тему теми же самыми доводами, которыми и Макиавелли подтверждает свой взгляд на республику как на государственную форму, наиболее благоприятствующую развитию гражданских добродетелей. Гольбах приписывает абсолютному образу правления развращающее влияние на нравы и видит в нем главную причину того хаоса в нравственных понятиях, который господствует в современном обществе. Милль высказывает тот же взгляд; из современных же ученых Клавель особенно настойчиво повторяет мысли Макиавелли, так красноречиво высказанные им во 2-й главе II книги «Discorsi».

Положения Макиавелли, что здравые нравственные понятия могут сложиться лишь там, где государство богато, а граждане бедны, мы встречаем и у Гельвеция, Милля и Клавеля.

Изложение утилитарных теорий, к которому мы теперь приступаем, еще нагляднее выяснит читателям ту преемственную связь, которая существует между учением Макиавелли и нравственными теориями утилитаризма, и даст нам точки опоры для оценки воззрений Макиавелли на происхождение и сущность морали.

1. Гельвеций

Единственными пружинами человеческой деятельности служат страсти, имеющие своим источником физические потребности. И пока человек жил вне общества, он не знал иных страстей, кроме тех, которые были направлены на удовлетворение нужд и потребностей, данных ему непосредственно природой. Голод, жажда, половое влечение были единственными пружинами его деятельности, и он был счастлив, когда эти его чувственные наслаждения были удовлетворены, и страдал, когда его мучили жажда, голод и холод. Злом он называл все то, что лишало его чувственных наслаждений, и добром все то, что доставляло ему эти наслаждения ^{410*}. С возникновением же общества возникли в человеке и новые страсти.

Чувственные наслаждения в догосударственном быту были наслаждениями мимолетными, зависевшими от случайных условий. Государственный же быт наделяет человека средствами, с помощью которых он может закрепить за собою блага, служащие удовлетворению его физических потребностей. Стремление к завоеванию себе этих средств и порождает в человеке новые страсти; он делается корыстолюбивым, тщеславным, властолюбивым. Но человек ищет богатства не ради богатства, власти не ради власти, а дорожит этими благами лишь как средствами, обеспечивающими ему удовлетворение физических потребностей. Лишь впоследствии он перестает видеть в них средства к цели, и власть и богатство делаются для него благами, желательными сами по себе. В государстве, таким образом, предметы человеческих желаний увеличиваются и усложняются, страсти изоощряются и растут, источник же их остается все тот же — потребности физической природы. В удовлетворении этих потребностей и нужд заключается личный интерес, который и является единственным мотивом человеческих поступков ^{411*}.

Как физический мир подчинен закону движения, так и в мире нравственном все явления и изменения сводятся к одной причи-

^{410*} *Helvetius. De l'Esprit Discours. D. III. Ch. 9.*

^{411*} *Ibid. D. III. Ch. 9—13.*

не — личному интересу. Интерес создал всю совокупность явлений, которые мы сводим под понятие нравственного мира, ему мы обязаны всеми нашими моральными понятиями, он направляет нашу деятельность, создает, поддерживает и разрушает общества и государства ^{412*}.

Интерес служит человеку не только мотивом всех его поступков, но и определяет все его суждения. Человек называет честным лишь то действие, из которого он может извлечь себе выгоду, нравственными лишь тех людей, деятельность которых ему полезна ^{413*}. И как отдельный человек руководствуется лишь личным интересом, так и общественные круги судят о поступках людей лишь с точки зрения своих интересов. Они считают честным все то, что полезно им, и называют пороком все то, что наносит им вред ^{414*}. И государство восхваляет лишь тех людей, которые служат его интересам, и ценит лишь те поступки, из которых оно может извлечь выгоду ^{415*}.

Понятно, что эти суждения отдельных лиц, общественных кругов, государства не могут совпадать друг с другом. Поступок, полезный отдельному человеку, противоречит нередко интересам общественного круга и наносит вред государству. И наоборот, подвиг гражданина может задеть интересы того и другого сословия; слава государственного человека, заслужившего благодарность государства, куплена нередко дорогою ценою и стоит жертв, разрушивших благосостояние и счастье немалого количества людей.

Мерило пользы, таким образом, крайне изменчиво, один и тот же поступок может считаться честным и бесчестным, смотря по тому, кто прилагает к нему свое мерило. Но и индивидуальный интерес не понимается всеми одинаково. Все зависит тут от той обстановки, среди которой вращается человек. Воспитание, общественные предрассудки, случайные впечатления, индивидуальные вкусы заставляют одного человека видеть пользу в том, в чем другой, выросший среди иной обстановки, видит вред ^{416*}.

Мотив всех человеческих действий один и тот же — личный интерес, но понимание этого интереса далеко не одинаково и зависит от внешних условий, влияющих на образ мыслей людей.

^{412*} *Helvetius*. De l'Esprit Discours. D. II. Ch. 2, 7.

^{413*} *Ibid.* D. II. Ch. 2.

^{414*} *Ibid.* D. II. Ch. 5.

^{415*} *Ibid.* D. II. Ch. 8—9.

^{416*} *Ibid.* D. II. Ch. 7.

Как различны и изменчивы эти условия, так же различны и изменчивы суждения о пользе и вреде поступков.

Если это так, то очевидно, что личный интерес не может служить мерилom нравственности. Этим мерилom является общая польза, обнимающая все частные интересы и примиряющая противоречивые стремления^{417*}.

Но большинство людей не руководствуется ни в своих поступках, ни в своих суждениях началом общего блага, а имеет в виду исключительно личный интерес. Люди в большинстве случаев замыкаются в круг своих частных интересов, их нравственные понятия заражены теми предвзятыми мнениями и взглядами, которыми пропитана их ближайшая общественная среда, и они умеют ценить лишь то, что доставляет им непосредственные наслаждения. Они не способны возвыситься над предрассудками своей среды и обнять всю совокупность общественных отношений, раскрывающих соответствие между частными интересами и интересами целого.

Дабы люди признавали в общей пользе мерило своих поступков, необходим целый ряд условий, и задача законодательства — создать эти условия^{418*}.

Лишь просвещенный разум, свободный от предрассудков, способен постигнуть соответствие между частным интересом и интересом общим и понять, какие поступки служат общему благу. Человек невежественный и слабоумный может быть воодушевлен прекрасными намерениями, но он всегда окажется неспособным осуществить свои намерения и изыскать путь к добродетели. Просвещение есть поэтому одно из важнейших условий, содействующих развитию нравственности, и задача государства — бороться с невежеством толпы, просвещать ее, проповедовать ей истинные правила морали и устранять все те общественные элементы, которые видят в невежестве опору своей власти и своего влияния^{419*}.

Но дабы человек следовал правилам нравственности, недостаточно, чтобы он знал и ценил их, необходимо также, чтобы он был вынужден следовать им.

Мы знаем, что единственными пружинами человеческих поступков служат страсти. Страсти — не зло, напротив, чем сильнее в человеке страсть, тем он способнее бороться с трудностями и препятствиями, тормозящими его деятельность, тем энергич-

^{417*} Ibid. D. II. Ch. 6, 11, 13—14.

^{418*} Ibid. D. II. Ch. 15—16, 23, 24.

^{419*} Ibid. D. II. Ch. 16, 24.

нее и плодотворнее эта деятельность. Человек бесстрастный, если он и умеет отличать добро от зла, не способен приносить действительную пользу государству, ибо служение государству предполагает воодушевление и смелость, человек же бесстрастный не имеет ни того, ни другого. Он избирает протоптанные пути, мыслит чужими мыслями и умеет лишь плыть по течению. Полет мысли, смелость и самостоятельность в решениях, отвага и неустрашимость в действиях, умение безотчетно отдаваться идее, пренебрежение предрассудками — все это дается лишь человеку, в котором загорелась сильная страсть. Страсть — это тот рычаг, который двигает человеком и воодушевляет его к великим подвигам. Не будь страстей — человечество остановилось бы в своем развитии^{420*}. Государство не должно поэтому заглушать страстей, а лишь направлять их на благую цель. Государство должно быть организовано таким образом, чтобы необходимость заставляла людей быть добродетельными, и чтобы они, побуждаемые личным интересом, служили интересу целого^{421*}.

Очевидно, что в деспотическом государстве это невозможно. В государстве, где власть покоится в руках абсолютного монарха, где государственными делами заведуют слуги и клевреты, где народ исключен из всякого участия в политической жизни, где интересы властителя противоречат интересам целого, в таком государстве ни угнетатели, ни угнетенные не имеют понятия об общем благе и о своих обязанностях. Слуги деспота стараются лишь угодить капризам и вкусам своего повелителя, подданные преследуют лишь свои частные интересы, и вся их деятельность исчерпывается заботой о своих личных нуждах: черствый, узкий эгоизм господствует во всех слоях угнетенного народа. Дабы следовать правилам нравственности, вытекающим из начал общего блага, надо иметь ясное представление об этих правилах. Такое ясное представление доступно лишь людям просвещенным. Деспотическое же государство не терпит просвещения. Невежество народа — самая надежная опора деспотизма: в такой абсолютной монархии мысль, ничем не возбуждаемая, гложет, общая апатия и лень расслабляет умственные силы, и сон, глубокий сон — удел народа, лишенного политической свободы.

Только в свободном государстве, где граждане признают над собою лишь одного владыку — закон, где все по мере сил и способностей принимают участие в политической жизни, где общественная деятельность — не угождение вкусам и прихотям дес-

^{420*} *Helvetius*. De l'Esprit Discours. D. III. Ch. 7.

^{421*} *Ibid.* D. III. Ch. 16, 18, 25; d. II. Ch. 21.

пота, а служение государству, хранителю и защитнику интересов всех, лишь в таком государстве граждане имеют ясное представление о своих обязанностях и признают в общем благе высшее мерило своих поступков. Если в несвободном государстве добродетельный человек — предмет насмешек или сожаления, и честное служение общему благу навлекает на него лишь подозрение власть имущих, то в свободном государстве путь добра открыт всякому, и добродетель вознаграждается по заслугам ^{422*}.

Но не только политические условия, но и экономическая обстановка содействует развитию добродетели.

В государстве, в котором законодательство не предупреждает накопление богатств в руках немногих, развивается алчность и пренебрежение идеальными благами. Граждане, гоняясь за материальными выгодами, предпочитают непосредственные чувственные наслаждения тем отдаленным благам, которые сулит им честное общественное служение. В государстве же, где граждане бедны, потребности их ограничены, а умеренность в желаниях делает их недоступными подкупам, и никакие обещания, как бы соблазнительны они ни были, не в силах совратить их с пути добра, общественные интересы перевешивают интересы частные, и граждане воодушевлены лишь одним стремлением — по мере сил и способностей служить своему отечеству и народу ^{423*}.

2. Гольбах

Человек не имеет врожденных нравственных понятий. Этими понятиями вооружает его лишь опыт: они являются, с одной стороны, результатом размышлений человека над тем, что ему полезно и что ему вредно, с другой — прививаются ему воспитанием и той общественной средой, в которой онращается. Эти понятия очень сложны и разнообразны и далеко не одинаковы у всех людей. Но это различие обусловливается различием тех внешних условий, среди которых рождаются и развиваются люди; источник же нравственных понятий у всех людей один и тот же — чувство самосохранения. Это чувство заставляет человека обставлять себя условиями, содействующими сохранению и развитию его сил и способностей, и создать себе среду, обеспечивающую ему мирное существование. Чувству самосохранения человек обязан всеми своими нравственными понятиями и всеми теми учреждениями, которые сделали из него существо высшего порядка. Под напором этого чувства человек избегает всего того, что может со-

^{422*} Ibid. D. III. Ch. 18—22.

^{423*} Ibid. D. III. Ch. 23—24.

кратить его жизнь, умалить его способности и силы, и ищет всего того, что содействует сохранению и развитию его сил. Все предметы окружающего его мира для него или предметы желания, или предметы отвращения. И эти чувства отвращения и желания определяют все его суждения: он считает добром то, что ему полезно, и злом то, что ему вредно. Постоянное искание пользы и боязнь вредного развивает в человеке понятие такого состояния, которое отдалило бы от него все предметы отвращения и дало бы его чувству самосохранения полное удовлетворение. Человек называет такое состояние счастьем, и это счастье является целью всех его желаний и стремлений. Стремление человека к счастью так же законно и необходимо, как и то чувство самосохранения, из которого оно проистекает; человек, стремясь к счастью, подчиняется закону, который управляет миром и перед которым преклоняются все твари ^{424*}.

Счастье как цель человеческого существования и является мерилom нравственности. Нравственно все то, что содействует человеческому счастью, безнравственно все то, что ему противоречит. Величайшие добродетели суть те, которые представляют человеку наибольшие и наипрочнейшие выгоды, величайшие же пороки те, которые нарушают человеческое счастье и общественный порядок, являющийся необходимым предположением этого счастья. Нравственные же обязанности суть те средства, которые ведут к цели нашего существования, т. е. содействуют нашему счастью ^{425*}.

Но в чем заключается счастье?

Чувство самосохранения заставляет нас лишь инстинктивно избегать страданий и искать удовольствий, опыт же, руководимый разумом, указывает нам те правила, соблюдая которые, мы можем достигать цели нашего существования ^{426*}.

Опыт показывает нам, что счастье заключается не в мимолетных и преходящих удовольствиях, а в таком состоянии, которое обеспечивает человеку прочное довольство, независимое от случайного стечения обстоятельств.

Нельзя назвать счастливым и того человека, все желания которого удовлетворены. Насыщенность земными благами притупляет человеческие чувства и лишает их восприимчивости. Апатия и равнодушие — необходимые последствия обстановки, предупреждающей все желания и прихоти человека. Дабы обла-

^{424*} *Holbach*. *Système de la nature*. P. I. Ch. 6, 9, 15.

^{425*} *Ibid*. P. I. Ch. 9, 15.

^{426*} *Ibid*. P. I. Ch. 15—16.

дание земными благами доставляло нам удовольствие, необходимо, чтобы они не переставали быть для нас предметами желаний; воздержание и лишения научают нас дорожить ими, для человека же, избалованного судьбою, земные блага теряют свою привлекательность.

Мы ценим удовольствие лишь тогда, когда завоевали его себе настойчивым трудом, удовольствия же, которыми наделяет нас судьба, не требуя от нас усилия, теряют свою привлекательность. Настойчивая деятельность для нас такая же потребность, как и то удовольствие, которое мы ею завоевали. Удовольствие, которому не предшествует труд, имеет для нас такую же цену, как и бесплодный труд.

Чем сильнее испытываемые нами удовольствия, тем они скоротечнее. Мы должны поэтому избегать сильных ощущений, которые доставляют нам лишь мимолетные удовольствия.

Итак, счастье заключается не в насыщенности земными благами, не в непрерывности удовольствий, а в удовольствиях, сменяющихся лишениями и воздержанием, в умении трудиться и ограничивать свои желания^{427*}.

Человек, сознавая свою немощь собственными усилиями обеспечить себе все те блага, которые необходимы для его счастья, обращается за помощью к своим ближним. Но он знает, что может рассчитывать на чужую помощь лишь под условием взаимности: стремление к счастью обязывает, таким образом, человека заботиться о счастье себе подобных, иметь в виду не только свою выгоду, но и пользу своих сограждан и приобретать их расположение честным служением их интересам. Добродетель есть поэтому не что иное, как умение быть счастливым счастьем других. И добродетелен тот человек, который содействует счастью людей, способных отплатить ему за услуги^{428*}.

Итак, цель человеческого существования налагает на человека целый ряд обязанностей к себе и к своим ближним, и лишь свято соблюдая эти обязанности, человек может достигнуть счастья. Как цель человеческого существования не есть произвольная цель, а коренится в самой природе человека, обуславливаясь чувством самосохранения, так и нравственные обязанности как средства, ведущие к этой цели, не зависят от свободной воли людей и от их личного произвола: нравственность, как и вселенная, основана на необходимости и на вечных отношениях вещей.

^{427*} Ibid. P. I. Ch. 15.

^{428*} Ibid. P. I. Ch. 9, 14—17.

Если бы природа человека не была извращена воспитанием, и общественная жизнь не прививала бы людям ложных понятий о нравственных обязанностях, — люди умели бы отличать добро от зла, и личный интерес побуждал бы их стремиться к прочному, а не обманчивому счастью.

Но современное воспитание и политические условия как бы насильно наталкивают людей на ложный путь.

Религиозное воспитание не признает законности прирожденных человеку влечений, искусственно убивает их и лишает человека полноты сил, которыми так щедро наделила нас природа. Оно отвлекает нас от настоящей цели существования, указывает нам отвлеченные и воображаемые цели, не имеющие ничего общего с нашими потребностями и с требованиями общественной жизни.

Если люди испорчены и злы, то только потому, что ими управляют люди, игнорирующие человеческую природу и не внушающие людям тех правил морали, которые вытекают из естественного порядка вещей. Повсюду мы видим одних несправедливых правителей, равнодушных к своим обязанностям, расслабленных роскошью, испорченных окружающими их льстецами, извращенных произволом и безнаказанностью. Все их внимание поглощено бесплодными войнами или желанием удовлетворить свою ненасытную жадность. Не имея понятия о своих обязанностях, они не заботятся о благосостоянии и просвещении народа. Они награждают пороки, которые им полезны, и наказывают добродетели, которые становятся им поперек дороги. Что же удивительного, если общество, руководимое такими правителями, имеет ложное представление о добре и зле? Современное общественное состояние есть состояние войны правителя против всех и борьба подданных между собою. Сильные мира сего безнаказанно угнетают бедных и слабых, последние же, в свою очередь, открыто или тайно вооружаются против государства и оплачивают злом за зло. Народ повсюду рабствует, и необходимое последствие такого порядка вещей — всеобщая апатия, приниженность, раболепие ^{429*}.

Но если при таких условиях общественной жизни добродетель не ценится и порок торжествует, то что может побуждать человека поступать согласно с предписаниями нравственности?

Добродетель и при таких условиях не остается без вознаграждения, и этим вознаграждением является любовь и уважение честных людей, внутреннее довольство, самоуважение. Добродетель

^{429*} *Holbach. Système de la nature. P. I. Ch. 15.*

тельный человек и не гонится за внешними наградами и похвалами, рассыпаемыми развращенным обществом. Он чуждается этого общества и уединяется в кружок людей, которые умеют ценить и понимать его. И в этой скромной области он делает добро, и любовь близких ему людей, сознание исполненного долга, уважение к собственному достоинству служат ему наградой, которую он не променяет на дешевые и бессмысленные рукоплескания извращенной толпы.

3. Бентам

Человек находится под владычеством двух чувств: чувства удовольствия и чувства страдания: он избегает всего того, что причиняет ему страдания, и ищет удовольствия^{430*}. Язык обозначает мотивы человеческих поступков различными словами, но эти слова суть лишь различные названия для одного и того же стремления — стремления к счастью^{431*}. Нравственная обязанность — слово, придуманное праздными философами, она никогда не служит мотивом поступков людей, для которых самое слово «обязанность» имеет что-то неприятное и отталкивающее. Если человек и поступает иногда согласно с тем, что моралисты называют обязанностью, то лишь тогда, когда его побуждает к этому личный интерес^{432*}. Счастье не есть идеальная, неосуществимая цель, а благо, доступное всем, и всякий сумеет достигнуть его, если только будет разумно стремиться к тому, на что наталкивает его природа. И в самом деле, почему счастье было бы недостижимо? Если даже животные, созданные для человека, имеют притязание на его заботливость, то тем большее внимание люди обязаны оказывать друг другу. И если только каждый будет заботиться о себе и о других, то нет основания отрицать возможность такого состояния, которое обеспечило бы каждому личное счастье. Уже и теперь, несмотря на недостатки в общественном строе, в мире более счастья, чем страдания, человек дорожит жизнью и неохотно расстаётся с нею: самоубийство — явление исключительное^{433*}.

Мотивы всех человеческих поступков одни и те же: все они сводятся к личному интересу; их нельзя ни одобрять, ни порицать: они необходимы. Эти мотивы и не могут поэтому служить

^{430*} *Bentham. Deontology. P. I. Ch. 1—3.*

^{431*} *Ibid. P. I. Ch. 4.*

^{432*} *Ibid. P. I. Ch. 1.*

^{433*} *Ibid. P. I. Ch. 1, 5.*

мерилом нравственности. Нравственность поступка зависит не от его мотива, а от его последствий^{434*}. Нравственно поступает лишь тот, кто верно рассчитывает последствия своих поступков и принимает лишь такие деяния, которые содействуют его счастью, и воздерживается от тех, которые причиняют ему более страдания, чем удовольствия^{435*}. Счастье отдельного лица всегда содействует и счастью других, ибо общий интерес есть не что иное, как сумма частных интересов. В общем счастье мы должны поэтому признать высшее мерило нравственности^{436*}.

Истинная добродетель заключается, во-первых, в содействии нашему личному счастью (личное благоразумие), во-вторых, в содействии счастью других (деятельное благожелание). Личное благоразумие заключается в умении жертвовать ближайшими, но меньшими удовольствиями ради больших, но более отдаленных удовольствий; деятельное же благожелание — в умении жертвовать личными интересами ради интересов других, если эти последние интересы важнее и удовлетворение их увеличивает общий запас счастья. Добродетель поэтому связана с известным усилием, с устранением препятствия, которое имеет своим последствием перевес счастья^{437*}.

Но люди в большинстве случаев, благодаря своей близорукости и неумению предвидеть последствия своих поступков, принимают лишь поступки, которые сулят им непосредственные удовольствия, и не задают себе вопроса, увеличит ли данный поступок общий запас счастья. Нравственные правила нуждаются поэтому в искусственных санкциях. Государственная и общественная жизнь должна обставлять людей условиями, которые облегчали бы им делать расчет последствий своих поступков, и выяснили бы им связь между личным и общим счастьем. Законы должны устанавливать награды за поступки, увеличивающие общий запас счастья, и наказание за деяния, уменьшающие этот запас. Этому воспитанию в людях нравственных понятий должно содействовать и общественное мнение, которое произносит строгий приговор над людьми, не умеющими подчинять свои личные интересы общественной пользе, и ободрять тех, которые содействуют увеличению общего запаса счастья^{438*}.

^{434*} *Bentham*. Deontology. P. I. Ch. 8.

^{435*} *Ibid*. P. I. Ch. 4, 11, 14.

^{436*} *Ibid*. P. I. Ch. 2.

^{437*} *Ibid*. P. I. Ch. 8, 15.

^{438*} *Ibid*. P. I. Ch. 7, 8.

4. Дж. Ст. Милль

Конечная цель человеческого существования — счастье. Под счастьем должно понимать удовольствие и отсутствие страдания, под несчастьем — страдание и отсутствие удовольствия.

Что люди желают счастья — это факт очевидный и общепризнанный.

Но есть ли счастье — единственная цель человеческих стремлений? Очевидно, что нет. Мы видим, что предметами человеческих стремлений являются нередко добродетель, слава, власть, и что люди ищут этих благ так же искренне и так же страстно, как они стремятся к счастью. Но, всматриваясь ближе в мотивы этих желаний, мы увидим, что источник их не что иное, как стремление к счастью.

Счастье не есть отвлеченное представление, а конкретное и многосложное целое, слагающееся из самых разнообразных элементов. Эти элементы суть все те блага, которые могут доставить нам удовольствие. Счастье как отвлеченное нечто никогда не является предметом наших желаний, стремление к счастью выражается в поиске отдельных благ, доставляющих нам удовольствие. Но существует еще целый ряд других предметов, которые мы желаем и которые нельзя причислять к благам, составляющим наше счастье. К таким предметам принадлежат, например, деньги. Деньги сами по себе не могут ни увеличить, ни уменьшить нашего счастья, и люди первоначально дорожат ими лишь как средствами для достижения других желательных благ. Но постепенно представление о деньгах соединяется в нашем разуме с представлением о тех удовольствиях, которые мы доставляем себе с помощью денег. Мы перестаем видеть тогда в деньгах средство к цели, а дорожим ими как благом, желательным самим по себе. Подобной ассоциацией идей объясняется и любовь добродетели ради добродетели, властолюбие, тщеславие и т. п.

Под удовольствием не должно понимать одни чувственные наслаждения, а все то, что человек считает для себя желательным. Удовольствия очень разнообразны и понимаются людьми различно. Это различие обуславливается различием потребностей, и мы видим, что человек неразвитый имеет желания, не совпадающие с потребностями просвещенного человека. Человек просвещенный предпочитает чувственным наслаждениям удовольствия, дорожить которыми его научили его просвещенный ум и развитое нравственное чутье. Человек с просвещенным нравственным чутьем не завидует судьбе узкого эгоиста, если даже этот эгоист и наслаждается полным довольством. Человек с более развитыми

способностями никогда не пожелает возвратиться к состоянию, на которое он смотрит как на низшую ступень человеческого существования. Если его потребности многосложнее и изощреннее, и он должен отказаться от полного их удовлетворения, он тем не менее предпочтет эту неудовлетворенность довольству человека с ограниченными желаниями. Отсюда вытекают два последствия: во-первых, счастье зависит не столько от количества, сколько от качества удовольствий; во-вторых, человек, способный сравнивать высшие удовольствия с низшими, всегда дает предпочтение первым. Мы нашли, таким образом, тот критерий, с помощью которого можно определить, в чем заключается истинное счастье. Этот критерий заключается в том преимуществе, которое дает человек, обладающий опытом и воспитавший в себе способности самопознания и самонаблюдения, известным удовольствиям над другими, принимая во внимание как их количество, так и их качество.

Если счастье — единственная цель человеческого существования, то только в общем счастье и может заключаться высшее мерило нравственности.

Не личная выгода, не целесообразность поступков, т. е. их пригодность служить той или другой цели, являющейся в данное время предметом наших желаний, определяют нравственное достоинство поступков: мы действуем нравственно лишь тогда, когда признаем в общем счастье высшее начало нравственности и согласуем свои поступки с общей пользой.

Нравственные поступки людей не являются результатом расчета. Если человек воздерживается от воровства или убийства, то не потому, что, взвесив возможные последствия таких поступков, приходит к убеждению, что они вредны обществу. Человек, получивший воспитание, вращающийся среди общества, находит уже готовый кодекс правил, которые указывают ему, какие поступки содействуют общей пользе и какие противны ей. Человек вступает в жизнь с очень определенными понятиями добра и зла, привитыми ему воспитанием, личный опыт дает ему случай проверять эти понятия, дополнять и развивать их. И, встречаясь с практическим вопросом о вреде и пользе того или другого поступка, он прилагает к нему уже готовый масштаб.

Но что заставляет человека сообразовать свои поступки с этими нравственными правилами, другими словами, в чем заключается санкция нравственных правил?

Внешняя санкция заключается в надежде приобрести расположение и в боязни навлечь на себя гнев сограждан или Бога. Эти побудительные причины действуют тем неотразимее, чем силь-

нее в нас чувство единения с себе подобными и чем живее в нас любовь к Богу и благоговение перед ним.

Внутренняя санкция заключается в том чувстве, которое мы называем совестью. Совесть не прирожденное, а приобретенное чувство, которое прививается воспитанием и той средой, в которой мы вращаемся, и теми общественными условиями, под влиянием которых слагаются все наши представления. Это чувство никогда не уступит анализу рассудка, ибо коренится в наших социальных симпатиях, в том стремлении к единению с подобными себе, которое с успехами цивилизации все более крепнет в нас. Общественный союз охватывает все существо человека такими неразрывными узами, что он не может мыслить себя иначе, как членом этого союза. И чем более политическая жизнь сглаживает экономическое и политическое неравенство, тем сильнее развивается в людях чувство единения с себе подобными. Развитию этих чувств должны, с своей стороны, содействовать религия, школа, семья, и если все эти факторы соединятся в стремлении к этой общей цели — тогда нравственные правила получают для человека обязательную силу, перед которой склонятся притязания его эгоизма^{439*}.

5. Клавель

Все живое находится в постоянном развитии. Это развитие заключается в том, что органы, отправлявшие свои функции первоначально независимо друг от друга, усложняются, переплетаются и постепенно переходят от изолированности и совместничества к взаимности и солидарности. Эту взаимность мы уже замечаем у растений, у которых корни, листья, цветы и другие органы обмениваются, так сказать, услугами. Эта взаимность переходит в солидарность у животных, повреждение одного из органов которых может повлечь за собою смерть всего организма^{440*}.

Этот закон развития применяется и к различным формам общежития, которые тем развитее, чем более они охватывают сил и чем в большей степени они организованы на началах взаимности и солидарности.

Пока человек живет изолированно, он ничем не отличается от дикого зверя^{441*}. Лишь вступая в общение с себе подобными, он постепенно начинает расширять свой умственный и нравственный кругозор. Первым побуждением к вступлению человека в

^{439*} *Mill. Utilitarianism.*

^{440*} *Clavel. Morale positive. Введение.*

^{441*} *Ibid. P. I. Ch. 2; p. II. Ch. 1.*

общение с себе подобными служит половое влечение. Этот инстинкт кладет основание семье, в которой впервые зарождается антиэгоистическое чувство — альтруизм, заставляющий человека заботиться не только о себе, но и о других. С возникновением семьи образуются замиренные кружки, в которые не проникает борьба за существование и в которых взаимность интересов соединяет людей к совместному труду и к совместной борьбе за существование. Эгоистические инстинкты уравниваются в пределах семьи чувством симпатии. Половое влечение развивается в супружескую любовь, которая распространяется и на остальных домочадцев и порождает любовь родителей к детям, привязанность брата к сестре, уважение детей к отцу, нежность к матери и т. п., целый ряд антиэгоистических чувств, недоступных человеку, живущему вне общества ^{442*}.

Но пока семья не является членом более обширного союза, чувство альтруизма еще крайне неразвито: оно распространяется лишь на членов семьи, связанных единством крови, совместная деятельность направлена лишь на удовлетворение самых элементарных потребностей; язык человека, этот главный фактор интеллектуального развития, ограничивается немногими восклицаниями, которые мы встречаем и у животных; за пределами же семьи человек остается тем же диким зверем, который изо дня в день гонится за добычей и ставит ни во что жизнь своего ближнего ^{443*}.

Лишь когда кочевой быт уступает место оседлому, и семья, разросшаяся в род, переходит в общину земледельческую, наряду с которой возникает впоследствии и община городская, — тогда только развиваются более прочные общественные связи и вместе с ними и более совершенные нравственные понятия.

Люди, соединившись в общину, этим самым отказываются от исключительного преследования своих личных интересов. В общине беспорядочная погоня за добычей уступает место организованному труду. Люди начинают понимать значение разделения труда, взаимного обмена услуг, воздерживаются от произвольных захватов чужого добра и признают друг за другом известную сферу, в которую никто не имеет права безнаказанно вмешиваться. Правильный труд позволяет трудящемуся человеку иметь запасы, он становится бережливым, предусмотрительным, расчетливым. Он вносит порядок в свою домашнюю обстановку, воздерживается от излишеств, требует от своих домочадцев

^{442*} *Clavel*. *Morale positive*. P. II. Ch. 1.

^{443*} *Ibid*. P. I. Ch. 2.

того же. Семейная жизнь дисциплинируется; бережливость, умеренность, трудолюбие считаются добродетелями; праздность, тунеядство, невоздержанность — пороками. Правильная организация труда отражается, таким образом, на семейных и общественных нравах: она смягчает и облагораживает их. Жизнь человека в общине не поглощается одной заботой о насущном хлебе; он имеет досуг, и этот досуг наталкивает его на занятия, которые развивают и изоцряют его умственные способности; беседы в кругу товарищей и друзей позволяют ему обмениваться мыслями и наблюдениями; человеческая речь становится богаче и воспринимает отвлеченные понятия. Опыт не пропадает даром и переходит от поколения к поколению: люди начинают ценить лиц, обладающих им, уважают старость, окружают заботами неспособных к труду по дряхлости лет и видят в них своих естественных наставников и руководителей^{444*}. Члены общины принимают участие в общественной жизни, судят и рядят об общинных делах. Они привыкают думать об интересах, с которыми не связана непосредственно их личная польза, общественная польза становится предметом их забот. Альтруизм сказывается все сильнее и ограничивает эгоизм. Люди, которые первоначально давали полную волю своим страстям и считали себе все дозволенным, признают теперь существование известных правил, уважение к которым сдерживает их эгоистические влечения. Эти правила переходят от поколения к поколению, освящаются преданием и все глубже и глубже врезаются в народную совесть. Их прививает семья, их проповедует школа, с ними встречается человек на каждом шагу своей общественной и частной деятельности. И человек подчиняется им как объективным нормам, независимым от людского произвола^{445*}.

Община представляет собою, однако, ограниченную форму общения и не может обнять всех тех условий, которым современное общество обязано своим развитием. Община, которая не является членом более обширного союза, очень бедна внутренней жизнью. Она является организацией для защиты известного разряда материальных интересов и обнимает население, ведущее одинаковый образ жизни, говорящее одним языком, исповедующее одну религию. Опека правительства, обозревающего небольшой круг своих подвластных, тяготит над общиною; контроль общества вмешивается во все мелочи частной жизни и не дает простора индивидуальному развитию. Свободному исследованию

^{444*} Ibid. P. I. Ch. 2.

^{445*} Ibid. P. I. Ch. 2; p. II. Ch. 1.

и беспрепятственному обмену мыслей, которые преуспевают лишь там, где сталкиваются противоположные интересы и воззрения, нет места в общине. Нигде сила привычки, деспотизм обычая, гнет раз установившихся форм жизни не господствуют так тиранически, как в общине. Религиозная исключительность, политический партикуляризм, контроль общества, опека правительства отражаются и на членах общины и развивают в них узость взглядов, религиозную нетерпимость, пренебрежение интересами лиц, не принадлежащих к общине^{446*}.

Национальность, организовавшаяся в государство, устраняет эти преграды и объединяет лица с различными, а нередко и противоположными интересами в одно политическое целое. И люди, несмотря на различие своих частных интересов, религиозных убеждений, привычек и взглядов, чувствуют себя членами одного целого, гражданами одного государства. Разнообразие и противоположность сталкивающихся и переплетающихся воззрений зарождают дух сомнения, который заставляет человека вдумываться в окружающие его явления; человеческая мысль изощряется, наблюдения и запас сведений расширяются. Человек не преклоняется более перед авторитетом традиций и обычая и следует пути, который ему указывает рассудок. Возникает наука. Религиозная мораль теряет под собой почву. Моральные начала перестают быть для просвещенного человека предписаниями божества, проповедники этих начал — людьми, отмеченными божеством; он не преклоняется более перед тем общественным порядком, который разделяет общество на безгласное стадо и на пастырей, на подчиненных и властителей: политический и религиозный деспотизм возмущают его. Человек начинает понимать, что нравственные начала не лежат вне его, не парят над ним в заоблачной выси, а коренятся в нем самом и составляют лучшую сторону его существа. Он сознает себя нравственной личностью, его самоуверенность, его чувство собственного достоинства крепнут; он и в своем ближнем видит нравственную личность и уважение к себе переносит и на своих сограждан. Как чувство добра, так и чувство прекрасного зарождается в человеке лишь в общении с себе подобными. Но он может сделаться силою, действующей на нравы, лишь в государстве. Чувство прекрасного возбуждается в нас гармонией формы. Там, где такой гармонии не существует, не может развиваться и чувство прекрасного. Гармония же предполагает равновесие и пропорциональность, а то и другое возможно лишь в общежитии, где грубость нравов усту-

^{446*} *Clavel*. *Morale positive*. P. I. Ch. 2.

пила место более мягким и правильным отношениям, где резкие общественные противоположности сгладились, где люди, просвещенные наукою, способны обнять умственным оком все разнообразие общественной жизни и понять ту гармонию и равновесие сил, которые управляют миром. Искусство как продукт общежития, в свою очередь, является фактором, облагораживающим и смягчающим нравы, отвлекающим его от исключительного преследования материальных интересов и научающим его дорожить идеальными благами. Человек, доступный чувству прекрасного, возмущается проявлением грубой силы, в чем бы она ни выражалась, вносит порядок и благообразие в свою частную жизнь и дорожит ими и вне дома. Искусство — великий воспитатель человеческого рода и нередко являлось источником вдохновения для людей, жертвовавших собою ради истины и блага своего народа^{447*}.

Государство не есть последняя возможная форма общения, и нравственные понятия останутся несовершенными, пока государство не объединит союз, обнимающий все человечество. Пока будет существовать национальный эгоизм и грубая сила решать судьбы народов, до тех пор корысть, взаимное недоверие будут проникать и в отношения граждан друг к другу, и человек не будет священен человеку^{448*}.

Цель человека — сохранять и развивать свои силы. Эта цель, указанная человеку законом, управляющим миром, и есть высшее начало нравственности и то мерило, с помощью которого человек отличает добро от зла.

Человек избегает всего того, что умаляет и расслабляет его силы, и стремится к тому, что содействует сохранению и росту его сил, он боится болезней и желает здоровья. Здоровье же и равновесие — понятия соотносительные. Здоровье наше страдает или когда наши силы и способности бездействуют и не находят себе должного применения, или же когда усиленная работа или излишества изнуряют их. Добро заключается, таким образом, в гармонии и равновесии сил, зло же — в неумеренности или излишней воздержанности, или в развитии одной силы в ущерб другой. Но это добро двоякого рода: или благо индивида, или благо нравственной личности. Индивидуальное благо заключается в полноте равновесия сил, которыми обладает человек и вне общества и развитие которых не зависит от социального общения. Человек, заботясь о своем индивидуальном благе, действует исключительно

^{447*} Ibid. P. II. Ch. 3.

^{448*} Ibid. P. II. Ch. 4.

но по инстинкту самосохранения, и этого эгоистического чувства совершенно достаточно для обеспечения ему индивидуального блага. Благо же личности заключается в равновесии сил и способностей, которые прививаются человеку лишь жизнью в обществе. Нравственная личность есть продукт общественной жизни и существо, действующее не только по инстинкту самосохранения, но обязанное своим развитием чувству альтруизма, привитому общественным воспитанием^{449*}.

Наше же предшествующее изложение показало, что эта личность тем развитее, чем в большей степени ее отношения к себе подобным основываются на началах взаимности и солидарности. Мы можем поэтому определить нравственность как совокупность правил, регулирующих деятельность людей на началах взаимности и солидарности. Как эти правила, так и нравственные чувства прививаются нам лишь жизнью в обществе. И они тем развитее, чем совершеннее общественный союз, т. е. чем более он основывается на началах взаимности и солидарности.

Нравственные понятия не вытекают из чувства эгоизма. Пока мы следуем эгоистическим инстинктам, мы стоим на низшей ступени развития и ничем не отличаемся от животного. Лишь с возникновением в нас симпатии к себе подобным в нас зарождаются нравственные понятия, которые становятся тем развитее, чем сильнее в нас сказывается чувство альтруизма. И это чувство, в свою очередь, тем сильнее, чем совершеннее та связь, которая сближает нас с себе подобными^{450*}.

Понятия человека о добре и зле не суть результаты размышления и расчета, а привиты ему общественным воспитанием. Каждого человека, вступающего в жизнь, охватывает атмосфера, пропитанная нравственными понятиями. Он проникается ими, и они заставляют его действовать так, а не иначе. Этот внутренний голос, предписывающий человеку известный образ действия, укоряющий его, когда он изменяет этому образу действия, и заставляющий его чувствовать внутреннее довольство, когда он остается верен ему, — мы называем совестью. Но совесть как осадок чувств, привитых нам воспитанием и средою, не может и не должна служить человеку единственным руководителем. Это чувство слагается под влиянием общественных предрассудков, извращенно нередко односторонним воспитанием и не может ответить на все те вопросы, с которыми приступает к нам практическая жизнь. Просвещенный человек не должен верить в непо-

^{449*} *Clavel*. *Morale positive*. Введение. P. I. Ch. 2; p. I. Ch. 3.

^{450*} *Ibid*. P. I. Ch. 2; P. III. Ch. 2.

грешимость голоса совести и беспрекословно следовать бессознательному нравственному чутью, а сознательно стремиться к нравственному усовершенствованию^{451*}.

VI. КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УЧЕНИЯ МАКИАВЕЛЛИ О НРАВСТВЕННОСТИ

Рассмотренные нами моральные теории можно разделить на две группы: к первой группе должно причислить теории философов XVIII в., ко второй теории позитивистов.

Различие между теми и другими обуславливается тем, что философы XVIII в. не знают исторического развития и строят свои теории, имея в виду абстрактного человека, влечения которого остаются всегда и везде неизменными, между тем как позитивисты видят в нравственном складе человека последствие исторического развития. Как те, так и другие отрицают самобытность нравственных начал, но если, по учению философов XVIII в., нравственные правила суть результат личного расчета отдельных лиц, считающих нравственным все то, что им полезно, а безнравственным все то, что им вредно, то по учению позитивистов, нравственные правила развиваются постепенно и складываются под влиянием потребностей общежития и внешних условий.

По учению утилитаристов XVIII в., мерилom нравственности является личный интерес. Если они и признают в общем благе высшее начало морали, то только потому, что, по их воззрению, общий интерес есть не что иное, как совокупность частных интересов. Они не признают возможности коалиции между частным интересом и интересом общим и учат, что противоречие между общим и частным интересом есть или последствие ложного понимания частного интереса, или неудовлетворительности общественного строя, искусственно создавшего противоположность интересов. Общее благо, как оно понимается рассматриваемыми писателями, служит лишь для проверки той арифметической задачи, которая должна вычислить, в чем заключается личный интерес. Если в итоге этого вычисления получается интерес, совпадающий с интересом общим, то это служит доказательством тому, что в вычисление не вкралось ошибки, и что расчет личного интереса сделан верно.

Но если мерило нравственности — личный интерес, и этот интерес является исключительным мотивом человеческой деятельности, то все поступки людей должны были бы быть нравствен-

^{451*} Ibid. P. III. Ch. 1; p. IV. Ch. 1.

ными. Чем же в таком случае объясняются безнравственные поступки? А тем, отвечают нам утилитаристы, что не всякий способен понимать свою личную пользу, и это ложное понимание личного интереса и есть источник безнравственности. Поступать нравственно — значит уметь верно рассчитывать последствия своих поступков. А этот расчет не по силам отдельному человеку, и государство должно прийти ему на помощь. Государство должно обставлять людей такими условиями, которые прояснили бы им, в чем заключается верно понятый личный интерес, и побуждало бы их действовать согласно с этим интересом.

Итак, утилитаристы XVIII в. отрицают существование общих нравственных правил, которым бы люди подчинялись как объективным началам; они отрицают и существование того внутреннего нравственного чувства, которое заставляет человека инстинктивно избегать зла и стремиться к добру. Такие выводы, игнорирующие несомненные явления психической жизни человека, живущего в обществе, объясняются тем, что эти писатели, не признавая, с одной стороны, самобытности нравственных начал и отрицая, с другой, историческое развитие, вырабатывающее эти начала, были вынуждены отрицать явления, которых не могло объяснить их воззрение на происхождение и сущность морали. Имея в виду лишь абстрактного человека и разделяя заблуждения философов XVIII в., не признававших исторического развития, они должны были отрицать нравственность в смысле исторического явления, слагающегося постепенно, подобно праву и государству. И в этом отношении их теории совпадают с учениями моралистов-стоиков, не признающих влияния внешних условий на нравственный склад человека: как по воззрению стоиков, так и по учению эпикурейцев XVIII в., мерило нравственности остается всегда и везде неизменным. Различие в воззрениях тех и других заключается только в том, что по учению тех, кто признавал независимость морали, это мерило — внутреннее нравственное чувство, прирожденное человеку, между тем как по учению утилитаризма это мерило — личный интерес. Общественная жизнь, по учению утилитаристов, не вырабатывает общих нравственных правил, не перевоспитывает эгоистическую природу человека, а имеет значение лишь в том отношении, что устраняет условия, которые затрудняют верное понимание личной пользы и облегчают людям отличать полезное от вредного.

Этот абстрактный взгляд на человека как на существо, остающееся всегда и везде неизменным, это игнорирование исторического развития и является источником всех тех заблуждений, в которые впадает утилитаризм XVIII в.

Писатели же XIX в., не верующие в самобытность нравственных начал, не отрицают, однако, существования того внутреннего нравственного чувства, которое заставляет человека стремиться к добру и избегать зла, не отрицают и существования общих нравственных правил, которым бы люди подчинялись независимо от каких бы то ни было личных мотивов. Но эти правила и это чувство, по их воззрению, не прирождены человеку, а суть последствия сожителства людей в государстве. Природа, учат они, наделила человека лишь чувством самосохранения, но это чувство научает людей, вступающих в общение с себе подобными, ограничивать свои желания и стремления: люди видят в этом ограничении необходимое условие общежития, дорожить благами которого заставляет их личный интерес. В обществе зарождается антиэгоистическое чувство — альтруизм. Оно растет и крепнет в человеке по мере развития общественных связей и является источником всех тех чувств, которые перевоспитывают эгоистическую природу человека и заглушают исключительное господство своекорыстных влечений. В обществе вырабатываются и известные общие правила, слагающиеся постепенно и воплощающиеся во всем строе общественной жизни. Они регулируют отношения между людьми по началу общего блага и делаются для человека, выросшего в обществе, такими же неотразимыми мотивами, какими являются соображения личной пользы для человека, не знающего общественных связей.

Эти положения, к которым сводится учение позитивистов о нравственности, обезоруживают возражения, которые обыкновенно делаются утилитаризму^{452*}; они не имеют силы и по отношению к воззрениям Макиавелли на мораль, критической оценке которых мы должны посвятить последние страницы настоящего очерка.

Критики утилитаризма утверждают, что исходной точкой моральных теорий, отрицающих самобытность нравственных начал, является не факт, добытый путем наблюдения, а умозрительное начало. Это замечание совершенно справедливо по отношению, например, к теории Бентама, который выставляет стремление людей к счастью аксиомой, не требующей доказательств. Учение же Макиавелли о нравственности есть плод его наблюдений над природой человека, и непримиримые противники его доктрины не могут не отдать ему справедливости в том, что он был глубоким

^{452*} *Lecky. Sittengeschichte Europa's. Bd. I. Гл. 1; Hartmann. Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins. S. 589 и сл.; Чичерин. История политических учений. Т. III. Отд. II. Гл. 4; Отд. IV. Гл. 3.*

знатоком человеческой природы, и что в его воззрении на людские страсти есть много верных и тонких замечаний. И действительно, можно не соглашаться с его пессимистическим взглядом на человеческую природу, но во всяком случае должно признать, что человек, как его нам рисует Макиавелли, — не продукт умозрения, а слепок с натуры.

Другое возражение, делаемое утилитаризму, сводится к тому, что польза как начало постоянно меняющееся и зависящее от субъективного понимания отдельных лиц не может служить надежным мерилom нравственности. Но, по Макиавелли, мерило нравственности не субъективное понимание пользы, а воплотившиеся в общественном строе объективные начала, на страже которых стоит карающий Бог. Макиавелли видит в стеснении личного суждения главное условие нравственного порядка: общественная жизнь должна быть устроена таким образом, чтобы человек находил уже кодекс нравственных правил готовым, и чтобы ему ничего другого не оставалось, как безропотно преклоняться перед авторитетом этих правил.

Критики утилитаризма утверждают, что теории, исходящие из начала пользы, проповедуют и узаконивают эгоизм. Но Макиавелли этого упрека во всяком случае делать нельзя. Он, напротив, признает в эгоизме источник всего того зла, которое преследует человечество, и видит в борьбе против эгоизма главную воспитательную задачу государства. И все его учение есть не что иное, как ряд правил, долженствующих сдерживать эгоистические влечения людей и обуздывать их в интересах общего блага.

Но учение Макиавелли вызывает и другие возражения, которые не столько касаются основных начал его учения, сколько их обоснования и развития.

Между учением Макиавелли о нравственности и его взглядом на природу человека существует непримиримое противоречие. Добродетель заключается, по Макиавелли, в деятельной любви общего блага. Человек же у Макиавелли — узкий эгоист, обуреваемый страстями, лишенный способности воодушевляться идеальными благами, действующий под напором страстей, возбуждаемых случайными впечатлениями. Откуда возьмется у такого человека способность воодушевляться любовью общего блага, служить верою и правдою своему отечеству и видеть в благе целого высшее мерило своих поступков?

Макиавелли возлагает на государство трудную задачу перевоспитания человека. Но эта задача — задача неразрешимая, и причина тому не только человеческая природа, но и те ограниченные воспитательные средства, которыми располагает государство.

Воспитательная деятельность государства сводится к тому, что оно предупреждает и пресекает вредные последствия эгоистических влечений: оно не касается источника зла, а мешает лишь этому злу выступать наружу. Государство Макиавелли не проникает в глубь человека, не прививает ему новых привычек, которые заглушили бы собою эгоистические влечения; в благоустроенном государстве, как его нам рисует Макиавелли, граждане не становятся лучше, а лишь не имеют случая давать воли своим страстям. Человек в государстве остается узким эгоистом, государство лишь связывает его по рукам и ногам и лишает его возможности грешить. Такой педагогический прием мог бы оказать еще некоторое влияние на человека, если бы Макиавелли признавал силу привычки. Но человек, по его воззрению, не имеет прошедшего и живет лишь настоящим: сила привычки не развивает в нем склада мыслей и чувств, которые оставались бы неизменными среди изменчивости внешней обстановки. А если природа человека действительно такова, то и воспитательный труд государства — труд напрасный, и какими бы условиями государство ни обставляло человека, он всегда останется тем же неисправимым эгоистом, каким его создала природа.

Любовь общего блага можно назвать добродетелью лишь в том случае, если она делается устойчивым чувством, независимым от внешних случайных впечатлений. Но Макиавелли сам сознается, что та любовь, на которую способен человек, — чувство совершенно иного рода. Любовь, по его воззрению, есть не что иное, как привязанность, обуславливающаяся личными мотивами, не что иное, как плата за полученные благодеяния; и эта любовь продолжается лишь до тех пор, пока человек испытывает на себе те приятные ощущения, которыми она была вызвана. Вот почему Макиавелли и требует, чтобы государство наделяло граждан благодеяниями, ради которых они могли бы любить государство. Но разве такая любовь, обуславливающаяся полученными благодеяниями и продолжающаяся лишь до тех пор, пока граждане испытывают на себе эти благодеяния, может воодушевлять граждан к подвигам и служить основанием общежития? Разве такая любовь общего блага есть та гражданская добродетель римлян, которую восхваляет Макиавелли и в которой он видит источник величия Рима?

Макиавелли требует, чтобы религия содействовала развитию в людях гражданских добродетелей. Но религия, по Макиавелли, такое же внешнее и искусственное учреждение, как и государство; сущность ее заключается не в проповедуемых ею правилах, а во внешних обрядах. Она воздействует на людей не силою

убеждений, а внешними принудительными средствами. Значение ее сводится к тому, что она окружает носителей власти таинственностью и заставляет народ уважать в них не простых смертных, а избранников божиих, устами которых глаголет божество. Государственная власть, опирающаяся на религию, пользуется большим авторитетом, и народ преклоняется перед издаваемыми ею законами как перед повелениями, исходящими от сверхъестественного существа. Незримое таинственное существо, волю которого провозглашают носители политической власти, возбуждает в людях страх, а страх есть именно то чувство, которым всего легче воздействовать на людей и держать их в повиновении. Религия, по Макиавелли, не что иное, как политическое орудие, должествующее придать повелениям государственной власти бóльший авторитет. Возбуждая в людях страх перед карающей силою божества, она сдерживает дурные страсти и заставляет людей безропотно подчиняться законам гражданского общежития. Религия, таким образом, внутреннего человека не касается, а препятствует лишь дурным страстям выступать наружу^{453*}.

Воззрением Макиавелли на природу человека объясняется и то, что он не признает за воспитанием в семье и школе, за наукою и искусством влияния на нравственный склад человека: эти факторы не могут воздействовать на человека, не умеющего хранить уроки прошедшего и воодушевляться идеальными благами.

Сводя итог всему предшествующему изложению, мы приходим к следующим выводам:

Макиавелли не отрицает нравственности, как утверждают одни писатели, и не считает политику областью, в которой нравственные правила были бы неприложимы, как утверждают другие; он, напротив, первый из писателей нового времени выяснил то тесное взаимодействие, которое существует между политическим бытом народа и его нравственным складом. Макиавелли является отцом тех моральных теорий, которые отрицают самобытность нравственных начал и учат, что моральные понятия обуславливаются, с одной стороны, эгоистической природой человека, с другой — потребностями общежития и той внешней обстановкой, среди которой живет и действует человек. Источник же заблуждений Макиавелли, возлагающего на одно государство перевоспитание человека и вооружающего это государство одними внешними принудительными средствами, заключается в его ложном воззрении на государство и на природу человека.

^{453*} Discorsi. Кн. I. Гл. 11—14.

4. МАКИАВЕЛЛИ — ЗАЩИТНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Эпоха Возрождения была тем временем, когда абсолютная монархия торжествовала победу, когда на развалинах феодального быта возникали новые политические тела, объединявшие обширные территории в компактные и сильные своим единством государства. И все лучшие умы стояли на стороне этого нового порядка и видели в усилении государственной власти потребность времени. Боден проповедует абсолютизм и видит в усилении королевской власти единственный исход из междоусобий и неурядиц, раздиравших Францию. Гвиччардини, выросший в демократической Флоренции, является самым страстным врагом народного правления и требует, чтобы государственная власть находилась или в руках сильной и могущественной аристократии, или в руках монарха; он прямо заявляет, что если бы ему пришлось выбирать между демократией и монархией, он бы предпочел последнюю. Макиавелли видит в усилении и сосредоточении государственной власти единственный якорь спасения для несчастной Италии; говоря об испорченности своего отечества, он указывает на Испанию и Францию, где эта испорченность смягчается тем, что во главе этих государств стоит сильное правительство; в разрозненности Германии он признает ее бессилие и хвалит государственный строй Франции, в которой королевская власть сдерживает властолюбие дворян и поддерживает в стране мир и спокойствие. В Ломбардии, Неаполе, Романье и Папской области лишь князь, по его мнению, в состоянии поддержать порядок, а Италию лишь военная диктатура может спасти от ужасов иностранного владычества. Во Флоренции условия политической жизни таковы, что в ней может упрочиться республиканский строй, но лишь под одним условием, а именно, если выступит мудрый и благонамеренный законодатель, который, проникнутый любовью к своему отечеству и чуждый всяких своекорыстных планов, возьмет на себя дело переустройства государства на республиканских началах. Но Макиавелли не скрывает, что такое преобразование — трудный подвиг, и сомневается, чтобы нашелся человек, которому было бы по силам разрешить такую задачу. В своей истории Флоренции он беспощадно бичует ошибки и увлечения республиканцев и раскрывает недостатки демократического строя, и как бы отчаивается остановить то роковое движение, которое влечет его отечество в объятия тирании.

Если бы Макиавелли был лишь сыном своего века, если он, стоя в самом круговороте политической жизни, не сумел бы сохранить беспристрастного взгляда спокойного исследователя, то

и он был бы увлечен общим течением политической жизни, то и он признавал бы в начале власти главное, если не единственное основание всякой благоустроенной политической жизни, то и он видел бы в народе лишь невежественную толпу, а в народоправстве источник и корень всего зла, преследующего человечество. Но Макиавелли не только откликнулся на потребности своего времени, но и умел исследовать политическую жизнь безо всяких предвзятых мнений и вникать в природу социальных отношений, не смущаясь злобою дня. И благодаря именно тому, что ему удалось стать на эту точку зрения, он и сумел понять и оценить значение политической свободы и обосновал свой взгляд на республику как наилучшую государственную форму доводами, которые не утратили значения и по сие время и сохраняют это значение, пока дело свободы еще будет нуждаться в защитниках. Мы показали в другом месте, в чем заключаются эти доводы; напомним здесь только читателю, что все они обуславливаются воззрением Макиавелли на воспитательную задачу государства. Человек, по Макиавелли, вне государства — самая беспомощная и жалкая тварь. Лишь государство вооружает его орудиями борьбы с враждебными ему силами природы и с своими страстями; лишь в государстве человек научается отличать добро от зла, обуздывать свои влечения, уважать интересы других, любить своих ближних, свою родину, преклоняться перед божеством, дорожить идеальными благами и видеть в служении общему благу свое высшее назначение. Но это перевоспитание человека возможно лишь в свободном государстве, ибо лишь в нем могут быть осуществлены условия, прививающие человеку те качества, которые возвышают его над остальной тварью и делают его царем природы и владыкою мира. Тирания же может поддерживать лишь внешний порядок, но порядок, убивающий в человеке его лучшие стороны и низводящий его на степень бессловесного животного.

К этим положениям сводятся политические убеждения Макиавелли, и мы можем теперь, познакомившись в предшествующих отделах с задачей и методом его политических трактатов, приступить к разрешению вопроса об отношении «Discorsi» к «Il Principe», вопроса, исследование которого покажет, что автор «Князя» и в книге, посвященной тирании, остается верен своим убеждениям.

Сравнивая эти два трактата, прежде всего бросается в глаза их различие по содержанию и по распределению материала. «Il Principe» — трактат о тирании, написанный по заранее обдуманному плану в строгом систематическом порядке. «Discorsi» же не что иное, как ряд размышлений о различных вопросах поли-

тики по поводу отдельных мест из первых десяти глав Тита Ливия. «Il Principe» — монография, исследующая частный вопрос; «Discorsi» — сочинение, в котором Макиавелли изучает все явления политической жизни, доступные его наблюдению.

Другое важное различие между этими двумя политическими трактатами заключается в том, что в «Il Principe» личность Макиавелли скрывается за объективным исследованием политического вопроса, между тем как в «Discorsi» эта личность выступает перед нами во весь рост. Исследуя в «Князе» тиранию, Макиавелли воздерживается от всякой оценки ее достоинств и недостатков. Если в «Рассуждениях» он определяет те случаи, в которых тирания необходима, и указывает на те условия, которыми она вызывается, на то влияние, которое она оказывает на политическую и нравственную жизнь народов, то в «Князе» он не касается этих вопросов, которые могли бы выяснить его субъективное отношение к тирании, а исследует лишь, какими средствами вводится и поддерживается тирания. В «Il Principe» Макиавелли изучает, а не проповедует, он нигде не высказывает своих политических убеждений, и его субъективное отношение к выставляемым им правилам остается скрытым. Лишь в последней главе он выступает из своей роли беспристрастного исследователя и разражается великолепным воззванием, обращенным к Лоренцо Медичи — изгнать варваров из Италии. В «Discorsi» Макиавелли не только исследует, но и проповедует; он является перед нами не только тонким наблюдателем, глубоким мыслителем, остроумным исследователем, но и человеком, воодушевленным любовью к своему отечеству, проникнутым сознанием о всеисцеляющей силе политической свободы, защитником республики, красноречивым ходатаем народа, врагом деспотизма, беспощадно бичующим тиранов и угнетателей народа. Это различие между «Il Principe» и «Discorsi» отражается и на языке этих двух трактатов. Между тем как книга о «Князе» написана спокойным тоном научного исследования и нигде не звучит захватывающей за душу нотки, то в «Discorsi» прорывается нередко то крик негодования, то порыв восторга. Но этот пафос Макиавелли не имеет ничего искусственного и рассчитанного. Читая его красноречивые страницы, посвященные изложению преимуществ свободного правления, невольно чувствуешь, что они прямо вылились из его благородной души. И каждый раз, когда ему приходится противопоставлять политическую свободу деспотизму, его речь согревается, и чем более он увлекается этим вопросом, тем шире и величавее течет огненный поток его воодушевленной речи.

Несправедливо поэтому мнение ученых, утверждающих, будто Макиавелли изменяет в «Князе» своему республиканскому образу мыслей и является защитником тирании. В книге, посвященной Лоренцо Медичи, он не мог изменять своим политическим убеждениям уже по той простой причине, что он в этом политическом трактате никаких политических убеждений не высказывает, а выставляет лишь правила, которыми должен руководствоваться тиран, воздерживаясь от всякой оценки этих правил.

Но Макиавелли в «Князе» не только не изменяет политическим убеждениям, выраженным в «Рассуждениях», но и излагает в нем те же самые правила, которые он предлагает в «Discorsi», рассуждая о тирании.

Макиавелли выставляет в «Il Principe» общее правило, что князь, вынужденный прибегать к суровым мерам, должен стараться покончить с ними сразу. То же самое правило мы встречаем и в 45-й главе I книги «Discorsi». Жестокие меры, которые Макиавелли советует в «Il Principe» новому князю, подчиняющему своей власти свободный город, мы находим перечисленными целиком и в не менее резких выражениях в 26-й главе I книги «Discorsi». В 9-й главе «Князя» Макиавелли, говоря о тирании, возникшей из борьбы партий, развивает мысль, что князь, обремененный своим возвышением народу, легче может упрочить свою власть, чем тиран, завладевший престолом при помощи дворян. Макиавелли советует поэтому тирану, желающему основать свою власть на прочных основаниях, опираться на народ. Тот же самый совет Макиавелли предлагает тирану в 40-й главе «Discorsi». Князь для поддержания своей власти должен, во-первых, поддерживать порядок страхом наказания, во-вторых, не раздражать понапрасну народ, в-третьих, стараться приобрести расположение народа. Эти советы Макиавелли предлагает тирану в «Il Principe», и их же мы встречаем в 16-й, 26-й и 40-й главах I книги и в 4-й главе III книги «Discorsi». Итак, между «Il Principe» и «Discorsi» не только не существует никакого противоречия во взглядах, но и все те политические советы, которые Макиавелли предлагает в «Князе», мы встречаем и в тех местах «Discorsi», которые посвящены тирании.

Если Макиавелли в «Il Principe» развивает лишь подробнее взгляды, изложенные им в «Discorsi», и он в книге, посвященной тирании, не изменяет своим политическим убеждениям, то тем не менее остается необъясненным тот факт, что писатель, державшийся республиканского образа мыслей и всей душою преданный политической свободе, написал книгу о тирании.

Объяснить этот факт — задача последующего изложения.

В новейшей литературе о Макиавелли можно считать установленным следующее воззрение на отношение «Discorsi» к «Il Principe» и на те цели, которые преследовал Макиавелли в этих двух сочинениях.

Макиавелли был искренним республиканцем, но видя, что свободный государственный строй неосуществим в современной ему Италии, пришел к убеждению, что единственное средство спасти Италию от конечной гибели — неограниченная власть абсолютного монарха. И вот, дабы указать этому тирану тот путь, следуя по которому он мог бы упрочить свою власть на твердых основаниях, объединить Италию в одно крепкое государство и изгнать иноземцев из ее пределов, Макиавелли пишет своего «Князя» — руководство тирану, будущему спасителю Италии. Но абсолютная монархия, объединившая Италию, не есть конечная цель Макиавелли. Тиран уготовляет лишь почву, на которой должен возрасти новый, свободный государственный строй — республика. И для грядущих поколений, которым выпадет счастливая доля — собирать жатву, посеянную тираном, и пользоваться выгодами республиканского строя, Макиавелли пишет свои «Рассуждения о первых десяти главах Тита Ливия». И тот и другой трактат преследуют практические цели, но цели, которые могут быть осуществлены лишь одна за другой.

Если первая часть этого плана, приписываемого Макиавелли, и ничего невозможного в себе не заключает и можно допустить, что Макиавелли считал лишь князя способным внести порядок в разбедненную Италию и изгнать иноземцев, то вторая часть этого плана до такой степени непрактична, что, приписывая его Макиавелли, нужно отказаться от мнения, будто трезвый взгляд и политический смысл были его отличительными чертами. И в самом деле, как можно предположить, чтобы тиран, пользующийся такими средствами, которые указаны в «Il Principe», подавляющий всякую свободу в стране и основывающий свою власть на беспощадном угнетении народа, чтобы такой тиран обновил бы государственную жизнь Италии и расчистил бы ей путь к политической свободе. Но если бы и нашелся князь, который воспользовался бы своею властью лишь для того, чтобы внести внешний порядок в страну, то может ли, спрашивается, народ, прошедший школу деспотизма, стать сразу свободным и поддерживать порядок, созданный тираном? Расслабленному политическим рабством народу едва ли по силам такая задача. История учит, что политическая свобода выпадает лишь на долю тех народов, кото-

рые сами завоевывают ее себе, даром же она никому не достается...

Очевидно, что этот план возрождения Италии, приписываемый Макиавелли, недостоин серьезного политика. Но этим еще не доказано, что Макиавелли не имел его: и у трезвого писателя нередко встречаются мысли, поражающие нас своей непрактичностью. Дабы показать несостоятельность разбираемого нами воззрения, мы должны поэтому рассмотреть, вяжется ли приписываемый Макиавелли план с его политическими взглядами и убеждениями.

Господствующее в литературе воззрение на отношение «Discorsi» к «Il Principe» покоится на том ложном предположении, будто Макиавелли выставляет в своих политических трактатах лишь правила, непосредственно приложимые к жизни и приспособленные к политическим условиям политической жизни Италии, и что он будто бы преследует ими лишь практические цели. Мы же показали, что Макиавелли наряду с практическими правилами выставляет и чисто теоретические положения, и что он не только предлагает советы своим соотечественникам, но и исследует государственную жизнь вообще. Это вытекает как нельзя яснее из изучения его «Discorsi», теоретический характер которых вне всякого сомнения. Но что и «Князь» не есть практическое руководство, а теоретическое исследование, в этом убеждает нас сравнение «Il Principe» с «Discorso sopra il Riformar lo stato di Firenze». Этот последний трактат имеет целью указать папе Льву на те средства, с помощью которых он мог бы ввести во Флоренции устойчивый государственный порядок. Макиавелли нацеливает здесь проект конституции, которая, по его воззрению, всего более соответствует условиям политического быта Флоренции. Этот трактат показывает нам, как Макиавелли писал сочинения, в которых он не исследовал теоретических вопросов, а предлагал практические советы. Макиавелли начинает «Discorso sopra il Riformar lo Stato di Firenze» с исследования причин недолговечности конституций, сменявшихся во Флоренции в короткий промежуток времени. Затем он задается вопросом: какая из государственных форм всего более соответствует данному состоянию Флоренции и отвечает, что условия ее общественного и политического быта таковы, что одна республика способна успокоить умы, удовлетворить потребностям и желаниям народа и обеспечить порядок в городе. В последней части трактата он подробно объясняет нам, как должна быть устроена эта республика, и излагает самый обстоятельный и подробный проект республиканской конституции. Макиавелли остается здесь в пределах сво-

ей задачи: он не пускается в рассуждения об общих вопросах политики и не исследует государственных учреждений других стран, а говорит лишь о государственном быте своего родного города и постоянно имеет в виду особенные условия политической жизни Флоренции. Если бы Макиавелли преследовал в «Il Principe» такую же практическую цель, если бы он в этом трактате поставил себе задачею снабдить советами будущего властителя Италии, то он следовал бы той же системе изложения и той же методе, т. е. ограничился бы исследованием политической жизни своего отечества и указал бы, к каким средствам должен прибегнуть князь, намеревающийся объединить Италию, и, говоря об этих средствах, принял бы во внимание данное политическое состояние своего отечества. Между тем мы в «Il Principe» ничего подобного не видим. Макиавелли рассуждает в этом трактате о всех видах княжества, доступных его наблюдению, ни одному из них не дает предпочтения и, говоря о тех разнообразных политических средствах, которыми вводятся княжества, указывает и на такие, которые не могли иметь никакого практического значения для Италии.

До нас дошло, кроме того, прямое свидетельство, не оставляющее никакого сомнения в том, что «Il Principe» есть теоретическое исследование, а не практическое руководство будущему владыке Италии. В письме к Веттори, выдержки из которого мы привели выше, мы читаем следующее: «Помня слова Данте, что не было бы знания, если бы слышанное не запоминалось, я записал все то, чему я научился в беседе с древними, и составил маленькое сочинение de principatibus¹¹³⁾, где я исследую эту материю и рассматриваю, что такое княжество, сколько существует родов княжеств, какими средствами они приобретаются и поддерживаются и вследствие каких причин их теряют». Из этих слов, которыми Макиавелли определяет ту цель, которую он преследует в «Il Principe», как нельзя яснее вытекает, что задача «Князя» — не предлагать практических советов кому бы то ни было, а исследовать природу княжества и выставить общие правила, применимые не только в Италии, но везде, где существуют княжества.

Несомненно, таким образом, что «Il Principe» — не практическое руководство, а теоретическое исследование.

Но господствующее в новейшей литературе воззрение на отношение «Discorsi» к «Il Principe» не только покоится на ложном предположении, будто «Il Principe» написан в назидание Лоренцо Медичи, но и противоречит всему тому, что Макиавелли говорит о тирании и о ее влиянии на народные нравы.

Макиавелли видит в тирании ненормальный политический строй, но тем не менее считает эту государственную форму необходимой при известных условиях. И важнейшее из этих условий — испорченность нравов; и когда, раз эта испорченность проникла в страну, она делается жертвою анархии, и лишь железная рука тирана может спасти ее от конечной гибели. Тиран восстанавливает порядок тем, что подавляет силою все анархические стремления, которые грозят государству разрушением. Если у народа неиспорченного порядок поддерживается страхом Божиим, уважением к закону, сознанием гражданских обязанностей, то у народа испорченного, подпавшего под власть тирана, этот порядок поддерживается железной волей тирана и его неумолимым мечом. «Там, где нет страха Божия, — говорит Макиавелли, — там государство должно или пасть, или быть поддерживаемо князем, который заменяет собою недостаток религии» ^{454*}. «По всем этим причинам, — говорит Макиавелли в другом месте, — возникает трудность или невозможность поддерживать или вновь основать республику в испорченных городах. И если тем не менее представляется необходимость основать или поддерживать в них республику, то нужно приблизить ее скорее к королевству, чем к народоправству, дабы люди, которые благодаря высокомерию не могут быть улучшены законом, были бы по крайней мере сдерживаемы королевской властью» ^{455*}. «Где нет честности, — замечает Макиавелли, — там ничего хорошего ожидать нельзя, как нельзя ожидать его в странах, в которые в наше время проникла испорченность. И к таким странам принадлежит прежде всего Италия, но и Франция и Испания уже заражены испорченностью. И если в этих двух последних странах мы не замечаем беспорядков, то и дело возникающих в Италии, то объясняется это тем, что они имеют короля, который поддерживает в них единение не только своей личной энергией, но и учреждениями еще неиспорченного правительства» ^{456*}. Итак, князь в испорченном государстве не восстанавливает чистоту нравов, не оживляет гражданских добродетелей, не возвращает народу той нравственной силы, без которой, по воззрению Макиавелли, свободный строй не может удержаться, а поддерживается лишь единение и внешний порядок. Народ остается все тот же, князь не восстанавливает чистоты нравов, а лишь предупреждает и пресекает те последствия нравственной испорченности, которые расшатывают

^{454*} Discorsi. Кн. I. Гл. 11.

^{455*} Там же. Кн. I. Гл. 18.

^{456*} Там же. Кн. I. Гл. 55.

внешний порядок. Но нравы под властью князя не только не улучшаются, но еще более развращаются. Народ, говорит Макиавелли, который долгое время жил под властью князя, обращается в дикого зверя, которого может укротить лишь новое ярмо^{457*}. Тирания, по воззрению Макиавелли, — не преддверие свободы, а могила свободы. И Макиавелли выражает эту мысль в очень определенных выражениях. Он говорит: «Народ, в который проникла испорченность, не может не только короткое время, но ни одного мгновения прожить на свободе»^{458*}. «Нужно считать несомненной истиной, что народ, живущий под властью князя, если даже этот князь будет уничтожен со всем своим потомством, никогда не может возвратиться к свободе, и один князь будет вытеснять другого; без избрания же нового князя такой народ никогда не успокоится, если только не выступит князь, добродетель которого, соединенная с силою, не поддержит в нем свободу, но эта свобода будет продолжаться лишь до тех пор, пока жив этот человек»^{459*}. Если, таким образом, народ испорченный, подпавший под власть князя не может, по воззрению Макиавелли, возвратиться к свободе, а автор «Князя» считал итальянский народ таким именно испорченным народом, то Макиавелли и не мог видеть в объединении Италии под властью князя путь к свободе и к возрождению своего отечества. Но Макиавелли и не считал такое объединение Италии возможным и вовсе не мечтал об итальянской монархии. Мы уже привели выдержки из 55-й главы I книги «Discorsi», в которой Макиавелли прямо заявляет, что в Римской области, в Неаполе, Ломбардии и Романье существуют совершенно иные условия, чем в Тоскане, что в первых странах, кишущих дворянами, порядок может быть поддержан лишь королевской властью, между тем как во Флоренции, Сиене и Лукке — республика единственно возможная государственная форма. И в других местах Макиавелли выражает убеждение, что республика всего более соответствует условиям политического быта Флоренции. Мы имеем, наконец, трактат, который всецело посвящен доказательству того, что одна республика может осчастливить Флоренцию, внести устойчивость в ее государственный строй, обеспечить ей покой и благоденствие. А мы показали выше, что Макиавелли интересуют не столько судьбы Италии, сколько интересы Флоренции, и что он обсуждал общеитальянскую политику лишь с точки зрения этих интересов. Если же это так, то

457* Там же. Кн. I. Гл. 16.

458* Там же.

459* Там же. Кн. I. Гл. 17.

Макиавелли и не мог желать объединения Италии под властью князя, ибо это объединение уничтожило бы самостоятельность Флоренции и ее политическую свободу, которой Макиавелли дорожил всего более. Писатели, утверждающие, что Макиавелли желал объединения Италии под властью князя, ссылаются на последнюю главу «Il Principe». В этой заключительной главе автор «Князя» говорит, что Лоренцо Медичи ждет великий подвиг, если он только сумеет стать на высоту своей задачи. Стоит ему только поднять знамя освобождения отечества, и верные сыны Италии, имя которым легион, последуют за ним. Затем Макиавелли предлагает Лоренцо Медичи организовать национальное войско, состоящее исключительно из итальянцев. Иностранные войска, побеждавшие итальянские, несмотря на их несомненные достоинства, имеют и важные недостатки. Испанцы — хорошие пехотинцы, но они не выдерживают напора швейцарской конницы, швейцарская же конница всегда уступала поле сражения испанской пехоте. Вот этими-то недостатками и должен воспользоваться будущий освободитель Италии и организовать войско, которое соединяло бы достоинства иностранных войск, не имея их недостатков. Итальянцы, взятые в отдельности, отличаются силою, ловкостью, сметливостью, если же войска, состоявшие из итальянцев, терпели поражения, то только потому, что они не имели хорошего организатора. Этим-то организатором и должен явиться Лоренцо Медичи, он должен создать итальянское, национальное войско, стать во главе его и изгнать варваров из Италии. Если бы Макиавелли мечтал об объединении Италии, то он в этой главе объяснил бы нам, какими средствами может быть введена монархия и в чем должно заключаться ее устройство. Между тем он ни единым словом не упоминает о политическом объединении Италии, а говорит лишь о реорганизации ее военных сил. Очевидно, что Макиавелли считал ближайшей задачей итальянской политики изгнание иностранцев, что он считал такую задачу лишь по силам князю, который объединил бы военные силы Италии, организовал бы национальное войско и с его помощью очистил бы родную землю от иноземных полчищ. Князь, о котором идет речь в последней главе «Il Principe» — не монарх единой Италии, не реформатор ее государственного быта, а военный диктатор.

Если Макиавелли не мечтал об единой итальянской монархии, то что могло побудить его написать книгу, посвященную исследованию княжества?

Читатель, познакомившийся с нашим изложением политического учения флорентийского секретаря, знает, что князь, по воз-

зрению Макиавелли, — необходимый элемент во всяком общежитии, не исключая и республики. Кроме того, князю, по воззрению Макиавелли, было открыто широкое поле деятельности в Италии: он должен был организовать национальное войско и изгнать иноземцев из Италии, преобразовать государственные учреждения Флоренции, очистить Романью от мелких тиранов, внести порядок в Ломбардию, Неаполь, Римскую область. Политическая жизнь Италии нуждалась, таким образом, не только в республиканских, но и в монархических учреждениях, и вот почему Макиавелли исследует не только государственное устройство республик, но и пишет книгу, всецело посвященную изучению княжества, вот почему он предлагает советы не только республиканцам, но и князьям. Мы показали выше, что все правила, изложенные в «Il Principe», встречаются уже в его посольских донесениях. Они сложились у Макиавелли еще тогда, когда он следил за деятельностью Людовика XII и императора Максимилиана, Цезаря Борджиа, Пандолфо Петруччи и Паоло Болони. В письме же к Веттори он говорит, что его «Il Principe» может служить доказательством тому, что те 15 лет, которые он провел на государственной службе, не пропали даром^{460*}. Макиавелли подводит, следовательно, в «Il Principe» лишь итог своим наблюдениям над политическим бытом тех княжеств, который он изучил еще будучи посланником.

Итак, Макиавелли пишет «Il Principe» с целью, во-первых, поделиться своими личными наблюдениями над политикой тех князей, с которыми он столкнулся на пути своей служебной деятельности, во-вторых, с целью исследовать ту государственную форму, которая ввиду политического состояния Италии имела для него особенный интерес.

Макиавелли, таким образом, своею книгою, посвященной исследованию княжества, платит дань своему веку. Но что он не сочувствовал этой государственной форме, видно уже из того, что он, так красноречиво распространяющийся в «Discorsi» о преимуществах свободного строя, в «Il Principe» ни единым словом не упоминает о достоинствах единовластия. Очевидно, что княжество никаких достоинств в его глазах не имеет, и что он видит в нем лишь неизбежное средство, спасающее народ от политической смерти. И всякому, изучившему со вниманием сочинения флорентийского секретаря, нетрудно заметить, что он говорит в «Il Principe» о тирании с внутренним омерзением. Он с каким-то злорадством указывает на все те жестокие меры, которыми под-

^{460*} Письмо к Веттори, 14 декабря 1513 г.

держивается эта ненавистная ему государственная форма. И, доказывая, что князь силою вещей принужден прибегать к обману, к огню и мечу для упрочения своей власти, что он лишь тогда спокойно владеет престолом, когда граждане утратили все те качества, которыми дорожит нравственно развитый человек, что князь, воодушевленный и наилучшими намерениями, превращается на княжеском престоле, воздвигнутом на развалинах свободного строя, в изверга, а народ, подпавший под иго тирана, в бессловесное стадо, — раскрывая все эти неизбежные последствия деспотизма, Макиавелли выставляет на позор всему грядущему человечеству тиранов, пользующихся этими орудиями зла не ради спасения народа от политической смерти, а из тщеславия и любви к власти.

И какие чувства воодушевляли Макиавелли, когда он писал свою книгу, видно из того места его «Истории Флоренции», в котором он поведал нам тайну своего сердца, восклицая: «Может ли существовать для государства болезнь, более пагубная политического рабства? И какое лекарство необходимее излечивающего государство от политического рабства? Лишь те войны справедливы, которые необходимы, лишь то оружие священно, на котором покоится последняя надежда. А что может быть для нас необходимее свободы, и какое оружие священнее разрывающего цепи политического рабства?»^{461*}

^{461*} Storie Fiorentine. Кн. V, § 8.

Вл. ТОПОР-РАБЧИНСКИЙ

Макиавелли и эпоха Возрождения

Введение в изучение Макиавелли

ВВЕДЕНИЕ

Религия была жизненной основой средних веков, готический храм — ее выражением. Высокие окна скрывали от молящегося окружающий мир, узкие — они давали мало света; церковные шпицы уходили далеко в небо от скромных домов. Внутри — в колыбели световых переливов и кадильного дыма — контуры свода и стен теряли ясность и правильность своих очертаний. Ночью, когда погасали свечи, продолжала одиноко и грустно теплиться лампада. То же стремление к небу, уход от действительности, та же отчужденность от реального, все различающего света жили в душе средневекового человека, и, когда плоть, когда грубые силы внутри и во вне побеждали, боль вины, страх смерти и Бога продолжали в его груди трепетать мистическим и тревожным сознанием. Человек жил в противоположностях, не зная противоречий: религиозная мысль все сводила к единству, падение было редко сомнением и отрицанием. Премудрый, Всесильный Бог правил миром, от Него исходило все, и самое зло было лишь Его предначертанным попущением. Беспощадная логика идеализма была доведена до конца: в соединенном существовании духа и тела плоть была грех, в противоположении двух миров, земли и неба, земля была грех. «Вечность», «бесмертие», «Бог» придавали всем представлениям грандиозность, неумолчное, устрашающее сознание вины приносило в жизнь суровый трагизм, и только грубая элементарность характеров и непосредственный, неистребимый инстинкт жизнерадостности ослабляли его.

Свою нравственную опору человек находил в содружестве и семье. Эти узы были тесны, цепь замкнута со всех сторон, но эта

«теснота» еще не ощущалась, потому, что «сердца были просты и души похожи» *. Человек рождался, жил и умирал песчинкой одной из ступеней той грандиозной средневековой пирамиды, на вершине которой стояли император и папа, признанные, но непримиримые главы феодального общества и *totius christianitatis*¹. Он был членом цеха, товарищества, союза; этим определялись его обязанности и права. В нем воспитывалась «сыновная» ** способность к самоотвержению, любовь к своей «касте» с отчуждением ко всему вне ее. Человеку Средневековья равно было чуждо индивидуальное самосознание, как и сознание связи более широкой, чем его кружковая: в «ячеичном» обществе по существу нет места ни государственности, ни индивидуализму. Могучий возбудитель и орудие последнего — мысль — не спала, но она была лишена всякой оригинальности, всего, что оставляет творчество, жизнь: на столе «ученого» рядом с Библией лежали сочинения Бл. Августина и фантастический Аристотель, как завершенные энциклопедии мысли. В литературе находили себе выражение идеи и события, но в них не было «человека», и потому и события и люди принимали странные очертания и господство идей родило символизм.

Это был мир схоластики, товарищества, толпы, — мир Фомы Аквинатского, Джотто и Данте. И то, что в Италии в самом великом человеке Средневековья уже жила новая жизнь («*Vita nuova*»), одновременно приводит нас к иным горизонтам, к сознанию, что именно здесь, на почве Италии, должен был явиться и зацвести тот новый мир, переработанным наследием которого мы продолжаем жить и питаться по сегодняшний день.

Как для средних веков — религия, для Возрождения его характернейшей чертой является устремленность к земному. Грандиозная, неподвижная и мистическая концепция средних веков быстро тускнеет, горизонт суживается, и все предметы в пределах его принимают более доступные и ясные очертания. Человек начинает созерцать внешний мир, как он есть; в себе самом он открывает богатства — свою мысль и волю, обращенные *свободно* к земле. Любознательность возбуждена и творческие способности напряжены. Жизнь приобретает необычно-

* *Monnier Philippe*. Le Quattrocento. Essai sur l'histoire littéraire du XVe siècle. Vol. I. P. 43. Работа, далеко выходящая за пределы заглавия, блестящий стиль, широкая эрудиция, объективный тон делает ее выдающейся. Недавно появился русский ее перевод².

** Виллари³ (*Villari*. Machiavelli e il suo tempo). Мы пользовались немецким переводом издания 1882—1883.

венную и вместе с тем легко переносимую яркость. Мысль о Боге откладывается до последнего часа и мысль о бессмертии человек Возрождения в конце концов склонен отталкивать с инстинктивной враждой. «Добро», «зло» из сознания переходят в мысль, и человеческий дух «не знает греха» *. Совесть молчит, поступки благородные и отвратительные совмещаются рядом, сострадания нет. Критерием для действий воли становится цель, а доступным для крайней, гордой, добивающейся мысли кажется все. Безудержным индивидуализмом сменяется дух средневекового подчинения, и освобожденный от нравственных оков человек Возрождения вносит роковой, разрушающий эгоизм в свое политическое и общественное существование: старые политические формы распадаются, новые — «иллегитимны»; единого «законного» государства не создается, потому что в «центральной» Италии оно могло создаться только единением нравственных сил. Гибель Италии была вызвана не нашествием внешних врагов: яд был в ее собственном теле, заключался в ее нравственном состоянии и узком политическом эгоизме ее городов.

И в темные последние десятилетия Возрождения, на склоне ее бурного дня является человек — непримиримый враг пережитков христианско-феодального мира и его самого, человек, в своих воззрениях разделявший многие положения века, своим умом и идеалами стоящий выше его. Имя этого человека — слишком популярное — *Никколо Макиавелли*.

Ни одного цельного, нетронутого элемента средневековья не можем мы различить в его мысли: его достоинства и недостатки принадлежат его времени и ему самому. Неба для него не существует и Провидение исключено. Вера во всепобедную силу личности омрачается для него только представлением каких-то тайных сил — в настоящее время мы бы сказали *законов*, тогда же это объединялось в довольно неясном представлении «судьбы». Проблема добра и зла у него сложно спутана и, на античный лад, выдвигается идея отечества как верховный критерий. В своих политических убеждениях он горячий «республиканец». Макиавелли любит народ, презирает аристократию, ненавидит тиранию, но признает и благодетельные формы единовла-

* *Burkhardt Jacob*. Die Cultur der Renaissance in Italien. Leipzig, 1885. Bd. II. S. 236. Классический труд по истории Возрождения. Изобилует тонкими и меткими замечаниями. Недостатками надо признать несколько бледный отдел о гуманизме, и, в силу сжатости, местами несоблюдение перспективы⁴.

ствия. Средневековое представление монарха ему чуждо, в папах он видит только врагов итальянского единства и святителей смут, феодальный строй внушает ему отвращение. В своих трактатах он зачинатель нового, чуждого средневековью дня, во многом несовершенный и заблуждающийся, но все же великий.

Часть первая МАКИАВЕЛЛИ И ДУХОВНЫЙ МИР ВОЗРОЖДЕНИЯ

Глава первая УМСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Как грек над варварами, как араб-индивидуалист над другими азиатами, итальянец первый стал духовным индивидуумом и признал себя таковым среди других народов, еще погруженных в Средневековье.

Буркхардт

Не Виссарион, не Гемист Плетон, не Хрисолар, как полагали еще не столь давно, создали могущественное умственное движение Возрождения⁵, не им обязано оно своими характернейшими чертами: Возрождение выросло из национальных корней, его источников надо искать прежде всего в особенностях коммуналного строя средневековой Италии, в ее живучих романских традициях.

Каковы бы ни были достоинства рыцарского (и рыцарственного) феодализма, человеческой мысли он не будил*. Эта мысль, первоначально чисто практическая, прикладная, воспиталась в стенах итальянских коммун. Силой мысли больше, чем силой оружия был сокрушен в Италии «немысливший» феодализм. Силой купеческого богатства укрепился город, — но достоинством купца, рядом с его энергией, был его ум. «В то время как в Германии, — пишет немецкий епископ XI века, — считается неприличным и ненужным обучать мальчиков, если они не готовятся к духовному званию, в Италии вся молодежь ходит в

* Еще в конце XV века, сопровождавшая Карла VIII в его походе на Неаполь французская знать своим невежеством и грубостью возбуждала в итальянцах презрение.

школу» *. В области отвлеченной — философской и политико-теоретической мысли средневековая Италия не избегла давящего влияния схоластики, но его очаг был не здесь. К тому же в самой схоластике — в ее последнем периоде — стремление «влиять вино новое в меха старые» учением о существовании двух истин «выпустило на волю человеческий разум» **.

Знакомство с античным миром не умирало и вне Италии, временами оно загоралось даже более ярким светом ***, но все же это были только одинокие островки среди моря Средневековья, вспыхивающие, но и потухающие огни литературного знакомства и интереса. Только в Италии, кроме книг, почти каждое место, каждый камень, самый язык и учреждения твердили о Риме. Церковь говорила по латыни. Итальянский язык еще в XII веке столь мало отступал от латинского, что на последнем можно было говорить, обращаясь к народу ****.

Великий итальянский средневековец Данте не смел, конечно, возвести античный гений на небеса, но он не предал его и мучению «проклятых». В этом сказывается уже компромисс между средневековым мышлением и национальной симпатией. Тот же поэт в своей «*Vita Nuova*» ⁶ нежными и тонкими красками рисует свою внутреннюю жизнь, свое субъективное чувство; но ряд мыслей и замечаний еще дышит схоластикой. В Петrarке Италия получает наконец «первого человека нового мира» *****.

Петрарка совершил грандиозный переворот, но он был только живым выразителем того, что накопилось за века; он та, прибегнем к сравнению, последняя струя, которая сдвигает издавна подточенный, непрочный гранит и первой выбегает из

* *Веселовский Александр*. Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV веков (VIII). — По взгляду Веселовского, Возрождение есть реакция романского элемента против германского; первым этапом была реакция политическая.

** *Трубецкой Е.* Политическое миросозерцание эпохи Возрождения // Киевские унив. известия. 1893. Январь. — Это вступительная лекция талантливого автора. Лектор остановился главным образом на характеристике перелома от Средних веков.

*** Любопытные данные у Яничека (*Ianitschek*. Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Stuttgart, 1879), ценного и по некоторым сведениям о позднем гуманизме.

**** Отношение было приблизительно таково, как теперь между отдельными итальянскими диалектами.

***** Выражение Буркхардта.

подземных недр на свободу. Смутное до Петрарки становится в нем сознательным. Разбивается мистический покров, и человеку становится доступным необходимо несовершенный, но неизмеримо более естественный и логический взгляд на себя и природу.

Мысль Петрарки вглядывается, оценивает, восхищается, желает и пытается всем входящим в ее горизонт явлениям дать суд и отчет. Это еще не строгое изучение, тем более не творчество: это детский энтузиазм, любопытство, мысль, впервые познавшая, что она есть движение, что она может расти и питаться, брать и давать. Петрарка смотрит на природу глазами поэта; он наблюдает ее, потом пластически воспроизводит, — он колорист и по чувству красок предшественник Рафаэля *. С безустанной подробностью в своих письмах Петрарка сообщает о всех впечатлениях, желаниях, чувствованиях своего «я». Он, как рудокоп, еще несколько суеверно спускается в глубь земли — своего собственного духа — и видит, что не адский огонь, а забытое золото блестит в той глубине. В попытках философствовать он не философ, в диалектических сочинениях он не мыслитель **, но его голос раздается по всей Италии и будит стремления, желание знать.

И античный мир, так долго напоминавший о себе, давно стучавшийся в умы и сердца, вдруг освещается новым светом: мертвецы — великие писатели древности — говорят из своих полумогил человеческим и ясным голосом о человеческом и земном, т. е. о том, что для Петрарки и его учеников так интересно и неизмеримо важно. С этого момента манускрипт античного писателя, жизнь, раскрываемая им, — властелин гуманиста. Высшая драгоценность библиотеки Петрарки — Гомер, настоящий Гомер, в подлиннике. Греческие знания Петрарки слабы, он не улавливает смысла ритмических строк, но он любит эту книгу, заключающую в себе недоступные сокровища и, как сообщает предание, умирает, склонившись над ней.

Движение, сосредоточившееся в первом гуманисте, могущественно развивается после него. Оно охватывает всю Италию, создает в ней очаги гуманизма, начиная с крупных, как во Фло-

* Замечание Виллари.

** Что особенно подчеркивает De Sanctis (*De Sanctis. Saggio sul Petrarca*. Napoli, 1883; *Storia della letteratura italiana*. Napoli, 1879. Vol. I). Первое из названных сочинений посвящено очень тонкому психологическому анализу Петрарки-поэта, во втором критик произносит над Петраркой несколько излишне односторонний и строгий суд.

ренции, в Риме, и кончая двором какого-нибудь маленького тирана Романии. Образуются на древний лад сообщества, академии. Князья-меценаты кладут основу библиотекам*, оказывают поддержку неутомимым розыскам манускриптов**. С истинно миссионерским энтузиазмом относится гуманист к литературным раскопкам, старается привить его и другим. Он еще не способен постичь *действительной* ценности воскрешенных памятников, он не умеет критически отнестись к приобретенному богатству, но — уже великая заслуга — он собирает его. Петрарка мог знать только начатки греческого языка и писать посредственно по латыни, — в последующих поколениях гуманистов знать — теоретически и практически — оба языка становятся обязательным. Греческие авторы в подлинниках проникают в Италию, школы всех важнейших городов стараются иметь греческих учителей. Возрождение знакомится с «настоящим» Аристотелем, за ним становится известным Платон. Возгорается полемика между «платониками» и «аристотеликами». Козимо Медичи в своих садах во Флоренции собирает заседания академии неоплатоников. «Универсалист»***, мечтательный и талантливый Пико делла Мирандола знакомит Италию с мистической мыслью Востока⁷.

Но, несмотря на всю внешнюю разносторонность и блеск гуманизма, мы должны отказать ему в том, в чем и первому гуманисту — Петрарке: *в наличии жизнетворческих сил*. Действительная и серьезная заслуга гуманизма в его освобождении себя от средневековых оков, в увлечении и ширине его литературных раскопок, в *толчке*, который им был дан человеческой мысли, но самобытных, *зизждущих* начал мы в гуманизме не видим. Нам представляется, что слишком опирающимся на коротко подсчитанный опыт, реалистически мелким был общественный и политический мир Возрождения, чтоб пустить глубоко корни и дать жизненную силу растущим стволам. С другой стороны, увлечение античным миром, возникшее первоначально из национальных основ, перешло за пределы, где бы оно не

* Так Козимо Медичи кладет основу богатой библиотеке, большая часть которой была им завещана в народную собственность. Любопытно, что, желая склонить к миру Альфонса Неаполитанского, он посылает ему манускрипт Тита Ливия.

** Таким путем во Флоренции Никколо Никколи удалось составить библиотеку в 800 книг.

*** Характерен этот универсализм Возрождения. Но только у немногих, как у Леонардо да Винчи, он имеет действительную глубину.

подавляло самобытную мысль. Детскость и отсутствие логических граней в средневековом мышлении отомстили за себя в Возрождении: привычка к рабству способна вести только к перемене ига* (авторитета), наивность и неподготовленность пленяются внешнею формой больше, чем содержанием. Уже Петрарка был способен жертвовать мыслью для эlegantности, *говорить* больше, чем *мыслить*, — чем далее в эпоху, тем страсть к звуковым консонансам и внешнему, требующему значительных усилий соперничанию с античной в среде писателей-гуманистов заметней, ярче. Гуманисты XV века относятся с явным презрением к «коронам», ибо посредственная латынь последних для утонченного слуха этих «мастеров» формы жестка и груба. Гуманизм заблудился в форме и запутался в «знаниях». Вместо продуктивной мысли у его представителей развилась память, эта необходимая в мышлении, но элементарная его сторона. Их рассуждения и описания превращаются в перечисления, в нагромождение всего однородного (но не связанного логически, не развитого последовательно) из их умственной кладовой**. Критические способности гуманистов ничтожны; стремление создать что-либо творчески-положительное создает парадокс. Один из знаменитейших гуманистов — Лоренцо Вальла⁸ — вместо преследования объективной истины, по меткому выражению Монье, испытывает «радость парадокса и удовольствие скандала»***. В полемике гуманистов мысли затериваются в массе риторики, в невероятном сплетении ругательств и грязи****. Более содержательны письма: в них отсутствовал (чаще всего) политический элемент и, предназначенные для широкой публики, они развивали в ней умственный интерес. Но, к сожалению, и в этих письмах сказывалась мелочность гуманиста и его неспособность к строгому, объективному, научному отношению к занимающим его мысли явлениям.

* Монье. Указ. соч. Т. I. С. 237.

** Характерным образцом в этом отношении могут служить рассуждения Боккаччо или речь известного гуманиста Манетти над гробом Бруни⁹, где, вспоминая о канцлерской деятельности покойного, он считает нужным обозреть всю флорентинскую историю.

*** Монье. Указ. соч. Т. I. С. 280.

**** Но эти «инвективы» имели у современников обширный успех. Образцом может служить знаменитая инвектива флорентинского канцлера Салутати: «*Invectiva Lini Colucii Salutati resp. flor. a secretis in Antonium Luschem Vicentinum de eadem republica male sentientem*»¹⁰.

В поэзии Петрарка — первый гуманист — был «il canzoniere»¹¹, певец Лауры. При всей манерности его творчество еще не было лишено глубины, сосредоточенности и меланхолии, говорящей о Средних веках. В Боккаччо-поэте уже ярко отмечены основные черты поэзии Возрождения, ее темы и склад: сатирическое презрение к оставшейся вне образовательного течения толпе, и то сентиментально-холодная, то сладострастно-утонченная чувственность, помещенная в рамке идиллии. Каждое общество должно иметь своих «паяцов»* — для «образованного» общества Возрождения его паяцом был монах, мелкий мещанин, простолудин, одурачиватель и одурачиваемый, невежда и плут. Когда же этому обществу надоело смеяться или оно уставало от дел, оно хотело, чтобы поэт давал мысли отдых и его развлекал; тогда оно нежилось в сентиментализме — чувстве, доступном самым жестоким сердцам. И, таким образом, хотя окружающая действительность была пестра и трагична, идиллии и легкие комедии, начиная с идиллий Боккаччо и кончая «Аркадией» Саннацаро и буколиками Полициано пленяли сердца. В итоге, лишенная идей, узко эстетическая литература Возрождения не могла дать и не дала здоровой пищи уму, возвышающей — сердцу.

Если гуманизм с ходом времени обрек себя на бесплодие, ушел в культ формы, не умел развить в себе критических и творческих сил, то та практическая, «прикладная» мысль, какая существовала в Италии до него и была одним из его возбудителей, продолжала жить параллельно с гуманизмом, интересуясь, даже увлекаясь им, но ни в чем не теряя себя. «Ум» гуманиста и «ум» политика в эпоху Возрождения, не сливаясь, тяготели друг к другу. Порождение политического индивидуализма — князь искал общества гуманистов, потому что его собственным оружием была мысль, потому что только гуманист не был ни его подданным, ни врагом. Гуманиста влекли к князю покровительство и оценка, атмосфера аристократии ума и приманка почета и денег. В союзе двух категорий умов ум гуманиста был — память, навык и знание блестящих и пленяющих форм, ум политика — логическое соображение, чутье и знание политических и психологических движений, руководствующих

* *De Sanetis. Storia. Vol. I. P. 344.*

действиями людей. В Италии логика властителя была сильнее, чем страсть; только здесь после долгой борьбы завладев врагом, отпускают его с почетом на свободу, если ему удалось убедить своего победителя, что так выгоднее для него *. Политика Возрождения сосредоточивается в сравнительно немногих руках благодаря самодержавию тиранов и папы; при таких условиях возможно действовать на определенный правящий ум, на индивидуальные слабости человека — разгадывать и пользоваться ими вменял себе в обязанность итальянский политик. Идейный, теоретический интерес стоял для него в стороне: ему был нужен сегодняшний день, и он его наблюдал. Из всех частных наблюдений вырастал неписанный, но блуждавший в умах катехизис. Поставить максимы, обобщающие положения, систематизировать наблюдения, заложить фундамент политической науки, однако, никто не умел и не думал. Требовалось появление ума, далекого от «заблудших» путей гуманизма и от мелко-го, прикладного, острого, но «однодневного» склада политических умов Возрождения.

Обладателем подобного ума, стоящего выше эпохи и в известном противоположении к ней, явился Макиавелли.

Глава вторая

УМСТВЕННАЯ ШКОЛА МАКИАВЕЛЛИ. МАКИАВЕЛЛИ И ГУМАНИЗМ. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ УМА И ТАЛАНТА МАКИАВЕЛЛИ; ЕГО МЕТОД И СТИЛЬ

Среднего роста худощавый брюнет, с маленькой сравнительно с туловищем головой, слегка загнутым носом, очень тонкими, всегда сжатыми губами, с глазами то вдумчивыми и серьезными, то загорающимися внутренней иронией, поразительно живыми, — таков внешний портрет Макиавелли **. Это лицо и глаза человека, в котором страстная порывистость и мечтательность сочетались с бесстрашием и отвлеченным вниманием мыслителя.

В настоящей главе нас занимает *мыслитель*.

* Подобно тому, как Лоренцо Медичи удалось убедить неаполитанского короля ¹².

** Из скульптурных изображений Макиавелли наименее удачен медальон над его гробницей. Вдумчивость и вместе мечтательность Макиавелли прекрасно передает снимок со скульптуры, приложенный к труду Томмазини. Характерен и бюст, снимок с которого в «Revue Archéologique» (1887).

К сожалению, сведения о детских и юношеских годах Макиавелли очень скудны *, спорным остается вопрос о степени его образованности. По сегодняшний день не выяснено, знал ли Макиавелли греческий язык **. Но в каком бы состоянии ни находились лингвистические познания Макиавелли, заметного влияния на склад его ума они не оказали. Нам нечего сожалеть вместе с Гервинусом, что Макиавелли не знал греческого языка, не испытал воздействия более широкой и мягкой культуры: умственный характер Макиавелли принадлежит к тем, которые слагаются по законам своего собственного внутреннего развития, весьма слабо (в главном) поддаваясь влияниям внешней среды.

Макиавелли изучал в молодости латинский язык, должен был обладать кое-какими сведениями по юриспруденции ***, любил и был знаком с музыкой. Филологом, гуманистом, в техническом смысле этого слова, он никогда не был ****. Неусидчивого и живого Макиавелли не могли привлекать тонкость и сухость грамматики, а, как мы увидим позднее, на самый гуманизм Макиавелли был склонен смотреть как на «почетную праздность». Если он должен был иногда, по суждению Виллари *****, ощущать недостаток образования, то, с другой стороны, он тем лучше сберег оригинальность своей и без того самостоятельной мысли. Макиавелли жил во Флоренции Лоренцо Великолепного ¹³. Он никогда не стоял близко и даже нет сведений, чтобы он знал когда-либо лично Лоренцо и был посетителем его собраний, но его родиной был город, стоявший тогда на вершине расцвета, где целые века республиканского правления и политической борьбы партий вместе с торговыми занятиями развили в гражданах умственный интерес, где в суждениях народной толпы обнаруживался быстрый находчивый ум и меткая едкость насмешки. Вся атмосфера живой, всем интересую-

* Что объясняется как невниманием к нему современников, так и тем, что Макиавелли только при нужде говорил о себе.

** Взгляды расходятся.

*** Что возможно заключить из того, что ему было поручено «фамилией Макиавелли» вести спорное дело с семейством Нацци; оно было приведено к положительному результату.

**** Джовио приписывает роль *учителя* Макиавелли известному гуманисту Marcello Virgilio. Влияние последнего на Макиавелли, как то выясняет Томмазини (С. 93—97), несомненно, но Макиавелли никогда не был его учеником — их отношения зиждились на дружбе.

***** Виллари. Указ. соч. Т. I. С. 206.

щейся и мятущейся Флоренции должна была оказать свое влияние на Макиавелли, который был ее сыном по плоти и духу.

14 июля 1497 г. Макиавелли вступил в должность секретаря Флорентийской республики и в течение 15 лет сохранял ее за собой¹⁴. Он приобрел за этот промежуток громадную служебную опытность, практически ознакомился с ходом государственных дел, написал тысячи служебных бумаг*, исполнил в качестве «оратора» ряд щекотливых и трудных поручений при итальянских и внеитальянских дворах. За этот же период он принимал самое деятельное участие в действиях Флоренции против Пизы, закончившихся покорением последней. Одним словом, он был занят с утра до вечера — его ум был вечно в работе и разносторонность обязанностей расширила его кругозор, развила наблюдательность, обостряла его сильную мысль. Но среди практических занятий он не забывал книг, продолжая пополнять свое, во всяком случае несовершенное, образование чтением наиболее интересовавших его классиков.

Наибольшее влияние на склад его понятий оказал Полибий, «оримленный» грек эпохи упадка и разложения Греции¹⁵; и материалистический склад воззрений историка-резонера, и его преклонение перед миродержавностью Рима, и несомненная аналогия «городской» судьбы и развивавшегося эгоистического индивидуализма в Италии и Греции — привлекали Макиавелли к Полибию. Ранке** первый указал на влияние Аристотеля, Эллингер*** идет в этом направлении дальше; но, с другой стороны, зная правдивость Макиавелли, мы не имеем основания сомневаться в его собственном свидетельстве, что во время писания «Il Principe»¹⁶ он не руководился Аристотелем****.

* В значительной своей части еще никем не разобранных и хранящихся во флорентинском архиве.

** *Ranke. Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. S. 167—168.*

*** Упомянутая уже нами работа Эллингера — плод значительной начитанности и внимания. Конечно, далеко не все сходное, а иногда тождественное у древних авторов и у Макиавелли позволяет говорить о заимствовании, но важно уже, если указана хотя бы родственность мысли. Желая стоять на твердой почве, немецкий автор уклоняется от определения духовных влияний. К сожалению, статья его, кроме того, ничего не говорит о влиянии Тита Ливия и Тацита.

**** «Ne so quello si dica Aristotele delle repubbliche diverse»¹⁷. 26 августа 1513. Но есть его же свидетельство, что спустя некоторое время он ознакомился с сочинением великого грека: *Discorsi. Кн. III. Гл. 26. Ed Aristotele intra le prime cose che mette della rovina de i tiranni...*¹⁸

Макиавелли были несомненно знакомы Плутарх, Ксенофонт, Диодор, Геродот, Фукидид, Исократ, Саллюстий, Сенека, Геродот, Светоний*; к этому списку можно прибавить Диогена Лаэртского, Курция Руфа, Валерия Максима, Флора, Валейя Патеркула. Мы умышленно не назвали до сих пор Тита Ливия и Тацита; последний оказал могущественное влияние на стиль Макиавелли, первый — кумир Возрождения — убежденный римлянин и республиканец, был любимцем Макиавелли и косвенным вдохновителем его «Discorsi»¹⁹.

Но определить степень влияния на Макиавелли античных писателей, тем более каждого в отдельности, нам уже трудно. В начале своих «Discorsi»** Макиавелли заимствует из Полибия всю «теорию круговращения» (характерно ее, однако, дополняя). Интересующихся вопросом о принципе он сам отсылает к трактату Ксенофонта о тирании***²⁰. Посвящение к «Князю» воспроизводит почти без изменения обращение Исократ к Никоклему. Дважды в своих «Discorsi» Макиавелли указывает на Геродота****, во второй раз в прямом преемстве с цитатой. В Фукидиде внимание Макиавелли могла привлечь его вера в повторяющееся возвращение политических форм*****²¹, убеждение в неизменности человеческой природы. 19-я и 20-я главы Диодора послужили Макиавелли материалом для фантастической биографии Каструччио Кастракани^{6*21}. Сочинение Саллюстия о заговоре Катилины имело особую и понятную популярность в эпоху Макиавелли²²; незнание с Цицероном считалось позорным^{7*}. Макиавелли, как и гуманисты, не отказался от заимствований, от прямых пересказов без указания источника. Чаще в заимствованное флорентийский писатель вкладывал свое: видоизменяя, прибегая к новым сравнениям, новым оттенкам, неожиданным сопоставлениям. Но обыкновенно Макиавелли брал из античного источника не мысль, только факт. Из этого факта он извлекал идею-мысль, оригинальную, личную; в других случаях событие древности

* Упоминание в письме, относящемся к 1513 году.

** Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

*** Там же. Кн. II. Гл. 2.

**** Там же. Кн. II. Гл. 2; кн. III. Гл. 6.

***** Самая цель истории Фукидида — дать наставление для грядущего повторения.

^{6*} Этот вопрос разработан Триантафиллисом в отдельной статье.

^{7*} Внимание Макиавелли сосредоточилось на его трактате «De officiis»²³.

нужно было как иллюстрация, как пример к выводу его личного наблюдения. Древность, пока мысль Макиавелли еще не окрепла, является для него опорой в том, что он хочет еще доказать, но в чем уже убежден; она занимает в этих случаях срединное место между частным фактом и его обобщением.

Опора мысли — основа мысли — готовая мысль — в тройную эту формулу укладывается все «научное» отношение Макиавелли к древности, отношение несравненно более серьезное и сознательное, чем у гуманистов упадка, которые в античном мире ловили одну только внешность: язык и стиль, готовые образы и почетный шаблон.

Ум Макиавелли можно сравнить с чувствительным механизмом: легкое прикосновение руки — и жужжат колеса, вертятся валики, и пробужденное движение поспешно передается от одной части к другой. Ум Макиавелли не нуждается в сильных толчках, в нажиме событий: для него событие — вся жизнь. За столом ли в «Palazzo», в беседе ли с Борджиа или за книгой Плутарха — его мозг реагирует на все впечатления оживленной мыслью. Она воспитает в Макиавелли разносторонность, она же слишком быстрая — создает беспорядок — больше кажущийся; нет медленного, логического, последовательного развертывания клубка, и кажется, что мысль хватается за ближайшее сочетание и развивает его. Единство в построении существует, только не то, к которому приучена наша мысль. Это не строгое, гармоническое здание: его создатель не видел перед собой, как, например, в «Discorsi», *материального* целого, он не заботился о вырисовке архитектурного плана. Макиавелли удовлетворялся тем, что наметил цель: постройку; он удовлетворялся тем, что каждый отдельный «камень» найдет себе опору не в соседе, не в нижних слоях, но во внутреннем сознании строителя. Макиавелли знает, что он в своей книге будет говорить о религии, о неблагодарности, о князе, о республиканском воспитании, о возникновении государств, о вреде богатства, о судьбе, о Риме и Греции, Флоренции и Италии, — в целом он скажет *все*, что ему нужно сказать, *отзывчивость* же заставляет его говорить о том, что в *данное* мгновение заглохло его мысль. Что за беда, если боковая фреска будет выделена раньше, чем свод, что недокончен фундамент: в конечном итоге будут и свод и фундамент, и фреска найдет свое место в приделе. Без этой способности, при другом методе, мысль Макиавелли потеряла бы в живости, не давала той силы частных впечатлений, какие мы

испытываем при чтении Макиавелли теперь. Но все же временами приходится пожалеть, что слишком иногда увлекаясь минутой, слишком, может, понадеявшись на свое *общее* сознание, он, незаметно для себя самого, впадает в противоречия и самоопровержение*.

Макиавелли нельзя упрекнуть в наклонности к повторению: повторяются только излюбленные основные положения, то, что ему необходимо для объяснения своей новой мысли, для его «максимы», развившейся из того же корня, что и другая. Но в грубых повторениях, вытекающих из неясности, сбивчивости мысли, Макиавелли упрекнуть нельзя — его мышление достаточно сильно и сжато, чтобы обходиться без них. Его увлечение обыкновенно дисциплинировано: он может увлечься развитием именно *этого*, а не иного положения, но, раз взявшись за него, Макиавелли проводит его в резких и определенных чертах. Он постигает связь и умеет представлять явления в связности, — и, как клубок Ариадны в лабиринте²⁴, это выводит его из узких, душных ходов текущего дня на широкий, вольный простор вневременных обобщений. Постигать единство в сложном именно и не умело никогда Возрождение**. Мысль Возрождения цеплялась за ближайшее, проникала его, рассматривала со всех сторон, но все же частное так и оставалось частным. Метод гуманиста был чисто внешний — желая углубиться, он впадал в парадокс. Мышление политика было, как мы уже отметили, прикладным. Истинно научный склад ума, чуждающийся и парадоксализма, и узкого «психологизма», мы находим только у Макиавелли. Подтвердим наше несколько излишне догматическое изложение примерами. 1. Камилл***, повествует Тит Ливий, победитель Веев, дал обет в случае победы принести десятую часть добычи в дар богам, но добыча попала в руки народа. Тем не менее сенат издал эдикт о возвращении назад священной доли. Народ волновался, но ему не приходило в голову нарушить закон.

Мысль Макиавелли приведена в движение. 1) Он строит вывод, первый и очевидный, что в римском народе честность и ре-

* Это заставило Блунчли выразиться, что Макиавелли «не был систематическим научным умом» (*Блунчли. История общего государственного права и политики. Петербург, 1874. С. 12*), и вложить очень строгий суд в уста Janet (*Janet. Histoire de la science politique. Vol. II. P. 57—59. Изд. 1872 г.*).

** Гвичардини, например, прямо восставал против необходимости обобщающих положений.

*** Этот блестящий пример указан еще Джингене.

лигиозность были незыблемы. 2) Он заключает, что там, где нет этих качеств, нет и добра. 3) Он последовательно обзрывает в этом отношении Италию, Францию, Испанию, Германию; 4) наиболее развращенными он находит итальянцев, наименее — германцев. 5) Он ищет оснований последнего и 6) находит одно из них в равенстве граждан. 7) Отсюда он заключает, что в странах, где существует равенство, можно основать республику, 8) в других же нужен король. Такими широкими обхватами идет его мысль, и так один вывод вызывает другой; поставленная максима наталкивает мысль на новые наблюдения, и из этих наблюдений вновь возникает положительный тезис.

2. Политическая служба забрасывала Макиавелли в Германию и Францию; результатом его наблюдений над этими странами был ряд сжатых этюдов, в которых, может с наибольшей полнотой, обнаружилось высокие умственные достоинства Макиавелли. В вопросах статистики и пунктуальной точности, в определении отдельных фактов, говорит итальянский биограф * (к мнению которого мы вполне примыкаем), Макиавелли уступает венецианским послам, но, когда дело идет об определении природного склада и политической ценности князей и народов, о влиянии, какое оказывают на личные свойства события времени, о раскрытии действительной природы учреждений и вытекающих из того следствий, — бесспорно, пальма первенства за Макиавелли. Только у него — в этих кратких этюдах — мы замечаем выдающийся анализирующий и синтезирующий ум, широкий, чисто научный интерес и столь редко вообще встречающуюся способность быть объективным. И снова мы должны противопоставить Макиавелли его времени, мало способному к объективности в силу эгоизма и узости целей; способность Макиавелли к беспристрастию, являясь большим достоинством мысли, практически поэтому только вредила ему. Слабо умели оценить современники и его простоту, равнодушие к блеску, пренебрежение к парадоксу. Макиавелли мог жертвовать истиной ради дидактической цели, он мог сознательно затушевывать, когда дело шло о нескольких великих мечтах его жизни, но ради эффекта, ради впечатления как такового он своей мыслью и правдой не жертвовал никогда **. Если Макиавелли стоял перед трудной, еще не продуманной или сложной проблемой, он не боялся делающего ему честь признания: «не знаю»; «но

* Виллари. Указ. соч. Т. II. С. 72—74.

** Маколей приводит в пользу Макиавелли сравнение его с Монтескье: последний хотел ослеплять, первый — делиться истинами.

откуда происходит, — говорит он в одном из своих писем-анализов, — что совершенно различные действия в результате приносят совершенно одинаковый вред или пользу? — Я не знаю, и это пункт, по отношению к которому я бы желал обладать способностью его осветить».

Подобно тому, как из содержания его политических трактатов исключена всякая ходульность, желание прельстить, — и его стиль сжат, прост и силен, лишен даже намека на мишурную обработку. Мысль Макиавелли уже достигла тех граней, где нет заботы о форме, где только есть стремление возможно яснее выразить то, что родилось в мозгу, что само бежит под перо и находит слова. Макиавелли точно забывает, что существует *искусство** писать, и потому именно стиль его становится сжатым, сильным и идеальным в своей простоте**.

Но Макиавелли был человеком — в его умственном складе мы должны найти недостатки; он был «вспахивателем новины» — они неизбежны вдвойне. В характере Макиавелли была не только живость — был избыток живости, и это вредило ему, по крайней мере как мыслителю. «*Animus evagandi et cursitandi tam avidus*» ***²⁵ распространялся в нем и на сферу ума; достоинство влекло за собою и недостаток; разносторонность мысли соединялась с ее излишней подвижностью. В соединении с жадностью раскрывающего новые горизонты ума это заставляло порою Макиавелли угадывать больше, чем познавать, обобщать во чтобы то ни стало даже тогда, когда не был еще собран достаточный материал, когда частный или плохо наблюдаемый случай не давал на то права; страсть утверждения: «*é una massima*» ****²⁶ — уже по указанию его друга и современника Гвиччардини, склоняла Макиавелли к крайностям и заблуждениям. Мы не противоречим себе: Макиавелли говорил «не знаю», когда ему *казалось*, что он не знал, — в этом заключалась его добросовестность — но ему нередко *столь же добросовестно* представлялось, что он в своем, по существу шатком и поспешном, выводе незыблем и прав. Неудачность выводов питалась также доверчивостью Макиавелли: его критические способности еще достаточно слабы. Так, ореол древности, рес-

* *Де-Санктис*. История литературы. Т. II. С. 63.

** Тэн — сам мастер слога — пишет: «В его (Макиавелли) слоге мы находим силу, глубину, простоту и суровое мужественное красноречие, достойное древнего философа» (*Тэн*. Тит Ливий. Критическое исследование / Перевод Герье. М., 1900. С. 180).

*** Из письма друга к Макиавелли.

**** Что подчеркивает Томмазини (С. 563).

публиканства и славы защищал и покрывал в его глазах Тита Ливия, и Макиавелли верит ему безраздельно, вплоть до существования Энея *; не соглашаясь — и то редко — с мыслями, он берет без всякой критики фактический материал, и заблуждения комментатора укрепляются заблуждением творца.

Наконец, Макиавелли не всегда беспристрастен. У него были мечты, которыми не он владел: *они* владели им, *они* заставляли его — поборника объективного знания — увлекаться, сознательно (и бессознательно) искажать. Макиавелли был слишком, по неодолимому влечению, республиканцем, он слишком жаждал государственного спасения и величия Флоренции (и Италии), слишком верил в целительную силу своих средств, слишком идеализировал античный Рим — чтобы против всех этих «жажд» и «вер» могла устоять даже его потребность быть объективным **.

Макиавелли был не только политическим мыслителем (и историком), он был литератором. Его перу принадлежит «Мандрагора» — лучшая комедия Возрождения, еще несколько комедий (незначительных), живая и остроумная новелла «об архидиаволе Бельфегоре», две «деценалии», недоконченная поэма «Золотой Осел», карнавальные песни и группа «Capitolo».

Но строгий, способный к абстракциям ум Макиавелли был лишен способности пластических представлений: его фантазия бледна, язык сух ***. Стремясь в своих литературных произведениях быть «поэтическим», Макиавелли впадает в ходульность или прямо банальность; его описания, даже чувственные, придуманы и напряжены. Его комедии — комедии характеров: в них большой и наблюдательный ум автора анализирует души, создает положения, и в этих положениях каждый характер развивает себя; нет красок, но сжатый и живой язык комедий служит их украшением. Сам Макиавелли считал себя и поэтом: он почувствовал себя оскорбленным ****, когда Ариосто среди

* Discorsi. Кн. I. Гл. 1.

** Примером может служить его описание «резни в Сингалы» ²⁷, где ради «идеализированного» Борджиа, он искажает правду даже в ущерб чести родины, говоря о вымышленных оскорблениях флорентинцев по отношению к Борджиа. Сознательные искажения встречаются и в «Истории» Макиавелли.

*** Мы разделяем в этом отношении взгляд де-Санктиса и Питти.

**** В письме к сыну от 1517 года.

других современных поэтов не упомянул и о нем. В то же время он — сотоварищ по эпохе Ариосто и Полициано, Микеланджело и Рафаэля — смотрел на искусство как на «благородную праздность». Он жаждал воскрешения государственной жизни античного Рима и был совершенно равнодушен к каменным и мраморным останкам его; ни одним словом не обмолвился он о них ни во время ни после своей «миссии» в Риме*.

Макиавелли был мечтателем-реалистом, еще точнее — *мечтателем реализма*. В этом единственном значении он был «поэт». В итальянской литературе он занял свое место как творец комедий и новеллист, для остального мира — он политический мыслитель, чья серьезность, сила и сжатость мысли, самое совершенство строгого стиля свидетельствуют, что он был нечто большее, чем ум Возрождения.

Глава третья УКЛАД ИТАЛЬЯНСКОГО ДУХА. НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Итальянцы — самые без-
нравственные из людей...

Лютер

Под сложным воздействием географических, политических и культурных причин возник, как следствие, итальянский характер, тот «человек Возрождения», в котором холодность и страстность, злодейство и благодетельность, талант и ничтожество сочетались в одном лице. Под горячим солнцем, под лаской южной природы уже средневековый итальянец чувствовал, как дыхание радости просыпалось в душе; в нем рождалось сознание, что земля, которую он должен презирать, жива и прекрасна. Труднее чем где-либо было здесь человеку освободиться от внешнего мира, сосредоточиться в себе, существовать силою самодовлеющих или обращенных к идеально-бестелесному чувств. Фантазия, способность пластических представлений и воскрешений в Италии была ярка и сильна, и, привходя в страсти, она наделяла их ужасающей остротой.

Эгоизм приобретал всю свою беспредельность**, беспощадная мстительность питалась живым и резким воспоминанием

* Представляя в этой области разительный контраст со своею эпохой.

** Буркхардт. Указ. соч. Т. II. С. 178.

обид. Влечение к пластическому, телесному, в пылком южном темпераменте будило неудержимую чувственность, слабо подающуюся нравственному укрощению страсть. Не будь других действующих на его характер сил, итальянец был бы только чувствен, беспечен, ярко порывист и полуживотная радость существования господствовала и управляла бы им. Но его исторические судьбы не были так легки и светлы, и политическая жизнь развила в нем черты, которые иногда стоят в прямом противоречии с теми, на какие нам уже удалось указать.

Особенность исторических судеб Италии — *в развитии городов*. Этим городам, как только они окрепли, пришлось вести борьбу с феодализмом. Коммуна должна была не забывать об императоре, помнить о папе, и она скоро научилась направлять две верховно-враждебные силы друг на друга, извлекая из каждой всю возможную пользу. Города научаются ждать, они приобретают вызревший из инстинкта осторожности политический смысл*. Одновременно в городах развивается торговля, крепнет богатство: в средневековый мир силы, знатности и оружия вторгается *капитал*.

Под влиянием этих-то факторов в народный характер входит ряд типических черт**. *Купец* должен быть осторожен — расчетлив; он привыкает надеяться на себя — на свои способности и талант, он приучается быть постоянным и неутомимым в труде. Его не спрашивают о происхождении — его спрашивают о деньгах, от него требуют опыта и умственной силы. Купец привыкает хитрить: он должен представить товар лицом, для него более важно, чтоб товар *казался* хорошим, чем *был* таковым. Тот же купец в качестве горожанина, борца с феодализмом, приобретает коллективную хитрость, развивает осторожность. Но оружие горожанина не ограничивалось «дипломатией»: он умел держать меч, храбро сражаться, обороняться и наступать. В коллективной борьбе сохранялось единство политического интереса, муниципальный патриотизм. Идя от недостатка к до-

* По отношению к Флоренции это прекрасно выяснено Перраном в его четырехтомном, увенчанном академией труде: *Perrens. Histoire de Florence depuis ses origines jusqu'à la domination des Médicis*. Paris, 1883.

Конспективная форма нашего изложения не позволила нам воспользоваться многими любопытными данными.

** Как известно, Маколей склонен чуть ли даже не весь характер Возрождения выводить из психологии купечества; эту точку зрения, разумеется, необходимо расширить и смягчить указанием и на иные элементы.

статку, от достатка к богатству, горожанин долгое время продолжает копить, но не расточать, образ жизни оставался консервативен и прост; в интимном существовании сохранялась известная добродетельность, хотя отсутствовал идеализм. Но продолжающееся накопление богатств, возникновение *внутри* города брожения политических сил, постепенное обострение индивидуальных стремлений во всех формах жизни оказали самое неблагоприятное влияние на дальнейшее развитие характеров. «Буржуазные» добродетели постепенно, но неуклонно уходят на второй план, новых — идеалистических, обновляющих — факторов не является.

Горожанин уже слишком богат, он может позволить себе все влечения, с другой стороны, он норовит сбросить бремя лишений и боевых невзгод на чужие плечи. Главным образом психология разбогатевшего купца создает злое и уродливое явление — *кондотьеризм* *²⁸. Так было в Греции, где ионийские государства, заняв первое место по расцвету богатств и торговли, были и первыми, где упал воинский дух **. То же случилось и в Италии. Воин в горожанине стал умирать, и совершенствоваться осторожный, расчетливый и бессовестный дипломат.

Коммуна сокрушила феодализм, но в себе самой она вызвала процесс разложения. Феодал, превращенный в нобиля, внес тревогу и анархию в жизнь городов; богатая буржуазия стала стремиться к исключительному господству; в народе пробудилось брожение. Благо целого уходило на второй план, в борьбе сталкивающихся интересов и честолюбий эгоизм партийный и личный шли рука об руку. И муть политических бурь выбрасывает на свою поверхность новый тип — князя-тирана, властителя, самое положение которого должно было вызывать в нем хитрость, лицемерие, вероломство, беспощадность в добывании и жестокость в сохранении добытого ***.

И все указанные черты, возникшие в большинстве еще задолго до Возрождения, до конца привходят в него.

* Мы увидим с какой ненавистью и горечью говорил об этом явлении Макиавелли.

** Маколей.

*** Мы увидим (часть вторая. Отдел первый. 2), что эти князья были способны к заботам о народе, к устройству внутреннего порядка и правосудию, но нравственный мотив был тут ни при чем; к тому же таковы были крупные тираны, мелкие же — помесь с феодализмом и кондотьеризмом — даже и подобных черт не имели.

Характернейшей чертой человека Возрождения является — повторим это еще раз — его устремленность к земному. С его очей спал мистический покров, с его мысли — тягость авторитета, с его души — нравственный императив.

Человек сбросил покров и увидел себя и природу, смеющуюся, радостную: освободившись от долгих нравственных уз, он почувствовал прелесть свободы. Детска и легка радость XIV века, в XV она становится более сознательной и серьезной*; полотна и эскизы Леонардо да Винчи свидетельствуют о стремлении — характерном для века — воплотить божественную улыбку на прекрасном лице**. Познав свое «я», не растворяя его более ни в чем, никому не жертвуя им — ни Богу, ни благу людскому, ни семье, ни друзьям, — человек, без всяких колебаний, без угрызений совести, безгранично любит себя. «Uomo unico»***, «uomo singolare»²⁹, он, устами Валлы, готов возвести в принцип и свою изолированность, и свой эгоизм****. «На мне не лежит обязанности, замечает он, умирать за одного из граждан, ни за двух, ни за трех, ни за бесконечное количество их. Почему я обязан умирать за отечество, если оно состоит из этих граждан?» Под влиянием наблюдательности, подмечания контрастов между мыслью и словом, между словом и делом, под влиянием раскола между образованными классами и невежеством масс в итальянце Возрождения развивается еще более изолирующая его насмешливость, ирония. Он умеет смеяться весело и беспечно, но чаще его насмешка остра, как кинжал, и вонзается с холодом, причиняющим боль. Никто и ничем не был от нее защищен: ее дерзко бросала в глаза папе уличная толпа Рима, едкие, беспощадные эпиграммы начерчивались за ночь на стенах домов, позорные и унижительные, но меткие клички оставались за человеком на всю его жизнь. Соответствия правде не требовали, и самые гнусные клеветы и лживые памфлеты ценились по остроумию*****. Ирония обращалась на идеализм, и мечты феодального мира под рукой талантливого искажителя-пародиста встречали здесь смех. В легких и бегучих

* Яничек. Указ. соч. С. 33—34.

** Виллари. Указ. соч. Т. II. С. 11.

*** Gebhart. La Renaissance italienne et la philosophie de l'histoire // Revue d. d. Mondes. 1885. Nov. P. 360. Этот блестящий этюд составлен преимущественно по Буркхардту.

**** Монье. Указ. соч. Т. I. С. 46.

***** Томмазини. Указ. соч. С. 85.

стихах Ариосто * выразилось все презрение, какое питал итальянец к грандиозным мечтам. Не расширяя себя более в идеале-мечте, для своего «я», для своей бесконечной суетности, человек Возрождения был объят *жаждой славы*: он хотел, чтоб о нем знали, о нем говорили, им восхищались; «анонимность» Средних веков утеряна без следа. Гуманисты жаждут «венцов бессмертия» и с самомнением их раздают **. Ради славы итальянец Возрождения совершал убийства, ковал преступления: пусть хоть за низость, за выдающееся злодейство распространится его имя среди современников, переживает его смерть ***. Воскресает героическое небо древних, близкое представлениям Цицерона и «Федону» Платона ****. По выражению Виллари ***** жажда славы становится демоном Возрождения. Жажда славы, жажда власти, жажда наслаждения, богатство новых — уже недоступных нам — впечатлений, необходимость отвоевывать себе каждый шаг среди других развивающихся эгоизмов доводят до необыкновенной напряженности энергию «Возрожденца». Представляется, что у него «нет времени уставать», он работает весь день с железной неутомимостью в своих мастерских, складах, конторах, «палаццо» князей и «палаццо» синьорий, чтобы потом идти «отдыхать» ^{6*} к «куртизанкам», на товарищеские собрания или, уединившись у себя, обдумывать все те же дела, или склоняться с благоговением над книгой Плутарха ^{7*}.

Но раз направленная, энергия итальянца неумолима; питаясь страстью, она вместе с тем в человеке Возрождения холодна, жестока, он не ждет чужой помощи — он вершит самосуд, возмездия ужасны ^{8*}. Убийство нам представляется чем-то исключительным, убийца — отщепенцем общества, его преступ-

* *Де-Санктис*. Этюд об Ариосто в его истории литературы. Т. II.

** Полициано требовал известий от Иоанна Португальского, чтоб его «обессмертить» (*Яничек*. Указ. соч. С. 86).

*** См. предисловие к «*Storie*» Макиавелли ³⁰.

**** Любопытно, что в девяти категориях, на которые распределяет Фаччио «героев», последнее место занимают князья и короли.

***** *Виллари*. Указ. соч. Т. I. С. 178.

^{6*} Выражение из одного письма Макиавелли.

^{7*} Замечательно, что уже у Данте человеку бездеятельному скорей, чем преступному, — место в аду (*Gebhart*. *L'Italie mystique*. 1893. P. 324).

^{8*} О взгляде на самосуд: *Корелин*. Ранний итальянский гуманизм и его историография. С. 638; о жестокости ярко: *Körting*. *Die Anfänge der Renaissance-litteratur in Italien*. 1884. S. 161.

ление ложится на всю его жизнь неизгладимым пятном. В Италии не спрашивают, преступно или не преступно убийство: там следят цель, там человек оценивается *по энергии достижения*. Если он закалывает противника на улице — сочувствие толпы на его стороне*; если он путем тончайшего лицемерия и вероломства завладевает им — только враги его и друзья погибшего призывают проклятия, остальные — проникаются уважением к нему. Это та черта Возрождения, постичь которую психологически нам уже труднее всего.

По мнению Буркхардта**, человек Возрождения обладает в сильной степени одним чувством — достоинством и недостатком: «*onore*»³¹. *Onore*, замечает германский автор, способно соединяться с большими пороками, способно к невероятным заблуждениям, но и все, что осталось благородного в человеке, способно прилепляться к этому чувству, — «и многие преданные нравственности и религии поступают бессознательно по мотиву “*onore*”»***. Чувство это влагает шпагу или кинжал мстителя в руку итальянца, заставляет его не бояться опасностей и трудов, оно сливается в нем со славолубием, но более глубокого — внутреннего — чувства собственного достоинства оно ему не дает. Горделивость гуманиста уживается в нем с внешне почетным, но по существу паразитным пребыванием его при княжеском или папском дворе, и он способен воспевать добродетель Лукреции (Борджиа)****, незлобивость ее мужа, герцога Феррары (братоубийцы), девственность развратного кардинала. Цезарь Борджиа мстит беспощадно за малейшее даже заочное оскорбление, его осанка горделива и властна, но — достаточно было повернуться колесу фортуны — и тот же Цезарь униженно ползает на коленях перед своим недавним врагом и проклиная перед ним память единственного любившего его человека — память отца. В переплетении интриг, в борьбе эгоизмов заглушается голос крови: родному брату, или именно ему, нельзя доверять*****.

Чувственные стремления, освободившись от средневековых — религиозных и традиционных — оков, под горячим сол-

* Выражение Понтано: «В Италии нет ничего дешевле человеческой жизни».

** Буркхарт. Указ. соч. Т. II. С. 176.

*** Мы отказываемся, однако, расчленить это чувство на эгоизм и совесть.

**** Как Ариосто.

***** «Монсиньор, — писал Людовик Мавр Асканио Сфорце, — простите, что я Вам не доверяю, хотя Вы и мой брат».

нцем, при избытке фантазии влекут человека Возрождения на путь, где его ждут цинизм и разврат. Сохраняется форма семьи, но семейный «очаг» все более исчезает. Развращающее влияние богатства сказалось на появлении гетер-куртизанок, почти гордых своим положением. Ниже стояли целые армии проституток*. С конца XV века с ужасающей быстротой стала развиваться «французская болезнь». Ею бывали больны сами святейшие папы, как Юлий II, против которого, впрочем, существуют нравственные обвинения еще худшего рода**. Точно воскрешенный знакомством с античным миром перестает себя стыдиться и скрываться «греческий грех». Во дворцах тиранов происходят сцены ужасающих содомий***. К сожалению, именно гуманисты прививают литературе цинизм****.

Не будем представлять себе человека Возрождения более утонченным, чем он был на самом деле. В обществе придворных и образованных дам Кастильоне, изящный и мягкий, мог читать своего «Царедворца»³², мог рисовать своих удивительных мадонн Рафаэль, поэтические идиллии какого-нибудь Санаццаро или Полициано вызывать сентиментальные слезы на глазах кондотьеров и улыбающихся утонченных князей*****, — все это едва прикрывало грубость сердец; живость в человеке оставалась неукротена. Итальянец Возрождения продолжает смеяться грубым «нутряным» смехом; считалось остроумным сбросить кого-нибудь с лестницы или вылить ему неожиданно соус за воротник. В дворцах постройки Леонардо да Винчи или Альберти появлялись развлекатели-акробаты.

Портретная живопись процветала в Италии; национальные и частные галереи сохранили поэтому десятки изображений — фигур и лиц — представителей Возрождения. Вглядываясь в эти лица, внимательный наблюдатель может отметить в них общее, характеристическое, то, чем отличается человек Возрождения от иных, более ранних и более поздних эпох. «Широкий, величественный лоб»^{6*}, сильная и темная, но не сумрачная ли-

* В Риме число проституток к 1490 г. достигало 18 000.

** *Brosch. Depeschen von römischen Hofe zur Zeit A. VI und Julius II // Historische Zeitschrift. 1887. Bd. I.*

*** Достаточно прочесть Буркхардта или многочисленные выписки-цитаты Монье.

**** Склонность к фривольности сказывается уже у Петрарки (Жорелин. Указ. соч. С. 280).

***** Монье. Указ. соч. Т. I. С. 28.

^{6*} Маколей.

ния бровей; глаза, которых спокойный и ясный взгляд сам, чудится, не выражает ничего определенного, но с тихим вниманием все до мелочей озирает вокруг; губы, которые, несмотря на почти женственную нежность, сжаты с более чем мужескою решимостью и указывают на людей энергичных и опасливых одновременно, людей, которые столь же хорошо проникают в замыслы других, как прячут свои; эти люди ненадежны как союзники, страшны как враги». Мы должны прибавить к этому, что глаза их способны улыбаться, но самую улыбку они замыкают в себе, что ирония и нечто отталкивающее и брезгливое лежит в углах их губ, а в резко опускающихся от рта складках чувствуется холод, цинизм; крупный, грубый, с горбиной нос свидетельствует столько же о твердости, сколько и о грубости их натур. И в общей сложности черт их лица — умного и непривлекательного — мы не находим одного: *благородства*.

Благородства не воспитала осторожная, хитрая борьба городов против замков, благородства не могла сообщить психология купца: они воспитывали зоркость и предусмотрительность, коварство и расчет, умение находить опору в себе самом и вносить логический — довольно узкий — подсчет во все сферы жизни. Тем менее способно было стать воспитателем благородства Возрождение: религиозно-нравственный, «духовный» критерий был им устранен, в основу каждого действия была положена логика холодно подсчитывающего ума. Освобожденный от власти коллективных идей, от рамок «касты», корпорации, «семьи», человек обнаруживает весь свой ужасающий эгоизм; чувство долга и голос совести превращены им в слова.

Таково нравственное разложение эпохи и таков ее человек.

Глава четвертая МАКИАВЕЛЛИ КАК ЧЕЛОВЕК

Только по общему облику личности Макиавелли да по немногим отрывочным сведениям в состоянии мы построить предположения о том, как складывались молодые годы Макиавелли среди подвижной, веселящейся, блестящей и далеко не безупречной жизни Флоренции. Город Лоренцо Великолепного веселился и хотел веселиться*. После долгой внешней и внутренней борьбы наступил мир, и накопленные богатства влекли к

* См.: *Geffroy. Études italiennes I «Florence, la Renaissance»*. Paris, 1898. P. 62.

наслаждению. Из дворца Медичи, из-под пера «гражданина» Лоренцо выходили «карнавальные» песни, легкомысленные, живые, плод вдохновения и холодного расчета: в золотой, художественно разукрашенной чаше преподносился народу яд — призыв к чувственности, к легкомысленному и страстному существованию сегодняшним днем. Отношения полов были легки и свободны. В разговорах — двусмысленные шутки, в сердцах — ирония, быстрая и беспощадная, как острый ум флорентийца.

В такой атмосфере протекала молодость Макиавелли, вероятно, такая же подвижная и живая, каким всю свою жизнь чуть не до последнего мгновения оставался он сам. Об отце его мы только знаем, что он был ученый-юрист, мать Макиавелли умерла, когда ему было 27 лет*. Это была благочестивая женщина, писавшая в поучение сыну в честь Девы Марии духовные стихи, — религиозности, однако, она сыну не передала. Истинным «развивателем» Макиавелли была флорентийская жизнь, содружество людей, среди которых он мог пленять и выделяться своим едким умом, и вместе с которыми отдавать честь вину и, более пленявшей его, богине Венере**. Не без влияния подобных привычек и общества проявлял он всю жизнь неумение удерживать деньги в кармане, хотя легкомысленным расточителем он никогда не был***. Более опасным врагом его была чувственность, более отталкивающей чертою — цинизм насмешки и шутки, способный свидетельствовать о некоторой грубости нравственных чувств. Однако литературные враги Макиавелли слишком подробно и односторонне останавливались на этих мало симпатичных чертах****. В эпоху, когда дамы могли слушать «не краснея» пьесы, подобные «Клиции», Макиавелли имел право считать себя *не хуже других*. Если его комедии непристойны, то не это составляет их главную цель; у него нет чувственного воображения Боккаччо. В его нескромной переписке с Веттори³³ Виллари справедливо отмечает***** при-

* Виллари. Указ. соч. Т. I. С. 262.

** Нитти. Указ. соч. С. 10.

*** Там же; небольшое полученное им от отца наследство он не уменьшенным передал своим детям.

**** Из новых авторов клерикально настроенный Пастор (*Pastor. Geschichte der Päpste im Zeitalter der Renaissance. Bd. III*) говорит о Макиавелли как о смеси циника и эпикурейца. Строг и пуританский суд Грегоровиуса в его знаменитой «Истории города Рима». Грязною личностью рисует флорентинского секретаря в своей книге-памфлете Нурриссон (*Nourrisson. Machiavel. Paris, 1883*).

***** Виллари. Указ. соч. Т. II. С. 190—194.

думанность, желание угодить развратному и грубому собеседнику *. Наконец, чувственность Макиавелли иногда не что иное, как угар, как единственное наслаждение в подневольно-бездельной жизни, которая ему представляется «сном» **. По своему времени Макиавелли не был дурной семьянин. Он уважал и чувствовал душевное расположение к жене; в своем завещании он в искренних и сердечных словах назначает ее неограниченной опекуницей детей, без обязанности дать им когда-либо отчет ***. Макиавелли умел искренно любить: прочтите его переписку с его племянником Джованни Верначчи **** — она вся дышит может и не глубоким, но *мягким искренним* чувством. Человек, написавший «Il Principe» не был жесток: он чувствовал нервное отвращение к кровавым зрелищам *****; если он говорил спокойно о вероломстве, предательстве, убийстве, если он одобрял резню в Синигалии — в этом сказывалось, с одной стороны, абстрактное *чуждое представлений* мышление теоретика, а с другой — та *особая* оценка человеческой жизни, при которой об «устранении» человека говорили с такой же легкостью, как мы об устранении какого-нибудь технического препятствия на нашем пути. Более замечательно, что человек, самое имя которого превратилось в определение притворства, *не был и не умел быть лицемером*. В эпоху, когда глаза казались созданными для того, чтоб ничего не выражать и все проникать, а речь для того, чтоб узнавать, но самому ничего не сказать, Макиавелли представлял собой исключение. Черты лица его были выразительны и подвижны, и по ним можно было читать; он был слишком предан «обобщающим» силам науки, чтобы быть практически коварным политиком дня. Его проницательность — это чуткость привыкшего к рефлексии, к размышлению ума, но не тот инстинкт моментального угадывания, который действующему политику нужнее всего. Макиавелли не только не лицемер — он *наивен*, и лишь большой его ум временами выручает его. При встрече с гениальным лицемером — истинным человеком Возрождения — Цезарем Борджиа Макиавелли теряется ^{6*}, подчиняется, восхищается его притворством,

* Письма к Веттори от 1514(15) г.

** Как Макиавелли выражается в другом письме, в трагический для него 1513 год.

*** Джингене. Указ. соч. С. 70.

**** Виллари. Указ. соч. Т. III. С. 38.

***** Там же. Т. I. С. 348.

^{6*} Все биографы Макиавелли сходятся в этом пункте, столь противоположном ходячему мнению о влиянии Макиавелли на Цезаря.

не только потому, что оно есть сильное орудие к достижению цели, но и потому, что это искусство так мало доступно ему самому. Прочтя десятки страниц его донесений, неизбежно проникаешься уважением к его оригинальному, интересному уму, но не находишь и следа коварной, двуличной души Возрождения. Иногда его практическая неопытность способна вызвать сожаление и приводит к самым превратным выводам тех критиков, которые подходят к мыслям и действиям Макиавелли со скальпелем логическим вместо психологического. Макиавелли, например, никогда не мог понять, как могут не нуждаться в нем, в голове которого столько планов, столько ясных, «бесспорных» рецептов к возвеличению Флоренции или спасению Италии. Фанатик своих идей, влюбленный в грезу их осуществления, не всегда достаточно оценивающий наличность реальных противодействующих сил*, Макиавелли перестает отделять эти идеи от себя. Враг полумер — он любит силу, размах, хватается за сложные, трудноосуществимые планы, говорящие несравненно более о необыкновенном запасе энергии, чем о трезвом и холодном рассудке. Макиавелли незаменим поэтому везде, где нужно ободрение, увлечение, неутомимость. При всем том он натура более мыслящая и чувствующая, чем волевая: ему не хватает для последней инстинкта властности, умения подчинять**. Он не умеет нажимать в людях тайных или слабых пружин, он слишком весь налицо, он слишком *идейно прост* для своей мелко-сложной эпохи. Так и не удалось ему никогда достичь самостоятельности и влияния, никогда у него не было «группы», «партии» единомышленников, которыми бы он мог руководить. Но, к его чести, демон Возрождения — слава — не был в нем руководящей силой поступков. Ни жизнь без слез, ни неблагодарность, ни разочарования не могли сломить в Макиавелли желания мыслить, действовать, жить, приносить пользу государству, ему честно служить. Этой *честности служебной* чувствовали себя вынужденными верить даже враги***. Все дела, в которых Макиавелли был обязан отчетностью, где денежные — во время осады Пизы очень крупные — суммы

* Как в вопросе о народной милиции.

** *Виллари*. Указ. соч. Т. I. С. 259; *Де-Санктис*. Указ. соч. Т. II. С. 64.

*** *Джингене*. Указ. соч. С. 24. Только однажды в жизни враги заподозрили Макиавелли в продажности. И когда же — во время заточения Цезаря в Риме при Юлии, так как де Макиавелли слишком интересовался личностью этого врага Флоренции. Обвинение не выдерживало критики (*Нитти*. Указ. соч. С. 248).

проходили чрез его руки, были ведены флорентийским секретарем с безукоризненной честностью: деньги государства для него были священны *. В этом отношении он возвышался над толпой, особенно во Флоренции. Тем более приходится сожалеть, что Макиавелли не возвысился над веком в одной из его характерных черт: подобно своему времени, Макиавелли не умел чувства своего внутреннего достоинства поставить выше всего. Со своим покровителем Веттори он стоит почти на равной ноге, письма к нему кардинала Содерини проникнуты дружеским уважением, посвящение в «Discorsi» выдержано в благородном тоне, но роковым для имени Макиавелли как человека является его отношение к Медичи **.

Нас отталкивает человек, который в душе продолжает горячо любить только что низверженную республику, который принимал самое деятельное участие в ее обороне и который, после того как сила и власть перешли к Медичи, старается подготовить себе сохранение службы и врагам республики, в письмах к одной из родственнице говорит: «Padroni mei» ***³⁴. Нас поражает человек, который по простому подозрению его участия в заговоре против Медичи вздернут на дыбу, посажен в тюрьму и который простирает свои раненные руки к тем же Медичи, собирается им верно служить. Никакие объяснения не оправдают, безукоризненным в наших глазах поведение Макиавелли не станет, но объяснение, *смягчающее* вину Макиавелли и слабо до сих пор его критиками развитое, необходимо. В глазах одних Макиавелли — ренегат, другие хотели бы видеть в его поведении коварное лицемерие, наконец, наиболее приближающиеся к правильному решению объясняют поведение Макиавелли слабостью нравственных воззрений его времени, но не отмечают того, на что мы намерены указать.

Деятельность Макиавелли в последние годы республики дробилась между дипломатическими миссиями и заботами об орга-

* *Питти*. Указ. соч. С. 63. Неоднократные указания и у Виллари. «С полным бескорыстием исполнял Макиавелли обязанности, доверенные ему, и, раз он становился лицом к лицу с ними, его собственная личность совершенно исчезала» (*Гаспарри*. История итальянской литературы. М., 1897. Т. II. С. 311).

** Легко догадаться, что писатели, не расположенные к Макиавелли, с особенной охотой останавливались на этом пункте, чтобы представить Макиавелли человеком без чести и самолюбия, «куртизаном, просящим подачек» (*Нурриссон*. Указ. соч. С. 107).

*** В письме к «неизвестной», написанном после низвержения республики, вскоре после реставрации Медичи.

низации народной милиции, иначе говоря, его главнейшие работы и старания были направлены на поддержание внешнего могущества Флоренции, на установление выгодных или безопасных отношений с императором, папой, французским королем и различными властителями Италии и на попытку путем создания военного могущества освободиться от непрочных дипломатических соглашений, опереться на собственные реальные силы. Какова бы ни была *внутренняя* политика Медичи, во внешней они должны были *не менее* заботиться о могуществе и силе Флоренции, чем предшествовавшие им республиканские учреждения. Служа *этому* делу своим опытом и талантом, Макиавелли, очевидно, по собственному воззрению, не совершал никакой измены: он хотел приносить пользу родине* и продолжать жить в сфере политических интересов, в чем он нуждался, выражаясь несколько тривиально, как «рыба в воде». Но не способствовал ли бы он этим *внутреннему* усилению Медичи? Таким вопросом Макиавелли, как и подавляющее большинство его современников, не задавался. Вспомним только, что сам пожизненный гонфалоньер³⁵ павшей республики, Содерини, был готов примириться с врагами**.

Но что сказать о двух сонетах, посвященных кардиналу Медичи, особенно о втором, в котором Макиавелли в преувеличенных красках изображает свое заключение в темнице для того, чтоб кончить следующими ужасающими по цинизму словами: «я услышал сквозь сон на рассвете похоронное пение (это вели на казнь осужденных заговорщиков)... пусть идут, лишь бы Вы, мой господин, милостиво обратились ко мне и освободили меня из терний темницы»***.

Как низко нужно было пасть, чтобы произнести подобные слова. Но Макиавелли и не был герой — по крайней мере не мог

* Не мешает припомнить при этом фразу современника и друга Макиавелли — Гвиччардини: «Если благородные люди удаляются от тирана-властителя, они оставляют его во власть людям порочным и неспособным».

** *Томмазини*. Указ. соч. С. 593.

*** По убеждению Виллари, сонеты были написаны Макиавелли позже, в злую шутку. Главнейшие его доводы: 1) Макиавелли, выйдя из тюрьмы, хвалится в письме к Веттори своим мужеством, 2) цинизм сонетов мог только оттолкнуть кардинала Медичи, 3) шуточный тон стихов не соответствует тому расстоянию, какое отделяло Макиавелли от кардинала-правителя. Нам только первый аргумент представляется сильным. Главнейший недостаток гипотезы — слишком большая придуманность.

им быть вовсе в эту минуту. Он способен был бесстрашно встретить смерть на поле сражения, в служении отечеству, — но он был брошен в темницу без вины с его стороны, и возможность умереть за дело, в котором он не участвовал, должна была ему представляться ужасной.

Макиавелли хотел жить всеми фибрами своего страстного существа: жить — мыслить, жить — действовать, жить — «исцелять». Темницы и пытки создают героев, но они же людей, в *других* случаях способных на героизм, могут сделать на минуту трусами и подлецами. Инстинкт самосохранения, жажда жизни, один заглянувший в темницу солнечный луч — и чувство достоинства, долга, даже физическое мужество, как нечто далекое, покидают человека, и — жалкий — он униженно протягивает руки к тому, кто может ему дать право любить и смеяться, стремиться и жаждать, наслаждаться и знать. В такую психологическую минуту Макиавелли написал свой сонет, чей шутливо-трагический и потому циничный тон мог скорее проникнуть к душе холодного и циничного Медичи, чем голос искренней и печальной мольбы.

Макиавелли — не герой, повторим мы снова, не человек, способный привлекать нашу душу, будить в ней безраздельное уважение, симпатию, любовь, — но он *и не злодей*, но грубая смесь «циника и эпикурейца» *. Его время не было героическим: даже лучшие его люди были далеки от нравственного идеала, потому что одним не хватало душевной чистоты, другим — свободы от себялюбивых страстей, и всем — глубины. В душе Макиавелли жил огонь, которому имя — мечтание. Это не было мечтание поэта, мистика, нравственного идеалиста, но во всяком случае его патриотическо-политические грезы были нечто объективирующее, освобождающее от давления слишком мелких интересов, слишком суетных дней. Макиавелли умел любить идею — его современники этого не умели. В век утонченного лицемерия он, давая советы о нем, сам не был лицемером. Наконец, он был честен. Но юность в веселой и распутной Флоренции не прошла для него даром, и принадлежность его к об-

* Из биографов Макиавелли наименее симпатичный, но и наиболее шатко обоснованный образ дает Томмазини; у Виллари замечается некоторая тенденция к смягчению теней; Нитти, не отрицая слабых сторон, говорит тем не менее, что «Макиавелли обладал от природы душой хорошей, любящей и благородной и не запятнал себя в течение жизни ни одним бесчестным поступком» (*Nitti*. Указ. соч. С. 10).

разованному обществу Возрождения не могла дать его духу «глубинных» основ; платоновская философия и христианская мистика не существовали для него.

Мы забежали вперед: в те главы, где нам следует рассмотреть, чем была религия для человека Возрождения и что за философия пришла на смену той, которая облекала весь мир в свой богословский покров, в мистику грандиозных, но не продуманных до конца представлений, замерших и застывших, как недостроенный и только бережно охраняемый последующими поколениями царственный саркофаг.

Глава пятая ХРИСТИАНСТВО В ИТАЛИИ. ЯЗЫЧЕСТВУЮЩИЕ И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ИТАЛИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Христианство выросло в катакомбах; оно нашло себе прежде всего путь в сердца «униженных и оскорбленных» жизнью; его семенем была кровь.

Христианство развилось как контраст мировладычному эгоизму, грубой материализации мысли и жизни. С христианством человек обрел новый мир: на земле — общение в любви, на небе — Покровителя и Отца; но одновременно в себе самом человек постиг «первобытное проклятие» — грех, а образ Отца и Покровителя на исполненной преступлений земле стал заслоняться Судьей. На ступени храма средневекового человека, может, чаще всего приводила тоска после «отречения Петра». Его плоть была груба, природа чувственна, и все земное — соблазн. Душа билась в непобедимых силках, она знала моменты высокой радости, но чаще дни смертельной тоски. И для средневекового итальянца плоть была грехом, созерцание — высшей ступенью духа, которого ждал впереди суд и за ним вечное блаженство или возмездие во век. Человек трепетал, и из уст его жалобным воплем перед непосильностью страдания вырывалось: «*Misericordia*!»³⁶ В этом был не один только страх, как в желании блаженства — не один эгоизм*:

Inclina li tuoi rami, o croce alta
Dona riposo a la tuo Creatore³⁷.

Сам Бог страдал, и человеческое сердце раскрывалось и рвалось к Нему своим милосердием.

* *Де-Санктис*. История литературы. Т. I. С. 91.

Но в *итальянское* христианство вошли две характеризующие и отличающие его черты: нерасположение к отвлеченному догматизму и стремление «*радования*», которого не могли испытать все тяжело-грандиозные, жуткие представления средневековья.

Итальянский ум не склонен к отвлечениям, и нигде в большей мере, чем здесь, папы не относились со снисхождением к «заблуждениям верных». Могучее движение патариев³⁸ было скорей социальным *. Крайний фланг мистиков мог грозить папству появлением «третьего царства», но он не касался самой религии. На итальянской почве не могло быть Лютера, здесь родились и действовали Савонарола или Франциск. Жизнь последнего точно вся отвечала словам Христа: «Будьте как дети» **. Он был детски наивен, и душа его с детской непосредственностью растворялась в любви к Богу, человеку, природе — все охватывал он в одном чувстве, хвала Богу сливалась с хвалой творению ***. Его слово было: «любите», и он прибавлял к нему другое, которое было так чуждо средним векам: «радуйтесь».

Франциску было доступно страдание в Христе, но он знал и другое — не менее властное и прекрасное — радость в Отце. Это было воззвание к подавленному элементу в христианстве, но ученики Франциска не сумели его охватить и познать. Возрождение научило Италию радоваться, светло радоваться, но это уже не была религия, не был чистый и нежный экстаз.

Первому человеку *нового* мира — Петрарке — еще доступна меланхолия, и в нравственной области, своим сознанием противоречия духа и плоти, он тип переходный. С его полусовременником — Боккаччо — происходит характерный для всего Возрождения разрыв ****: на одной стороне оказываются князья и правители, литераторы и ученые, весь образованный или стремившийся к образованности, примыкавший к новому течению городской класс, — им противостоит собственно народ, консервативный в вере, средневековый в сердце. Для одних был авторитетом и образцом лишенный нравственных принципов «князь» и все более язычествующий гуманист, — для других руководителем их и носителем истины оставался монах-про-

* Gebhart. La Renaissance italienne. P. 354.

** С большим колоритом и искренностью написана глава о Франциске у Жебара в его «Мистической Италии». См. также: *Сабатье*. Жизнь Франциска Ассизского.

*** Жебар. Итальянский Ренессанс. С. 116.

**** Де-Санктис. История литературы. Т. I. С. 367.

поведник. Но образованные классы продолжают считать, что они «религиозны». Ими утрачена глубокая, интимная сторона в религиозном сознании, но обряды соблюдаются, уста произносят молитвы, храмы наполняют не одни только женщины и народ. От эпохи Боккаччо, «Парадизо» Альберти и вплоть до эпохи Лоренцо Великолепного продолжают существовать эти формы религии*. Женщины еще в большинстве благочестивы, — и дети вырастают в атмосфере христианских понятий; эти понятия быстро спадают с пришедшего в возраст итальянца, но привычка остается — и остается обряд**. Реставрация античного мира, разрушая средневековые чувства, также только упрочивает соблюдение обрядовых форм. Чистый атеист, «свободный мыслитель» в эпоху Возрождения — исключение***, хотя уже хроники XII в. говорят об «эпикурейцах»****. Двор Фридриха II Гогенштауфена³⁹ его современники представляли очагом неверия и свободомыслия — правдой является лишь то, что враждебная догматическому христианству мысль была здесь пробуждена и можно провести преемственную нить от запросов ученым Фридриха II к философии Помпонаццо*****. Итальянские университеты дают убежище аверроизму, университет в Пизе превращается в арену борьбы аверроистов и аристотелевцев⁴⁰, первых в новом мире споров о свободе и необходимости, поставленных на философскую почву^{6*}. Религиозные, но главным образом философские вопросы количественно занимают много места в трудах гуманистов, — качественно с течением времени, они все более слабеют^{7*}. Опре-

* Гаспару. Т. II. С. 54; Веселовский. С. 135; Гаспару. Т. II. С. 226.

** Монье: «Религия — здесь привычка глаз и ушей, воображения и вкуса. Итальянцу нужны эти картины, этот блеск, эти церемонии».

*** Иначе говоря, практический материализм далеко опередил философский.

**** Gebhart. L'Italie mystique. P. 173.

***** Буркхардт.

^{6*} В «Essai sur Alexandre d'Aphrodisias» Нуприссон довольно обстоятельно рассматривает этот спор. Напрасно только автор придерживается застарелого и необоснованного мнения Кампанеллы и, подобно ему и Жане, выводит философию Макиавелли из Падуй⁴¹.

^{7*} Однако будет не совсем лишним отметить, что продолжат возникать и творения правоверно-христианского духа и находят себе распространение среди женщин и отчасти в кругу зажиточного мещанства. В разгар Возрождения кардинал Адриан Корнето пишет: «Все, что может создать человеческий язык, заключается в Св. Писании. Его авторитет выше, чем все способности человеческого духа» (Gebhart B. Adrian von Corneto. Breslau, 1886. S. 65).

деляется правый и левый фланг гуманистов*. Правому принадлежит в особенности Салутати, левый — нашел себе яркого выразителя в лице Лоренцо Валлы, программой которого было: освобождение нравственности от влияния христианского спиритуализма, «реабилитация» природы, исключительное признание прекрасного. На стороне «разрушителей» было громадное преимущество — убеждение. Представлялось, что они способны открыть новые горизонты — их слова охотно проникали в сердца. В университетах студенты встречали нового профессора приглашением: «говори нам о бессмертии духа», но они хотели, чтоб он это бессмертие опровергал**. Как ни была снисходительна Церковь в Италии — она не могла допустить слишком прямых отрицаний: даже Медичи Лев Х⁴² счел необходимым выступить против них, и во время Латеранского собора были изданы «конституции» в защиту бессмертия духа***.

Верховным мироправителем для античного человека был Рок — представление не поддающейся постижению неумолимой, строгой судьбы. Божества — легкие, прекрасные, разделявшие с человеком не только добродетель, но и все его грехи, — даже для древней мысли были слишком близки к земле, — и она на них самих накладывала иго Непостижимого, какого-то смутного, неопределенного, верховного и стоящего вне земных положений Закона.

Свое «близкое» радование, свой оживленный, кипящий легкими интересами мир Греция воплотила в близких себе божествах — сознание железного, неумолимого, давящего и руководящегося чем-то иным, нежели понятиями маленького зла и добра и людской справедливости, — она удаляла в неопределенную глубину. В корне античного миросозерцания лежал безнадежнейший пессимизм⁴³, но для того, чтобы он — как голова Горгоны — каменил души людей, нужно было жить более

* Яничек. Указ. соч. С. 15.

** Ланге. История материализма. СПб., 1881. Т. I. С. 173. — Таким образом, на склоне Возрождения является если и не чистый, обоснованный твердо и смело атеизм, то по крайней мере заметное движение к нему. Есть разница между эпохой Лоренцо и недалекой от нее по времени деятельностью Помпонаццо.

*** Любопытно, что, когда «бессмертный дух» самого Льва расстался с телом, в Риме было совершено жертвоприношение в честь подземных богов (*Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom. Stuttgart, 1873. Bd. VIII. S. 282*).

рефлексивно-сознательной жизнью, знать более, чем знал древний мир: тяжелая, смутная, удаленная от обыденной жизни идея так и осталась лишь таковой. Зато постоянное участие в человеческой жизни принимала другая не заключающая в себе всемерно-грозного — Судьба-Фортуна, капризное, причудное, не злое, но завистливое божество, персонифицированный случай, сцепление обстоятельств, ускользающее от постигания и расчета. Таким образом, Рок и Фортуна отвечали двум степеням неизвестности, наблюдаемому и ощущаемому, но не объятому пониманием.

Эпоха Возрождения отчасти реставрировала эти понятия, отчасти пришла к ним самостоятельно. Идея Провидения, идея христианского Божества, без воли Которого не спадет ни один волос с людской головы, не отвечала новым потребностям самоопирающегося, горделивого, не чувствующего тоски изолированности духа. Целыми веками Провидение сторожило человека, подвергало его испытаниям, нравственной борьбе и тоске — теперь он сбрасывал старое иго, хотел жить для себя, руководясь долго спавшею мыслью, с глазами, жадно раскрытыми на окружающий мир, с волей, направленной на ближайшие цели и сегодняшний день. Но как ни горделива была личная воля, как ни верил человек Возрождения в свою индивидуальную мощь*, и в своей собственной жизни, и в политическом, и в социальном существовании он ощущал и замечал наличность каких-то более могучих и как бы имеющих свое собственное направление сил. Но, как и у античного человека, его жизнь билась слишком сильным пульсом в близком, земном: философское представление оставалось неопределенным и смутным, знакомство с античным понятием «судьбы» укрепляло новое сознание, не уясняя его. У гуманистов, смотря по автору, это сознание колеблется от подмеченного на поверхности жизни понятия фортуны-судьбы до зачатка так никогда и не создававшихся своеобразных философских систем**. Движение, сбросившее христианское иго, начало принимать новое: *фатализм*. И вместе с ним струя пессимизма врывается в «веселое» Возрождение. Воскресают астрологические верования и остаются властными до XVI века, до Пико делла Мирандолы***⁴⁴.

* Мирандола: «Человек может сделать из себя, что захочет». Фичино прямо называет человека — Богом. И все же человек — даже философски — чувствовал себя вынужденным «согнуться».

** Понтано пишет книгу о демоническом «Нечто»; появляется множество трудов о «судьбе».

*** Буркхардт. Указ. соч. Т. II. С. 264.

В течение двух веков мы видим в Италии профессоров астрологии, с ними совещаются и их призывают князья и правительства государств. Является оригинальное представление, что религии, подобно положению созвездий, каждая имеют свой «день». С верой в астрологические сочетания и предсказания соединяется вера в предзнаменования: каждому важному событию в мире человеческого предшествует перемена в природе. Чем-то более высоким на первый взгляд представляется возрождение во Флоренции платоновской философии — но оно было внутренне бессильным, лишенным глубоких творческих элементов, как и все, чем в области философии, религии и знаний занималась гуманистическая мысль.

В то время как высшие классы жили напряженной и, независимо от достоинства, новой жизнью, низшие оставались верны «старине». По-прежнему стекались паломники к священным местам, расцветали среди зимы розы на могиле Амброджо Траверсари * и, если верить Боккаччо, монахи собирались на ежегодные совещания «*de miraculis faciundis*»⁴⁵. Сердца мягкие и души простые покорялись судьбе, беспрекословно переносили иго тиранов или себялюбивых республик и несли под своды храмов боль страдания и потребность молитвы. Самым близким им человеком был проповедник. Никакие насмешки гуманистов и разбогатевших буржуа не могли поколебать в массах преклонения пред человеком, который проходил их села и города, находя для них на своих устах улыбку, шутку, совет, — и вдруг становившимся торжественным и грозным, обличающим их грехи, очищающим и потрясающим. Среди проповедников встречались обманщики — эксплуататоры, среди монахов — развратники, содомиты и сребролюбцы: народ иногда разгадывал их пороки, но только еще больше поэтому привязывался к тем, кто являлся действительным носителем добра и сострадания к ним. Для народа эти люди — ум, знание, красноречие; «они умеют говорить так хорошо и страшно, что хочется плакать» **.

Из среды таких странствующих монахов выдвинулся Джироламо Савонарола — личность более суровая и аскетическая, чем их большинство, несравненно более талантливая, мистик-безумец. Его проповедь и демагогическая власть во Флоренции пришлись на молодые годы Макиавелли. Мы не будем здесь говорить о Савонароле-политике, но мистик, «последний средне-

* Монье. Указ. соч. Т. II. С. 171.

** Там же. С. 190.

вековец» нас должен интересовать, в известной мере как анти-теза знаменитому флорентинскому секретарю.

Внешнюю судьбу Савонаролы, всем известную, мы проходим молчанием — взгляды в его духовное существо.

Его сила заключалась в нравственном чувстве, непоколебимой вере в правоту своих убеждений. От эгоистического, поверхностного общества Возрождения он хотел братства, мистики, глубины. Савонарола страдал каждой несправедливостью, болел каждым противоречием между внешним блеском и внутренним ничтожеством в окружающем *. «Я вижу, — говорил он еще юношей, — разрушенным весь мир, безнадежно попорванными добродетель и добрые нравы: нигде живого света и существа, стыдящегося своих пороков... О, Господи, укажи мне путь, по которому я должен идти» **. Савонарола нашел этот путь в аскетическом мистицизме, в миросозерцании и воззрении Средних веков. Его мысль упорно двигалась в средневековых контрастах, в резких противоположениях мрака и света, вечности и решающего вечность преходящего дня, в запутанных понятиях личной свободы и всеспасающей благодати; из его взглядов все срединное, примиряющее было исключено. «Кто покорится мраку, тот пред лицом Всевышнего труп» ***. Грешник идет в ад, где каждое земное страдание доведено до крайних пределов и протянуто в бесконечность; ничто уже не может спасти заблудшую душу, надежда загашена. Эти грозные картины с тем большей яркостью вставали в представлениях Савонаролы, что сам он был экстатик и визионер. Видения были столь часты, что посещали его даже во время бесед ****. Особое, доступное только мистикам чувство непосредственного общения с Источником Сущего охватывало тогда его дух. Впечатления и видения экстаза давали новую силу его душевным движениям и речам; вместе с тем они служили опорой сознанию им своей правоты, истинности того, чему он служил. Такого же повышенного служения он хотел от других. Молитвы, очищающей и примиряющей, поста и духа смирения требовал Савонарола — тогда только человек может получить благодать — и рычагом любви сдвигается с сердца камень греха. Мрачный проповедник Апокалипсиса, суровый бичеватель пороков, Саво-

* По выражению Монье, он был «совестью века».

** Цитируем по переводу Шеллера.

*** *Ranke. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Leipzig, 1885. S. 80.*

**** *Пастор. Указ. соч. Т. III. С. 140.*

нарола умеет найти в своем сердце и светлый, почти нежный призыв: «Дайте мне цветов, цветов — добрых дел» *.

Флоренция повиновалась ему; не вся: его врагами оставались все сторонники Медичи, все прислужники или трусы перед Римом, все «затвердевшие» в развратной или легкомысленной жизни. Но над *своей* паствой, по крайней мере до времени, власть Савонаролы была безгранична. Когда этот скромного роста человек, с орлиным носом, плотно сжатыми губами и ярким, горящим взором всходил на кафедру — уже одна его наружность подчиняла толпу. Его речь не возвышала, но она поражала — «как мраморные статуи», по его собственному выражению, стояли перед ним флорентийцы, и каждое слово его находило отклик в сердцах, заставило их дрожать тоской, сожалением, болью, сознанием горячих надежд и безмерного страха **. «Он, — писал феррарский посланник ***, — поверг жителей Флоренции в такой страх, что они все отдались благочестию и три дня в неделю питаются только хлебом и водой и два — только хлебом и вином. Девушки и даже замужние женщины попрятались в монастыри». Это представлялось безумием и нелепостью в глазах Возрождения; вся Италия смеялась над ними, и только Савонарола их убеждал, что «безумие перед миром есть мудрость перед Творцом». Но в его собственной груди уже созревало сознание конца. «Я ничего не ожидаю, — говорит Савонарола в письме к графу делла Мирандола, — от своих слов, кроме поношения, преследований и, наконец, смерти — моей освободительницы. Христос — моя жизнь и смерть — моя награда» ****. В одной из потрясающих своих проповедей Савонарола обратился с молитвою к Богу: «О, Боже, я знаю, что Ты меня вдохновил, несмотря на мою недостойность. Призываю всех верных и вас защищать правду. Что касается меня, то я вот здесь, на этом месте, говорю: Боже, Ты пожелал умереть за меня, я буду счастлив умереть за Тебя» *****. Руки Савонаролы были протянуты к кресту, голос звучал проникновенно, и проповедь не могла быть заключена вследствие слез и экстатических восклицаний народа.

* Жефруа. Указ. соч. С. 84.

** О Савонароле как ораторе интересен этюд Перрана (*Perrens B. Jerome Savonarole. Paris, 1856*).

*** Пастор. Указ. соч. Т. III. С. 148.

**** *Reumont. Briefe heiliger und gottesfürchtiger Italiener. 1877. S. 185.* Ценны только письма Екатерины Сиенской ⁴⁶ и Савонаролы.

***** Перран.

Гибель Савонаролы была неизбежна. Энтузиазм, подъем духа в народе должны были уменьшаться; в массе слабых душ должна была назреть потребность «отдохнуть», снова почувствовать себя простыми, покойными, обыденными. Сторонники Медичи злобились. Над Флоренцией тяготел интердикт⁴⁷, и борьба монаха-мечтателя с папой Александром Борджиа была не равна. Но не этими силами был нанесен Савонароле безвозвратный удар: безумная, им самим развитая мистика Средних веков погубила его. Знаменитый, не состоявшийся Божий Суд между францисканцем и приверженцем Савонаролы решил перевесить в пользу врагов. «Кто хочет свидетельствовать за меня, — спросил Савонарола, — сотни голосов отвечали: “Я, я”»; «...они готовы идти на костер, как на свадьбу», — писал современник. Испытание не состоялось, и тот же народ, негодуя и смущаясь, отвернулся от того, кого превознес: Савонарола — святой, Савонарола — пророк, Савонарола — сосуд правды умер для него, а Савонарола — враг папы и Медичи — уже их не мог удержать.

Попытка возродить средневековое мышление, средневековое чувство в самом очаге Возрождения погубила себя самое. Желание вернуть назад историю не удалось. И, можем добавить, хвалы и осанны народа еще раз сменились отпадением, страхом и равнодушием Голгофы.

Глава шестая

ХРИСТИАНСТВО У МАКИАВЕЛЛИ. ЯЗЫЧЕСТВУЮЩИЙ МАКИАВЕЛЛИ

Когда Лютер присутствовал на торжественном папском богослужении в храме Петра и с благоговением прислушивался к священным для христианина словам, возвещающим миру еще одну тайну преосуществления, он услышал ясный, нескрываемый шепот папских придворных: «Ты еси хлеб — и хлебом останешься, Ты еси вино — и вином останешься». Это было уже прямое глумление над догматическим христианством и над теми, кто мог их услышать. Этими людьми, с улыбкой переговаривающимися: «*Eamus ad popularem errorem*»⁴⁸, были по преимуществу поэты и гуманисты — целый рой паразитов, питавшихся на общественный счет, «талантов» памяти и шаблона. Макиавелли презирал их «почетную праздность», он чувствовал к ним отвращение, потому что они были лишены каких бы то ни было государственно-политических идеалов; но у него

было и общее с ними — именно в насмешке над тем, чему поклонялась толпа — и над самым христианством.

Рожденный во второй половине XV века, Макиавелли не ощущал даже того поверхностного дыхания религии, какое жило в обществе Лоренцо Великолепного, с холодным вниманием вслушивался он в пламенные проповеди Савонаролы и с убежденностью римлянина говорил в XVI веке о важности религии как социально дисциплинирующей, о ней как необходимой для толпы. Если б не существовало религии, Макиавелли поучал бы, что ее надо создать, — но она не была бы христианской. Человек на «уклоне» Возрождения, Макиавелли, освобождаясь от средневековых пут, освободился и от грандиозных средневековых концепций: для него христианство есть одна из существовавших и существующих форм религии. Увлекаясь, он говорит «боги», и христианское руководствующее Провидение из его полуинстинктивной философии исключено. В могучем, трагическом столкновении христианства с историческим язычеством Макиавелли с характерным простодушием видит борьбу между «привычками» старой веры и новой с ее «авторитетом чудес» *. И в дальнейшем ходе христианства все духовно-интимное, экстазно-возбуждающее для Макиавелли мертво. По поводу крестовых походов он искренно изумляется силе той веры, когда «множество частных лиц шло на войну, не получая никакого вознаграждения» **. Но Макиавелли не только не «чувствует» исторического христианства, он в глубине презирает его. В своих представлениях он большею частью смешивает его с папством, со всей грязью, эгоизмом, обманом, какие на нем выросли. «Религия была уже на краю гибели, — говорит он в одном замечательном месте “Discorsi” ***, — если б не возвратили ее к первоначальным принципам Св. Франциск и Св. Доминик». Однако заповедь смирения, проповедь радования во Христе — в чем и состояла проповедь этих выдающихся людей — постичь Макиавелли не мог ****: учение о воздержании он заменял «игом» более легким — «следования природе», сми-

* *Макиавелли. Storie. Кн. I.*

** *Storie. Кн. I, Там же крестовое предприятие Барбароссы* ⁴⁹ он объясняет исключительно уязвленным самолюбием императора после его неудачи в Италии.

*** *Discorsi. Кн. III. Гл. 1.*

**** Его указание на спасительную роль для религии Франциска и Доминика сейчас же переходит в иронию, весь яд которой передает только подлинник.

рение — самоуверенностью и наблюдением над человеческим славолюбием, отречение и созерцание — жаждой мыслить, бороться, действовать и желать. Макиавелли осторожен: он избегает слишком резких и прямых нападок на христианство, он обращается к людям, которые поймут его иронию*. Наибольший интерес представляет для нас тот единственный случай, где Макиавелли высказался прямо, противопоставив античную религию новой, для того чтобы первую вознести, а второй поставить в упрек ложное направление человеческих сил и «размягчение» духа. По мнению Макиавелли, древние больше любили свободу, лучше защищали права, и этим они были обязаны воспитанию, религии. Древняя религия побуждала человека стремиться к славе, она приравнивала к божествам полководцев и правителей государств; ее обряды отличались пышностью и торжественностью и главный из них — жертвоприношение — сопровождался пролитием крови, что закаляло сердца. Человек видел благо в величии, он заботился о крепости тела и мужестве духа, тогда как христианская религия требует от него пренебрежения к славе и мужества только для скорбей и страданий. «Мне кажется, — говорит Макиавелли, — что такое отношение к жизни сделало мир более слабым и предало его во власть бесчинствующих злодеев, которые могли предаваться своей преступной деятельности, не боясь наказания, так как они хорошо знали, что большинство ищет путей неба и более думает о том, как бы перенести зло, чем самому его совершить или за него отомстить». Оценка подобных взглядов завела бы нас слишком далеко — здесь мы довольствуемся указанием на них, на то, как язычник по духу с сожалением, негодованием и презрением смотрит на созерцательное, уходящее в вечность и, в силу этого, несколько «анархическое» по отношению к земному христианство. Он возмущается против него, и если б Макиавелли дали, он создал бы религию *Рима*. В греческой мысли было слишком много элементов метафизического, «дыхания глубины», железная же, грубая, утилитарная религия Рима представлялась Макиавелли идеалом того, что можно извлечь из этого «учреждения» на пользу государства. «Диктатор» Макиавелли, его «установитель государств и законов» ничего не достигнет, если не обратит внимания на значение религии для дисциплинирования масс; ему следует освящать все свои действия велением божества, и тогда он будет в состоянии воодушевлять на бой армии, укрощать возмущения, и оракулами и авгурами, жертвоприношени-

* См.: Discorsi. Кн. II. Гл. 2.

ями и церемониями влиять на толпу*. Даже для эпохи Возрождения Макиавелли был крайним, ибо для него учение о Боге только орудие государственных целей. Отрицатель Бога и отрицатель бессмертия — Макиавелли и Помпонаццо — могут протянуть друг другу руки: оба думают одно и то же — «*Eamus ad popularem errorem*». И Макиавелли шел на «братские собрания», входил в храм, где гремела проповедь Савонаролы.

Это был март 1498 года. Над Савонаролой надвигалась гроза: он вызвал на бой папский Рим, и тот бросил в него отлучением. Флорентийская синьория колебалась, «араббияты» снова начинали ощущать почву под ногами; сторонники Савонаролы продолжали верить в него как пророка. На одной из самых смелых и пламенных речей великого доминиканца, среди толпы, возбужденной, доведенной до экстаза, стоял «юноша с лицом живым и интеллигентным**»; на его губах бродила легкая усмешка, — сплетенное выражение удивления и пренебрежения, какое является при созерцании вещи талантливой, но обманной». Он внимательно прислушивался и, вернувшись домой, сел писать другу в Рим***. Он писал, что из боязни перед новой синьорией Савонарола усиленно призывает имя Бога, чтобы Тот покарал его, если он говорит ложь; он уверяет, что все лучшие граждане за него и его врагами — только низкие преступники. «Он не упускает ни одного довода, способного ослабить противную партию и дать новую силу своим».

Между тем в положении Савонаролы происходит перемена к лучшему, и автор письма делится новыми наблюдениями: «С того момента, как синьория написала в защиту “брата” и ему нечего бояться врагов, он переменяет *тактику*: всех призывает к согласию, и его намерение — возбудить все партии против Его Святейшества и его агентов, которых он третирует, как если бы они были последними из людей... **** Таким-то образом применяясь к обстоятельствам, он стремится покрыть свой обман...» Так писал Макиавелли. Савонарола — оратор, Савонарола — во внешней форме его стремлений был доступен ему, оценка внутренних побуждений человека-фанатика — сплошь заблуждение. Макиавелли не клеветает на Савонаролу и не ненавидит

* Discorsi. Кн. I, II. Гл. 12.

** Hummi. Указ. соч. С. 30.

*** Это самое раннее из дошедших до нас частных писем Макиавелли.

**** Подлинное выражение Макиавелли гораздо энергичнее.

его: он его просто не понимает. Ни римская история, ни его собственный ум не «ориентировали» его ни в чем подобном: первая предсказывала ему в действиях Савонаролы благочестивый обман, второй — скептический, умаляющий достоинства людей, выводивший все людские поступки из эгоизма — подставлял под действия Савонаролы эгоистический и мелкий мотив. Мерка, применяемая к какому-нибудь князю Возрождения, честолюбивому и хитрому властелину, была неприменима к человеку, для которого нравственный, озаренный непримиримым аскетизмом принцип был выше всего, но Макиавелли ее прилагал — и все его остроумие, наблюдательность, тонкий смысл не могли заменить одного: хоть искры родственного понимания. Сердце Макиавелли ни разу не дрогнуло, холодная мысль следила за Савонаролой неприветно и слепо. В составленных Макиавелли «*Estratti di lettere*»⁵⁰ едкие, отрывистые фразы красноречиво свидетельствуют о пренебрежении к «брату Джироламо», как он его называет*. Савонарола отомстил Макиавелли — невольно и посмертно. Переворот 1527 года, свергший Медичи, был произведен преимущественно последователями Савонаролы, поколением детей, воспитанных им, и эти мистики и прямолинейные республиканцы с суровым презрением отнеслись к человеку, который после долгих лет служений республике поступил на службу к Медичи, и который никогда не был, даже в отдаленной степени, «савонаролистом».

Макиавелли, разделявший мнение Катона о философах, конечно, не принадлежал к числу последних, но и время его не было философским. Уже было отмечено нами, что на места, освобожденные в душах от ига религии, в умах — от власти догматики, ворвался ряд непродуманных, смутных, заимствован-

* И в позднейшее время фигура погибшего доминиканца вставляла перед взором Макиавелли. Ироническую похвалу посвящает он Савонароле в своей «Первой деценалии», говоря, что Флоренция погибла бы,

Se non cresceva o non era spento
Il suo lume divina (!) con maggior foco⁵¹.

Еще раз Макиавелли возвращается к нему в «*Discorsi*» (Кн. I. Гл. 11 и кн. I. Гл. 45), чтоб указать, как Савонарола неглупый народ сумел убедить в своей высшей миссии, и для того, чтобы бросить монаху упрек в «партийности и честолюбии». Наконец, в одном позднем письме к Гвиччардини Макиавелли говорит: «Я бы хотел найти монаха... более лживого, чем брат Джироламо».

ных представлений. Макиавелли говорит в перемежку «природа», «боги», «судьба» *, не давая также ясного себе отчета в несовместимости или взаимоотношении понятий. Макиавелли отодвигал в эти «имена» прежде всего то, что было непонятно, следовательно «надчеловечно», и чьей глубины мысль, занятая человеческим, только человеческим, — почти не задевала. Только тогда, когда мысленная — «ощущающая» и стремящаяся определить — рука Макиавелли касалась каких-то прозрачных, но задерживающих перегородок-стен, когда он видел, как человеческая «свободная» воля разбивается о гранит чего-то более сильного, стихийного или сознательного, но неведомого для человеческого расчета, противодействующего ему, — только тогда Макиавелли пробовал дать себе отчет и ответить.

Христианское Провидение вело человека к добру, зло было одним испытанием, к Богу можно было протягивать руки, Ему можно было молиться, но «судьба» — прежде всего нечто противоборствующее человеку, его сокрушающее. Вообще спутанные в этой области, понятия Макиавелли не оставались одинаковыми, на что мы находим указание у него самого. Первоначально «судьба» представлялась ему грозной силой «без жалости, без законов, без смысла» **. «Судьба еще не удовлетворена, — говорит он в «Первой децении», — это какой-то вампир, жестокий, находящий наслаждение в страданиях людей». Но рядом с этим Макиавелли говорит и о судьбе, как нравственно безразличной, капризной, или — на античный лад — завистнице доблести и геройства ***. Нам представляется, что в этот период Макиавелли не различал еще ясно «фортуны-судьбы», своего рода Провидения, от «фортуны», вмешивающейся в единоличную жизнь, как фактор, не подлежащий расчету. Пессимизмом был окрашен взгляд Макиавелли; человеческая воля, ее свобода при подобных воззрениях были игрушкой судьбы. Не Макиавелли было примириться с подобным унижением индивидуальных человеческих сил, с подобной приниженностью воли, которая ему — априорно — представлялась свободной, — и вот в

* Так, в «Storie» (Кн. III) Макиавелли говорит: «Божество и натура», в «Discorsi» (Кн. II. Гл. 29) то «небо», то «судьба».

** «Capitolo» о Фортуне.

*** Так объясняет Макиавелли падение талантливого и честного флорентийского вождя Джакомини. Любопытно сходство взгляда и у Гвиччардини: «Фортуна не любит, когда человек путем слишком больших предосторожностей освобождается от ее власти» (*Treveret. L'Italie au XVI-e siecle. Paris, 1897. Vol. II. P. 296*).

«Discorsi» и в «Князе» мы встречаем взгляд уже измененный *. Его «судьба» теперь вмешивается в дела земные только «в эпохи брожения, в эпохи переворотов». Подобно бурному речному, но как бы сознательному потоку, заливающему долины, срывающему насыпи, переносящему землю, она вторгается в обычное взаимоотношение причин и следствий, чтобы потом снова уйти выжидающе в свою тайную глубину. А во власти человека, когда успокоится время, создать плотины, вырыть каналы, сделать все, чтобы новая буря не застигла врасплох. «Только над половиной человеческих условий господствует судьба, другая — предоставлена нам» **. Не будем же, рассуждает Макиавелли, приписывать слишком много судьбе, не будем и думать, что, когда она захочет вмешаться, мы в состоянии ей победоносно противостоять ***. Но так как мы не знаем ее предначертаний, то бороться, как если бы мы были свободны, должны мы всегда. Это уже вера бодрости, не отрицающая могучего надчеловеческого, но избавляющая от фатализма, сохраняющая за человеком его творческую волю и мысль. И рядом с этой если не мироправящей, то вторгающейся в миродвижение «судьбой» Макиавелли различает теперь Фортуну — счастье или несчастье. «Эта сила есть не что иное, как сцепление случайных обстоятельств, слагающихся помимо воли людей» ****, и затрудняясь передать характер и значение этих обстоятельств, Макиавелли ограничивается объединением всех их в названии.

Надчеловеческое видит Макиавелли и в несомненных для него явлениях предвещаний, предзнаменований, разделяя в этом отношении взгляд *всех* классов Возрождения: воинства сражаются в небесах пред великими военными событиями, удары молнии в храмы или общественные здания возвещают перемены в судьбах отдельных личностей или государств; сны предсказывают смерть *****. Но христианину все знамения и сны посылает Бог, Макиавелли должен искать другого ответа, и он склоняется к мнению «некоторых философов», что «воздух, может, исполнен существ, способных предугадывать грядущее: они любят людей и знамениями предупреждают их, чтоб они

* Discorsi. Кн. II. Гл. 29; Il Principe. Гл. 25.

** Il Principe. Гл. 25.

*** Discorsi. Кн. II. Гл. 29.

**** Алексеев. Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880. С. 31⁵².

***** Так, удар молнии во дворец Лоренцо Великолепного перед его смертью Макиавелли объясняет предзнаменованием.

береглись» *. Тщетно стали бы мы искать у Макиавелли объяснения, что это за существа: Макиавелли на этом не останавливался, мысли, брошенные вскользь, так и должны остаться недосказанными. Пусть стекались толпы на проповеди монахов, пусть собирались философы для «платонических» бесед в садах Медичи и в Падуанском университете шел спор между «аристотеликами» и «аверроистами» — не религия, не философия захватывали Макиавелли, не они составляли центр его ищущей мысли. Его острый ум, увлекающееся сердце, неутомимая воля были направлены на раскрытие законов политических сил, его душа создавала алтарь, пред которым — в идеале — должно было преклониться все единично-человеческое и на котором высилось двуединое божество Макиавелли:

Родина — Государство.

Часть вторая МАКИАВЕЛЛИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИР ВОЗРОЖДЕНИЯ

Отдел первый ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ФЛОРЕНЦИИ. ИТАЛЬЯНСКИЙ ПРИНЦИПАТ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Крайнее разнообразие политическо-государственных форм характеризует собой Италию Возрождения; внутренние отношения непостоянны и сложны. В королевстве Неаполитанском властитель-тиран находится в постоянной борьбе с своеволием и возмущением баронов. Романья кишит мелкими тиранами, и вековая ненависть семейств Орсини и Колонна⁵³ потрясает волнениями папскую область. Венеция замыкается в своем республиканско-аристократическом строе. В Милане свирепствует тирания Висконти она сменяется более тонким и цепким управлением Сфорца⁵⁴. Флоренция переживает заключительный момент борьбы между высшей и мелкой буржуазией; последняя готовится на своих плечах принципат Медичи; борьба республиканских сил с этим «вяжущим» принципатом приводит нас к последней странице флорентинской свободы.

* Discorsi. Кн. I. Гл. 56.

Одно представляется в этой сложной картине эпохи новым (как развитие тираний), другое (как феодальное неустройство или традиции флорентийской «свободы») уходит своими глубокими корнями в века — не может и не должно быть изолировано в понимании от них.

1

В IX веке итальянские города получают позволение окружить себя рвом и стенами*, в X и XI в них крепнет торговля, ширится класс свободных людей**, зреют силы и сознание сил. В XII веке горожанин смело, но вместе расчетливо противопоставляет свою окрепшую жизнь феодалам и императору. Коммуна Флоренция переходит в наступательное движение. Ею руководит чувство самосохранения***: она не может чувствовать себя в безопасности, пока не сокрушен феодализм. Замки — гнезда коршунов с людьми, закованными в железо****, — были систематически разрушаемы городской милицией; владельцев город не истреблял, он только приводил их в повиновение и — волей или неволей — переселял за свои стены. Часть беспокойных феодальных наклонностей шла на пользу коммуне; городские нобили⁵⁵ помогали действовать против независимых, подобно «лисице, которая, лишившись хвоста, хотела бы лишить его всех лисиц»*****; но другая часть — анархически разрушительная — колебала спокойствие самих городов. Знать держалась на вооруженной ноге; представители ее были в ссоре со всеми, с кем только приходили в соприкосновение^{6*}. Их дома были серьезными крепостями: окна играли роль бойниц, венчавшая здание башня служила для наблюдений и позиций, с которой вниз метали снаряды^{7*}. Знаменитая борьба гвельфов и гиббелинов⁵⁶ разделила знать на два непримиримых лагеря и едва не привела к падению Флоренции. Тем временем в соб-

* Первоначально против внешних нашествий венгров и саррацин. *Sismondi. Histoire de la renaissance de la liberté en Italie. Paris. Vol. I. P. 24.*

** *Laurent. Études sur l'histoire de l'humanité. Vol. VII. P. 538.*

*** *Perrens. Histoire de Florence. Vol. I. P. 179.*

**** *Laurent. Études... Vol. VII. Введение.*

***** *Perrens. Histoire... Vol. I. P. 215.*

^{6*} *Idem.*

^{7*} *Idem. Vol. I. P. 217—218.*

ственно городском классе — в буржуазии накапливались богатства, во внутренней ее организации устанавливался более стройный порядок^{8*}. В 1250 году был вызван к жизни ряд магистратов; власть сосредоточилась в руках *Capitano del popolo* с 12 anziani⁵⁷ (синьорией). Далее шел «Совет ста» и «Парламент» — народное собрание, род веча, удовлетворявшего представлению о демократии и свободе. На вторую половину XIII века выпадает окончательная организация цехов, среди которых определяется 7 старших и 5 младших*.

В 1293 г. издание «*Ordinamenti della Iustizia*»⁵⁸ окончательно и неумолимо отстраняет нобилей от участия в правлении**. Этот замечательный переворот происходит бескровно, но теперь борьба переходит в среду самих цехов в силу неизбежного различия между более образованными и более свободными и теми, кто должен направлять все свои усилия на механический труд. Так рождается антагонизм между *Popolo grasso* и *Popolo minuto*⁵⁹. Во главе первых становится семейство Альбицци и удерживает в руках власть до 30-х годов XV столетия, за исключением перерыва, вызванного возмущением «плебса», — бунтом Чомпи⁶⁰, единственного и скоротечного момента действительной «демократии» в истории Флоренции***. Это было движение младших цехов, но, как во Франции XVIII века, буря проникла глубже в народную грудь; необузданность и неподготовленность крайних элементов скоро вернула Флоренцию в объятия реакции — реставрации Альбицци.

Во второй половине XIV века на политической арене появляются Медичи⁶¹. Они — «однодумцы» и «собиратели»: отец завещает сыну дело, плоды которого пожнет разве внук****. Они выставляют себя защитниками «народных» интересов и, в лице Козимо, почувствовав себя достаточно сильными, вступают в борьбу с затянувшей узду олигархией Альбицци. Победа за Козимо, и с этого момента наступает наследственный, но сохраняющий республиканскую видимость принципат Медичи.

* *Perrens*. Histoire... Первая часть II тома.

** *Idem*. Vol. II. P. 65.

*** Ход дела обрисован у Перрана (т. III и часть IV).

**** *Веселовский*. Вилла Альберти. С. 72.

***** Характерно завещание Виери Медичи: «Не делайте дворец правления своей мастерской — подождите, пока вас в него позовут... старайтесь не обращать на себя общественного внимания» (*A. von Reumont*. Lorenzo de' Medici il Magnifico. Leipzig, 1874. Vol. I. P. 45).

Козимо* хорошо знал Флоренцию с ее «бродильными» элементами, понимал, на какой почве он строит и чего может достичь; его холодные глаза купца следили за всем. Он привлекал к себе народ тем, что казалось, будто все его мероприятия клонились в пользу масс, к облегчению их налоговой участи, к ослаблению гордых и слишком богатых аристократов. Своих противников он не умерщвлял, но он их преследовал, разорял**, изгонял, под ничтожным предлогом обращал это изгнание в вечное, доводил до отчаяния и нищеты. Он был «ростовщик»: не было во Флоренции влиятельного человека, который бы ему не был должен***. Козимо не требовал назад капитала; проценты он получал покорностью, зависимостью, исполнением его предначертаний. Из людей низкого звания он создавал себе преданных слуг; избираемая каждые 5 лет для заполнения именами избирательных ящиков «балия» обеспечивала ему покорное большинство; должностные места служили цели наживы. Это была политика развратителя-паука. Характеристика была бы слишком не полна, если бы мы не упомянули, что этот в глубине души холодный и циничный человек интересовался Платоном, собирал манускрипты, покровительствовал гуманистам; зная Возрождение, мы можем поверить, что он умер «как христианин»****.

После краткого правления его сына — болезненного и мягкого Пьеро — власть перешла в руки второго «великого Медичи» — Лоренцо. Лоренцо получил блестящее образование, всю жизнь вращался в кругу философов и гуманистов; у него было чарующее обращение, ум ясный и пронизательный, живая и бодрая воля. Он не был, подобно деду, купцом*****, он расточал: на личные прихоти, на меценатство, на народные увеселения, на все, что ему создало прозвание «Великолепного». Но его

* Idem. Vol. I. P. 126—192; *Geffroy. Études italiennes*. Vol. I. Les grands Médicis.

** *Geffroy*. Прогрессивный налог на богатых в 1443 г. был установлен в 33%, а спустя 4 года — в 50% на капитал.

*** Козимо приписывали фразу, что он «готов был бы одолжить самому Господу Богу».

**** По-видимому, в последние годы его несколько мучила совесть. Благодарное отечество начертало на его надгробном памятнике: *Cosmus Medices hic situs est decreto publico Pater patriae*⁶².

***** См.: *Kniess N. Machiavelli als volkswirtschaftlicher Schriftsteller. Zeitschrift für die gesamte Staatwissenschaft*.

политика была типически «медицианской». Обычной опорой диктаторства во Флоренции был «парламент», придававший вид законности всем чрезвычайным постановлениям и полномочиям, хоть «воля народа» в таких случаях была всегда под давлением. Но и от подобного остатка «свободы» Лоренцо решил избавить народ. Он созвал парламент в последний раз, и с его разрешения синьория приступила к реформам*. Эти реформы сводились к созданию советов, из которых главным был Совет семидесяти, которому был предоставлен выбор синьории**. Управление финансами было вверено при Лоренцо 17 «реформаторам», — Лоренцо был склонен не делать различия между деньгами государственными и своими***, и ему было необходимо устранить народный контроль. Но все же материально Флоренция благодаря его умению сохранять до времени мир и внешнее политическое равновесие при нем процветала. Только свободолюбивое сознание ее, некогда мощное, теперь ослабело и нравственность была усыплена. «Поведение Лоренцо, — говорит Виллари****, — было политикой двусмысленности и обмана: он преследовал личные цели и благо своего семейства и для них он вливал, без угрызений совести, для которых был слишком горд, яд в народную душу». Но в последние годы своей жизни Лоренцо должен был видеть, что реакция наступала. У постели умирающего Лоренцо стоит Савонарола и требует, чтоб он покался в своем величайшем грехе: отнятии у флорентийского народа свободы.

Неспособный, надменный, в конец возмутивший флорентийцев своей трусостью***** Пьеро — сын Лоренцо — был изгнан, в 1494 году колокол Palazzo Vecchio созвал народ на совет о новой форме правления. Тотчас же определились противоположные течения: одни желали смешанных, на венецианский лад, форм, другие не теряли надежды на олигархию. В этот момент вмешался Савонарола. Аристократия, говорит он, источник всех беспорядков и бедствий флорентийской истории; мо-

* *Reumont. Lorenzo de'Medici. Vol. II. P. 225.*

** Его значение было таково, что современник сравнивал его с 30 тиранами афинскими⁶³, так как совет состоял первоначально из 30 членов.

*** Лоренцо не остановился даже перед разграблением священной для флорентийцев кассы сбережений для приданого невестам.

**** *Виллари. Указ. соч. Т. I. С. 43.*

***** Во время похода Карла VIII, двигавшегося на Неаполь, Пьеро, бывший союзник Неаполя, поспешил в страхе передать Карлу ключи от всех флорентийских крепостей.

нархия годится только рабам; народы сильные и развитые должны зависеть лишь от себя *. По предложению Савонаролы был учрежден Большой Совет, в который последовательными сменами входило 3200 граждан; Большой Совет должен был избирать Совет восьмидесяти из людей не моложе 40 лет — род сената; были сохранены должности гонфалоньера и членов синьории **. По справедливому замечанию одного из биографов Макиавелли ***, народ в новой флорентийской конституции мог и слишком много и слишком мало, и правление в силу этого было слабым и непостоянным. Обсуждение вопросов о войне и мире публично, в Большом Совете, не было продиктовано здравым смыслом, нерасположение масс к финансовому самообложению ставило в затруднение правительство. Народ впадал еще в общую ошибку: слишком долго отрешенный от свободы он в самом этом имени искал исцеления и возлагал на новый строй преувеличенные надежды, которые не могли оправдаться. Скоро пришлось убедиться, что постоянная, недоверчиво-республиканская смена должностных лиц лишает правление всякого единства, и Пьеро Содерини, человек, искренно преданный свободе и пользовавшийся репутацией способного финансиста, был избран пожизненным гонфалоньером. Но ни «свободное правление», ни «способный правитель» не были в состоянии поправить финансовое положение Флоренции, потрясение борьбой с неподатливой Пизой **** и дорого оплачиваемым покровительством императора и французского короля *****, — и глубокое разо-

* Надо заметить, что Савонарола раньше придерживался иного взгляда: выходя из единства Бога над миром, духа над телом, он был проповедником монархии. Потом, под влиянием флорентийской жизни, эти богословские положения спали с него (*Franck. Réformateurs et publicistes de l'Europe. Paris, 1864. Vol. II. P. 277—280*).

** Интересующихся политическими воззрениями Савонаролы мы отсылаем к труду М. Ковалевского «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (Т. I. С. 394—400).

*** *Томмазини. Указ. соч. С. 135.*

**** «Пятнадцатилетняя борьба с Пизой не давала ни отдыха ни срока новому народному государству» (*Reumont. Geschichte Toscanas seit dem Ende des florentinischen Freistaats. Gotha, 1876. Предисловие. S. 11*).

***** Так, простой слух о намерении императора Максимилиана явиться в Италию уже заставил Флоренцию оплатить грядущее покровительство 50 000 дукатов (*Книс. Макиавелли. С. 238*).

чарование с этой стороны — подорвало прочность республики *. В то же время умный и тонкий кардинал Джованни, глава семейства после смерти изгнанного Пьеро, умел удачно ориентироваться в положении, и его римский дворец был открыт всем флорентийцам, которым он оказывал покровительство, — если нужно, защиту. Внутри самой Флоренции аристократия, особенно ее молодежь, тяготились устранением от дел и также обращала взор к Медичи. Гонфалоньер Содерини противопоставлял им свою честность, свою верность республиканским принципам. Наивный и гордый, умный, но не проницательный, он верил в мощь благородства, в воздействующую силу добра. Когда, наконец, даже он вынужден был прибегнуть к исключительным мерам — аресту врагов, — уже было поздно: поддерживаемые испанским оружием, осведомленные об усилении их партии Медичи возвращались в Флоренцию. Поражение республиканской милиции у Прато повлекло за собой изгнание Содерини **, сдачу Флоренции. Медичи возвратились во Флоренцию простыми гражданами, но спустя две недели «охраняемый» солдатами парламент уполномочил ставленников Медичи к «реформам», т. е. к восстановлению строя, существовавшего при Лоренцо Великолепном ***. Два республиканских заговора не удались, но ужасный разгром Рима в 1527 г.⁶⁴, узкая и бездарная политика Джулио Медичи **** вызвала, наконец, взрыв всеобщего негодования. Республика еще раз воскресла для недолгого, но героического существования. Поколение детей, воспитанных Савонаролой, ненавидело Медичи, но знало, что и Медичи не примирятся со свободой Флоренции; оно приготовилось к совершенно неравной борьбе, к «безумию великого». Бог не услышал их молитв, Климент VII не сдержал обещанной уцелевшим амнистии *****. В 1531 году по императорскому

* *Нитти*. Указ. соч. С. 205—206; *Виллари*. Указ. соч. Т. I. С. 370, 371.

** С наибольшей полнотой этот трагический момент разобран у Томмазини (гл. 7).

*** В форме инструкции папа Лев X писал правителю Флоренции Лоренцо: «На всех важнейших должностях ты должен иметь людей себе преданных»: «в особенности обеспечить себе состав балии»; «город надо обезоружить, обратить внимание на шпионство»: «к крестьянам и бедному народу необходимо быть справедливым»; «надо иметь верных и умеющих молчать людей на финансовых должностях». Таков был «дух» политики Медичи.

**** Даже в настоящее время невозможно читать о ней у Гвиччардини без чувства невольного раздражения.

***** *Сисмонди*. История. Т. II. С. 235.

рескрипту Флоренция была объявлена герцогством, и незаконнорожденный Алесандро Медичи был первым герцогом города, который с этого момента стал мертвецом.

Вольнолюбивый дух Флоренции опирался на рано развившуюся и сознавшую себя личность, на те условия, при которых здесь был приведен в покорность замковый феодализм; превращенный в нобилитет последний оставался всегда чем-то отдельным от собственно горожан. Флорентиец всегда гордился своим свободным отечеством и презирал тех, кто мог переносить грубую тиранию*. Правитель, который вздумал бы травить людей собаками, как это позволял себе один из Висконти в Милане, был бы здесь растерзан разъяренной толпой. Но рядом с духом свободы во Флоренции существовал дух партий — тот дух, который отравлял веками флорентийскую жизнь. Гвельфы и гиббелины, *popolo grasso* и *popolo minuto*, республика и Медичи, — все, хотя и не в равной мере, не хотели постичь целого — государства; всегда для них на первом плане стояло их личное благо и недоверие, сопряженное с устранением от дел, по отношению к «не своим». К лукавым и безнравственным средствам прибегали в своей партийной политике Медичи; республиканское правление, в свою очередь, слишком устраняло от дел и влияния аристократию и только по настоянию Савонаролы не было принято репрессивных мер по отношению к сторонникам Медичи, но эти меры, в излюбленной форме тяжких налогов, пустило в ход фанатически-республиканское правление 1527—1530 годов**.

Самый механизм флорентийского управления со всеми его «реформами» заключал в себе недостатки, которые не способствовали укреплению свободы, давали опору духу партийности. «Parlamento» — случайное, беспорядочное, по произволу собранное или подобранное «народное» собрание — вместо поддержки свободы разрушало ее. Форма «синьории» годилась для какой-нибудь маленькой муниципии***, но не для Флоренции Возрождения. Излишняя беспрестанная смена должностных лиц не развивала энергии, лишала возможности контроля и ясной ответственности. Выборы, при наполнении избирательных ящиков особыми «балиями», нередко превращались в коме-

* См. Инвективу Салутати.

** *Реймонт*. История Тосканы. С. 23.

*** Там же. С. 12.

дию, как во времена Медичи. Только живучий свободолюбивый дух и торговая энергия спасали Флоренцию от преждевременной гибели, от окончательного разложения — все остальное делало ее внутренний строй неустойчивым, беспокойным и слабым.

2

Флорентийская история знала своих тиранов: им был (кратковременно) герцог Афинский *, позднее — Медичи. Тип тирана будет, однако, не полон, если мы ограничимся флорентийской историей. На родине Макиавелли самый принципат вырос из желания народом свободы, из надежд «обманутых», какие возлагали младшие цехи на Медичи.

Нужно помнить, что индивидуализация жизни, распадение средневековых — политических и нравственных — основ способствовали выработке сильных характеров, острых умов, людей, свободных от нравственных колебаний и душевной борьбы. У подобного человека всегда была готова под рукой партия: «он должен был только сильно желать, он желает — и рождается тиран» **. Ломбардия с XIII века кишела тиранами; над ними воздвигается один крупный — семейство Висконти. В Неаполе королевская власть является по существу тиранической. Тираны выходят из простолюдинов ***, создаются из кондотьеров ****, они могут быть безразлично знатными или купцами *****: они не нуждаются в куске пергамента и утверждении. Тирания, резкая и грубая в XIII веке, с ходом времени облекается в более утонченные формы, не изменяя, однако, своего эгоистического, беспринципного содержания.

Тиран все держит в своих руках, все сводится только к его личной воле, — и эта воля направлена на то, чтоб сохранить, т. е. каждый день отвоевывать наново ^{6*}, власть. У него есть пособники, но нет друзей; он изолирован, одинок ^{7*}, он никому не

* Собственно герцог Анжуйский; приглашенный правителем, он стал тираном.

** *Монье*. Указ. соч. Т. I. С. 14.

*** «В наше время из слуг могут делаться короли» (слова Пия II).

**** Любопытный документ договора добровольно подчиняющегося города с кондотьером у Осокина (*Осокин*. Атендоло Сфорца и Иоанн II. Исторические очерки. Казань. С. 70).

***** Князь Медичи.

^{6*} *Монье*. Указ. соч. Т. I. С. 16.

^{7*} *Буркхардт*. Указ. соч. Т. I. С. 8.

может доверять. Жизнь тирана в вечной опасности, ум — в бодрствовании, энергия — в напряжении. Он нагл и осторожен, хитер и труслив. Иногда он, как Висконти, на всю жизнь запирается в замке, но из своего кабинета ведет войны и сплетает сети интриг. Он обласкивает тех, кого собирается уничтожить, он предпочитает поражать, чем грозить. В свою очередь, его чаще всего поражает отточенный тайно кинжал. Народ не всегда отвечает на призывы к свободе: то по тупости и низости, то по иному мотиву. Дело в том, что вся изворотливость и беспощадность итальянских князей — по крайней мере в лице большинства главных — направлена на немногих: богатых и сильных, опасных и умных *. По отношению к остальным они стараются быть внимательными и правосудными, не обременять податями, предпочитая «наследовать» деньги после богатых. Один из беспощаднейших к своим врагам тиранов, Джованни Галеаццо Висконти, вводит невиданный до него централизационный порядок в управление **. Преемник его, кондотьер Франческо Сфорца, «лев и лисица», — устанавливает внутри государства строгое правосудие ***. Наконец, Людовик Мавр, один из коварнейших князей Возрождения, развивает до высокой степени процветания миланское герцогство ****. Следует только помнить, что сердце тирана тут не при чем: это метод политика, понимание своего положения, логика человека, в котором самая его страстность служит к большему сосредоточию его умственных сил.

Из среды подобных князей наибольшее влияние на образование и склад политических воззрений Макиавелли оказал Цезарь, сын Александра VI Борджиа.

Чем тоньше яд, тем ярче окраска листвы.

Грегоровиус

Цезарь был вторым сыном папы Борджиа; предназначенный к духовной карьере, он достиг звания кардинала, но только для того, чтобы после таинственной, бросающей на него тень смерти

* Монье. Указ. соч. Т. I. С. 36.

** Виллари. Указ. соч. Т. I. С. 26.

*** Там же. С. 30.

**** Реймонт. Лоренцо. Т. I. С. 481.

брата *, с согласия Св. коллегии снять с себя духовное платье и, начертав на своем щите гордый девиз «Aut Caesar aut nihil»⁶⁵, стать князем-завоевателем. Брак с родственницей французского короля обеспечивал ему помощь и покровительство Франции, деньги папской казны под его руками обращались в войска и оружие. Взор Цезаря был обращен на Романью: она кишела мелкими властителями, тиранами, кондотьерами; истребив их, можно было создать единое владение; затем впереди обрисовывалась идея: «королевство Тоскана» **. С настойчивостью, блестящей оценкой цели и не менее блестящим пониманием средств приступил Цезарь к исполнению потайного плана. Имола, Форли, Цезаро, Римини, Фазнца — падают одни за другими ***; благожелательство Феррары обеспечено браком ее герцога с Лукрецией Борджиа. Возмущение против Цезаря его собственных кондотьеров подвергает сына папы смертельной опасности, но Цезарь умеет скрывать свои действительные силы (вернее, бессилье), он умеет разъединить, посеять тревогу и недоверие между заговорщиками, склонить их к покорности, к примирению с ним и затем одним коварным ударом покончить со всеми ****. В планы Цезаря и его отца входят Болонья, Флоренция, но они пользуются, как и Цезарь, покровительством французского короля; тогда отец и сын начинают осторожно и медленно поворачивать в сторону Испании, победоносной, укрепляющейся на юге Италии. Кажется, все благоприятствовало их планам, все было подсчитано — кроме одного: внезапной смерти папы и одновременной тяжкой болезни «герцога Валентино». Все тонко и талантливо воздвигаемое строение рушится. «Борджиа бросил вызов Фортуне — она ответила ему: он обратился в ничто» *****.

Если верить современникам, Цезарь был красив⁶⁶, был, может, красивейшим из людей того времени. В его глубоко поло-

* Был ли Цезарь братоубийцей, трудно установить (свод мнений приведен у Пастора).

** Бывший секретарь Цезаря утверждал, что последний мечтал о «короле Тосканы».

*** Со значительными подробностями описывает как это, так и всю жизнь Цезаря Ch. Yriarte (*Yriarte Ch. Les Borgia. César Borgia. Sa vie — sa captivité — sa mort. Paris, 1889*).

**** Именно в этот «гениальный» период жизни Борджиа свидетелем его действий становится Макиавелли.

***** *Yriarte. Les Borgia. Ch. II. P. 149.*

⁶⁶ Портрета его до нас не дошло.

женных глазах горело холодное пламя энергичной и скрытной натуры. Он говорил мало, сентенциями, его жесты были редки, но он, когда хотел, умел производить впечатление человека веселого и живого. В почти царственных кавалькадах появлялся он на улицах Рима, потом месяцами уединялся в своем дворце*, не расставаясь с кинжалом и шариком, в котором хранились духи. Он вел лихорадочную и сумрачную жизнь, не сводя с занимавшего его предмета внутреннего взора — потом внезапно бросался. В нем — этом «образцовом» тиране Возрождения — соединялись нега и тактика тигра. Никто не знал его планов и куда он двинется через час, никто не сомневался, что его удар будет верен. Его мстительность или холодная беспощадность были неумолимы.

Но одновременно этот человек сумел привязать к себе покоренные города и его падение вызвало о нем сожаление в народе. Только к нашему времени выяснилось вполне**, каким прекрасным, вдумчивым и заботливым администратором был этот князь — гроза своих личных врагов и романиельских тиранов. Раньше, чем восстанавливать стены разрушенных крепостей, он восстанавливал правосудие; в местах, где прежде свирепствовал каприз феодала, водворялась законность. Многочисленные его декреты, распоряжения показывают, что он стремился не оставить ничего без внимания. Ненужной жестокости, раздражающего насилия по отношению к своим подданным он не допускал, и, когда один из его ближайших помощников позволил их себе применять, Цезарь не задумался пожертвовать им***.

Народ любил Борджиа, но эта добрая память была мало слышна и непрочна; враги ненавидели — и в одностороннем освещении их памфлетов**** его личность переживает века.

3

Возрождение не было эпохой, благоприятной развитию теорий: политическая жизнь была напряженна и политическая

* *Yriarte. Les Borgia. Ch. I. P. 10—11.*

** Главным образом в труде Альвизи, специально посвященном вопросу о Цезаре как правителе Романии. Даже недоброжелательный Гвиччардини вынужден был признать, что после падения Цезаря его область оставалась верна ему.

*** *Виллари. Указ. соч. Т. II. С. 342.*

**** Пороки и недостатки Борджиа преувеличены Понтано, Саннацаро, Гвиччардини, Джовио, Буркхардтом.

мысль направлена на «злободневное», прикладное; интересы гуманиста были филологические и в воскрешенном античном мире его меньше всего привлекала политика. Вследствие этого почти во всей теории Возрождения — скудной количественно — господствует смешение средневековых еще, отвлеченных представлений об идеальном монархе с чисто итальянскими, окрашенными сильным индивидуализмом понятиями.

Первое, т. е. рассуждение об идеальном монархе, отличается у итальянцев мертвенностью: окружающая жизнь не давала примеров, наблюдения по отношению к иностранным монархиям были неполны и случайны. Император уже в Средние века был для Италии фиктивным властелином: он появлялся из-за гор и уходил за них. К нему не чувствовали любви — только его помощь или вражда подвергались оценке. Петрарка пропагандировал поход Карла IV⁶⁶ в Италию*, но, когда он говорил о монархе, ему представлялся тот не народившийся еще диктатор, в котором все политические болезни Италии должны были найти свое врачевание**. Одновременно рождалось сознание, что это только мечта, ибо «монарх должен превосходить своей добродетелью всех людей, обладать совершенствами более божескими, чем человеческими». «Найти хорошего государя почти невозможно», — меланхолически говорит Луиджи Марсили***. «Земля чаще производит чудовищ, чем хороших правителей», — замечает устами Никколи резкий в своих суждениях Поджио****. Одним словом, монарх в итальянских представлениях, прекрасное, теоретически неоспоримое, но практически неосуществимое мечтание; иногда же это неопределенный образ диктатора, т. е. князя, «воздвигшегося» до короля; наконец, в учении неоплатоников XV века это только необходимое звено в их философской цепи*****. Все абстрактные, книжные положения, которых не желала знать итальянская жизнь: оглядываясь на нее, каждый вместо монарха видел тирана, князя, власть тоже единоличную, но уже во всяком случае не «божественную». Политическая теория в трудах гуманистов, которые выходили из среднего класса и главным образом из «свободной»

* Корелин. Петрарка как политический мыслитель // Русская мысль. 1888. Авг. С. 59.

** Знаменитая 26-я глава «Князя» и кончается четверостишием Петрарки.

*** Веселовский. Вилла Альберти. С. 103.

**** Корелин. Ранний гуманизм. С. 857.

***** Виллари. Указ. соч. Т. I. С. 158.

Флоренции, относилась к тирании с отрицанием и презрением. Это не мешало, разумеется, существованию продажных гуманистов или склонности, — относясь враждебно к тирании как таковой, относиться — по исключению — благосклонно к тому или другому меценату-тирану, создавать в честь его хвалебные речи и гимны, служить ему в качестве секретаря. Петрарка воспевал свирепых Висконти, но в его «Диалоге о свободе» * Разум, отвечая Радости, обрушивается на похитителей свободы, на людей, которых «чернь называет господами, и которые в действительности палачи». Художники XIV века, отражая общественное мнение, изображают тиранию чудовищным вооруженным существом: оно окружено пороками, по его бокам опустошенные города **. В политической публицистике нападения Колуччио Салутати заставляли дрожать миланского герцога.

То в союзе с князем, то против него стояла знать, вызывавшая в индивидуалистическом мыслителе Возрождения невольное враждебное и раздраженное настроение ***. Там, где каждая сила оценивается по тому, что она есть, там желание существовать на капитал наследственного уважения, пользоваться благами мира, несмотря на личное ничтожество, вызывает протест. Знати наследования итальянский гуманист противопоставляет «знатность» ума, таланта, энергии.

Человек Возрождения против *господства* знати, он не против *участия* ее в управлении, ибо большинство итальянских мыслителей далеко не смешивает свободы с демократизмом, вовсе не склонно преклоняться перед народом, видеть в нем черты бóльшей справедливости, политического чутья и здравого понимания. В частности, флорентийский гуманист склонен смотреть на народ сверху вниз, с высоты своей «учености» и развития. «Все, что толпа думает — ничтожно, что одобряет — дурно, что проповедует — бесчестно, что делает — глупо». Эти слова говорит Петрарка ****. А в XVI веке Гвиччардини обвиняет народ в стремлении к беспорядкам *****; чувство справедливости и понимания, по его мнению, народу чуждо. В лагере же убежденных демократов, сравнивая князя и народ, напротив, говорят: «Князь стремится притеснять, народ же только не желает быть притесняемым».

* Корелин. Ранний гуманизм. С. 184.

** Буркхардт. Указ. соч. Т. I. С. 11.

*** Так у Платины, Пальмиери, Ландино и других.

**** Корелин. Ранний гуманизм. С. 185.

***** «é un mostro».

В итоге, политические взгляды враждебны принципату, не расположены к аристократии, не особенно благоприятны народу. Монархия для Возрождения только мечта, — идеалом же, к которому оно стремится, является *смешанное* правление. В сочетании власти одного, немногих и большинства видят единственное средство воспользоваться достоинствами каждой формы правления и одновременно избежать их недостатков. Ближайшее разногласие возникает только на почве большего или меньшего выдвигания того или другого из трех элементов, но не устранения их. Взоры теоретиков охотно обращаются к Венеции. Один из современников Макиавелли, Донато Джанотти*, посвящает жизнь на изучение венецианского управления. (Венеция знала пожизненного дожа, удовлетворявшего стремлению более сильной централизации; возле дожа стояла синьория из 9 граждан, сенат и Большой Совет. В главнейших случаях выступало на сцену народное собрание, соответствовавшее флорентийскому «парламенту». Следует отметить, что звание сенатора было наследственное.) По вопросу о смешанном правлении у Джанотти мы находим следующее любопытное построение: отдельные личности стремятся к владычеству, большее количество — только к участию во власти, наконец, большинство желает «равенства, свободы и справедливости». Похожие положения заключают в себе и рассуждения Гвиччардини, который особенно при этом стремится подчеркнуть значение знати. Но сомнительно, чтоб народ мог действительно надеяться на «равенство, свободу и справедливость» там, где грядущий сенатор высказывает такие афоризмы политической мудрости: «Я хвалю тех, кто кажется преданным свободе и откровенным — ему тем легче удастся провести притворство в важный момент»; «не должно забывать, что государство возникает и держится насильем, — никакая власть не законна»; «не следует опасаться народного недовольства, пока оно не принимает острой формы». К сожалению, подобные наставления являлись только отражением жизни.

* О политических трудах Джанотти см.: Ковалевский М. От прямого народоправства... Т. I. С. 426—434.

Отдел второй

РЕСПУБЛИКАНСТВО МАКИАВЕЛЛИ. ЕГО ДЕМОКРАТИЗМ.

ЕДИНОЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ У МАКИАВЕЛЛИ. ЗНАТЬ
В УЧЕНИИ МАКИАВЕЛЛИ. СМЕШАННОЕ ПРАВЛЕНИЕ

1

Макиавелли любил свободу, любил страстно. Если где-либо речь его теряет свою строгость, приобретает свежесть, чуждый всякого двусмысленного прятания смысл — это значит, что флорентийский секретарь, убежденный республиканец, говорит о свободе. Он вырос в свободолюбивом городе, его влекли республиканские убеждения античных писателей с прямодушным Титом Ливием во главе. Макиавелли не мог удержаться от искренних порывов даже там, где умолчание было бы расчетливей и умней, — в своей «Истории Флоренции», посвященной Медичи и заказанной ими. Те, кто представляет себе Макиавелли осторожным и лукавым искателем милостей, должны бы согласиться, что скорее наивностью не умеющего себя скрыть чувства может быть объяснен ряд мест в историческом труде, где каждое слово приходилось писать с мыслью о том, какое оно произведет впечатление.

Генуя восстала против Висконти, народ сбежался на призыв колокола, и, описывая этот эпизод, Макиавелли, скупой на замечания, прибавляет: «Прекрасно было видеть пыл граждан, народ сбежавшийся на слово: свобода» *. В VI книге той же истории он упрекает Сфорцу за его «несправедливое» желание овладеть Миланом и, вопреки всякому правдоподобию, заставляет республиканцев, прибывших в стан Сфорцы, произносить длинную, беспощадно-укорную речь, и десяти слов которой торжествующий кондотьер не позволил бы сказать. В VII книге Макиавелли с особенным вниманием останавливается на благородной личности Нери Коппони, в VIII — с элегическим чувством рисует состояние Флоренции Медичи, неудачу республиканского заговора: «богатство и мудрость Медичи сделали народ глухим, и свобода уже была неизвестна Флоренции».

Свобода существовала для нашего мыслителя там, где происходила борьба, где могло существовать, не прячась, открытое слово, где идеалом было общее благо, где каждый класс и человек мог найти применение своим способностям и стремлениям.

* Storie. Кн. V.

С оптимистической дерзостью «возрожденца» Макиавелли не боялся борьбы, никогда не видел гармонии в тишине; для него жизнь ковалась в бурях, из столкновений мог и рождался путь к лучшему существованию граждан и лучшим законам. Его пленяла картина борьбы патрициев и плебеев* — единых в борьбе против внешнего врага, спорящих и устанавливающих этим спором новое существование — внутри. Он не верил в возможность идеального государственного спокойствия: он видел в нем роковые признаки «размягченности», притупления, опасных для государственного существования, стоящих в конце того «круга»**, за которым следует гибель, и реже — опять-таки через бури — возрождение***. Противоположность стремлений не должна быть угадываема: как трение, сказал бы в настоящее время Макиавелли, — она рождает энергию. Государство должно признавать за гражданами право стремиться, стремления должны находить в борьбе свой свободный исход, но самая борьба не должна переходить в анархию или резко давать перевес одной стороне. Государственное устройство и законы неудовлетворительны, если результатом противоположений является ослабление, если страсти теряют свои дисциплинированные пределы, если законы не соблюдаются и законность страдает****. Борьбы за законы, за новые положения Макиавелли не смешивает с борьбой *против* законов. Он был непримиримым врагом партийности, разъедавшей Флоренцию, потому что — аристократическая или народная — она всегда, по существу, являлась тиранической, потому что закон и воля сегодняшних победителей ею принимались за одно. Красной нитью через всю «Историю Флоренции» прошла идея о губительности безудержных партийных раздоров, не склоняющихся перед высшей идеей отечества. Та же мысль о губительности неосвященного раздора вносит скорбные ноты в последние страницы «Искусства войны». Наконец, не раз говорит о том же Макиавелли в «Discorsi». Живые страницы Ливия или Саллюстия, идеализировавших исчезнувшее республиканское строение Рима, находили себе живой отклик в сердце Макиавелли. В таких случаях он иногда удалялся от итальянской действительности, впадал в подчинение идеалистическим образам. Он представлял себе граждан, которые были бедны, и их государство, которое было

* Discorsi. Кн. I. Гл. 4; кн. I. Гл. 6; Storie. Кн. III.

** Discorsi. Кн. I. Гл. 2; Storie. Кн. V.

*** Asino d'oro. Песнь V.

**** Storie. Кн. III; Discorsi. Кн. I. Гл. 49.

богато *; людей, честолюбие которых заключалось в том, чтобы возвеличить отечество, которые, подобно Цинцинату, умели возвращаться к сохе, находя в своих душах скромность и дисциплину, позволявшую им без оскорбленного самолюбия повиноваться сегодня тому, кем они вчера повелевали **. Это была прекрасная мечта о преклонявшихся пред идеями свободы и отечества энергиях, мечта, существование — реальное — которой в прошедшем возбуждало в Макиавелли благоговение и зависть. Все устройство, вся политика Рима для Макиавелли — недостижимый образец, который ему не приходит в голову строже проанализировать, найти слабые стороны, элементы для порицания. В окружающей действительности он у германцев ***, как ему представляется, находит нечто приближающееся: ту же строгость, дисциплину, искреннюю простоту в сознании долга, беспритязательность личных стремлений при заботе о благе общего. «В Германии, — писал Макиавелли в своем отчете, — если государство богато, то граждане бедны. И эта бедность — причина богатства государства. Граждане тратят очень мало на свои личные нужды... каждый гражданин живет по своему состоянию». И, оглядываясь, со скорбью он видел в Италии обратное: борьбу эгоизмов, борьбу партий, не объединенных никакой высшей идеей и расположенных понимать свободу как произвол.

Контрастом окружающему, итогом античного влияния и посольских наблюдений явились, таким образом, *основные положения Макиавелли*, чем должна быть республика, что должно присутствовать в ней: *свобода стремлений, борьбы, остающейся в рамках законности, подчиняющейся чувству патриотизма, забота об общем, справедливость правосудия и вознаграждения заслуг, строгая служебная ответственность и публичный разбор обвинений*, устраняющий возможность подпольной и партийной клеветы. Макиавелли придает большое значение последнему пункту. «Людей обвиняют, — говорит он, — перед магистратами, народом, советом, на них клеветают — на улицах и в домах» ****. Этими клеветами полна история Флоренции; «они рождали ненависть, ненависть — раздоры, партийность, а последние вызывают падение государства». Убежденною мыслью рисует Макиавелли процветание республики: только ей до-

* Discorsi. Кн. I. Гл. 37; кн. III. Гл. 16; кн. III. Гл. 25.

** Там же. Кн. I. Гл. 31; кн. I. Гл. 35.

*** В своем упомянутом уже нами отчете.

**** Discorsi. Кн. I. Гл. 8.

ступно преемственное в ряде поколений стояние у власти людей выдающихся и способных *; народонаселение здесь значительно скорей возрастает **, так как люди охотнее обзаводятся семьей, когда они уверены в безопасности своих благ, когда они знают, что их дети будут свободными, а не рабами и сумеют также принять участие в управлении; то же чувство безопасности способствует развитию промышленности, земледелия, и в силу этого быстрому накоплению богатств ***. Так было, по мнению Макиавелли, всегда и везде, где только существовали свободные страны.

Но Макиавелли не только республиканец, он — *демократ*, что, как мы видели, в эпоху Возрождения отстояло далеко одно от другого. Он верил в народ, и это был именно скорей *инстинкт* веры, чем строгое, холодное, логическое убеждение, потому что аргументация Макиавелли в этой области временами путана и слаба. Он — апологет народа, старающийся смягчить самые несомненные его недостатки, если возможно — отвергнуть их вовсе. Как аксиому — основную — он высказывает ту же мысль, какую Гвиччардини вкладывает в уста Пьеро Содерини: «Народ хочет одного: *не быть угнетаемым*» ****. Массе чуждо честолюбие, снедающее знать, создающее тирана; она хочет только, чтоб ей дали спокойно существовать под защитой законов, и чтобы охрана этих законов, как прежде всего народного сокровища, была поручена ей. Народ создан для роли охранителя; ему чуждо творчество, но прирожденно то чутье ***** , тот здравый смысл, который не позволяет ему долгое время заблуждаться. Насколько прочны симпатии и непрочно аргументация Макиавелли, доказательством может служить, что даже в одной и той же первой книге «Discorsi» мы находим две слабо согласованные главы. В 5-й Макиавелли становится на историческую почву: в итоге он готов колебаться даже, кто является самым лучшим охранителем свободы и законов — знать или народ. Но спустя десяток страниц ^{6*} Макиавелли дает волю своему

* Discorsi. Кн. I. Гл. 20.

** Там же. Кн. II. Гл. 2.

*** Там же. Кн. I. Гл. 58.

**** Там же. Гл. 4, 16; Il Principe. Гл. 9, 19.

***** Discorsi. Кн. II. Гл. 34.

^{6*} Там же. Кн. I. Гл. 58.

влечению: в широкой параллели между князем и народом он создает апологию последнего. «Народ более благоразумен и постоянен, он более справедлив». «Глас народа — глас Божий: чудится, что помощью какого-то тайного проникновения народ видит грозящее ему даже в отдалении зло или благо». «Народ выбирает должностных лиц несравненно более удачно и никогда не убедите вы его избрать человека бесчестного» *. «Народ лучше охраняет законы» **. «Он легче сознается в своих ошибках» и «самая ненависть и жестокость его обращены исключительно против тех, кто его притесняет». Перед нами налицо догматическая апология ***, то нарушение беспристрастия в пользу излюбленно-дорогих Макиавелли положений, о каких мы говорили в своем месте. Макиавелли и сам в более объективные моменты замечал, что народ способен к ошибкам и заблуждениям крупным: тогда он соглашался, что народ может ошибаться в главном ****, но исправляет свои ошибки чутким познанием частности. После 1494 года, говорит Макиавелли, дела Флорентийской республики шли плохо и причину тому народ видел в кознях знатных, роптал и был готов к возмущению, но, когда часть из роптавших с новыми выборами сама стала у власти, разбирая ход государственных дел, она поняла, что в этом случае искать объяснения надо не в дурных людях, но в дурных временах. И с беспощадной наивной объективностью Макиавелли прибавляет: «но те из роптавших, кто остался вне власти, сочли их — участников власти — подкупленными знатью».

Итак, по Макиавелли, в руки народа, медленно, но правильно ориентирующегося, скромного и умеренного, должно быть доверено: 1) *право избрания должностных лиц*; 2) *право контроля*; 3) *право суда*, вплоть до вопроса о жизни и смерти ***** (как последней инстанции). Из этих трех прав право избрания (пассивное) во Флоренции доверялось судьбе и «немногим» (балии), всегда склонным поддерживать немногих и сильных; право контроля — особенно при краткосрочности должностей — почти отсутствовало; право суда, в течение веков доверяемое судье-иностранцу (Подесте), по взгляду Макиавелли, не осуществлялось. Ни республиканец, ни демократ в Макиавелли не удовлетворялись порядками родины.

* Там же. Кн. I. С. 47; Кн. III. Гл. 34.

** Там же. Кн. I. Гл. 5.

*** «Макиавелли защищает народ страстно» (Франк).

**** Discorsi. Кн. I. С. 49.

***** Там же.

2

Макиавелли мог наблюдать тиранов в их разновидностях: он был современником Лоренцо Великолепного, его сына Пьеро, реставрации Медичи во Флоренции; он видел и имел дело с мелкими тиранами Романии; в нем на всю жизнь запечатлелся зловеще сильный образ их истребителя — Цезаря Борджиа; он наблюдал судьбу Людовика Сфорца, известного под именем Мавра; онзнакомился с прошлой судьбой итальянского полуострова и родной ему Флоренции; наконец, в трудах античных писателей он черпал их мудрость и укреплял свои политические взгляды их взглядом на власть и, в частности, на тиранию. Деятельный сторонник республики, Макиавелли прилагал все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать возвращению Медичи; созданная им милиция получила первое — увы, неудачное — боевое крещение при штурме Прато испанцами, за спиной которых стоял кардинал Джованни. Что думал Макиавелли даже о смягченной и осторожной тирании Медичи, как нельзя лучше показывает его «История», заказанная ему папой из этого дома. Козимо покровительствовал наукам и искусствам — Макиавелли говорит: «Нет лучше способа ввести праздность даже в наилучше устроенном государстве» *; Козимо избегал убийств и предпочитал наносить удары врагам налогами и изгнанием — Макиавелли замечает: «Граждане подвергались проскрипции **⁶⁷ не за свою даже принадлежность к другой партии, но за свое богатство, родственные или дружеские связи. Если б были еще убийства, это напоминало бы времена Суллы». И, приводя «замечательные» изречения Козимо, он приводит и такие, как: «Я предпочитаю Флоренцию разрушенную Флоренции свободной» ***. Если по отношению к Медичи уста Макиавелли были связаны, то в отношении итальянской тирании вообще он давал волю своему презрению и негодованию. В первой книге своей «Истории» он говорит о «низости этих князей», к подлому убийству Филиппом Висконти жены он добавляет, что оно было совершено «по манере, свойственной князьям», наконец, в V книге обещает он раскрыть читателям «всю хитрость, всю ловкость, все искусство этих князей, вождей и правителей к утверждению за собой положения, ими не заслуженного». Холодным презрением подарил Макиавелли смерть тиранов-кон-

* Storie. Кн. V.

** Там же.

*** Там же. Кн. VII.

дотьеров в Синигалии в ловушке Цезаря. Но одновременно сам Цезарь — тоже разновидность тирана — вызвал в нем глубокое удивление, которое, перейдя в поклонение и притом «идеализирование» *, ярко выразилось сначала в одной из редакций описания резни в Синигалии, а затем полностью — в VII главе «Князя» **. С первого же свидания Цезарь очаровал практически неопытного еще Макиавелли своей самоуверенностью ***. Временами он играл с Макиавелли, как кот с мышью. Глубокая тайна покрывала его действия, его придворные говорили в необходимом для него направлении. Никогда не видел Макиавелли сына папы глубоко взволнованным; в моменты самого критического положения Цезарь умел улыбаться, и иногда эта улыбка становилась столь грозной, что в сердце Макиавелли поселялась боязнь за Флоренцию. Макиавелли восхищался армией Цезаря, видя в ней громадную силу, Цезарь же администратор им долгое время мало ценился ****. В общем впечатление было огромно и неизгладимо: Цезарь казался Макиавелли безупречно гениальным *приобретателем-князем*. Что с того, что *реальный* Цезарь после смерти папы обнаружил растерянность, невладевание собой, неожиданную доверчивость к людям — *этого* Цезаря Макиавелли знать не хотел, но, присоединяя к прежним «великолепным» чертам новые — наблюденные, продуманные, родственно-заимствованные, — он получал личность, которая и была, с одной стороны, идеальным Цезарем и, с другой — князем, завоевывающим новые земли и устраивающимся в них. Говоря: «родственно-заимствованные», мы подразумевали то, что влияло на Макиавелли при знакомстве с античным миром, с его героями, монархами, правителями, с его формами власти и теоретическими положениями о них. Ему были знакомы многие жизнеописания Плутарха, теоретические построения о власти Полибия, республиканский и первоначально-царский Рим, по Ливию, знаком был ему и императорский Рим, и рассуждения Цицерона. Все, что находило себе созвучные ноты в мышлении самого Макиавелли, что по инстинкту симпатии произво-

* Основное положение Виллари, слабо оспариваемое Томмазини.

** Цезарь был «идеалом» для Макиавелли как совершенный образец своего типа, сначала как «приобретатель», а позднее как «тиран-устроитель».

*** *Нитти*. Указ. соч. С. 153—155. «Цезарь не был умом более острым, чем Макиавелли, но он обладал большим даром притворства, которого Макиавелли был лишен почти вовсе».

**** По крайней мере, оценку мы находим только в «Князе».

дило на него впечатление, затем становилось его достоянием, его обогащением, его зрелостью или усиленным заблуждением. Последнею формою единоличной власти, на какой останавливалась мысль Макиавелли, был республиканский правитель, и здесь жизнь показывала Макиавелли прежде всего итальянского дожа и флорентийского гонфалоньера; близко пришлось ему наблюдать правление пожизненного гонфалоньера Пьетро Содерини. Заимствованный у Полибия идеал смешанного правления также заключал в себе, в форме составной части, правителя, вносящего единство в ход государственных дел. Отметим еще, что во время своих дипломатических миссий во Францию Макиавелли мог наблюдать наследственную королевскую власть, но в суть ее Макиавелли вникал слабо, не видя возможности внедрения этой формы правления и в Италии.

«Discorsi» и «Il Principe» не могут быть противопоставляемы друг другу: в этом сходятся все новейшие критики Макиавелли*. «Il Principe» есть прежде всего *выделенная и развитая частность* из общей постройки «Discorsi». Это вполне оправдывается в вопросе о власти «княжеской»: в «Discorsi» настолько ясно выражены главнейшие идеи Макиавелли, что даже не имея его «Князя» в руках, не будучи еще знакомыми с ним, мы могли бы, однако, восстановить его образ, который оказался бы потом в большой мере совпадающим с образом, получаемым от «Il Principe».

Ставим наш тезис: в «Discorsi» и в «Князе» Макиавелли, говоря о правителе, подразумевает под ним то «*тирана*» в духе властителей Романии, то «*тирана-устроителя*» в испорченном до него государстве, то «*монарха*» как власть единоличную, но уже безусловно положительную, то, наконец, «*диктатора*» — лицо идеальное, теоретически и под античным влиянием созданное и которого не давала итальянская действительность. Сохраним эти *наши* термины.

«*Тираны*» возникают, по Макиавелли, на почве двух мотивов, двух борющихся сторон: слишком резкого стремления народа сохранить свою свободу и слишком большой страсти знати к властвованию**. Как только одна из сторон начинает усилен-

* Начиная Алексеевым и Виллари и кончая даже Нуррисоном.

** Il Principe. Гл. 9; Discorsi. Кн. I. Гл. 40.

но стремиться к подавлению другой, она выдвигает личность, которая в таких случаях неизбежно обратится в тирана. Таким образом, «тиран» есть плод дисгармонии, явление уродливое в зародыше и потому гибельное в развитии. Выйдя из своеволия, эта власть ознаменовывает свои действия попиранием законов, созданная для «боя», она разрушает учреждения и нарушает привычки*. Вызвали ли ее к существованию знать или народ, она прежде всего насквозь эгоистична и пользуется другими исключительно как орудием. Чаше она заключает союз с честолюбивой и стремящейся к нарушению законов знатью, чем с народом, потому что интересы ее и народа, пользующегося преобладанием в республике, здесь противоположны**. Тиран всегда преступник уже потому, что достижение подобного могущества сопровождается почти неизбежно поступками низкими. Это — Фаларис***, Дионисий⁶⁸, это те тираны Рима, которые наполняли государство ужасными войнами, раздорами, смятениями, которые пренебрегают заслугами, объявляют борьбу добродетели, не терпят возле себя способностей и талантов. Говоря о них, Макиавелли вооружается столь редким у него патетическим возбуждением, становится красочным в описании бедствий, происходящих от тирании****.

Вторая ступень: «*тиран-устроитель*». Подобно просто «тирану» он зарождается и должен выступать в испорченном государстве, но он уже не чистый разрушитель. Государство, очутившееся в его сильных руках, не падает дальше — в него вносится порядок*****, устанавливается правосудие, обнаруживается забота о народе^{6*}. Но рядом с этим оружие властителя — страх^{7*}, в его сердце — коварство, в политике не искренность, но притворство^{8*}. В железной узде держит он все силы и на мече основывает свою грозную власть. Он расчетлив^{9*}, бережлив, осторожен, предусмотрителен, он тонкий знаток обстановки, места и времени, условий, в каких ему надо действо-

* Discorsi. Кн. III. Гл. 29; кн. III. Гл. 5 (тиран — оскорбитель законов, разрушитель учреждений, нарушитель привычек).

** Discorsi. Кн. II. Гл. 2.

*** Там же. Кн. I. Гл. 10; кн. II. Гл. 13.

**** Там же. Кн. I. Гл. 10.

***** Там же. Кн. I. Гл. 16; кн. I. Гл. 55; Il Principe. Гл. 7.

^{6*} Il Principe. Гл. 7, 19.

^{7*} Там же. Гл. 17.

^{8*} Там же. Гл. 15, 18.

^{9*} Там же. Гл. 16.

вать *. Этот тип и входит львиной долей в «Князя» Макиавелли. Правление подобного властителя не исключительно эгоистично в *последствиях*, это не безудержный эгоизм «тирана», но оно эгоистично в *мотивах*, и нет в нем благородной мысли о государственном благе. Когда Макиавелли рисовал подобного «князя», действительность так давно знала его, что не находила чему изумляться в работе Макиавелли.

На третьей ступени представлений флорентийского мыслителя стоит властитель, которого мы назвали «монарх». Он имел свои воплощения в Тите, Нерве, Траяне, Антонине, Марке Аврелии, в Агесилае и Тимолеоне **⁶⁹. Они пользовались уважением и любовью всех благородных людей, и лучше всяких крепостей и насильственных действий их защищала и укрепляла привязанность граждан. Под такими монархами мир и справедливость царствуют на земле. «Монарх» под пером Макиавелли приближается к той личности «почти божественной», о которой говорил Аристотель: это искренний ревнитель народного блага и вместе человек ума и таланта ***. Но это не наследственный династ, но человек, избранный, хотя и с монархической властью, народом. По Молю ****, Макиавелли почти с завистью говорит о королевской власти в Испании и Франции. Это *верно*, поскольку он сравнивал даже наследственную королевскую власть в ее большей прочности и силе с бегучим, непостоянным, слишком эгоистическим характером власти Италии, — *неверно*, поскольку мы бы вздумали игнорировать несравненно более высокие для Макиавелли идеалы — «монархии» и «диктаторства».

«Диктатор» ***** — это тот же тип «монарха», только более сильный, энергичный, менее мягкий. Он является «учредителем» государства на основах могущества и жизнотворных принципов, он — великий законодатель и чрез то воспитатель силы народной, наконец он — та необыкновенная властная рука, какая нужна уже заблудшим народам, чтобы круто вернуть их к «первоначальным» ^{6*} — всегда благодетельным — «принципам». В этой последней роли диктатор приближается в

* Il Principe. Гл. 7.

** Discorsi. Кн. I. Гл. 10.

*** Там же.

**** Молю. Указ. соч. С. 540.

***** Discorsi. Кн. I. Гл. 9; кн. I. Гл. 34; кн. III. Гл. 1. Подчеркиваем смысл первой из этих глав.

^{6*} «Ritornar al segno». Discorsi. Кн. III. Гл. 1; кн. III. Гл. 8.

ряде черт, начиная с жестокости * и притворства **, к типу «тирана-устроителя», но между ними остается непроходимая пропасть: один — «божественный» — руководится величайшими для Макиавелли идеалами блага государственного, другой заботится прежде всего о себе, даже тогда, когда благодетельствует и частично оздоравливает. Вполне понять, чем был образ «диктатора» для Макиавелли, мы можем только в связи с его некоторыми общими взглядами. Для флорентийского мыслителя был несомненной истиной «государственный круговорот***, о котором говорит VI книга Полибия и идею которого Макиавелли отчасти повторяет, отчасти развивает в начале «Discorsi». Но, согласно этой идее, история государства представляет собой нечто нисходящее в последовательно вырождающихся формах: княжество превращается в тиранию, сменившая ее аристократия — в олигархию, демократизм — в анархию. Последняя ступень такова, что государству остается одно: или окончательно погибнуть или «быть возрожденным». Что может обеспечить государству властное возрождение и долгое плодотворное обеспечение? — *Только законы*****. Законы дисциплинируют граждан, воспитывают их. Но законодателем, создателем-мыслителем, практиком-применителем, могущественным и хотя бы насильственным может быть только *одно лицо******; Моисей, Ликург и Солон, Ромул и Нума Помпилий⁷². Индивидуалистические убеждения Возрождения и «героический» характер представлений древности находит себе в мышлении Макиавелли благодарную почву — и перед нами встает «диктатор», великий человек, который «все может», постигает и создает на века, лучезарный и обожествленный.

Но не являлось ли у Макиавелли опасения, что подобная личность, хотя и с определенным именем Солона или Помпилия — только химера? Думал ли он и что о диктаторе для Италии? Макиавелли не сомневался в реальном существовании и великом деле лиц уже упомянутых нами на этой странице, но когда его внимание обращалось на то, что они были «зачинатели», а не «возродители», у него пробуждалось тяжелое сомнение^{6*}, все сознание трудности появления последних, ибо

* Как Ромул.

** Как Клеомен⁷⁰.

*** Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

**** См.: Алексеев. Указ. соч. С. 87⁷¹.

***** Discorsi. Кн. I. Гл. 9; кн. I. Гл. 17; кн. II. Гл. 2.

^{6*} Там же. Кн. I. Гл. 18.

они должны были явиться среди общества испорченного, быть сильными и талантливыми, добиться могущественной власти, оставаться благородными ревнителями только общего блага и, свершив свой главный — законодательный — подвиг, передать охрану нового строя в руки наилучшего охранителя, т. е. народа. Это отвлеченно психологически уже походит на грезу, особенно если знать взгляд флорентийского мыслителя на людей; идеальный же «диктатор» на почве Италии, Италии Возрождения, испорченной, в глазах Макиавелли, был невозможен*. «Но наступит день, когда пред Макиавелли явится образ *другой* диктатуры — диктатуры *внешней, завоевательной* **.

3

Между народом и единоличною властью стоит аристократия, знать. Не только как народолюбец, но и как индивидуалист Возрождения Макиавелли чувствовал нерасположение к ней. Подобно подавляющему большинству своих современников, он не верит в «породу», «кровь»***, в наследственное преемство талантов; одаренность отца и сына — Филиппа и Александра Македонских — в его глазах представлялась лишь исключением. Напротив, наследственность — это скорей вырождение****, и в силу этого источник зла в государственной жизни, но, как бы то ни было, аристократия существовала, с ней приходилось считаться, рассматривать занимаемое ею в жизни место и определять, какое место ей *следовало бы* занимать.

Прежде всего, в самом понятии «нобилитета» Макиавелли различал земельных собственников, феодалов и городскую знать. Для первых у него не существовало ничего, кроме презрения*****, отношение ко вторым у Макиавелли было сбивчиво,

* Макиавелли жаждал диктатора, но никогда ни в ком из итальянцев его не воплощал, и уж, конечно, не Лоренцо Медичи мог слиться с этим «божественным» образом.

** По нашему мнению, «Князь» был написан как книга о «тиране-строителе», а 26-я глава посвящена специально Лоренцо и воплощает идею диктатора-завоевателя и тем освободителя Италии от «варварского ига».

*** Discorsi. Кн. III. Гл. 38; кн. III. Гл. 46. В особенности же он был поэтому против наследственности княжеской власти. Там же. Кн. I. Гл. 2; кн. I. Гл. 9; кн. I. Гл. 11; кн. I. Гл. 20.

**** Там же. Кн. I. Гл. 2.

***** Там же. Кн. I. Гл. 55.

сложно. Как в отношении папства, так в отношении феодализма Макиавелли был непримирим. «Жентильомы» * — это люди, живущие в праздности доходами со своих земель, которые сами обрабатывать они не трудятся. Подобные люди с их гнусным образом жизни служат только к гибели провинций и государств. Самыми худшими из них являются те, во владении которых есть замки, в повиновении — вассалы. Королевство Неополитанское, территория Рима, Романья и Милан полны этого сорта людьми. Они враги всякого порядка, всякого устройства, обеспечивающего гражданам благо свободы. Голос флорентийского гражданина ясно слышится в этом бичевании средневековых стареющих форм. Слишком хорошо Макиавелли знал историю своей родины, знал как переселенный, но не слившийся с городом феодал потрясал ее своими раздорами, пока наконец не был укрощен.

Но есть знать городская — та, которая связана с судьбою тирана, с устройством республик. Здесь мы сразу наталкиваемся у Макиавелли на неясность, на прямые противоречия. Мы слышим, как он своему «князю» советует то опираться на знать, даже ее создавать **, то находить против нее опору в народе ***, то стремиться удовлетворить всех — и знать и народ ****. Но раз у Макиавелли сложно самое понятие «князя», то не может ли хоть часть этих противоречий вытекать из того, что в одном случае Макиавелли говорит о взаимоотношении тирана и знати, в другом — «тирана-устроителя» и даже «диктатора»? На кого же опереться «*тирану*», кто его ближайший союзник в высасывании сил государства? Не тот ли, кто, подобно ему, полон алчности, чья основная черта — «стремление угнетать»? ***** Тиран и знать должны протянуть друг другу руки, тиран должен, если нужно, *создать* знать, и не городскую только, но также земельную, он должен одарить ее замками, вознести должностями, и тогда согнутый двойным игом «народ не будет в состоянии сопротивляться» ^{6*}. Иначе представлена роль знати в ее отношении к единоличному правителю — и опять-таки в целях наставления — в «Князе». Надо иметь в виду, что в «Князе» *факти-*

* Там же. Кн. III. Гл. 29.

** Там же; Discorsi sul Riformar lo stato di Firenze.

*** Il Principe. Гл. 9.

**** Там же. Гл. 24. Несколько неожиданно, во всяком случае.

***** Любимая фраза Макиавелли: «Знатные стремятся угнетать, народ только желает не быть угнетаемым».

^{6*} Discorsi. Кн. I. Гл. 16.

ческий материал чередуется с дидактическим. Фактический — состоит в том, что князем можно стать по воле народа или аристократии, дидактический — что знать неверная опора: она слишком честолюбива, слишком сильна предусмотрительностью и хитростью, — даже князю, созданному аристократией лучше опереться на народ, и народ ему будет тем более благодарен*. Мы уже говорили: когда Макиавелли писал «Князя», перед ним носился образ «тирана-устроителя», человека с прочной властью, твердым правосудием, с рассчитанным покровительством низшим сословиям. В государстве *подобного* князя честолюбивая, алчная, беспокойная знать, как вредный и для государства и для правителя элемент, должна испытать на себе власть обуздания, а если она носит феодально-тиранический строй, — прямо истребления**.

Но если знать — такой вредный, с высшей точки зрения, элемент в государстве, то какое же ее место в свободном государстве, в республике? Логически мы готовы предположить, что ей нет места в нем, но Макиавелли находит его, ибо *идеал* государственного устройства у него не демократия, как и не правление «диктатора», являющегося только в века; этот идеал, столь популярный в Возрождении, — *смешанное правление*. Народ, как мы видели, должен пользоваться правом избрания должностных лиц, обладать правом контроля и правом суда; обязанности правителя, стоящего во главе республики, у Макиавелли менее ясны, но можно сказать, что он преимущественно — исполнительная власть (и председательствующая); это, скорее всего, гонфалоньер или дож. Но остается область законодательная, остаются остальные высшие административные должности в государстве, и их-то Макиавелли не боится вверить аристократии. Ему кажется, что влечения честолюбцев в республике могут быть направлены по руслу***, где они принесут свою пользу, что в подобном государстве со смешанным правлением знать не будет угнетена, но и не будет в состоянии выйти из рамок законности. И, оглядываясь на флорентийскую историю, Макиавелли видел зло в том, что знать, как и народ, бывала здесь всегда или в угнетении или угнетала сама****. А единичные правители — Медичи — представлялись Макиавелли узурпаторами.

* Il Principe. Гл. 9.

** Discorsi. Кн. I. Гл. 2; Storie. Кн. III.

*** Discorsi. Кн. III. Гл. 28.

**** Discorso sul Riformar.

Но в тяжкие для Италии минуты Макиавелли протянул к ним руки, чтоб чрез «военную диктатуру» они — губители одной свободы — стали спасителями другой — *свободы Италии*.

ДОПОЛНЕНИЕ

В ЗАЩИТУ НАШИХ ПОЛОЖЕНИЙ О ВЗГЛЯДЕ МАКИАВЕЛЛИ НА ЕДИНОЛИЧНУЮ ВЛАСТЬ

В своем «Князе» Макиавелли говорит о Моисее и Ромуле, о Тезее и Кире, о Людовике XII и Цезаре Борджиа, об Оливеротто и Агафокле, о Набиде и Гиероне, об Александре Македонском и Фердинанде Испанском⁷³. Объединены они в представлении Макиавелли тем, что все они были — правители, «единовластники». К сожалению, трактат об «Il Principe» принято переводить словами «О князе», и, кроме того, объединять все суждения Макиавелли, заключенные не только в «Il Principe», но и в «Discorsi», в понятие «князя», вводя тем самым в наши представления единый и слишком ограниченный образ. Но был ли у Макиавелли этот образ единым, можно ли в самом деле брать *любое* место, где Макиавелли говорит о власти единоличной, соединять его с другим * и таким путем создавать выводы о том, что думал или советовал Макиавелли правителю?

Начнем с терминологии: кроме «правителя» у Макиавелли в запасе есть слова «тиран», «король» и «диктатор». Первый вопрос — можем ли мы подставить под эти термины наши собственные, теперешние понятия о них — не может быть разрешен без предварительного разрешения второго: не носился ли перед Макиавелли, когда он употреблял эти различные термины, все один и тот же «княжеский» образ?

Так, очевидно, склонен смотреть проф. Алексеев. Он говорит о «князе», о том, каким путем, по Макиавелли, приобретается и сохраняется «княжество». Последуем за ним. И попробуем себе представить образ «князя». Мы узнаем, что средством для удержания княжеской власти может быть только военная сила**, как противоположность закона; «тирания — господство личного произвола»***. Дворяне стремятся к тому, чтоб угнетать, — князь должен опираться на дворян****; «княже-

* Кажущимся нам развитием или продолжением первого.

** Алексеев. Указ. соч. С. 90⁷⁴.

*** Там же. С. 91⁷⁵.

**** Там же⁷⁶.

ство может удержаться лишь с помощью наиболее вредных элементов общежития» *. Если народ испорчен, только железной руке тирана по силам сдержать разнузданную толпу. Средства, с помощью которых вводится княжество, добродетельному человеку не по силам **. Тиран не может уважать закона и желаний борющихся партий ***. «О справедливости и законности в княжестве речи быть не может» ****.

Несомненно, говорим мы уже от себя, это образ *тирана*, и очень ясный. Но обратимся к *цитатам*, на основании которых он у Алексеева создан. Прежде всего мы наталкиваемся здесь ***** на указание Макиавелли, что в Милане, где сила законов недостаточна для обуздания знати, *bisogna una voce vica ed una potestà regia che gli reprima*⁸¹. Но мы должны пока не доверять термину и идти дальше. «Где не хватает страха перед Богом, там власть князя должна возмещать недостаток религии» (Discorsi. Кн. I. Гл. 11). «Dove la materia и corotta, le leggi bene ordinate non giovano, se già le non son mosse da uno che con una estrema forza le facci osservare»⁸² (Там же. Кн. I. Гл. 17). Две следующие цитаты говорят, что в испорченном государстве нужна крайняя степень единоличной власти: «Che con la potenza assoluta ed eccessiva ponga freno alla eccessiva ambizione e corruttela de'potente»⁸³ (Там же. Кн. I. Гл. 18; Кн. I. Гл. 55). Из последней главы Алексеев цитирует далее, что если Франция и Испания не дошли до степени упадка Италии, то не по большим нравственным добродетелям народа, а потому что пользуются благом иметь uno re che gli mantiene uniti non solamente per la virtù sua, ma per l'ordine di quelli regni, che ancora non sono guasti⁸⁴.

Итак, прежде всего термин «ре»⁸⁵, неопределенный в предыдущих цитатах, этот князь, называемый Алексеевым тираном, в последней цитате реализуется в образе французского короля, не лишенного «virtù»⁸⁶ и опирающегося на известный законный порядок. Подвигаясь в обратном направлении, мы узнаем (Кн. I. Гл. 55), что «королевская» власть должна класть узду на *ambizione e corruttela de'potente*⁸⁷, — здесь, следовательно, «ре» выступает укротителем знакомых уже нам честолюбцев — *знати*. Еще далее (Кн. I. Гл. 17) мы узнаем, что все та же исключи-

* Алексеев. Указ. соч. С. 91.

** Там же. С. 92⁷⁷.

*** Там же. С. 93⁷⁸.

**** Там же. С. 100⁷⁹.

***** Там же. Примеч. 183, 184. С. XXVII—XXVIII⁸⁰.

тельная власть нужна для того, чтобы *заставить* соблюдать *законы*. Но если так, то тождествен ли этот «ге» тому образу *тирана*, какой начертан Алексеевым, и как примирить его утверждение, что тиран, по Макиавелли, должен опираться на знать и силу «без всякой речи» о законе и законности, с более чем категорическим смыслом приведенных цитат. Средства, с помощью которых вводится княжество, по словам Алексеева-Макиавелли, добродетельному человеку не по силам. Подвергнем цитату*, на которую опирается прежде всего это утверждение, проверке. Макиавелли говорит: «Qualunque diventa principe o d'una citta o d'uno stato, e non si voglia o per via di regno o di repubblica alla vitta civile, il migliore rimedio che egli abbia a tenere quel principato, и... fare ogni cosa di nuovo in quello Stato... Sono questi modi crudelissimi, e nemici d'ogni vivere...; e debbegli qualunque uomo fuggire, e volere piuttosto vivere privato, che diventar Re con tanta rovina degli uomini»⁸⁹.

Прежде всего здесь путаница терминов, разобраться в которой можно только по смыслу: «regno» в начале цитаты глубоко не соответствует «ге» ее продолжения и указывает, как скользок был бы путь, если б *исходным* пунктом послужила нам *терминология* Макиавелли. Но смысл цитаты ясен: обращение с людьми, с целыми народами «как со стадами»** отвратительно, это тот *тиранизм*, которого должен бежать всякий, не лишенный хоть искры добродетели, человек; этот путь необходим только в том случае, если человек, став правителем, не захочет следовать по *лучшему* пути *правителя республики или короля* (т. е., по нашей терминологии, «тирана-устроителя» или даже «монарха»). Говорить же, подобно Алексееву, что устроитель *всякого* княжества должен, по Макиавелли, быть лишен человечности, значит подвести под эту рубрику и Ромула, и Тезея, и тех «ге», которые железной рукой удерживают государство на краю гибели, истребляют феодалов, *заставляют* повиноваться законности.

Мы увидим сейчас, что не только цитаты, но и сам Алексеев разрушает односторонний и якобы замещающий *все* понятия «князя» образ тирана. Под рубрикой «Князь»*** мы узнаем от Алексеева, что «князь» — необходимый элемент во всяком государстве, *не исключая республики*. Далее, дабы власть князя

* Примеч. 185. С. XXVIII—XXX⁸⁸.

** Discorsi. Кн. I. Гл. 26.

*** Алексеев. Указ. соч. С. 76—78⁹⁰.

«была *полезна* общежитию», он должен быть человеком энергии и силы воли. Организовав государство, этот князь *во имя интересов общежития** должен *возвратить* в руки народа власть, добытую или «волей народа, или личной энергией и ловкостью». После этого Алексеев рисует, по Макиавелли, «черный» образ *наследственного* князя как контраст вышесказанному. Но ведь в главе о княжестве Алексеев говорил *не о наследственном князе*** — и потому противоречие очевидно. «Князь» же, который *нужен* для организации государства (все равно республики или княжества), князь, *долженствующий* после введения и укрепления организации *возвратить власть* в руки народа, — это тот «диктатор», та «божественная» в своем служении общественному благу личность, какая воплощалась для Макиавелли хотя бы в Ликурге*** и о непоявлении которой в Италии он горько скорбел. Возвратимся снова к отделу Алексеева о княжестве и обратим внимание на следующие его извлеченные из трактатов Макиавелли положения: «князь должен быстро покончить с суровыми мерами и обратить их *на пользу народа*»****. Если «князь» лично поселится в завоеванной стране, то «чиновники не будут грабить жителей и *народ, имея убежище в князе, будет чувствовать успокоение*»*****. Княжество нуждается в подданных, «которые повиновались бы, не только из страха наказания, но из *уважения и привязанности к князю*»^{6*}. Но если «в княжестве нет речи о законах и законности», если князь «должен опираться на самые вредные элементы общежития», в частности на знать, то как же это стоящие у власти побоятся грабить народ и подданные будут повиноваться «из уважения и привязанности»? Очевидно, что приведенные цитаты относятся на этот раз к тому «князю-строителю», который в своей политике действительно опирался, как Цезарь Борджиа или Сфорцы, на народ, и которому Макиавелли советовал в своих трактатах следовать этой политике.

Мы видим, таким образом, на примере проф. Алексева, к каким противоречиям и пренебрежению к смыслу цитат может приводить желание подробнее говорить о «князе» у Макиавелли, не расчленив этого понятия на его составные части.

* «Общего блага».

** Там Алексеев растворяет его в общем образе.

*** Discorsi. Кн. I. Гл. 9.

**** Алексеев. Указ. соч. С. 94⁹¹.

***** Там же. С. 95⁹².

^{6*} Там же. С. 102⁹³.

В «Князе» мы находим несколько любопытных черт, позволяющих ясней ориентироваться в указанном расчленении. Но прежде всего мы должны повторить, что в этом памятнике необходимо различать указания Макиавелли *фактические* от собственно *дидактических*, и затем смешение собственно *внутренних* форм с теми, где внесены элементы международных или по крайней мере «междугородских» отношений. Отношение, например, французских королей к Милану или Неаполю, во всяком случае, мы имеем право игнорировать в нашем анализе княжеской власти. Обращаясь теперь к шестой главе «Князя» мы находим перечисление «наилучших» правителей; ими являются Моисей и Кир, Ромул и Тезей — люди, которые привели свое отечество к счастью и славе, люди, которые, сами были счастливы и почитаемы. В той же главе идет речь о «вооруженных пророках» и Савонароле, и упоминается «благородная» личность правителя Сиракузского Гиерона. Более чем несомненно, что ни на одного из них Макиавелли не смотрит как на «тирана», что ко всем (исключая разве Савонаролу, и то по иным мотивам) он чувствует уважение и симпатию. То, что все они руководствовались не мотивами эгоизма, выделяет их из центрального образа «Князя», в основе которого лежит эгоизм.

Большая часть седьмой главы посвящена Цезарю Борджиа. Особенно считает нужным Макиавелли отметить мудрость его внутреннего управления, его заботу о снискании благорасположения народного путем водворения законности и порядка. Это снова не «тиран», как он яркими чертами обрисован в 10-й главе «Discorsi». Но мотивы его эгоистичны, это не Моисей и не Кир, и не Ромул. У него есть общая черта со вторым — коварство — и с третьим — жестокость, — но мотивы применения этих качеств совершенно различны; забота же о внутреннем благоустройстве отделяет его от «тирана», с которым у него сродни эгоизм. Это — тиран-устроитель. Схожий с ним тип представляет и Набид *, сумевший добиться привязанности подданных, защищавшей его в минуты внешней борьбы. В 19-й главе, как контраст *будившим ненависть* римским тиранам, поставлен в образец Марк Аврелий (этот «монарх»). Наконец, надо обратить существенное внимание на противоположение 7-й и 8-й глав: на одной стороне Борджиа, на другой — «пре-

* У Макиавелли противоречие в суждении о нем: иное в II Principe (гл. 9) и другое в Discorsi (Кн. I. Гл. 10).

ступный» Оливеротто де Фермо. Оба были предателями, эгоистами, жестокосердными, но первый создавал, «устроаял», второй же принадлежит к презренным для Макиавелли «тиранам».

Если же обозреть «Князя» в целом, то мы увидим в нем *два* — сплетенных ходом мысли, но резко отличных по существу — образа: один встает, когда Макиавелли говорит, чего не надо делать (возбуждать ненависть, расточать, поддаваться льстецам, насиловать женщин, грабить имущество) — *и это «тиран»*, второй же образ, выступая, заслоняет первый, когда Макиавелли говорит, что надо делать его «князю», — *и это «тиран-устроитель»*.

Что касается «Discorsi», то здесь особенно замечательны 9-я и 10-я главы I книги: в 9-й ярко выступает образ «диктатора» — Моисея, Ликурга, Солона; в 10-й — страстно написанная анти-теза между «тираном» и истинным «монархом» (не «преобразователем»), несмотря на несколько подражательный античному характер, достаточно ярко свидетельствует об еще одном (и последнем) расчленении представления Макиавелли о власти еди-ноличной.

Отдел третий

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКИХ КОММУН. КОНДОТЬЕРИЗМ И ТИРАНИЯ В ИХ ВЛИЯНИИ НА ВНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ ИТАЛИИ. ПОЛИТИКА ПАПСКОГО РИМА. ВНЕШНЯЯ СУДЬБА ИТАЛИИ С ПОХОДА КАРЛА VIII ДО ПАДЕНИЯ СВОБОДЫ

Коммуна сказала: «мы» — вот почему она стала великой. Она прибавила: «мы одни» — и вот почему она пала.

Повторим еще раз: история Италии была городской, политическая ее психология — психологией горожанина. В начале своего существования город был действительно только городом — и флорентийские владения имели шесть миль в окружности, — с ходом обстоятельств и времени территория его начала шириться. Большие города ополчились на малые, затем наступило соперничество враждебно соприкоснувшихся в своих интересах — больших. Но коммуна только покоряла: она не сливала с собой побежденных. Она освободила крестьян в дру-

гих странах Европы*, и освобождение это она во Флоренции мотивировала «естественным»** правом, но — как политически неразвитым — она не дала им никакого права на участие в государственной жизни, она так и не дала им его никогда. Если мы обратимся к XV—началу XVI века в той же Флоренции, мы увидим собственно город с его «гражданами» — и за ним «contado», т. е. всю остальную территорию, лишенную каких бы то ни было политических прав и населенную земледельцами, с одной стороны, жителями покоренных областей, с другой стороны. Последние должны были испытывать на себе весь эгоизм города-победителя***, не допускавшего ни одного класса к центральному управлению. Положение мещан и крестьян в силу этого изменялось сравнительно мало, но зато весь «цвет» покоренного города-государства мог только или ковать ковы к освобождению, или, как и поступало большинство знатных и влиятельных граждан, продавать имущество и выселяться в иные пределы. Борьба между городами была поэтому обыкновенно упорна и жестока, иго тяжким и неудобноносимым. Мотивы же борьбы бывали редко отвлеченными, к военным спорам вели реже наследственные связи и браки, чем торговый интерес соперничающих государств. Эгоизм итальянских городов, высокомерие купца, бесконтрольность победившего и правящего служили живыми и непрестанными причинами и поводами раздоров-войн. Необходимо отметить еще важное последствие: границы отдельных территорий, заселенных людьми политически бесправными, были неопределенны**** — завоеватель земли***** получал в придачу ее обитателей, но не граждан, руководимых одушевленно-патриотическим сознанием. Самую войну в эпоху Возрождения вел не купец, часто и не тиран: ее вели, весьма осторожно и скупно проливая кровь за свое сегодняшнее отечество, военные наемники — кондотьеры^{6*}. Уродливое явление наемничества выросло на почве Италии из сложных причин: с одной стороны, занятие торговлей требовало от человека несколько иных «доблестей», чем занятие войной, с другой стороны, самая тактика боя менялась в пользу тяжеловооруженных, «бронированных» железом. Воин отделялся от граждани-

* Лоран. Этюды. Т. VIII. С. 603: Пистойя в 1205 г., на 100 лет раньше эдикта Людовика X.

** Монье. Указ. соч. Т. I. С. 6.

*** Об эгоизме коммун см.: Виллари, Монье, Жеффруа.

**** Ценное замечание Кертинга (С. 103).

***** «Князь или республика безразлично».

^{6*} См. блестящие страницы у Маколея.

на, гражданин от войны. В солдате проявлялись цинизм и загорелость, в горожанине, освобожденном от обязанности жертвовать собственной кровью, развилась склонность только руководить и аппетиты к захватам. Выражение, что для войны нужны «деньги, деньги и деньги», нигде не пользовалось таким широким и общим распространением, как в Италии. Но за деньги итальянское государство покупало всадников — верности оно купить не могло, боевой энергии также. Происходили между наемниками целые сражения — в итоге несколько пострадавших. Штурмовать не умели и предпочитали блокаду: на взятие небольшой крепости требовались месяцы, а государство все время должно было дорого оплачивать бездеятельность кондотьеров. В Италии крепко недовольство и раздавались негодующие голоса: «*Perfidia nostri temporis militia*» *⁹⁴, но они не могли уничтожить или даже ослабить вкоренившегося порядка, потому что в понятиях Возрождения он был все же единственно возможным, следовательно, непреодолимым. К тому же значение кондотьера осложнялось его нередким превращением в тирана **, тип мелкого тирана с его ремеслом кондотьера. Но даже не будучи кондотьером, тиран стремился к войне. Это была потребность иллегитимитивного властителя двигаться; его энергия, достигшая основной цели — власти — продолжала разряжаться; его мысль не ограничивалась пределами государства, потому что его врагами были все завистники, все изгнанники ***, такие же стремящиеся к расширению тираны и враждебные ему республики. Для тирана постоянную опасность представляло слово «свобода», произносимое соседями по территории, слово «тиран» звучало презрением в устах представителей уцелевших республик. Истребляя мелких тиранов, Висконти предпочитали сильных республикам. Козимо Медичи поддерживал Сфорца против объявившего себя свободным Милана. И временами во всей этой сумятице враждебных интересов, интриг, тревог, перемен чудится, что в Италии происходит «война всех против всех». Таков период с 1378 г. по 1450 г. **** Но, уже говоря о конце XV века, Гвиччардини ***** со столь редким у него ли-

* Слова Энея (Пия II).

** *Буркхардт*. Указ. соч. Т. I. С. 4.

*** Там же. С. 47.

**** «Нет эпохи более трагической», — замечает о ней Феррари (*Веселовский*. Введение. II).

***** В I книге его «*Storia d'Italia*». Мы пользовались франц. переводом в издании *Buchon'a* (Paris, 1838).

ризмом рисует процветание Италии накануне похода Карла VIII, когда «глубокий мир царил во всех провинциях, горы и долины соперничали в плодородии» и богатая, населенная Италия не признавала ничьего владычества. Объяснение перемены заключается в том, что именно во вторую половину XV века установилось, хотя и непрочно, политическое равновесие, а с другой стороны, природные и промышленные богатства даже политическими бурями не могли быть приведены в печальное состояние. Смерть Лоренцо Великолепного, главного оберегателя мира *, отозвалось болью в итальянских сердцах: мелкие страсти, завоевательные стремления, взаимное недоверие, ложь двойного — светского и духовного — положения пап, — все зашипело-проснулось.

Для средневекового мира папа был его духовной главой, для средневековой Италии он был уже «особый» светский властитель. В то время как духовные «божественные» громы пап заставляли дрожать и повиноваться отдаленные страны, сам «громовержец», случалось, бывал в эту минуту изгнанником Рима **. Духовное оружие по отношению к своей итальянской пастве папы должны были употреблять с осторожностью ***. Недисциплинированные орды под начальством грозных феодалов Церкви — Орсини и Колонна — наполняли великий город бряцанием оружия, и «с высот Латерана мог прислушиваться владыка мира к непрекращающемуся день и ночь звону колоколов, возвещавших междоусобие» ****. Иногда дыхание античного Рима, никогда окончательно не погасавшее горение к свободе вызывали бурные революционные вспышки и дерзкие заговоры *****: Рим слышал в своих стенах мечтательно-демагогические речи Риенци, замок св. Ангела знал о широко зашедших планах Поскари. Папы должны были переживать авиньонский плен **, неповиновение народа, возмущение наро-

* В этом была его несомненная заслуга.

** Как Григорий VII.

*** Один из Висконти заставил папских послов съесть буллу об его отлучении вместе с печатью.

**** *Жебар*. Мистическая Италия. С. 92.

***** Кертинг: «Время от времени фантазировал мечтательный Рим: он хотел быть могущественным и свободным, снова иметь консулов и трибунов» (С. 113).

6* Во время которого Петрарка писал: «Там Иуда со своими тридцатью сребрениками был бы желанным гостем, а нищий Христос был

дов, принципиальное отрицание, как у мистиков, их нравственного права на светскую власть *, историко-логическое отрицание в смелой работе Валлы **. Они должны были трепетать перед возможностью осуществления распространенного пожелания, чтобы «Папа был наместником Христа, а не Кесаря». Но светская власть пап не погибла — вместе с ней в эпоху Возрождения могло бы погибнуть и самое папство, — теперь же оно продолжало существовать, хотя и все более уходя от мирового (духовного) значения к борьбе за клочки земли на территории Италии. В те мгновения, когда светская власть папы слабела, он мог быть уверен, что ему противопоставят антипапу ***; когда его власть усиливалась, она не достигала все же никогда той степени могущества, при которой повелитель Рима был бы фактическим властелином Италии — в этом заключалось проклятие папства для Италии ****. Кроме того, в эпоху Возрождения в самый смысл папского светского владычества въелось чужеродное: nepotism⁹⁵. Папа, создающий властительство для своих «племянников» или, как Борджиа, прямо сыновей, становится в открытое противоречие с интересами папства: он обогащает Италию только еще одним тираном *****, вся цель которого должна состоять в том, чтобы удержать захваченное за собой, тогда как цель нового папы состоит в том, чтоб отнять, но не для Церкви (кроме Юлия II), а опять-таки для новых «племянников». Папе приходилось спешить: он вступал на престол уже немолодым, с его смертью nepot превращался в ничто, — и потому все средства были хороши: грабительство, подкуп, эксплуатирование верующих^{6*}, наем кондотьеров, предательство^{7*} и, наконец, самый любимый способ: искание опоры в помощи других государств, хотя бы внеитальянских, в направлении итальянских друг на друга, иначе говоря — в работе развращения при полном бессилии создать.

бы отвергнут» (*Жебар*. Начала Возрождения в Италии. СПб., 1900. Единственная широкая, но не лишенная поверхностности попытка дать обзор «начал» Возрождения).

* Подробности в: *Жебар*. Мистическая Италия.

** В трактате о подложности Константинова дара.

*** Или воскреснут угрозы собором.

**** Как это постигал Макиавелли.

***** *Лоран*. Этюды. Т. X. С. 81.

^{6*} Если только такое название дать фактам в стиле того, что один отец за 800 дукатов получил прощение в грехе двойного дочереубийства.

^{7*} Виллари: «Это была оргия грязи и преступлений» (Т. I. С. 55).

В 1494 г. войска Карла VIII вступили в Италию. Начался период борьбы, в котором приняли участие все тогдашние западноевропейские государства: Империя, Франция, Англия, Испания, Швейцарский союз, итальянские государства и святейшие папы, запутывающиеся в сетях своих вечных интриг. Еще в 1493 г. никто не верил серьезно в возможность вражеского нашествия, хотя на сцену выступил роковой спорный вопрос о Неаполитанском наследстве, хотя был известен самоуверенный и коварный характер беспокойного правителя Милана Людовика Мавра и его разногласие с престарелым королем неаполитанским Ферранте. Ферранте имел на своей стороне папу и Пьетро Медичи, Людовик Мавр — Францию. Венеция с надменностью и близоруким расчетом торгаша решила до времени только присматриваться к ходу дел.

На французском престоле сидел юноша Карл. Его голова была набита рыцарскими фантазиями, его было легко обольстить миражем величия и славы. С сознанием законного права на неаполитанский престол вступил он в Италию — и впереди перед ним рисовался поход на неверных и корона греческого царства на его голове*. Карл был игрушкой в руках Мавра, но его войско не было игрушкой для итальянцев**. И в его войске были наемники, но способ ведения войны был далек от кондотьеризма: кровавость боя, беспощадность солдат наполнили ужасом все сердца. Пьетро Медичи поспешил сдать в руки Карла флорентийские крепости, папа с недоверием и страхом видел приближение к себе французского «паломника»; Ферранте умер, его сын бежал. Но французы не умели понять своего действительного положения, сообразить, что они имеют дело с «государствами», искусившимися в коварной политике. Обеспокоенная теперь Венеция, Мавр, император Максимилиан, неохотно смотревший на усиление французов, Фердинанд Испанский, интересы которого были оскорблены изгнанием из Неаполя Аррагонского дома, и папа, всегда колеблющийся, всегда переходящий на сторону более сильного, — все эти силы соединились против Карла VIII. Только поспешное отступление спасло его от участи стать пленником лиги***. Но, уйдя из Италии, французы сохранили стремление вернуться отомстить и

* Томмазини. Указ. соч. С. 121.

** О нем, между прочим: Ранке. История романских и германских народов... С. 7.

*** Томмазини приписывает заслугу его спасения флорентийцам.

достигнуть на первый раз неудавшихся целей. Когда Людовик XII вступил на престол, его первым делом было ввести внутренний порядок, вторым — собраться в Италию *. Он называл себя королем Неаполя и Милана **. В союзе с Венецией, успевшей поссориться с Мавром, предводитель французских войск занял Милан. Людовик бежал в Германию. Снова над Италией засияла звезда французского короля. Попытка Мавра вернуть себе власть, после недолгого торжества, окончилась по отношению к нему предательством швейцарских войск и пленом ***. Он умер узником во Франции. С ним сошел со сцены последний замечательный Сфорца, та же судьба должна была постичь и Аррагонский дом. В то время как испанский полководец, знаменитый Гонзальво, уверял короля Феррантино в дружбе Фердинанда Католика ⁹⁶, уполномоченные последнего вступали в тайное соглашение с французами о разделе неаполитанского королевства ****. Предательство Фердинанда уничтожило самостоятельность Неаполя; было, однако, заранее ясно, что ни одна из согласившихся сторон не удовлетворится разделом. Неизбежное наступило: после битвы с войсками Гонзальво при Гарильяно французы были вынуждены покинуть Неаполь. Над Италией надвигалась иная гроза: борьба между вновь избранным папой Юлием II и республикой Венецианской *****. Столкновение, как и в борьбе Милана с Неаполем, не ограничилось ни итальянскими союзами, ни даже, в этом случае, итальянскими пределами. Папа хотел быть светским властелином, сохранить за Церковью и еще расширить завоевания Борджиа. Одновременно Венеция стремилась на материк и вселяла недоверие своим могуществом: ее обвиняли в мечтах о королевстве ^{6*}. Тяготение к справедливой и внимательной Венеции простого народа составляло для ненависти только лишний мотив. Смерть Александра VI ⁹⁷ показалась Венеции удобным моментом для захва-

* Испания и император также были введены в борьбу: Фердинанд стремился к завоеванию Неаполя, император носился с грандиозными честолюбивыми планами.

** На который уже раньше имел наследственные права.

*** Ранке. История... народов... С. 131.

**** Гренадский договор.

***** В свете, благоприятном Юлию II, рисуют подробности Виллари, Томмазини, Пастор, обратного взгляда придерживается биограф Юлия — Брошь.

^{6*} Самая мысль о венецианском иге внушала итальянским республикам ужас, ибо в Италии это равнялось для побежденного потерей всех политических прав.

тов в Романьи, но она не рассчитала, что натолкнется в лице нового первосвященника на упрямую, ни перед чем не останавливающуюся волю. Была заключена лига в Камбре — могущественная коалиция держав против Венеции. Французский король, император, римский папа соединились против последнего сильного государства Италии. «Италия и свобода» — был военный клич венецианского войска. Оно было разбито, и гордая Венеция униженно просила у папы пощады. Юлий II достиг своей ближайшей цели — возвращения городов, итальянский патриот в нем начал брать верх, и оценка общего положения продиктовала ему слова — что «если б Венеции не было, ее следовало бы создать» *. Но тут сказалось проклятие папского положения: у него не было собственных сил — и Юлий II стал искать опоры в швейцарцах. Они считались непобедимыми, они не страшились боя и любили золото. Боязнь лиги Франции с Испанией, к сожалению, вынудила папу вступить, кроме того, в соглашение с последней. На равнине Равенны в апреле 1512 года встретились французы с войсками новой лиги, созданной папой. Ими командовали опытные полководцы, французами командовал юный, рыцарственный и талантливый Гастон де Фуа. Союзные войска были разбиты, но молодой французский герой, увлекшись преследованием, был убит — и победа принесла следствия поражения. Одно за другим теряли французы свои завоевания. В панегириках Юлия прославляли как освободителя Италии, его встречали факельными шествиями и триумфальными арками, но испанский уполномоченный с иронией заметил, что ему теперь остается только одно: изгнание испанцев.

21 февраля 1513 г. Юлий II слег на смертное ложе **. Спустя 20 дней был избран новый папа — Лев X Медичи. Он застал сокровищницу полной денег, укрепленную светскую власть, ослабленную Венецию, Неаполь в руках испанцев; в то же время он властвовал над Флоренцией. Его политическое значение было поэтому выдающимся, но он перешел со славой в историю только как меценат, в политической же деятельности он был представителем ее вырождения и измельчания. «В борьбе европейских сил он двигался как маленький итальянский властитель» ***. Льва X мало интересовали благосостояние и сила

* Пастор. Указ. соч. Т. III. С. 602.

** О нем трудно сказать, чего он причинил Италии больше — пользы или вреда, раздавив Венецию и потом изгнав «варваров», увы, с помощью таковых же других.

*** Баумгартен. Т. I. С. 330.

Церкви; холодной и эгоистической политике его было чуждо представление единой и свободной Италии. Он работал сначала для своего брата Джулиано *, потом для племянника Лоренцо; после смерти и этого последнего законного представителя Медичи, становится неясным, для кого собственно папа продолжает работать, к чему сплетает беспрестанно трусливые и малоудачные при всей его хитрости сети интриг. 1 января 1515 г. на французский престол вступил молодой и горячий Франциск ⁹⁸: это обозначало новую — на этот раз решительную — борьбу за преобладание в Италии. Осенью того же года состоялась битва при Мариньяно; швейцарцы были разбиты, и убеждение в их непобедимости пошатнулось. Испанцы отошли к югу, французы вновь владели Миланом — и Лев решил перейти на сторону победителей. С внутренним недовольством он вынужден был вернуть (ему были возвращены расходы) Парму и Пьяченцу и герцогу Феррары — Модену и Реджио. Франция отказывалась за это от покровительства республиканским элементам Флоренции и герцогу Урбино **; владения последнего вместе с титулом после утомительной войны перешли к Лоренцо Медичи. 14 марта 1516 г. умер Джулиано, по отношению к которому папа последнее время лелеял планы о королевстве неаполитанском. Весьма возможно, что Джулиано был отравлен честолюбивым Лоренцо ***, на котором и сосредоточились теперь упования папы. Но беспорядочный образ жизни надорвал и без того не сильное здоровье молодого Медичи, совсем больным прибыл он в Рим и здесь, никого не допуская к себе, кроме шута, скончался 4 августа 1519 г. Прямая ветвь Медичи угасла. Остальные одиннадцать лет итальянской свободы характеризуются упорной борьбой Карла Испанского ⁹⁹ и Франциска и мелкой, до нестерпимости, до отвращения трусливой и жалкой политикой последних годов Льва X и его брата Климента VII. Заговор, направленный к изгнанию испанцев из Италии, кончается неудачей. После неравной борьбы итальянцев с войсками императора Карла наступает ужасное взятие Рима, когда на его улицах со-

* 6 июня 1513 г. французы, разбитые швейцарцами, были исключены из Италии. Этим моментом воспользовался Лев, чтобы неожиданно напасть на Венецию и захватить Падую, Верону, Виченцу. В конце того же года у папы назревает план создать для Джулиано Медичи особое владение из Пармы, Пьяченцы, Реджио, прикупив к ним от Императора Брецию, Пергамо, Крему, Кремону, Модену. Покупка Модены и состоялась в следующем году.

** *Виллари*. Указ. соч. Т. III. С. 15—16.

*** *Грегоровиус*. Указ. соч. Т. VIII. С. 204.

баки пожирают человеческие тела, — и Климент VII договаривается со своими вчерашними оскорбителями о покорении последнего оплота свободы и республиканства — изгнавшей Медичи Флоренции.

Италия погибла не под давлением «варварских» сил; по крайней мере, не они были главной причиной.

Взаимное недоверие и недоброжелательство итальянских государств, политика, основанная на коварстве, обмане, отсутствие хорошо обученных и одушевленных народных войск — вот первый ряд причин, вызвавших такие печальные следствия. Во втором ряду стоит политика пап и бессилие создать единство. Наконец, последнее место — хотя и не заслуживающее уже слишком большого пренебрежения — приходится на борьбу крупных держав за их наследственные права на Неаполь и Милан, их «полубессознательное» *, но властное, характерное для века стремление расширяться, захватывать, покорять. Ареной столкновения их эгоизмов, к сожалению, стала Италия, идея о ее разделе или покорении принимала все более ясные формы. В умах лучших итальянских людей болью проснулось сознание «единой Италии» — но действительностью оно уже стать не могло.

Отдел четвертый

МАКИАВЕЛЛИ И «ВНЕШНЯЯ ФЛОРЕНЦИЯ». МАКИАВЕЛЛИ И ВОЕННОЕ ДЕЛО В ИТАЛИИ. ЦЕЛЬ ТРАКТАТА «IL PRINCIPE». МАКИАВЕЛЛИ И ГИБНУЩАЯ ИТАЛИЯ

Pax! Pax! Et non erit pax!..¹⁰⁰

Из письма Макиавелли

Значительная часть деятельности Макиавелли была дипломатической: он был трижды отправляем флорентийским правительством во Францию, дважды к папскому двору, по настоянию Содерини отправлен к императору и исполнил ряд дипломатических, иногда очень трудных, поручений к различным итальянским дворам. Всюду он наблюдал, строил свои заключения, обобщал, соединяя деятельность практического **

* Баумгартен. Указ. соч. Т. I. С. 323.

** Хотя и не коварного.

дипломата с жаждой знания живого мыслителя *. Участвуя в судьбах Флоренции, Макиавелли во многом разделял и ее воззрения. Он любил Флоренцию, хотел для нее могущества, доблести, славы. Но Италия не представляла единства: раздробленная, она все неитальянское хотя и подводила под высокомерное название «варварства», сама внутри колебалась в своем итальянском сознании, потому что ей приходилось иметь два патриотизма: один местный, муниципальный, другой — общепитальянский. Между ними, с момента вмешательства великих держав, получился конфликт не в пользу второго. Пьетро Медичи был враждебен к Франции, флорентийские республиканцы возлагали на нее почти все надежды. Реставрация Медичи и скорое затем вступление главы этого дома на папский престол уничтожило возможность самостоятельной политики Флоренции: она должна была следовать за переменчивым курсом Медичи-пап. Деятельность Макиавелли пришлась на период республики, т. е. на тот, когда Флоренция жалась под крыло Франции, отчасти императора, трепетала перед Цезарем и Венецией, стремилась и достигла завоевания Пизы.

Горькую чашу унижения пришлось Макиавелли выпить во время его первых двух миссий во Францию **. Флоренцию и ее посла третировали за бессилье, их оскорбляли и обвиняли, от них требовали денег за покровительство скудное и недостаточное, а государство и его посол должны были добывать столь желательные королям и подкупным царедворцам деньги и униженно извиняться. Горечь Макиавелли вырвалась в его «деценалии»: «...с раскрытым ртом, упрекает он флорентийцев, ждете вы, чтобы появился кто-нибудь из Франции насытить Вас манной в пустыне. Стараясь показать себя верными слугами Франции, Вы не страшитесь доверяться ее звезде и подвергает себя тысячам опасностей и тысячам поворотов судьбы». Его го-

* Десятки страниц занимают политические донесения флорентийского секретаря, бросая любопытный свет на лица и события — и на самого Макиавелли. Дополнительный, ценный по своей субъективности материал дают «поэтические» произведения Макиавелли: две «деценалии», в кратком обзоре охватывающие политическую жизнь Флоренции, современную автору, и пятая песня «Золотого осла», неожиданно посвященная размышлениям о судьбе государств. Наконец, важный политический материал дают «Discorsi» и «Il Principe» с его знаменитой заключительной главой.

** Все биографы, особенно Нитти, обращают внимание на глубокое их влияние на взгляды Макиавелли.

лос терялся: он был только «*oratore*»¹⁰¹ и ему приходилось исполнять то, что повелевало недальновидное, опасливое, нерешительное правительство его родины. В миссии к императору дело шло также о непомерной сумме, какую требовал всегда ухитряющийся сидеть без денег Максимилиан¹⁰² от «богатой» Флоренции. Макиавелли осужден был видеть, как Борджиа в мирное время предавал грабежу и опустошению селения на территории Флоренции потому только, что в руках его была грозная армия и смелость решений, а «обладание оружием всегда приносит одинаково выгоду»*, и трезвый решительный ум «вместо мечтаний исследует почву»**. В Макиавелли зрело глубокое презрение к «чистой» дипломатии, к людям, которые воображают что хитростью и путем переговоров можно добиться в политической жизни того, что дает только сила; он убеждается, что слабость ведет к нерешительности, нерешительность — к малым выгодам и крупным потерям. Обращаясь к древности, Макиавелли находит свой идеал не столько в хитрой, сколько логически и мужественно подсчитанной политике римлян. Именно в области теории внешнего укрепления государства, завоеваний и утверждения их влияние Римского мира на Макиавелли громадно***. «Народ-витязь» стоит перед глазами Макиавелли, точно дразня его контрастом с итальянской действительностью, где государства приобретают и теряют земли, веряя их судьбу в руки наемников, продажных и безучастных. «Флоренция, — пишет Макиавелли, — все предыдущие века, даже в эпохи наибольшего процветания, оплачивала своими деньгами самого маленького тирана Романьи, тогда как, обладай эта республика мужеством, ей пришлось бы видеть всех соседей платящими дань за ее покровительство»****. «Сколько потребовалось бы времени, чтоб описать историю всех купленных Флоренцией земель? И что же: обнаружилось, как трудно сохранить с помощью оружия земли, добытые золотом»*****. Никто из современников Макиавелли не чувствовал так глубоко, как он, всех темных сторон, всех плачевных следствий кондотьеризма^{6*}. В этом случае он готов сгущать краски

* Из донесения Макиавелли во время его миссии к Цезарю.

** Оттуда же.

*** *Dell' arte della guerra*¹⁰³; *Discorsi*. Кн. II; *Il Principe*.

**** *Discorsi*. Кн. II. Гл. 30.

***** Там же.

^{6*} Особенно после бунта наемников у Пизы.

и едко выражаться, что все наемнические войны «были начинаемы без опасения, длились без опасности, и заканчивались без ущерба» * — и потому, добавляет он, в них погибла национальная сила. Макиавелли не ограничивается отрицанием: он пропагандирует словом и делом свою жизненную идею о народной армии. Первую «деценалию» он заканчивает воззванием «раскрыть храм Марса», он убеждает Содерини в необходимости формирования народной милиции и сам объезжает флорентийские провинции для вербовки солдат; он пишет «provisione per la istituzione delle milizie fiorentine»¹⁰⁴ и становится секретарем и главным деятелем нового военно-распорядительного учреждения «Nove della milizia» **¹⁰⁵, он не знает ни сна, ни отдыха в заботах об осуществлении идеи, от которой ждет возрождения действительной независимости и внешнего могущества Флоренции; сверх того, Макиавелли смотрит на войну и военную службу как на прекрасную школу характеров, закаляющую и дисциплинирующую. Когда его милиция терпит фиаско у Прато, Макиавелли не отказывается от своих взглядов: в «Discorsi» он посвящает ряд страниц военному вопросу, иллюстрируя его положительно — примером римлян, отрицательно — Италии; вся срединная часть «Князя» занята советами и рассуждениями на военные темы; наконец, Макиавелли пишет целый военный трактат***, достоинства которого сомнительны, одушевление несомненно, и заключительная скорбь о неосуществимости его мечтаний — трогательна.

По свойственному Макиавелли складу, он приводит все свои размышления и выводы к немногим основным положениям: *государство должно быть могущественным вовне — никакие интриги, никакая дипломатия не в состоянии заменить действительной силы, ибо этой силой является мужественное, лишенное колебаний поведение, опирающееся на патриотическое самосознание и военную мощь.*

В вопросе, что лучше: мир или борьба, — для Макиавелли нет колебаний. Мир расслабляет, изнеживает, мельчит — война есть борьба, и она закаляет людей и усиливает государство. Но война только тогда хороша, когда она обогащает победителя****, а не ведет к ослаблению обеих сторон, как это слишком

* Storie. Кн. V.

** Нитти, Виллари, Томмазини уделяют значительное место описанию этой деятельности Макиавелли.

*** Dell' arte della guerra.

**** Storie. Кн. VI.

часто бывало в Италии. Основным мотивом войны Макиавелли считал стремление к захвату. Все окружающее говорило об этом: Макиавелли жил в момент установления крупных национальных государств и более инстинктивной, чем сознательной потребности шириться. Точно какая-то невидимая рука двигала для своих великих целей мелкие и личные побуждения властителей. На развалинах средневекового общества образовывались новые формы, а Италия со своей особой «городской» жизнью, не сумевшей ни усилиться в федерацию, ни образовать монархию, политически догорала. Город Флоренция употреблял разорительные старания раздавить город Пизу, республика Флоренция трепетала перед мыслью о возможности образования королевства Венеция*. В этой коммунальной «грызне» принимал участие и Макиавелли. Он был одним из главных деятелей в покорении Пизы и в своей популярной «деценалии» говорил о «справедливом» желании флорентийцев ее покорить. По отношению к Венеции он питал всегда недоброжелательное чувство**, действовал против нее при французском дворе, и некоторые*** готовы сделать из него виновника губительной для Италии лиги в Камбре. Не может существовать сомнения, что Макиавелли получил от синьории инструкции возбуждать Юлия II против Венеции, что он и делал, руководясь своим флорентийским патриотизмом, но он был только одним — и далеко не самым сильным — рычагом в движении, погубившем надменную Царицу морей. Макиавелли и Флоренции их поведение представлялось самообороной****. Флоренция скорее согласилась бы подпасть тирании, а Макиавелли, точно не примечая обоюдоострости, писал: «Из всех форм рабства самое тяжелое — зависимость от республики... ибо цель ее ослаблять все политические тела, чтоб укрепляться самой»*****. Не таково ли было и «справедливое» отношение Флоренции к Пизе? И может ли Макиавелли на основании 26-й главы «Князя» быть объявлен проповедником и предвозвестником «единой Италии»? Это приводит нас к вопросу о цели написания трактата «Il Principe».

* Виллари. Указ. соч. Т. I. С. 52.

** Там же. С. 6.

*** Как Пастор.

**** «Сен-Марк, всегда надменный, всегда буйный и уверенный, что ветер в его парусах, неустанно стремился к гибели каждого» («Золотой осел»).

***** Discorsi. Кн. II. Гл. 2.

Макиавелли сам всегда говорил, что его труды — плод чтения и наблюдений: таким же плодом был и трактат о «Князе». Несомненно, у античных писателей он беспрестанно наталкивался на рассуждения о самовластных правителях, и Эллиндер высказывает даже гипотезу*, что толчок к созданию «Князя» был дан Макиавелли трактатом на подобную же тему Ксенофонта («De tyrannide»)**, о котором Макиавелли и упоминает в «Discorsi». Наблюдения Макиавелли над принципатом могли быть также обширны, фигура Цезаря Борджиа, завоевателя и «тирана-устроителя», продолжала ярко жить в его памяти. Особенность «княжества» в эпоху Возрождения заключалась в том, что его можно было создавать, поддерживать и губить и что творила это все одна личность, одна воля, внимание к которой — враждебное или дружеское, — наполняя историю Италии, не могло миновать и Макиавелли.

«Discorsi» и «Il Principe» создавались одновременно: можно предположить, судя по составу обоих памятников, что «Il Principe» отделился от общего намерения-плана «Discorsi» как приковавшая интерес и потому долженствующая быть выделенной частность. Когда Макиавелли писал трактат, он наслаждался процессом мышления и раскрытием общих законов, в этом смысле его трактат — чисто теоретический***, но добытые результаты как политические истины, как объективную мудрость он желал «пустить в ход». Когда Макиавелли «Князя» закончил — может и несколько раньше — у него явилась мысль, кому его посвятить****, кому указать, что «недаром прошли 15 лет его служебной, практической деятельности». Он жаждал возвращения к ней и как «блестящую пробу» своего ума и талантливости он хотел преподнести свой трактат Джулиано Медичи — не для того, чтобы убедить его следовать по подобным путям, но чтобы пленить силой ума. В то время, по нашему убеждению, 26-й главы еще вовсе не существовало и, вероятно, был только что дописан льстивый конец 11-й*****. Можно

* Эллиндер. Указ. соч. С. 40—41.

** Содержание трактата состоит в том, что Гиерон Сиракузский жалуется своему другу Симониду на теневые стороны княжеской жизни, а тот во второй части рассказывает, как избежать их, заслужить народную любовь и т. п.

*** Об этом см.: Дополнение.

**** См.: Дополнение.

***** Ибо он совершенно не согласуется с беспощадной тонкой иронией всей главы.

предположить, что все главы о военном деле были уже в таком виде, в каком мы их знаем, так как задолго до политической реставрации Медичи Макиавелли, как мы указывали, страстно верил в значение оружия. Но время шло, и колебания с посвящением и охлаждающее молчание Веттори все продолжалось: Джулиано успел умереть, выдвинулся Лоренцо, более энергичный, с более широкими планами и вниманием к военному делу. Над Италией сгустились тучи, ее слабость и грозный призрак раздела становились все яснее. Нет сомнения: в трезвые минуты жизни Макиавелли мог только смеяться над мыслью об «единой Италии»*, о торжестве более широкого сознания, и грустить над столь очевидным для него военным ничтожеством полуострова, — но надвигающаяся ночь была так темна, ненависть и презрение к «варварам» так глубоки, что Макиавелли терял хладнокровие, равновесие, весь свой скептицизм. Он мог в свое время возбуждать папу против Венеции, Францию — против папы, — теперь все это уходило в даль, потому что великая и прежде столь отдаленная идея свободы Италии вдруг стала нестерпимо, дорого, реально близкой, и то, что прежде было отвлеченной скорбью о раздорах итальянских государств, скорбью, которая не могла устоять против муниципального патриотизма, то теперь облеклось в кровь и плоть, и даже из холодных сердец, как у Гвиччардини, вызывало энергичный порыв и боль возмущения. Это чувство ярко выражено в позднейшем — сравнительно с посвящением Лоренцо — призыве Макиавелли, обращенном к итальянцам: «*Liberate diuturna cura Italiam, extirpate has immanes belluas, quae hominis praeter faciem et vocem nihil habent*»**¹⁰⁶. Макиавелли был сторонником борьбы, но борьбы сознательной, оздоравливающей, и Италия, как арена, на которой, раздирая ее, боролись великие государства, заставляла его восклицать: «*Рах, рах et non erit рах!*» — и затем снова тосковать о том, что его идея народной армии не осуществляется. В подобном настроении и была им создана 26-я глава, заключающая в себе (1) скорбь итальянца, (2) веру в силу оружия и (3) обращение к Лоренцо Медичи. Эта скорбь не связана с остальным трактатом***, эта вера есть толь-

* Из письма Макиавелли к Веттори от 10 авг. 1513 г.: «Что касается единения итальянцев, то над подобной мыслью возможно только смеяться».

** Из письма к Гвиччардини от 1526 г.

*** Но, *раз явившись*, эта скорбь, столь неожиданная по ходу и тону трактата, органически не связанная с ним, тем не менее придает

ко лирическая форма того, что эпически и для меньшей (ибо «тираноустроительской») цели выражено в трактате *; остается обращение, объяснить которое можно тоже только психологически. Конечно, Макиавелли знал, что у Льва X его честолюбие парализовано нерешительностью, что он предпочитает интригу оружию, что не ему стать возродителем Италии, а Лоренцо ведь во всем зависел от папы. За то и ненавидел Макиавелли папство, что оно всегда преследовало личные цели, что роль его для Италии была разрушающей, ибо сила пап-первосвященников не соответствовала их жадности, честолюбию и властолюбию **. Макиавелли все это знал, но он знал также, что, кроме Лоренцо, нет больше в Италии человека, который, *если бы захотел*, мог взять на себя задачу спасения Италии. Макиавелли не думал, чрез «тиранию» или даже «тиранию-устроительство» оздоровить Италию, привести ее к внутренней свободе, но как человек, которому не дано выбора в путях спасения, он хотел, чтобы к «утопающей» Италии протянулись руки Лоренцо.

Иначе оставалось сесть и молча ждать гибели обеих родин — муниципальной и национальной.

ему *новый* смысл: общий трактат о «тиране устроителе» приковывается к определенной личности и осложняется идеей «военного диктаторства», в поведение умного правителя-эгоиста вносится новый элемент — может, тоже из эгоистических мотивов власти и популярности, но он будет служить уже более высокой цели спасения Италии. Но нужно ли еще раз повторить, что если бы Макиавелли сразу имел в виду эту цель, трактат оказался бы написанным в ином роде, он все время озарялся бы конечною целью, и 26-я глава не могла бы быть для нас неожиданностью.

* Разница в величине цели, разумеется, не меняла существа веры Макиавелли в силу и значение оружия.

** «Скандалная жизнь и преступления римской курии привели к тому, что итальянцы потеряли всякое религиозное чувство, всякую набожность; и ей же Италия обязана своим несогласием. У пап не было достаточно ни могущества, ни духовного значения, чтобы объединить Италию под своей властью, а с другой стороны, они недостаточно слабы для того, чтоб не вызвать себе помощи иностранных властителей в тех случаях, когда их светскому владычеству грозит усиление какого-нибудь государства Италии. Если б Римский двор поселился бы даже у швейцарцев и там бы он сумел навлечь на этот добрый народ неисчислимые бедствия. История нас учит, что папы были такими всегда» (Discorsi. Кн. I. Гл. 2; Il Principe Гл. 11; Storie. Кн. I).

ДОПОЛНЕНИЕ

К ВОПРОСУ О ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ «IL PRINCIPE» *

«Макиавелли хотел спасения Италии, но ее положение было настолько отчаянно, что у него хватило смелости прописать ей яд» **. Это знаменитое утверждение Ранке стало господствующим в литературе о Макиавелли. Аргументация германского ученого такова: «Князь» написан в момент (1514), когда были еще живы Максимилиан и Фердинанд и французы исключены из Италии. Лев X носился с планами сделать своего брата неополитанским королем, своего племянника властителем Милана; владычество над Флоренцией им было обеспечено, необходимо было укротить мелких тиранов и округлить Романью. Лоренцо жил в царской пышности, был честолюбив, обращал внимание на организацию военных сил. В воздухе носились слухи о переговорах между державами о разделе Италии — итальянские патриоты страдали и ждали спасения только от единоличной могущественной власти. Макиавелли также жаждал свободы Италии и путь к ней видел чрез объединение. Хотя «Князь» и проведен в тоне общих рассуждений, но ясно, что он написан для текущего дня: с особенной подробностью останавливается Макиавелли на положении Людовика XII по отношению к завоеванному им Милану и с не меньшей — к деятельности «приобретателя» Цезаря Борджиа: с чувством симпатии говорит он о намерении последнего стать владыкой Тосканы и умышленно подчеркивает единственную ошибку Цезаря: что он не предусмотрел смерти папы; он (Макиавелли) указывает на силу и значение самостоятельного оружия. «Мы видим, — строит свой вывод Ранке, — как все это написано для Лоренцо». Макиавелли стремится, по его мнению, вконец испорченную Италию «взнуздать» решительными и жестокими мерами объединителя-властителя и тогда ее силами изгнать «варваров». Как трубный призыв и вместе горячую мольбу пишет Макиавелли для Лоренцо последнюю главу «Князя».

Наиболее решительным и сильным по аргументации противником этого взгляда выступает Баумгартен ***. Прежде всего

* С ходом времени этот вопрос о цели трактата даже излишне выдвинулся вперед.

** Эти заключительные слова Ранке успели войти во все энциклопедические словари.

*** *Baumgarten. Ueber Machiavelli's Principe.*

он указывает, что Ранке не было еще известно *письмо Макиавелли от 10 дек. 1513 г.*, безусловно свидетельствующее о том, что к этому времени трактат *был окончен* и Макиавелли собирался посвятить его (теперь) *Джулиано*: но он колебался до тех пор, пока Джулиано не умер, и *тогда* решил обратить свое посвящение к Лоренцо. Обращаясь далее к тексту «Князя», Баумгартен развивает с большой подробностью, что, несмотря на итальянский фон, весь трактат выдержан в *общих* положениях и *резко отличается от тех политических писем-рассуждений*, какие писал Макиавелли к Веттори, в том числе и от того, которое было предназначено для прочтения папе и обсуждало текущее положение Франции, Англии, Испании и Швейцарии, императора и Венеции. Если Лоренцо стремился к завоеваниям, он нуждался в подобного же рода советах, и Макиавелли был достаточно умен, чтобы помнить, что общего характера рассуждениями горячего юношу не убедишь. Макиавелли в своем «Князе» советует разрушать свободолюбивые города: значит ли это, что он советовал Лоренцо разрушить Флоренцию? (!) Не лучшее ли это доказательство абстрактности памятника? И как понять горькую иронию 11-й главы — этой насмешки над папством — если памятник был написан для брата или обработан для племянника папы?

Первая ошибка Ранке — скажем мы уже от себя — заключалась в определении времени написания памятника и в его убежденности, что он написан для Лоренцо. *Смысл письма от 10 декабря 1513 г. неоспорим*: трактат *был уже написан*, и *только тогда* Макиавелли начал совещаться, посвятить ли его *Джулиано*. Если б трактат был написан *для* Джулиано как практическое руководство, он обнаружил бы в Макиавелли полное незнакомство с характером лица, которому он свой трактат посвящал, ибо Джулиано был склонен к мистицизму, тайным наукам, отличался мягкостью и совершенно был лишен воинственного и напряженного честолюбия. Аргументы Ранке в пользу того, что Макиавелли написал «Князя» для Лоренцо основываются главным образом на *незнакомстве с личностью и постепенным укреплением взглядов Макиавелли* *. Если Макиавелли уделял такое большое внимание неудачной политике

* Что вполне объяснимо тем, что в его время историко-биографических работ о Макиавелли еще не было и в помине.

Людовика XII, то по тому же мотиву, по которому во время своей миссии во Францию он — не без научной наивности — прочел могущественному и третировавшему Флоренцию кардиналу Амбуазу целую лекцию * с выводом: «Вы, французы, ничего не понимаете в политике». Внимание же к Цезарю более чем достаточно объясняется как содержанием самого трактата, так еще более впечатлением, какое произвел Цезарь на Макиавелли, обратившись затем для него в тип-идеал **. Единственную ошибку Макиавелли видел в содействии Цезаря выбору своего прежнего врага, кардинала Роверы, на папский престол: по мнению Макиавелли, следовало содействовать выбору какого-нибудь *испанца* ***. Из всей аргументации Ранке остается в силе только его утверждение, что Лев X и Лоренцо носились с честолюбивыми планами, и что 26-я глава «Князя» продиктована итальянским патриотизмом.

Но если не сам Ранке, то его последователи остановились на сложном представлении, что чрез тиранию Макиавелли хотел добиться свободы Италии не только внешней, но и внутренней. На этих критиков произвело особое впечатление та глава ****, где Макиавелли повторяет идею Полибия о политическом круговращении, и те места, где флорентийский секретарь говорит, что только единоличная власть «*Mane regia*» *****¹⁰⁷ может спасти испорченный народ. Построение таково: Макиавелли скорбел об испорченности Италии; по его мнению, испорченное государство может быть спасено единовластием; по кругу Полибия тиранию сменяют более либеральные формы; или же — Макиавелли верил, что, достигнув главной цели, правитель передает власть в охрану народа ^{6*}; следовательно, Макиавелли хотел установления над Италией единовластия, которое должно было привести в дальнейшем к свободе.

* Крайне характерно содержание этой лекции: Макиавелли советует французу-правителю ослабить в Италии сильных (!), расположить к себе подвластных, удержать друзей и беречься соперников, под которыми он подразумевает Венецию и папу.

** Об этом мы уже говорили.

*** Il Principe. Гл. 7.

**** Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

***** Терминология Макиавелли, как почти всегда, сбивчива.

^{6*} Как в «Discorsi» (Кн. I. Гл. 9).

На первый взгляд аргументация довольно сильна. Но посмотримся. Скорбь Макиавелли об испорченности итальянцев несомненна: безусловно испорченными он называет Милан, Романью, отчасти Неаполь: здесь феодалы-тираны должны быть сокрушены тираном-устроителем. Но считал ли Макиавелли и *республики*, начиная с родной ему *Флоренции*, настолько испорченными, чтобы они нуждались для исправления в руке «тирана-устроителя»? Когда дело зашло о *внешней* свободе Италии, Макиавелли мог ухватиться и за Лоренцо, но, чтобы ради *внутреннего оздоровления* Флоренции он мог желать владычества Медичи, — это противоречит всему, что мы знаем о взгляде на них Макиавелли как на бесчестных узурпаторов флорентийской свободы. По кругу Полибия тиранию действительно сменяют более мягкие формы, но именно *аристократические*, к которым Макиавелли не благоволил. Предположим, наконец, что Макиавелли в лице единовластника представлял себе не тирана, а того, кого мы определили словом «диктатор». Но неужели Макиавелли, не впадая в бессмыслие, мог хоть на минуту, даже крайнюю минуту, отождествить Медичи с подобной «*божественной*» личностью? Очевидно, критиков сбило *сходство в чертах поведения* «тирана-устроителя» и «диктатора» и заставило упустить из виду *непроходимую пропасть, лежащую между ними в нравственном импульсе*, их цели. От эгоиста же, каким является «тиран-устроитель», Макиавелли *не мог* ждать, чтоб на вершине силы и власти он отрекся от них во имя народной свободы.

Противопоставим себе нами самими предложенный аргумент: не думал ли, однако, Макиавелли позднее о том, что Лев X и его брат *, оставаясь пожизненными правителями, согласятся обещать затем Флоренции свободу? Не при таких ли обстоятельствах создалось «Discorsi sul Riformar lo stato di Firenze»¹⁰⁸? Действительно, Макиавелли наивно думал об этом, но ведь *только потому*, что со смертью Лоренцо прекратилась законная ветвь Медичи, а из оставшихся в живых дядей один был папой, а другой кандидатом на папский престол, и потому не для кого (де) им было Флоренции хранить.

Поэтому и с последним из разобранных нами взглядов мы не в состоянии согласиться.

* Будущий Климент VII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мораль Макиавелли заключается в отсутствии всякой морали.

Жане

Макиавелли отделяет политику от морали.

Виллари

Макиавелли не отрицал морали, а напротив, считал нравственные требования обязательными для политики.

Алексеев

В течение долгих лет наблюдал Макиавелли окружающую его жизнь, и когда затем, в эпоху создания им своих политических трактатов, он стал оглядываться на все, что ему пришлось увидеть и знать, в сердце его окрепло окончательно сознание, что люди злы и мотивы их поступков эгоистичны. Макиавелли жил в то время, когда никакая властная высшая идея не растворяла в себе личные эгоизмы, свои наблюдения — большую часть их — он делал в Италии на склоне Возрождения. Макиавелли видел эгоизм личности, эгоизм партий, эгоизм тирана, людей продажных и честолубцев, беспринципных и лицемерных*. Люди злы, повторил Макиавелли**, они эгоисты, жертвы ненасытных желаний, вместилища алчности и властолюбия. Но если окружающее ясно подтверждало пессимистический взгляд, то Рим — идеализированный Макиавелли Рим — разве не свидетельствовал он о способности к преследованию людьми высших целей, о победе над эгоизмом? Да, был ответ Макиавелли, люди Рима жили иначе, они стремились к целям более высоким, но не потому, чтоб их природа являлась иной, но потому, что *государственное устройство* было в Риме

* Времена, в которые мы живем, так исполнены зла и испорченности, что, даже и не имея глаз Аргуса, лучше видишь зло, чем добро (Золотой осел. I).

** Люди злы, как это может быть подтверждено историей и тысячами примеров (Discorsi. Кн. I. Гл. 3). Желания людей более ненасытны, чем возможность для их достижения. (Там же. Кн. I. Гл. 37). Люди по природе своей дурны; только необходимость может заставить их действовать добродетельно (Il Principe. Гл. 23).

иным и *государство-воспитатель** создавало другие условия для проявления добра или зла, но человек везде эгоист и всегда был таковым. Когда Полибий в 6-й книге своей «Истории»** задается вопросом о нравственности, он говорит, что человеку по природе свойственно половое сожитие и деторождение. Если пришедший в возраст ребенок оказывался неблагодарным, это вызывало возмущение, ибо каждый думал, что и он может испытать подобное отношение. И отсюда у каждого нарождается понятие долга, представление о нравственном. Макиавелли внес в «Discorsi» воззрение Полибия***, но одно место он характерно изменил: «видя подобную неблагодарность, люди *создали законы и назначили наказания*». Только *через законы* является у народа представление о нравственном и хорошем и идея справедливости получает начало. Не идея нравственная, по Макиавелли, рождает законы, но закон есть производитель этой идеи. И следовательно, там, где государственные законы прочны и налагают узду на *вредные* для общежития *проявления эгоизма*, там процветает нравственность, там должны быть люди, каких видел Рим, потому что *другая часть* человеческого *эгоизма* может быть утилизирована на благо государственное; человек может быть удовлетворен государством в стремлении к собственности и почестям — он получит и то и другое за услуги, оказываемые им государству, эгоизм личный будет примирен с пользой общественной****. Но уже в этих построениях чувствуется, что центр внимания Макиавелли сосредоточивается на целом, на государстве. Личность человека, его индивидуальные потребности, его не-общественные занятия, занятия науками и искусствами, вопрос семейный — все это оставлено без внимания, все принесено у Макиавелли в жертву сосредоточенному изучению, как возникают, приобретаются, цветут или падают государства*****. Мы готовы сказать, что во всех трактатах Макиавелли нет человека — встречаются только правитель и гражданин с той или другой комбинацией умственных и нравственных качеств, взятых в их отношении пользы или вреда государству. Макиавелли как бы духовный сын античного

* О воспитании, по Макиавелли, человека в государстве хорошо изложено у Алексева (С. 49—63)¹⁰⁹.

** *Полибий*. Всеобщая история / Пер. Мищенко. Т. II. Кн. 6, § 5, 6.

*** Discorsi. Кн. I. Гл. 2.

**** Там же. Кн. I. Гл. 16; кн. I. Гл. 24; Storie. Кн. VII.

***** Это заставило Моля сказать, что государственное учение Макиавелли для нового мира в корне анахронизм.

мира, воспитанник той древней общины, где «в жертву ей приносилась семья», где «она сливалась с религией», где «сердце и мысль человека всецело принадлежали отечеству, и с какой бы вы стороны не заглянули в его душу, вы бы увидели в нем только гражданина» *. Благо отечества было высшим критерием нравственного для члена подобной общины, и таковым же оно было для Макиавелли. Перенесенное им через века, оно находило в нем ревностного защитника и проповедника. Для международных отношений из этого вытекало римское «*bellum omnium contra omnes*» **, «*civitas civitati lupus*» ¹¹⁰. Государство, добивающееся своих целей право уже потому, что оно государство, и правитель-политик прав, потому что он действует на благо отечеству. «Когда речь идет о спасении отечества, говорит Макиавелли ***», — тогда не может быть рассуждения о справедливом и несправедливом, гуманном или жестоком, похвальном или достойном порицания», но, оставив в стороне подобные соображения, надо ухватиться за то средство, которое способно спасти отечество и свободу. Если высший критерий — отечество-государство — вообще у Макиавелли служит мерилom поступка, то в этом последнем, трагическом, случае все пути дозволены, все разрешается, и однако в самой форме, как эта мысль у Макиавелли выражена, есть уже нечто «не древнее», чувствуется возражение и борьба против чего-то иного, защищающего или могущего защищать и в подобном случае необходимость «справедливого», «гуманного», «нравственного». Это отклик на то новое слово, которое вышло из маленькой Иудеи и потрясло старый мир. Оно колебало идею «отечества», выводя человека из его эгоистических национальных границ ****, обращаясь к индивидуальной совести каждого, оно как бы вносило грозный анархический элемент в самое существование государства; говоря о бессмертии духа и обращая человеческий взор на загробный мир, оно величественное представление о государстве делало земным, ничтожным и малым *****. Но если христианство и

* Тэн. Тит Ливий. С. 229.

** Проф. Александренко. Международное право Рима // Журнал Мин. нар. просв. 1895.

*** Discorsi. Кн. III. Гл. 41.

**** Ап. Павел: «Нет ни эллина, ни иудея...»

***** Интересные и яркие страницы о влиянии христианства на государственную жизнь в связи с идеей «отечества» находим мы в трудах проф. Таубе (Таубе. История зарождения современного международного права; Христианство и организация международного мира. 1902).

потрясло старый мир, оно его не разрушило: постепенно оно вошло в компромисс: национальные божества были превращены в злых духов, но божество-отечество, хотя и сверженное с своей высоты, продолжало и продолжает принимать любовь и жертвы, отречение человека от своего личного узкого эгоизма. Войны не прекратились*, и не прекратились хвалы тем, кто возносит свое отечество путем ослабления или унижения других**. Макиавелли, прямо стоя на античной точке зрения, был гораздо прямолинейней других, но и он — язычник в XVI веке — временами колебался в последовательности, не стоял на своем до конца. «Вероломство, — говорит в одном месте*** флорентийский секретарь, — нарушение клятвы и заключенного договора *всегда* бесчестно, даже если б мы были обязаны им захватом провинции или целого королевства». Убийство Ромулом Рема у Макиавелли подходит под понятие «хорошего преступления», в его лексиконе есть «благородное преступление»****, «хорошая жестокость»*****. Но где государственное благо есть высший критерий, там, конечно, удачное несоблюдение договора может быть только предметом хвалы, и понятие *преступления*, хотя бы и благородного, и хорошего неприменимо, раз мы не станем на иную, исходящую из совестных основ точку зрения. И, как видно, даже у Макиавелли, даже на почве Италии Возрождения эта последняя точка зрения не могла быть стерта совсем.

Мы сказали: «...даже в Италии Возрождения», но если Возрождение освободилось от голоса совести, то столь же мало исповедовало оно идею общего блага. В другом месте мы уже говорили, что здесь в основу был положен критерий достижения цели: в понятие итальянского «*virtù*» входило именно это умение, ловкость, настойчивость, хитрость, терпеливость, страсть сердца и холод ума. И Макиавелли, хотя все идеальное в нем тяготело к нравственной проповеди служению отечеству, не умел уйти от усвоения подобной *механики сил*^{6*}. Он видел вокруг себя цели, достигаемые независимо от нравственного до-

* Хотя, по мнению Соловьева (*Соловьев Вл. Нравственные основы общества // В<ест.> Евр.* 1894), «сделались внутренне невозможны».

** Примеры излишни.

*** Discorsi. Кн. III. Гл. 40.

**** Там же. Кн. I. Гл. 27.

***** Il Principe. Гл. 8.

^{6*} Что, конечно, не разрешает полного обобщения Моля, что «Макиавелли освобождает разум от совести» (С. 541).

стоинства средств, исключительно по *логике подсчета*, и Макиавелли приходил к выводу о существовании чисто и исключительно логических взаимоотношений политической жизни. С одной стороны, личность, приготовившаяся к определенному действию и имеющая определенные силы, и вся связь внешних обстоятельств — с другой. Задача же состоит в том, чтоб определить наилучшую, т. е. кратчайшую по достижению и длительнейшую после достижения, связь между ними. Но внешние обстоятельства меняются, следовательно, и человек должен уметь вместе с ними меняться*, т. е. беспрестанно к ним применяться. Однако же таких обстоятельств не бесчисленное количество, природа же людей во все времена одинакова, — и вот Макиавелли стремится установить множество, так сказать, *необходимых, в себе не меняющихся логических взаимоотношений* между человеческой личностью с ее политическими целями — и внешними обстоятельствами**. В этом смысле прав Тэн***, когда утверждает, что Макиавелли вовсе не злодей, что он только резонер, «наставник, становящийся на место ученика и сам разрешающий задачу, чтоб ясней демонстрировать ее». По нашему мнению, ошибаются те критики, которые, встречаясь с этими логико-математическими решениями Макиавелли, считают, что их можно подвести под положение: цель *оправдывает* средства, в подобной *вненравственной* механике вообще нет места ни обвинению, ни оправданию. Скорей можно согласиться с теми, кто видит приведенный лозунг там****, где у Макиавелли выдвинута идея отечества, хотя и здесь, строго говоря, является оправдание только тогда, когда Макиавелли теряет последовательность или полемизирует, т. е. когда колеблется или защищается в своем античном представлении. Но где Макиавелли действительно защищает лозунг цель оправдывает средства, там это отмечено меньше всего. Правда, только временами и без глубокого влияния на всю его нравственную философию, но Макиавелли высказывает ряд особых положений, на которые его натолкнула флорентийская жизнь. Ряд лет он был сотрудником, почти правой рукой гонфалоньера Пьетро Содери-

* И Макиавелли склонен видеть горе в том, что человек обыкновенно не умеет меняться.

** Примеры такой «механики»: Discorsi. Кн. I. Гл. 41; Кн. I. Гл. 45; Кн. II. Гл. 23; Кн. III. Гл. 2; Кн. III. Гл. 9; Il Principe (большая часть трактата).

*** Тэн. Тит Ливий. С. 182—183.

**** Как Гаспари, Франк, частью Виллари.

ни* — человека, странно верившего в эпоху Возрождения в неотразимую силу добра, во имя республиканского принципа терпимости не разрешавшего преследовать и обуздать ту аристократию, которая в своих, преимущественно эгоистически алчных, целях открыто агитировала за возвращение Медичи. В итоге республика пала, худшие силы Флоренции всплыли наверх. Макиавелли, несмотря на свою приближенность к Содерини, не мог отвратить зла, но он видел его надвижение. Когда республика пала, Макиавелли в своих политических трактатах писал, что зло не угашаемо временем, не обезоруживаемо благодеяниями**, что добро*** недостаточно****; *нельзя назвать добрым* и мягкосердным того, *кто дает расти злу****** и, избегая пути пресечения и жестокости, навлекает на государство волнения и бедствия. *Необходимо не бояться совершить меньшее зло, чтоб избегнуть большего*^{6*}; если осуждает средство, должна оправдывать цель.

Нет ничего легче, как осуждать Макиавелли за то, что для него благо общего, польза государства освящают^{7*} (скорее, чем оправдывают) цель. Легко также догматически утверждать, что «политика должна быть моральной»^{8*}. Но несравненно труднее ясно и строго указать и *обосновать* взаимоотношение политики и нравственности так, чтоб оговорки не противоречили тезису и благие пожелания не выдвигались на первое место. И по сегодняшней день этот вопрос не решен^{9*}, несмотря на деятельные попытки лишить его «ног или головы на прокрустовом ложе»¹¹². Во всяком случае, мы слишком далеки от узости античного взгляда, но и от того непримиримого идеализма, который

* Прекрасна характеристика Содерини у Томмазини.

** Discorsi. Кн. III. Гл. 3.

*** Т. е. добро, понимаемое в его чистом виде.

**** Discorsi. Кн. III. Гл. 30.

***** Там же. Кн. III. Гл. 27.

^{6*} При этом Макиавелли любил указывать отрицательно на дело Пистойи и положительно — на действия Рима; хотя в последнем случае уже приближался к механике.

^{7*} Заслуга выяснения этого принадлежит проф. Алексееву.

^{8*} Как, например, Блунчли. Критику этого воззрения см. у Алексеева (С. 265—268)¹¹¹.

^{9*} См., например, сильно и остроумно написанные страницы у Виллари (Т. II. С. 302—308).

в конфликте возвышенных нравственных требований и условий реальных становится *безусловно* на сторону первых, отвергая всякое прикосновение к злу. И потому мы имеем право определять в этом отношении взгляды Макиавелли, отмечать их узость сравнительно с современными точками зрения, но совершенно бессильны еще, если б захотели, произнести окончательный приговор.

Но где суд может быть произнесен, так это о взгляде Макиавелли на человеческую природу. Противоречия здесь очевидны * и вместе с тем объяснимы. Человек у Макиавелли — полный эгоист, алчный, честолюбивый; его воспитывают в нравственности религия и закон, но оба, как два бича, обузданием и устрашением. Одновременно диктатор Макиавелли весь полон идеей только общего блага, лишен эгоизма, на вершине власти, сознав, что подвиг свершен, способен от нее отречься. Макиавелли силится все свести к управляемому эгоизму — ему приходится свести к нему и самоотвержение римлян, хотя он цитирует бескорыстие и бесчестолюбие тех, кто, выполнив долг, подобно Цинциннату, шел к плугу. Разгадка ясна: видя окружающее, Макиавелли сделал обобщающий вывод, что люди злы, — и не отрекся от него, потому что плохо вообще постигал нравственную природу человека. Достаточно было бы ему оглянуться на себя **, чтобы убедиться в доступности для человека бескорыстных, любящих, идейных движений. Он не постиг нравственно-зизждущих сил, в связи с этим в его понимании никогда не зарождалась идея прогресса ***. В своей политической механике он старался оперировать вне нравственных сил, не замечая, что жизнь его опровергает даже на его героя, Цезаре Борджиа. Борджиа руководился только логикой достижения — и вот в решительные минуты его жизни он мог опереться только на привязанность народа, по отношению к которому он, хотя и не из нравственных целей, действовал благородно; остальные страшились его, и сам Макиавелли, не замечая того, произнес над ним суд нравственной Немезиды ****¹¹⁴, когда писал во Флоренцию, что «герцога можно было бы поддержать, если б только было возможно не опасаться его вероломства». Поддержки оказано не было. Цезарь пал, но Цезарь был только единицей той Ита-

* См.: Алексеев. Указ. соч. С. 312—315 ¹¹³.

** Как и не ему одному.

*** Добро и зло у Макиавелли только «перераспределяются» по эпохам и странам (Discorsi. Кн. II, вступление).

**** Миссия в Рим; донесение от 14 ноября 1503 г.

лии, которая за свое пренебрежение к нравственному критерию была осуждена неумолимой историей * на разделение и рабство. Нравственный закон мстит за свое попрание; сколько бы ни было зла в природе человека и условиях его существования, творческая духовная сила движет его вперед; и сам Макиавелли ненароком однажды коснулся одной из высоких черт, сказав **, что «творящий добро привязывается к тому, кому он творит». Но это только брошенное, не сосредоточившее его собственного внимания замечание. Еще раз повторим: *нравственных, зиждущих* сил человека Макиавелли не постигал. Он отвернулся бы от Платона и Сократа как от людей, ведущих праздную *** жизнь, он остался бы равнодушным в обществе Галилея, и, если б ему пришлось быть на Голгофе, он с презрительным сожалением глядел бы на «не умевшего опереться на вооруженные силы пророка» ****, не подозревая, что перед ним победитель веков.

Нам пора проститься с интересной личностью великого флорентийца, наша работа закончена. Каковы бы ни были ее недостатки, ее достоинством является то, что она одинаково далека от односторонности как апологии, так и негодующих обвинений. Нашей единственной целью было постичь мыслителя и уяснить человека.

* 1527 год!

** Il Principe. Гл. 10 (в конце).

*** Storie. Кн. V.

**** Il Principe. Гл. 6 (по поводу Савонаролы).

Б. ЧИЧЕРИН

Томас Мор и Макиавелли

На пороге XVI века стоят два мыслителя совершенно противоположного свойства, но оба воспитанные на изучении древности и черпающие из нее самую сущность своих воззрений: Томас Мор¹ и Макиавелли. Один является мечтательным идеалистом, наподобие Платона, который служил ему образцом², другой держится практической мудрости Аристотеля³, не возвышаясь, однако, как последний, к созданию философских начал и жертвуя нравственностью государственной пользе. Поэтому противоположность между Мором и Макиавелли выступает гораздо резче, нежели между Платоном и Аристотелем. <...>

Если Мор является чистым идеалистом, то Макиавелли прежде всего политик. И Макиавелли имеет в виду государственную цель, но не идеальную, а практическую. Он ищет не совершенного устройства человеческих обществ, а таких средств, которыми данный порядок вещей создается и упрочивается. Эти средства должны быть сообразны с природой человека. Если Мор видел источник всех пороков единственно в общественном устройстве, нарушающем справедливость, если идеальные его учреждения предполагают всех людей добродетельными, то Макиавелли смотрит на человеческую природу далеко не так снисходительно. По его мнению, люди вообще злы и склонны предаваться своим дурным наклонностям всякий раз, как представляется тому случай. Каждый правитель должен отправляться от мысли, что его род людской неблагодарен, непостоянен, скрытен, труслив при опасности и жаден на прибыль. Кто будет полагаться на добрые качества людей, тот всегда будет обманут. С одними нравственными средствами ничего нельзя достигнуть. Правитель, без сомнения, должен иметь в виду нравственную цель: общее благо. Тот, кто действует на благо общества, приобретает вечную славу; напротив,

тиран, имеющий в виду только собственные выгоды, покрывается позором. Но благая цель оправдывает всевозможные средства. Если нельзя действовать добром, надобно решиться на всякие злодеяния, ибо средний путь самый пагубный. Макиавелли не признает обязанности руководиться в политике нравственными правилами; практическая цель занимает его исключительно.

С этой точки зрения, постоянно черпая уроки из истории и современной жизни, Макиавелли учит правителей, как поступать в том или ином случае, и в особенности, как управлять человеческими наклонностями и страстями. В раскрытии этой стороны политической жизни он является неподражаемым мастером. Ясность и сила мысли, глубокое знание человеческих отношений, разнообразие сведений и широкий практический опыт — все соединяется в нем и делает его одним из величайших политических писателей, когда либо существовавших. Он одинаково предлагает свои советы и князьям и народам, ибо понимает, что не всякий образ правления везде приложим. Государственное устройство зависит и от общественной среды, в которой оно водворяется, и от цели, которая имеется в виду. Иное правление нужно для создания государства, иное для охранения учреждений; иное для народа крепкого и нравственного, иное для слабого и развращенного.

Макиавелли имеет, однако, и свой идеал. Воспитанный на изучении древности, он ищет его в классическом мире. Но тогда как Мор вдохновлялся республикой Платона, практический взгляд Макиавелли требует действительной почвы. Для него идеалом представляется Древний Рим, покоривший весь мир и в течение веков мудро управлявший своими внутренними делами. Рим выставляется образцом и наизиданием для современников. «Добродетель, которая царствовала в то время, — говорит Макиавелли, — и порок, господствующий ныне, яснее солнечного света, а потому я буду откровенно говорить то, что думаю, чтобы юноши, читающие мои сочинения, отвращались от последнего и подражали первой, всякий раз как придется им действовать. Теперь даже обломок античной статуи ценится высоко, и все стараются сделать нечто подобное; образцы же добродетели и мудрости, которые древние представили своей жизнью, остаются бесплодными». Чтобы восполнить этот недостаток и показать на примерах римлян, как следует поступать в политике, Макиавелли написал замечательнейшее свое политическое сочинение: «Речи о первых десяти главах Тита Ливия»⁴ (*Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*).

Сочинение начинается с объяснения различия образов правления и их превращения друг в друга. Здесь Макиавелли почти буквально следует Полибию и так же, как последний, выводит, что наилучшее правление то, которое соединяет в себе все три элемента: монархию, аристократию и демократию. Из чистых же форм он отдает предпочтение демократии. Гражданин свободной Флоренции в нескольких местах своей книги высказывает свое сочувствие народу. Многие утверждают, говорит он, что ничто не может быть легкомысленнее и непостояннее толпы и что в этом отношении княжеская власть стоит несравненно выше. Но эти свойства принадлежат только толпе, не сдержанной никакими законами, они еще в большей степени встречаются у князей, не знающих над собой сдержек. Все люди безумствуют, когда могут делать это безнаказанно. Народ же, хорошо устроенный и связанный законами, благоразумнее, постояннее и одарен лучшими суждениями, нежели князь. Глас народа — глас Божий. Притом своевольный народ легко может быть вразумлен и введен в настоящую колею; но против дурного князя нет иного лекарства, кроме железа. Однако Макиавелли не произносит этого суждения безусловно. Как глубокий политик он понимал, что каждый образ правления имеет свои относительные достоинства и служит к достижению известных целей. Поэтому он признает, что князь выше народа для устройства вновь создающегося государства или для введения новых законов и учреждений; но народное правление лучше, когда дело идет о сохранении установленного порядка. Кроме того, необходимое условие демократии заключается в доблести граждан. Развращенный народ не в состоянии поддерживать свободу; ему нет спасения вне монархии. Только царская власть может его исправить. Неспособны к демократии и люди, привыкшие к рабству. Свобода может держаться только там, где приобретает ее народ еще свежий в силах и неиспорченный деспотизмом.

Макиавелли предпочитает народное правление аристократическому. Он спрашивает: кому скорее можно вверить охранение свободы, народу или вельможам? — и решает вопрос в пользу первого, ибо вельможи всегда хотят властвовать, а народ желает жить только на воле и не быть угнетенным. В особенности дворян Макиавелли считает величайшими врагами свободы. В стране, где есть дворянство, говорит он, особенно имеющие замки и господствующее над низшим населением, невозможно иное правление, кроме монархии. Законы бессильны для воздержания подобных людей; необходим над ними властитель. Устроить республику там, где много дворян, невоз-

можно иначе, как истребивши их всех. Наоборот, нельзя установить княжескую власть в стране, где существует равенство, иначе как создав дворянство. Равенство ведет к республике, так же как неравенство ведет к монархии. Даже аристократическое правление, подобно венецианскому, невозможно при существовании дворянства, имеющего обширные земли, замки и право суда. Только чисто политическая аристократия, основанная на исключительном обладании почестями и высшими должностями, способна установить прочный порядок вещей. Такое правление Макиавелли признает иногда полезным. В небольшом, замкнутом в себе государстве может быть введено аристократическое устройство наподобие спартанского или венецианского. Твердое охранение закона высшим сословием дает таким учреждениям необыкновенную прочность. Но чистая аристократия немыслима в государстве, которое приходит в непрерывные столкновения с другими и принуждено воевать. Здесь необходимо опираться на народную силу, а потому надобно дать народу участие в правлении, иначе он сам того потребует. Для республики, которая хочет расти и делать завоевания, наилучшее устройство — римское, то есть смешанное.

Против римских учреждений возражают, что они подавали повод к непрерывным ссорам между патрициями и плебеями; но эти внутренние распри, говорит Макиавелли, нисколько не мешали величию республики. До времен Гракхов⁵ они редко сопровождались изгнаниями, а еще реже пролитием крови. Борьба вела единственно к установлению законов и учреждений, полезных для общества, которыми ограждалась свобода и воздерживалось честолюбие вельможей. Таково было учреждение плебейских трибунов⁶, лучших стражей народной свободы.

Макиавелли подробно излагает те средства, которые употребляли римляне для поддержания своего государственного устройства. Прежде всего, он указывает на религию как на один из самых верных способов действовать на народ и сохранять в нем добрые нравы. Религия имеет для Макиавелли единственное значение политического орудия, и он, не обинуясь, советует употреблять религиозный обман для достижения политических целей. Это показывает, как далеко люди эпохи Возрождения отошли от Средних веков. Затем следует обращать особенное внимание на обуздание сильных людей. Обыкновенно их честолюбие не знает границ, и они представляют величайшую опасность для республики. Необходимо зорко за ними следить и преграждать все пути к возвышению, в особенности тем из них, которые стараются обольстить народ и выставиться перед

другими. С этой целью полезно дать гражданам право обвинения; оно служит вместе с тем и клапаном, через который выходит накопившееся неудовольствие. Там, где нет подобных, законом установленных путей, люди прибегают к средствам незаконным, а это может погубить республику. Опасно и сосредоточение власти в руках одного человека, ибо он легко может употребить ее во зло. В Риме диктатура была полезна для чрезвычайных случаев; она устанавливалась на короткий срок и не уничтожала других должностей. Но продолжительное соединение всех властей в руках децемвиров⁷ подвергло государство опасности. Наконец, в республике необходима строгость нравов. Макиавелли хвалит учреждение цензоров⁸, которые, наблюдая за гражданами и предупреждая развращение нравов, служили одним из лучших средств для сохранения свободы. Общее правило, которое Макиавелли выводит относительно внутреннего управления, состоит в том, что учреждения должны быть часто возвращаемы к первоначальному их принципу, ибо силою вещей все мало-помалу изменяется и портится. Этой цели могут способствовать как законы, так в особенности примеры доблестных мужей, которые часто действуют на сограждан более, нежели самые законы. Макиавелли, очевидно, не имел понятия о развитии человечества, о законе совершенствования. Сыну XV века, который свой идеал видел в древних республиках, отклонение от первоначального устройства представлялось не иначе как упадком.

После внутренней политики Рима Макиавелли излагает и внешнюю. Республиканскую форму он считает более способной к расширению владычества, нежели монархическую, ибо главное, что умножает силы государства, это — постоянное внимание к общей пользе, а оно гораздо более соблюдается в республиках, нежели в монархиях. Три пути представляются народам, которые хотят увеличить свое внешнее могущество: союз равносильных государств, главенство над союзниками и, наконец, совершенное покорение других народов. Последний путь самый ненадежный, ибо нет возможности постоянно держать в повиновении народы, которые не хотят покориться. Завоевания губительны для государств, которые приобретают новые владения, не приобретая новой силы. Первая система хороша, но только для защиты, ибо в ней нет единства воли; здесь всегда может быть разногласие, и сами завоевания в пользу союза далеко не так заманчивы. Поэтому лучше всех второй путь; это тот, которого постоянно держались римляне в своих войнах. Они привлекали к себе союзников, оставляя им

права и самоуправление и давая им часть добычи, но сами всегда оставались во главе. Таким способом они покорили весь мир. Макиавелли советует, по примеру римлян, вести войны краткие, но всеми силами обогащать добычей казну, а не отдельные лица, выселять колонии для оберегания покоренных земель, никогда не оставлять военных упражнений и, прежде всего, иметь собственное войско, а не наемное, всегда ненадежное. К политическим размышлениям присоединяется и множество замечаний на счет военного искусства, которое Макиавелли изучил в подробности. Все это вместе, изложенное не в систематическом порядке, а в виде рассуждений об отдельных случаях, представляет одно из самых поучительных политических сочинений, которые когда-либо появлялись в свете. Аристотель был основателем политики как науки; Макиавелли был восстановителем ее в новое время, и если не всегда можно соглашаться с его доводами, если, читая его, иногда возмущаешься отсутствием нравственного чувства, то всегда удивляешься силе его ума и широте его взгляда.

Речи о первых десяти главах Тита Ливия имели целью показать средства для сохранения республик. Совершенно иную задачу полагает себе Макиавелли в другой книге, которая получила гораздо большую знаменитость, в «Князе» (*Il Principe*). Здесь излагаются способы, которыми князь может приобрести новое государство и упрочить в нем свое владычество. Многие видели в этом противоречие с содержанием первого сочинения. Там Макиавелли является республиканцем, пламенно любящим свободу; здесь он пишет в пользу самого беззастенчивого деспотизма. Это отступничество от своих убеждений приписывали желанию снискать милость Лоренцо Медичи, которому посвящена книга: изгнанный из отечества, Макиавелли хотел возвратиться и принять участие в делах, а для этого нужно было заслужить расположение тогдашнего главы флорентийского правительства. Другие, напротив, видели в этом сочинении иронию: республиканец по образу мыслей, Макиавелли хотел будто бы предостеречь народ от тех козней, к которым прибегают князья для утверждения своего владычества. Таково было мнение Руссо *. Внимательное изучение обоих произведений великого политика должно, однако, убедить каждого, что между ними нет противоречия. В «Речах о Тите Ливии» Макиавелли прямо говорит, что для создания и устройства но-

* См. разнообразные мнения об этом вопросе у Моля: *Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*, том III: *die Macchiavelli Literatur*.

вых государств монархия лучше республики; для развращенных же народов он считает монархию единственным возможным образом правления. Но и то и другое вполне прилагалось к современной ему Италии, где народ, по мнению Макиавелли, наиболее развращенный из всех, а между тем требовалось создание единого крепкого государства. Нет страны, которая наслаждалась бы внутренним согласием и счастьем, говорит он в «Речах», если она не подчиняется вся единой республике или одному князю, как Франция и Испания.

В Италии этому мешает римская Церковь, которая не довольно сильна, чтобы соединить всю Италию под своим владычеством, а между тем разъединяет страну, постоянно призывая к себе на помощь одного князя против другого. Макиавелли вполне сознавал, что объединить Италию, освободить ее от внешних врагов и положить конец междоусобиям могут только князья; поэтому он и обратился к Лоренцо Медичи, предлагая ему средства для достижения этой цели. И в отношении к употреблению средств «Князь» немногим отличается от «Речей». И там Макиавелли оправдывал убийство Рема Ромулом необходимостью единовластия⁹ и порицал Бальони, который не решился убить папу Юлия II со всей его свитой, когда тот неосторожно отдался ему в руки¹⁰. В «Князе» эта политика выступает в еще более грубой форме, ибо здесь дело идет об утверждении власти подавлением всех ее противников, а для этого нужны более сильные и менее разборчивые средства, нежели для охранения свободы. Но сущность воззрений и здесь и там одна и та же.

Макиавелли начинает с общего разделения княжеств по происхождению: есть княжества наследованные и новые; последние могут быть или присоединенные к старым владениям или получившие самостоятельное устройство. С другой стороны, народ, среди которого устанавливается власть, может быть либо привыкшим управляться князем, либо привязанным к свободе. Наконец, и средства, которыми власть приобретает, могут быть оружие, счастье или доблесть. Все эти разнородные случаи требуют различных путей для утверждения власти.

Всего легче сохраняется власть наследственная. Князю нужно только не нарушать существующего порядка. Если у него нет необыкновенных пороков, которые делают его предметом ненависти, он всегда будет любим. Затруднения оказываются только при вновь приобретенной власти. Когда князь к своим старым владениям присоединяет новую область, то существенный вопрос состоит в том: принадлежит ли в ней население к одной народности с другими подданными или нет. Если народ-

ность одна, то слияние совершается легко; в противном случае нужно значительное искусство. Хорошо, если князь сам поселится в новой области; полезно также заводить в ней военные колонии. Но прежде всего надобно держаться правила: ослаблять сильных и поддерживать слабых. Это необходимо соблюдать как относительно соседей, чтобы не нажить себе опасных соперников, так и относительно вельмож покоренной области. На последних никогда нельзя полагаться: они всегда готовы примкнуть к иностранному князю, чтобы избавиться от своего, но столь же легко отпадают от победителя. Из этого можно видеть, какое важное значение имеет для завоевателя политическое устройство покоренной страны. Там, где нет могущественной аристократии, где вся власть сосредоточена в руках монарха, покорение трудно, потому что иностранец не находит союзников, но зато легче удержать край в повиновении, ибо с падением монарха прекращается дальнейшее сопротивление. Напротив, там где есть сильные вельможи, легко с их помощью покорить страну, зато держаться в ней труднее. Что же касается до народов, привыкших к свободным учреждениям, то с ними нельзя иначе сладить, как истребив их совершенно; ибо они всегда готовы восстать во имя свободы и прежних своих прав, о которых память не изглаживается ни течением времени, ни полученными благодеяниями.

Новая власть приобретает иногда добродетелью, когда доблестный муж водворяет новые порядки и через это становится главою государства. Достигнуть подобной власти трудно, но удержать ее легко, ибо здесь мало внутренних врагов. Трудность же приобретения состоит главным образом в том, что люди не охотно подчиняются новым порядкам. Народ вообще бывает непостоянен: можно убедить его в известной мысли, но не легко удержать его в этом убеждении. Поэтому нововводитель всегда должен запастись собственными средствами и оружием; когда перестают ему верить, он должен заставить себе верить силой.

Совершенно иное положение тех, которые становятся князьями случайно или посредством чужой помощи. Им власть достается легко, но как скоро они достигли вершины могущества, начинаются бесчисленные затруднения. Обыкновенно эти люди не умеют держаться на своем месте, потому что они к этому не приготовлены, да к тому же не имеют ни друзей, ни опоры. Однако и в этом случае разумный человек может достигнуть великих результатов. Образцом такого мудрого и доблестного мужа Макиавелли выставляет знаменитого Цезаря

Борджиа, утверждая, что нельзя дать новому князю лучшего совета, как следовать примеру герцога. Затем он рассказывает, как Борджиа притворялся другом своих врагов, чтобы вернее их погубить, как он заманивал соперников под предлогом совещаний и потом убивал их, как он из предосторожности истреблял даже потомство тех людей, у которых отнимал владения. «Разбирая все эти действия герцога, — говорит Макиавелли, — я не могу его осуждать, ибо, имея высокую душу и великие цели, он не мог править иначе». По-видимому, Макиавелли даже не считает эти дела безнравственными, ибо он под особой рубрикой ставит тех, которые приобрели власть злодеяниями. «Нельзя назвать это доблестью, — говорит он, — когда человек убивает своих сограждан, предаёт друзей, не имеет ни правды, ни благочестия, ни религии; этими способами можно приобрести власть, но не славу». Однако, прибавляет он, и подобное правление может утвердиться; все зависит от хорошего или дурного употребления жестокости. Кому нужно совершить злодеяния, тот должен сделать это разом, чтобы не оставлять народ в постоянном опасении. Если жестокости продолжаются или даже усиливаются, то князю нет возможности удержаться; каждый боится за себя, и наконец все соединяются против тирана.

Что касается до приобретения власти волею сограждан, то это делается также двояким путем: или с помощью вельмож, или с помощью народа; ибо на эти две части разделяется каждое государство. В первом случае труднее удержать правление, ибо князь имеет много соперников. Вельможи всегда хотят властвовать, а народ желает только, чтобы его не притесняли. Поэтому всякий правитель должен опираться на массу, не только тот, который достиг власти с помощью народа, но и тот, который приобрел ее поддержкой вельможей. Князь, которого не любит народ, не имеет прибежища в несчастье.

Макиавелли упоминает и о духовных княжествах, но говорит, что так как они держатся помощью Бога, то человеку было бы слишком смело о них рассуждать.

Рассмотрев, таким образом, отдельные виды княжеств, Макиавелли переходит к правилам, общим для всех. Главные основы всех государств, говорит он, как новых, так и старых, суть хорошие законы и хорошее войско; но так как законы бессильны без войска, а там, где есть хорошее войско, должны быть и хорошие законы, то прежде всего следует говорить о войске. Макиавелли различает войско собственное, наемное и союзное. Первому он отдает решительное предпочтение перед

другими. Наемное войско служит только из денег, а потому не может иметь ни любви к отечеству, ни преданности князю. На него никогда нельзя полагаться. Еще опаснее союзники, которые в случае победы сами становятся властителями. Мудрый князь всегда должен опираться на собственное войско; потому главная его забота должна быть устремлена на военное дело. Кто пренебрегает военным ремеслом, тот всегда рискует лишиться власти. Он не уважаем солдатами, а потому не может и доверяться им.

За военной силой следуют гражданские средства. Здесь, говорит Макиавелли, надо иметь в виду не воображаемые государства, а действительный порядок вещей, не то, что должно быть, а то, что есть; иначе князь неизбежно идет к падению. Кто хочет поступать всегда добродетельно, тот должен погибнуть среди стольких людей, которые держатся совершенно иных правил. С этой точки зрения Макиавелли рассуждает о качествах, приличных правителю. Князь должен быть скорее скуп, нежели щедр, ибо щедростью всем не угодишь, и окончательно она обращается в тяжесть для народа, из которого извлекаются деньги, тогда как скупость обогащает казну, не обременяя подданных. Князь должен скорее стремиться к тому, чтобы его боялись, нежели чтобы его любили, ибо на любовь полагаться нельзя, по непостоянству человеческого рода. Люди более склонны оскорблять того, кого любят, нежели того, кого боятся, ибо страх — постоянное чувство, которое никогда не оставляет человека, а любовь уступает место другим влечениям. Однако важнее всего, чтобы князь не был ненавидим и не наживал себе внутренних врагов. Поэтому он должен воздерживаться как от имущества, так и от жен своих подданных. Такого рода посягательства более всего возбуждают негодование и вооружают людей против правителя. Слово свое князь должен держать только тогда, когда это ему выгодно; иначе он всегда будет обманут коварными людьми. Вообще, в лице князя человек должен соединяться с зверем. Он должен иметь силу льва и хитрость лисицы. Надобно принять за правило, что в особенности новый князь, для сохранения власти, часто принужден действовать противно всякой правде, всякому милосердию, всякому человеколюбию и всякой религии. С виду князь должен казаться украшенным всеми добродетелями, но он всегда должен быть готов поступать иначе.

Макиавелли дает советы и относительно выбора людей, ибо это первый признак, по которому распознается ум правителя. Мудрый князь имеет и мудрых советников. В особенности он должен избегать льстецов, язвы придворной жизни, и окру-

жать себя людьми, которые бы откровенно высказывали ему правду, когда он их спрашивает. В заключение Макиавелли обращается с великолепным воззванием к Лоренцо Медичи, увещевая его освободить Италию, томящуюся под игом варваров.

Сочинения Макиавелли сделались настолько книгой правителей XVI и XVII столетий. Разноречащие мнения о нем и толкования на него составляют целую обширную литературу. Всех поражают, с одной стороны, его громадный ум и талант, с другой — то отсутствие нравственных правил, которое кидается у него в глаза. Имя его сделалось символом политического коварства. Действительно, от этого упрека невозможно его оградить; но извинение лежит отчасти в общих требованиях политики, отчасти в характере той среды, в которой жил и действовал Макиавелли.

Политику невозможно подвести под точку зрения безусловной нравственности, точно так же как нельзя приложить к государству начал абсолютного права. Над тем и другим господствует высшая цель политической жизни: общее благо. Эта цель сама по себе есть начало нравственное; но она не всегда может быть достигнута безукоризненными средствами. От частного человека можно требовать, чтобы поступки его были безупречны, ибо цель, которую он себе полагает — личное счастье — не есть неперемнная и необходимая; она должна подчиняться высшим требованиям. Частный человек должен жертвовать своим счастьем своему нравственному достоинству. Но благоденствие народа невозможно приносить в жертву абсолютной строгости нравственных правил. В политике верховный закон есть общее благо (*salus populi suprema lex*); для спасения народа приходится иногда жертвовать всем. Правитель не может и уклоняться от деятельности; он обязан управлять государством, избирая путь, который возможен. А так как цель непременно должна быть достигнута, то извинительно, в случае крайности, употреблять и такие средства, которые не оправдываются нравственностью. Здесь является столкновение двух начал, при котором нравственный закон не может иметь притязания на безусловное владычество.

Однако, с другой стороны, невозможно относиться к нему совершенно равнодушно, как делал Макиавелли. Нравственное начало должно быть по возможности соблюдаемо и в политике. Это тем более необходимо, что оно и здесь является силой, ибо люди имеют к нему доверие и уважение. Нравственные поступки притягивают людей, безнравственные их отталкивают. Но эта сила далеко не всегда имеет одинаковое значение. В обществе грубом, развращенном или распатавшемся на своих

основах нравственные начала мало действуют на массу. Тут слишком часто бывает необходимо прибегать к хитрости и к насилию, чтобы достигнуть политической цели. Неразборчивое употребление средств нередко составляет условие успеха. В этом отношении Макиавелли был вполне сыном своего века. Во всех европейских государствах борьба королевской власти с средневековым порядком сопровождалась безобразными явлениями. Надобно было смирять отдельные лица, приобретшие чрезмерное могущество, и подавлять частные права и интересы, господствовавшие в раздробленном обществе. Первой потребностью был выход из анархии и установление государственного порядка, какими бы то ни было средствами. Между тем ни одна из европейских стран не представляла такой страшной картины, как Италия в начале XVI века. Усеянная мелкими тиранами и изнемогающими республиками, сделавшись поприщем для властолюбия иноземцев, она искала какого-нибудь исхода из безотрадного положения и не находила. Макиавелли жил в этой среде и отражал в себе ее стремления и недостатки. Привыкший видеть кругом себя непрерывные насилия, обманы и злодейства, он перестал ими возмущаться и хотел по крайней мере обратить их на благую цель, а эту цель указывал ему пламенный его патриотизм, которым он возвышался над современниками и который составляет в нем самую отрадную черту. Дальнейшее развитие истории дало нравственному началу несравненно большее значение, нежели оно имело в XVI веке. И теперь еще нельзя требовать от государственных людей безусловной нравственности в преследовании политических целей, но теперь невозможно уже совершенное равнодушие к ужаснейшим преступлениям, какое мы видим у Макиавелли. Общественное чувство возмущается против этого. В наше время в Италии великий государственный человек предложил себе ту же цель, к которой стремился Макиавелли; но средства у него были иные. В окрепшем народе он взывал к началу свободы, к общественному мнению и совершил свое дело, не прибегая к злодеяниям и сохранив уважение современников.

Однако уже в XVI веке мнения Макиавелли встретили сильный протест. Нравственное начало, как высший закон человека, всегда присуще человеческим обществам. Особенно оно не могло быть забыто у христианских народов. Затемненное временно, оно скоро выступило наружу и заняло подобающее ему место в общественном сознании. Главный толчок этому движению дала Реформация.

П. И. НОВГОРОДЦЕВ

Макиавелли

БИОГРАФИЯ МАКИАВЕЛЛИ

Разложение средневековых преданий, которому в такой мере способствовала эпоха Возрождения, нигде не совершалось столь быстро, как в классической стране Возрождения, в Италии. Древняя философия, древнее искусство, римское право и античное понятие о государстве здесь прежде всего оказали свое обновляющее влияние и послужили толчком к новому развитию. Отрицательное отношение к средневековым идеалам проявлялось в Италии тем сильнее, что носительница этих идеалов, Церковь, рано утратила здесь свой нравственный авторитет. Близкие свидетели темных сторон папства, итальянцы начинали смотреть на него как на источник всех бедствий своей страны. К этому присоединялось влияние практических условий времени, которые выдвигали на первый план новую потребность создания крепкого государственного строя. Чем яснее сознавалась эта потребность, чем более она встречала препятствий для своего удовлетворения, тем живее выражались протесты против действительности и против средневековых порядков, результатом которых она явилась. Любопытным памятником этого настроения являются произведения Макиавелли, у которого реакция против Средних веков принимает крайнюю форму отрицания всех начал средневековой жизни.

Макиавелли родился во Флоренции в 1469 году. Он происходил из древней, но обедневшей тосканской фамилии, члены которой не раз занимали важные должности в Флорентийской республике. Детство и юность Макиавелли совпали со временем господства во Флоренции Лоренцо Великолепного (1472—1492), под покровительством которого флорентийская образованность

переживала блестящую пору своего развития. О ранних годах жизни Макиавелли не сохранилось никаких известий. По всей вероятности, он получил, согласно с духом своего времени, гуманистическое образование, которое впоследствии восполнил чтением древних, по преимуществу латинских писателей. Занятия классиками не сделали из Макиавелли ученого гуманиста, но в связи с общим направлением века воспитали в нем большого поклонника древности. На литературную деятельность Макиавелли это увлечение древностью оказало самое глубокое влияние. Когда умер Лоренцо Медичи, Макиавелли было 23 года. Италия находилась в то время накануне важных событий. Взаимная вражда итальянских государств уже давно подготавливала почву для иноземного завоевания. В борьбе с соперниками мелкие итальянские правительства не раз угрожали призвать иноземцев. Наконец, угрозы перешли в область действительности: в 1494 году французский король Карл VIII, прозываемый миланским герцогом Людовиком Моро, вступил в Италию и положил таким образом начало эпохи итальянских войн, которая была вместе с тем эпохой величайших бедствий для итальянского народа. Совершились важные перемены и во Флоренции. Преемник Лоренцо Пьеро вскоре успел навлечь на себя нерасположение флорентийцев, и Медичи были изгнаны. На короткий срок Савонароле удалось приобрести влияние во Флоренции, но и его влияние удержалось недолго. Порядки, установленные им, стали казаться тягостными народу, и свободолюбивые флорентийцы вновь возвратились к чисто республиканской форме правления, которая, как утверждал впоследствии Макиавелли, всего более соответствовала их нравам. Макиавелли в это время было 29 лет. Он искал практической деятельности и вскоре получил освободившееся место секретаря Совета Десяти, которое удерживал за собою в течение четырнадцати лет до нового политического переворота, возвратившего Медичи во Флоренцию. Совет десяти заведовал, под надзором Синьории — высшего учреждения в республике — многими важными делами внутреннего управления и внешними сношениями. Макиавелли приходилось вести очень сложную переписку этого учреждения и составлять протоколы заседаний. До сих пор в архивах Флоренции хранятся тысячи писем и документов различного рода, писанных его рукой. Эти занятия служили для Макиавелли прекрасным средством для практического ознакомления с политическим искусством. Но не в канцелярии только и не из общих бумаг получил Макиавелли тот богатый запас политического опыта, которым впоследствии он любил подкреплять свои теоретические положения. В этом

отношении, конечно, для него было гораздо важнее непосредственное соприкосновение с жизнью. Его часто посылали с различными поручениями то внутри государства, то к иностранным дворам. То поручают ему осмотр наемных войск, и мы находим его в лагере под Пизой, с которой Флоренция продолжала свою нескончаемую войну; то его посылают в Пистойю, в которой требовалось вмешательство флорентийского правительства для умиротворения враждующих партий; то он разузнает настроение иностранных дворов или ведет с ними дипломатические переговоры.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОРУЧЕНИЯ И ДОНЕСЕНИЯ

Поручения последнего рода были особенно трудны. И без того сложные политические отношения итальянских государств еще более суживались от вмешательства в дела Италии соседних держав: Испании, Франции и Германии. Французские вторжения, несколько раз повторявшиеся с 1494 года, вносили в политическую жизнь Италии новый ряд опасностей и затруднений. При раздробленности Италии, противодействие подобным вторжениям и вмешательствам было для нее невозможно. Таким мелким политическим силам, как Флоренция, приходилось в целях самосохранения ладить с иноземцами, вступать с ними в союзы, иногда помогать им денежными и военными средствами; приходилось соображать массу разнородных интересов, лавировать между самыми разнообразными опасностями. Внешняя политика приобретает в эту эпоху в Италии особенное значение; дипломатическое искусство становится чрезвычайно трудным. Более чем когда-либо требовалось теперь от дипломатов зоркости, чтобы уследить за крайне изменчивыми планами иностранных дворов, и умения поддерживать со всеми добрые отношения. Дипломатические поручения Макиавелли исполнял очень часто. Ему давали самые трудные миссии, посылали несколько раз во Францию, в Рим, в Германию, поручали выведывать тайные планы Цезаря Борджиа. Макиавелли большей частью с успехом выходил из затруднений. Памятниками его дипломатической деятельности служат посольские донесения, в которых он, по обычаю посланников своего времени, сообщал своему правительству о ходе переговоров или о положении дел, с присоединением собственных наблюдений и выводов. Обыкновенно он не останавливается на изложении частных вопросов, послуживших поводом к той или другой его миссии; а большей частью связывает подоб-

ное изложение с общим очерком политического положения данной страны, рисует нравы ее народа, характер князя. Характеристики князей и народов, которые Макиавелли дает в своих донесениях, отличаются необыкновенной ясностью и силой: в немногих чертах он умеет передать существенное и основное. Здесь уже мы видим будущего проницательного мыслителя и тонкого аналитика. Вместе с тем перед нами раскрывается тот подготовительный процесс, которым воспитывалась политическая мысль Макиавелли. Исполняя различные поручения своего правительства, он узнавал политическую практику своего времени, наблюдал вблизи выдающихся политиков; он мог, наконец, изучить положение Италии, причины ее слабости и упадка. В его обобщающей мысли весь этот материал отлагался в виде заключений и выводов, вошедших впоследствии в его политические трактаты. В то самое время как Макиавелли делал свои выводы над итальянской действительностью, он продолжал изучать древнюю историю. Живя при дворе Цезаря Борджиа, он просит своих друзей прислать ему Плутарха; он читает Тита Ливия и учится у него любви к Древнему Риму. Доблести древних римлян, их любовь к отечеству, их политическая мудрость, изображенная красноречивым историком-патриотом, заставляют Макиавелли преклониться перед величием Рима. Встречаясь на практике с каким-нибудь затруднительным случаем, он старается узнать, как поступали в подобных случаях римляне и ищет поучения в римской истории. Так, например, по поводу восстания в Ареццо, наделавшего во Флоренции много хлопот, он излагает способы, с помощью которых усмирялись восстания римлянами. Из подобных сопоставлений и справок выросли впоследствии «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Но во время своей служебной деятельности Макиавелли лишь урывками обращался к подобным работам: его занятия в канцелярии и постоянные поездки оставляли ему слишком мало свободного времени.

РОЛЬ ВО ВНУТРЕННЕМ УПРАВЛЕНИИ

Позже к его прежним обязанностям добавились новые, которым он предан с необыкновенным воодушевлением. Давно уже он пришел к убеждению, что для каждого государства необходимы собственные войска. Он видел на практике во время войны Флоренции с Пизой, как мало можно полагаться на наемных солдат. Он считал бедствием итальянских государств отсутствие в них организованных войск, набранных из среды граждан и оду-

шевленных любовью к родине. Устроить во Флоренции собственную милицию — было его мечтой. В 1505 году ему удалось, наконец, убедить свое правительство решиться на этот шаг; и лишь только сделаны были необходимые распоряжения, как Макиавелли спешит привести их в исполнение. Он вырабатывает план военной организации, разъезжает по флорентийской области, набирает солдат, закупает оружие, выказывает редкую энергию в исполнении плана, который казался ему столь полезным для государства. Его преданность общему делу выступает здесь в самых ярких и симпатичных чертах. Макиавелли находился в самом деятельном периоде своей службы Флоренции, когда новый переворот в государстве ниспровергнул республиканское правительство с гонфалоньером Содерини во главе. В 1512 году Медичи возвратились к власти и, не изменяя старых форм, на деле овладели всеми нитями государственного управления. Макиавелли, как деятельный член старого правительства, казался опасным новым правителям и был отрешен от всех своих должностей. Но его ожидали еще большие несчастья. Вскоре после возвращения Медичи во Флоренцию два флорентийских юноши, Босколи и Каттони, задумали освободить свое отечество от их владычества. Они составили список лиц, на сочувствие которых рассчитывали, и в число других включили Макиавелли. Случайно этот список попал в руки правительства, которое заподозрило организованный заговор и арестовало предполагаемых участников его. Вместе с другими пострадал и Макиавелли; он был заключен в тюрьму и подвергнут пытке, но от него ничего не могли добиться и отпустили на свободу. После всех этих испытаний он удалился в свое имение, в котором прожил несколько лет в вынужденном уединении. Он старался заниматься хозяйством, углубился в изучение классиков, но жажда привычной деятельности не покидала его. Он ищет возможности возвратиться во Флоренцию и снова поступить на службу. План этот казался ему осуществимым: многие из его прежних товарищей, служивших прежде республике, сохранили свои места и при Медичи, которые в общем управляли мягко, не прибегая к крутым переменам. Потребность служить государству побеждала в Макиавелли всякие иные соображения. Но все его искания долго оставались безуспешными. Только под конец своей жизни ему пришлось еще выполнить по просьбе Медичи несколько поручений, впрочем неважных. Но этот невольный покой, которым так тяготился Макиавелли, дал ему возможность предаться литературным занятиям и написать те произведения, которые обессмертили его имя. Поселившись в деревне, он вскоре принялся за свои поли-

тические трактаты. Позже он написал «Историю Флоренции» и несколько менее значительных произведений в прозе и стихах.

БЛАГО ГОСУДАРСТВА

Слава Макиавелли как писателя по преимуществу основывается на его политических сочинениях. Из-за них он подвергался таким суровым осуждениям со стороны одних и преувеличенным похвалам со стороны других; в них содержались начала того, что впоследствии называли макиавеллизмом. Из двух главнейших политических трактатов Макиавелли более замечателен тот, который менее известен. «Князь», несомненно, более блестящее с внешней стороны произведение, более определенное по предмету и более систематическое по изложению; но только в «Рассуждениях о Тите Ливии» можно найти полное выражение взглядов Макиавелли и вместе с тем ключ к пониманию «Князя», исходные положения которого находятся уже в «Рассуждениях», освещенные притом связью с другими воззрениями автора. В общем оба трактата не представляют собой чисто теоретических исследований. Макиавелли слишком долго был практиком и слишком много думал о текущей действительности, чтобы не внести в свою литературную работу живых запросов времени. Он изучает римскую историю для того, чтобы почерпнуть из нее наизидание для современников. Он рассматривает различные политические вопросы, но более всего останавливается на тех, которые имеют значение для его страны. Его живой связью с современностью объясняется и главная проблема, около которой вращаются все его интересы. В то время, когда жил Макиавелли, насущной потребностью Италии было образование крепкого государственного порядка. Соперничество итальянских государств между собой, вражда партий в пределах каждого отдельного города, неистовства мелких тиранов, вмешательство Церкви в светские дела и беспрестанные вторжения соседних держав — все это держало Италию в состоянии постоянной борьбы. В то время не было вопроса более жизненного, как тот, который поставил себе Макиавелли, когда он задался целью исследовать причины упадка и сохранения государств. Средневековые политики сосредоточивали все свое внимание на вопросе об отношении двух властей: духовной и светской. Для Макиавелли это вопрос настолько далекий, что он и не упоминает о нем. Первенство государственной власти для него несомненно; он ненавидит папство и считает его причиной гибели Италии. Все его помыслы устремлены на созда-

ние крепкого государства. Макиавелли не лучшего мнения о человеческой природе, чем средневековая Церковь. Он не верит в человека и в прочность его нравственных стремлений. Он думает, что в людях преобладают дурные влечения, что все действия их направляются пороком. Но он далек от веры Средних веков в воспитательную миссию Церкви. Он жил в веке Александра VI, видел пороки итальянского общества, видел пороки самого папства. Но тем с большей силой он готов был верить, что государство может воздерживать людей от зла и направлять их к лучшим стремлениям. В особенности для Италии крепкая государственная власть являлась, в его глазах, единственным спасением. Но отрешение Макиавелли от средневековых воззрений идет и далее того: для него государство вообще является пределом человеческих стремлений, а служение государственному благу — высшим счастьем для человека. Он боготворит государство, как древний римлянин или грек, и вне его ничего не знает. Он хвалит тех, кто любит свое отечество более, чем спасение души. Он готов жертвовать для блага государства всем: и благом отдельных лиц, и даже нравственными соображениями.

РАССУЖДЕНИЯ О ТИТЕ ЛИВИИ

Это были чувства и мысли человека, долго и самоотверженно служившего своему отечеству, и притом воспитанного на древних образцах. Понятно поэтому, какую важность имел в его глазах вопрос о сохранении государства. Этот коренной для Макиавелли вопрос развивается в двух его трактатах в совершенно различных направлениях. В «Рассуждениях о Тите Ливии», отправляясь от рассказа римского историка, Макиавелли исследует средства, с помощью которых поддерживаются республики. По замыслу Макиавелли — это трактат о политическом искусстве римлян, с помощью которого они достигли своего величия. В «Князе» Макиавелли показывает, как охраняется государственный строй в княжествах; здесь имеются в виду меры, посредством которых государственный порядок может быть водворен в Италии. В «Рассуждениях о Тите Ливии» перед нами раскрывается политический идеал Макиавелли. К итальянской действительности он относится с глубокой скорбью патриота, видящего свое отечество на краю гибели. Но тем более преклонялся он перед государственным величием Рима, в котором он видел живое воплощение гражданских доблестей и политической мудрости. Его идеал — Рим, и притом Рим республиканский,

покоривший весь мир. Лучшего образца невозможно и придумать. «А между тем, — говорит Макиавелли, — политики никогда не обращаются за поучением к истории древних; обыкновенно считают трудным и даже невозможным подражать великим примерам прошлого. Как будто бы люди не остались все те же, подобно небу, солнцу и стихиям!» Разъяснить на исторических примерах истинный дух римлян, который создал их славу и величие, и внушить этот дух своим современникам — такова была задача, которую поставил себе Макиавелли в «Рассуждениях о Тите Ливии». Объяснение политических успехов римлян он прежде всего видит в совершенстве их учреждений. Они сумели установить у себя республиканские формы и допустить народ к участию в управлении; а в этом и заключается залог государственного единства и необходимое условие для распространения владычества на другие страны. Главное, что укрепляет мощь государства, это внимание к общей пользе, вызывающее расположение граждан к правительству; а это всего скорее может быть достигнуто в республиках. При завоевании надо опираться на народные массы, но для этого надо привлечь их к участию в управлении. В отзываются Макиавелли о преимуществах римского строя слышится голос гражданина Флорентийской республики, расположенного к свободным формам государственной жизни. Макиавелли — несомненный сторонник народного правления; но он не считает его пригодным для всех времен. Как разъясняет он в «Рассуждениях», для установления порядка в новом государстве или для осуществления важных реформ гораздо более успешно монархическое управление. Притом же для прочности республиканских учреждений необходима доблесть граждан, а она встречается не везде. Римляне сумели сохранить добрые нравы и этим надолго обеспечили у себя прочный государственный порядок и свободные учреждения. Умеренность, благоразумие и мужество граждан, энергия и преданность общему делу должностных лиц, постоянный надзор за всем государственных учреждений — все это обуславливало здесь правильное течение народной жизни. Макиавелли рассматривает подробно и внешнюю политику римлян, с помощью которой они сумели распространить свое владычество на весь мир. Тайну их завоевательных успехов он видит в их умении обращаться с покоренными народами. Они умели привлечь к себе побежденных в качестве союзников, оставляли им самоуправление, хотя и утверждали над ними свое главенство. Таким образом, владея, они приобретали и новые силы. Спарта и Афины следовали другому способу: они хотели господствовать над побежденными силой; но в этом и заключалась причина их гибели.

ли. Невозможно удержать в повиновении народ, особенно привыкший к свободе, при помощи одного оружия. Макиавелли ставит в пример и военное искусство римлян, их умение организовать войска и вести войны. Во всех этих отношениях они дали лучшие примеры, выше которых история ничего не знает. Везде умели они избирать лучшие пути и везде имели успех, и притом благодаря своим доблестям, а не случайной удаче. Излагая политические приемы римлян, Макиавелли сопоставляет их с приемами других народов, рассуждает, выводит общие правила. Таким образом, его рассуждения о римской истории превращаются в теорию политического искусства. Он говорит главным образом о республиках, но выясняет мимоходом и свой взгляд на княжества, их преимущества и недостатки. Над всем изложением господствует идея сильного государства, умеющего сохранить внутренний порядок и распространить свое могущество. Эта идея, которой Макиавелли был фанатическим поклонником, казалась ему воплотившеюся в древнем республиканском Риме; отсюда его преклонение перед римской историей. Но времена римской славы кажутся ему столь же великими, сколько далекими. Оглядываясь вокруг, он видел общество развращенное и лишенное гражданских доблестей; он видел Италию, разъединенную и слабую, страдающую под игом варваров. Не о поддержании упроченного порядка приходилось здесь думать, а об установлении его вновь. Свое отношение к действительности и к задачам своего времени Макиавелли ясно намечает уже в «Рассуждениях о Тите Ливии». Всякий раз, когда приходится ему сопоставлять Древний Рим и современную Италию, он со скорбью отмечает глубокое различие между прошлым и настоящим. Там — величие, гражданская доблесть, строгие нравы; здесь — бессилие, господство своекорыстных стремлений, порок. Разъясняя причину этого различия, причину упадка Италии, Макиавелли во всем винит католическую Церковь. Вместо того, чтобы сохранить в чистоте заветы христианской религии, она сама подавала пример безнравственности. Ей обязаны итальянцы утратой религиозного духа и нравственных стремлений. Она старалась поддерживать разъединение в стране и таким образом привела ее к гибели. Государство не может пользоваться единством и счастьем, если оно не подчинено одному правительству; а римская Церковь, сама не будучи в силах стать во главе всей Италии, была, однако, достаточно для того, чтобы поддерживать в ней разделение. Из опасения потерять свою светскую власть всякий раз, когда являлась возможность объединения Италии под чьим-нибудь владычеством, она призывала иноземцев и разрушала планы тех, кто мог приобрести власть

над всей страной. Отсюда произошла политическая слабость Италии, делающая из нее легкую добычу не только для могущественных государств, но и для всякого, кто тешится на нее напасть. Таким образом, Макиавелли видит в католической Церкви врага государственного единства Италии, и потому сам становится ее решительным врагом. Но с точки зрения своего идеала — идеала могущественного светского государства, он готов иногда нападать на самую христианскую религию. Приучив людей к смирению, к пренебрежению земными благами, она сделала то, что мир стал добычей злых, беспрепятственно господствующих над добрыми, которые из стремления спасти душу более склонны терпеть зло, чем мстить за него. Она расшатала государственный порядок и ослабила в людях привязанности к мирским почестям и к государственному служению. Языческая религия, напротив, воспитывала в гражданах мужественные добродетели, приучала их любить отечество и выше всего ставить служение государству. Поэтому Макиавелли готов почти отдать ей предпочтение перед христианской. Здесь увлечение древностью и отрицание всего средневекового достигает у Макиавелли высших пределов. Одностороннее стремление освободить государственное начало от всяких стеснительных влияний приводит его к самым крайним последствиям.

КНЯЗЬ

Итак, все бедствия Италии, анархия, господствующая в ней, есть наследие Средних веков. Но как же помочь злу? Как выйти из этого бедственного положения? Как собрать рассыпавшиеся части государственного строения? Пути и средства для этого Макиавелли также намечает в «Рассуждениях о Тите Ливии». Размышляя о способах восстановления государственного порядка среди испорченных народов, он высказывает мысль, что такую задачу может выполнить только князь. Трудно государству сохранить свободные учреждения, если в гражданах нет добродетели, если лица знатные стремятся властвовать над народом и угнетать его. Только власть монарха может смирить дворян, обуздать народ и установить в государстве единство и мир. Но для этого необходимы решительные меры. Когда дело идет о спасении государства, нечего думать о том, справедлив или несправедлив, кроток или жесток, похвален или позорен известный образ действий; но надо отбросить в сторону всякие колебания, схватиться за те средства, которые могут помочь в данном слу-

чае. Макиавелли считал это необходимым и для республики; он хвалил римлян за то, что они избегали полумер. Но с еще большей резкостью подчеркивает он необходимость не стесняться в средствах в применении к княжествам. Мысли свои о княжествах Макиавелли изложил в особом трактате, за который он принялся еще прежде, чем окончил свои «Рассуждения о Тите Ливии». В то время в Италии приобрела большое значение фамилия Медичи благодаря избранию одного из ее членов на папский престол. Родственники пап часто делались владетельными князьями. Предполагалось и теперь для брата папы Юлия создать особое княжество из некоторых городов Средней Италии или дать ему королевство Неаполитанское. Быть может, это послужило для Макиавелли внешним поводом поспешить с изложением своих взглядов на природу княжеской власти. Он думал, что его долгий политический опыт может быть полезен новому князю. Он жаждал стать его руководителем, внушить ему свои планы и мечты. С этой целью он пишет своего «Князя», дает советы, указывает пути и заканчивает трактат вдохновенным призывом к Медичи спасти Италию от ига варваров. Макиавелли разбирает различные виды княжеств: но всего более он останавливается на тех княжествах, которые приобретаются вновь. В наследственных княжествах легко сохранить власть: стоит только не нарушать установленного порядка. Напротив, новому князю предстоят всяческие затруднения. Указать средства к устранению этих затруднений служит главной задачей «Князя». При разрешении этой задачи Макиавелли берет иногда примеры из древней истории; но главный материал доставляет ему современная итальянская действительность, которая была эпохой новых княжеств. При отсутствии твердой государственной власти в Италии, при слабости мелких политических тел, истощаемых притом внутренней борьбой партий, политические захваты были явлением времени. С помощью наемных войск или посторонней поддержки нетрудно было основать новое княжество, и такие княжества возникали одно за другим. Макиавелли сам видел таких князей и мог изучить их политику путем собственных наблюдений. Все эти наблюдения и воспоминания он изложил в своем «Князе» и, таким образом, дал верное изображение тирана, каким создала его эпоха Возрождения. Князь Макиавелли, подобно князю этой эпохи, неразборчив в средствах. Он не удерживается перед жестокостями, не стыдится обмана, господствует при помощи силы и коварства. Князю, в особенности новому, — так рассуждает Макиавелли, — нельзя удержаться при помощи одних законных средств, недостаточно и одной открытой силы; для того чтобы не

попасть в западню, нужна хитрость и предусмотрительность. Князь должен быть сильным, как лев, и хитрым, как лисица. Он должен держать свое слово только тогда, когда это выгодно, и вообще вести себя сообразно с обстоятельствами. Иногда он должен действовать против всякого человеколюбия, милосердия и даже религии. С виду, однако, он всегда должен казаться добродетельным. Большинство, которое судит по внешности, этому поверит; а мнение меньшинства не имеет значения. В объяснение необходимости держаться таких правил Макиавелли постоянно повторяет, что нельзя оставаться на пути добродетели среди стольких людей, которые склонны поступать иначе. Если князь будет обращать внимание на то, что должно быть, а не на то, что есть в действительности, он погибнет сам и погубит свое государство. Мы видели не раз, замечает Макиавелли, как князья, прибегавшие к хитрости, одерживали верх над теми, которые хотели руководиться в своих действиях требованиями законности.

ЦЕЗАРЬ БОРДЖИА

Все свои наставления Макиавелли излагает с цинической откровенностью, которая поражает читателя. Было бы, однако, несправедливо утверждать, как делали это иногда, что Макиавелли хотел рекомендовать свои правила людям в их частных отношениях. Он обращается со своими советами исключительно к государям и имеет в виду только область политики, о ней рассуждает так, как будто бы предписания морали были здесь совершенно неприменимы. Свои советы Макиавелли подкрепляет примерами из действительной жизни, входя иногда в подробный разбор политики отдельных государей. Для нас достаточно будет воспользоваться одним из этих примеров, который может послужить прекрасной иллюстрацией и политических приемов эпохи, и взглядов нашего писателя. Пример этот особенно ценится и самим Макиавелли. Мы разумеем здесь деятельность Цезаря Борджиа, характеристике которой посвящена целая глава трактата. Еще в своих посольских донесениях, в которых Макиавелли сообщал свои впечатления во время пребывания у герцога, он отзывался с большой похвалой о его политической мудрости. Тогда еще он удивлялся искусству Цезаря выполнять свои политические планы и его необыкновенной решительности, с помощью которой он побеждает все препятствия. С тех пор Макиавелли часто вспоминает в своих письмах герцога, всякий раз

ставя его в пример новым князьям. Он, конечно, не забыл рассказать о его деятельности и в «Князе». Он подробно описал здесь средства, с помощью которых Цезарь Борджиа, не владея сначала ничем, сумел образовать себе целое государство и установить в нем порядок и мир. Стремясь к этому, не пренебрегал ничем, что только должен делать мудрый и ловкий человек для укрепления своей власти. Достигнув своего положения при поддержке папы и при помощи союзных войск, он постарался потом приобрести собственную силу, на которую можно было бы опираться в дальнейших действиях. Путем подарков и почестей он привлек к себе много приверженцев; врагов же своих он истребил, причем, когда нужно было, прибегал к хитрости. Так, например, наиболее опасных своих соперников он заманил к себе под предлогом переговоров, уверивши предварительно в своей дружбе, и всех их убил. Совершая завоевания, он из предосторожности истреблял даже потомство тех, у которых отнимал владения, чтобы обезопасить себя на будущее время. Народ он умел расположить к себе хорошим управлением. Когда требовались жестокие меры, он не останавливался и перед ними; но старался показать вид, что они исходят не от него, а от его подчиненных, которым приходилось выполнять его планы. Иногда, после того как главное уже было сделано, он выдавал даже своих слуг народу, чтобы успокоить раздраженных. Так рисует Макиавелли деятельность Цезаря Борджиа. Свой рассказ он заканчивает следующими характерными словами: «...рассматривая все поведение герцога, я не могу его ни в чем упрекнуть; напротив, мне кажется, что его можно поставить в пример всем, которые достигнут власти при помощи счастья и чужого оружия. Имея высокую душу и великие цели, он не мог действовать иначе». Здесь с яркостью выступает основное воззрение Макиавелли: он смотрит на Цезаря как на мудрого правителя, стремившегося к установлению твердого государственного порядка, и потому во всей его жестокости и безнравственной политике видит лишь проявление решительности, проицательности и ловкости; где преследуются политические цели, там все средства кажутся ему дозволенными.

МАКИАВЕЛЛИЗМ

В этом подчинении средств целям, в этом отделении политики от нравственности заключается самая характерная черта политических приемов, рекомендуемых Макиавелли. Но было бы совершенно ошибочно считать Макиавелли изобретателем этой

системы. Из одних ссылок его на современную политическую практику можно видеть, что было в действительности. Не раз уже было замечено, что макиавеллизм существовал ранее Макиавелли. Политика, изображенная в «Князе», являлась прямым последствием тех условий, при которых возникали новые княжества. Появление тирании появлялось в то время легко; но существование их было подвержено неисчислимым опасностям. Тирану приходилось считаться с недовольными среди своих подданных, быть готовым к нападению соседей и опасаться даже среди членов своей семьи честолюбивых замыслов на свой престол. Он жил в постоянной опасности заговоров, возмущений и войн. Все это вырабатывало характеры подозрительные и жестокие — политиков, которые везде видели врагов и старались предупреждать чужие козни при помощи собственного коварства. Но и старые республиканские государства Италии вынуждаемы были идти по этому же пути. Вокруг них возникали новые политические тела, а вместе с тем являлись и новые опасности для их существования. Чтобы не погибнуть в борьбе с соседями, они должны были увеличивать свои силы, старались приобретать новые владения и по необходимости втягивались во все опасности внешней политики с ее сомнительными путями и средствами. Сами папы, оберегая свою светскую власть, не отставали от других в политике вероломства и насилия. Везде усиление государственного могущества становилось главной заботой правителей. Но в этой атмосфере постоянных опасностей и крайне запутанных политических отношений к нему привыкли стремиться при помощи таких мер, в которых отрицалась всякая нравственность. Если попытки удавались, они вели иногда к созданию государства нового типа с крепкой центральной властью, восстанавливавшей порядок, поддерживавшей правосудие. Но всего чаще подобные меры служили своекорыстной политике честолюбцев, жаждавших власти. Укрепив свой престол при помощи обманов и жестокостей, они погибали обыкновенно в сетях, расставленных ими самими, разорив и обессилив своих подданных. Но не для этих тиранов в худшем смысле слова давал свои советы Макиавелли. Не к разрушению, а к созиданию призывал он своего князя. Не мелким льстецом властителей с сомнительными целями хотел он быть, а советником князей — устроителей своего государства. Он с негодованием говорит о тех тиранах, которые более грабят своих подданных, чем управляют ими. Он всегда ставит на первый план мощь и силу самого государственного союза; его постоянной заботой является укрепление государственного порядка. Живя среди развращенного общества и видя общий политический упадок

Италии, он ждал осуществления этих задач только от энергичного реформатора, который поймет нужды страны и сумеет объединить вокруг себя ее силы. Он горячо верит в возможность этого дела и хочет убедить в этом других. Не возникали ли вокруг него государства при помощи личной энергии предприимчивых людей? Следует только не останавливаться перед затруднениями, но прямо и решительно идти к цели. И вот Макиавелли, проникнутый этой мыслью, зовет своего князя к реформам, которые передавались жизнью, зовет его прекратить грабежи и убийства в Ломбардии, установить порядок в Неаполе и Тоскани, залечить застарелые раны Италии и спасти ее, почти умирающую, от неистовства варваров. Его речь проникается при этом редким одушевлением, хитрый дипломат, возмущавший наше нравственное чувство, уступает здесь место пламенному патриоту, привлекающему наши симпатии.

Макиавелли обращал свой призыв к Медичи. Когда умер Юлий, он посвятил свою книгу Лоренцо; но на нее не обратили внимания, и его план объединения Италии для изгнания иноземцев остался мечтой. Однако сочинения его, и особенно трактат о княжеской политике, вскоре получили большую известность. Их читали, комментировали на все лады, критиковали, переводили на иностранные языки. Макиавелли вскоре нашел и суровых судей, и горячих поклонников. Ближайшие противники Макиавелли упрекали его обыкновенно в равнодушии к требованиям нравственности, причем, в пылу полемики, возводили на него самые тяжкие и незаслуженные обвинения, выставляя его как разрушителя всех нравственных основ, преследовавшего мелкие цели угодничества тиранам. С тех пор суждения о великом итальянском писателе значительно смягчились. Клеймо низкого льстеца тиранов и изобретателя системы политического коварства давно уже снято с памяти Макиавелли. Его пламенный патриотизм, его преданность общему благу, его ясное представление о задачах итальянской политики и его искреннее желание подготовить лучшее будущее своему отечеству — все, чем он так выгодно отличался от своих современников, давно уже нашли себе справедливую оценку. Но никакие панегирики, никакие превознесения заслуг писателя, никакие указания на продолжающуюся до сих пор практику макиавеллизма не могли заставить забыть, что Макиавелли пытался учить политике, которая являлась печальной необходимостью смутного времени, не признававшего еще значения нравственных начал и не верившего в силу добра.

Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ

Политическое миросозерцание эпохи Возрождения

Философия права Нового времени зародилась и выросла в борьбе с богословским миросозерцанием Средних веков. Богословие в средние века не было только отраслью знания. Оно рассматривалось как истина всего человеческого знания. Богословы-схоластики не довольствовались ролью учителей веры; они брались за вопросы физики и космографии; они строили на текстах Св. Писания учения о мирском обществе и государстве; для них Откровение было нормой не только церковной жизни, но и порядка мирского, светского.

Философия, согласно ходячей средневековой формуле, считается рабой богословия¹, и это рабское ее положение есть лишь частное проявление того всеобщего закрепощения человека и человечества, которое характеризует собой средневековый строй. Вдохновляясь идеалом Церкви как всемирного божественного царствия, средневековый католицизм хочет сделать откровение всеобщей принудительной нормой человеческих отношений. По толкованию Августина, — отца и родоначальника латинского христианства, — принуждение, насилие лежит в основе отношения Бога к человеку; это видно из притчи о домохозяине, который, посылая раба созвать гостей на брачный пир, говорит ему: *принуждай их войти*² (*compelle intrare*); это доказывается примером апостола Павла³, который, по выражению того же Августина, был вынужден к вере телесным наказанием. Поверженный на землю и ослепленный, он был привлечен к божественному царствию «великим насилием Христа».

Человек ослепленный, поверженный ниц перед божественной силой — таково типическое олицетворение средневекового настроения. Следуя программе Августина и его неверному толко-

ванию евангельской притчи, средневековый католицизм хочет устроить некоторого рода насильственный брак между землей и небом, между человечеством и небесным женихом. Человек в средневековом мировоззрении представляется или автоматом небесной благодати, которая насильственным образом двигает его изнутри к его вечной загробной цели, или рабом церковного авторитета, который закрепощает его извне рядом внешних предписаний, предопределяющих каждый шаг его деятельности.

Западная Церковь в Средние века представляет собой не только религиозное единство, но вместе с тем и всемирный правовой идеал. С точки зрения этого идеала человек не есть цель в себе и для себя. Невольный гость в божественном пире — он не более как средство, орудие всемирной теократии. Отдельные лица и человеческие общества имеют право на существование лишь в качестве архитектурного материала, из коего слагается всемирное церковное здание. Все, что находится вне церковной ограды, — всякое самостоятельное человеческое общество, — клеймится с этой клерикальной точки зрения как царство дьявола или как разбойничье общество. Католицизм Средних веков знает лишь два возможных отношения Церкви к внешнему ей человечеству: крестовый поход или проклятие. Это — темная масса осужденных, которые должны самую гибельную свою службу посвятить обнаружению правосудия Божия. Как темный фон в картине всемирной истории, эти сосуды гнева предназначены к тому, чтобы оттенить собою торжество воинствующей Церкви.

Задача мирского общества и государства, с точки зрения ортодоксально-церковной схоластики, заключается в том, чтобы служить орудием в руках Церкви, вести вооруженную борьбу против врагов божеского Царства. В учении Фомы Аквинского, где философско-политическая мысль Средних веков достигает апогея своего развития, монархия признается наилучшей формой правления для мирского общества. В единстве монархической власти отражается единство божественной власти, господствующей в мироздании. В качестве органа божественного мироправления царь, как Провидение, помышляет о своих подданных. Как священник, он заботится о спасении их душ, и, как Бог — он создает их земное благополучие. Но над множеством царей-священников, как Бог богов, возвышается единый первосвященник — царь, который господствует над светскими властителями, как душа над телом. Человеческое общество, каким оно представлялось Фоме Аквинскому, можно сравнить с готическим храмом. Это высокая пирамида, которая кверху заостряется во множестве вершин. Но над целым зданием, как готический шпиль, возвыша-

ется и господствует единая вершина — папская власть. Против папских притязаний уже в Средние века раздаются голоса защитников светской власти. Но и эти апологеты мирского начала, за немногими исключениями, строят государства на теократической основе, подчиняя его загробной цели божеского Царства. В политическом миросозерцании Средних веков все отношения перепутаны. Здесь пастырь вооружен светским мечом; выражаясь языком Августина — он «бичом возвращает в стадо заблудших овец». С другой стороны, светские князья становятся как бы членами церковной иерархии и ведут своих подданных к спасению. Согласно изречению папы Иннокентия III, которое могло бы послужить типическим лозунгом Средних веков, Христос в Новом Завете устроил власти так, чтобы царство облеклось в священство, а священство стало царским (*ut sacerdotale sit regnum et sacerdotium regale*).

В средневековой схоластике философия и юриспруденция железной цепью прикованы к богословию. Первый акт новой мысли в эпоху Возрождения есть разрыв этой цепи, протест против насильственного соединения земного с Божественным. Рассекая небо и землю, она хочет утвердить на земле господство человека. Он восстает против насильственного закрепощения мирского общества трансцендентной загробной цели и вместо Града Божия хочет воздвигнуть царство человека.

Переворот этот был подготовлен последним периодом самой схоластики. Для средневекового богословия начиная от Августина и до конца XIII века — истина веры была вместе с тем и истиной разума. «Обязанность философии заключается в том, чтобы давать доказательства истинности христианской веры», — говорил умерший в 1292 году философ Роджер Бэкон. Схоластика этого периода была убеждена в предустановленном согласии между Откровением и естественным разумом человека. Этим объясняется высокий авторитет древних философов — Платона и Аристотеля в Средние века. Чтобы установить свое основное предположение, схоластика силилась доказать тождество учений великих философов древности, в которых открылась сила естественного разума, с учением Церкви; до XIII века главным авторитетом служил Платон, а с XIII века средневековые мыслители пытаются представить учение Аристотеля как ортодоксально-церковное. Само собой разумеется, что такого рода предприятие было насилием как над верой, так и над разумом. Вливая вино новое в мехи старые, схоластика кончила тем, что разорвала мехи.

В конце XIII века в ней начинается процесс внутреннего разложения. Философы-номиналисты⁴ убеждаются в том, что разум — опасный союзник для клерикальных учений, и пытаются оградить веру от его вторжений. Они разграничивают область откровения от области разума; содержание откровения с этой новой точки зрения составляет порядок сверхъестественный, который не может быть понят, ни доказан разумом; содержание разумного познания, напротив, составляет естественный порядок; в основе веры лежит авторитет; в основе познания, напротив, — чувственный опыт, из коего разум черпает свои понятия о существующем. В этом разграничении двух областей выразилось разложение философского мировоззрения Средних веков. Силу схоластики составляло именно строгое единство системы; в этой системе человек и его разум являлся в роли подчиненного звена в иерархической лестнице существ. Теперь сознание средневекового человечества начинает двоиться. Разум и вера представляются уже как две чуждые друг другу, самостоятельные области, из коих каждая управляется своими особыми законами и своим особым критерием. Известный философ Дунс Скотт сказал, что истинное для философа может быть неистинным для богослова. Последствия такого раздвоения не замедлили сказаться и в политическом мировоззрении. Если порядок сверхъестественный и естественный суть две чуждые друг другу сферы, то Церковь и государство точно так же суть две строго разграниченные и независимые области, из коих каждая преследует свои самостоятельные задачи и цели: в области Церкви господствует вера, в области государства нераздельно царствует разум; государство управляется своими особыми законами, и государственное право не имеет ничего общего с правом каноническим. К такому результату приходит Вильгельм Оккам — продолжатель и последователь Дунса Скотта.

Договорившись до учения о двойственной истине, уже трудно было остановиться на полдороге. Желая оградить веру от разумного исследования, номиналистическая схоластика пустила на волю человеческий разум. Представляя религию и Церковь как абсолютно внешний и чуждый человеку механизм — она тем самым освободила человека от религии и Церкви, вызвав мирскую реакцию. Почувствовав свою силу, человеческий разум хочет быть свободным; утомленный коленопреклоненной позой, человек эпохи Возрождения выпрямляется во весь рост и сбрасывает с себя узду авторитета.

На место идеала теократического становится идеал земной — гуманистический. В своем стремлении обосновать новую, свет-

скую культуру, мыслители XV и XVI веков заменяют культ Божества поклонением человечеству; от почитания святых и мучеников они обращаются к культу героев человеческой мысли. Образцом этой новой, человеческой культуры для мыслителей занимающей нас эпохи представляется древний мир. Построенное на чисто светских началах, чуждое противоположности Церкви и государства, древнее общество становится средоточием всех симпатий и интересов. Возобновление, возрождение древности служит лозунгом эпохи, вследствие чего она и называется эпохой Возрождения.

Еще недавно было принято считать начало эпохи Возрождения с 1453 года, когда вследствие взятия Константинополя турками, в Италию хлынули эмигрировавшие греческие ученые. Представители византийской науки, согласно этому воззрению, впервые познакомили итальянских ученых с древними мыслителями в оригинальном, греческом тексте, впервые натолкнули итальянцев на беспристрастное их изучение, чуждое схоластических предубеждений. Но это слишком поверхностное воззрение в настоящее время можно считать оставленным. Эмиграция греческих ученых действительно послужила сильным толчком к изучению древности, но интерес к такому изучению пробудился несравненно раньше; все великие поэты Италии — Данте, Петрарка, Боккаччо, — прошли школу древности независимо от какого бы то ни было византийского влияния. Поклонение древности в Италии коренится не в каком-либо случайном и внешнем влиянии, а в глубокой внутренней симпатии. Для Италии Возрождение древности есть прежде всего возобновление самостоятельной итальянской национальности и культуры, восстановление преданий Древнего Рима. Говоря словами Куно Фишера, Италия прославляет в древнем мире самое себя, собственное свое славное прошедшее.

Обращаясь к изучению древних мыслителей, итальянские гуманисты прежде всего восстанавливают Платона и Аристотеля в их истинном виде, освобождая их от схоластического искажения; в особенности важным приобретением представляется ознакомление с Аристотелем. Характеристическая черта учения Аристотеля, в противоположность его учителю — Платону, — есть отрицание индивидуального бессмертия человеческой души и вообще загробной действительности. Душа есть лишь органический принцип, форма, временно одухотворяющая наше тело; как такая она не может существовать отдельно от тела и умирает вместе с ним. Нет другой действительности, кроме земной действительности, и человек не имеет иной жизни, кроме земной,

телесной жизни. С этим связан этический и политический идеал великого мыслителя древности. Цель человека не на небе, а на земле. Соответственно с этим и идеальное государство Аристотеля не думает о будущей вечной жизни своих граждан; заботясь единственно о земном их благополучии, оно учит их пользоваться настоящим, стремясь лишь к равномерному и справедливому распределению земных благ, то есть политических прав и материального благосостояния.

К великому торжеству философов новой формации — Аристотель оказывается не другом, а врагом средневекового мировоззрения. Вырвав Аристотеля из рук богословов, они подкрепляют собственное свое учение его авторитетом. Связывая с его именем гуманистическую проповедь земного, человеческого царства, они поражают схоластику ее же оружием.

Знакомство с подвижниками древней мысли укрепляет веру в силу и мощь человеческого разума. Но человечество эпохи Возрождения познает и испытует эту силу не только в памятниках древнего величия; она открывается ему в ряде современных ему явлений. Во второй половине XV и в начале XVI столетий сосредоточивается ряд великих открытий и изобретений. Васко да Гама объезжает Африку и открывает морской путь в Индию, Колумб открывает Америку, Магеллан совершает первое кругосветное путешествие, доказывая наглядным образом шарообразную форму Земли. Спустившись с заоблачной высоты, человек-царь объезжает свои земные владения и всюду открывает бесконечный простор для своей деятельности. Но триумфальное шествие человеческого разума не ограничивается земной планетой; вооружаясь телескопом, астрономия проникает в тайны тверди небесной, открывая в ней бесконечные миры. Коперник наносит сокрушительный удар господствовавшей до тех пор геоцентрической системе, доказывая вращение Земли вокруг Солнца. Великим открытиям сопутствуют великие изобретения, в числе коих достаточно назвать изобретение компаса, пороха — ряд могущественных орудий, коими упрочивается владычество человека на земной планете — и, наконец, изобретение книгопечатания, коим создается возможность необъятного распространения человеческой мысли. Кругозор новой мысли раздвигается вширь и ввысь; исторические и филологические изыскания делают человека хозяином прошедшего, а физико-математические науки делают его господином настоящего. Испытав силу свободного исследования, философия уже не довольствуется скромной ролью служанки богословия; философия стремится к обоснованию свободного, самостоятельного знания; и параллельно с этим — по-

литическая наука вдохновляется идеалом свободного, самостоятельного человеческого общества.

Первым представителем этого нового течения в области политической мысли является Макиавелли. Его идеал есть политическое возрождение Италии. Раздробленная на множество мелких государств, Италия в эпоху Макиавелли переживает как бы хроническую болезнь междоусобия. Ожесточенная борьба между отдельными государствами, соперничество партий внутри каждого из них, кровопролитная борьба между аристократией и демократией, между республикой и тиранией — таково политическое состояние родины Макиавелли. Пользуясь этим хаотическим состоянием и внутренним раздором Италии, в нее вторгаются иностранные завоеватели; она издавна служит ареной борьбы между всевозможными нациями — между французами, немцами и испанцами. Обращаясь к исследованию причин этого плачевного состояния, Макиавелли усматривает главного виновника в римской Церкви и папстве. Обрушиваясь всеми силами на этого главного врага политического объединения Италии, он разражается грозной филиппикой против римского апостольского престола. Благосостояние и счастье каждой нации достигается лишь в политическом единстве, в едином управлении монархическом или республиканском. Между тем Церковь всегда поддерживает разделение на Аппенинском полуострове. Будучи владельческим князем в Италии, римский первосвященник никогда не имел достаточной силы мужества, чтобы объединить страну под своим владычеством. Но, с другой стороны, папы всегда располагали достаточными силами и союзниками против всякого другого князя, который захотел бы создать в Италии единое национальное государство и угрожал бы вторжением церковной области.

Будучи центром антинациональных стремлений и антипатриотической агитации, римский двор развратил своим присутствием политические нравы Италии. Погубив ее в государственном отношении, он вместе с тем рядом соблазнительных примеров подкопал в ней основы религии и нравственности. Красноречивым доказательством упадка религии в самом папстве служит тот факт, что народы, наиболее близкие к Риму — этой столице христианской религии — суть вместе с тем и наименее религиозные. Если бы римский двор перенесся в Швейцарию, страну с наиболее крепкими нравственными и гражданскими устоями, то и там в скором времени его присутствие сказалось бы в таких беспорядках, которые рождаются лишь из величайших народных бедствий.

Восставая против политического разврата римской курии, Макиавелли направляет острие своей полемики против аскетического элемента, составляющего основу и сущность теократического идеала Церкви. Аскетическая проповедь расслабила и размягчила человеческую породу, сделав ее негодной в политическом отношении. Указывая человеку спасение как единственную цель, она уменьшила в его глазах значение земных почестей и славы. Прославляя как святых людей смиренных, немощных мира сего, Церковь воспитала поколение людей дряблых, способных более к созерцанию, чем к деятельной жизни; полагая высшее благо в самоотречении, в презрении ко всему мирскому, она отвлекла праведников от земли, предоставляя мир злодеям и извергам.

Аскетическому идеалу Церкви Макиавелли противопоставляет идеал античного государства. Он хочет воскресить предания древнего языческого Рима и прославляет те самые политические доблести древних язычников, которые вся схоластика вслед за Августином клеймила как блестящие пороки. С этой целью Макиавелли пишет свой знаменитый трактат «Речи о первых десяти главах Тита Ливия» (*Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*). Макиавелли живет в веке поклонения памятникам древности. Обломки древних статуй, говорит он, покупаются на вес золота и служат образцами для нового искусства, которое воспитано на подражании антикам. Между тем, образцы политического искусства древних, их законодательство, администрация, их военное искусство служат лишь предметом холодного удивления и не побуждают людей к подражанию. Когда требуется обосновать государственный порядок, организовать правосудие или вести войну, то никто из государственных деятелей не следует примерам Рима или Греции.

В таком же пренебрежении находятся и политические доблести древних. Между тем у них в этом отношении есть чему поучиться, в особенности у римлян. Римляне не жертвовали землей для загробных целей, ставя выше всего на свете земную славу. Они воздавали божеские почести не святым, а героям, прославившимся подвигами на пользу отечества — великим правителям и полководцам. Они не изнуряли тело аскетическими упражнениями, а полагали высшее благо человека во всем том, что составляет величие его души и силу его тела. Они не расслабляли нервов, а воспитывали людей сурового закала — сильных и мужественных. Языческая религия с ее жертвами приучала людей к кровавым зрелищам; она служила хорошим педагогическим

средством, подготавливая государству граждан с крепкими нервами.

Если средневековая теократия рассматривала мирской порядок как средство для религиозных целей, то антитеократический идеал Макиавелли хочет наоборот — обратить религию в орудие государственной политики. Он не выбрасывает за борт христианства; он хочет, напротив, заставить его послужить государству, обратить его в некоторого рода полицейское учреждение.

Чтобы стать на высоту своей задачи, христианство должно научиться примерам языческих религий. Оно должно проповедовать любовь к земной родине и ставить людям в обязанность заботу о ее возвеличении. Если средневековый идеал превращает царей в святителей, то Макиавелли хочет сделать священников жандармами в рясах. Культ государства становится у него как бы новой религией, и этот культ нуждается в жрецах.

Жрецы в государстве служат могущественным охранительным устоем; ближайшим предвестником крушения государственного строя всегда и везде является упадок религии и культа. Поэтому первой заботой правителей должно служить поддержание существующих в каждой стране религиозных учреждений. Никакая мудрость правителя не в состоянии заменить страха перед Божеством, который один обуздывает и сдерживает массы, обеспечивая государству прочный порядок. Древние это понимали, и вот почему великие законодатели древности — Ликург, Солон и Нума Помпилий — старались представить свое законодательство как выражение воли самого Божества. И в наше время, говорит Макиавелли, монах Савонарола мог достигнуть верховной власти во Флоренции, лишь убедив флорентийцев в том, что он имеет сношения с Божеством. Был ли Савонарола действительно свыше вдохновленным пророком или обманщиком — не все ли равно? Он достиг своей цели, и этот практический результат его оправдывает.

Для Макиавелли безразличен вопрос о внутреннем существе веры. Он знает свой народ и дорожит лишь тем внешним декором религии, который ослепляет массы и сильно действует на воображение впечатлительных итальянцев. Прорицания и знамения, жертвоприношения и пышные церемонии — все это верные практические средства в руках искусного политика. Чтобы держаться на высоте власти, правитель должен ими пользоваться: каково бы ни было его внутреннее настроение, он должен всегда казаться набожным и благочестивым. Всеми этими средствами в Средние века пользовалась римская Церковь для утверждения своего господства. Но Церковь пришла в упадок; основы ее вла-

дычества распались. Чтобы нанести ей последний, сокрушительный удар, нужно поразить ее собственным ее же оружием и воспользоваться ее добром для создания земного благополучия человечества.

За невозможностью дать в рамках одной лекции подробное изложение и характеристику учения Макиавелли, я старался в этом своем вступительном чтении выдвинуть лишь те его черты, которые наиболее характеризуют противоположность Макиавелли средневековому мировоззрению. Средневековая эра политической мысли открывается Августином; родоначальником государственного идеала нового времени является Макиавелли. При совершенной противоположности в характере и направлении обоих мыслителей, в историческом положении того и другого существует некоторого рода внешняя аналогия. Оба стоят на рубеже двух миров, и на развалинах старины закладывают фундамент нового общества. Августин живет в веках падения Римской империи и переживает взятие Рима Аларихом. Из обломков разрушающегося здания языческой империи на его глазах вырастает новое строение — христианский католический Рим. Апологет совершающегося на его глазах переворота, он противопоставляет разрушающемуся римскому царству идеал вечного, нерукотворного Града Божия. Его принцип есть всемогущая благодать, которая вновь собирает воедино раздробленные члены общественного организма и воскрешает распадающееся общество для новой жизни.

Как во времена Августина Западная Римская империя, так и в эпоху Макиавелли — Италия есть страна обломков и развалин. Здесь, на развалинах древних языческих храмов, громоздятся обломки священной Римской империи Средних веков, остатки прежнего духовного величия средневекового папства. Но среди этих развалин при Макиавелли, как и при Августине, общество воскресает к новой жизни. Оба мыслителя переживают эпоху всемирного брожения; как Августин в эпоху великого переселения народов, так и Макиавелли в эпоху Возрождения имеет дело с хаосом центробежных сил, раздробленных и разрозненных. Подобно великому Отцу Церкви, отец политической мысли нового времени хочет собрать воедино эти разрозненные силы и связать их в крепкий общественный организм. Но здесь-то, именно на фоне этой внешней аналогии, между двумя мыслителями обнаруживается глубокое принципиальное различие, между ними и теми всемирно историческими эпохами, которые они собой олицетворяют.

Августин уповает во всесильную благодать, ждет от нее одной внутреннего объединения людей: одна благодать скрепляет и связывает; вне ее царствует раздор и анархия. Макиавелли, напротив, возлагает все свои надежды на человеческую мощь и видит в Церкви главную причину раздора; для него объединяющим началом служит всесильный разум человека. Августин прежде всего апологет церковного единства. Для Макиавелли высшей и безусловной целью служит единство государственное. Один хочет подчинение мирского начала Церкви, другой проповедует эксплуатацию религии ради мирских целей. Один полагает высшую цель деятельности в спасении души, между тем как для другого высшая норма есть *salus reipublicae*⁵. Августин проповедует международное царство Церкви, не связанное с какой-либо местностью или национальностью. Макиавелли, напротив, есть представитель возрождающегося итальянского национализма. Он первый из мыслителей нового времени высказывает идею государства национального, которое для достижения национальной цели жертвует всем, даже универсально-этическими принципами.

Представитель возрождающейся новой мысли отличается от людей средневековой формации всем складом своего ума, всем методом своего мышления. Мыслители Средних веков основывают свои политические системы не на наблюдении земной действительности, которая не представляет для них интереса: они *a priori* строят свой общественный идеал, подчиняя человеческое общество регламентации, идущей сверху. Отец политического мирозерцания нового времени, напротив, есть прежде всего экспериментальный политик. Его метод заключается в тщательном наблюдении и в усвоении накопленного веками опыта прошедшего. Вращаясь в разнообразных сферах общества, Макиавелли имел случай близко изучать его высшие и низшие слои; он одинаково знал простолюдина и вельмож, правителей и подданных, дипломатические сферы и сельские хижины; к тому же итальянские государства того времени с их разнообразным и подвижным политическим бытом, с их вечно меняющимися формами правления давали ему богатый материал для самых разносторонних наблюдений.

Поклонник древности, Макиавелли всего более сочувствует античному республиканскому идеалу. Однако наученный историческим опытом, он знает, что республиканский идеал применим не всегда и не везде, что для страны с развращенными политическими нравами свободные учреждения скорее губительны, чем полезны. В такой стране политическая свобода служит лишь элементом всеобщего раздора и анархии. Италия эпохи Возрожде-

ния находится именно в таком положении. При ожесточенной борьбе между необузданным своеволием масс и столь же необузданным честолюбием вельмож и мелких князьков-тиранов, при наличии внешнего врага, который пользуется раздором партий для своих завоевательных стремлений, — государственное единство не может возрасти на почве республиканских учреждений. Для объединения Италии требуется облеченный неограниченной властью диктатор.

Макиавелли это чувствует и ждет совершения великого национального дела от сильной единоличной власти деспота, которая одна в состоянии сокрушить и обуздать центробежные силы итальянского общества. Государственное единство может быть сковано лишь железом и кровью; но ради национального интереса Макиавелли считает все средства дозволительными; нравственные соображения у него отступают на второй план перед целью политической.

Переворот в политическом мировоззрении, выразившийся в учении Макиавелли, до известной степени можно сравнить с тем переворотом, который пережила астрономия в системе Коперника; до сих пор Земля считалась центром вселенной, а Солнце — ее спутником; теперь наоборот, Земля признается спутником Солнца. Такое же перемещение центров мирового тяготения совершается и в политической области. В политической системе Средних веков государство, если можно так выразиться, считалось спутником, сателлитом Церкви; у Макиавелли оно становится центральным светилом, вокруг которого все вращается и все тяготеет. Конечно, между новой астрономической теорией и новой политической системой существует и глубокое различие. Коперник открыл вековую истину небесной механики, а в учении Макиавелли выразился лишь переворот во временном политическом механизме европейских обществ.

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ

<Предисловие к книге:

**Виллари П. Никколо Макиавелли
и его время. Т. 1>**

Издаваемое сочинение Виллари¹ выходит за пределы биографии и оценки произведений Макиавелли. Первый том главным образом посвящен характеристике той среды, в которой пришлось действовать автору «Князя»², «Диалогов на первую декаду Тита Ливия»³ и «Истории Флоренции». Во втором и третьем — идет речь об исполненных им дипломатических поручениях и дается изложение и разбор его литературных произведений.

Несомненно, однако, что со времени его жизни и по настоящий день центр интереса представляет вопрос: как мог республиканец Макиавелли, сторонник демократии, каким он выступает в двух своих важнейших сочинениях, выше поименованных, сделаться одновременно автором «Князя», ставящим себе открыто задачу — научить узурпаторов сохранению и приумножению своих владений. Над этой задачей в течение веков останавливались и итальянские, и иностранные истолкователи Макиавелли. Одни обвиняли его в измене своим принципам, другие видели в «Князе» скрытую сатиру на современных ему тиранов, третьи — простое описание практики, какой следовали в захвате власти основатели первых итальянских княжеств. Можно написать целые тома об одном понимании Макиавелли и макиавеллизма. Кое-что в этом отношении сделано уже Орестом Томмазини в трактате «Жизнь и сочинения Никколо Макиавелли в их отношении к макиавеллизму». Анализ различных взглядов, высказанных на причины, побудившие Макиавелли к написанию «Князя», и на

действительный характер этого трактата, дан Гаспаром Амико в сочинении, вышедшем еще в 1875 году*.

При знакомстве со всей этой литературой меня поражает один факт: никем не обращено внимание на сходство «Князя» по его задачам и отчасти по исполнению с теми главами «Политии» Аристотеля, которые посвящены изложению практики греческих тиранов. Вот некоторые черты этой практики, которые выдержат сравнение с указанными Макиавелли приемами узурпаторов: подавлять всякое возникающее превосходство, устранять людей храбрых, запрещать общие трапезы и сообщества, препятствовать распространению между людьми образования с целью лишить их веры в самих себя, все направлять к тому, чтобы подданные не сближались друг с другом, запрещать ввиду этого всякие собрания, устраиваемые даже с целью совместного увеселения, в том расчете, что частое и близкое общение людей вызывает в них взаимное доверие, способное повести к заговорам. К этому кодексу правил, какого держатся в своем поведении тираны и составление которого Аристотель приписывал афинскому тирану Периандру⁴, в трактате «Полития» присоединяется еще несколько других не менее характерных: следить за перемещениями граждан, препятствовать их выходу за стены города, чтобы всегда знать, что делается ими, и этим постоянным надзором порождать робость в их душах, знать все, что делается в городе и государстве, держать с этой целью шпионов и шпионок, порождать раздоры и распространять клевету, восстанавливать людей против друг друга и простонародье против высших классов, содействовать всячески обеднению подданных в расчете, что забота о насущном хлебе не оставит им времени для заговоров, облагать их с этой целью высокими земельными податями и издержками на общественные постройки, занимать подданных войной, чтобы дать тем исход их запросу на деятельность, и поставить их в необходимость иметь постоянного высшего предводителя, поощрять разум женщин и свободу рабов: тех и других тирану, очевидно, нечего опасаться; и те и другие могут сделаться даже выгодными для него орудиями, а именно: жены доносами на мужей, а рабы на господ. Аристотель отмечает также ту подробность, что тираны предпочитают иметь ближайшее общение скорее с иностранцами, нежели с туземцами, первые не имеют никаких при-

* Амико Г. Жизнь Никколо Макиавелли: Комментарии историко-критические. Флоренция, 1875. Еще ранее тем же вопросом занялся в Германии Роберт фон Мольте в особой статье, вошедшей в состав его трехтомной истории и литературы государственных наук.

чин восставать против их власти, а вторые — их прирожденные враги. Все эти правила, которые заимствованы столько же из практики персов, сколько и из поведения Гиерона и Дионисия сиракузских, афинских, Пизистратидов и Поликрата из Самоса, могут быть сведены, говорит Аристотель, к трем основным: вносить рознь между гражданами, разорять их имущественно и вызывать в их среде упадок нравственного уровня*.

Изображая практику итальянских тиранов и во главе их Цезаря Борджиа, Макиавелли таким же образом говорит о вероломстве, о сеянии розни между гражданами, о восстановлении богатых против бедных и бедных против богатых, об актах явной жестокости, имеющих задачей устрашение, и т. д. Подобно тому как Аристотель имел в виду построить, так сказать, кодекс тирании в Древней Греции на основании поведения обоих тиранов Сиракуз и афинских Пизистратидов, Поликрата из Самоса, Периандра, так точно Макиавелли имеет в виду не одного Цезаря Борджиа, но и таких более мелких, но еще более жестоких угнетателей своих же соотечественников, как Оливеретто из Фермо. Всего более возмущают читателя такие отрывки, как, например, следующие: «Кто думает, что при установлении новой державы необходимо овладеть новыми врагами и завоевать себе друзей, удалить противников силою или обманом, внушить к себе любовь и страх в народе, вызвать в солдатах готовность следовать за собою, упразднить тех, кто может и должен быть вредным, обновить старые порядки, быть строгим и признательным, великодушным и щедрым, рассеять неверные дружины, создать новые, удержать дружбу королей и правителей, ставя их в необходимость искать союза с ним, тот не может найти в близкое к нам время лучшего примера, чем тот, какой представляют нам поступки великого герцога» (Цезаря Борджиа). Так как этому отрывку предшествует еще следующая общая оценка: «Обозрев все его поступки, не вижу, в чем возможно упрекнуть его, наоборот, мне кажется, что я вправе поставить его в образец всем, кто благодаря удаче и с помощью чужого оружия добился верховной власти», — то может явиться мысль, что Макиавелли вполне положительно относился к Цезарю Борджиа, говоря: «Имея великую душу и высокие намерения, герцог не мог поступать иначе, как поступал». Но, сопоставив эти показания с теми, какие Макиавелли дал о Цезаре Борджиа в своих депешах к Флорентийскому Сенату, нам легко прийти к тому заключению, что он нимало не

* См. мое сочинение: *Ковалевский М.* От прямого народоправства к представительному. Т. 1. С. 62—63.

переменил своего прежнего мнения о герцоге, ни в чем не обнаруживает своих личных симпатий к нему. В депеше от 28 ноября 1502 года Макиавелли говорил, что проступки Борджиа привели его к каре и что папа Юлий II «честным образом собрался казнь Борджиа расплатиться со всеми своими кредиторами». В «Князе» Макиавелли оценивает поведение Борджиа не с точки зрения реалиста, политика, оценивающего поступки противника, признающего их ошибочными, или наоборот — признающего их безупречными. Недаром, открывая свой трактат, Макиавелли обещал рассматривать в своей книге поведение не воображаемых князей, а таких, какими они являются на самом деле.

Ближайшие современники Макиавелли не сомневались в том, что его задача лежала в верном изображении практики итальянских тиранов. Бьяджо Бонаккорси (Biagio Buonaccorsi), горячий сторонник свободы, посылая Пандольфо Беллячио копию с рукописи «Князя», до ее напечатания, пишет: «Шлю тебе маленькую работу, недавно составленную Макиавелли, о принципате⁵. Ты найдешь в ней коротко и ясно описанными все качества княжеств, все способы их сохранения, все обиды, ими причиненные. Эти описания сопровождаются точными данными из древних и новых историй и других полезнейших документов» *. Макиавелли сам говорит, что не хотел следовать примеру тех, кто рисует себе княжества и республики, никогда не существовавшие и никому неведомые, а имел в виду князя в данных условиях Италии и Европы, в которых человек, желающий во всем оставаться добрым среди злых, необходимо готовит себе гибель. Отвлекаясь от всяких соображений религиозных и нравственных, Макиавелли ставит себе одну только задачу — указать путь, каким следуют правители при упрочении своего владычества в современных ему условиях. Он отмечает также те психологические черты, какие должны быть присущи такому правителю для удачного исполнения своей задачи. Советы, которые он в конце концов преподает Медичи, далеко не из тех, какие может дать желающий поддаться к их вкусам и желаниям честолубец-карьерист. Он учит новых сеньоров Флоренции необходимости оставить возможно большие влияния в делах за народом, воздерживаться от изменений в законах и учреждениях, не править исключительно со своими приверженцами, избегать сосредоточения власти в руках оптимата⁶, сторониться льстецов, не сорить народными деньгами, избегать посягательств на частную собственность, не оскорблять чести жен и дочерей, не бояться вручения оружия поддан-

* См.: Амиго Г. Жизнь Никколо Макиавелли. С. 459.

ным и оказывать предпочтение гражданской милиции и народному войску. Макиавелли советует им также осторожно и умело выбирать советников и наделить их полной свободой судить и рядить по делам государства. Одним словом, Макиавелли дает князьям совет править народом при его участии, согласно с законом и справедливостью и с постоянной заботой о сохранении внешнего мира и безопасности.

Если сопоставить в этом отношении книгу Макиавелли о «Князе» с его же «Рассуждениями на первую декаду Тита Ливия», то можно прийти к тому заключению, что Макиавелли при установлении принципатата озабочен был сохранением возможно больших черт республиканских порядков. При чтении «Князя» не следует забывать того места «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» (Кн. 1. Гл. 18), где говорится, что в республиках испорченных, в которых исчезло равенство состояний, тот, кто пожелал бы сделать опыт реформы внутренних порядков, должен прибегнуть к чрезвычайным мерам, к насилию, и с помощью его приобрести единовластие и, таким образом, перестроить порядки республики. Многие писатели уже указали на то, что и в «Рассуждении на первую декаду Тита Ливия» республиканец Макиавелли, желая опять-таки говорить не о вымышленных, а о реальных порядках, не отступает перед самыми крутыми мерами. В случае беспорядков, вызванными внутренними усобицами, пишет он, не следует отступать перед мыслью перебить (*ammazzare*) руководителей движения. Макиавелли жалеет, что слабость его современников, вызванная несовершенством воспитания, заставляет их считать бесчеловечными те меры, которые в древности употреблялись сплошь и рядом и которые сам он рекомендовал по отношению к восставшим против Флоренции жителям Вальдикиана (Кн. III. Гл. 27). Не следует терять из виду тех условий, в каких Макиавелли, не напечатавший при жизни своей работы о «Князе», решился представить ее с посвящением сперва Юлию, а затем Лоренцо Медичи — двум сыновьям изгнанного из Флоренции Пьеро, снова вернувшимся на родину после насильственного свержения Пьеро Содерини, пожизненного знаменосца (*gonfaloniere*) республики. Будучи вторым лицом после этого своего рода президента, Макиавелли не только лишен был всякой должности, но подвергнут пытке и послан в изгнание в Санкасиано. Здесь, живя без средств и посвящая свои досуги занятию политической литературой, он мечтает о том, как бы вернуться к государственной деятельности. Им овладела мысль избавить Италию от владычества иноземцев, — он уверен, что ни Медичи, и никто другой не может взяться за осуществление этого патриоти-

ческого желания; несмотря на полученные им шесть ударов плетью, несмотря на память о «вшах, похожих размерами на бабочек», и на вонь своей тюрьмы, он посвящает свою книгу членам угнетавшего его рода. Во Флоренции еще не произошло никаких существенных перемен, кроме удаления прежнего правительства. Республика стоит по-прежнему на ногах, и есть основание думать, что наследники князя Пьеро не решатся на открытый переворот в пользу принципата. Макиавелли думает, что ему не отрезаны еще все пути к возобновлению его государственной карьеры и так как он, по собственному признанию, не может думать ни о чем другом, как о политике, то он не прочь использовать написанную им книжонку *in opusculo principatibus*⁷ для того, чтобы обратить на себя внимание могущественной семьи Медичи. Посылая ее своему другу Веттори, он говорит, что в этой брошюре он углубился в свой предмет и что брошюра эта должна, вероятно, понравиться его корреспонденту.

При жизни сочинение это не было издано и появилось впервые в 1513 году⁸. Практические результаты, достигнутые Макиавелли, были весьма скромны. Не воспротивились тому, чтобы он сделан был историографом Флоренции, но его политическая карьера была прервана навсегда. Очевидно, те, кому поднесена была рукопись, не увидели в ней готовности Макиавелли изменить принципам его жизни и преданности республике.

В. МАКСИМОВСКИЙ

К. Маркс: выписки из сочинений Макиавелли

ПРЕДИСЛОВИЕ

22 июня 1927 г. исполнилось 400 лет со дня смерти одного из величайших политических мыслителей Никколо Макиавелли. Маркс, получивший основательнейшую политико-юридическую подготовку, несомненно, хорошо знал Макиавелли. В письме к Энгельсу от 25 сентября 1857 г. он пишет, говоря о развитии военного дела в Италии XV века: «Здесь выработались тактические ухищрения (taktische Pfiffe). Кстати, у Макиавелли в его истории Флоренции имеется полное юмора описание способов, какими сражались друг с другом кондотьеры... *Его история Флоренции — высокомастерское произведение*» (курсив наш. — В. М.) *.

Замечание Маркса, очевидно, не осталось бесследным, потому что в 1880 г. Энгельс, характеризуя крупнейших деятелей эпохи Возрождения в старом введении к «Диалектике природы», специально остановился на Макиавелли. Энгельс пишет здесь, что Макиавелли был «государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени». Здесь имеются в виду, наверное, не только «История Флоренции», но и специально военные работы Макиавелли: книга о военном искусстве («*Dell'arte della guerra*») и ряд записок на военные темы, которые, судя по этому замечанию Энгельса, всегда интересовавшегося военным делом, были ему достаточно известны.

Печатаемые ниже выписки из сочинения Макиавелли «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» («*Discorsi sopra la prima*

* Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Письма. М.: Московский рабочий, 1922. С. 68.

deca di Tito Livio») находятся в тетрадах Маркса, относящихся к тому времени, когда Маркс, если можно так выразиться, не был еще марксистом. Тем не менее, эти выписки полны самого живого интереса.

Макиавелли жил в эпоху Возрождения и Реформации в республике Флоренции, которая одна из первых в Европе порвала со средневековым варварством и пыталась образовать государство нового типа. Он с юных лет служил на государственной службе: с 1498 по 1512 г. был секретарем правительства республики и много раз командировался в качестве посла или с информационными целями к различным итальянским дворам, во Францию и Германию. До конца жизни, несмотря на свержение республиканского правительства во Флоренции, несмотря на смещение с должности, тюрьму, пытку и временное изгнание, он остался верен своим республиканским взглядам.

В произведениях Макиавелли прекрасно отразилась его эпоха — *переходный период от феодализма к капитализму*.

В экономическом смысле это была эпоха так называемого «первоначального накопления», описанная на бессмертных страницах 24-й главы I тома «Капитала». Мелкобуржуазная масса крестьян и ремесленников освобождалась тогда от феодальной зависимости, но в то же время она «освобождалась» и от средств производства. Маркс говорит, что история этой экспроприации мелкой буржуазии, «непосредственных производителей» — «вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня». Такова и вся эпоха. «Первоначальное накопление» — это завоевание, порабощение, разбой. Только таким путем и мог сложиться капиталистический строй: освобождая человечество от феодальных цепей, он ковал ему новые цепи наемного рабства. Мы знаем, что этот двойственный процесс был прогрессом по сравнению с феодальным строем; деятели этой эпохи были революционерами, творившими новый мир и творившими его не по собственной фантазии, а в силу исторической необходимости. Но это были буржуазные революционеры, провозвестники нарождающейся буржуазии. Для характеристики наиболее цельных представителей этой эпохи больше всего дают нам слова «Коммунистического манифеста»: «Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль... Безжалостно разорвала она пестрые феодальные нити, связывавшие человека с его наследственными повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана... Все сословное и неподвижное испаряется, все священное оскверняется, и люди вынуждаются, наконец, взглянуть трезвыми глазами на свои вза-

имные отношения и свое жизненное положение. Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества, населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями провинции, с различными интересами, законами, управлением и таможенным тарифом, сплотились в одну нацию, с единым правительством, единым законодательством, единым национальным классовым интересом и единой таможенной линией» *.

Макиавелли по-разному отразил эти черты своей эпохи, потому что тогда, когда он жил и действовал, в начале XVI века, далеко не все еще эти черты были осуществлены. Многие фигурирует у него еще только как программа, как тактический план. В его время каждое из крупнейших итальянских государств стремилось создать свое централизованное государство нового типа. На его глазах действовал знаменитый Цезарь Борджиа, герцог Валентино, который выдвинулся сначала как простой кондотьер, т. е. военный руководитель, в борьбе своего отца, папы Александра VI, против феодалов папской области, а потом занял фактически независимое от папы положение и, разгромив в целом ряде военных столкновений, а также при помощи всяческого обмана феодалов Средней Италии, пытался подчинить своей власти всю Италию. Эта попытка была неудачна, но она важна для нас потому, что у Цезаря Борджиа учился Макиавелли, состоя в 1502 г. послом при дворе герцога Валентино в Имоле, когда тот, разбитый феодалами и почти уничтоженный, собирал свои и союзные военные силы, чтобы затем одним ловким приемом уничтожить сразу всех своих опаснейших врагов при Синигаллии. Богатые торговые республики Италии оказались не в силах создать прочный демократический строй и образовать самостоятельно общее для всей Италии государство. Отсюда, естественно, возникла основная политическая идея Макиавелли, что для образования единого централизованного государства новейшего типа, для упрочения республиканского и демократического строя в этом государстве нужна какая-то сильная единоличная власть, революционная диктатура какого-то правителя, которого Макиавелли называет *il principe* («князь»). Этот диктатор должен быть вождем национальной (не наемной, как тогда было принято, а набран-

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. М.: Гиз, 1923. С. 64—66.

ной из своих граждан) армии; он должен окончательно разгромить феодалов, объединить все их владения в одно большое государство, установить в нем гражданское равенство, политическую свободу и демократические порядки. Но эта диктатура должна быть временной. Сделав свое историческое дело, диктатор должен уступить место избираемым на обычных демократических основаниях властям; эта временная «монархия» должна смениться республикой. Если же «монарх» не уступит, его должен свергнуть народ, уже созревший для нового политического строя.

Будучи республиканцем по своим программным взглядам, даже сторонником убийства монархов, Макиавелли считал необходимым, с точки зрения политической стратегии и тактики, учреждение единоличной власти, которая должна была, по существу говоря, быть не чем иным, как *буржуазной революционной диктатурой, переходной формой от феодального государства к государству капиталистической эпохи.*

Зачатки такой власти Макиавелли видит в попытках герцога Валентино и других подобных ему государственных деятелей создать государство нового типа.

С полным пренебрежением к феодальным, религиозным и нравственным понятиям он изображает нам, какими средствами пользовались эти крупнейшие политики его времени, огнем и мечом, грабежом и обманом сколачивая новое государство.

Как писатель чрезвычайно трезвый и реалистический, Макиавелли прекрасно понимал, что подобного рода диктатура — не идеальный строй, а неизбежная переходная форма. Хотя он всегда рекомендует прежде всего гуманные меры и лишь тогда, когда они недействительны, обращается к жестоким, однако он очень хорошо знает, что изображаемая им власть никак не может пахнуть розами.

Его обвиняли в безнравственности, рассматривали его как дурного советчика монархов, но он был только откровенен до цинизма и рисовал свою «монархию» такой, какой она на самом деле была. Недаром Ф. Бэкон сказал, что «мы должны быть благодарны Макиавелли и другим подобным писателям, которые, открыто и ничего не замаскировывая, изображали то, как люди обычно делали, а не то, как они должны были делать»*. В таком же духе приблизительно говорит о Макиавелли и Гегель:

* *Fr. Baconi. Operum moralium et civilium tomus. Tractatus de dignitate et augmentis scientiarum. L., 1638. P. 220.*

«В высшем смысле необходимости Макиавелли установил основные положения образования государств, по которым и нужно было образовать государства в тогдашних обстоятельствах. Отдельных феодалов и отдельные феодальные княжества (*Herren und Herrschaften*) нужно было окончательно подавить, и если с нашим представлением о свободе несовместимы те средства, которые он нам изображает как единственные, вполне оправдываемые обстоятельствами, в том числе беспощадное насилие, всякого рода обман, убийство и т. д., — тем не менее мы должны признать, что с (феодальными) династиями, которых надо было свергнуть, можно было покончить только такими средствами, потому что им была присуща неукротимая бессовестность и полная развращенность» *.

На этой стороне политической теории Макиавелли, которая нашла свое выражение главным образом в его книге «*Il Principe*», Маркс в своих выписках останавливается очень мало. В них отмечены преимущественно программные — республиканские и демократические — взгляды Макиавелли, его политические идеалы. С другой стороны, значительная часть этих выписок касается политики в ее связи с экономикой, экономическими интересами, отношениями классов. Здесь подчеркиваются некоторые стороны социологических воззрений Макиавелли.

І. МАКИАВЕЛЛИ И ФЕОДАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Макиавелли — враг феодального строя. В своей «Истории Флоренции» (так высоко оцененной Марксом) он изображает нам, как в течение XIV столетия феодальная аристократия Флоренции была разбита в жестоких классовых столкновениях, много раз выливавшихся в уличные стычки и даже баррикадные бои, как, начиная с половины XIV столетия, у власти становится народ и государство реорганизуется на новых началах **. Крайне резко отзываясь о феодалах как о «тунеядцах», считая их антиобщественным элементом, крайне разложившимся и развращенным, Макиавелли иногда даже самый феодальный строй называет «честолюбивым тунеядством» ***.

* *G.-W.-F. Hegel. Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte / hrsg. v. G. Lasson. Leipzig, 1920. Bd. IV. S. 864.*

** История Флоренции. Конец II книги и начало III.

*** *Макиавелли Н. Рассуждения на первую декаду Тита Ливия / русск. пер. под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869. С. 120.*

Отношение Макиавелли к феодалам выражено наиболее ярко в печатаемой ниже 12-й цитате Маркса из «Discorsi» *. Определяя феодальную знать как класс людей, которые, «не работая, живут богато от прибыли со своих владений», Макиавелли относится к ним с явным осуждением, прежде всего с точки зрения их роли в республике, т. е. в новом государстве и обществе. Они всегда вредны, особенно те из них, «у которых есть замки», т. е., иначе говоря, те, которые хорошо вооружены. Другой признак феодала тот, что у него есть «подданные, которые ему повинуются», — здесь разумеются феодально зависимые люди, подчиненные сюзерену в порядке феодальной службы. Благодаря этому феодалы крайне честолюбивы и развращены. Макиавелли считает особенно разложившимися итальянских феодалов, тех самых, которых на его глазах пачками истреблял Цезарь Борджиа. Французов он ставит выше; у них корона сильна, потому что обуздала феодалов **, но, тем не менее, он считает возможным сказать, что французы, испанцы и итальянцы — «развратители всего света». Феодалы ведут все время между собой мелкую внутреннюю борьбу — это знаменитая феодальная усобица. Поэтому там, где много феодалов, не может быть никакого порядка, мирное хозяйственное развитие невозможно. «Эта порода людей — заклятый враг всякой гражданственности» (это место подчеркнул Маркс в цитате из «Discorsi»).

В «Истории Флоренции» Макиавелли показывает нам, как борьба внутри феодальной аристократии тяжело отзывалась на государстве, как она обращалась порой в склоку двух каких-нибудь феодальных родов ***. В редких случаях, когда речь идет о реставрации власти феодалов, последние действуют объединенно ****.

Феодальные отношения служат необходимой основой старой феодальной монархии. Там, где царствует феодальная усобица, можно установить какой-нибудь порядок только путем прямого насилия; феодалов нельзя обуздать законами, тут нужна абсолютная и исключительная власть, т. е., как выражается Макиавелли, «рука короля». На этом вопросе Макиавелли останавливался в том месте «Discorsi», откуда Маркс взял 13-ю цитату.

* Там же. Кн. I. Гл. 55. С. 248.

** *Ritratti delle cose della Francia* (Описание положения дел во Франции). См.: *Opere di Niccolò Machiavelli cittadino e segretario Fiorentino*, Italia. 1813. Vol. IV. P. 133—134.

*** *Storie Fiorentine / Opere*. Vol. I. P. 66—69.

**** *Ibid.* Vol. I. P. 82.

В правильно организованном обществе нет места для феодальной аристократии. Со свойственной ему последовательностью Макиавелли делает вывод, что для основания республики в стране, где феодальная знать многочисленна, необходимо *совершенно истребить ее*.

По вопросу об отношении Макиавелли к самому яркому факту феодального строя — *католической Церкви, папству*, а затем и вообще к *христианской религии*, Маркс делает самую большую из печатаемых ниже выписок — 19-ю.

Макиавелли — враг папства. И несмотря на то, что папа Лев X заставлял играть для себя на сцене и во Флоренции, и в Риме комедию Макиавелли «Мандрагора», отнюдь не «божественного» содержания*; несмотря на то, что для папы Климента VII Макиавелли написал «Флорентийскую историю», а для того же Льва X записку о реформе государственного строя во Флоренции и т. п. **, папство было совершенно право, поместив (при папе Павле IV, в 1559 г.) сочинения Макиавелли в «Список запрещенных книг» ***. Оно узнало в нем своего настоящего врага. Макиавелли — тройной враг папства: во-первых, он враг папы как гражданин Флорентийской республики, которой папа неоднократно и всякими способами вредил. Во-вторых, он враг католической Церкви, потому что она принесла огромный вред всей Италии. В защиту этого взгляда Макиавелли имеет много фактов, из них основными он считает два. Прежде всего, говоря его словами, «дурные примеры римского двора совершенно уничтожили всякую религиозность и набожность в нишей стране... Мы, итальянцы, обязаны прежде всего нашей Церкви и нашему духовенству тем, что затеряли религию и развратились». Затем «Церковь держала и держит нашу страну в несогласии... Причиной, почему Италия... не имеет общей республиканской или монархической власти, должно считать только Церковь» ****. С точки зрения Макиавелли как политика, главная вина Церкви в том, что

* Это, между прочим, одна из первых реалистических комедий, чрезвычайно крупный вклад в историю итальянской литературы (есть русский перевод 1924 г.)

** Оба эти папы были из рода флорентийских купцов и правителей государства Медичи, и этим объясняется использование ими знаний Макиавелли.

*** Таким образом, имеющееся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса полное собрание сочинений Макиавелли, издания 1550 г., принадлежит к числу книг, благополучно миновавших скорпионы папских агентов.

**** Рассуждения. Кн. I. Гл. 12. С. 159.

она мешает объединению Италии в одно национальное государство, т. е. стоит на пути той основной цели, которую преследовали крупнейшие деятели эпохи торгового капитализма. Церковь никогда не была настолько сильна, чтобы взять в свои руки всю Италию и сделаться в ней единодержавной, но в то же время она всегда соединялась с тем, кто боролся против другой усиливающейся в Италии и стремящейся к ее объединению власти *. Макиавелли разоблачает до конца папскую политику, заключающуюся в том, что папа всегда натравливает друг на друга наиболее сильные государства, чтобы затем самому вместе со своими союзниками напасть на того, кто победит, и разбить его **. Особенно подчеркивает Макиавелли в действиях пап их безжалостное и грабительское отношение к народу ***. Поэтому он с полным одобрением описывает в «Истории Флоренции» (книга III) войну Флоренции против папы Григория XI. Для ведения этой войны были избраны восемь полномочных лиц; война велась с такой расчетливостью и смелостью и вызывала такое общее одобрение, что каждый год этих восьмерых переизбирали и считали их святыми, хотя они презирали папские отлучения, «грабили церкви и палками заставляли священников служить». «Очевидно, граждане, — замечает Макиавелли, — больше заботились о своем отечестве, чем о спасении своих душ».

Третья причина отрицательного отношения Макиавелли к папству — это то, что он видел в папстве наиболее яркое проявление феодального строя. Папы, их кардиналы и все духовенство вообще — это такие же тунеядцы, как светские феодалы, они такой же разлагающий элемент в обществе. Если в своих комедиях Макиавелли смеется над монахами и попами, как Боккаччо, если в своих исторических работах и дипломатических письмах он описывает характерные черты их жизни ****, то в «Discorsi» он анализирует самое существо их идеологии, он подвергает критике само христианство. Вот это место, полное замечательных мыслей, одно из интереснейших мест во всех работах Макиавелли, Маркс выписывает целиком.

* Рассуждения. С. 159—160.

** Там же. Кн. II. Гл. 22. С. 330.

*** Там же. Кн. II. Гл. 24. С. 340.

**** В «Ritratti delle cose della Francia», говоря о «безмерных сокровищах», накопленных французским духовенством в церквях, монастырях и в собственных имениях, Макиавелли ссылается на природную жадность попов и монахов («*avara natura dei prelati e religiosi*»). См.: *Opere di Niccolò Machiavelli*. Vol. IV. P. 138.

Здесь Макиавелли сначала сравнивает христианство с язычеством. Языческая религия воспитывала в людях по большей части стремление к личной выгоде, храбрость и кровожадность, она обоготворяла полководцев и правителей; христианская же религия признает святыми главным образом людей смиренных, «более созерцательных, чем деятельных». Уже тут есть кое-что, не заслуживающее похвалы со стороны Макиавелли, сторонника именно деятельной жизни. Дальше он еще более ясно говорит, что, в то время как христианская религия полагает высшее благо в презрении к мирскому, в отречении от жизни, языческая полагала его «в величии души, в силе тела и во всем, что делает человека могущественным». Это уже почти полный список тех качеств, которые вся эпоха гуманизма считала идеальными для нового человека. И вполне естественно, что за этими словами следует уничтожающий приговор: «Наша религия, если и дает нам силы, то не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, *обессилил мир и предал его в жертву мерзавцам*» (курсив наш. — В. М.). Макиавелли — против терпения, проповедуемого католичеством, против непротivления злу, потому что всегда, когда люди готовы лучше переносить всякие обиды, чем мстить, «мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще»*.

Макиавелли не думает, как будто бы, что это — органический недостаток христианства. Он считает виною этого католическое истолкование христианства. Идя тем же самым путем, как и вожди Реформации (основная часть «Discorsi» написана раньше Реформации в Германии), Макиавелли высказывается за очищение христианства от католических наслоений. Если такое очищение будет произведено, христианство будет учить граждан «любить и почитать отечество и готовить себя к тому, чтобы служить его защитниками».

В параллель этому мы приведем два других места из «Discorsi», где Макиавелли высказывается еще более ясно. В кн. I, гл. 12-й он говорит: «Если бы в христианском государстве сохранилась религия, основанная учредителем христианства, христианские государства были бы гораздо счастливее и более согласны между собой, чем теперь. Но как глубоко упала она, лучше всего показывает то обстоятельство, что народы, наиболее близкие к римской Церкви, главе нашей религии, оказываются наименее религиозными». И непосредственно за этим следуют слова, тоже как будто целиком проникнутые духом Реформации: «Если взглянуть

* См. ниже цитату 18.

на основные начала христианства и посмотреть потом, во что их обратили теперь, то нельзя сомневаться, что мы близки или к гибели, или к наказанию» *.

Одна реформа уже была. Ее произвели «святые» Франциск и Доминик, создав свои монашеские ордена. В кн. III, гл. 5-й «Discorsi» Макиавелли вскрывает смысл этой реформы и оценивает ее результаты. Реформа обновила христианство и сохранила католичество. Благодаря ей, говорит Макиавелли, «религия наша существует до сих пор, несмотря на порочность духовенства и глав ее». Но этой реформы мало, она только подкрепила Церковь, не искоренив ее недостатков. «Оттого духовенство бесчинствует, как только может, не боясь наказания, которого не видит над собой и которому не верит» **.

Мы видим, как здесь соединяются идеи гуманизма и Реформации, для того времени идеи передовые, означавшие радикальный разрыв с феодальным обществом и переход к новому капиталистическому строю. Но Макиавелли выдвигает реформу христианства по существу только как политическое мероприятие. В интересах нового государства нужна новая форма религии, которая бы лучше воспитывала граждан этого нового государства. Нужна, говоря словами Маркса, «буржуазная разновидность христианства» — протестантизм или что-нибудь вроде него.

В общем же и целом Макиавелли очень мало религиозен, его позиция вполне материалистическая, это — «перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизне-радостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII столетия» (Энгельс — старое введение к «Диалектике природы»).

Маркс выписал эти места из «Discorsi», наверное, в связи с изучением эпохи Реформации в Германии, потому что в характеристике феодалов у Макиавелли есть такие черты, которые сохранились в новых формах в современной Марксу, еще не вполне расставшейся с феодализмом Германии.

II. МАКИАВЕЛЛИ И ГОСУДАРСТВО НОВОЙ ЭПОХИ

Другой ряд цитат затрагивает те части книги «Discorsi», где Макиавелли характеризует государство нового типа, беря за основу этого типа описанное Титом Ливием римское государство

* Рассуждения. С. 169.

** Там же. С. 370—371.

того времени, когда римская культура переживала тот же переход от своего феодализма к своему капитализму.

К этой теме относятся цитаты 4-я, 5-я, 7-я, 14-я, 15-я, 16-я, 17-я, 18-я, 21-я.

Как установить республику? В согласии с тем, что Макиавелли говорит о феодалах (в цитатах 12-й и 13-й), установить республику можно, только отняв власть у феодалов и при этом истребив их поголовно (см. цитату 14-ю). Только такое решение Макиавелли считал действительным, имея в виду упорство феодалов в борьбе за сохранение привилегий и за восстановление их господства.

В цитате 5-й он говорит о трудностях установления республиканского строя там, где народ привык жить под властью одного монарха. Тут, во-первых, ему все время грозит реставрация власти старого монарха или феодалов, во-вторых, сам он, не научившись еще жить в свободной обстановке, часто начинает делать глупости и вновь попадает в руки своих врагов.

Чтобы отдать дань монархическим церемониям, к которым народ привык, особенно если они связаны с религией, надо их сохранить и после свержения монарха, обратив их в республиканские церемонии (цитата 8-я).

Очень важным правом в республике Макиавелли считал, следуя примеру римлян, право публичного обвинения чиновников. В Риме каждый гражданин имел право обвинить любого чиновника в нарушении закона. Макиавелли считал это право особенно важным потому, что оно позволяет гражданам открыто высказывать свои взгляды на положение вещей в государстве и этим дает выход наружу возникающему недовольству против правительства. Такое право уменьшает клеветничество и отучает от ложных обвинений, так как клеветник легко обнаруживается при открытом разборе дела (сюда относится цитата 4-я).

Несколько выписок посвящены вопросу о простом народе, о характеристике народа вообще в сравнении с монархом и характеристике республики в сравнении с монархией.

Маркс выписал заглавие гл. 57-й из I книги «Discorsi»: «Простой народ в совокупности силен, а поодиночке слаб» (*la plebe insieme è gagliarda di per se è debole*) — в единении сила (см. цитату 15-ю).

Что касается отмеченных Марксом замечаний Макиавелли о народе вообще и его роли в государстве, то здесь прежде всего надо остановиться на сравнении народа и монарха. Это сравнение Макиавелли ведет в духе чисто республиканском. Прежде всего народ выше монарха в том отношении, что он лучше выбирает дол-

жностных лиц, чем монарх (см. цитату 16-ю). Народ относится серьезно к выборам, к оценке кандидатур на те или иные должности. Его никогда не убедишь, говорит там же Макиавелли, что полезно выбрать какого-нибудь подлеца и обманщика, в то время как очень легко убедить в этом государя. Этот пункт, с точки зрения Макиавелли, весьма немаловажен. Во многих местах своих сочинений Макиавелли рассматривает вопрос о подборе людей для занятия тех или иных ответственных постов в государстве. В «Il Principe» он уделяет этому вопросу почти целиком главу 22-ю этой книги.

В других отношениях народ также выше и достойнее государя. Если мы сравним народ и государя, не сдерживаемых никакими законами, то увидим, что народ в таком случае только неразумен, легкомыслен, а монарх обращается тогда в бешеного самодура. Если же мы сравниваем народ и монарха, подчиненных законам, то народ будет в нравственном отношении выше монарха. Когда оба они «распущены» (*scioltto*), у народа меньше ошибок, сами ошибки не так уж велики, да и средств исправления их гораздо больше. Народ, когда он волнуется, может легко поддаться увещаниям любого хорошего человека, а с дурным монархом никто не может говорить и против него нет никакого другого средства, кроме как «железа». Последние слова Макиавелли Маркс подчеркнул (см. цитату 17-ю). Они, наверно, тоже легко могли быть приложены к современной Марксу Пруссии или к любому из многих немецких княжеств.

Макиавелли поясняет дальше свою мысль такими психологическими соображениями, на которые также обратил внимание Маркс. Ведь если народ делает глупости, то они опасны не тем, что они сами по себе вредны, а тем, что благодаря создаваемому ими беспорядку может появиться тиран. Если же эти глупости делает тиран, подданные боятся его, но надеются на то, что благодаря его гнусным поступкам его свергнут и восторжествует свобода (см. цитату 18).

Последняя цитата (21) относится также к вопросам республиканского строя. Она взята из 9-й главы III книги «Discorsi», которая является одним из замечательнейших мест всей этой работы Макиавелли. В этой главе он учит, как нужно «изменяться со временем, если хочешь всегда пользоваться счастьем». Люди должны приспосабливаться к происходящим в обществе изменениям. Иногда события требуют от политических деятелей крайней смелости и решительности, иногда, наоборот, величайшей осторожности и медленности. А так как у людей различный характер, то часто люди не могут следовать за меняющимися обстоятельства-

ми. В этом отношении республиканский строй также имеет огромное преимущество перед монархическим, так как он, применяясь к обстоятельствам, может менять своих вождей, выдвигая в нужный момент тех, которые больше всего для этого момента подходят. А поэтому и получается, что республика — более устойчивый строй, чем монархия: вследствие многообразия своих граждан она легко приспосабливается к многообразию событий, чего не может делать монарх.

Та же мысль подчеркивается цитатой 7-й.

Все эти выписки рисуют нам Макиавелли последовательным республиканцем.

III. КЛАССОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВА ПО МАКИАВЕЛЛИ

Последняя группа выписок Маркса относится к анализу общественных основ современного государства. Эти выписки представляют интерес не только для политика, но и для социолога. Чтобы вполне уяснить себе их смысл, надо иметь в виду те общественные отношения, изучение которых дало Макиавелли материал для его выводов. Это были отношения, складывавшиеся в наиболее экономически развитых торговых республиках того времени — Венеции и Флоренции. Изобразив в своей «Истории Флоренции» уничтожение господства феодалов, Макиавелли описывает затем новую борьбу внутри этих республик, причем соотношения классовых сил во Флоренции, в основном, складываются уже совершенно иначе. Образуются три силы. Первая из них — *grandi* («большие люди»), бывшая знать, сохранившая свое богатство, но потерявшая свою прежнюю власть и уже начавшая, до некоторой степени, сливаться с буржуазией. Вторая сила — *popolani nobili* («знатные горожане»), «*popolo grasso*» («толстый народ»), торговая и ростовщическая буржуазия, известные купеческие фамилии; это тоже своего рода аристократия, но сила ее не в «благородном» происхождении, не в обладании замками — сила ее в деньгах. К ним примыкают, занимая также весьма влиятельное положение в государстве, мастера ремесленных цехов (*principi delle arti*) и, по-видимому, даже целиком все наиболее привилегированные старшие цехи (*arti maggiori*). Третья сила — это простой народ — *la plebe* или *infima plebe*, который иногда называется у Макиавелли «*popolo minuto*» («мелкий народ»); это — главным образом ремесленники младших цехов (*arti minori*), подмастерья и ученики всех цехов.

Крестьяне во всей истории классовой борьбы во Флоренции, описанной Макиавелли, как будто отсутствуют. Мы встретили только одно ясное указание, что крестьяне были вовлечены в борьбу горожан. Это было во время столкновения между гвельфами и гибеллинами в самом начале XIV столетия. Крестьяне были привлечены к делу защиты республики и умиротворения враждовавших между собой феодалов *.

Постепенно выступает на первый план противоречие между экономически господствующим классом, капиталистами, и простонародьем. Начинается борьба. Буржуазия держится за власть. Будет ли это власть какого-нибудь правителя республики, вроде Козимо Медичи, первого банкира Европы, или какого-нибудь Совета Десяти, или демократии, при которой народ голосует за того же Медичи и его компаньонов — это все равно. Принадлежа по своему классовому положению к *popolani nobili*, Козимо Медичи выдвинулся как сторонник «мелкого люда»; он умел управлять при помощи всеобщего голосования, когда «избирательные урны были полны записок с именами его друзей». Но потом, укрепив свое положение, он поручил избранному народом гонфальоньеру — «блюстителю закона» — собрать на площадь простой народ, окружить его вооруженной силой и заставить вынести те решения, которые он, Медичи, и его сторонники считали нужным провести в жизнь **. С точки зрения господствующего класса можно было вводить любую демократию, лишь бы она оставляла в неприкосновенности его власть. Если же это никак не удастся, можно пойти и на единоличную власть Медичи, лишь бы он отстаивал интересы господствующего класса.

Макиавелли приводит много образцов демагогии буржуазии, ее умения обманывать простой народ, привлекая его разными обещаниями, громкими титулами избираемых им властей, народными праздниками и т. д.

Что касается простонародья, то оно искренне стремится к полной, не формальной только, а фактической демократии, но обычно оно оказывается мало способно управлять. Простой народ чувствует «ненависть к богатым гражданам и главам цехов» ***, но он беден, измучен налогами и назойливостью власть имущих. Его положение иногда таково, что ему становится все равно, грабят ли его свои соотечественники или иностранцы. Тем не менее,

* *Storie Fiorentine*. Vol. I. P. 87, 88.

** *Ibid.* Vol. II. P. 146.

*** *Ibid.* Vol. I. P. 164.

бывают моменты, когда он добивается власти. Так было во Флоренции в 1378 г., во время так называемого восстания чомпи.

Макиавелли описывает движение ремесленников, разработку их требований, подготовку выступления, ночные собрания, агитационные речи, наконец, само восстание и захват власти партией младших цехов во главе с рабочими шерстяных мануфактур и мастерских. С 1378 по 1381 г. продолжалось господство простонародья, а затем к власти вернулись вновь буржуазные элементы. Все это движение Макиавелли описывает как будто объективно, но на самом деле он относится отрицательно к господству простого народа, так как оно неизбежно приводит к устранению от власти капиталистов, «богатых граждан», а без их участия государство не может быть хорошо устроено. В то же время он — противник власти Медичи, представляющей собой олигархию. Отсюда склонность Макиавелли к «умеренной демократии». Только из известного равновесия двух классов — капиталистов и простонародья, на основе противоречия их интересов, рождаются настоящие республиканские вольности, создается такая система противовесов, благодаря которой человек сохраняет в республике свою гражданскую свободу. Правда, для этого нужно известное экономическое поравнение. Но его можно закрепить тоже только в республике. Там, где неравенство слишком велико, феодалы сохраняют свое влияние, и это создает благоприятную почву для монархии. Если монарх захватит власть в республике, где господствовало известное равенство, и захочет закрепить за собой эту власть, он должен наделить имуществом своих сторонников и создать из них новую служилую знать, иначе он не будет иметь опоры в народе, привыкшем к равенству и свободным учреждениям. В правильно построенном государстве простой народ не должен быть угнетен. Наоборот, когда какой-нибудь правитель хочет создать такое государство, он должен ориентироваться на народ, и именно на простой народ, так как только последний составляет большинство и хочет немногого. Такому правителю не следует рассчитывать на «больших людей»; их огромные аппетиты он никогда не удовлетворит, и всегда часть этих людей будет против него.

Все эти выводы Макиавелли получил не только из фактов истории Флоренции, но из всех данных, которыми он располагал на основании изучения государств античного мира и своего широкого практического опыта.

Поэтому в предисловии к «Истории Флоренции» он считает главным недостатком своих предшественников (Леонардо Аретино и Поджио Браччолини) то, что они недостаточно выясняют

«гражданские несогласия», «раздоры», «ненависть», «разделения», которые возникают внутри каждого государства между различными классами и группами его граждан. Он ставит своей основной задачей в «Истории Флоренции» вскрыть причины этих «гражданских несогласий», изображая последовательно противоречия внутри феодалов, между феодалами и народом вообще, наконец, внутри самого народа, между его высшим и низшим классом.

Так подходит Макиавелли к вопросу о классовом содержании государства. К этой теме относятся из печатаемых ниже выписок Маркса следующие: 1-я, 2-я, 3-я, 6-я, 9-я, 10-я, 11-я.

1-я цитата выражает тот взгляд Макиавелли (впоследствии развитый Вико в его «Новой науке»), что в Риме борьба между патрициями и плебеями была причиной свободы граждан, и делает вывод, что во всякой республике есть два различных направления (*duoi umori diversi*) — одно простого народа, другое господствующего класса, и все законы в пользу свободы возникают из этого разделения.

2-я цитата подчеркивает, что в основе политической борьбы лежит борьба за собственность. В политической борьбе наиболее активны собственники (*chi possiede*); они боятся потерять свою собственность под давлением народа, который желает ее приобрести. Тут ярко выступает экономическое объяснение политической борьбы, которое мы не раз встречаем в сочинениях Макиавелли.

3-я цитата оценивает мифическое законодательство Ликурга, разрешившего, якобы, задачу создания устойчивого государства. Тут интересна мысль о том, что для укрепления республики Ликург установил равенство имущества (*egualità di sustanze*).

6-я цитата развивает ту же мысль, что и 3-я, но только в перевернутой форме: развращение и неспособность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства. Тут же подчеркивается, что в государстве, где все это налицо, нужны самые крайние меры (*grandissimi straordinarii*) для восстановления равенства, т. е. подчеркивается значение революционных средств.

9-я цитата должна была бы начинаться с той фразы, которая у Макиавелли стоит прямо перед словами, выписанными Марксом. Эта фраза такая: *«Люди ценят больше имущество, чем почести»*. Затем следует ссылка на римскую практику борьбы патрициев с плебеями, говорящая, что патриции всегда уступали без особой борьбы плебеям различные почести, но, когда дело коснулось их имущества, они защищали его крайне упорно.

10-я цитата касается того места в «Discorsi», где Макиавелли, следуя за Титом Ливием, разбирает неправильную тактику римского деятеля времен борьбы плебеев с патрициями — Аппия, который оперся не на народ, а на аристократическую партию.

11-я цитата выражает тот же круг мыслей в интересном афоризме. Макиавелли приводит здесь слова неаполитанского короля Фердинанда Арагонского, который говорил, что люди, как маленькие хищные птицы, так увлекаются ловлей своей добычи, что не замечают подстерегающей их более крупной хищной птицы. Этот афоризм дает прекрасное изображение капиталистической конкуренции, где хищник побивает хищника.

IV. ТИРАНОБОРЧЕСКИЕ ИДЕИ МАКИАВЕЛЛИ

В своих сочинениях Макиавелли не раз описывает заговоры. В «Discorsi» есть большая глава (6-я глава III книги), посвященная специально заговорам. В ней Макиавелли суммирует все свои знания, а отчасти и свой практический опыт * в этой области. Его родная Флоренция считалась ненавистницей тирании как у себя дома, так и у соседей; вполне естественно поэтому, что многие из ее политических деятелей были сторонниками заговорщической тактики против тиранов и монархов всякого рода. Когда Макиавелли было девять лет, один из правителей Флорентийской республики, Джулиано Медичи, был убит в церкви, а другой — Лоренцо — ранен в результате заговора Пацци. Во время похода французов в Италию Медичи были свергнуты, была восстановлена демократия, с которой и связал всю свою жизнь и деятельность Макиавелли. Когда Медичи вернулись обратно, Макиавелли подвергся аресту, пытке (6 ударов плетью) и высылке из Флоренции. Он принял участие в неудавшемся заговоре против Медичи, после чего и пытался, без особого, впрочем, успеха, с ними примириться. Описывая организацию и технику заговоров, Макиавелли считает их чрезвычайно рискованным средством борьбы и во всяком случае таким, которое требует исключительных условий для достижения успеха.

Поэтому в большинстве случаев выгоднее открытое, решительное и смелое выступление против тирана. Но для этого нужно опираться на достаточную силу. Если же ее нет, тогда приходится идти путем заговора.

* Он два раза обвинялся в заговорах против господствовавшей во Флоренции буржуазной олигархии.

Правила конспирации Макиавелли преподает, между прочим, также и в III книге «Discorsi», в главе 2-ой под остроумным заголовком: «Как умно иногда притвориться дураком».

«Надо всячески стараться войти к монарху в милость, надо не пропускать ни одного случая, удобного для этой цели, надо делить с ним все его удовольствия и, если он развратничает, служить ему товарищем по разврату...» Это предохранит жизнь заговорщику и поможет ему «достигнуть своей цели, низвергнув монарха при удобном случае» *. Сюда и относится приводимая ниже 20-ая цитата Маркса из «Discorsi», заключающая в себе еще несколько полезных правил конспирации, применявшихся в то обильное революционными потрясениями время.

Мы видим, таким образом, что Маркс извлек из «Discorsi», несомненно, интересный и значительный материал. Хотя цитаты, выписанные Марксом, не захватывают всех основных идей Макиавелли, но они могут служить основой для изучения некоторых сторон политических и социологических взглядов этого крупнейшего политического писателя своей эпохи, у которого и в наши дни есть чему поучиться.

ВЫПИСКИ ИЗ СОЧИНЕНИЙ МАКИАВЕЛЛИ

1

...Я нахожу, что осуждать столкновения между аристократией и народом значит порицать первые причины свободы Рима; это значит обращать больше внимания на ропот и крики, возбуждаемые этими столкновениями, чем на полезные их последствия. Рассуждающие таким образом не видят, что в каждой республике всегда бывают два противоположных направления: одно — народное, другое — высших классов; из этого разделения вытекают все законы, издаваемые в интересах свободы.

(С. 132) **

* Рассуждения. С. 372.

** Выписки приведены по русскому переводу под ред. Курочкина (Макиавелли Н. Государь. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869). Текст Курочкина был нами несколько исправлен. Подлинные выписки сделаны Марксом из немецкого издания: Niccolò Machiavelli's Sämmtliche Werke / übers. v. Joh. Ziegler. Bd. I. Karlsruhe, 1832. — В. М.

2

...Очевидно, однако, что перевороты чаще вызываются людьми состоятельными, потому что страх потери порождает в них те же страсти, которыми одержимы стремящиеся к приобретению.

(С. 136)

3

...Ликург своими законами установил в Спарте большее равенство имуществ и меньшее равенство положений.

(С. 138)

4

...Людей обвиняют в судах, перед народом, перед советом; клеветают же на них на улицах и площадях.

(С. 146)

5

Бесчисленные примеры из древней истории доказывают, как трудно народу, привыкшему жить под монархической властью, сохранять потом свободу, если он приобрел ее по какому-нибудь случаю, как приобрел ее Рим по изгнании Тарквиниев. Трудность эта понятна; потому что такой народ не что иное, как грубое животное, которое, хотя свирепо и дико, но вскормлено в тюрьме и в рабстве. Если его вдруг выпускают на свободу в поле, то оно, не умея найти ни пастбища, ни пристанища, становится добычею первого, кто захочет вновь им овладеть.

(С. 167)

6

...Развращение и малая способность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства, а для восстановления равенства необходимы самые крайние меры.

(С. 172)

7

...Пока Римом правили цари, ему постоянно грозила опасность упадка при правителе слабом и порочном.

(С. 179)

8

...Кроме того, в Риме ежегодно совершалась одна религиозная церемония, которую мог совершать только сам царь; когда царей не стало, римляне заботились, чтобы народ не пожалел из-за этого о каком-нибудь из древних обычаев; поэтому они учредили должность председателя этой церемонии, назвав его царь-жрец и подчинив его верховному первосвященнику.

(C. 187)

9

...Римская аристократия всегда без особенного сопротивления уступала народу почести; но когда дело коснулось имуществ, она стала защищать их так упорно (что народу для удовлетворения своего желания пришлось прибегать к чрезвычайным мерам)*.

(C. 212)

10

...Хотя знатные любят властвовать, но та часть знати, которая не участвует в тирании, всегда враждебна тирану, и он никогда не может вполне расположить ее к себе.

(C. 221)

11

...Люди, говорил король Фердинанд, похожи на мелких хищных птиц, которые так увлекаются преследованием добычи, что не замечают, как на них готовится кинуться и убить их другая, более сильная, птица.

(C. 223)

12

Чтобы объяснить, кого я разумею под именем, *дворян* **, замечу, что дворянами называются люди, праздно живущие обильными доходами со своих владений, не имея нужды заниматься земледелием или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республике и во всякой стране; из них особенно вред-

* Взятое в скобки опущено Марксом.

** Подчеркнуто Марксом.

ны те, которые имеют сверх того замки и покорных подданных. Королевство неаполитанское, Римская область, Романья и Ломбардия полны подобными людьми. В таких странах не может быть ни республики, ни вообще какой бы то ни было политической жизни, потому что эта порода людей — *заклятый враг всякой гражданственности* *.

(С. 248)

13

... Там, где общество настолько развращено, что его нельзя обуздать законами, нужна более действительная сила, т. е. рука короля.

(С. 248)

14

... Тот, кто хочет основать республику в стране, где много дворян, не сможет этого сделать, если сначала не истребит их всех; с другой стороны, тот, кто хочет основать королевство или княжество там, где господствует равенство, не сможет этого сделать, если не нарушит равенства, возвысив значительное число людей честолюбивых и беспокойных, сделав их дворянами, и притом не номинально, а действительно, дав им замки и владения, привилегии, богатство и подданных, так, чтобы, стоя посреди них, он при их помощи сохранял свою власть, а они при его помощи удовлетворяли бы свое честолюбие.

(С. 249)

15

Народ в совокупности силен, а в отдельности слаб.

(С. 251)

16

... Также при выборе чиновников народ действует гораздо удачнее государя.

(С. 256)

* То же.

17

...Государь, имеющий возможность делать все, что ему вздумается, превращается в бешеного самодура, а народ, могущий делать, что хочет, только неразумен. Поэтому, если сравнить государя и народ, связанных законами, видишь, что народ лучше; точно так же и не связанный законами народ реже впадает в ошибки, чем государь; сами ошибки его меньше, и средств к их исправлению больше. Это потому, что распущенный и бунтующий народ легко может поддаться уговорам хорошего человека и возвратиться на правильный путь, а с государем *дурным никто не может говорить, и против него нет никакого средства, кроме железа* *.

(С. 257)

18

...Когда народ предается своеволию, то боятся не тех безумств, которые он творит, и страшатся не того зла, которое он может наделать в настоящую минуту, а того зла, которое может возникнуть впоследствии оттого, что во время таких смут может появиться тиран. Иное дело с дурным правителем; тут все боятся зла в настоящем, а на будущее время надеются, что его дурная жизнь приведет к восстановлению свободы.

(С. 257)

19

Размышляя о том, почему в древние времена народы были больше нашего преданы свободе, я прихожу к убеждению, что это зависит от той же причины, по которой нынешние люди менее сильны: это, мне кажется, зависит от разницы воспитания, которая в свою очередь проистекает от различия религии, древней и нашей. Наша религия показывает нам истину и правильный путь жизни, чем заставляет меньше ценить мирские выгоды, а так как язычники их очень ценили и видели в них свое высшее благо, они в своих поступках были более жестоки, чем мы. Это можно видеть по многим обычаям древних, начиная с великолепия их жертвоприношений и скромности наших, в которых обряды отличаются больше чувством, чем великолепием, и не имеют в себе

* Подчеркнуто Марксом.

ничего жестокого и возбуждающего храбрость. Обряды их были пышны и торжественны, но сопровождались кровопролитием и жестокостями; они убивали множество животных, и эта ужасная бойня возбуждала кровожадность людей. Кроме того, древняя религия боготворила только людей, покрытых мирской славой, как например, полководцев и правителей государств. Наша религия признает святыми большею частью людей смиренных, более созерцательных, чем деятельных. Наша религия полагает высшее благо в смирении, в презрении к мирскому, в отречении от жизни, тогда как языческая религия полагала его в величии души, в силе тела и во всем, что делает человека могущественным. Наша религия, если и желает нам силы, то больше не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, обессилил мир и предал его в жертву мерзавцам. Когда люди, чтобы попасть в рай, предпочитают скорее переносить побои, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще.

(С. 272—273)

20

Стало быть, надо притвориться дураком, как Брут. Притворство это именно в том и состоит, чтобы хвалить, утверждать, рассуждать, поступать против того, что думаешь, с целью подольститься к государю.

(С. 373)

21

...Республика имеет больше жизненных элементов и пользуется дольше счастьем, чем монархия, так как она, имея граждан различного характера, может лучше приспособляться к различным обстоятельствам времени, чем государь.

(С. 405)

В. МАКСИМОВСКИЙ

Новые книги о Макиавелли

Ferrara Orestes. Machiavel / Traduit par Francis de Miomandre. Paris: Société de l'Histoire de France, 1928. VIII, 370 p., 4°.

(Ferrara Orestes. Maquiavelo. Prólogo de Luis Octavio Divinó. La Habana: «El Siglo XX», 1928. XXVIII, 361 p., 4°.)

Prezzolini Giuseppe. Vita di Nicolo Machiavelli fioretino. Milano: A. Mondadori, 1927. 254 p., et index, 8°.

Vignal L. Gautier. Machiavel. Avec 16 héliogravures. Paris: Payot. 295 p., 8°.

Послевоенная эпоха вновь пробудила интерес к Макиавелли, особенно в Германии, где появилось новое издание его большой работы «Discorsi» в серии «Классики-политики», работы Оппельна-Брониковского, Форлендера и других. Этот интерес еще больше возрос в связи с 400-летием со дня смерти Макиавелли. Рецензируемые книги представляют собой работы преимущественно биографического характера. В литературном отношении все они стоят высоко, объем их значителен; книга Феррары вышла во французском переводе, а затем в оригинале, на испанском языке; книга Преццоллини переведена уже на немецкий и английский языки; книга Виньяля по самому своему характеру рассчитана на французский и итальянский книжный рынок; поэтому перечисленные книги заслуживают внимания и наших читателей.

Наибольшее значение имеет первая книга, написанная юристом и политическим писателем латинской Америки — О. Феррарой, бывшим представителем Кубы в Лиге Наций и в панамериканском союзе, затем послом Кубы в Соединенных Штатах. Автор — либерал, франкофил, у себя на Кубе — профессор и академик, о чем любезно и очень пространно сообщают в предисловиях к обоим изданиям книги Фр. де Миомандр и Л.-О. Дивиньо.

Книга Феррары представляет собой в значительной части довольно самостоятельную переработку биографического материала и включает обстоятельную характеристику политических и исторических работ Макиавелли.

Работа Перццолини — занимательное, полубеллетристическое произведение. Почти не давая нового материала, она интересна как попытка в красочных эскизах, иногда несколько аляповатых, воспроизвести личность Макиавелли — политика, дипломата, драматурга, — не вырывая ее из окружающей среды.

Книга Виньяля также не дает почти ничего нового в отношении биографии Макиавелли; это — простая компиляция, но она интересна подробным очерком событий французской истории, связанных с историей Италии и биографией Макиавелли, а также хорошими иллюстрациями, портретами Макиавелли и современных ему политических деятелей.

Подробного отзыва заслуживает книга Феррары. Содержание ее 15-ти глав следующее: различные суждения о Макиавелли, юность, государственная служба, Макиавелли и Цезарь Борджиа, Макиавелли — шпион Содерини, организация милиции и путешествие в Германию, апогей влияния Макиавелли, падение республики, ссылка в Сан-Кашьяно, бессмертие и «Il Principe», представление о свободе и об управлении у Макиавелли, подчинение его Медичи, Макиавелли-драматург, Макиавелли-историк, его военная работа и смерть.

В отличие от большинства биографов Макиавелли, Феррара думает, что предки Макиавелли не принадлежали к аристократии. «Гипотеза о происхождении его от знаменитых тосканских маркизов, — пишет автор, — лишена всякого основания. Также недостоверно и то, что одна из ветвей его рода (не нося имени Макиавелли) принадлежала к феодальным сеньорам Монтеспертоли» (С. 44). Феррара выводит отсюда, что Макиавелли по происхождению не был вообще аристократом, но его аргументы нельзя признать достаточными, так как прямых положительных данных он не дает; если же фамильные предания семьи Макиавелли и были неправильны, а сам он в буржуазной республике, отменившей феодальные привилегии, естественно, не хвастался своим происхождением, это не уничтожает того факта, что его считали аристократом по происхождению, и сам он, человек не без претензий, ставил свой род наравне с аристократами Пацци. Аргументы Томмазини были в свое время более серьезны. Во всяком случае, и Перццолини, и Виньяль поддерживают версию об аристократическом происхождении Макиавелли.

Интересна справка о социальном положении Макиавелли, этого нуждавшегося дипломата и секретаря правительства Флорентийской республики. Его имущество не возросло за время службы на этой должности. По должности он получал на наши деньги 500 рублей золотом в месяц, имея еще некоторый доход от дома во Флоренции и от дачи в Сан-Кашьяно. Это, как выражается Феррара, была только «зажиточность» (*bien-être*), он не был предпринимателем в полном смысле слова.

Феррара подробно анализирует политическое положение Флорентийской республики в эпоху Макиавелли, партии, действовавшие там. Он признает правильным «общее мнение крупнейших политиков того времени, что во Флоренции никогда не было лучшего правительства, чем то, которое существовало в 1494—1512 гг.» (С. 55).

Хорошо освещена в книге политическая роль Макиавелли. Он никогда не был полномочным послом, он — посол для информации, для подготовки почвы («готовлю пути господу», — говорит он иронически про себя), но он пользовался огромным доверием правительства и фактически делал очень много, сидя бессменно 14 лет секретарем, в то время как правительство переизбиралось и сменялось (С. 57). С 1502 по 1512 г. главой республики стал Пьеро Содерини, в звании пожизненного гонфалоньера. Этот честный демократ без всяких диктаторских приемов управления (за что его и осудил впоследствии Макиавелли), будучи вождем буржуазии, пользовался авторитетом и у массы мелкой буржуазии. Макиавелли был, как указывает Феррара, не только его сторонником, но и принадлежал к его «*samarilla*» (ближайшим друзьям). Записка Макиавелли о реформе финансов — «первый шаг к политической зрелости секретаря», — где впервые он высказывает свои основные политические идеи, написана скорее для Содерини, чем для ее автора (С. 105). Но апогея влияния и славы Макиавелли достиг организацией армии и своим решающим участием в завоевании Пизы; здесь его роль, хотя и преувеличенная друзьями, была очень велика (С. 140). Полная политическая зрелость обнаруживается особенно в его письмах 1509 г. Характерно, что теперь он ставит своим лозунгом: *prius vivere, deinde philosophare* (сначала жить, потом философствовать) (С. 146).

Интересны замечания Макиавелли о папстве, извлеченные автором из одного дипломатического письма Макиавелли: «Если бы Флоренция не была в том положении, в котором она находится теперь, было бы полезно, чтобы эти попы получили хороший урок». И еще: «Для того, чтобы оказать сопротивление папе, не

нужно иметь столько императоров и делать столько шума» (С. 155).

Однако после свержения республиканского правительства Макиавелли пришлось не столько «жить», сколько «философствовать», — в ссылке он стал настоящим писателем. Феррара подробно анализирует работу Макиавелли над его основными политическими сочинениями «Il Principe» и «Discorsi», а затем оценивает его как историка. Он правильно критикует легенду о Макиавелли — защитнике монархов, разоблачает клевету на Макиавелли и лицемерные обвинения его в безнравственности. Феррара подчеркивает, что в то время, когда Макиавелли больше всего ненавидели — от Монтеня до Монтескье, — «его советам следовали с бóльшим или меньшим лицемерием все, не исключая нежного и надоедливого Боссюэта» (С. 229). Но его собственные объяснения общих политических взглядов Макиавелли, по нашему мнению, далеко нельзя признать верными. Макиавелли был буржуазный демократ — это понимает Феррара, хотя он и не анализирует Макиавелли с классовой точки зрения. Макиавелли допускал единоличную власть лишь как временную диктатуру для установления буржуазно-демократической республики, власть «разумного организатора» нового строя. Феррара же думает, что, изучая единоличную власть и республику беспристрастно (*avec impartialité*) и ставя себе основной задачей сохранить государство всеми средствами среди «бушующего моря» тогдашней действительности, среди переворотов и войн, — Макиавелли считал обе эти формы власти — «тиранию и свободу» — «одинаково полезными» (С. 204). Это скорее рассуждение современного буржуа, знающего, конечно, цену современной буржуазной республике, которую действительно не отличишь от тирании. В других случаях автор прав, указывая, что Макиавелли рассуждает часто, как наш современник; в идеях буржуазной революционной диктатуры и фашизма — буржуазной реакционной диктатуры — есть общее, именно то, что обе формы диктатуры являются диктатурой одного и того же класса. Это выражается ясно у Макиавелли в его отношении к мелкой буржуазии и особенно к рабочим мануфактуры, но на этом Феррара, естественно, не останавливается. Что касается характеристики «Истории Флоренции», то Феррара, следуя за Томмазини, считает, что как фактическая история эта книга уступает даже более ранним и современным ей работам Л. Бруни, Бьондо, Поджо, Гвиччардини, Джовио, Аммирато; что Макиавелли «постоянно впадает в ошибки, все время списывает у других»; что первые четыре книги почти сплошь списаны у предшественников, вторая половина — бо-

лее самостоятельная компиляция (С. 331), но в те времена подобное списывание у других авторов было очень распространено (С. 332). Феррара признает все же, что Макиавелли, вместе со своими современниками, открывает новую фазу в развитии истории — «передачу фактов в их взаимной связи, в понятной и логичной форме» (С. 333). Новое у него: 1) «современная проблема столкновений между буржуазией и пролетариатом (porolo и plebe того времени)»; 2) рассмотрение флорентийской истории в связи с историей Италии (чего нет у Бруни и Поджо); 3) «очень интересные политические введения к каждой книге, нечто вроде философии истории» (С. 335). Эти черты как раз и ставят книгу Макиавелли выше всех современных ему исторических сочинений. Для нас особенно важна последовательно проводимая им классовая точка зрения, конечно в его понимании. Книга Феррары полезна для всех интересующихся Макиавелли как политическим деятелем и писателем.

Вторая из рецензируемых работ — книжка Преццолини — предназначена для широкой публики.

Для характеристики полубеллетристической манеры писания Преццолини приведем два примера. Один — глава III под заглавием «Паспорт Никколо Макиавелли». В форме паспорта дана беглая характеристика Макиавелли. «Сын покойного Барнардо и Бартоломеи ди Стефано Нелли; родился во Флоренции 3 мая 1469 г.; профессия: секретарь Комиссии десяти по военным делам и других комиссий Флорентийской республики (с 19 июня 1498 г. по 7 ноября 1512 г.); рост — средний; телосложение — худой; глаза — черные и живые; волосы — черные, как ворон; голова — маленькая, лоб — широкий; рот — маленький, губы — тонкие; улыбка, естественно, “макиавеллическая”; скулы — выдающиеся, как у кошки, у куницы, у обезьяны и у других хитрых животных; особые приметы: волосатый; семейное положение: женат на Мариетте ди Бартоломео Корсини. Печати и марки на отметках о прибытии и отбытии: Пьомбино, Форли, Сиена, Рим, Пиза, Ареццо, Мантуя, Феррара, Перуджия, Ассизи, Сенигалия, королевство Франция, Швейцарская федерация, Германская империя, Верона, Пьяченца, Чивитавеккиа» и т. д. (С. 25—26).

Другой пример: замечательное воспроизведение протокола Большого совета республики 10 июня 1527 г., когда, после вторичного изгнания Медичи и восстановления республики, Макиавелли выставил свою кандидатуру в секретари правительства. Однако времена изменились: вместо буржуазии капиталистического типа у власти стала мелкая буржуазия, весьма демократи-

ческая, но примыкавшая к партии *riagnoni* (плакс), бывших сторонников Савонаролы, враждебных всякому экономическому и социальному прогрессу. Присутствуют 567 членов Совета, отсутствуют 23, «извинились» 20. Председательствует Никколо ди Джино Каппони, гонфалоньер республики. На обсуждение поставлено предложение назначить секретарем республики Флоренции Никколо ди Бернардо Макиавелли, по профессии историка. Б. Аванчини — против: Макиавелли стал сторонником Медичи и после того, как служил республике, изменил ей; достаточно сказать, что он получал жалованье от папы Климента VII. Другие ораторы указывают, что Макиавелли осуждал внешнюю политику флорентийцев, — в его комедиях осмеяны самые уважаемые граждане, он оказывал предпочтение немецким солдатам над итальянскими. Луиджи Аламанти — за Макиавелли: он всегда хотел добра отечеству, знает политические дела как никто другой; если к нему хорошо относятся знать и иностранцы, тем лучше; наконец, он честный человек, за столько лет службы ни одного флорина не прилипло к его рукам. Вновь говорят, что Макиавелли критиковал Флоренцию, близок к иностранцам, получал от них деньги, его нельзя принять за доброго итальянца. Леоне дельи Альбицци не верит Макиавелли: он — ученый (*голоса*: долой ученых!); отечество нуждается в людях благонадежных, а не в ученых; Макиавелли — историк, который оправдывает всех: хорошо отзывался о тиранах и выражал сочувствие их убийцам; это можно делать в истории, но нельзя допустить в государственных делах. Другие: он насмешник и считает себя выше всех, он слишком симпатизировал герцогу Валентино, хотел быть его министром; очевидно, если бы опять у нас был такой сосед, он мог бы изменить. Макиавелли ведет жизнь, не соответствующую обычаям и нерелигиозную, он ел скоромное в день святой пятницы, — кто видел его на проповедях? Он учил богатых отбирать имущество у бедных, — говорит Тото (Антонио) Браччолини, — учил Медичи отнимать власть у народа. Один *riagnon* говорит: он плохо отзывался о Савонароле. (*Весь Совет*: у, у, угугу!). Тогда опять говорит Л. Аламанти: но поймите же, что вы совершаете настоящую глупость, Макиавелли один из немногих людей, на которых вы можете рассчитывать; сколько человек из вас были сторонниками Медичи до вчерашнего дня?! (*Голоса*: Не клеветать! Где он был, когда мы боролись? Где его раны? Вот наши! Он спрятался... сидел в трактире... хуже того — в библиотеке, читал старые книжонки. Не хотим философов! Долой философов! На голоса!) Гонфалоньер ставит на голосование: 555 черных бобов, 12 белых бобов. Предложение отвергнуто (С. 234—237). Здесь, ко-

нечно, есть подработка материала, но «дух эпохи» передан очень живо. Для религиозной и крайне патриотической мелкобуржуазной массы Макиавелли не был своим человеком, несмотря на его плебейские манеры; верно, что он служил Медичи, получал жалованье как историограф, но он не учил их угнетать народ, а советовал восстановить республику; во время свержения Медичи он был на фронте — против германского императора.

Остальное приблизительно верно. Верно и то, что новая Флорентийская республика оказалась чрезвычайно неустойчивой и очень скоро привела Флоренцию к монархическому строю.

У Преццолини интересны еще некоторые социологические замечания о влиянии среды, особенно флорентийской улицы, на Макиавелли. Но автор увлекается: он пишет об улыбке Макиавелли, о его жене, любовницах и даже о том, что он ел и как он ел. Оказывается, есть два типа людей, которые различаются не меньше, чем «христиане и евреи, большевики и капиталисты»: это те, кто едят на оливковом масле, и те, кто предпочитают коровье. Так, Макиавелли любил оливковое. Вообще, он не любил много есть и в ответ на приглашение эмигрировать во Францию сказал: «Предпочитаю скорее умереть от голода во Флоренции, чем от несварения желудка в Фонтенебло» (при дворе французского короля). Это, конечно, делает честь его патриотизму, которым так восторгается Преццолини.

Очень ярко описаны в книге Преццолини странствования Макиавелли в качестве дипломата по Италии и другим странам, его служба в качестве секретаря, его личная жизнь, его остроумие, живой, скорее оптимистический характер, несмотря на известные черты достаточно обоснованного пессимизма в его суждениях о людях, особенно о правителях государств. Излагая и оценивая политические взгляды Макиавелли, автор высказывает некоторые верные мысли, но переплетает их такими формулировками, которые искажают смысл положений Макиавелли, а иногда характеризуют больше самого автора, чем того, о ком он пишет. Например, совершенно верно, что, по Макиавелли, основатель государства «должен быть один», но это вовсе не какое-то необычайное существо, не «герой», каким его изображает автор (С. 165). Верно, что Макиавелли объективно изучает государства, законы их движения и в числе их двигателей указывает *virtù*, т. е. человеческую активность (*attività umana*) (С. 168). Весьма удачно написано, что про «макиавеллистов» XVII—XVIII веков, сторонников абсолютной монархии, Макиавелли мог бы сказать: «я не был макиавеллистом» (С. 252). Но столь же неправильно утверждать, как это делает автор, что Макиавелли «не был ни

монархистом, ни республиканцем, так как у него не было идеала, он писал о возможном» (*possibile*) (С. 202). Республиканские взгляды Макиавелли достаточно ясно выражены в «Discorsi». Кроме того, если согласиться с автором, становится непонятно, почему Макиавелли советовал Медичи восстановить во Флоренции республику в тот момент, когда Медичи шли к установлению там монархии и ждали от Макиавелли указаний в этом именно духе. И дальше, мотивируя точку зрения Макиавелли, Преццолини пишет: по его мнению, «у каждого народа свои нужды, у одного не те, что у другого» (*ibid.*). Это скорее точка зрения Монтескье, а не Макиавелли; автор сам пишет в другом месте, что в основном правила государственного устройства, по мнению Макиавелли, одинаковы везде и всегда (С. 167). Автор не уясняет себе исторической и классовой точки зрения Макиавелли, который полагает, что монархия уместна в феодальном или полufeодальном обществе и что она падает вместе с ним, заменяясь новым, т. е. буржуазным государством республиканского типа.

Всего курьезнее собственные политические высказывания автора. Во времена Макиавелли, пишет он, люди еще не умели жить. Теперь «мы знаем, что сражаться за свободу — это глупость. Мы знаем, что народы не всегда хотели свободы: это — аристократическое чувство, им одарены немногие, так же как немногие бывают поэтами, немногие на самом деле моральны, гениальны и т. п. ... народы в известные моменты охвачены потребностью быть под командой, хотят не думать, а повиноваться... и тогда Тиран [с большой буквы. — В. М.] полезен, необходим, послан провидением» (С. 62).

Оказывается, Макиавелли это знал уже тогда, в то время как другие не знали. Такое толкование его идей слишком современное и фашистское: Макиавелли ведь рекомендовал истреблять тиранов. И если автор правильно отметил, что «тираны» (т. е., конечно, не тираны, а предполагаемые Макиавелли основатели новых централизованных государств) «представляли прогресс и современное государство перед лицом Средневековья» (С. 63—64), то у автора нет никаких оснований заявлять, что Макиавелли вдохновлял всех позднейших тиранов, начиная с Наполеона и кончая Муссолини, что он «подготавливал в Саландре объявление войны Австрии и сопровождал Муссолини в его марше на Рим»; это уж такой комплимент, за который старый флорентийский секретарь не поблагодарил бы своего новейшего биографа. Впрочем, может быть, по мнению последнего, этот «марш» тоже прогресс... по сравнению со Средневековьем? Времена изменились, и

диктатура буржуазии и ее вождей, тогда прогрессивная, стала теперь реакционной.

Книга Виньяля интересна, прежде всего, некоторыми общими соображениями, высказанными автором в предисловии. Макиавелли жил в момент наивысшего общественного подъема. Кругом него все было в состоянии возникновения и движения. «Мы присутствуем, — пишет Виньяль, — при образовании современных больших государств, при установлении нового европейского равновесия и при первых итальянских войнах, последствия которых огромны во всех областях» (С. 9). Открытие Америки, морского пути в Индию опрокидывают экономику и политику всего мира. Одним словом, «не было на свете эпохи более плодотворной, чем эта» (С. 10). Жизнь Макиавелли во многих отношениях малозначительна: он некрасив, беден, он играл небольшую роль, современники ставили его весьма невысоко, но от каждой эпохи остаются, в конце концов, «только произведения искусства да кой-какие книжки», и вот Макиавелли «в течение четырех веков медленно берет над большинством своих великолепных современников обычный реванш человека мысли над человеком действия» (ibid). Все это слишком драматизировано. Оценивая кратко основные политические идеи Макиавелли, Виньяль приходит к такому выводу: «Средства, употребляемые в политике, несколько не изменились со времен Макиавелли. Случаи, когда обман и сила одерживают верх над честностью и правом, составляют вплоть до нашего времени все содержание истории. Но всякий изображает дело так, что это — обычай прошлого времени и что теперь в политических отношениях народов царствует новый порядок. Таким образом, Макиавелли обязан своей славой наивности одной части человечества и лицемерию другой» (ibid.). Это недурная характеристика современной буржуазной политики.

Книга Виньяля излагает события жизни Макиавелли, истории Флоренции, других итальянских государств, Франции и смежных стран, поскольку эти события между собой связаны. Изложение идет в строго хронологическом порядке, месяц за месяцем. Автор пользуется разнообразными печатными источниками, главным образом французскими, широко использует сочинения Макиавелли, особенно его отчеты о посольствах и обширную переписку с правительством Флорентийской республики; многое, как указывает сам автор, изложено словами Макиавелли. Благодаря этому методу автор успешно достигает своей цели — изобразить Макиавелли «на его собственном маленьком месте, предоставляя другим играть первую роль, если этого требуют исторические обстоятельства» (С. 11).

В общем, изложение остается узко-фактическим. Мы не находим в книге анализа классовых отношений во Флоренции того времени, слишком мало социальной истории вообще. Виньяль по типу старых историков повествует о политических событиях в их прагматической связи, иногда вставляя в цепь фактов небольшие характеристики лиц, народов, обстановки. Автор неправ, говоря, что Макиавелли чужд всего, что имеет отношение к искусству (С. 17): он оставил крупный след в истории драматического искусства своей комедией «Мандрагора». Другие драматические отрывки и незаконченная поэма «О золотом осле» тоже неплохие вещи.

Рассуждения Виньяля об основных работах Макиавелли «Il Principe» и «Discorsi», о республиканских и монархических тенденциях этих книг и т.п. не имеют серьезного значения, хотя некоторые из них обоснованны и разумны. Книга заканчивается несложной, но довольно удачной характеристикой Макиавелли как политика и писателя и большой, хорошо составленной библиографией, включающей свыше 200 названий. В книге очень ценна ее иллюстративная часть: даны прекрасно исполненные портреты Макиавелли, Цезаря Борджиа, Лодовико Моро, королей Карла VIII и Людовика XII, пап Юлия II, Льва X и Климента VII, императора Максимилиана и др.

В. МАКСИМОВСКИЙ

Идеи диктатуры у Макиавелли *

В политическом учении Макиавелли есть глубокое противоречие, которое давно возбуждало общий интерес исследователей. Каждый, кто изучал или даже только читал его основные работы «Discorsi» и «Il Principe», невольно задавал себе вопрос: как мог республиканец, демократ, включивший в «Discorsi» настоящую «похвалу народу» под заглавием: «Народная масса умнее и постояннее государя», сочинять в то же время по собственному почину в «Il Principe» советы единоличным правителям, случайным захватчикам власти, может быть даже тиранам? Этот вопрос, на разные лады ставившийся различными писателями свыше четырехсот лет, стали, в конце концов, считать какой-то загадкой. И каждый интересовавшийся работами Макиавелли исследователь пытался дать свое решение этой загадки. Нам кажется, что теперь есть достаточно данных для того, чтобы попытаться объяснить указанное противоречие с точки зрения материалистического понимания истории. Это даст нам очень ценный материал для изучения истории идеи диктатуры.

1. МАКИАВЕЛЛИ И ЕГО ЭПОХА

Учение Макиавелли живыми нитями связано с основными фактами его эпохи. Он сам был довольно крупным политическим деятелем. Активную роль Макиавелли играл, главным образом, в 1498—1512 гг., когда он был секретарем правительства Флорентийской республики и ездил с дипломатическими поручени-

* Настоящая статья — результат работы в Институте Маркса и Энгельса по изучению истории идеи диктатуры. Основная часть ее была прочтена в качестве доклада в секции истории Запада О-ва историков-марксистов в апреле 1929 г.

ями в разные страны. В это время во Флоренции господствовала буржуазная демократия, установленная при участии Савонаролы. По своему происхождению Макиавелли принадлежал к одному из знатнейших феодальных родов Флоренции, но феодальные права были там уже отменены, родители его, небогатые люди, принадлежали к числу юристов, и таким образом он воспитывался с детства в обстановке совершенно буржуазной. Всю свою жизнь он честно служил Флорентийской республике и был ближайшим помощником «гонфалоньера народа» Пьеро Содерини, когда олигархия Медичи в 1498 г. была свергнута и во главе республики стали более широкие круги флорентийской торговой буржуазии. В 1512 г. после падения демократии и восстановления Медичи он был смещен, обвинен в заговоре против нового правительства, подвергнут пытке, аресту в тюрьме и высылке из Флоренции. Во время высылки в 1512—1514 гг. написана основная часть его работ: «Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio» («Рассуждения на первую декаду Тита Ливия») и «Il Principe» («Государь») *. Позднее он написал «Dell' arte della guerra» («О военном искусстве»). Желая вернуться к активной политической деятельности, он посвятил книгу «Il Principe» одному из Медичи, которые в то время чувствовали себя еще недостаточно прочно у власти и правили очень умеренно. Однако он не добился ничего, кроме «легализации», возвращения на службу. Ему поручили написать историю Флоренции и послали несколько раз в ничтожные командировки. Папа Лев X (Джованни Медичи), очень ценивший беллетристические произведения Маккиавелли, предложил ему написать проект организации управления Флоренцией, и, таким образом, появилась еще одна интересная работа «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze» («Рассуждения о реформе Флорентийского государства»). Это произведение человека, который был перед тем 14 лет секретарем правительства республики, считался авторитетом в политических вопросах, было положено под сукно, очевидно вследствие его республиканского характера. В конце жизни Макиавелли закончил свою работу в качестве официального историографа Флоренции, написав 8 книг «Storie Fiorentine» («История Флоренции»), и вновь вернулся, наконец, к более активной политической деятельности в связи с походом в Италию императора Карла V. Но это продолжалось недолго: пережив новое падение Медичи, он умер в 1527 году.

* Cp.: *Mordenti Fr.* Diario di Niccolò Machiavelli. Firenze, 1880. P. 379—380, 505; *Villari P.* Niccolò Machiavelli e i suoi tempi. Milano, 1927. Vol. II. P. 40.

Макиавелли — крупнейший политический писатель времен Возрождения. Эта эпоха представляла собой, как известно, начало переходного периода от феодализма к капитализму в Западной Европе. Огромный рост ремесла, развитие торгового капитала привели к радикальной ломке старых феодальных отношений. Началась великая социальная революция, которая завершилась только в XIX веке установлением капиталистического способа производства и переходом власти в руки буржуазии. Переворот начинался с Италии, где было больше всего остатков античной римской культуры, и где поэтому наиболее оживляющим образом сказалось влияние арабов.

До сих пор еще мало исследованы итальянские революции XIV—XVI веков, результатом которых было свержение феодалов и отмена феодальных привилегий в итальянских мелких государствах *. Во всяком случае, родина Макиавелли — Флоренция — была тогда в промышленном отношении самым передовым государством Италии, а в торговом отношении конкурировала с Венецией **. Она избавилась от господства феодалов уже в 1343 году, и с тех пор в ней стояли у власти различные буржуазные группировки, если не считать кратковременного господства восставших ремесленников и рабочих — «чомпи» (в 1378 г.). Вышедшая из средней буржуазии купеческая семья Медичи в течение многих десятилетий управляла республикой. Медичи были европейского масштаба купцами и банкирами. Они давали займы королям, нанимали лучших военных руководителей (*condottieri*) для ведения войн и платили даже регулярно жалованье государственным деятелям союзных государств за поддержку своих замыслов в области внешней политики. Так, они были, например, в союзе с Людовиком XI, и крупнейший политик его царствования Филипп де Комин получал от них деньги. Позднее Медичи стали папами, герцогами, породнились с королями (французские королевы Екатерина и Мария Медичи). Только начавшаяся в Италии буржуазная революция могла вознести на такую головокружительную высоту рядовых купцов Флорентийской республики, избранников народа, ставших его тиранами.

История Италии того времени полна переворотов и войн. Все находится там в величайшем брожении. Сами римские папы,

* Ср. новую работу: *Clarke M. V. The Medieval City-State. London, 1926.*

** В тогдашней Европе Флоренция была довольно значительным государством. Во всяком случае, усиленное подчеркивание малых размеров Флоренции, которое мы встречаем даже у некоторых из новых биографов Макиавелли (напр., *Oresto Ferrara*), по нашему мнению, неосновательно.

представлявшие собой в течение нескольких столетий вершину феодальной пирамиды в западноевропейском масштабе, здесь в Италии пытаются создать сильное светское государство: естественно, что они сталкиваются с подчиненными им феодалами средней Италии, и в ходе этой борьбы папский военный руководитель, сын папы Александра VI, Цезарь Борджиа, так называемый герцог Валентино, начинает создавать уже не папское, а свое собственное государство; громя феодалов, разрушая их власть, опираясь то на Францию, то на Флоренцию, он сколачивает «кровью и железом» это новое государство, стремясь к объединению под своей властью всей Италии*.

В то же время, пользуясь революционными потрясениями и войнами, французы, испанцы, немцы, все, кто только может, стремятся отхватить от Италии тот или другой кусок в свою пользу. Несколько раз проходят по ее территории эти иноземцы, на которых более культурные и передовые итальянцы смотрят как на варваров; богатейшие местности Италии подвергаются разгрому, и ей, несмотря на все усилия, не удастся довершить начавшейся революции созданием единого национального государства, соответствующего потребностям капиталистической эпохи.

Общий характер движений, происходивших тогда в Италии, буржуазный, в том смысле, в каком употребляет Маркс это слово в характеристике английской революции XVII века и французской XVIII века: «То не была победа *определенного общественно-го класса* над старым политическим строем, то было лишь провозглашение политического строя для нового европейского общества**.

Вся эта торговая и ростовщическая буржуазия, ее вожди, ее политические и военные руководители играли революционную роль, двигали историю вперед, разрушая феодальный строй. Но они часто играли эту роль бессознательно, может быть преследуя субъективно иные цели. Кроме того, очищая путь для такого строя, который означает новую форму эксплуатации, и сами являясь по существу эксплуататорами, они применяли при этом те средства, которые свойственны именно эксплуататорам — угнетение, обман и грабеж.

* Ср.: Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1905. Т. I. С. 138 (со ссылкой на Ch. Yriartes); Couzinet L. «Le Prince» de Machiavel et la théorie de l'absolutisme. Paris, 1910. P. 72, 182; Prez-zolini G. Vita di Niccolò Machiavelli fiorentino. Milano, 1927. P. 121.

** Маркс, ст. в «Новой Рейнской газете» от 11 декабря 1848. См.: Aus dem liter. Nachlass von K. Marx etc. 1902. Bd. III. S. 211.

В обстановке революций и войн все обещавшие феодальные декорации пали, и на арену истории вышла открытая классовая борьба, в которую каждый из борющихся между собой эксплуататорских классов стремился вовлечь широкие массы простого народа (по Макиавелли *la plebe*), т. е. прежде всего городские массы ремесленников и рабочих, а затем и крестьянство. Макиавелли жил в начале этой эпохи. Он был идеологом этой буржуазии. Гениальность его в том, что он продумал все перспективы своей эпохи и своего класса до конца. На основе своего обширного политического опыта и основательного знания античных политических сочинений он впервые в Западной Европе построил теорию нового буржуазного государства.

Лучше всего мы поймем историческое место учения Макиавелли, если задумаемся в известную характеристику буржуазии той эпохи, данную «Коммунистическим манифестом». Здесь подчеркивается революционная роль буржуазии, ее борьба против феодального строя, за развитие торговли, производительных сил, за государственную централизацию. Здесь же указано и характернейшее явление эпохи — вторжение денег во все общественные и личные отношения, начиная с распределения продукта и кончая религиозными убеждениями людей. Этим объясняется трезвая, рационалистическая, полная неотразимой логики постановка всех вопросов у идеологов буржуазии того времени, сводящая все связи между людьми к «голому интересу, «бессердечному чистогану». Это открытие, не считающееся ни с какими феодальными понятиями — религиозными, моральными или правовыми, смелое и последовательное провозглашение новой всемирно-исторической позиции в области политики мы впервые встречаем в научной форме у Макиавелли, несмотря на то, что практически эта же самая постановка вопроса была намечена до него целым рядом политических деятелей той эпохи во всех попытках образования новых централизованных национальных государств на месте старых феодальных княжеств и уделов.

2. ИДЕИ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ У МАКИАВЕЛЛИ

В книге «Discorsi» Макиавелли высказывает свои основные политические идеи. Анализируя на основании истории Тита Ливия римский государственный строй, он дает нам изображение образцового с его точки зрения государства. Влияние политических мыслителей античного мира на Макиавелли было довольно

значительно, однако в основном его социально-политический идеал сложился в обстановке Флорентийской республики *. Иногда он целиком исходит из демократической традиции своей родины, иногда он критикует ее, но всегда он блюдет интересы этого нового, противопоставляющего себя феодализму *купеческого* общества и государства.

Макиавелли — враг феодального строя. Он стоит за самое радикальное его разрушение, за полное искоренение всех его основ. Феодалы, светские и духовные, одинаково — паразиты, живущие за счет чужого труда. Они вредны во всякой республике. «Это отродье — заклятый враг всякой гражданственности» **. Весь феодализм — «честолюбивое тунеядство» (*ambizioso ozio*) ***.

Это означает прежде всего, что Макиавелли сторонник *политической свободы*. Проповедь политической свободы обязательна для всякого порядочного флорентийского гражданина. Она звучит весьма торжественно в той речи, черновик которой сохранился в бумагах Макиавелли ****. *Una libera libertà* — вот что восхищает Макиавелли у швейцарцев или в немецких городах, когда он посещает с дипломатическим поручением германского императора *****.

Он — сторонник *политического и гражданского равенства*. В новом правильно устроенном государстве, где нет феодальных привилегий, необходимо полное равенство **.

Несомненно, считаясь с интересами мелкой буржуазии, Макиавелли выдвигает также некоторые идеи *эгалитаризма*. Для образцовой, полной демократии мало политического равенства, нужно некоторое экономическое поравнение. Только такая рес-

* В дальнейшем мы оставляем в стороне те идеи Макиавелли, на которых особенно сильно сказалось влияние античных писателей. Это не имеет особенно большого значения для нашей темы, так как в области политической теории Макиавелли более оригинален, чем, положим, в области своих социологических идей. Ср.: *Ellinger G. Die antiken Quellen der Staatslehre Machiavelli's // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1888.*

** *Discorsi*, русский перевод: *Макиавелли Никколо. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия* / Под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869. С. 248.

*** «*Discorsi*» («*Il Principe*» e «*Discorsi*») di Niccolò Machiavelli. Milano; Torino, 1860. P. 152 (русск. пер. С. 120).

**** *Oeuvres complètes de N. Machiavelli / avec une notice biographique par J. A. C. Buchon. Paris, 1867. Vol. I. P. 313.*

***** *Rapporto di cose della Magna // Opere di Niccolò Machiavelli. Italia, 1813. Vol. IV. P. 169.*

** *Discorsi. C. 172.*

публика может быть прочной, в которой граждане не слишком превосходят друг друга в имущественном отношении. Макиавелли пишет про это в «Discorsi» и возвращается к этой мысли в «Discorso il riformare lo stato di Firenze» *.

Однако эти мысли не получают у него такого развития, как до него, хотя бы у Аристотеля, а после него у Руссо.

Макиавелли — сторонник *единого централизованного национального государства*. Современное понятие государства (stato, l'Etat, Staat), впервые складывается у Макиавелли и его современников. Мы можем систематически проследить образование этого понятия по его основным работам **.

Наблюдая социально-политический строй *Франции* в качестве посла при Людовике XII, он констатирует как величайшее достижение, тот факт, что здесь корона обуздала феодалов. «Раньше, — пишет он в «Ritratti del cose della Francia», — Франция не была объединена из-за могущественных баронов, которые были смелы и у которых хватало мужества затевать всякие предприятия против короля, так как он был всего только герцог Гиэни и Бурбонне, а теперь они очень послушны, и поэтому он более смел». В прежние времена, когда кто-нибудь нападал на Францию извне, всегда находился какой-нибудь герцог Бретанский, Бургундский, Фландрский, который открывал врагу дорогу в страну ***. Теперь, благодаря системе королевских доменов и обузданию феодалов, Франция стала единым государством.

Иначе обстоит дело в *Германии*, которую Макиавелли особенно пристально изучал во времена Констанцкого сейма в 1508 г., когда он был послан туда с весьма ответственным информационным поручением. В цитированном уже отчетном докладе о его поездке изображены главные пружины государственного механизма тогдашней Германии: борьба императора с князьями, городов с феодалами, особая роль демократической Швейцарии и т. д. Здесь императору служат только его наемные войска, да и те лишь до тех пор, пока им регулярно платят деньги. Если жалованье в срок не выплачено, «они расходятся, и он не может их

* «Discorsi; Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze // Opere. Vol. IV. P. 112.

** Этот вопрос обстоятельно analyzed Francesco Ercole в его книге: *Ercole F. La Politica di Machiavelli*. Roma, 1926. P. 64—96. По нашему мнению, Макиавелли уже в 1-й главе «Il Principe» в основных принципиальных положениях употребляет термин «stato» в современном смысле слова. Ср.: *Schwer Wilhelm*. Katholische Gesellschaftslehre. Paderborn, 1928. S. 177.

*** Ritratti del cose della Francia // Opere. Vol. IV. P. 133—135.

удержать ни просьбами, ни обещаниями, ни угрозами, если у него нет денег» *. Германия не единая, но Макиавелли нравится то, что в ней сильнее всего свободные города и швейцарцы. Народ весь вооружен и умеет драться. «Городские коммуны — нерв этой страны, от них исходит ее богатство и порядок» **.

Известно, что Макиавелли, командированный к *Цезарю Борджиа*, много раз беседовал с ним, учился у него политическому искусству (это было в конце 1502 г. и в начале 1503 г.) и, несомненно, видел в нем тогда человека, который может объединить Италию.

Макиавелли очень ценит Цезаря Борджиа прежде всего за то, что он громит феодалов и организует свое самостоятельное государство. Изучая донесения Макиавелли, посылавшиеся им из резиденции герцога Валентино во Флоренцию, убеждаешься, что герцог вовсе не был тем воплощением порока и деспотизма, каким его обыкновенно изображают. Это был действительно выдающийся политик, упорно и систематически боровшийся за создание собственного государства. Уклоняясь от его услуг в качестве кондотьера, Флоренция рекомендовала ему именно этот путь. Флоренция рассматривает герцога, говорил ему Макиавелли на аудиенции, «как новую державу (*un nuovo potentato*) в Италии» ***. Она предлагает ему союз. Цезарь Борджиа ценен еще потому, что он, по наблюдениям Макиавелли, уже освободился от подчинения папе. Фактически он сильнее папы. Договор надо заключать с ним, а не с папой, пишет Макиавелли своему правительству, потому, что договор, заключенный с папой, герцог может пересмотреть, а заключенный с ним, папа не пересмотрит ****.

Макиавелли был очевидцем того, как Цезарь, разбитый и окруженный со всех сторон своими врагами, феодалами Средней Италии, внезапно переменяет оружие войны на оружие дипломатии: затеяв мирные переговоры и приостановив военные действия, он вновь собрал и организовал армию, получил помощь из Франции, поддержку Флоренции и, заманив опаснейших своих врагов в ловушку в Синигалии, захватил их в плен и истребил, вернув себе одним ударом прежнее могущество. Макиавелли описал эту операцию в своем донесении, затем в литературно-обработанном виде в очерке: «Описание способа, примененного герцогом Вален-

* *Ritratti del cose della Francia* // *Opere*. Vol. IV. P. 167.

** *Ibid.* P. 171.

*** *Ibid.* Vol. VI. P. 260—261.

**** *Ibid.* P. 313—314.

тино для истребления Вителли, Оливеротто да Фермо, сеньора Паоло и герцога Гравина Орсини» (*Descrizione del modo tenuto dal duca Valentino nello ammazzare Vitellozzo Vitelli, Oliverotto da Fermo, il signor Pagolo e il duca Gravina Orsini*). Он коснулся этой истории также в своем стихотворном произведении «*Decennale primo*», описывающим крупнейшие события в Италии за десять лет с 1494 по 1504 гг.

Он не идеализирует герцога: это — василиск.

E per pigliare i suoi nimic al vischio
Fischio soavamento, e per ridurli
Nella sua tana, questo bavalischio.

(И этот василиск принялся сладко свистеть для того, чтобы поймать в западню своих врагов и затащить их к себе в гнездо *.)

Но политически Макиавелли одобряет операцию при Синигалии как один из шагов по пути к объединению Италии. Герцог, конечно, не ангел, он не лучше других своих современников с моральной точки зрения, но он играет прогрессивную роль как новый правитель (*il principe nuovo*).

Политический строй, который Макиавелли считает наилучшим — *республика*, свободное государство (*citta libera*).

Республика лучше монархии. Она более прочна, потому что легче может приспособиться к изменяющимся обстоятельствам: ведь она может выдвинуть «длинный ряд самых превосходных вождей, преемственно следующих друг за другом» **. Она может, «имея граждан различного характера, лучше соображаться с обстоятельствами, нежели монархия» ***. В зависимости от меняющихся обстоятельств она меняет вождей, каждый раз выдвигая наиболее подходящих к требованиям момента.

Республика и внешне бывает очень сильна: «опыт показывает, что государства приобретают могущество и богатство только в свободном состоянии» ****. Пример — успехи Афин после освобождения от тирании Писистрата и римлян после свержения власти царей. «Народное правление лучше монархического» *****. Это и понятно, потому что внешнее могущество государства основывается не на частной выгоде отдельных лиц, а на общем благосостоянии всего народа. Между тем — говорит Ма-

* Tutte le opere di Niccolo Machiavelli. Geneva, 1550. Parte V. P. 66.

** Discorsi. С. 179.

*** Там же. С. 405.

**** Там же. С. 271.

***** Там же. С. 256.

киавелли — «общая польза без сомнения соблюдается только в республиках», тот или иной закон, нарушающий чьи-нибудь частные интересы, всегда пройдет в республике, если он выгоден большинству *. И с презрением истинного флорентийского демократа он называет монархию *дрянной формой правления* (*trista forma*) **.

Республика имеет один существенный недостаток — *медленность* течения дел ввиду необходимости совещаний и соглашений, «согласований» по каждому вопросу между республиканскими учреждениями. Для того, чтобы избежать этого, римляне устанавливали временную единоличную диктатуру, когда надо было действовать быстро, венецианцы учредили постоянный институт инквизиторов. Какое-нибудь подобное учреждение бывает иногда неизбежно в республике, но это нежелательно. «Вообще республика должна избегать таких обстоятельств, против которых нужно пускать в ход чрезвычайные меры... пример их всегда действует вредно; когда позволяют себе нарушать законы в видах пользы, потом не мудрено уже, что найдутся такие, которые нарушат их со злым умыслом» ***.

Макиавелли указывает еще, что некоторые республикиверяли иногда верховную власть на долгий срок отдельным лицам, например, в Спарте — царям, в Венеции — дожам, но в таких случаях республика устанавливала над этими правителями специальный надзор, не позволявший им злоупотреблять властью. Однако такие порядки опасны даже там, где общество не развращено, потому что «всякая абсолютная власть в кратчайший срок развращает общество, приобретая себе друзей и приверженцев» ****.

Интересны еще несколько частных замечаний Макиавелли о республиканском строе. В правильно организованной республике должна господствовать, с одной стороны, *дисциплина*, с другой — *законность*. Поэтому должен быть хорошо поставлен *судебный надзор*. Чиновники должны *избираться*, и избираться на *короткие сроки*. Ошибкой было избрание цензоров в Риме сроком на пять лет. Управляющие органы должны быть возможно *многочисленнее*, так как «малочисленное правление всегда бывает орудием влиятельного меньшинства», т. е. аристократов или

* Там же. С. 271.

** Там же. С. 401 (Р. 420). Русский переводчик говорит: «подлая форма».

*** Там же. С. 204—205.

**** Там же. С. 207.

какой-нибудь олигархической группы*. Из этих замечаний мы видим, насколько последовательно отстаивает Макиавелли демократический строй.

Очень важно отметить также неоднократно подчеркиваемое Макиавелли право *неприкосновенности частной собственности и жилища* граждан — одно из самых основных буржуазных прав, торжественно провозглашавшееся во всех декларациях прав «человека и гражданина».

Опорой политической свободы в республике должен быть *народ*, а не аристократия. В «Discorsi» Макиавелли доказывает, что народ (popolani, ignobili) стремится не к господству, а только к тому, чтобы не быть угнетенным. Поэтому он «больше стремится к свободной жизни, чем знатные, и у него меньше средств узурпировать власть в свою пользу»**. Власть народа поэтому не опасна для политической свободы. Не имея возможности сам отнять у других свободу, он не позволит и другим это сделать. Отсюда ясно, что народ является лучшим хранителем свободы. Государственный порядок вообще «хорош тогда, когда он предоставлен попечению большинства и когда охрана его в руках большинства»***.

Обращаясь к *классовым основам* образцового государства, по Макиавелли, мы должны прежде всего указать, что из оценки восстания «чомпи», сделанной в «Истории Флоренции», а также из других замечаний Макиавелли в разных его работах, мы знаем, что он был противником полновластия простого народа (la plebe); управлять государством и руководить народом должны богатые граждане, буржуазия, хотя участвовать в управлении должен весь народ в целом (il popolo). Во всяком случае, простой народ должен участвовать в законодательстве путем избирания депутатов в законодательные органы (во Флоренции — Совет, il Consiglio) и высших властей.

Управление республикой должно быть смешанным, так заявляет Макиавелли, повторяя Аристотеля****, но он на этом не останавливается. Тот же Аристотель показал в своей «Политике», что основное различие между государствами в том, каково в них соотношение между политической силой богатых и бедных.

* Discorsi. С. 236.

** Там же. С. 134 (Р. 165).

*** Там же. С. 149 (Р. 181).

**** Под смешанным управлением оба они разумеют такое, в котором гармонически сочетаются *формальные элементы* единовластия, олигархии и демократии.

Идя тем же самым путем, Макиавелли утверждает, что политическая свобода обеспечивается в государствах разделением (*disunione*) и борьбой между высшими и низшими классами, будет ли эта борьба между аристократией и народом в целом (*popolo*) или между буржуазией и простонародьем (*plebe*) *.

Таким образом простонародью, которое, по мнению Макиавелли, неспособно управлять государством, должно быть обеспечено право открыто отстаивать свои интересы и вести борьбу против богатых классов. Это право может выразиться, как было в древнем Риме, в установлении должности народных трибунов, официальных защитников простонародья.

Для сохранения легального характера борьбы, введения ее в законные рамки и обеспечения этим государства от гражданской войны, очень существенно право обвинения народными трибунами или гражданами любого гражданина или чиновника, затевающего что-нибудь опасное для республиканских вольностей. Такое установление устранил клеветы (*callunie*), тайные обвинения, сплетни и пересуды, сохранив в государстве здоровую атмосферу честных и открытых отношений между гражданами.

Некоторые думают, что Макиавелли считал идеальными республиками *Спарту* и *Венецию*, сохранявшие различные аристократические учреждения, но это неверно. В 6-й главе книги «*Discorsi*», имеющей большое принципиальное значение и отмеченной Марксом в его тетрадах, Макиавелли признает, что Спарта и Венеция — лучшие республики, если смотреть только с точки зрения внутренней прочности их строя. Но там были совершенно своеобразные условия, которые смягчили противоречие между аристократией и народом и обратили эти республики в аристократические государства, не предоставлявшие никакого участия в управлении простому народу, в высшей степени замкнутые, потому что или народ там не посылался на войну, или страна не расширяла своих границ, или она не допускала к себе иностранцев. Такие государства, конечно, могут быть прочны: «Я не сомневаюсь, — пишет Макиавелли, — что, если бы можно было поддержать таким образом равновесие, это была бы действительно лучшая политическая жизнь (*il vero vivere politico*) и полнейшее гражданское спокойствие» **. Но так можно говорить только рассуждая отвлеченно, на самом же деле, с точки зрения Макиавелли, «все человеческие дела находятся всегда в движе-

* См.: *Storie Fiorentine*, предисловие; *Discorsi*. С. 130—134, *passim*.

** *Discorsi*. С. 140 (Р. 172).

нии, не могут стоять крепко, поднимаются или падают», каждое государство сталкивается с другим, оно не может быть замкнуто, население его растет, государственный строй должен следовать за изменяющимися условиями. На основании этих соображений Макиавелли приходит к выводу, что в учреждениях республики необходим демократизм, как это было в *Риме*. В интересах развития и внешнего усиления страны надо допустить весь народ к законодательству и предоставить простонародью возможность отстаивать свои интересы. Поэтому настоящим идеалом для развивающегося современного государства с большим числом граждан, а значит, и простонародья, должна быть Римская республика. Нельзя целью организации республики ставить только ее собственное сохранение, надо стремиться к чему-то более высокому, к росту и усилению государства. Он говорит: «Я убежден, что полное равновесие здесь невозможно, что нельзя сохранить настоящего среднего пути; вследствие этого при учреждении республики надо выбирать то, что более достойно славы (*piu onorevole*), и устроить так, чтобы в случае, если необходимость вынудит ее к расширению, она могла бы удержать за собою занятые территории». И дальше: «Я убежден, что необходимо подражать римскому строю, а не строю других республик, так как я не считаю возможным найти какой-нибудь средний порядок между тем и другим. Должно, следовательно, терпеть столкновения (*inimicizie*), возникающие между народом и сенатом, предпочитая ценой неизбежного неудобства достичь римского величия» *. Этого, нам кажется, достаточно для решения спора о том, какое государство Макиавелли брал за образец.

Существеннейшее значение для государства имеет вопрос об организации его *вооруженной силы*, об организации *армии*. Работа Макиавелли в этой области далеко выходит за пределы его литературной и публицистической деятельности. Кроме того, что он был первым серьезным военным теоретиком нового времени, он очень много сделал и непосредственно для организации армии на новых основаниях. Состоя секретарем правительства Флорентийской республики, Макиавелли выполнил большую работу по созданию флорентийской регулярной армии. Он составил проект ее организации, снабжения, управления, провел соответствующие законы, сам ездил по республике, производя первые мобилизации. Сохранился ряд записок его, связанных с этой работой. Он был затем с 1507 по 1512 год секретарем коллегии «девяти», руководившей вновь организованной армией. На основе этого об-

* Discorsi. C. 141 (P. 173).

ширного практического опыта он написал потом, после падения республики, свою работу «*Sette libri dell'arte della guerra*», где в форме диалогов, устами крупного военного деятеля того времени Fabrizio Colonna, он излагает свою систему новой армии. Когда в конце своей жизни Макиавелли вернулся к более активной политической деятельности, ему пришлось вновь потрудиться над организацией армии, а затем и над обороной Флоренции. Правда, будучи крупнейшим военным писателем и выдающимся организатором армии, Макиавелли сам не командовал войсками и в полководцы не годился. Некий аббат Маттео Банделло очень живо описал, как Макиавелли, находясь в 1526 г. в Милане при войске известного кондотьера из рода Медичи — Джованни делле Банде Нере, пытался построить на параде войско в том порядке, который указан им самим в «*Dell'arte della guerra*», и как он трудился над этим бесплодно три часа, пока Джованни не попросил его отойти в сторону и не распорядился сам, построив в несколько минут войско в требуемом порядке.

В «*Dell'arte della guerra*» Макиавелли отстаивает систему постоянной армии, составляемой путем мобилизации из граждан. Он противопоставляет ее системе феодальных ополчений, уже отживших свое время, и системе наемных войск, применявшейся тогда как переходная стадия к новой армии и тоже показавшей свою несостоятельность. В «*Storie Fiorentine*» Макиавелли показывает, до какого разложения доходит система наемных войск, он изображает там, как кондотьеры обманывали своих нанимателей и за хорошие деньги воевали друг с другом почти без пролития крови. Макиавелли высмеивает эти войны, в которых после многочасовых боев с участием нескольких тысяч человек, оставалось на поле битвы по одному-два человека убитых или раненых, а военные операции продолжались без конца «с переменным успехом». Наемные войска беспощадно грабили и притесняли население, требовали все время денег, не подчинялись никакой дисциплине и не ценили ничего, кроме легкой наживы.

Для создания нового государства необходимо радикально изменить организацию армии. Новая армия должна состоять из граждан, она должна снабжаться государством, быть правильно организованной и воспитанной в дисциплине, нужно привить ей патриотизм, поднять ее боевой дух. Новая армия должна быть крепко связана с населением, она близка к гражданской милиции. Немцы и швейцарцы — лучшие солдаты, потому что у них все население обучается военному делу, учится строю, во время праздников практикуется в стрельбе и т. п.

Не разбирая здесь подробно военных работ Макиавелли, приведем несколько наиболее интересных мыслей о новой армии, высказанных им в «*Dell'arte della guerra*».

Основной массой армии должна быть пехота. Солдаты должны получать хорошее содержание, надо заботиться об их здоровье, о санитарном состоянии лагерей. Надо вести среди солдат постоянную пропаганду, воспитывая в них патриотические чувства, надо использовать для этого и религию. Необходима железная дисциплина; надо запретить женщинам находиться в лагерях, не допускать развлечений, которые могут избаловать солдат. Военная техника должна быть на высоте. Артиллерия — очень существенная часть армии. Необходим полный переворот в стратегии и тактике. Нужно научиться действовать массами, применять активную наступательную тактику, рассчитанную на разгром противника.

Однако армия не должна обращаться в независимую от государства силу, государство в государстве. Полководец — или сам правитель государства или его слуга. Все командиры армии — служащие лица, и Макиавелли предлагает установить короткие сроки службы на командных должностях, не создавать в армии самостоятельной власти.

Со всех этих точек зрения Макиавелли и судит современников, ставя им в образец древних римлян, их военное искусство и военную мощь*.

Новое государство несет с собой новую политику в области *экономической и культурной*. И Макиавелли набрасывает мимоходом основы экономической политики, близкой к протекционизму, но, пожалуй, несколько более либеральной. В «*Il Principe*» он рекомендует «побуждать подданных к мирному производству всего полезного для страны как в торговле и земледелии, так и во всякого рода занятиях, чтобы никто... не останавливался перед расширением и улучшением своего хозяйства (*ornare le sue possessioni*) из страха, что оно будет у него отнято, не избегал открывать предприятия, боясь налогов». Даже единоличный правитель должен «поощрять наградами всякое полезное изобретение и усовершенствование, награждать всех, кто каким-либо способом содействует обогащению и росту своего города или государства»**. В области *религии* надо обратить внимание на использование религиозных верований в интересах *воспитания*

* Для военного историка представляют большой интерес также многие места «*Discorsi*» и «*Il Principe*».

** *Il Principe*. С. 98 (Р. 133).

граждан. Религия должна служить государству. Католичество должно быть радикально реформировано, возвращено к форме первоначального христианства, так как оно совершенно разложилось под влиянием папства. Макиавелли признает религию только как чисто политическое и воспитательное средство, приспособленное к нуждам буржуазного государства*.

Такова политическая программа Макиавелли. Самый тщательный анализ ее может привести только к одному выводу: *в отношении своего политического идеала Макиавелли — последовательный буржуазный демократ*. Откуда же взялись «монархические» идеи «Il Principe»? Каким образом демократ стал «советчиком тиранов»? Дело в том, что, набросав картину свободного демократического государства, Макиавелли ставит вопрос: *как организовать это государство, как отстоять его от нападений старых феодальных сил и внешних врагов?* Тут начинается политическая стратегия Макиавелли. Изучая историю Флоренции и политику современных ему государств, он пришел к заключению, что городские республики его времени оказались неспособными создать прочное, обширное и могущественное демократическое государство. Для того, чтобы обуздать феодалов, создать централизованное управление, организовать мощную и дисциплинированную армию, сосредоточить крупнейшие материальные силы в руках государства, установить твердый порядок и законность, для всего этого нужна совершенно исключительная власть, нужна *единоличная диктатура*.

3. МАКИАВЕЛЛИ И ДИКТАТУРА

Что такое диктатура? Только теперь, после работ Маркса и Ленина, после опыта Октябрьской революции, мы можем дать правильное научное определение диктатуры. Диктатура есть *«неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть»***. Диктатура характеризуется прежде всего неограниченностью. Она отличается своим полномочием от всех систем компромиссного характера. Ей глубоко противоречит отстаивавшаяся, например, Монтескье государственная система «противовесов», отражавшая социальный компромисс между феодальным и капиталистическим строем. Ей противоречит также двоевластие, которое начало складываться,

* См.: Discorsi. Кн. I. Гл. 11—15.

** Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Собр. соч. 1924. Т. VII. Ч. 1. С. 122.

например, во время русской революции 1905 г., когда советы рабочих депутатов в отдельных центрах превращались в органы революционной власти рядом с сохранявшими еще власть органами царского правительства. Здесь одна власть фактически ограничила другую. Такое же двоевластие сложилось на более долгий срок в начале Февральской революции. Оно блестяще анализировано Лениным в его статьях, относящихся к тому времени *. Подобное двоевластие, будет ли это двоевластие Людовика XVI и Национального Собрания или двоевластие правительства Львова-Милюкова и Совета рабочих депутатов, является взаимным ограничением двух враждебных сил, которое в момент наивысшего развития их антагонизма можно рассматривать как своеобразное «переплетение *вместе воедино двух диктатур*» (выделено Лениным. — В. М.). Каждая из этих двух диктатур стремится, в таком случае, разрушить другую и прийти к полновластию.

Диктатура — *внезаконная* власть. Она не считается с существующим законодательством и творит новое совершенно независимо от старого, исходя непосредственно из происходящей в обществе классовой борьбы. Поэтому ей противоречат такие политические теории, которые исходят из законности, различные консервативные, легитимистские и парламентаристские точки зрения. Ей противоречат и такие теории, как, например, теория монархомахов. Последние исходили из того, что власть монарха ограничена принципиально законом, выражающим взаимный договор монарха с народом, и поэтому, если монарх нарушит договор, он подлежит законной ответственности, вплоть до смертной казни. Тогда он не законный государь, а тиран. Подданные же наоборот обязаны повиноваться законному монарху, соблюдающему «договор» **.

Диктатура — *власть, «опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова»*. Конечно, всякая власть опирается на силу. Здесь приходится это особо подчеркнуть, имея в виду главным образом второй признак диктатуры — ее *внезаконность*. Обыкновенная власть опирается на силу, но она «записана» в закон, санкционирующего ее действия. Не то диктатура: она опирается не на закон, а непосредственно на фактическое соотношение классовых сил, на организованную силу масс, прежде всего на вооруженную силу, которой она располагает.

* Ленин. О двоевластии // Там же. Т. XIV. Ч. I. С. 24—25; Задачи пролетариата в нашей революции // Там же. С. 40—41.

** Ср.: *Vindiciae contra tyrannos*. Edinburgi, 1579, f. A1. Предварительные тезисы.

Таково общее определение диктатуры. Но диктатура различается в зависимости от того, какой *класс* ее устанавливает и осуществляет. *Диктатура буржуазии* будет неизбежно характеризоваться некоторыми особыми, только этому классу свойственными чертами. *Диктатура пролетариата* отличается своими особенностями. Естественно, что класс-диктатор накладывает особый отпечаток на самую диктатуру. Кроме того, следует различать *диктатуру революционную* и *диктатуру реакционную*. Первая — диктатура экономически прогрессивного, поднимающегося к власти класса, который в форме диктатуры складывает свою политическую организацию, спланируется и завершает переворот, ставящий его в положение нового хозяина общества.

Вторая — диктатура класса, достигшего уже зенита своего могущества и падающего под напором новых классов, стремящегося — путем апелляции от переставших действовать законов непосредственно к силе — сохранить старый порядок, повернуть или, на худой конец, остановить колесо истории. Макиавелли выдвинул идею *буржуазной диктатуры*. Но есть разница между современной буржуазной диктатурой, которая сейчас поднимает голову при каждом обострении классовой борьбы, а в некоторых странах, испытавших сильное пролетарское движение, обратилась в настоящую государственную форму (фашизм) — и между той буржуазной диктатурой, времен перехода от феодализма к капитализму, которая выступает во всех буржуазных революциях в разных формах как революционная диктатура. Есть разница между реакционной диктатурой Бенито Муссолини и той, которую проповедовал «секретарь и гражданин» Флорентийской республики — Никколо Макиавелли — *буржуазной революционной диктатурой*.

Мы должны, наконец, иметь в виду, что в истории мы наблюдаем диктатуру в революционную эпоху, в *переходный период* от одной общественной формации к другой. Когда идет революционный переворот, рушится старый строй и строится новый, борющиеся классы ломают рамки старого режима и обращаются непосредственно к силе. Иное в эпоху установившегося господства какого-либо класса, когда мы встречаем обыкновенно так называемую законную власть. Прошли революционные бури, закрепились власть нового класса, создавалась новая идеология, прежде всего правовая, закрепляющая и оправдывающая новый строй, и диктатура становится не нужна.

Поэтому на диктатуру следует смотреть как на *временную* власть. Поэтому теоретики революционной диктатуры рассматривали ее как средство учреждения нового государственного

строю. Выражаясь латинским термином, диктатор должен рассматриваться как *dictator reipublicae constituendae causa* (диктатор для учреждения или реформы государства). Вообще, поскольку диктатура есть власть, встречающаяся обыкновенно в переходный период, она отменяется, когда этот период заканчивается.

Временность — существенная черта диктатуры, но этот термин, может быть, не вполне удобен, так как он способен вызвать представление о *кратковременности* диктатуры, а подобная власть может существовать десятки лет, смотря по тому, сколько тянется переходный период. Поэтому вполне достаточно характеризовать диктатуру как *«неограниченную, незаконную, опирающуюся на силу, в самом прямом смысле этого слова, власть»*, *свойственную переходным периодам от одной общественной формации к другой*.

Исходная точка идей Макиавелли о буржуазной революционной диктатуре лежит в оценке им того периода в истории Флоренции, когда он активно участвовал в управлении государством (1498—1512 гг.). Эту оценку мы находим в 3-й главе III книги «Discorsi», носящей название: «Как необходимо, если хочешь сохранить восстановленную свободу, истребить сыновей Брута». Здесь Макиавелли достигает вполне развитого представления о диктатуре.

Разбирая деятельность легендарного Брута Старшего, установившего в Риме республику, он рассказывает, что Бруту пришлось судить и казнить как врагов республики своих сыновей. Макиавелли пользуется этой иллюстрацией, чтобы формулировать общее правило. «Кто создает республику и не убивает сыновей Брута, продержится недолго» (*chi fa uno stato libero e non ammazza i figliuoli di Bruto, si mantiene poco tempo*) *. При учреждении республики нужны крайние меры, вплоть до истребления врагов нового строя. Для того, чтобы преодолеть их сопротивление, нужна исключительная, *чрезвычайная власть* — *straordinaria autorità* **. В этом отношении судьба Содерини поучительна; он понимал опасность контрреволюции, но, как истый демократ и честный человек, он не хотел, будучи избран народом в руководители республики, нарушать равенство учреждением диктатуры и надеялся обойтись гуманными мерами в рамках нормальных демократических законов. Поэтому он не последовал примеру Брута. Конечно, Содерини рассуждал умно и честно, го-

* Discorsi. C. 374 (P. 394).

** Там же. C. 374 (P. 395).

ворит Макиавелли, но он не должен был бояться нарушить несколько республиканский строй, чтобы лучше его укрепить. В интересах спасения отечества (*salute della patria*), он должен был стать на путь диктатуры потому, что враги республики не сдавались. Если бы он отстоял республику при помощи чрезвычайной власти, всякий удостоверился бы, что он действовал не из личного честолюбия, а для спасения отечества. Содерини не знал истины, что человеческую злобу не обуздать временем и не смягчить благодеяниями. Поэтому он «не сумел последовать примеру Брута и погубил вместе со своим отечеством и власть, и славу» *.

Эта оценка деятельности вождя флорентийской демократии в поворотный момент истории Флоренции, показывает, что Макиавелли имел достаточно ясное представление о буржуазной революционной диктатуре в полном смысле этого слова.

Общей формой диктатуры, которую отстаивал Макиавелли, является единоличная власть правителя, которого он называет *il principe nuovo* (новый государь). Общие черты, свойственные всякой диктатуре вообще, затем — свойственные всякой революционной диктатуре, переплетаются здесь с особенностями, свойственными буржуазии. Сложностью идей диктатуры, выдвинутых Макиавелли, объясняются многие колебания в их оценке у позднейших политических писателей, хотя в основном эти колебания определяются, конечно, их классовыми позициями.

Самое название популярнейшей книги Макиавелли «*Il Principe*» с трудом поддается толкованию и переводу. Из русских слов: «князь», «монарх», «государь», «правитель» ни одно не передает вполне точно того, что Макиавелли вкладывает в понятие «*principe*». Это понятие общее, под ним разумеется всякий единоличный правитель. *Principati* — это все государства с единоличным правлением. Макиавелли делит их затем на *principati ereditari* — наследственные и *principati nuovi* — новые принципаты. Под первым он подразумевает все старые наследственные монархии феодального строя (королевства, герцогства, княжества и т. п.). Эти монархии иногда, конечно, сильны, опираются на крепкую традицию, но они связаны всеми путями феодального строя, ограничены сложной взаимной зависимостью с папством, империей, феодальной аристократией и т. д. Такая феодальная монархия, опирающаяся на феодалов, на их привилегии, на неравенство, необходима при феодальном строе, так как феодалов

* Там же. С. 375 (Р. 395). Ср.: *Renard Georges. Histoire du Travail à Florence. Paris. Vol. II. P. 242—244.* В книге дана хорошая характеристика политической конъюнктуры во время управления Содерини.

может держать в узде, по словам Макиавелли, только «рука короля». К этой феодальной монархии и относятся те отрицательные отзывы, которые мы приводили выше.

В своем «Il Principe» Макиавелли не уделяет *наследственной монархии* почти никакого внимания. Для наследственного правителя достаточно сохранить традиционные status quo, руководствоваться во всем мудрым консерватизмом, и он без особого труда удержится у власти *. Однако сама эта монархия, опирающаяся на совершенно разложившихся феодалов, обречена на гибель. Следуя в этом отношении целиком за Аристотелем и Полибием, Макиавелли изображает в «Discorsi», как вырождаются (degenerare) наследственные монархии благодаря их привилегированному положению, как они развращают весь народ, как устраиваются против них заговоры, поднимаются восстания, отнимающие у них власть **.

По поводу *церковных государств* (также феодальных) — principati ecclesiastici — Макиавелли пишет, что власть поддерживается в них укоренившимися религиозными обычаями, подданные покоряются духовным владыкам независимо от того, насколько те хорошо управляют; только эти государства вполне счастливы. «Но, замечает Макиавелли, так как это происходит от высших причин, которых не может постичь человеческий ум, я не буду говорить об этих государствах, они учреждены и поддерживаются Богом, так что рассуждать о них может только человек дерзкий и легкомысленный» ***. Это, несомненно, ирония. Макиавелли, как нам известно, всегда относился отрицательно к папству и безразлично к религии ****, талантливейшим образом высматривал попов в своих комедиях («Mandragola»), а папу Александра VI проводил в могилу следующими стихами:

...e per haver riposo
Portato fù fra l'animebeate
Lo spirto di Alessandro glorioso;
Del qual seguio le sante pedate

* См.: Il Principe. Гл. II.

** Discorsi. С. 127 (Р. 159).

*** Il Principe. С. 48 (Р. 96).

**** Prezzolini в указанном сочинении говорит об *абсолютном атеизме* Макиавелли (ateismo assoluto, fondamentale, universale) (Р. 178). Jean Dubreton в его интереснейшей работе (Dubreton. La Disgrâce de Nicolas Machiavel. Paris, 1913) обращает внимание на почти полное отсутствие цитат из Библии в сочинениях Макиавелли и замечательное для его времени незнание «священных» книг (Р. 19).

Tre sue familiari e care ancelle
Lussuria, simonia e crudelitate *.

(И душа славного Александра была отнесена к блаженным духам, чтоб она там отдохнула; по его священным стопам последовали за ним три его подруги и верные служанки — сладострастие, симония и жестокость).

Центром внимания Макиавелли в книге «Il Principe» являются «*новые принципаты*». Их Макиавелли классифицирует, их образование он изучает. Для «нового» правителя предназначает он лучшие из своих политических советов. Кто такое этот «новый правитель» — *il principe nuovo*? Прежде всего это единоличный правитель, который *не связан с феодальными отношениями* и не ограничен ими. Он самостоятелен, ни от кого не зависим (*solo*). Кроме того, это правитель, строящий *новое государство* того именно типа, который Макиавелли характеризовал в «Discorsi», т. е. буржуазное государство. И наш автор хочет, чтобы руками этого нового правителя было построено государство демократическое.

На основании исторических данных и своего опыта Макиавелли пришел прежде всего к выводу, что для организации нового государства требуется *единоличная* власть. 9-я глава I книги «Discorsi», наиболее точно формулирующая основы макиавеллевской теории диктатуры, носит название: «*Как необходимо быть одному, если желаешь устроить вновь республику или реформировать уклонившуюся совершенно от своего древнего строя*». В ней Макиавелли говорит: «Надо принять за общее правило, что никогда или почти никогда ни одна республика, или королевство, не была хорошо устроена с самого начала или, уклонившись от древних порядков, не была заново целиком преобразована, если она не была устроена одним лицом; необходимо, чтобы один человек устанавливал порядок управления, и чтобы все государственное устройство зависело от разума этого человека». Это не монарх, действующий лишь в своих собственных интересах, создающий и укрепляющий свою личную власть. Нет, *разумный устроитель новой республики* (*prudente ordinatore d'una repubblica*) *радикальный реформатор*, т. е. по-нашему, революционный преобразователь (*riformatore al tutto di nuovo*) «хочет служить не себе, а общему благу (*giovare non a sè ma bene comune*), не своим наследникам, а общему отечеству». Только для этого, а не для других целей он должен стремиться к единоличной власти **.

* Deccenale primo // Tutte le opere. Parte V. P. 68.

** Discorsi. C. 148 (P. 180).

Власть *principe nuovo* обладает всеми основными чертами диктатуры.

Эта власть *неограниченна*. Макиавелли во всей своей теории исходит из идеи единства государственной власти. Принцип разделения властей ему совершенно чужд. *Principe nuovo* — абсолютный правитель, обладающий всей полнотой власти. Таков именно смысл его единоличия.

Власть *principe nuovo* *внезаконная*. Он сам, создавая новое государство, устанавливает его основные законы. Со старыми законами он не считается. Вся теория Макиавелли замечательна прежде всего полным разрывом с современной ему феодальной традицией; нужно разрушить все эти средневековые привилегии, сложную систему средневековых прав и обязанностей, и заменить их новым буржуазным правом, которое вырастет в совершенно новых или радикально реформированных государствах. Для Макиавелли безразлично, кто является «новым правителем»: частный ли гражданин, выдвинувшийся из народной среды сам или выдвинутый народом, узурпатор ли, или законный государь. Макиавелли стирает умышленно разницу между законным или незаконным правителем. Это несущественно для основателя нового государства. Если Людовик XI, например, поставил своей задачей создать новое государство, объединить Францию, он вынужден был поступать незаконно. Ему пришлось нарушить все феодальные права и вольности своих вассалов, подчинить их, в нарушение этих прав и вольностей, своей единодержавной власти, а так как они, конечно, отстаивали свои права и привилегии, освященные древностью, ему пришлось апеллировать не к законам, а к силе. Лучше всего, конечно, выполнить свою задачу может не законный государь, а новый человек, выдвинувшийся из числа граждан.

Власть *principe nuovo* должна опираться непосредственно *на силу*. Введение «нового строя» (*nuovo irdini*), рассуждает Макиавелли, очень трудно. «Нововводитель... встречает врагов во всех тех, кому жилось хорошо при прежних порядках, и приобретает только очень робких сторонников в тех, чье положение должно при этих нововведениях улучшиться». Это происходит, во-первых, потому, что люди, положение которых улучшилось при введении новых порядков, боятся своих противников, держащих в своих руках законодательную власть и имеющих на своей стороне законы (*che hanno le leggi in beneficio loro*), во-вторых, тут действует и обычная недоверчивость народных масс ко всему новому*.

* Il Principe. С. 25 (Р. 79).

Отсюда Макиавелли приходит к выводу, что «нововводители» не могут в начале своей деятельности ожидать большой поддержки со стороны массы граждан и должны быть сами достаточно сильны. Они добьются успеха, если они действительно независимы (*dependono da loro propri*) и могут *действовать силой* (*posson forzare*). Поэтому обычно в истории «*все вооруженные пророки побеждали, а невооруженные гибли*» (*tutti li profeti armati vinsano, e li disarmati rovinarono*)*. Дело в том, что народные массы неустойчивы, и если они вначале колеблются и не убеждаются доводами новатора, он должен быть в состоянии, в случае нужды, «силой принудить их убедиться» (*far loro credere per forza*)**.

В числе исторических примеров, приводимых Макиавелли в поддержку этого рассуждения, он считает особенно важным пример *Гиерона Сиракузского*, выдвинувшегося в правители государства из простых граждан благодаря своим военным заслугам и выдающимся личным качествам. Здесь же он оценивает деятельность такого вождя народа, как *Савонарола* (которого он лично видел и слышал), погибшего именно потому, что он не опирался на вооруженную силу. В другом месте он приводит в качестве образцового нововводителя спартанского царя *Клеомена*, осуществившего путем настоящей диктатуры разгром аристократии и передел земли в Спарте времен упадка***.

Обратимся теперь к тем чертам диктаторской власти *principe nuovo*, которые связаны с переходным периодом от феодализма к капитализму. Если применить рассуждения Макиавелли об основании государства и их радикальном реформировании к современным ему условиям, то необходимо будет признать, что здесь речь может идти только об образовании *буржуазных государств* или об объединении мелких феодальных владений в крупные централизованные национальные государства.

Феодальные привилегии *principe nuovo* должен отменить, разрушив власть феодалов. Перед его властью все граждане равны, феодалы подчинены ему так же, как простой народ. Это означает установленное уже под властью *principe гражданского равенства*. Здесь люди могут выдвигаться или как граждане своим капиталом и личными способностями, или как слуги правителя — военные и гражданские.

* Там же.

** Там же.

*** Discorsi. С. 150.

Власть *principe nuovo*, естественно, опирается на *армию*, построенную уже не на феодальных основах и не на основе найма, а на армию нового типа. Макиавелли не раз подчеркивает существенное значение армии для всякого государства. «Главными основами всех государств, — говорит он, — служат хорошие законы и хорошо организованные войска», но в то же время — «без хорошо организованного войска в государствах не могут поддерживаться хорошие законы; где хорошо организовано войско, там обыкновенно бывают и хорошие законы» *. Особенно нужна армия, и именно *новая армия*, для нового правителя. Захватывая или получая власть, он опирается на народ и привлекает его на свою сторону. Поэтому, говорит Макиавелли, «никогда не бывало, чтобы *principe nuovo* разоружил своих подданных; наоборот, когда он находил их невооруженными, он всегда их вооружал». Таким образом, новый правитель должен прежде всего *вооружить народ* или усилить его вооружение. Вооруженный народ — лучшая опора нового правителя, потому что, если вооружишь своих подданных, это оружие становится твоим, становятся верными тебе те, кто были подозрительны, верность тех, которые уже были верны, поддержится, и из подданных все они станут твоими сторонниками (*partigiani*) **. Тогда *principe nuovo* приобретает силу и авторитет в народной массе. Поэтому Макиавелли устанавливает как общее правило, что подобный правитель всегда организует армию в своем новом государстве (*un principe nuovo in un nuovo principato sempre vi ha ordinato l'armi*) ***.

Чезаре Борджиа, которого Макиавелли приводит в качестве *principe nuovo*, замечателен тем, что он перешел от системы наемных войск к новой. Он мобилизовал в своем государстве по одному человеку из каждой семьи и образовал из мобилизованных собственную армию ****.

Большое значение для нового государства имеют также *хорошие финансы*. Во времена Макиавелли рост торгово-ростовщического капитала привел к тому, что деньги ценились и восхвалялись даже больше, чем следовало. Макиавелли пришлось выступить против той точки зрения, что деньги — нерв войны. Он успешно доказывал, что «нerv войны» — хорошие солдаты. Но он прекрасно понимал необходимость образования государ-

* II Principe. С. 51.

** Там же. С. 88 (Р. 127).

*** Там же. С. 89 (Р. 127).

**** Там же. С. 58—59. Ср.: *Scritti inediti di Niccolò Machiavelli*. Firenze, 1857. Р. XXXVI.

ственной казны, накопления финансов для нового правителя. Во время своих дипломатических поездок он видел, как тогдашние государства сколачивали свои бюджеты, какое значение это имело и для императора Максимилиана, и для герцога Валентино, и для многих других. Поэтому в «Il Principe» он доказывает, что известный «режим экономии» и даже скупости необходим для *principe*. Скупость обыкновенно считается пороком, говорит Макиавелли; восхваляют *щедрость*. Конечно, щедрость хороша, но за чей счет она проявляется? Если за чужой счет, например, за счет военной добычи, это вполне допустимо. Было бы нецелесообразно, если бы *principe* забрал себе всю добычу, не дав в ней доли никому из солдат. Однако, в большинстве случаев государи щедры за счет народа. Поэтому *principe*, не желающий в случае неизбежной обороны быть поставленным в необходимость разорять своих подданных, чтобы не остаться без средств и не потерять вследствие этого уважения людей, чтобы устранить всякий повод к грабежу своих подданных, должен не бояться обвинения в скупости, так как скупость — «один из тех пороков, благодаря которым он может поддержать свою власть» *. Правда, пока человек еще стремится к власти, щедрость ему очень помогает, но когда он уже достиг власти, щедрость губительна. Это самопожирательная добродетель: чем больше человек ее проявляет, тем меньше у него остается средств для того, чтобы и дальше быть щедрым. Поэтому, в интересах государственной казны и в интересах народа, надо экономить и не бояться прослыть скупым. К скупому народ относится только с презрением, но к щедрому, грабящему своих подданных, народ чувствует и презрение и ненависть **. Расчетливый правитель сможет при помощи своих доходов и своих резервов вести войны, «не отягощая народ налогами». Тогда «подавляющее большинство граждан, видя, что он ничего от них не требует, будут считать его щедрым» ***.

Опять-таки и в этом пункте нужно высоко оценить Цезаря Борджиа потому, что он был рачительный хозяин, не только организовавший армию, но и заботившийся о ее снабжении, собирающий в своей казне деньги, использующий для этого все средства, какими мог располагать. Известно, что Цезарь привлекал к себе на службу лучшие силы, между прочим и из Флоренции. Один из гениальнейших художников и ученых всех времен — Леонардо да Винчи — служил в армии Цезаря Борджиа в качестве архи-

* Il Principe. С. 67.

** Там же. С. 69

*** Там же. С. 67.

тектора и главного инженера. Это обстоятельство отмечено даже на сохранившихся рукописях да Винчи с чертежами гидравлических машин, а в сохранившемся также пропуске его, выданном за подписью Цезаря, он именуется «нашим ближайшим и любимейшим другом» (*nostro prestantissimo et dilectissimo familiare*)*. Не кому иному, как Рафаэлю, приписывался портрет Цезаря во дворце Боргезе в Риме.

Principe должен сам быть *главнокомандующим* своей армии. Он должен знать военное дело и практически и теоретически, должен изучать его историю, в мирное время приобретать знания, которые пригодятся на войне. «Principe не должен увлекаться ничем иным, так как в этом искусстве вся тайна его силы, и благодаря ему не только наследственные правители сохраняют верховную власть, но и обыкновенные граждане могут ее получить»**. Однако principe не должен ни в коем случае подчиняться армии, устанавливая господство солдатчины, как это было в императорском Риме, где «императоры были вынуждены необходимостью угождать войскам в ущерб народу»***. Армия должна быть, таким образом, поставлена в подчинение общегосударственной власти уже при самом основании республики так, чтобы она и в дальнейшем оставалась в таком же подчинении, как Макиавелли намечал это в «Discorsi»****.

Для того, чтобы управлять единодержавно и командовать армией, principe должен обладать основательными знаниями и опытом. Разбирая различные случаи образования новых государств, захвата или получения власти рядовыми гражданами, Макиавелли отмечает существенную трудность для нового правителя. «Если это человек, не обладающий особенно крупным умом и доблестью, он не умеет управлять, потому что всегда жил частной жизнью»*****.

Нужно обладать большой опытностью в государственных и военных делах, чтобы, получив власть, быть в состоянии удерживать ее за собой. Нужно иметь известную подготовку или выдающиеся способности. Таковы были *Франческо Сфорца*, ставший из простых граждан выдающимся полководцем, а потом герцо-

* *Amoretti Carlo*. Memorie Storiche su Lionardo da Vinci. Milano, 1804. Р. 87. Да Винчи работал затем как инженер и художник для правительства Флоренции, в котором Макиавелли был секретарем.

** Il Principe. С. 61 (Р. 106).

*** Там же. С. 86.

**** См.: Discorsi. С. 51.

***** Il Principe. С. 27.

гом Миланским, и *Цезарь Борджиа*, который «не пренебрегал ничем, что может сделать благоразумный и честный человек, для того, чтобы утвердить свое могущество в стране, доставшейся ему при помощи чужого оружия и счастья» *. И, выступая против наследственной власти монархов, Макиавелли говорит, что есть короли, невежды в своем деле, у которых ничего нет королевского, кроме звания, а *Гиерону*, чтобы быть *principe*, не хватало только принципата, поэтому он его и получил **.

Власть principe nuovo опирается на народ. Было бы ошибкой для него ориентироваться на аристократию, на остатки феодалов. Он никогда не сможет их удовлетворить, и усиление их опасно для него самого. Они иногда сами выдвигают из своей среды *principe*, но только в качестве ширмы. Одно блестящее место в «*Il Principe*» изображает нам, как иногда аристократы, видя, что они не могут сопротивляться народу, начинают выдвигать кого-нибудь из своей среды и делают его *principe*, чтобы, «прикрываясь его именем, дать волю своим аппетитам» ***. Такой *principe* — игрушка в их руках. Да и вообще «удовлетворить аристократов так, чтобы не сделать несправедливости и не возвысить одних за счет других, бывает очень трудно». Ориентироваться на аристократов это означает усиливать неравенство, т. е. возвращаться к старому феодальному строю.

Нет, *principe nuovo* должен ориентироваться не на знать, а на весь народ в целом (*popolo*). Неверна избитая пословица того времени: «рассчитывающий на народ строит на грязи». Наоборот, «для *principe* необходимо, чтобы народ был ему другом, иначе в несчастье он не найдет спасенья» ****. Это ошибка — строить крепости, чтобы защищаться от собственного народа, (как сделал Сфорца в Милане), «лучшая крепость, какая есть, — не возбуждать ненависти народа» (*la miglior fortezza che sia, è non esser odiato da' popoli*) *****. Мало того, *principe* должен добиться уважения народа, поэтому его задача — «удовлетворить народ» (*satisfare a' popoli*)^{6*}. В этом отношении у Макиавелли нет различия между политикой республики и политикой *principe*. Как там, так и здесь политика должна быть демократической по существу, т. е. *буржуазно-демократической*. Здесь так же, как в

* *Il Principe*. С. 28.

** *Discorsi*. Посвящение.

*** *Il Principe*. С. 41.

**** Там же. С. 43 (Р. 92—93).

***** Там же. С. 93 (Р. 130).

^{6*} Там же. С. 86 (Р. 125).

отношении армии, политика *principe nuovo* подготавливает почву для буржуазной демократии.

В диктатуре *principe nuovo* мы видим ясно выраженные революционные черты.

Прежде всего новый правитель должен вести активную политику. Он должен предвидеть события и идти им навстречу, не ожидая их приближения, иначе он потеряет благоприятное время для противодействия опасностям, подобно тому, как, запустив болезнь, можно довести ее до неизлечимости *. Конечно, обстоятельства меняются; иногда нужна отчаянная смелость, иногда наоборот, величайшая осторожность и обдуманность. Но тут многое зависит от силы, которой обладает *principe*. Если он достаточно силен — лучше всего *смелость*. В области военной лучшая стратегия наступательная. В других областях тоже, если благоприятные условия налицо, нужно вести решительную, отважную политику. Образцом политических деятелей, осуществлявших такую политику, были папа Юлий II и испанский король Фердинанд Католик. Макиавелли анализирует в «*Il Principe*» (главы 25-я и 21-я) их деятельность. Оценку политики Юлия II он заканчивает следующими известными словами: «Я твердо уверен, что лучше быть отважным (*impetuoso*), чем осмотрительным, потому что судьба — женщина, и необходимо, если хочешь держать ее в подчинении, бить ее и толкать вперед; она скорее даст себя победить людям, которые именно так с ней обращаются, чем таким, которые подходят к ней холодно. И потому она всегда, как женщина, — друг юношей, которые осмотрительны, более горячи (*feroci*) и повелевают ею с большей отвагой» **.

Компромиссы вредны. Во внутренней политике надо или ласкать или истреблять (o *vezzeggiare* o *spegnere*) ***. Римляне «всегда избегали среднего пути и обращались к крайностям» ****. Во внешней политике лучше открыто высказывать себя врагом или другом кого-либо, такой путь всегда полезнее, чем быть нейтральным *****. Макиавелли подробно доказывает это. Затем, *чрезвычайные меры* (*azioni istraordinarie*), тяжелые крайние меры (*grandissimi istraordinarie*) необходимы, особенно при основании новых республик. И ни один разумный человек не осудит основателя нового строя за применение таких мер ^{6*}.

* Там же. С. 13.

** Там же. С. 108 (Р. 141).

*** Там же. С. 10 (Р. 69).

**** Discorsi. С. 333 (Р. 358).

***** Il Principe. С. 95 (Р. 131).

^{6*} Discorsi. С. 148 (Р. 180).

Колебания в политике также вредны. Причина их — слабость. «Слабые государства всегда действуют нерешительно, а нерешительность всегда вредна» — таков заголовок 15-й главы II книги «Discorsi».

Так же, как колебания, *вредна медленность в решениях.* Примерами из Тита Ливия Макиавелли показывает, «как вредно и опасно медлить» (см. ту же главу). Образцом быстроты действий, не дающей противнику времени обдумать обстоятельства, служит политика папы Юлия II *.

Из этого не следует, конечно, что *осторожность* не нужна или не следует никогда идти на *уступки*. Иногда обстоятельства дела требуют медленности. Иногда в стесненных условиях реформатор вынужден уступить человеческому консерватизму. Большинство людей, как известно, «больше боится внешности, чем сущности», поэтому, вводя различные преобразования, можно иногда сохранять старые, освященные веками обряды и церемонии, к которым народ привык. Тогда преобразования будут приняты с удовольствием **.

Это не значит также, что надо обязательно применять *жесткие меры*. Макиавелли не сторонник жестоких мер во что бы то ни стало. Наоборот, в первую очередь надо применять гуманные меры, надо всегда попробовать прежде всего, не обойдется ли дело без тяжелой артиллерии репрессий. Глупо пускать ее в ход по всякому поводу. Свойственно феодализму, средневековому варварству при всяком удобном и неудобном случае хвататься за оружие. Но мы ведь теперь в Италии времен Возрождения. Здесь люди просто более культурны. Поэтому «*principe* должен строго обдумывать свои слова и действия, не быть подозрительным без причины и действовать благоразумно и гуманно» (*con prudenza ed umanità*) ***. Он должен укреплять свою власть хорошим управлением и добиваться таким путем, чтобы граждане были ему верны ****.

Однако, при образовании новых государств или при захвате власти обыкновенно бывает трудно соблюдать гуманность. «Новому правителю невозможно избежать имени жестокого, потому что новые государства полны опасностей» *****. Государство

* Discorsi. С. 495.

** Там же. Кн. I. Гл. 25.

*** Il Principe. С. 70 (Р. 112).

**** Там же. С. 44—45.

***** Там же. С. 69.

еще непрочно, оно ведет упорную борьбу за свое сохранение против всех старых сил. Это было известно еще в древности. Еще Дидона по поводу жестокостей своего управления говорит в Энеиде Виргилия: «*Res dura et regni novitas me talia cogunt — Moliri, et late fines custode tueri*» («Жестокие обязательства, новизна моего царствования и потребность в охране границ обширной территории заставляют меня это делать») *.

Но если жестокие меры неизбежны, они должны быть, как выражается Макиавелли, *хорошо направленными*.

«Хорошо направленными жестокостями (если, говоря про дурное, можно употребить слово: хорошо) я назову такие, к каким прибегают в случае необходимости для укрепления своей власти; однажды укрепив последнюю, правители на них не настаивают, но заменяют их мерами возможно более полезными для подданных» **. Это место вызвало много высоко нравственного негодования у последующих писателей, но оно не включает в себе ничего плохого. Обычно в буржуазных государствах ведь и это правило не соблюдается. Жестокие меры обыкновенно легко прививаются, и заменить их более гуманными бывает очень трудно. Было бы очень хорошо, если бы буржуазные правительства соблюдали в XX веке то, что Макиавелли рекомендовал в XVI. В случае неправильного узурпаторского захвата власти (т. е. захвата власти в своих личных интересах, который Макиавелли особо выделяет), жестокие меры следует применить решительно и сразу, не надо растягивать их применение на долгий срок, иначе вызовешь ненависть народа. Надо «решиться пустить в ход все необходимые жестокости за один раз, чтобы не быть вынужденным возвращаться к ним беспрестанно, и обеспечить за собой власть, не прибегая к ним вновь и привязав к себе подданных своими благодеяниями» ***. Вообще же говоря, правитель может не бояться репутации жестокого во время войны или тогда, когда он управляет большой армией; здесь дисциплина поддерживается страхом, таков уж характер людей ****.

С другой стороны, если смелая и открытая борьба невозможна, если *principe* слаб для того, чтобы успешно ее вести, ему приходится *идти на хитрости*. *Principe* должен научиться, говорит Макиавелли вслед за античными писателями, «быть лисицей,

* Там же. С. 70.

** Там же. С. 39.

*** Там же. С. 40.

**** Там же. С. 71.

чтобы узнавать капканы, и львом, чтобы пугать волков» *. Где нельзя быть львом, надо уметь быть лисицей. В таких случаях надо уметь пользоваться дипломатией, обманом и другими подобными средствами. «Правитель, и больше всего правитель новый, не может соблюдать всего того, за что людей считают хорошими, так как он часто вынужден — для того, чтобы удержать власть, — действовать против своих обещаний, против милосердия, против гуманности, против религии. Для этого нужно, чтобы он имел характер, способный меняться, смотря по тому, как указывают ему ветер и судьба». Он «не должен уклоняться от добра, пока может, но уметь делать зло, когда он к этому вынужден» **). Следует держать свое слово, пока можешь, но, если обстоятельства изменились, надо его нарушить. Знаменитая глава 18-я «Il Principe» — «Каким образом principe должен исполнять свое слово» — содержит еще несколько замечаний, достойных величайших сатириков мира, о том, как государи обыкновенно действуют. Здесь-то наиболее откровенно и почти цинически изображена государственная власть. Здесь, как и в некоторых еще местах «Il Principe», Макиавелли открыто пишет о том, о чем обыкновенно и до него и после него правители и политики умалчивали — он *разоблачает* таким образом *тайны политической мудрости, тайны власти*, то, что позднее обычно называлось *arsana imperii*. Макиавелли, действительно, понял основные пружины политики вообще и буржуазной политики в частности. Он понял, что политика — это борьба классов, непримиримых по существу, что борьба, которая идет на истребление (*spegnere*), на разгром противника, не может не быть жестокой. В этой борьбе неизбежны такие приемы, как обман, нарушение обещаний и т. п. Ведь на войне все это применяется, и никто не считает это зазорным.

Однако, применяя подобные меры, principe должен помнить, что они вынуждены обстоятельствами, и отказываться от них, как только он чувствует себя достаточно сильным для открытой борьбы.

Буржуазный характер диктатуры principe nuovo обнаруживается очень ясно в том, что Макиавелли требует от правителя уважения к собственности и личным правам граждан. Principe «не должен посягать на имущество граждан и подданных, на честь их жен» ***. Особенно важно — это не раз подчеркивает Макиавелли — не нарушать прав собственности. И тут он вскрывает

* Il Principe. С. 74.

** Там же. С. 75.

*** Там же. С. 71 (Р. 113).

перед нами всю буржуазную душу современного ему человека, говоря: «люди обыкновенно скорее забывают смерть отца, чем потерю наследства» (*dimenticano più presto la morte del padre che la perdita del patrimonio*)*. Нужно не только абсолютно избегать нарушения прав собственности, но нужно осторожно относиться и к доходам от этой собственности. Макиавелли считает этот вопрос очень важным. Лишение граждан их доходов больше, чем что-либо другое, делает правителя ненавистным**. Есть еще один пункт, который в диктатуре *principe nuovo* вскрывает ее буржуазный характер. Ни в коем случае *principe* не должен внутри государства вести политику *divide et impera* — разделяй и властвуй. Страны, в которых «господствует внутренний раздор», скоро гибнут. Сама по себе система введения в государство раздора показывает слабость правителей***. Она вредна. Макиавелли доказывает это и в 20-й главе «*Il Principe*» и в 27-й главе III книги «*Discorsi*». Очень важно связать это с учением Макиавелли о классовой борьбе. Он считает, как мы уже указывали, что во всяком государстве есть «разделение» (*disunione*), классовое расслоение, всегда есть два различных направления (*duoi umori diversi*). Одно из господствующего класса (феодалов или, позднее, буржуазии), другое низшего класса (сначала всего непривileгированного населения — *popolo*, потом — *plebe*). Это естественные группировки во всех государствах. Их борьбою Макиавелли объясняет всю историю Флоренции. Но только такие группировки приемлемы. Другие — партии (*parti*), фракции (*sette*), т. е. группировки внутри классов, вредны. Во Флоренции фракции внутри буржуазии, группировки Медичи и др., ведут государство к гибели. Они приводят к тому, что правительство не имеет определенного характера и оказывается игрушкой то той, то другой группы****. *Principe nuovo* должен бороться против фракций и группировок. И в этом отношении он должен управлять так, как это необходимо во всяком правильно устроенном, т. е. буржуазном государстве. Согласие, порядок необходимы для процветания государства, и терпеть в нем «раздор» фракций и групп, тем более поощрять его и на него опираться — вредно с общегосударственной точки зрения, т. е. опять-таки с точки зрения нового буржуазного государства. Заканчивая характеристику диктатуры *principe nuovo*, нельзя обойти вопрос о моральных понятиях, ко-

* Там же.

** *Discorsi*. С. 445.

*** *Il Principe*. С. 90.

**** *Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze* // *Opere*. Vol. IV. P. 106.

торыми оперирует Макиавелли. Известно, что он возродил политическую теорию в Европе и сделал это в значительной степени потому, что *отделил политику от религии и морали*, показав различие их общественных функций. В своем учении о диктатуре он подчиняет мораль политике.

Макиавелли указывает в «Il Principe», какое большое значение имеют для правителя высокие нравственные качества. Конечно, лучше всего, если principe обладает этими качествами: он сильнее привлечет к себе народ и увеличит свой авторитет. Однако Макиавелли понимает, что есть разница между идеалом правителя и реально существующими правителями. Для него важнее *verità effettuale della cosa*, а не *immaginazione di essa*, истина, соответствующая действительности, а не воображаемая, потому что он ставит своей задачей научить практически полезному. Между тем как живут люди и как они должны жить — расстояние велико; кто оставит в стороне то, что есть, для изучения того, что должно быть, скорее придет к гибели, чем к спасению *. Прежде всего, с точки зрения Макиавелли, люди вообще обладают многими дурными качествами, их полуживотная природа (образ кентавра), грубость прежней жизни, разлагающее влияние феодальных порядков и католической религии воспитали в них много низких страстей и чувств. Поэтому «человек, желающий в наши дни быть во всех отношениях хорошим, погибает, среди множества людей, которые не хороши» **. Ведь человеку приходится быть лисицей только потому, что его окружают капканы, и львом, потому что на него нападают волки. Отсюда вытекает, что «правителю, который хочет удержаться у власти, необходимо приобрести умение быть нехорошим и пользоваться. или не пользоваться, этим умением в зависимости от требований необходимости» (*imparare a poter esse non buono ed usarlo e non usarlo secondo la necessità*) ***. Каков настоящий смысл этого рассуждения? Поскольку в политической борьбе приходится сталкиваться с дурными людьми и применять иногда дурные средства, правитель, даже если он сам вполне хорош, вынужден в случае необходимости поступать жестоко и бесчеловечно, потому что иначе его сожгут со свету, он погибнет или у него отнимут власть. Таков характер политической борьбы в настоящее время. Вот мысль Макиавелли. С другой стороны, сам правитель не всегда хорош. Если у него не хватает тех качеств, которые особенно це-

* Il Principe. С. 64—65 (Р. 108).

** Там же. С. 65 (Р. 108—109).

*** Там же. С. 65 (Р. 109). Русск. пер. здесь искажен.

няться людьми, он должен быть настолько благоразумен, чтобы избегать пороков, которые могут привести его к лишению власти, с остальными дело не так страшно. С этой точки зрения Макиавелли и приходит к своему основному выводу: «если хорошо разобраться в этом вопросе, есть вещи, которые кажутся хорошими, но приводят к гибели, и другие, которые кажутся пороками, а результатом их является безопасность и благоденствие правителя» *. Поэтому нечего бояться прослыть, например, скупым, если это полезно государству. Но, конечно, вопрос о репутации правителя очень важен. Если у него нет нужных качеств, он должен делать вид, что ими обладает. Есть качества, которые иногда даже целесообразнее показывать не имея, чем иметь на самом деле. От правителя обычно требуется быть с виду исполненным милосердия, верности своему слову, искренности, гуманности, благочестия. Но на самом деле иметь перечисленные пять качеств не всегда необходимо. Во всяком случае, если ими обладаешь, «надо так себя воспитать, чтобы, когда они окажутся не нужны, ты мог бы и умел обратить их в противоположные» **. Поэтому всякий правитель должен уметь *simulare* и *dissimulare* — притворяться и скрывать. Прекрасное знание дипломатического искусства, запечатленное во многих *Legazione* (письмах и отчетах Макиавелли, связанных с его дипломатическими командировками) обнаруживается и в этих рассуждениях. *Буржуазное государство несло с собой новую специфическую форму дипломатии*, которая настолько же превосходит феодальную, насколько буржуазная армия превосходит феодальное ополчение. На этой дипломатии должны были сказаться такие специфические черты капитализма, как развитой обмен, как умение лавировать на рынке, как капиталистическая конкуренция. Все эти черты наложили самый яркий отпечаток и на политику, и на мораль Макиавелли. Оттого, что буржуазия революционна, она не теряет своих буржуазных качеств, и рядом с проповедью свободы, равенства, гуманности, уважения к правам человека и т. п. идет фактическое внедрение в жизнь конкуренции, ажиотажа, спекуляции и надувательства. Макиавелли весьма объективно, со спокойной иронией вскрывает все эти специфические черты буржуазной политики и в ответ на вопли негодующих моралистов ссылается на факты — *infiniti esempi moderni* (бесчисленные современные нам примеры), на *verità effettuale della cosa*.

* Там же. С. 66 (Р. 109).

** Там же. С. 75 (Р. 116).

Правитель должен во всяком случае *подчинять* свои религиозные и моральные убеждения своим политическим задачам. Нравственно то, что соответствует интересам нового государства, которое организует *principe nuovo*. Поэтому самое главное для него — уметь использовать обстановку, приспособляясь к меняющимся обстоятельствам, уметь ориентироваться в событиях, пользоваться случаем, чтобы приближаться к своей главной цели. Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа тем и замечательны, что они умели разбираться в сложном переплете случайностей, были *conoscitori della occasione* (знатоки случая) и умели этими случайностями великолепно пользоваться (*la sappiano usare benissimo*) *.

Основное, безусловно необходимое, качество «нового правителя», строящего «новое государство» есть *патриотизм*. Известно, каким горячим призывом к освобождению и объединению Италии, неожиданным для такого трезвого политика и сатирика, как Макиавелли, кончается «Il Principe». Этот призыв, который Эдгар Кинэ назвал «*Марсельезой*» XVI столетия, буквально исторический. Всю свою жизнь Макиавелли служил идее, выраженной в этом призыве, в течение веков она вдохновляла всех итальянских патриотов и таких друзей Италии, как Гете и Байрон. В течение веков за нее безуспешно боролись массы людей, и только через триста слишком лет она была осуществлена. Идее создания единой Италии должен был служить идеальный итальянский *principe nuovo*, которого долго искал и не нашел Макиавелли. Такой *principe* должен был быть «человеком с сильным духом, не падающим в несчастьях, способным своей энергией и бодростью поддержать дух народа», тогда он, в свою очередь, увидал бы, что «не ошибся в народе и, положившись на него, строил на прочном основании» **. Такова первоначальная, полная еще юной свежести идея объединения Италии.

Макиавелли рассматривает власть нового правителя, строящего новое государство, как власть переходную к буржуазной демократии, он не считает власть эту своим идеалом, не включает ее в свою *программу*, а смотрит на нее как на орудие осуществления и закрепления демократического строя, как на известный *стратегический и тактический план*. Мы в этом окончательно убеждаемся, уяснив себе, что, по Макиавелли, власть *principe nuovo* — *временная власть*. Правда, Макиавелли различает респуб-

* Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati // Opere. Vol. II. P. 390.

** Il Principe. С. 44.

ликанскую диктатуру, древнеримскую официальную магистратуру, власть «диктатора», избираемого на срок народом в исключительных случаях для проведения чрезвычайных мероприятий, и власть *principe nuovo* — диктатора, захватившего власть или получившего ее любым путем на неопределенное время и учреждающего новое государство. Учредив новое государство с гражданским равенством, с национальной армией, укрепив его и подавив сопротивление феодалов и Церкви, *principe nuovo* должен уйти от власти и уступить место нормальным, демократически избранным властям.

В цитированной уже 9-й главе I книги «Discorsi» Макиавелли высказывает эту мысль с наибольшей ясностью. «Основатель государства, — говорит он, — должен быть настолько благоразумен и добродетелен, что взятую им власть он не должен передавать другому по наследству, так как люди более склонны ко злу, чем к добру, и наследник его может воспользоваться в интересах личного честолюбия властью, которой сам он пользовался добродетельно (*virtuosamente*). Кроме того, хотя один человек может устроить государство, оно будет недолговечно, если будет сохраняться с помощью одного. Ведь, как мы знаем, государственный строй хорош только в том случае, если его поддерживает и охраняет большинство граждан, вся народная масса. «Масса (*molti*) неспособна учредить государственного порядка потому, что, по различию мнений, никак не может понять его хорошие стороны, но, раз испытав хороший порядок на опыте, она не согласится с ним расстаться» *. Поэтому дальнейшая охрана нового строя должна перейти целиком в руки народной массы.

Макиавелли не идеализирует народ. Он знает, что народ в массе мало сознателен, мало политически развит, иногда непостоянен и робок, люди ведь вообще скорее дурны, чем хороши, а главное, они неспособны обыкновенно ни на большое добро, ни на большое зло. Но тем не менее, если мы возьмем народ в целом, он во всяком государстве лучше, чем меньшинство, чем его часть, будут ли это аристократы, олигархи или даже партия Медичи. Всякая привилегированная группа опасна, так как стремится забрать всю власть в свои руки, в то время как умственные и всякие иные силы ее всегда меньше тех, которыми обладает весь народ в целом. Мы видели, что подобными соображениями Макиавелли обосновывал необходимость демократии.

Мало того. Народная масса уступает единоличному правителю только в одном пункте: она сама не может додуматься до но-

* Discorsi. C. 149 (P. 181).

вовведений и сразу в них разобраться, поэтому основать государство или радикально его реформировать может только одно лицо, *principe nuovo*. Но и он во всей своей деятельности должен, как мы видели, опираться на народ. Во всех остальных отношениях, говоря словами самого Макиавелли, «масса (*la moltitudine*) разумнее и постояннее, чем *principe*». Таково заглавие замечательной 58-й главы I книги «*Discorsi*». Здесь Макиавелли открыто выступает против «всех историков», писавших до него, и — скажем от себя, против большинства писавших после него, — в защиту народа. Он заявляет, что «недостатки, за которые писатели осуждают массу, свойственны людям вообще и больше всего государям» *. Известно ведь, что «правителей государств было довольно много, а добрых и умных было между ними мало» **. С народом дело обстоит иначе. Из истории римлян мы видим, что этот народ, в общем и целом, на протяжении веков поступал правильно: он повиновался властям, когда это нужно было в интересах общей пользы, и восставал против сильных людей, когда они его угнетали ***. Если возьмем любой народ и будем сравнивать его с любым единоличным правителем, то мы должны будем признать, что народ во всех отношениях лучше. Он лучше законодательствует, лучше выбирает магистратов, более рассудителен и постоянен, более объективен, лучше соблюдает договоры и т. д. Проводя систематически это сравнение, Макиавелли дает интересные образцы изучения психологии масс и резко возражает против установившихся в этой области взглядов, неблагоприятных массе, народу, он протестует против ссылок на авторитеты. Для нас, пожалуй, всего интереснее следующее замечание: «Если общее мнение неблагоприятно народу, то это происходит потому, что о нем каждый может злословить беспрепятственно и без страха, даже когда он властвует, о единоличных же правителях приходится говорить с тысячами опасений и тысячами оглядок» ****. Это глубоко верно и для наших времен.

На основании всех этих соображений и своих программных демократических взглядов Макиавелли пришел к выводу, что, если единоличная диктатура нужна для установления нового строя, то она может быть только *пожизненной*, что диктатор, выполнивший свою историческую задачу, должен передать власть народу, который сам лучше справится с дальнейшим

* *Discorsi*. С. 253 (Р. 280).

** Там же.

*** Там же. С. 254.

**** Там же. С. 257.

управлением и охраной государства. Именно поэтому в своих советах «новому правителю» он избегает рекомендовать какие-либо меры, способные укрепить его власть как таковую, или вернуть государство к старой наследственной монархии. Поэтому он рекомендует ему не опираться на знать, не устанавливать неравенства, не создавать привилегий, организовать армию из граждан, вооружить народ, опираться на народ, служить его интересам, содействовать его материальному благополучию. Все эти меры способны только подготовить и облегчить переход от единоличной диктатуры к демократии.

Очень ясно высказана мысль о временности единоличной диктатуры в «*Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze*». Предлагая здесь папе Льву X, как вождю партии Медичи, установить во Флоренции сложную систему управления, в которой находят себе место единоличная власть Медичи, буржуазии и простого народа, он очень дипломатично доказывает, что, в конце концов, Флоренция должна быть республикой, так как феодализм здесь упразднен, феодальной аристократии нет, нет также и большого экономического неравенства, народ политически развит, привык к свободе. Если ему приходится выбирать между Медичи и другим правителем, он предпочитает Медичи как своего, но если ему предоставить выбор между избираемым республиканским главой (*capo publico*) и каким бы то ни было единоличным правителем (*capo privato*), он предпочтет первого *. Поэтому после разных деликатных обиняков Макиавелли предлагает Льву X установить во Флоренции пожизненную единоличную власть с тем, чтобы, по смерти единоличного правителя из рода Медичи, Флоренция вернулась целиком к республиканскому строю **. Здесь вновь доказывается невозможность монархии в стране, где нет феодалов. Во Франции, где еще сохранилась феодальная лестница — король, принцы, дворяне, народ — монархия возможна, во Флоренции — нет ***.

IV. МАКИАВЕЛЛИ И ТИРАНИЯ

Наше толкование власти *principe nuovo* можно проверить, ответив на два вопроса: во-первых, что, по мнению Макиавелли, следует сделать с *principe nuovo*, если он не уйдет от власти, если его

* Opere. Vol. IV. P. 110.

** Ibid. P. 122.

*** Ibid. P. 112.

диктатура из временной превратится в постоянную, наследственную? Во-вторых, что делать, если в республике появился *principe nuovo* и захватил всю власть в свои руки? У Макиавелли только один ответ на оба эти вопроса: *надо убить тирана*. Тут мы сразу попадаем в полосу тираноборческих идей Макиавелли, связанных с его демократизмом, его наклонностью к революционным, крайним мерам, с его ненавистью к феодальной монархии.

Principe, образующий новое государство, становится тираном, если он сделал свою власть наследственной, т.е. использует ее в личных интересах. А основатели тирании настолько же гнусны, насколько добродетельны основатели республики.

Макиавелли осуждает *Цезаря* за то, что он установил единоличную власть в Римской республике. Он — тиран, и нельзя обольщаться похвалами, которые рассыпали ему писатели времен империи, так как они были несвободны*.

Всякий тиран, по мнению Макиавелли, заслуживает смерти. В то бурное время случаи *убийства единоличных правителей* были довольно часты. Еще чаще устраивались *покушения и заговоры*. Поэтому Макиавелли уделяет последним, как обычному средству борьбы против тирана, особенно важное место. Кроме отдельных замечаний в различных работах, Макиавелли включил в «*Discorsi*» целый трактат «*О заговорах*» (6-я глава III книги). Для того чтобы исчерпать его содержание, нужно специальное исследование, тем более, что он своими корнями уходит глубоко в заговорщические движения античного мира, суммирует опыт многих современных Макиавелли переворотов и служит руководством для его продолжателей. Мы попытаемся характеризовать здесь только важнейшие мысли Макиавелли по вопросу о заговорах, при том лишь в той мере, в какой они связаны с вопросом о единоличной диктатуре и о смене ее устойчивым демократическим строем.

Глава о заговорах у Макиавелли — одно из таких мест его сочинений, которые могут быть использованы и против единоличного правителя и в его пользу. Сверх того, заговор может быть устроен не только против тирана, но и против диктатора, организующего новое государство. Поэтому писать о заговорах Макиавелли было очень трудно, тем более, что он сам испытал на себе, что значит быть заподозренным в заговоре, считал этот способ борьбы очень рискованным и отчасти, по-видимому, имел намерение предупредить молодежь относительно опасности увлечения

* *Discorsi*. С. 151—152. Вспомним, как в XIX веке проповедники «демократической монархии» превозносили Цезаря (ср. Моммзен).

заговорами. Макиавелли изучает, главным образом, заговоры, имеющие целью *освободить отечество от власти захватчика-тирана*. Этой цели Макиавелли, конечно, вполне сочувствует. Таковы были заговоры Брута и Кассия против Цезаря и многие другие античные заговоры. Против такого заговора у тиранов единственное средство — отказ от тирании; но так как никто из них этого не сделает, то они, по большей части, плохо кончают. По словам Ювенала, немногие тираны умирают без пролития крови — «сухой смертью» *. Макиавелли повторяет мнение античных писателей, что редко можно встретить старого тирана.

В другом месте «Discorsi» Макиавелли указывает, что в крайнем случае у тирана есть еще два средства предотвратить заговоры. Первое — приобрести популярность в народе, истребив аристократов или вообще всех тех, кто до него угнетал народ. Так поступил Клеарх в Гераклее, «изрубив в куски всю знать к величайшему удовлетворению народа и его сторонников» **. Второе средство — ограничить тиранию. Тиран должен уяснить себе, что только немногие из среды народа ищут власти, большинство желает свободы, чтобы жить в безопасности. Первых можно лишить жизни или удовлетворить разными почестями, что же касается большинства народа, его легко удовлетворить учреждениями и законами, которые могли бы «согласить власть *principe* со всеобщей безопасностью».

Если народ убедится, что *principe* не нарушает этих законов, народ успокоится. И Макиавелли приводит в пример Францию, где власть короля ограничена «бесчисленным множеством законов» ***. Мы видим, что в последнем случае Макиавелли вновь сводит вопрос к *уничтожению единоличной диктатуры*. Если тиран не уходит от власти, сделав свое дело, он может спасти себя только ограничением власти, т. е. заменой диктатуры чем-то вроде конституционной монархии.

Возвращаясь к *заговорам*, отметим следующие указания Макиавелли, касающиеся их организации и успешного осуществления. Организовать заговор должны люди, имеющие доступ ко двору или личные друзья государя. Нужно очень осторожно подбирать заговорщиков. Это трудно, потому что заговор — труднейшее предприятие, и человек, испытанный во всех отношениях, может спастись, когда дело дойдет до осуществления заговора. Поэтому нужно привлекать к участию в заговоре как можно мень-

* Discorsi. С. 380 (Р. 400).

** Там же. С. 169 (Р. 201).

*** Там же. С. 169—170 (Р. 201).

ше людей. Тайну заговора можно сообщить только трем-четырем лицам, остальным можно ее сообщать только в самый момент приведения его в исполнение, «чтобы не дать им времени выдать заговор». Лучше даже доверяться только одному лицу, так как, если оно выдаст, можно отпереться. Надо как можно тщательнее избегать опасной переписки. Не следует быстро менять план заговора, потому что это может запутать участников. Нужно очень обдуманно выбирать исполнителей самого предприятия, не полагаясь слишком ни на кого, как бы ни была известна храбрость каждого данного человека.

Заговор имеет одно ценное достоинство, что «у единоличных правителей нет ничего более враждебного, чем заговор; поэтому, если есть заговор на их жизнь, он или губит их или позорит. Если он удастся, они умирают, если он открывается и гибнут заговорщики — все остаются в убеждении, что это была выдумка самого правителя, стремившегося утолить свою жадность и жестокость кровью и имуществом казненных *.

Главу о заговорах Макиавелли заканчивает советами республикам и правителям, как подавлять заговоры, потому что в числе последних есть и такие, которые устраиваются во вред государству; некоторые из них Макиавелли прямо называет скверным делом (*cattività*). Прежде всего надо хорошо выяснить характер заговора. Затем, если он силен, не показывать вида, что ты его раскрываешь, пока не подготовишь все к его подавлению. Не надо грозить заговорщикам или арестовывать кого-нибудь раньше времени, потому что этим можешь вызвать их выступление. Если заговор слаб, надо немедленно его раздавить. Не следует применять двух испытанных способов (*termine usati*): во-первых, казнить доносчиков, чтобы показать, что ты не веришь в возможность заговора, во-вторых, позволять кому-нибудь «притворно устраивать против тебя заговор», чтобы проверить ненадежных лиц. Оба способа опасны: первый устрашает всех доносчиков и способствует тому, что заговор не раскрывается и достигает цели, второй приводит к тому, что сами провокаторы обращаются в настоящих заговорщиков и тоже достигают легко своей цели.

Несмотря на все эти, действительно, очень разумные и дельные советы, Макиавелли считает заговорщическую тактику слишком *опасной* и *трудной*. С чувством какой-то досады пишет он, давая свои советы, что «люди обыкновенно мало смыслят в делах и делают величайшие ошибки, особенно в таких как это,

* Discorsi. C. 397 (P. 417).

которое является наиболее исключительным (*istraordinario*)» *. А в то же время тираны, «дурные правители (*i principi non buoni*), всегда боятся, что против них замышляется то, что они вполне заслужили своими поступками» **. Поэтому Макиавелли вновь и вновь призывает организаторов заговоров к величайшей *осторожности*. Отсюда мы приходим к выводу, что Макиавелли считал этот способ борьбы применимым лишь в исключительных случаях, а именно тогда, когда открытая борьба против единоличного правителя совершенно невозможна. Здесь выступает опять та же мысль об *открытой и смелой политике*, которая, в конце концов, лучше всякой другой.

Описывая в своей «Истории Флоренции» различные заговоры и выступления масс, Макиавелли подтверждает свою оценку заговорщицких методов обширным фактическим материалом ***. Но он указывает, что иногда заговоры идут на пользу тому, против кого они устраиваются, в случае их неудачи он выходит из дела еще более сильным.

Подробному и очень интересному анализу подвергает Макиавелли в 8-й книге «*Storie Fiorentine*» заговор Pazzi, в результате которого был убит в церкви во время богослужения Джулиано Медичи и ранен Лоренцо Великолепный. Известно, что во время этого заговора, точно так же, как и заговора Cola в Милане, кончившегося убийством тамошнего герцога Галеаццо Сфорца, заговорщики рассчитывали на *восстание народа*. Они хотели убить тирана во имя народа, они мечтали о вечной славе освободителей отечества. Один из участников заговора Cola Джироламо Ольджати, во время казни сказал будто бы под топором полатыни: «*Mors acerba, fama perpetua, stabit vetus memoria facti*» («Смерть жестока, слава вечна, память о нашем поступке сохранится надолго»).

Макиавелли обращает особое внимание на то, что в обоих случаях народ не поднялся на помощь заговорщикам. Напрасно сторонники Пацци в момент нападения на Медичи кричали: «Народ! Свобода!». Народ не восстал. «Богатство и щедрость Медичи сделали народ глухим, а свобода была неизвестна во Флоренции»; олигархическое правление Медичи не давало возможности народу узнать, что такое свободная жизнь ****.

* Там же. С. 386 (Р. 406—407).

** Там же. С. 388 (Р. 408).

*** См.: *Storie Fiorentine* // *Opere*. Vol. II. P. 123, 166.

**** Ibid. P. 218.

По-видимому, совершенно иначе, чем к заговорам, относился Макиавелли к *восстанию* как методу политической борьбы. В своей истории он оставил нам описание нескольких восстаний во Флоренции и других итальянских государствах. Наибольший интерес представляет описание восстания чомпи. Путь массового движения, массового выступления — естественный путь для всякого государства, поскольку оно порывает с феодальным строем и переходит к буржуазной демократии. Этот путь, вообще говоря, и наиболее целесообразен, потому что только в столкновении классов, в их борьбе рождается политическая свобода, и народ сам должен устраивать свою судьбу. Макиавелли понимает значение *организации и руководства*, в «*Storie Fiorentine*» он показывает, как *подготавливаются* народные движения, в «*Discorsi*» он говорит о том, что восставшая народная масса должна сейчас же сделать кого-нибудь из своей среды вождем (*ha subito a fare infra sè medesima un capo*)*. Этот вождь должен быть выдвинут *из самого народа*, причем Макиавелли все время полагает, что естественными вождями народа должны быть представители *буржуазии*. Такой вождь, приобретая авторитет и силу, может стать затем *principe nuovo*, если народ совершит революцию и будет создавать новый политический строй. Здесь Макиавелли намечает формы политических движений, свойственные революционной буржуазии эпохи XVI—XVIII веков в Западной Европе. Несмотря на все отличие нашего времени от той эпохи, иногда он вполне современен. Приведем, например, его совет в «*Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze*», которое мы уже цитировали. Предлагая там обязательно установить выборность народных советов, он рекомендует уполномочить для подсчета голосов специальных лиц, которые могли бы секретным порядком подсыпать нужное количество избирательных бюллетеней в урны (мешки) с именами лиц, угодных правительству, не имея в то же время права вынимать бюллетени из урн. А чтобы народ был уверен, что бюллетени с именами, написанными им, положены в урну, он может избрать от себя уполномоченных для присутствия при подаче бюллетеней**. Можно подумать, что современные американские делатели избирательных кампаний обучались своему ремеслу немало и у Макиавелли.

Такова была теория диктатуры Макиавелли, предполагающая полное преобразование феодального общества в буржуазное. Поэтому с полным правом мы можем рассматривать его как бли-

* Discorsi. C. 252 (P. 279).

** Opere. Vol. IV. P. 117.

жайшего предшественника буржуазных революционеров XVII—XVIII веков, которые в борьбе против остатков феодализма пытались осуществить революционную диктатуру.

История, как мы знаем, пошла не так быстро и не так прямолинейно, как представлял себе флорентийский секретарь.

Буржуазная революция в Италии была разбита католической реакцией. В других странах она пошла путем реформации, т. е. компромисса между феодальным и буржуазным обществом. Только в XVII и XVIII вв. буржуазия пытается произвести радикальный буржуазный переворот в том смысле, как это понимал Маркс в характеристике революций того времени. Диктатура *principe nuovo* фактически осуществлялась в форме абсолютизма. Он обладает некоторыми чертами революционной буржуазной диктатуры в самом начале, в момент борьбы против феодалов и католической Церкви за интересы торгового капитала, но скоро он обращается в типичное выражение феодально-капиталистического компромисса, в полуфеодальную дворянскую, крепостническую монархию XVII—XVIII веков. Тогда советы Макиавелли используются монархической диктатурой в ее собственных интересах, и тем самым создается благоприятная почва для легенды о Макиавелли-монархисте, защитнике тирании.

Политическая теория Макиавелли иногда груба, примитивна, его философские и социологические взгляды страдают некоторым рационализмом, замкнуты в рамки учения о неизменности человеческой природы и об общественных круговоротах, но это не должно мешать нам видеть самое ценное, что у него есть: первоначальную формулировку теории буржуазной революционной диктатуры.

Л. КАМЕНЕВ

Предисловие [к 1-му тому собрания сочинений Н. Макиавелли]

Включение произведений Никколо Макиавелли в серию изданий Academia не требует оправданий. События, послужившие стимулом творчества Макиавелли, самые его произведения — публицистические, исторические, художественные, — острая борьба, кипевшая в течение столетий вокруг его имени, — все это крупнейшие факты культурной истории Европы. Советский читатель, который неизбежно сталкивается с именем Макиавелли и в историко-политических исследованиях, и в злободневных передовицах современной прессы («макиавеллизм», «макиавеллевская политика» и т. п.), и на страницах художественной прозы, вправе требовать, чтобы перед ним были положены подлинные, аутентичные тексты секретаря Флорентийской республики XVI века. Навстречу этой потребности и идет издательство Academia.

В статье, предпосланной настоящему тому работ Макиавелли, А. К. Дживелегов блестяще справился с задачей дать очерк жизни Макиавелли и тех событий современной истории, которые стимулировали его творчество. За пределами его очерка осталась тема о судьбах произведений и идей Макиавелли после смерти автора. Между тем судьбы эти весьма занимательны и поучительны. Изучить отношение к Макиавелли различных групп европейского общества на протяжении *четырёх* веков (XVI—XIX вв.), в течение которых он неизменно привлекал внимание политиков, публицистов и историков, — значило бы собрать богатейший и рельефнейший материал для истории классовой борьбы на идеологическом фронте от эпохи крушения феодализма до эпохи пролетарских революций. Мы, по необходимости, должны, однако, на этих страницах ограничиться лишь несколькими справками в этой области.

Вопреки принятой терминологии, значение Макиавелли не в его «теории» или «политической системе». У него, собственно, и нет «теории» или «системы» в смысле глубоко обдуманного и широко разветвленного учения об обществе или хотя бы государстве. Он был лишен вкуса к философскому углублению вопросов и к широким социологическим обобщениям. Его подлинная сфера — политическая публицистика на материале современных животрепещущих событий или на основе исторических событий, как они были препарированы историками Древнего мира. И в том и в другом случае цель автора — прямое, непосредственное воздействие на ход современных ему политических событий. И в том и в другом случае его якобы теоретические «Рассуждения» и его чисто служебные «Донесения» — совершенно одинаково — лишь запись непосредственных наблюдений человека, стоящего около самого центра борьбы за власть.

Социальное содержание власти, ее социальная характеристика, его интересует мало: в конце концов это содержание ведь остается приблизительно неизменным, принадлежит ли власть Александру VI или Цезарю Борджа, Цезарю Борджа или князю Орсини, князю Орсини или герцогу Урбинскому. Пристальное внимание Макиавелли привлекает самый процесс борьбы за власть. В приобретшем мировую известность произведении Макиавелли «Князь» его внимание поглощено не вопросом о смене у власти различных социальных групп, условиях и смысле этой смены, а *механикой* самой борьбы за власть в пределах данной узкой социальной группы, на переломе от феодализма к капитализму.

Конечно, мысль Макиавелли пронизана ведущей исторической задачей: стремлением к созданию крупного национально-го, по существу буржуазного, государства путем подавления и поглощения исторически сложившихся самостоятельных образований: феодальных, полуфеодальных и торговых коммун, республик и княжеств. Но в условиях Италии конца XV — начала XVI века эта идея должна была прокладывать себе путь — и так и не проложила его себе — через запутаннейший часток кол бесчисленного количества крупных, мелких и мельчайших, но всегда свирепейших столкновений кучи итальянских властителей. Именно *практика* этих бесчисленных столкновений и формулирована открыто в трактате Макиавелли.

Мастер политического афоризма и блестящий диалектик, почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий и всех критериев добра и зла, до-

зволненного и недозволненного, законного и преступного, Макиавелли сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководиться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на него. Это далеко еще не *социология* власти, но зато из-за этой рецептуры великолепно выступают *зоологические* черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством. Так этот секретарь флорентийских банкиров и их посол при папском дворе — вольно или невольно — создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих.

Ни малейшего хотя бы намека на религиозную или метафизическую «сущность» государства, ни словечка о «богоизбранности» государя, даже государя Папской области, ни единой ссылки на «волю народа», на «законы истории», на «интересы человечества». Этот слуга флорентийской олигархии не боялся смотреть политической действительности своего времени прямо в глаза и своим пером издырявил вконец — хоть брось! — все широковещательные знамена и тухлявые тряпки, которыми можно было бы прикрыть ожесточенную свалку его хозяев, борющихся за власть над трудящейся массой. Своей пятилистной книжкой он сразу сделал смешными почтеннейших докторов, авторов бесчисленного количества богословско-нравственно-политических трактатов, посвященных познанию сущности политической власти и переполненных ссылками на философию Аристотеля, законодательство Моисея и заповеди апостола Павла.

Это было великолепно по своей обнаженной правдивости — и потому страшно. Попы, придворные, государствоведы и короли бросились опровергать секретаря флорентийской олигархии. Чем ближе их практика подходила к наблюдениям Макиавелли, тем решительнее опровергали они его формулы. Секретарь ордена иезуитов¹ честил его «диавольским сосудом преступлений», «писателем нечестивым и безбожным». Апологеты абсолютной монархии находили его рассуждения безнравственными и жестокими и полагали, что вообще «никогда не существовало человека, который до такой степени был бы погружен в омут пороков, как этот флорентиец». Представитель безудержного деспотизма, прусский король Фридрих, так называемый «Великий», написал «Анти-Макиавелли». Имя Макиавелли было обращено теми, кто заинтересован в сокрытии

подлинного характера власти в феодальном и буржуазном обществе, в нарицательное обозначение политического цинизма.

Между тем цинизм не в словах Макиавелли, а в том, что этими словами описано. Безнравственность, преступность, жестокость книги Макиавелли о «Князе» исчерпывается тем, что он в ней решил — употребляя выражение Лассаля — *aussprechen was ist*, высказать то, что есть. И если картина отношений господства в феодальном и буржуазном обществе, выступающая со страниц Макиавелли, не могла не вызвать возмущения и негодования *господствующих*, но зато она не могла не привлечь и внимания тех, кто в той или другой степени был склонен отнестись к ней критически. «Мы должны быть благодарны Макиавелли и другим подобным писателям, которые открыто и ничего не замаскировывая изображали то, как люди обычно поступали, а не то, как они должны были поступать», — писал Ф. Бэкон², этот «истинный родоначальник английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени», по характеристике Маркса. Так же отнесся к секретарю Совета Десяти и Гегель, решительно отказавшийся от какой бы то ни было морализующей оценки Макиавелли и увидевший в его «безнравственной» и «безбожной» проповеди лишь фиксацию методов политической борьбы, неизбежно господствующих в известную эпоху человеческой истории. «В высшем смысле необходимости Макиавелли, — писал Гегель, — установил основные положения образования государств, по которым и нужно было образовать государства в тогдашних условиях»³.

Молодой Маркс выписывал в тетради, в которых зрели зародыши «Коммунистического манифеста», чеканные афоризмы «Рассуждений о Тите Ливии», неоднократно перечитывал Макиавелли впоследствии и находил, по крайней мере, некоторые из его работ «мастерскими произведениями», «шедеврами»⁴. А Энгельс внес этот «диавольский сосуд преступлений» в свою галерею «титанов» Возрождения, великих разрушителей феодальной культуры, которых основоположники научного социализма особенно ценили потому, что, выполняя свое историческое дело, будучи строителями нового буржуазного государства, они «не были по-мещански ограниченными»⁵ («Диалектика природы»). Зоркий глаз авторов «Коммунистического манифеста» разглядел в рассуждениях и заметках флорентийского секретаря зачатки теории классовой борьбы, свободное от всякого мистицизма и идеализма проникновение в сущность государства и борьбы за власть, великолепную реалистическую картину современных автору политических отношений. В сочинении

ях Макиавелли императоры, папы, короли, сеньоры, банкиры и купцы — хозяева торговых республик — разгуливают без масок и своими действиями как нельзя лучше подтверждают взгляд на историю создателей диалектического материализма.

Работы этого публициста XVI века сыграли, таким образом, выдающуюся роль в той великой работе обнажения подлинной природы власти в классовом обществе, которая была доведена до конца лишь в наше время, в работах Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. И в этом его право на внимание современного читателя.

А. ДЖИВЕЛЕГОВ

Никколо Макиавелли

...Doloroso Machiavelli
Maturava il pio desir...

G. Carducci

...Чистую вынашивал мечту
Макиавелли скорбный...

Дж. Кардуччи

I

Едва ли случайно, что мы не знаем буквально ничего о молодости Макиавелли. В 1498 году, двадцатидевятилетним зрелым человеком, поступил он на службу республики. До этого он ничего не писал. До этого он нигде не выступал. И до такой степени сразу в своих служебных донесениях и в неслужебных писаниях он обретает манеру обстоятельного чиновника и язык опытного литератора, что начинает казаться, будто ничем другим в жизни он так и не был. А молодым вообще не был никогда. Представить себе Макиавелли юным, с гибким телом, со свежими красками на лице, с искрящимися глазами, с беззаботным смехом, всегда готовым на любую сумасбродную проделку, — необыкновенно трудно. Его единственный, по-видимому не фантастический, портрет* показывает его совсем другим.

Бюст костлявого, чуть сгорбленного человека. Лицо худое. Плохо выбритые, впалые щеки. Утомленные глаза сидят глубоко-

* Приложен к изданию «Discoral» 1540 г., воспроизведен при собрании сочинений 1550 г. («La Testina»).

ко, смотрят рассеяннo и беспокойнo, но в них много затаенной думы, и они способны загораться порывами решимости и энергии. Много думы и под высоким морщинистым лбом, лысеющим спереди зализамн. Рот большой, окружен бесчисленными складками, в которых прячутся большие и малые душевные боли, тоска, разочарование. Губы чувственные; если на них заиграет улыбка, она будет насмешливая, недоверчивая, злая, циничная, едва ли часто добродушная. Нос — длинный, крючковатый, с тонким висющим концом. Голова мыслителя и человека дела, невеселого эпикурейца, Мефистофеля в миноре. На гравюре нет красок, и так становится жалко, что лицо одного из величайших людей Италии и Европы не увековечила кисть большого мастера: сколько их было кругом него во все моменты его жизни!

Каков был Макиавелли в пожилые годы, таков должен был быть и в молодости. Знакомясь с его жизнью и с его произведениями, особенно с самыми интимными, с его замечательными письмами, нельзя отделаться от одного впечатления. На протяжении тридцати лет, что мы его знаем, всегда, при всех обстоятельствах — в делах, в творчестве, в развлечениях, в моменты серьезные и радостные, — сидело в нем что-то больное, не растворяющийся ни при каких условиях осадок горечи. Откуда он?

Момент поступления на службу делит жизнь Макиавелли на две почти равные половины. Вторая известна нам хорошо. Первую мы не знаем совсем, а знаем только то, что служило ей фоном. Бурные были времена, и в то же время самые блестящие в истории его родного города. В 1478 году, девятилетним мальчуганом, Никколо видел, как обезумевший народ гонялся по улицам за членами семьи Пацци и их сторонниками¹, как висели в окнах Дворца Синьории архиепископ Сальвиати в лиловой рясе, Франческо Пацци совсем голый, с окровавленной ногой и трое Якопо: два Сальвиати, родственники архиепископа, и одни Браччолини, сын Поджо. Четвертый Якопо, Пацци, повешенный тоже спустя два дня и похороненный в Санта Кроче, был удален из церкви и закопан где-то под стенами. Его вырыли из второй могилы, и мальчишки, захлестнув труп за шею веревкою, волокли его по городу, подтащили к собственному его дому, громко крича, чтобы отворили хозяину. Потом бросили в Арно. Маленький Никколо если и не был свидетелем всего этого, то не мог не слышать разговоров. Порокою необыкновенная даже в «Истории Флоренции» пластичность рассказа о заговоре Пацци.

Подрастая, Никколо наблюдал режим Лоренцо, необыкновенный блеск культуры и быта: празднества, турниры, процессии, карнавальные шествия с мифологическими фигурами, в устройстве которых соперничали Сандро Боттичелли и Пьеро ди Козимо. Он ходил смотреть в Санта Мариа Новелла только что открытые, сверкавшие свежими красками фрески Гирландайо и слушал около них разговоры о том, как похожи изображенные художником Анджело Полициано, Марсилио Фичино, Кристофоро Ландино². Наблюдательность понемногу становилась острее, и он начинал понимать, что под этим блеском уже кое-где проступают признаки упадка, что торговля и промышленность больше не поднимаются, а идут к уклону, что тирания Лоренцо жестче, чем тирания его деда, что республика крепко зажата в кулак, а свобода существует только в льстивых панегириках, расточаемых Лоренцо гуманистами. И чем лучше понимал это Никколо, тем меньше нравились ему пышные процессии и тем меньше хотелось ему веселиться под звуки карнавальных песен.

Ему было двадцать три года, когда смерть Лоренцо резко покончила с этим обманчивым покоем. При Пьеро Медичи флорентийская тирания, поглупевшая и обнаглевшая, стала быстро катиться к пропасти. Не успело успокоиться ликование, вызванное падением Пьеро, как в город явились французы. Диалог между Карлом VIII и Пьеро Каппони: «Я прикажу ударить в барабаны». — «А мы ударим в колокола», — короткий, как звон скрестившихся клинков, заставил город целые дни трепетать от тревоги и ярости. Но король испугался, и французские барабаны вместо атаки забили отступление. Никколо переживал со всеми эту встряску. И все думал.

Потом пришло царство монаха. Революционные пророчества гремели под куполом Брунеллеско. Конституция переделывалась по указаниям библейских текстов и благочестивых видений. Очистительные костры зловещим заревом освещали городские площади. Вериги и власяница истязали под нарядами тела женщин. Савонарола попал в круг зрения Никколо, когда его дела решительно пошли хуже. И не покорило его, как других. Никколо ни на одну минуту не был увлечен бурным, экстатическим красноречием его проповедей и был даже непрочь смотреть на него как на вульгарного обманщика*. Он не мог не ви-

* *Lettere familiari di N. Machiavelli / pubblicate per cura di Ed. Alvisi (ed. integra). 1883.* Письмо 3. Цифра впредь всегда будет означать порядковый номер письма в сборнике Альвизи.

деть костра, на котором сгорел неистовый пророк, и если стоял не очень далеко, видел и то, как сверху «падал дождь из крови и внутренностей». Когда бросили в Арно прах Савонаролы, Никколо поступил на службу к республике, спешно секуляризовавшейся под успокоенные благословения папы Александра VI.

Поводов для размышления было достаточно, а голова — хорошая. Не хватало только настоящей подготовки. В семье не было избытка, и образование Никколо получил самое суммарное. Греческого он, по-видимому, все-таки не знал*, а в латинском не мог угнаться за матерыми гуманистами. На юридическом факультете перенесенного во Флоренцию Пизанского Студия, где учился Гвиччардини, ему побывать не пришлось. Он не имел даже нотариального стажа. Его учитель друг Адриани носил классическое имя — Марчелло Вирджилио, но совсем не был для него тем, чем для Данте его Вергилий. Он слегка учил его латыни и помог потом устроиться на службу.

Настоящею школою Никколо была флорентийская улица, этот удивительный организм, где формировалось столько больших умов. Дома он читал древних и Данте. Бродя по улице, получал среднее и высшее образование. И проходил курс политики. Ибо в Италии, а значит и во всем мире, не было города, где политику можно было бы изучать с большим успехом. У венецианцев опыта и умения политически рассуждать было, конечно, не меньше. Но в Венеции политика была уделом немногих: для большинства она находилась под строжайшим запретом. Во Флоренции политиками были все. Только там можно было видеть на улице живые хранилища политического опыта, важные фигуры в разноцветных кафтанах и плащах, в капюшонах с длинными концами, обвивавшими шею и перекинутыми через плечо, носителей самых громких имен славного республиканского прошлого, модели Беноццо, Гирландайо, Филиппино. Они любили стоять на площадях перед большими церквями, торжественные, с серьезными, не улыбающимися лицами, со стиснутыми губами, которые словно боялись разомкнуться, чтобы не выдать тайну, с тихой скупой речью. Не всегда во Флоренции политический опыт накаплился в спокойной обстановке, иногда его приходилось усваивать под звон мечей, под грохот разрушаемых зданий, под жуткое гудение набата, в дыму пожаров: среди заговоров и революций. А в мирное время политика сплеталась с весельем, ей вторили карнавальные

* Хотя много потрачено ученого остроумия для доказательства противного.

песни и хороводные припевы. Политика пропитывала все. Макиавелли ею опьянялся.

И все-таки капля горечи отравляла его дух уже в молодости. Происхождение и способности открывали ему дорогу к широкой политической карьере: не было нужных связей. Для преуспевания в обществе он обладал всеми данными: не хватало средств. Успеху у женщин мешала несчастная наружность. А когда наконец удалось устроиться — поздно, в двадцать девять лет, — место было отнюдь не блестящее: наиболее доходные доставались по традиции людям с хорошим гуманистическим стажем. В канцеляриях Дворца Синьории на лучших постах корпело над бумагами сколько угодно таких надутых, бездарных гуманистических павлинов. Никколо был принят в канцелярию Синьории — канцлером на месте Салютати, Бруни и Поджо сидел его учитель Адриани — и откомандирован в качестве секретаря в Коллегию Десяти, ведавшую иностранными и военными делами. Должность хлопотливая, утомительная, требовавшая огромной работоспособности, быстрого, точного, красивого пера и совершенно исключительной физической неутомимости. А вдобавок не давала ни достаточной самостоятельности, ни хорошего дохода, ни надежды выдвинуться. Где Никколо сел в 1498 году, после аутодафе Савонаролы, там и прижала его в 1512 медичейская реставрация. Когда новые хозяева Флоренции прогнали его с места, он ни деньгами, ни положением не был богаче, чем четырнадцатью годами раньше. А горечи накопилось много.

У секретаря Коллегии Десяти были обязанности двух родов: он управлял канцелярией Коллегии и должен был исполнять дипломатические миссии, которые почему-либо считалось неудобным поручать аккредитованному послу, «оратору» республики. Никколо не имел полномочий вести переговоры и решать вопросы*. Он должен был добиваться приема, разговаривать, убеждать, собирать сведения и о результатах доносить Десяти или самой Синьории. За четырнадцать лет таких поездок набралось около двух десятков. Никколо их не любил и должен был сильно морщиться, когда получал очередной наказ. Все они начинались более или менее одинаково. «*Niccolò tu anderai infino a...*» Или: «*Niccolò, tu cavalcherai in poste a...*» Или: «*Niccolò, tu cavalcherai in ogni celerita a trovare...*» «Ты отправишься...», «Ты поедешь на почтовых...», «Ты поскачешь как

* За исключением разве наименее ответственных миссий, вроде пьембинской.

можно скорее...», «Ты поедешь!», «Ты поскачешь!» — слова, которые, казалось, подчеркивали, что он человек маленький и подневольный. Денег при этом отпускали ему в обрез, так что частенько приходилось приплачивать из собственного кармана, надоедать сослуживцам просьбами о присылке денег и обременять дипломатические донесения аналогичными постскриптами. Купцы, правившие республикой, не любили раскошничаться без крайней нужды. Между тем у Никколо расходы росли. Он женился, пошли дети. Требования представительства становились больше. И хотелось не так скупно тратить на жизнь и на удовольствия: ибо Никколо — мы увидим — не был ни стоиком, ни аскетом. Средств решительно не хватало. Накопление опыта и коллекционирование политических наблюдений было единственной радостью, какую давала служба. А годы шли. Волос на голове становилось меньше, прибавлялись морщины на лбу, складки вокруг рта и горечь внутри.

В 1512 году разразилась катастрофа: сначала лишение службы, потом привлечение по делу о заговоре против Медичи, тюрьма, пытка веревкою. Потом — чистилище после ада — долгое прозябание в деревне, бесплодные попытки устроиться вновь и ощущение бесповоротно разбитой жизни. Ибо в глазах самого Макиавелли создание гениальных произведений было ничто по сравнению с тем, что ему не удалось вновь и по-настоящему выбиться на дорогу.

Горечи стало так много, что она превратилась в мрачный пессимизм.

Один из приятелей писал ему однажды: «Если бы я знал, куда обратиться с такой молитвою, я бы просил, чтобы скорее все беды этого мира свалились мне на голову, чем та, моровой язвы подобная, отвратительная, гнилая (*pestiferissimo e dispiatissimo et putrefato*) болезнь, которая зовется меланхолией и которая, я знаю, гнетет одного любимейшего нашего друга. Да избавит его от нее природа» *.

Макиавелли это отлично чувствовал и знал, что от такой болезни нет лекарства. В одном из писем к Веттори **, пересыпанном шутками, он вспомнил стихи Петрарки:

Però se alcuna volta io rido o canto,
Follo perche non ho se non quest'una
Via, da sfogare il mio angoscioso pianto.

* Lett. fam. 88, от Филлипо Казавеккиа, о котором будет речь ниже.

** Lett. fam. 122.

И если иногда смеюсь я иль пою,
То потому, что мне лишь этот путь остался,
Чтоб горькую слезу не показать свою*.

II

Однажды, когда Макиавелли, находившемуся в командировке, грозила некая неприятность, Биаджо Бонаккорси, его приятель, служивший у него в канцелярии, в взволнованном письме сообщал ему обстоятельства дела и, рассказывая, как он старался ликвидировать инцидент, писал: «У вас так мало людей, которые хотели бы прийти к нам на помощь; я не знаю почему» **.

Простодушный Биаджо поставил вопрос, который и сейчас еще не перестает интересоваться всякого, кого интересуется судьба Макиавелли. Действительно, почему никогда не имел Никколо настоящего друга, который готов был бы не то что чем-нибудь для него пожертвовать, а просто сделать для него что-то требующее серьезных усилий?

Такие, как сам Биаджо или их общие приятели, Бартоломео Руффини и Агостино Веспуччи, конечно не в счет. Их связывали с Никколо канцелярия, интересы общей службы, зависимость от него, и близость их характеризуется больше непристойностями, которыми полна их переписка, чем настоящими душевными отношениями ***. Он знал, что это — великие дру-

* Последний терцет сонета Петрарки 70—81, причем третий стих цитирован неточно. У Петрарки — не *sfogare* — облегчить, а *celare* — скрыть. Впрочем, и слово *sfogare*, которое Стендаль находил таким многомысленным и удивительным, стоит тут же, в восьмой строке сонета. Стендаль превосходно чувствовал горечь, пропитывавшую все существо Макиавелли. Про «Мандрагору» он говорил, что она была бы превосходной комедией, если бы автор ее был более веселым человеком («*Histoire de la peinture en Italie*»³. 1868. Vol. II).

** Lett. fam. 106, 27 декабря 1509.

*** Никколо нисколько не смущали в письмах Биаджо ласковые *sazo v'in culo* по его адресу или сердитые *li venga il casasangue nel forame*⁴, сопровождавшие рассказ о товарище, из-за которого канцелярия получила разнос от Синьории, или подробные донесения ему о том, какие опустошения производит среди общих знакомых французская болезнь. Никколо отвечал своим «страдаиотам», по-видимому, тем же. Руффини пишет ему (Lett. fam. 29): «Ваши письма к Биаджо и к другим доставили всем огромное удоволь-

зья на малые услуги, и не обольщал себя. После катастрофы 1512 года они, как тараканы, расползлись во все стороны, забили каждый в свою щель и бесследно исчезли. И именно теперь, когда для Никколо дружеская поддержка была по-настоящему вопросом существования, вокруг него образовалась пустота. Остался один Франческо Веттори, его товарищ по миссии в Германию, в это время «оратор» Флоренции при курии Льва X⁵. Он два года поддерживал с ним переписку, все кормил его обещаниями, но, имея все возможности, пальцем о палец не ударил, чтобы ему помочь. В конце 1517 года Никколо получил доступ в общество садов Ручеллаи. Молодежь образовала там вокруг больного Козимино Ручеллаи нечто вроде вольной академии⁶. Кто-то привел Никколо, и он очень скоро сделался душою кружка, потому что никто не умел лучше него поддерживать живую и содержательную беседу. Молодежь была богатая и знатная, с большими связями: Дзаноби Буондельмонти, Филиппо деи Нерли, поэт Луиджи Аламани, его тезка — кузен, философ Якопо Диачето, Баттиста делла Палла. Козимино был родственник Медичи, Филиппо — близкий им человек. Пока в 1522 году дело о новом заговоре не разбило кружка, члены его очень помогли Никколо. Именно они, по видимому, выхлопотали ему заказ на «Историю Флоренции». Но их отношение к Никколо была не дружба, а почитание учениками учителя.

Около этого же времени Макиавелли сошелся с человеком очень крупным, родным ему по духу и равным по уму, вполне способным его понять, — с Франческо Гвиччардини. Однако и тут не было настоящей дружбы. Гвиччардини был важный сановник и большой барин, Макиавелли — бедный литератор и опальный чиновник. Гвиччардини очень ценил ум и талант Никколо, охотно принимал его советы и услуги, но Никколо ни разу не мог забыть, какое отделяло их друг от друга расстояние*.

Таковы факты. Друзей Никколо не имел. Его не любили. Об этом свидетельствует современник, которому можно пове-

ствие, а словечки и шуточки (*li mocti et facetie*) заставили нас хотеть так, что мы чуть не вывернули себе челюстей». Душевнее других относился к нему Биаджо.

* Гвиччардини это немного даже обижало, особенно под конец. В одном из писем он просит Никколо прекратить пышное титулование, шуточно угрожая, что будет отвечать ему тем же. «Бросьте же титулы, — пишет он, — и мерьте мои теми, каких вы хотели бы для себя» (*Lett. fam.* 193, август 1525).

рять, — Бенедетто Варки, историк. Рассказывая о смерти Никколо, Варки говорит*: «Причиной величайшей ненависти, которую питали к нему все, было, кроме того, что он был очень неводержан на язык и жизнь вел не очень достойную, не приличествовавшую его положению, — сочинение под заглавием «Князь»». Но, конечно, главная причина «ненависти» была не в том, что Макиавелли писал вещи, которые разным людям и по-разному не очень нравились. Дело было в том, что Варки считал обстоятельством второстепенным: в личных свойствах Никколо. Такой, каким он был, для своей среды он был непонятен и потому неприятен. Его, не стесняясь, ругали за глаза. Верный Биаджо не раз сообщал ему об этом с сокрушением сердечным**. Что же делало его чужим среди своих?

Итальянская буржуазия не приходила в смущение от сложных натур. Наоборот, сложные натуры в ее глазах приближались к тому идеалу, который не так давно формулировали по ее заказу гуманисты, — к идеалу широко разностороннего человека, uomo universale. Но была некоторая особенная степень сложности, которую буржуазия переносила с трудом. Ее не пугали ни сильные страсти, ни самая дикая распущенность, если их прикрывала красивая маска. Она прощала самую безнадежную моральную гниль, если при этом соблюдались какие-то необходимые условности. Гуманисты научились отлично приспособляться ко всем таким требованиям. За звонкие афоризмы, наполнявшие их диалоги о добродетели, им спускали все что угодно. Макиавелли наука эта не далась. Он не приспособлялся и ничего в себе не прикрашивал.

Во всяком буржуазном обществе царит кодекс конвенционального лицемерия. Тому, кто его не преступает, заранее готова амнистия за всякие грехи. Макиавелли шагал по нему, не разбирая, а иной раз и с умыслом топтал его аккуратные предписания. Он был не такой, как все, и не подходил ни под какие шаблоны. Была в нем какая-то нарочитая, смущавшая самых близких прямолинейность, было ничем не прикрытое, рвавшееся наружу даже в самые тяжелые времена, нежелание считаться с житейскими и гуманистическими мерками, были всегда готовые сарказмы на кончике языка, была раздражавшая всех угрюмость, манера хмуро называть вещи своими именами как раз тогда, когда это считалось особенно недопустимым. Когда «Мандрагора» появилась на сцене, все смеялись: не смеяться

* Storia Fiorentina / Ed. le Monnier. 1888. Т. I. Кн. IV. Гл. 15. С. 200.

** Lett. fam. 55 и 79.

было бы признаком дурного тона. Но то, что лица «Мандрагоры» были изображены как типы, а сюжет был разработан так, что в нем, как в малой капле воды, было представлено глубочайшее моральное падение буржуазного общества, раздражало. Сатира была более злая, чем допускала лицемерная условность.

Если его осуждали за дурной характер и пробовали хулить за то, что он выходит из рамок, он всем назло делал вдвое, не боясь клепать на себя, и выдумывал себе несуществующие недостатки сверх имеющихся. Гвиччардини — правда, ему одному, потому что он был уверен, что будет понят им до конца, — Никколо признавался с некоторым задором: «Уже много времени я никогда не говорю того, что думаю, и никогда не думаю того, что говорю, а если мне случится иной раз сказать правду, я прячу ее под таким количеством лжи, что трудно бывает до нее доискаться» *.

И эта бравада, по поводу которой Гвиччардини мог бы заметить, что она вполне подпадает под действие софизма об Эпимениде-критяnine, и все остальные, которые так бесили его общество, имели источником своим полупренебрежительный, полупессимистический взгляд Макиавелли на ближнего своего. В последней, восьмой песне неоконченного «Золотого осла» он вкладывает в уста свиньи грозно хрюкающую филиппику против человека, в которой разоблачаются недостатки, свойственные его природе. И сатире «Осла» вторят общие положения больших трактатов: «люди злы и дают простор дурным качествам своей души всякий раз, когда для этого имеется у них легкая возможность»; «люди более склонны ко злу, чем к добру»; «о людях решительно можно утверждать, что они неблагодарны, непостоянны, полны притворства, бегут от опасностей, жадны к наживе» **.

Люди не стоят того, чтобы быть с ними искренними. Люди не стоят того, чтобы из-за них терпеть невзгоды и огорчения. Люди не стоят того, чтобы задумываться об их участи, когда им грозит несчастье. А если они провинились и заслуживают наказания, не стоит их жалеть. Когда Паоло Вителли, кондотьер на службе у Флоренции, руководивший осадой Пизы, стал вести себя подозрительно и в руки комиссаров республики попали

* Lett. fam. 179.

** Discorsi. Кн. I. Гл. 3 и 9; Principe. Гл. 17. Оговорка (Discorsi. Кн. I. Гл. 27), что «люди чрезвычайно редко бывают или совсем дурными или совсем хорошими» (по поводу Джан Паоло Бальони), имеет, как увидим ниже, особый смысл и не ограничивает основного суждения.

уличающие его документы, Макиавелли был в числе тех, кто требовал его казни (1499), а когда она была совершена, громко ее оправдывал. Когда Ареццо, летом 1501 года восставший и на некоторое время отложившийся от Флоренции, был приведен к покорности, Макиавелли в качестве секретаря [Коллегии] Десяти писал комиссару с требованием выслатъ во Флоренцию главарей восстания: «Пусть их будет скорее двадцатью больше, чем одним меньше. И не задумывайся над тем, что опустеет город» *.

Но когда он сам сделался игралищем судьбы, попал в тюрьму и «на плечах его остались следы шестикратной пытки веревкою», он призывал гром и молнию на головы всего остального человечества, лишь бы его оставили в покое. «Пусть несчастье постигнет других, только бы мне спасти свою шкуру. Пусть бросят врагам моим кого-нибудь на растерзание, только бы они перестали грызть меня» **. Он — отдельно. Он выше других.

Другие могут стать жертвою политического террора или судебной ошибки, он — нет. Мерки разные. Как могло такое пренебрежение не злить тех, кого оно поражало?

И они ему отплатили. В то время как целая куча людей неизмеримо менее нужных, чем он, бездарные буквоеды, трухлявые насквозь, были окружены кольцом близких, обременены почестями и благами, Никколо прошел свой путь одинокой, безрадостной тенью, и богатая Флоренция, умевшая оплачивать труды, позволяла ему с огромной семьей на руках горько нуждаться и искать заработка в сомнительных подчас аферах ***.

III

Как это ни странно, в эпоху такой неслыханной распушенности людям больше, чем что-нибудь, не нравились беспорядки интимной жизни Макиавелли. Варки — мы видели — на это определенно указывал. Гвиччардини дружески его за это жу-

* Цит. по: Villari. Vol. I. P. 377.

** См.: Villari. Vol. II. P. 204.

*** О том, как Макиавелли нуждался, мы знаем из писем его к племяннику Джованни Верначчи (Lett. fam. 160 и ряд следующих). Некоторый доход принесли ему хлопоты в Риме по делам Донато дель Карно, о котором будет речь ниже (Lett. fam. 152, от Баттисты делла Палла). «Жизнь Каструччо», полная тенденциозных измышлений, была написана для оправдания претензий на господство в Лукке наследников Паоло Гуиниджи и едва ли не была ими оплачена. См.: Winkler. Castruccio Castracani. 1897. S. 2—3.

рил. Правда, Никколо с некоторой, быть может, надрывной развязностью не делал из этих вещей никакого секрета. А злились на него больше всего те, кто особенно усердно скрывал свои собственные делишки.

Переписка Макиавелли дает пеструю и красочную картину этой стороны его жизни. Когда он говорит о женщинах, чувствуется, что каждая, самая мимолетная, связь чем-то его мучит. А он все-таки продолжает самым неразборчивым образом бросаться в новые приключения. Имена женщин мелькают в письмах постоянно. Все они — невысокого полета. То некая Янна, то другая, которую мы знаем не по имени, а только по месту жительства*, то старая прачка в Вероне, которую подслушали ему в темноте и которая при свете оказалась до такой степени омерзительной, что его вырвало**. То куртизанка второй или третьей категории, Ричча, недостаточно к нему внимательная, то молоденькая девушка в деревне, в которую он пылко влюбился, но которая далеко не осталась его единственной утешительницей в изгнании***. То, наконец, Барбера, куртизанка более высокого ранга, имевшая связи и обладавшая сценическими талантами; она играет в его пьесах; он устраивает ей гастроли в провинции; на старости лет ездит за ней, занятый по горло серьезнейшими делами, как молодой воздыхатель, и смертельно о ней тоскует, когда она уезжает.

А приятели вдобавок вкрапливают ему в письма — латинские по этому специальному случаю — намеки, которые заставляют думать о каких-то серьезных уклонах Никколо в этих делах****. Возможно, конечно, что инсинуации «страдиотов» канцелярии — самое обыкновенное непристойное трепачество, всегда увлекавшее недоносков гуманизма. Канцелярия Дворца

* «Scis quam dicam etc. Lungo Arno da le Grazie»⁷. Это та, которая, по словам друзей, ждет его «a ficha aperta»⁸ (Lett. fam. 13).

** Lett. fam. 105. «Желудок, не будучи в состоянии вынести такой удар, содрогнулся и от сотрясения раскрылся». — «Lo stomacho per non poter sopportare tale offesa tucto si commesse et commosso opro». Описана женщина с таким зверским натурализмом, что тошнит читать. Но нет оснований предполагать, как это делают биографы (Villari. Vol. II. P. 289; Tommasini. Vol. I. P. 484), что весь эпизод не более как чисто литературная выдумка: слишком много в письме неподдельной макиавеллевой горечи.

*** Lett. fam. 150. О Ричче см. ниже.

**** Lett. fam. 16: «Non posse te ullo pacto in Galia nisi magno cum discrimine civersari, propterea quod istic pedicones et pathici vexantur lege acriter»⁹. От Агостино Веспуччи. Макиавелли был в это время во Франции.

Синьории была ведь «вральней» (*il bugiale*) не хуже, чем ватиканская. Но переписка с Веттори свидетельствует, что Никколо умел смаковать, хотя тоже не без гримасы боли, рассказы, всего меньше добродетельные и доверху полные всякими уклонками *.

Веттори жил барином в Риме. Дела у него были необременительные, денег достаточно, и единственной серьезной заботой его было ублажать свою грешную плоть. Блудил он по-сановному: степенно, добросовестно, неторопливо. А когда в его безмятежное житье вторгались разные деликатные казусы, он повергал их на суждение Макиавелли. Например. В его доме — двое приживальщиков: один, Джулиано Бранкаччи — большой поклонник женского пола, другой, Филиппо Казавеккиа — совсем наоборот. Когда «оратора» посещает куртизанка, его знакомая, Филиппо ворчит, что это недостойно лица в его положении. Когда приходит — по делу, уверяет Веттори, — некий сер Сано, своеобразные вкусы которого составляют притчу во языцех в Риме, Флоренции и окрестностях, протесты Филиппо внезапно смолкают, но выходит из себя Джулиано и кричит, что Сано — *uomo infame*¹⁰, что принимать его — позор. Веттори не знает, как ему быть **. Макиавелли в письме, великолепном по силе иронии и по меткости «воображаемых портретов», подсказывает посланнику выход, а в одном из ответных — это чудесная маленькая новелла, от которой не отказались бы ни Фиренцуола, ни Банделло — сам рассказывает, как некий единомышленник сера Сано и Филиппо «охотился за птицами» во Флоренции в темную ночь, как, наохотившись всласть, пытался заставить расплатиться за свое невинное удовольствие приятеля, такого же убежденного «птицелова», и как на этом попался ***. А разве не новелла тоже — бытовая картинка, которая разворачивается еще в двух письмах Веттори? ****

* В ближайшие два-три года после катастрофы, лишившей Никколо места в обществе, Франческо Веттори, дипломат и историк, был его главным корреспондентом. Большинство их писем посвящены обсуждению политических вопросов, прежде всего возраставшей с каждым годом опасности порабощения Италии чужеземцами. Для Макиавелли его письма служили этюдами к большим работам, а Веттори козырял идеями Никколо в Ватикане. Когда высокая политика надоедала, друзья писали о другом.

** Lett. fam. 139.

*** Lett. fam. 144.

**** Lett. fam. 141 и 143.

К «оратору» пришла в гости соседка, вдова, очень почтенная, с двадцатилетней дочерью, с четырнадцатилетним сыном и с братом, очевидно, в качестве телохранителя. Бранкаччи немедленно стал таять около девушки, Филиппо присоседился к мальчику и, тяжело дыша, повел с ним разговор об его учении. Посланник беседовал с родительницею, одним глазом следя за Филиппо, другим за Джулиано. Потом пошли к столу, и неизвестно, каким образом нашли бы примирение столь многочисленные противоречивые интересы, если бы не неожиданный приход других гостей. Через несколько дней добродетельная матрона привела дочку к Веттори уже без телохранителя и, уходя, забыла ее. Девушка оказалась не строптивой. «Оратор» так ею увлекся, что испугался сам: как бы страсть не захватила его серьезно. Потребовалась диверсия. Он вызвал к себе своего племянника Пьеро. «Прежде мальчик приходил ко мне ужинать, когда хотел, теперь не ходит. Еще можно было бы, кажется, потушить этот огонь: он не разгорелся настолько, чтобы такая вода не могла его залить». Огонь — девушка, вода — Пьеро.

В доме посланника явно впали в уклон даже стихи.

Сидя в деревне, Никколо с любопытством следил, как развертываются эти разносторонне — во многих смыслах — запутанные извивы. На фоне густых римских удовольствий его собственные похождения с бесхитростными и необученными деревенскими прелестницами представлялись ему, может быть, элементарными и убогими, но замысловатый переплет, в котором копошились римские приятели, все-таки должен был вызывать у него не одну мефистофельскую улыбку. Это видно по его ответным письмам. Он ничего не осуждает. Он только наблюдает. Как мудрец и как художник. Потому что человеческие документы этого рода его жадно интересуют. Веттори знал, что у Никколо встретит сочувствие и такое его сверхэпикурейское размышление: «Когда я отдаюсь мыслям, они часто нагоняют на меня меланхолию, а этого я терпеть не могу. По неволе приходится думать о вещах приятных, а какая вещь может доставить большее удовольствие, когда думаешь о ней или делаешь ее, чем *il fottere*» *¹¹.

Самое удивительное то, что наряду со всем этим Никколо был очень привязан к семье. По-настоящему, по-хорошему. Несмотря на все грехи, он никогда от нее не отдалялся. Когда его дела шли плохо, его больше всего тяготило, что будет нуждаться

* Lett. fam. 158.

ся его «команда» (la brigata). В письмах к детям, особенно более поздних, есть неподдельная теплота. Но Никколо не хочет давать ей воли: он не умеет быть нежным на словах. И мона Мариетта, жена его, по-видимому, эти вещи понимала хорошо. У нее было много такта, беспутного мужа своего она принимала, каким он был, очень его любила и была превосходной матерью. Из их многочисленного потомства пятеро выросли и пережили отца. Умер Никколо как добрый семьянин, на руках у жены и детей *. И ни из чего не видно, чтобы свои внесемейные увлечения Макиавелли считал чем-то непозволительным. Для него это — вещи другого ряда, и только. Таких *distinguo* ** у него сколько угодно.

Он без всяких усилий переключал себя из одного настроения в другое. И не только, когда дело касалось интимных отношений. В письмах первых, самых тяжелых лет после жизненного крушения 1512 года — целый калейдоскоп набросков, рисующих его срывы и взлеты.

«Томмазо сделался чудным, диким, раздражительным и скаредным до такой степени, что, когда вы вернетесь, вам будет казаться, что это другой человек. Я хочу рассказать вам, что у меня с ним вышло. На прошлой неделе он купил семь фунтов телятины и послал к Марионе. Потом ему стало казаться, что он истратил чересчур много, и, желая сложить на кого-нибудь часть издержек, он пустился клянчить себе компаньонов на обед. Я пожалел его и пошел вместе с двумя другими, которых я же и сосватал. Когда обед кончился и стали рассчитываться, на долю каждого пришлось по четырнадцать сольди. При мне было только десять. Четыре я остался ему должен, и он каждый день их у меня требует. Еще вчера приставал он ко мне с этим на Ponte Vecchio... У Джулиано дель Гуанто умерла жена. Три или четыре дня он ходил, как оглушенный судак. Потом встряхнулся и теперь хочет непременно жениться снова. Все вечера мы просиживаем на завалинке у дома Каппони и обсуждаем предстоящий брак. Граф Орландо все еще сходит с ума по одном мальчишке известного сорта, и к нему нельзя подступиться. Донато дель Корно открыл другую лавочку...» ***.

* Свидетельство внука, Дж. Риччи (см.: Tommasini. Vol. II. P. 904). Подлинность письма Пьеро Макиавелли, сообщающего о смерти отца (Lett. fam. 229), Томмазини оспаривает (Vol. II. P. 903 и след.)

** Схоластическое разграничение, не очень убедительное объективно.

*** Lett. fam. 122, к Веттори.

«Когда я бываю во Флоренции, я делю свое время между лавкою Донато и Риччей. И, кажется мне, что я стал в тягость обоим. Один зовет меня несчастьем своей лавочки (*imprassia-bottega*), другая — несчастьем своего дома (*imprassia-casa*). Но и у него, и у нее я слышу за человека, способного дать хороший совет, и до сих пор эта репутация настолько мне помогала, что Донато позволяет мне погреться у камелька, а Ричча дает иной раз, правда украдкой, поцеловать себя. Думаю, что эта милость продлится недолго, потому что и тут и там мне пришлось дать советы — и неудачно. Еще сегодня Ричча сказала мне, делая вид, что разговаривает со служанкою: «Ах, эти умные люди, эти умные люди! Не знаю, что у них в голове! Кажется мне, что им все видится шиворот-навыворот»» *.

Ничего страшного, однако, не произошло. «Наш Донато вместе с приятельницей, о которой я вам как-то писал, — единственные два прибежища для моего суденышка, которое из-за непрекращающихся бурь осталось без руля и без ветрил (*sanza timone et senza vele*)» **.

Мещански-серое, не очень сытое, уязвляющее на каждом шагу самолюбие житье в городе беспрестанно гнало Никколо в деревню и заставляло подолгу там оставаться. У него было именище, называвшееся Альбергаччо, в Перкуссине, неподалеку от Сан-Кашьяно, по дороге в Рим. Там, худо ли, хорошо ли, мог он жить с семьей не попрошайничая, имел кров, пищу и даже общество, правда, иной раз самое неожиданное.

«Встаю я утром вместе с солнцем и иду в свой лесок, где мне рубят дрова. Там, проверяя работу предыдущего дня, я провожу час-другой с дровосеками, у которых всегда имеются какие-нибудь нелады с соседями или между собою... Из лесу я иду к фонтану, а оттуда — на птичью ловлю ***. Под мышкою у меня всегда книга: или Данте, или Петрарка, или кто-нибудь из менее крупных поэтов — Тибулл, Овидий, другие. Читаю про их любовные страсти, про их любовные переживания, вспоминаю о своих. Эти думы развлекают меня на некоторое время. Потом прохожу на дорогу, в остерию, разговариваю с прохожими, рас-

* Lett. fam. 142, к Веттори. Веттори в ответ утешает его: «Ричча, конечно, может в сердцах ругнуть советы умных людей. Но не думаю, чтобы из-за этого она перестала вас любить и не открыла вам дверей, когда вы в них постучитесь» (Lett. fam. 143).

** Lett. fam. 159, к Веттори.

*** На этот раз птичья ловля — самая настоящая, не иносказательная.

спрашиваю, что нового у них на родине, узнаю разные вещи, отмечаю себе разные вкусы и разные мнения у людей. Тем временем настает час обеда. Я ем вместе со всей командой (*la brigata*, т. е. семья) то, что мое бедное поместье и малые мои достатки позволяют. Пообедав, возвращаюсь в остерию. Там в это время бывает ее хозяин и с ним обыкновенно мясник, мельник и два трубочиста. В их обществе я застреваю до конца дня, играю с ними в крикку и в трик-трак *. За игрою вспыхивают тысячи препирательств, от бесконечных ругательств содрогаются воздух. Мы воюем из-за каждого кватрино **, и крики наши слышны в Сан-Кашьяно. Так, спутавшись с этими гнидами (*pidocchi*), я спасаю свой мозг от плесени и даю волю злой моей судьбине: пусть она истопчет меня как следует, и я погляжу, не сделается ли ей стыдно. Когда наступает вечер, я возвращаюсь домой и вхожу в свою рабочую комнату (*scrittoio*). На пороге я сбрасываю свои повседневные лохмотья, покрытые пылью и грязью, облакаюсь в одежды царственные и придворные (*reali e curiali*). Одетый достойным образом, вступаю я в античное собрание античных мужей. Там, встреченный ими с любовью, я вкушаю ту пищу, которая уготована единственно мне, для которой я рожден. Там я не стесняюсь беседовать с ними и спрашивать у них объяснения их действий, и они благосклонно мне отвечают. В течение четырех часов я не испытываю никакой скуки. Я забываю все огорчения, я не страшусь бедности, и не пугает меня смерть. Весь целиком я переносусь в них» ***.

Это замечательное письмо, которое наряду с последней главою «Il Principe» обошло все хрестоматии, дает ключ ко многому. «Пусть судьба истопчет меня — я посмотрю, не станет ли ей стыдно». Какое отчаяние, какой безнадежный пессимизм в этих словах! Ведь все, что в характере и в поведении Никколо так злило и так оскорбляло современников, — все в этом крике души. Жизнь била его, не давая вздохнуть. Впереди ничего. Так пусть же он будет еще хуже, чем о нем думают. Пусть все знают, до какого смрадного дна способен он докатиться. Пусть все морщатся от его сарказмов и мефистофельского его смеха. Пусть! «Средь детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он».

А способен ли кто-нибудь после глубочайшего падения взлететь к солнцу, «когда божественный глагол до слуха чуткого

* Крикка — карточная игра, трик-трак — игра на доске.

** Мелкая монета.

*** Lett. fam. 137, к Веттори, 10 декабря 1513.

коснется»? Из грязной придорожной деревенской остерии, из москательной лавки Донато, из домика захудалой куртизанки способен ли кто-нибудь перенестись сразу в общество величайших мужей древности, упиваться «беседой» с ними, парить в недостигаемой высоте творческих экстазов? Только он. Этого не хотят видеть? Не хотят его признавать? Тем хуже! Прикосновение к тому вечному, что есть у древних, даст в нем выход родникам мысли, и, выпрямленный, он будет создавать ценности, равные античным.

Вот эта способность творить и действовать, преодолевая постоянные внутренние боли, не давая жизненным невзгодам задушить силы духа, торжествуя над мутящим мозг пессимизмом, способность творить и действовать, раскрывая до конца дары ума и воли, темперамента и энергии, и приобщила Макиавелли к сонму великих.

IV

Общество, которое не хотело понимать Макиавелли и отвергало его, было общество Возрождения. Никколо был его родным детищем, но капризным и своенравным: свет и тени в нем были распределены по-другому, чем у огромного большинства.

Культура Возрождения — организм сложный и противоречивый. Различные ее элементы сталкивались между собою с резкой непримиримостью, но в конце концов как-то все-таки уживались вместе. Разложение быта и семьи, моральный скептицизм, апофеоз удачи, преклонение перед человеком и силами его духа, перед красотой в природе и в человеческих творениях, расцвет искусства и литературы, первые серьезные завоевания науки, разрыв с церковными идеалами и утверждение мирских — все это переплеталось между собою и сливалось в видение необычайного блеска, который ослеплял чужестранцев, а итальянцев наполнял гордостью и высокомерным сознанием превосходства над другими народами.

Простейшими и самыми естественными плодами, которые произрастали в этой атмосфере, были неутолимая тяга к соблазнам и прельщениям жизни, жадная хватка, напор, неудержимый рост хищных инстинктов: в идейном обрамлении, как у Пьетро Аретино, или в полной обнаженности, как у большинства. У Никколо всего этого было не меньше, чем у любого из современников. Но судьба не дала развернуться его аппетитам.

Его это очень сокрушало. В капитоло* «О случае» он грустно поет о том, как Случай в виде женщины с копною волос спереди и с голым затылком промелькнул перед ним прежде, чем он успел его схватить, а в капитоло «О фортуне», написанном в пожилые годы, жалуется, что фортуна любит молодых и смелых, очевидно, не решаясь причислить себя и ко второй категории. Приходилось мириться, что судьба, выбирая любимцев, обошла его. Его ждала «иных восторгов глубина».

У него было нечто, чего не было ни у кого из избалованных утехами жизни: огромный, острой, безгранично смелый ум. Уму Макиавелли была свойственна некоторая рационалистичность, подчас сухость, но критическая его сила была поразительна. Анализ Макиавелли не знал никаких преград, проникал до дна, доискивался до последних начал. Никто не умел с таким неподражаемым искусством изолировать вопрос и обнажать его имманентную сущность. Бесстрашие некоторых его логических операций не только смущало современников, но уже много веков бесит иезуитов, мучит моралистов и расстраивает нервы буржуазным ученым.

Легкой и безболезненной жертвой анализа Макиавелли сделалась очень скоро вера. Никколо был настоящим атеистом и по духу и по научному своему облику. Библия и Отцы Церкви были знакомы ему мало. Его начитанность была чисто мирская, а когда по ходу рассуждений ему приходилось касаться опасных вопросов, он, подобно Леонардо, прятал ироническую усмешку под гримасою благочестия**. Неверие в то время отнюдь не было чем-нибудь революционным, особенно если оно не провозглашалось в кричащих лозунгах. Католическая реакция еще не пришла, а религиозного пафоса в кругах образованных людей давно уже не было. Придворные дамы, как Эмилия Пиа, умирали без исповеди, а пылкий республиканец Пьеро Паоло Босколи, беседуя перед казнью с друзьями и духовником, мучительно хотел умереть добрым христианином и умо-

* Капитоло (capitolo) — стихотворение обычно на дидактическую тему, написанное терцинами.

** См. напр.: II Principe. Кн. II: «Так как этими (церковными) княжествами управляют высшие силы, непостижимые для человеческого ума, то я не буду о них говорить. Они возвеличены и хранимы Богом, и рассуждать о них может лишь человек самоуверенный и дерзкий». О крупнейшем из этих «хранимых Богом» княжеств — о Папской области — Макиавелли «рассуждал» самым уничтожающим образом.

лял, чтобы у него «вынули из головы Брута»: ему никак не удавалось настроить себя благочестиво. Но атеизм у всех оставался делом личной совести. Ум Макиавелли был неспособен остановиться на этом. У него сейчас же стройным рядом выстроились категории: личная вера; религия как общественное настроение, подлежащее учету и воздействию со стороны всякого политика; религия как сила, формирующая человеческую психологию; религиозная точка зрения, вторгающаяся в научное исследование; соприкосновение религии с моралью и их совместное пертурбирующее действие при научном анализе; Церковь; духовенство.

Атеизм не нарушал канона Возрождения, ибо канон Возрождения признавал безграничную свободу за критикующим умом. Но, признавая законность неверия, канон на этом останавливался. Критический анализ христианской религии ставил точку где-то очень близко. Макиавелли с хмурой усмешкой смахнул эту точку и пошел дальше.

Прежде всего он сделал одно очень важное сопоставление. Личная вера—бессмыслица. Но пока на эту точку зрения станет большинство, пройдет много времени. Религия как настроение широких народных масс будет существовать еще долго, и политик должен уметь этим настроением пользоваться, как пользовались им римляне. Мало того: религиозность в народе нужно поддерживать, потому что народом религиозным легче управлять *. Это — рассуждение реального политика. Но нельзя закрывать глаза на то, что христианская религия, выдвигая на первый план заботу о делах потусторонних, полагая высшее благо в смирении и неприятии мира, заставляет никнуть дух, размягчает характер, принижает силу и энергию человека. Древние, наоборот, своей религией поднимали дух, прославляли силу, мужество, суровую непреклонность, и потому народы древности способны были свершить великое. Христианская религия ослабляет волевую и умственную активность в человеке и в народе, и потому находятся в упадке любовь к свободе и республиканский дух **. С этим надо бороться.

Вот цепь рассуждений, определяющих роль и значение христианской религии в общественной жизни. До них раньше Макиавелли не додумывался никто, хотя все его выводы сделаны из посылок, давно усвоенных канонам Возрождения. Но Ма-

* Discorsi. Кн. I. Гл. 12.

** Discorsi. Кн. II. Гл. 2.

киавелли и на этом не остановился. Когда ему пришлось ставить и разрешать вопросы политической теории, он должен был задуматься над тем, чем руководствоваться в анализе. До него самые блестящие образцы теоретических рассуждений в области политики были неразрывно связаны с моралью, и так как это были рассуждения не гуманистические, а схоластические, то и с религией. Гуманисты, поскольку в своих сочинениях они касались политических вопросов, делали иной раз робкие попытки поговорить о политике свободно, но жизнь не ставила им трагических вопросов, и у них все кончалось легкой игрою ума. Макиавелли понял, что, пока он не изолирует вопросов политики от вопросов морали и религии, до тех пор он будет беспомощно топтаться на месте и не скажет ничего нужного для жизни. А события были таковы, что необходимо было политические вопросы ставить и разрешать с величайшей, беспощадной прямою и смелостью: для этого надо было отбросить все, что мешало свободному анализу, в том числе религиозные и моральные соображения. И Макиавелли дерзнул. Именно за это его кляли больше всего и при жизни и особенно после смерти.

С Церковью и духовенством вообще было легче. Это была проторенная дорожка со времени первого «Новеллино»¹². Но Макиавелли не умел смеяться так, как смеялись новеллисты. Его смех был другой. В «Мандрагоре» Церковь в лице монаха фра Тимотео разрушает крепкие моральные устои у людей, успокаивает сомнения, продиктованные чистой совестью, толкает к греху и удовлетворенно позвякивает потом тридцатью сребрениками, полученными за самое безбожное с ее собственной точки зрения дело. Это — не легкая насмешка. Это — свирепая, уничтожающая сатира. Макиавелли знает, что он хочет сказать. Пока Церковь управляет совестью людей, не может быть здорового общества, ибо Церковь благословит, если это будет ей выгодно, самую последнюю гнусность, самое вопиющее преступление. Совершенно так же, как не может быть в Италии здорового, т. е. единого и свободного государства, пока в центре страны укрепились Папская область, которая в своих интересах идет наперекор национальным задачам страны. Тут полная параллель.

В вере, в религии, в Церкви — главное зло. Чем сложнее становится жизнь, тем это зло больше. Потому что усложняющаяся жизнь — это новая жизнь, которая секуляризируется с каждым днем сильнее к великой невыгоде Церкви. Церковь отстаивает свои позиции с непрерывно возрастающим озлоблением.

И тем более непреклонно и непримиримо должна нестись борьба со старым, еще не изжитым наследием феодального мира. Вольтер скажет потом: «Раздавите гадину» — «Ecrasez l'infame». Формула принадлежит ему, мысль — Макиавелли.

Доктрина Возрождения благодаря Макиавелли вбирала в себя под напором жизни новые элементы, все более решительные и боевые. В ней, как и в микельанджеловском искусстве, появлялась *terribilita*, нечто «грозное», что отпугивало более робких, но с точки зрения социальных и политических задач времени было самой естественной защитной реакцией, ибо в «Il Principe» и в аллегориях Сикстинского плафона трепещет в муке один и тот же дух. Страшно, но неизбежно. Жизнь — Голгофа. Ее отражение не может быть хороводом танцующих путти¹³ на светлом розовом фоне или беззаботной карнаваль-ной песенкой.

И важно в жизни то, что нужно. Распределяя ипостаси гуманистического канона в порядке убывающей политической, т. е. единственно жизненной, важности, Макиавелли нашел, что ренессансный культ красоты — нечто совершенно бесполезное. Он знал, конечно, что идея прекрасного в мировоззрении эпохи играет огромную роль и является неотъемлемой частью культуры Возрождения. Но это его не останавливало. С точки зрения трагических «быть или не быть» это не нужно. Ни красота в природе, ни красота в искусстве. В писаниях Макиавелли нет ни одной строки, где бы чувствовалось понимание красот природы, лирическая настроенность, подъем. Никколо имел слабость считать себя поэтом * и стихов написал достаточно. Но это — не поэзия, а рифмованный фельетон: и стихи в комедиях, и «Десятилетия» («Decennali»), и «Золотой осел» («Asino d'oro»), и *capitoli*, и песни. Настоящий подъем, трепет подлинного чувства, пламенная лирика — политическая — у Макиавелли не в стихах.

С таким же равнодушием, как к природе, относился он и к искусству. В «Истории Флоренции» оно не играет никакой роли. Даже рассказывая о Козимо и Лоренцо, он оставил совершенно в тени вопросы искусства. Имена Брунеллеско, Гиберти, Донателло, всей плеяды художников, работавших при Лоренцо, даже не упоминаются. В характеристике Лоренцо есть

* Он был очень обижен на Ариосто за то, что тот, перечисляя в «Orlando Furioso»¹⁴ крупнейших современных поэтов, не упомянул его имени, «отбросил его как собаку». См.: Lett. fam. 166, к Луиджи Аламани.

только одна фраза: «Он очень любил всякого художника, выдающегося в своей области» *.

А в «*Arte della guerra*» он говорит про Италию, что она «воскрешает мертвые вещи: поэзию, живопись, скульптуру» **.

В идеологии Возрождения его интересует только индивидуалистическая доктрина, но в его руках она стала неузнаваема. У гуманистов интерес к человеку есть интерес к личности. Он замкнут в кругу этических проблем. Макиавелли этот круг разрывает. Человек у него берется в самом широком смысле слова, и опять строятся категории: человек, люди; соединение людей, т. е. общество; жизнь общества и борьба общественных групп; возникновение власти; властитель и различные его типы; государство и различные его формы; государственное устройство; столкновение между государствами; война; нация. Его интерес возрастает по мере того, как он двигается в этой цепи все дальше. Меньше всего интересует его отдельная личность. Зато никто до него не подвергал такому всеобъемлющему анализу человека «как существо общежительное». В миропонимании Возрождения Макиавелли — рубеж. Он первый стал изучать человека и человеческие отношения не с этической, а с социологической точки зрения, и это у него не случайные проблески, не единичные озарения, а выношенная до конца мысль, которой не хватало только систематического изложения и четкой терминологии, чтобы сразу войти в идейную сокровищницу человечества. А в идеологии Возрождения ломка этической установки и внесение социологической имело еще один колоссальный результат. От звена к звену, от силлогизма к силлогизму, неотразимым напряжением логической мысли Макиавелли приходит к тому, что требует от него социальный заказ: к созданию политической теории Возрождения.

В сравнении с его конструкциями кажутся детским лепетом не только чисто этические этюды Петрарки и Салютати, но и сравнительно зрелые, тронутые и социологическим прозрением и политическим анализом рассуждения Бруни, Поджо, Понтано. Между тем формально Макиавелли был вооружен для этой задачи гораздо хуже и не обладал такой колоссальной начитанностью в классиках, как крупнейшие представители гуманизма. Но он в ней и не нуждался: ему было достаточно начитанности в размерах, строго необходимых для проверки своей мысли. Он

* *Storia Fiorentina*. Кн. VIII. Гл. 36; «*Amuva maraviglfosamente qualunque era in una arte eccelente*».

** Там же. Кн. VII, в самом конце. См. в: *Machiavelli N. Opere*. 1819. Vol. V. P. 420.

подходил к Ливию и Тациту, к Плутарху и Полибию совсем не так, как гуманисты. Их интерес к древним был научный. Практических целей они не преследовали. Они не «беседовали с классиками», не «спрашивали у них объяснения их действий», и те не «отвечали им благосклонно». Для Макиавелли классики только такой смысл и имели. Все, что в них было ему интересно, интересно было потому, что находило применение в жизни, в делах сегодняшнего дня. Античные историки и мыслители помогали ему понимать отношения, в которых жил он сам, которые затрагивали его, людей его группы, его родной город, родную его страну. Но никогда не полагался он на классиков всецело. Если они служили оселком, которым он проверял свои наблюдения и мысли, то их он тоже проверял собственным опытом и данными истории итальянских коммун. Наряду со Спартой, Афинами, Римом, Карфагеном он обращался к прошлому Болоньи, Перуджи, Сиены, Фаянцы и никогда не упускал из поля зрения Венецию и Флоренцию, Милан и Неаполь. Чтобы понять до конца, например, Цезаря Борджиа, вскрыть то типическое и практически нужное, что в нем имеется, на него нужно предварительно накинуть римскую тогу. Простого наблюдения недостаточно, хотя бы оно было самое пристальное; хотя бы оно длилось месяцами. Сравните письма Легации в Имолу, записку о том, как герцог Валентино расправился с кондотьерами, и страницы, посвященные Цезарю в «Il Principe». Донесения Легации накапливают наблюдения над живым человеком, ряд моментальных фотографий, скрупулезно точных, день за днем, с 7 октября по 21 января 1502 года*. Записка химически «обрабатывает» герцога Валентино Ливием и Тацитом, и в результате этой «реакции» получается Цезарь Борджиа стилизованный, уже не во всем похожий на подлинного Цезаря Легации. «Il Principe» подводит итоги; в нем герцог Валентин — отвлеченный, разложенный на ряд максим практической политики: кто желает, может ими пользоваться. И когда угодно: сейчас, через сто лет, через пятьсот лет.

Без классиков построения Макиавелли остались бы не вполне законченными. Но классики для него материал подсобный. Макиавелли — не гуманист: в тревожное время, в которое ему пришлось жить, типичными гуманистами могли быть только бездарные и бездушные люди. Но он — подлинный человек Возрождения, а его политическая теория — подлинная доктрина.

* Год по флорентийскому календарю начинался не 1 января, а 25 марта.

на Возрождения. В ней вековой опыт социальной ячейки Возрождения — итальянской коммуны — подвергнут обобщающему анализу, очищен от плевел церковной идеологии, проверен на классиках. И оплодотворен могучим порывом к действию, идеей *virtú*.

Что такое макиавеллева *virtú*? Это последнее слово ренессансного индивидуализма, венчание его теории с духом живого дела, прославление и апофеоз действенной энергии человека. *Virtú* — не «добродетель» Петрарки, почерпнувшего сию формулу у Цицерона, и не «добродетель» Бруни, взятая напрокат у стоиков, и даже не радостная стилизация здорового жизненного инстинкта, формулированная Валлою по эпикурейским образцам. Макиавеллева *virtú* — это воля, вооруженная умом, и ум, окрыленный волею, страстный зов к планомерному, сознательному, самому нужному делу: завет его времени будущему.

Идеология Возрождения — от начала до конца идеология переходного исторического периода, эпохи разложения феодального общества и возникновения общества буржуазного. И от начала до конца эту идеологию определяют интересы буржуазии, обороняющейся и наступающей, слабеющей и торжествующей, побеждающей и побеждаемой; смотря по тому, как складывалась и коммунах социальная группировка и какая группа буржуазии давала тон.

Какую же группу буржуазии представляет Макиавелли? И как интересы группы, им представляемой, запечатлелись в его политической доктрине?

V

Когда Макиавелли поступил на службу, уже были налицо признаки кризиса, который переживало итальянское народное хозяйство. Кончился подъем, под знаком которого Италия жила, несмотря на все потрясения, чуть ли не со времени первого крестового похода. Торговля и промышленность, на которых зиждилось хозяйственное благополучие Италии, начинали клониться к упадку, и люди прозорливые это чувствовали не со вчерашнего дня. Лоренцо Великолепный, глава крупнейшей банкирской фирмы Италии, вложившей большие капиталы и в торговлю, и в промышленность, первый начал принимать меры, чтобы его банк не сделался жертвою кризиса. И эти меры производили, очевидно, настолько сильное впечатление, что и Гвиччардини, и Макиавелли, ближайшие после его смерти историки Флоренции, тщательно их отмечают.

Гвиччардини говорит*: «Так как в Лионе, в Милане, в Брюгге и в других городах, где были у него торговые агентства и конторы, росли издержки на представительство и на дары, а прибыли падали, ибо делами управляли люди малоспособные... и отчеты сдавались плохо — сам Лоренцо не смыслил в торговле и не заботился о ней, — то дела пришли в такое расстройство, что он был накануне разорения... Убедившись в том, что торговля идет плохо, он стал скупать земли на 15 или 20 тысяч дукатов...»

Макиавелли рисует дело так же, как и Гвиччардини**. «В делах торговых он (Лоренцо) был очень несчастлив, ибо из-за недобросовестности служащих, которые управляли его делами не как частные люди, а как владетельные особы, во многих местах он понес большие денежные потери... Поэтому, чтобы не испытывать больше судьбу на этом поприще, он, отказавшись от коммерческих предприятий (*mercantili industrie*), обратился к скупке земель как к богатству более прочному и надежному».

В этих указаниях обращают на себя внимание две вещи. Прежде всего, Лоренцо сознательно извлекает капиталы из торговли и промышленности и вкладывает их в землю, считая, что земельная рента вернее. И нужно заметить, что он не только скупает земли, но и всеми другими способами старается сосредоточить в своих руках как можно больше земельных владений, словно предчувствуя, что в недалеком будущем земля действительно станет более надежным богатством. Так, избрав для своего второго сына духовную карьеру (1483), Лоренцо воспользовался своим огромным влиянием на папу Иннокентия VIII и начал такую безудержную охоту за бенефициями для сына, что в его руках сосредоточились огромные церковные поместья в Италии и за Альпами. Распоряжение ими, юридически ограниченное определенными нормами, на деле было почти свободно, и касса медичейского банка получила очень неплохое подспорье***.

То, что Лоренцо начал, следом за ним стали делать другие крупные капиталисты флорентийские: Каппони, Пуччи, Руччелай, Валори, Гвиччардини, Веттори и другие****.

* *Storia Fior.* // *Op. ined.* Vol. III. P. 87—88.

** *Machiavelli N.* *Storia Fiorentina* / Ed. le Monnier. 1857. Vol. VIII. P. 36.

*** *Piccoli G. B.* *La giovinezza di Leone X.* 1928. P. 81.

**** См.: *Anzilotti.* *La crisi costituzionale della Repubblica Fiorentina.* 1912. P. 8—9. Автор нашел обильные указания на скупку земель в

И одно то обстоятельство, что тяга капиталов к земле уже в 80-х годах XV века становилась явлением далеко не исключительным, заставляет с большим сомнением относиться ко второму единогласному указанию Гвиччардини и Макиавелли: что торговля и промышленность давали убытки потому, что служащие медичейские были людьми неспособными или недобросовестными. У Медичи, надо думать, всегда было достаточно служащих и неспособных, и недобросовестных, а дела прежде шли отлично. Правда, после смерти Козимо служащие стали позволять себе не так строго подчиняться указаниям из Флоренции, и это приводило иногда к большим потерям*. Но главная причина была вовсе не в этом. Менялась мировая хозяйственная конъюнктура. Лоренцо это понял, ибо неправ Гвиччардини, что Лоренцо «не смыслил в торговле». Он уступал, конечно, в коммерческих способностях Козимо, но отнюдь не был плохим купцом. Ему только не хватало специально коммерческой подготовки и собственного опыта, потому что его готовили к политической карьере больше, чем к купеческой**. Теперь, через четыреста с лишком лет, ход заключений банкира-правителя, прибегавшего для перестраховки своих доходов к скупке земель, для нас совершенно ясен.

В Европе назревали повороты, последствия которых нужно было учитывать самым серьезным образом. В Англии кончилась война Роз, которая проделала вследствие неплатежеспособности Эдуарда IV¹⁵ очень большую брешь в активе банка Медичи. Там появилась единая твердая власть. Она по-хозяйски стала на страже английской шерсти — продукта, без которого флорентийская суконная промышленность не могла существовать. Во Франции Людовик XI¹⁶ закончил собирание коронных ленов, и Анжуйские¹⁷ притязания на Неаполь, никогда не забывавшиеся, и притязания Орлеанского дома, связанные с правами Валентины Висконти на Милан, только теперь становились опасны, как скверная заноза, которая сначала не беспо-

деловых бумагах этих фирм, хранящихся во флорентинском архиве. Только нельзя, как это он делает, без оговорок утверждать, что «движение капиталов в деревню началось издавна» (он ссылается на книгу Родолико, посвященную концу XIV в.). Была большая разница между двумя моментами. Тогда покупали земли вследствие обилия доходов, теперь — чтобы спасти доходы; ибо в конце XIV в. был расцвет, в конце XV начинался упадок.

* См.: *Meltzing O. Das Bankhaus der Medici und seine Vorläufer. 1906. S. 134—139.*

** См.: *Ibid. S. 122—123.*

коила, а потом прикинулась болеть. Пока Флоренция в союзе с Миланом и Венецией вела войну против папы Сикста IV и Неаполя¹⁸ — ее с необычайным терпением описал Макиавелли, — Лоренцо не раз угадывал хищную заинтересованность Людовика XI в итальянских делах * и с тревогой обращал взоры на север. Куда направится боевая энергия неугомонившегося еще французского рыцарства теперь, когда прошла опасность со стороны Англии и кончились феодальные усобицы? А с другой стороны, теперь, когда в Англии и Франции наступило внутреннее успокоение, установилось политическое единство, появилась крепкая власть, будет ли там поприще для работы итальянских капиталов или им придется уступать поле молодым национальным капиталам, переживающим буйную эпопею первоначального накопления? Ничего радостного не виделось и со стороны Испании. Там Кастилия объединилась с Арагоном¹⁹, у которого тоже традиционные притязания на итальянскую землю, на Неаполь и Сицилию. Правда, там завязалась смертельная борьба с маврами, но она имеет все шансы кончиться счастливо. Куда бросятся неисчерпанные силы новой Испании? А с Востока, где тридцать с лишним лет назад пал под ударами турок Константинополь, где войска и флот султана обирают венецианские владения на морях и закупоривают торговые пути, не грозят ли новые бури? А на Западе, где ищут доступа к левантским рынкам кругом света, если найдут, не будет ли Италии совсем плохо?

Лоренцо делал все, что мог, чтобы предотвратить опасность. Он был творцом системы равновесия в Италии, очень плохого, но единственно возможного в то время вида единения. Оно прекращало на более или менее длительный срок внутренние усобицы, но не гарантировало ни от чего. На политической почве добиться большего было нельзя, ибо у Венеции, у Милана, у курии, у Неаполя были свои интересы, как и у Флоренции, и ни одно из пяти государств не было достаточно слабо, чтобы другие могли общими силами заставить его покориться. Трудность чисто политического соглашения коренилась главным образом в том, что среди пяти крупных итальянских государств было одно, имевшее не только итальянский, но и международный характер: Папская область. Губительная политическая роль Рима в Италии, раскрытая с такой сокрушающей убе-

* Со времени издания писем Людовика XI (*Caruare, Vaesen et Mandrot. Lettres de Louis XI. 1883—1909*; см. особенно т. VII. С. 286 и следующие) у нас имеются документальные доказательства этого.

дительностью Макиавелли, становилась ясна уже и до него, и Лоренцо, конечно, приходилось задумываться над тем, какой оборот примут дела, если место «ставшего его глазами» Иннокентия VIII, папский престол, займет первосвященник более воинственный или более чадолюбивый, чем Сикст IV. И Италии повезло. После Иннокентия пришел сверхчадолюбивый Александр VI, а за ним через короткий промежуток сверхвоинственный Юлий II: после Юлия надолго исчезли надежды на осуществление единства.

В непримиримости политических интересов было главное несчастье Италии. Она порождала все ее национальные беды. Она мешала политическому объединению по примеру Франции и Испании. Она была причиной ее незащитности перед чужеземцами. И была неустранима, ибо в основе ее лежали чрезвычайно резкие экономические противоположности между отдельными ее частями. Типично промышленная, богатая капиталами Флоренция в кольце своего *contado*²⁰ с цветущими земледельческими культурами, рядом — чресполосно-феодалная, полудикая Романья, яблоко раздора между курией и Венецией — закрепленная за Римом Юлием II и перманентно разоренная римская Кампанья, а дальше к югу — нищие горные скотоводческие районы Неаполитанского *Reame*²¹. Венеция с крепкими отдельными отраслями индустрии и с огромной торговлей в большом стиле, по соседству — ломбардские города с падающей промышленностью, за ними — Генуя с падающей торговлей. Между крупными государствами — клинья мелких. Мантуя, Феррара, Урбино с сильными феодальными пережитками, с хозяйством преимущественно земледельческим, с мелкими предприятиями по добыче сырья, с торговыми монополиями казны и с военным предпринимательством (кондотьерская индустрия, если можно так выразиться), делающим хорошие дела; или Сиена, копировавшая в малом масштабе Флоренцию; или Лукка, хиревшая все больше; или Болонья, безуспешно пытавшаяся хозяйственно организовать Романью. Пестрый конгломерат государств, среди которых и районы с типично активной экономической политикой, как Флоренция и особенно Венеция, и не менее крупные — с типично пассивной: Рим, насыщенная утроба-потребительница, и полуфеодалный Неаполь. Каждое из этих государств, больших и малых, гораздо теснее было связано со своими сырьевыми базами и с рынками сбыта вне Италии, чем одно с другим. Наоборот, друг с другом они чаще всего были конкурентами или очень несговорчивыми и не всегда добросовестными контрагентами.

Экономические противоположности были чрезвычайно неуступчивы, так как в них кристаллизовались результаты очень раннего и буйного роста благосостояния, обострившего местные особенности. И самый гениальный политик не сумел бы в этот момент найти равнодействующую, которая сгладила бы эти противоречия. Лишь постепенно, веками, стали утрачивать они свою остроту, и между отдельными частями страны могло установиться такое хозяйственное сотрудничество, при котором политическое объединение сделалось возможно.

Когда Макиавелли поступил на службу (1498), уже исполнилось многое из того, что предвидел и чего боялся Лоренцо Медичи. Французское рыцарство прошло через всю Италию с Карлом VIII, ограбив ее, а теперь собирался завоевывать Милан преемник Карла, Людовик XII²². В Англии купцы и банкиры итальянские терпели поношение и вытеснялись с острова с немалым ущербом. В Испании борьба с маврами была кончена, и Гонсальво Кордовский, *il gran capitano*²³, дал уже почувствовать силу своего меча неаполитанской земле. Турки настойчиво и методично продолжали свои завоевания. В поисках путей в Индию генуэзец Христофор Колумб нашел Америку, но его открытие принесло огромные выгоды Испании и до корня потрясло весь организм итальянской торговли. Ее приходилось свертывать все больше. Промышленность итальянских городов все с большим трудом находила сбыт для своих изделий. Падали доходы. Уменьшались богатства. И — что было страшнее всего — будущее не сулило никакого улучшения. Эпохе хозяйственного расцвета итальянской буржуазии приходил конец по-настоящему. Поднимали голову другие классы — землевладельческие и уже начинали кое-где играть заметную роль.

Открывалась новая эра. Ее назовут потом эрою феодальной реакции. Потрясениями, которые она принесла Италии, страна расплачивалась за процветание предыдущих четырех веков. Европа, которую Италия эксплуатировала столько времени, дождалась наконец момента, когда страна величайших богатств оказалась перед нею беззащитной. Старые феодальные государства переживали подъем, Италия — уклон. За Альпами началась ликвидация феодальных отношений, сковывавших хозяйственный рост, Италию заливали волны нового феодального прилива.

Время было насыщено событиями грозными и важными и, как всякая переломная пора, давало неисчерпаемый материал для наблюдения и анализа. Макиавелли стоял в самой гуще жизни и прекрасно понимал смысл происходившего. Он видел,

что продвижение капиталов в деревню раскалывает буржуазию, лишает ее политического веса и, наоборот, увеличивает политический вес враждебных буржуазии феодальных классов. Он был флорентиец и знал, как опасна такая ситуация.

Чтобы понять ход его мыслей, нужно бросить взгляд на эволюцию общественных классов в родном его городе.

VI

Медичи пришли к власти (1434), опираясь на мелкую буржуазию, на ремесленные цехи, в борьбе с представителями крупного капитала, к которым принадлежали сами. Противники Медичи, Альбицци и их сторонники, представляли торгово-промышленный капитал. Им нужны были рынки сбыта. Они стремились к экспансии, вели завоевательную политику, истощали казну и не давали работы ремесленникам. Медичи представляли банковский капитал, в экспансии были заинтересованы мало, проводили политику бережливости и тратили огромные деньги на украшение города. Но ни Козимо, ни Пьеро, ни особенно Лоренцо никогда не отождествляли своих интересов с интересами ремесленного класса. Они были плотью от плоти и кровью от крови крупной буржуазии. Ремесленники нужны были им как опора, пока власть их не укрепилась окончательно. Когда Лоренцо почувствовал, что этот момент настал, политическая демагогия была выброшена вон, и он перестал скрывать свое настоящее лицо. Случилось это после заговора Нацци и окончания войны против Рима и Неаполя, в 1480 году. Именно в это время была создана твердыня медичейской деспотии — Совет Семидесяти, орган, назначавший Синьорию и из своей среды выделявший комиссии с главнейшими правительственными функциями. Ввиду исключительной важности этой коллегии состав ее должен был быть подобран особенно тщательно. И Лоренцо подобрал. В Совет Семидесяти вошли крупнейшие представители самой богатой буржуазии, как раз те, которые, подобно Лоренцо, имели большие вложения капиталов в землю. Их нужно было заинтересовать в сохранении власти Лоренцо и сделать, таким образом, орудиями династической политики Медичи. Это было достигнуто прежде всего податной системой. Налоги чрезвычайно заботливо обходили земельную ренту и обрушивались всей тяжестью на доходы с торговли и промышленности. Постоянная приобщенность к власти давала, кроме того, неисчислимые выгоды, а непрерывные

продления полномочий Семидесяти создавали атмосферу большой уверенности. Вместе с Лоренцо правила верхушка крупной буржуазии, ее рантьерская группа*. Его правление, представлявшее собою организацию власти именно этой группы, было усовершенствованием принципов той самой олигархии, против которой так упорно боролись дед Лоренцо, Козимо, и прадед Джованни. И, естественно, оно вызывало недовольство других кругов буржуазии, интересы которых беспощадно приносились в жертву. Это недовольство прорвалось наружу, когда после смерти Лоренцо власть перешла к его сыну. Предательство Пьеро, сдавшего в 1494 году флорентийские крепости французам, послужило предлогом. Медичи были изгнаны, причем даже члены Семидесяти ни очень их защищали, надеясь без Медичи создать настоящую олигархию, при которой не приходилось бы львиную долю выгод отдавать синьору-правителю. Но этим надеждам не суждено было сбыться: другие группы буржуазии при поддержке ремесленников, цеховых и нецеховых, провели конституционную реформу. Основные ее линии сначала правильно наметил, потом безнадежно запутал Савонарола.

Этот гениальный монах был полной противоположностью Макиавелли: даром он был совершенно не понят им. Там, где у одного было трезвое размышление, у другого была интуиция, где у одного анализ — у другого религиозный пафос, где у одного продуманное знание — у другого видения. Макиавелли относился к народу без больших симпатий. Савонарола его трепетно любил. И в любви его к народу было что-то неизмеримо большее, чем простая гуманность или верность евангельскому слову о малых сих. Он разбирался в экономическом положении трудящихся и нападал на предпринимателей. В его проповедях мелькают зарницы-предвестницы далеких еще учений о праве на труд и о неоплаченном труде, хотя и недодуманные до конца и затуманенные религиозной фразеологией. Савонарола не сумел претворить их в жизнь и создать, как он хотел, условия человеческого существования для трудящихся, так беззаветно поддерживавших его в первое время. Он не мог даже поднять вопроса о какой-либо форме их участия в правящем органе. Тем не менее политическая терминология того времени называла савонароловский и послесавонароловский режим демократией, ибо он осуществил господство *popolo*²⁴. А *popolo* в то время составляли полноправные граждане, *benefiziati*, которых на

* См.: *Anzilotti A.* Указ. соч. С. 32 и след.

90 000 жителей было всего около 3200 человек: купцов, мануфактуристов, ремесленников. Они имели право заседать в Большом Совете. При Медичи, до Савонаролы и после Содерини, количество полноправных граждан опускалось до нескольких сотен. Разница была существенная, и мы понимаем, что тогда господство верхних 3000 провозглашали демократией. Менее понятно, когда демократией называют его современные исследователи. Это был умеренно буржуазный режим, в котором власть принадлежала торгово-промышленным группам. Савонарола, опираясь на низы, сверг господство рантье́рской буржуазии. Чрезвычайно жесткое обложение крупной земельной ренты поража́ло корни ее социальной мощи, в то время как налоги на доходы с торговли и промышленности всячески щадились. Вспыхнувшая на этой почве бешеная классовая борьба привела к тому, что торгово-промышленные группы отступились от Савонаролы и выдали его заклятым его врагам (1498), но режим его был сохранен этой ценою и позднее (1502) укреплен еще больше благодаря установлению пожизненного гонфалоньерата.

Пьеро Содерини был выдвинут крупной рантье́рской буржуазией, ибо был человеком их класса, но он обманул ее ожидания и ее путями не пошел. Он примкнул к большинству Большого Совета, стал во главе торгово-промышленной буржуазии и продолжал политику податного благоприятствования купцам, владельцам мануфактур и мастерских. Последние следы демократических чаяний Савонаролы испарились. Народ, *plebe*²⁵, по тогдашней терминологии, противопоставившей его *popolo*, остался при разбитом корыте. Зато торгово-промышленные классы организовались очень крепко. Содерини окружил себя и пополнил ряды ответственных служащих новыми людьми. К их числу примкнул и Никколо Макиавелли. Он не принадлежал ни к купцам, ни к промышленникам. Но участие в правительстве, новые связи, образовавшиеся вскоре, большая близость к Содерини определили его социально-политический облик. По происхождению он принадлежал к старой флорентийской буржуазии. Теперь он нашел себе более определенную ячейку.

Четырнадцать лет, проведенных им на службе, сроднили его с этим классом. Постоянная борьба, которую богачи, прежние сподвижники Лоренцо, частью изгнанные, частью обобранные, частью задавленные налогами, вели против режима пожизненного гонфалоньерата, приучили его смотреть на них как на врагов, а все накапливавшиеся признаки феодальной реакции привели его к выводу, что люди, владеющие землею, т. е. свя-

занные с феодальным прошлым Италии, являются противниками всякого организованного общественного порядка. И когда ему в деревенском уединении пришлось продумать свой опыт, он внес в «Discorsi» следующее замечательное размышление о дворянах (*gentiluomini*)*: «Дворяне — это люди, которые живут от доходов со своих поместий, в праздности и изобилии, нисколько не заботятся об обработке земли и не несут никакого труда, необходимого для существования. Эти люди вредны во всякой республике и во всяком городе. Но еще вреднее те, которые кроме упомянутого имущества владеют замками и имеют подданных, им повинующихся. Теми и другими полны Неаполитанское королевство, Римская область, Романья и Ломбардия. В таких странах никогда не существовало никакой республики и никакой политической жизни (*vivere politico*), ибо эта порода людей — заклятый враг всякой свободной гражданственности (*d'ogni civiltà***)... Кто захочет создать республику там, где много дворян, должен предварительно истребить их всех, и кто захочет создать королевство или вообще единоличную власть там, где царит равенство, сможет сделать это не иначе, как взяв из среды равных большое количество людей честолюбивых и беспокойных и сделав их дворянами, притом не на словах только, а на деле, т. е. одарив их замками и поместьями, дав им денежные пожалования и людей».

И чтобы не оставалось сомнений, какой класс он противопоставляет дворянам, Макиавелли к общему рассуждению прибавляет несколько слов о Венеции. Венеция вовсе не опровергает положения, что дворяне не уживаются при республиканском строе, ибо «дворяне в этой республике — дворяне больше на словах, чем на деле: у них нет больших доходов с поместий, а их крупные богатства зиждятся на торговле и состоят из движимости (*fondate in sulla mercanzia e cose mobili*); кроме того, никто из них не владеет замками и не имеет никакой вотчинной власти (*alcuna iurisdizione*) над людьми»***.

* Discorsi. Кн. I. Гл. 55. Он повторил те же соображения, но в несколько ином плане в «Discorso sopra il riformar lo stato in Firenze». См. об этом ниже.

** «La civiltà» у историков и политических писателей XVI века всегда содержит в себе в той или иной мере представление о свободе.

*** Карл Маркс, который вообще высоко ценил Макиавелли, внимательно читал «Discorsi» и делал из книги много выписок. Из этой главы он сделал целых три. См. об этом статью В. Максимовского: *Максимовский В. К.* Маркс: выписки из сочинений Макиавелли // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. IV. 1929. С. 332—351²⁶.

Это противопоставление Венеции и тосканских республик как областей, где царит «равенство» и где богатство «зиждется на торговле», тем частям Италии, где существование многочисленного дворянства создает условия, благоприятные для феодальной организации власти, формулирует самую острую тревогу Макиавелли. Его заботит, конечно, прежде всего Флоренция.

Соотношение общественных сил в Ломбардии, на юге и в Папской области было таково, что усиление феодальных влияний в это время уже не пугало руководящие общественные группы, а встречало с их стороны сочувствие. В Венеции напора феодальных сил не очень боялись, ибо правящая буржуазия не подвергалась такому расслоению, как во Флоренции, и потому силы экономического и политического сопротивления в республике не были подорваны. Во Флоренции буржуазия не только раздиралась чисто экономическими противоречиями. Обстоятельства, при которых произошло крушение режима пожизненного гонфалоньерата, показали, что самому «равенству» в республике грозит величайшая опасность. Падение Содерини было результатом напора рантьерской крупной буржуазии, интересы которой попирались политикой Большого Совета. Но падению режима активно содействовали силы, планомерно насаждавшие в Италии феодальную реакцию: Прато пал под ударами испанцев. Между Испанией и Медичи, лидерами рантьерской буржуазии, установилась некая солидарность. А это несомненно служило признаком, что верхи буржуазии, пособники Медичи, захватившие власть после переворота 1512 года, находятся если не целиком, то в значительной мере в лагере феодальной реакции*. Укрепление и развитие этой тенденции грозило разрушить во Флоренции «равенство», т. е. лишить группы торгово-промышленной буржуазии всякого участия в организации власти. Реставрации 1512 года захватила их врасплох. Сторонники Медичи сейчас же после победы торопились восстановить хозяйственную основу своего господства и отбирали прежние свои поместья у тех, кто их скупил. Тому классу, который Макиавелли считал носителем идеалов республиканской свободы и равенства — торгово-промышленной буржуазии — грозил полный разгром.

* В 1530 году, после падения Флоренции, комиссары медичейские в своих донесениях папе Клименту VII будут изображать победу над республикою как «торжество дворянства (*nobilita*) над народом». См.: *Anzilotti*. Указ. соч. С. 21.

С этими группами буржуазии Никколо связал свою судьбу. И все его мысли ближайшим образом были направлены на одно: спасти флорентийскую буржуазию, не вовлеченную в орбиту действия феодализирующих факторов, от ударов феодальной реакции.

На первый взгляд этому противоречит то, что Никколо очень скоро после переворота 1512 года стал заискивать у Медичи и проситься к ним на службу, что он посвящал им свои сочинения, а позднее принимал от них не только литературные, но и политические поручения. Объясняются эти вещи просто. Никколо никогда не предполагал, что, если Медичи возьмут его на службу, он сможет получить влиятельный пост, а литературные посвящения высоким особам были вполне в духе времени и ни к чему не обязывали. Записка о реформе государственного строя во Флоренции, которую он подал Льву X по инициативе кардинала Медичи в 1515 году*, была попыткой убедить папу в необходимости дать больше доступа к власти торгово-промышленным группам, т. е. полностью продолжала его всегдашнюю политическую линию. Что касается деятельности Никколо в 1526—1527 годах, то тут ему совсем не приходилось кривить душой и изменять своему классу, потому что политика Гвиччардини и папы в период Коньякской Лиги была — мы увидим ниже — его политикой. Дело шло о том, быть или не быть независимой Италии, а в этом вопросе его группа была заинтересована больше, чем другие. С другой стороны, спасать нужно было прежде всего ее, потому что Никколо лишь ее одну считал способной осуществить национальные задачи Италии. Но именно она не поняла, что побудило Макиавелли поступить в 1526 году на службу к Медичи, и после изгнания Медичи отлучила его от всякой политики.

При Содерини приходилось считаться главным образом с правой опасностью. Опасности слева торгово-промышленная буржуазия не ощущала сколько-нибудь остро. Низшие группы ремесленников, как и рабочих, она вела за собой. Партия Савонаролы, i riagnoni²⁷, не чувствовала под собой такой крепкой почвы, как при жизни своего пророка, и не могла оспаривать у буржуазии руководства беднейшими классами, а так как экономическая конъюнктура была очень неблагоприятна ей самой, то противиться буржуазии она была не в состоянии. Напора слева и борьбы с неимущими поэтому не было. И в актуальных публицистических выступлениях Никколо, прежде всего в

* Discorso sopra il riformar lo Stato in Firenze.

«Discorso sopra il riformar lo Stato», la plebe не играет никакой роли *. В сущности весь демократизм Макиавелли только в том и заключается, что он не призывает к борьбе с plebe. Но и защиты прав этого plebe нельзя найти у него нигде. Он за popolo, т. е. за верхних три тысячи, которые ведут за собою, и не очень мягко, низшие классы. И едва ли мы ошибемся, если признаем, что с его точки зрения это — наиболее нормальное соотношение между popolo и plebe. Как он относится к такому режиму, где власть полностью принадлежит plebe, мы увидим из тона его повествования о чомпи в «Истории Флоренции». А рассуждения в «Discorsi», которые обычно приводятся в доказательство демократизма Макиавелли, его практическую позицию определяют в малой мере, если вообще определяют. Правда, у него говорится, что масса (la moltitudine) более умна и более постоянна, чем государь; это очень хорошее подтверждение его республиканизма, но недостаточное для доказательства его демократизма **.

А все восхваления plebe (особенно в Discorsi. Кн. I. Гл. 6) относятся исключительно к римским условиям, т. е. к таким, где существовала армия, составленная из этой самой plebe. Ради возможности иметь постоянные войсковые кадры, необходимые для завоевательных войн, приходится терпеть — только терпеть, tollerare — столкновения между «народом и сенатом», т. е. давать «народу» некоторую свободу бороться за свои права. Значит, там, где «необходимость» не «толкает на завоевания», этого терпеть не нужно. Для Флоренции такой «необходимости» Макиавелли не видел. Он отлично понимал, что при тех обстоятельствах, в которых находилась Италия, поставленная лицом к лицу с сильными национальными государствами, ей не приходится говорить о «римском величии» (romana grandezza), хотя это, быть может, «путь чести» (parte più onorevole). Флоренция же не смела, конечно, и мечтать о каких-либо завоеваниях после того, как она четырнадцать лет покоряла Пизу и в конце концов вынуждена была купить ее у французов, а перед тем, тоже за деньги, переняла от французов взбунтовавшийся Ареццо. Во Флоренции не было причин давать волю низшим классам. Наоборот, не очень давняя история

* Там говорится (*Machiavelli N. Opere. 1619. Vol. VI. P. 75*) «о третьем и последнем классе людей, который охватывает всех граждан» («terzo ed ultimo grado degli uomini, il quale e tutta universalità dei cittadini»), т. е. о полноправном popolo, для которого нужно «открыть залу» Большого Совета.

** Discorsi. Кн. I. Гл. 58.

очень красноречиво говорила, что в городе имеются предпосылки — их Рим не знал — для чрезвычайно опасного брожения социального характера — восстания рабочих против предпринимателей. Оно могло подорвать благосостояние города, лишить его богатства, т. е. того оружия, которым при всяких столкновениях Флоренция оперировала с наибольшим успехом. Макиавелли и думал, что политикою сегодняшнего дня по отношению к низшим классам должна была быть та, которая проводилась во Флоренции и о которой в той же главе «Discorsi» говорилось так: «Правящие держали их в узде и не пользовались ими ни в каких делах, где бы они могли взять власть». И только потому, что Макиавелли не говорит прямо о необходимости борьбы с *plebe*, эта его точка зрения не так бросается в глаза. Едва ли все это достаточный аргумент в пользу его демократизма. Он был и остался до конца последовательнейшим идеологом торгово-промышленной буржуазии, и демократом отнюдь не был.

За время своей службы и позднее, будучи и в центре политического штаба Флоренции и вдали от дел, Никколо копил наблюдения из области партийной борьбы, и они постепенно складывались у него в обобщения, которые можно назвать социологическими, хотя и с оговорками, ибо они больше вскрывают физиологию политической борьбы, чем ее социальную сущность, и больше ее механику, чем диалектику. Они, в свою очередь, помогали ему найти политические конструкции, которые были ему нужны. Их он дал в больших трактатах. Мы рассмотрим сначала социологию, потом политическую теорию.

VII

5 октября 1502 года Никколо получил приказ отправиться в Имолу к Цезарю Борджа с рядом поручений. Ему, как всегда, не хотелось ехать. Он только что женился. Человек, к которому его посылали, пользовался такой устрашающей славой, что бедному секретарю было заранее не по себе. Выгод от миссии он не предвидел никаких, хлопот — очень много. Но нужно было подчиняться. Никколо выехал, перечитывая свою инструкцию. Там в конце стояло такое предписание*: «Когда тебе представится удобный случай, ты будешь от нашего имени ходатайствовать перед его светлостью о том, чтобы в принадлежащих

* *Machiavelli N. Opere. 1805. Vol. V. P. 191—192.*

ему областях и государствах была обеспечена охранной грамотою безопасность имущества наших купцов, едущих к Леванту или обратно. Так как это вещь очень важная и является, можно сказать, желудком нашей республики (*lo stomacho di questa citta*), то нужно приложить все старания и пустить в ход все усилия, чтобы результаты получились согласно нашему желанию».

Макиавелли едва ли нужно было напоминать, что составляет — говоря словами Лассалья — «вопрос желудка», *Magenfrage* флорентийской коммуны. Он, конечно, и сам давно додумался до этой нехитрой мысли, иллюстрации которой он видел на каждом шагу.

Классовая борьба, которая кипела вокруг него, давно открыла Никколо основную причину социальных противоположностей. Если бы ему была известна современная терминология и если бы он излагал эти вопросы в привычной для нас системе, мы бы нашли в его сочинениях много хорошо знакомых социологических инструкций.

Прежде всего, Макиавелли отлично знает, что самый могущественный стимул людских действий — интерес. В главе 19-й «*Il Principe*» говорится: «До тех пор пока у народа (*universalita degli uomini*) не отнимают ни имущества (*robba*), ни чести, он спокоен». Почти буквально повторяется эта мысль в «*Discorsi*», в главе о заговорах (Кн. III. Гл. 6): «Имущество и честь — две вещи, отнятие которых задевает людей больше, чем всякая другая обида». В обоих этих афоризмах «интерес» не отделяется от «чести», причем честь имеется в виду специальная. «Государя, — читаем мы в той же главе «*Il Principe*», — делают ненавистным больше всего, как я указывал, покушения на имущество и на женщин его подданных и насильственное их присвоение». А в главе об аграрных законах в Риме (*Discorsi*. Кн. I. Гл. 37) говорится резко: «Из этого еще раз можно убедиться, насколько люди больше ценят имущество, чем почести». Честь и почести (*onore* и *onori*), конечно, не одно и то же, но имущество в этой сентенции стоит уже определенно на первом месте. Та же мысль — в «*Il Principe*» (Гл. 17): «Больше всего (государю) не следует покушаться на имущество других, ибо люди скорее забудут смерть отца, чем лишение имущества». Впервые, по-видимому, такая формула пришла в голову Макиавелли как практический аргумент в минуту, очень для него тяжелую: в 1512 году, когда падение Содерини уже совершилось, но он не был еще лишен своей должности, Никколо обратился к кардиналу Медичи, будущему Льву X, с письмом,

в котором он пытался остудить реставрационный пыл новых хозяев Флоренции. Там говорится: «Уже назначены чиновники, которые должны разыскивать и возвращать имения Медичи. Эти имения находятся сейчас в руках людей, которые их приобрели и законным образом ими владеют. Отобрение их породит непримиримую ненависть, ибо люди больше сокрушаются о потере поместья, чем о смерти брата или отца» *. В трактатах эта формула воспроизводится в распространенном виде: не поместье только, а имущество вообще людям дороже всего на свете. Действия людей управляются интересом.

Из этого основного положения нетрудно было — жизнь под-сказывала — вывести другое. Если имущество людям дороже всего, то те, у кого его нет, естественно стараются им обзавестись, а те, у кого оно есть, стараются его сохранить. Так как эти стремления непримиримы и так как стимулы их неустраняемы, то неминуема борьба. «Масса (la moltitudine) скорее готова захватить чужое, чем беречь свое, и людьми больше двигает надежда на приобретение, чем страх потери, ибо потере, если только она не близка, не верят, а на приобретение, хотя бы оно было далеко, надеются» **. «Людям недостаточно вернуть свое: они хотят захватить чужое и отомстить» ***. Борьба, которая вспыхивает, естественно получает характер борьбы классов. Волнения, в которые она выливается, «чаще всего бывают вызваны имущими (chi possiede), ибо страх потери рождает и них те же побуждения, которыми полны стремящиеся к приобретению. Ведь людям кажется, что обладание тем, что у них есть, не обеспечено, если они не приобретают вновь и вновь. Кроме того, владеющие многим имеют больше возможностей и больше побуждений (moto), чтобы производить перемены (alterazione). Вдобавок их неблагоприятные (scorretti) и честолюбивые повадки (portamenti) зажигают в сердцах неимущих (chi non possiede) стремление обзавестись средствами либо для того, чтобы, отняв у богатых их достояние, отомстить им, либо чтобы самим приобщиться к богатству и почестям, которыми другие пользовались, на их взгляд, неправильно» ****. Трудно без четких социологических формулировок, время которых еще впереди, яснее выразить мысль, что в основе борьбы

* См.: Villari. Vol. II. P. 185.

** Storia Fiorentina. Кн. IV. Гл. 18.

*** Ibid. Кн. III, II.

**** Discorsi. Кн. I. Гл. 5. Начало цитаты выписано Марксом. См.: Максимовский В. Там же²⁸. Интересна мысль, что нападающей стороной в классовой борьбе являются не бедные, а богатые.

классов из-за власти («почестей»), т. е. политической борьбы, лежат мотивы экономические.

Классовые противоположности и классовая борьба, то, что Макиавелли обозначает словом *disunione*, являются душой истории. Ибо «в каждой республике существуют два различных устремления (*umori diversi*): одно — народное, другое — высших классов (*dei grandi*), и все законы, благоприятные свободе, порождены их борьбой (*disunione*), как нетрудно видеть на примере Рима» *. Возвращаясь к этой мысли в «Истории Флоренции» (Кн. VII. Гл. I), Макиавелли утверждает, что ни одна республика не может быть вполне единой внутренне и существовать без общественных группировок (*divisioni*). Эти группировки он считает явлением нормальным и при известных условиях благотворным и придает им огромное значение как историческому фактору. Мысль эта подчеркнута с самого начала, в предисловии к «Истории Флоренции». Там, критикуя своих предшественников, Бруни и Поджо, он говорит: «В описаниях войн... они очень старательны, но раздоры гражданские, внутренняя борьба (*civili discordie e intrinseche inimicizie*) и результаты, ими порожденные, частью обойдены молчанием совершенно, частью изложены настолько коротко, что читатели не получают ни пользы, ни удовольствия».

Вообще, вся «История Флоренции» в сущности является иллюстрацией *avant a lettre*³⁰ к тезису «Коммунистического манифеста», что история всего предшествующего общества есть история борьбы классов. Недаром Маркс назвал эту книгу «высокомастерским произведением» **.

Чтобы было ясно, с какой сокрушительной для своего времени отчетливостью представлял себе Макиавелли эти вещи, мы приведем замечательный отрывок из рассказа о восстании чомпи ***. Он будет немного длинный, но он того стоит.

«Пока происходили эти события, возникло другое волнение, которое нанесло республике ущерб гораздо больший, чем первое. Поджоги и грабежи последних дней большей частью были делом рук городских низов (*infima plebe della città*). Когда глав-

* Discorsi. Кн. I. Гл. 4. Место выписано Марксом. См.: Максимовский В. Там же²⁹.

** В письме к Энгельсу от 25 сентября 1857 г. Цитировано у Максимовского (Максимовский В. Там же. С. 332)³¹.

*** Восстание чомпи 1378 г. — первая в истории попытка рабочего класса захватить политическую власть. См.: Дживелегов А. Начало итальянского Возрождения. С. 142—155. Отрывок взят из «Истории Флоренции» (Кн. III. Гл. 12—13).

ные раздоры утихли и улеглись, самые дерзкие из них стали бояться, что их постигнет кара за проступки, ими совершенные, и что они, как это часто бывает, будут покинуты теми, кто толкал их на злодеяния. К этому еще присоединялась ненависть, которую неимущие (*popolo minuto*) питали к богатым гражданам и законам цехов*, ибо они находили, что заработная плата, которую они получают за свои труды, гораздо меньше, чем они по справедливости заслуживают... Те граждане, которые раньше принадлежали к гвельфам** и из среды которых всегда выходили капитаны этой партии, покровительствовали членам старших цехов, а членов младших и их защитников*** преследовали. Вот почему возникли против них те волнения, о которых мы рассказали. При распределении граждан по цехам многие из тех профессий, в которых заняты неимущие и люди из городских низов, не получили собственной цеховой организации и были подчинены различным цехам, к которым эти классы по своим профессиям подходили. Следствием этого являлось, что, когда люди не были удовлетворены заработной платой или подвергались тем или иным притеснениям со стороны хозяев, им некуда было обратиться, кроме как к начальству того цеха, которому они были подвластны. И казалось им, что с его стороны им не оказывается справедливости, на какую они считали себя в праве рассчитывать. Из всех цехов имел и имеет больше всего подвластных — цех суконщиков (*Lana*). Это самый могущественный и первый по влиянию между всеми. В его промышленных предприятиях находили и находят хлеб большая часть неимущих и людей из городских низов.

Таким образом, люди низших классов, подчиненные как цеху суконщиков, так и другим, по указанным причинам были полны недовольства. К этому присоединялся еще страх, порожденный поджогами и грабежами, ими учиненными. Поэтому они неоднократно собирались по ночам, обсуждали недавние происшествия и указывали друг другу на опасность, в какой они находятся. Один из наиболее смелых и бывалых, чтобы ободрить других, сказал следующее: “Если бы нам нужно было обсуждать вопрос, следует ли братья за оружие, жечь и гра-

* Имеются в виду исключительно старшие цехи, широко пользующиеся в своих мануфактурах пролетарским трудом: *Lana*, *Calimala*, *Seta*.

** Правящая политическая группировка.

*** Лидеров мелкой буржуазии: Медичи, Альберти, Дини, Скали и др.

бить дома граждан, громить церкви*, я примкнул бы к тем, кто полагал, что об этом нужно очень подумать, и, может быть, согласился бы, что спокойную бедность следует предпочесть опасной наживе. Но так как оружие пущено в ход и много дурного совершено, то мне кажется, нужно говорить о том, как сделать, чтобы не складывать оружие и не быть в ответе за содеянное. Думаю, что если никто не сумеет предложить выхода, его укажет нам сама необходимость. Вы видите, что весь город полон против нас злобы и ненависти. Граждане сближаются между собою, и Синьория все время заодно с цеховыми властями. Будьте уверены, что нам расставлены ловушки и опасность угрожает нашим головам. Поэтому мы должны думать о двух вещах и поставить себе две цели: одна — это не быть в ответе за то, что мы совершили, другая — получить возможность жить более свободно и более обеспеченно, чем прежде. И нам следует, мне кажется, если мы хотим получить прощение за прежние грехи, натворить новых, удвоить зло, нами сделанное, умножить поджоги и грабежи и постараться во всем этом набрать как можно больше соучастников. Ибо, где грешат многие, никто не подвергается возмездию. Малые проступки влекут за собою наказание, большие — награду. Когда страдают многие, о мести думают единицы, ибо общие невзгоды переносятся с большим терпением, чем отдельные. Если мы умножим причиненное нами зло, мы легче добьемся прощения и найдем средства получить то, что мы хотим иметь для обеспечения нашей свободы. И мне кажется, что мы на пути к верному успеху, ибо те, которые могли бы нам помешать, разъединены и богаты. Их разъединенность даст нам победу, их богатства, когда станут нашими, помогут ее удержать. Не давайте затуманить себе голову разговорами, которыми они хотят нас унижить: что в их жилах течет древняя кровь. Все люди одного происхождения и, значит, совершенно одинаковой древности, и природа создала их по одному образцу. Разденьте всех догола, и вы увидите, что все похожи друг на друга. Облачите нас в их одежды, а их в наши — разумеется, мы будем иметь вид знатных, а они — худородных. Ибо только бедность и богатство создают неравенство между нами. Мне очень неприятно чувствовать, что многие из вас в глубине души раскаиваются в том, что они сделали, и не хотят принимать участия в таких же новых деяниях. И если это верно, то я скажу, что вы не те люди, которых я ду-

* В церкви некоторые из богатых людей сносили свое имущество. Когда народ об этом узнал, церкви подверглись разгрому.

мал в вас найти. Вас не должны смущать ни совесть, ни бесчестие. Потому что победители, каким бы способом они ни победили, никогда не несут позора. И нечего обращать внимание на угрызения совести, ибо там, где приходится, как нам сейчас, бояться голода и тюрьмы, нет и не может быть места страху перед адом. А если вы вникнете в поступки людей, вы увидите, что все, которые достигли больших богатств и большой власти, добились этого либо вероломством, либо насилием, и захваченное обманом или силою они, чтобы скрыть недостойные способы приобретения, лживо называют теперь заработанным. Те же, кто по малому разумению или по чрезмерной глупости избегают таких способов, все больше погружаются в порабощение и в нищету. Потому что верные рабы — всегда рабы, а хорошие люди — всегда бедны. От порабощения никогда не освобождается никто, кроме вероломных и дерзких, а от нищеты — никто, кроме воров и мошенников. Бог и природа поместили счастье людей у всех под руками, и оно легче достается грабежу, чем трудовой жизни, легче дурным поступкам, чем хорошим. Из этого вытекает, что люди пожирают друг друга, и маленькому человеку живется все хуже и хуже. Вот почему нужно пускать в ход силу, когда к этому представляется возможность, и никогда судьба не даст нам к этому большей возможности, чем сейчас, когда среди граждан царят раздоры, когда Синьория колеблется, а власти не знают, что делать. И пока они объединятся и соберутся с духом, ничего не стоит их раздавить. Тогда мы окажемся полными господами города и получим такую долю власти, что не только прежние проступки будут нам отпущены, но мы еще получим право и возможность грозить им новыми бедами. Я признаю, что этот путь — смелый и рискованный. Но там, где давит необходимость, — разумная дерзость есть благоразумие, и в великих делах мужественные люди никогда не считаются с опасностью. А те предприятия, которые начинаются с опасностей, кончаются торжеством, ибо никогда без опасности нельзя покончить с опасностью. Мне кажется к тому же, что в момент, когда готовятся тюрьмы, пытки и казни, страшнее ждать этих вещей, ничего не делая, чем пытаться их избежать. В первом случае беда придет наверняка, во втором — она сомнительна. Сколько раз приходилось мне слышать ваши жалобы на скупость ваших хозяев и на несправедливость цеховых властей. Теперь как раз настал момент не только освободиться от тех и от других, но и стать настолько выше их, что они будут бояться вас больше, чем вы их. Возможность для этого, которую нам предоставляет случай, улетает и, когда она

исчезнет, вы тщетно будете стараться поймать ее снова. Вы видите приготовления ваших противников. Предупредим же их намерения. Кто первый возьмет оружие, несомненно победит: враг будет сокрушен, и торжество ваше будет полное. Многим достанется честь, всем — безопасность”».

Нетрудно видеть, что в этом отрывке воспроизводятся в более зрелой и законченной форме замечания, разбросанные в «Князе» и в «Рассуждениях о Тите Ливии». И сколько боевых лозунгов, гремевших на всех аренах классовой борьбы вплоть до наших дней, нашли на этих удивительных страницах свое первое выражение!

VIII

Культура Возрождения — культура итальянской коммуны. Мировоззрение Возрождения — мировоззрение, отвечающее нуждам коммуны. Оно эволюционировало, как эволюционировала коммуна. Оно становилось сложнее и разнообразнее, по мере того как разнообразнее и сложнее становились социальные группировки в коммуне.

Политическая мысль Возрождения — одна из граней его мирозерцания — отражает процесс усложнения социальных группировок в коммунах очень явственно. Коммуна — республика. Господствующая в ней группа — буржуазия, торговая и промышленная. Свобода хозяйственной деятельности — это то, чем буржуазия дорожит больше всего. Если чистая республиканская форма может обеспечить эту свободу, она сохраняется. Если не может, она уступает место тирании или, как гласила терминология, синьории, т. е. опирающейся на буржуазные группы единоличной власти. Синьория может придать себе аппарат, привычный для монархии, т. е. обзавестись титулом через императора или папу, двором, церемониалом, и может сохранить всю видимость республиканского строя, будучи в действительности властью вполне единоличной: смотря по тому, насколько тут или там сильны социальные пережитки феодализма. Но одно обще всем синьориям: она обеспечивает буржуазным группам экономическую свободу. Политические идеи XV века, т. е. преимущественно идеи гуманистов, не вскрывают истинной картины политических отношений, и если судить по ним, то будет казаться, что республиканская форма стоит так же незыблемо, как в разгар борьбы гвельфов и

гибеллинов. Это значит, что буржуазии неужгодно было, чтобы подчеркивалась утрата ею политической свободы. Тем не менее даже в политических высказываниях гуманистов можно уловить различные оттенки. Треченто во Флоренции провозглашает резко республиканскую и резко тираноборческую точку зрения. Боккаччо говорит о том, что «нет жертвы, более угодной богу, чем кровь тирана». Салютати пишет целый тираноборческий трактат. В XV веке, особенно после того, как во Флоренции установилась синьория Медичи, флорентийские гуманисты смягчают свои тираноборческие высказывания, но республиканская платформа остается у них незыблемой: первые Медичи очень любили, когда про их правление говорили, что оно республиканское. Поджо противопоставляет флорентийскую «свободу» тирании миланских Висконти и вступает в полемику с феррарским гуманистом Гуарино о сравнительных достоинствах Сципиона и Цезаря³². Первого он защищает как последовательного республиканца³³. <...> Точка зрения Гуарино обратная. Он живет в Ферраре, а синьория д'Эсте одна из самых откровенных³⁴. Такие уклончивые, скользкие отражения политического бытия сделались невозможны после того, как во Флоренции отгремели классовые бои савонароловского четырехлетия и со всей определенностью обозначались классовые группировки сначала пожизненного гонфалоньерата, потом медичейской реставрации. Теперь политическая доктрина, которая берется оценивать положение, должна отличаться четкостью классовой точки зрения; это — главное требование, к ней предъявляемое. Поэтому все, кто выдвигает ту или иную политическую доктрину, считают себя обязанными не скрывать своей классовой точки зрения: и Гвиччардини, и Веттори, и Джанотти, и Нерли, и остальные.

Но лишь один Макиавелли сумел придать своим высказываниям такую глубину, при всей их яркой злободневности и классовой определенности, что его теория не только сделалась политической доктриной Возрождения, но и положила начало политике как научной дисциплине.

Основные линии его теории даны в «Discorsi» и в «Il Principe», к которым примыкает «Arte delle guerra», а злободневные ее моменты со всей силой непосредственности вырисовываются в письмах к Веттори и в «Рассуждении о конституционной реформе во Флоренции».

Интересы буржуазии требуют, чтобы в городе, как Флоренция, благосостояние которого выросло на торговле и промышленности, была республика, а не монархия. Монархия (наслед-

ственная) — вообще форма «жалкая» (*trista*; *Discorsi*. Кн. III. Гл. 8), и о ней Макиавелли не любит говорить. Но совершенно недостаточно сказать, что республика лучше монархии, ибо самое важное — организация республиканского управления, т. е. в конечном счете распределение государственной власти между социальными группами. Нет необходимости излагать то, что у Макиавелли говорится о свободе и равенстве: это хорошо известно*. Также хорошо известно, какие усилия должен был делать Макиавелли, чтобы обосновать и оправдать республиканскую точку зрения в «Истории Флоренции», посвященной Клименту VII Медичи. Гораздо важнее то, как он себе представляет социальную базу республики в таком городе, как Флоренция. Мы видели, как он боится дворянства, т. е. феодальных классов, и как мало у него симпатии к народным массам. В республике, которая хочет благоденствовать, дворянство нужно искоренять, а массы взять в руки. Сделать это должна буржуазия, не тронутая феодализирующими процессами, — во Флоренции, следовательно, не рантьерская часть буржуазии, а торгово-промышленный класс. Он — настоящий хозяин политической сцены, ибо его активность поддерживает экономическое процветание государства. В записке о реформе конституции Никколо развивает эту точку зрения как программу сегодняшнего дня. Необходимо «открыть вновь залу Совета», т. е. восстановить Большой Совет, основной орган савонароловско-содериньевской конституции**, враждебный рантьерской буржуазии и очень ловко маневрировавший с массами. Так как реставрация Медичи в 1512 году была произведена рантьерскими группами, то откровенная защита интересов других групп перед папою Медичи с самого начала не могла рассчитывать на успех. Записке не было дано ходу, хотя династические интересы Медичи в ней довольно искусно — и не очень искренно — ограждались.

В 1512 году торгово-промышленная буржуазия во Флоренции была вытеснена со своей господствующей позиции и подверглась жесточайшему финансово-экономическому ущемлению. Этого мало. Не только во Флоренции, но и всюду в Италии, за исключением Венеции, феодализирующие процессы

* На русском языке кроме общих курсов по истории политических учений можно указать хорошее изложение теории Макиавелли в статье В. Максимовского «Идея диктатуры у Макиавелли» (*Максимовский В. Указ. соч. // Историк-марксист. Т. 13. 1929*)³⁵.

** См.: *Machiavelli N. Opere. 1819. Vol. VI. P. 75.*

надвигались все ближе и давили на буржуазию, а в Венеции буржуазия страдала с каждым годом больше от неблагоприятной международно-хозяйственной конъюнктуры. Но и этого мало. Италию теснили враги, чужеземцы, отсталые экономически и поддерживавшие в Италии феодальные и легко поддающиеся феодализации группы. Они сидели очень крепко на юге и почти не покидали севера.

Неаполь после Гарильяно (1503)* даже перестал быть ареною военных действий. Там уже хозяйничал испанский вице-король. Тем беспощаднее бушевала военная непогода на севере. После Камбрейской Лиги и Аньяделло (1509)³⁶ война там не прекращалась надолго, до самого Сассо³⁷ 1527 года. Менялись лишь ее плацдармы и участники. Французы, испанцы, швейцарцы, немецкие ландскнехты — все побывали там, и мелкие династии не знали, чей сапог им целовать. Последовательно, кусок за куском разорялась итальянская земля. Чем дальше, тем становилось хуже. Создавалась угроза самостоятельному политическому бытию Италии, а с ней хозяйственной самостоятельности и политической свободе торгово-промышленной буржуазии. Феодальные и наполовину феодализованные группы севера и юга приветствовали чужеземное завоевание, т. е. изменяли Италии. Только буржуазные, притом исключительно торгово-промышленные, группы, подчиняясь своей внутренней хозяйственной и классовой логике, не могли принять завоевание и изменить родине. Спасение родины совпадало с классовыми интересами буржуазии, т. е. с классовой позицией Макиавелли.

Италия не могла обороняться. Почему? Этот вопрос задал себе Никколо. Мы знаем его ответ: во-первых, потому, что в Италии нет политического единства, а во-вторых, потому, что в Италии нет своей, не наемной, национальной армии. Что же было делать? Ответ опять-таки был беспощадно ясен: создать единство и создать армию. Для этого нужно было указать практические способы. Думая над ними, Макиавелли положил основание политической науке, подобно тому как Колумб, отыскивая пути в Индию, нашел Америку.

Поездки во Францию и в Германию, вместе с опытом, полученным за время осады Пизы, проверенные на классиках и на истории итальянской коммуны в Средние века, дали Макиа-

* О войнах между французами и испанцами из-за Италии на итальянской почве и о Камбрейской Лиге, организованной папой Юлием II против Венеции, см. в тексте «Князя».

вели отправные точки зрения. Их он изложил раньше всего в виде беглых набросков в двух коротеньких очерках о Франции и Германии. В дальнейших думах и в больших трудах эти точки зрения созревали все больше и больше и сообщали его доктрине ее основные линии.

Собственная, не наемная, а национальная армия. Это — заветная мысль Никколо. С первых своих шагов в должности секретаря Десяти, когда он стал присматриваться к операциям по осаде Пизы, он пришел к заключению, что наемные войска никуда не годятся, и начал энергичную агитацию за создание милиции. По его настоянию Содерини провел соответствующий закон, была назначена так называемая *Ordinanza*, душой которой сделался он сам; он стал набирать солдат. В организации милиции было допущено много промахов, но Макиавелли смотрел на них как на «детские болезни», и его не разочаровывали даже такие факты, как падение Прато (1512), гарнизон которого — цвет его милиции — позорно разбежался при первом натиске испанцев. В «*Discorsi*», в книге III, несколько глав посвящено военным вопросам. Целиком трактует о них большой диалог «Военное искусство», «*Dell'arte della guerra*». В «Истории Флоренции», начиная с IV книги, все описания походов превращаются в сплошную филиппику против наемных войск, и Никколо не щадит красок, чтобы представить — иной раз сознательно преувеличивая — в смешном виде битвы кондотьерских отрядов. Огромное большинство анекдотов, характеризующих стратегию и тактику кондотьеров, идут от «*Discorsi*» и «Истории Флоренции». Никколо был уверен, что если довести до конца дело реорганизации армии в Италии, изгнание «варваров» станет легким делом: слишком убедительны были доказательства, которые приносили в Италию французские, швейцарские и испанские войска, организованные именно так, как проповедовал в «Военном искусстве», слегка стилизуя по римским образцам современный опыт, кондотьер Фабрицио Колонна, выражавший собственную точку зрения Макиавелли.

Но армия должна быть в надлежащих руках. Каких? После собирательной деятельности Юлия II Папская область усилилась настолько, что ни одна комбинация итальянских государств не могла ее игнорировать. И осуществить более или менее прочное единение Италии в борьбе с папою было теперь вещью совершенно невозможной. Никколо отлично помнил, что Папская область всегда была элементом разъединения и слабости Италии, и чем она становилась сильнее, тем такое ее

значение возрастало. Он прекрасно доказал это в «Discorsi»*. Но было одно обстоятельство, в сущности совершенно случайное, которое давало надежду в данный момент воспользоваться именно тем, что всегда было элементом слабости Италии, и попытаться сделать это элементом силы. Начиная с 1513 года и до самой смерти Никколо на папском престоле сидели сначала Лев X, а после годичного промежутка Климент VII, оба Медичи, т. е. государи Флоренции. Папская область и Флоренция оказывались уже объединенными. Формально это была, конечно, личная уния, но фактически — и реальная. Задача, казалось, значительно облегчается. Как же «нужно было вести объединение дальше? Для Макиавелли был ясен ответ и на этот вопрос: так, как Цезарь Борджа в 1502 году — не думая ни о чем, не останавливаясь ни перед чем, объявляя, если нужно, преступление подвигом и вероломство добродетелью, веря, что все будут приветствовать как «bellissimo inganno»** маневры даже худшие, чем ловушка в Синигалии. В «Discorsi» по этому поводу говорится (Кн. III. Гл. 41): «Когда речь идет о спасении родины, должны быть отброшены все соображения о том, что справедливо и что несправедливо, что милосердно (pietoso) и что жестоко, что похвально и что позорно. Нужно забыть обо всем и действовать лишь так, чтобы было спасено ее существование и осталась неприкосновенна ее свобода». В «Il Principe» этот афоризм развернут на несколько глав, одни заглавия которых кричат о том, что Макиавелли «забыл обо всем» и помнит лишь о родине, которой грозит катастрофа. Критика именно этих глав «Il Principe» чаще всего превращалась в вой иступленных проклятий. Из старых мыслителей Гегель был в числе немногих, кто понял диалектическую закономерность тех способов борьбы за итальянское единство, которое рекомендовал

* Discorsi. Кн. I. Гл. 12: «Никакая страна никогда не может быть единой и счастливой, если она не составляет единую республику или не повинуется одному государю, как Франция или Испания, и причиною того, что Италия находится в ином положении, что она и не единая республика и не управляется единым государем, — исключительно Церковь. Ибо, получив светскую власть и обладая ею, она не сделалась настолько мощной и не обнаружила таких достоинств, чтобы оказаться в силах овладеть остальной Италией и господствовать над нею. А с другой стороны, она не сделалась настолько слабою, чтобы, когда перед нею вставала опасность потерять светскую власть, она не смогла призвать могущественного покровителя для защиты против того, кто в Италии сделался чересчур сильным».

** «Прекраснейший обман» — слова Паоло Джовио.

Макиавелли. «Эту книгу («Il Principe»), — говорит он, — часто отбрасывали с ужасом за то, что она полна максимами самой свирепой тирании. Но в высшем смысле необходимости государственных образований Макиавелли установил принципы, согласно которым должны были в условиях того времени создаваться государства» *.

Когда писался «Il Principe», для Макиавелли в анализе политики Цезаря Борджа был очень важен один момент. Цезарь был сыном папы: курия финансировала его завоевания и благословляла его аннексии. При Льве X и Клименте VII дело национального и политического обновления могло получить финансовую базу еще более солидную: соединенные средства курии и Флоренции. Поэтому «Il Principe», книга, где и теория принципата, и руководящие указания для «*principe nuovo*»³⁸, спасителя Италии, и страстный призыв к изгнанию «варваров», должна была быть посвящена Джулиано Медичи, меньшому брату папы Льва, а когда он умер, была перепосвящена Лоренцо Младшему, племяннику Льва и Климента. Обойти Медичи было невозможно, и выбирать нужно было из таких Медичи, которые — выбор был небогат — были ближе к папам. Не Макиавелли был виноват, что перед ним оказались только эти два бездарных отпрыска славного дома, что именно в них ему нужно было вдохнуть свою *virtù* и их двинуть на политический и патриотический подвиг. Но хотя их имена связались не только с посвящением «Князя», а еще и с аллегориями Микеланджело в капелле Медичи, дело Италии от этого не выиграло. Лоренцо тоже вскоре умер, а когда в 1526 году понадобилось без всякой риторики обнажить меч и вести войска итальянские на врага, от старшей линии Медичи оставались только два малолетних бастарда. Макиавелли и тогда не бросил своей мысли. Он нашел еще одного Медичи, правда, из младшей линии, но на этот раз зато такого, какой был нужен: «человека великих решений», *pigliatore di gran partiti* ** — Джованни, кондотьера, начальника Черных отрядов. Но папа Медичи испугался кондотьера Медичи и жезла командования Джованни не получил. А он был способен и бить врагов, не думая ни о чем, и забрать неограниченную власть для осуществления миссии единства, если бы папа не боялся оказать ему поддержку. Но Климент вовсе не хотел оказаться в положении Александра VI,

* *Hegel. Philosophie der Geshichte. S. 505.*

** *Lett. fam. 204, к Гвиччардини.*

которого Цезарь, родной сын, совершенно подчинил своей воле. Джованни был вылеплен из совершенно такого же теста. Как было вручить ему неограниченную власть?

Между тем для Макиавелли именно в неограниченной власти и было все дело. Создать новое государство, не располагая неограниченной властью, было невозможно. Почему?

Много раз было замечено, что Макиавелли в своих теоретических построениях и в их применении к жизни никогда не останавливается на полдороге, как бы суровы ни оказались те выгоды, к которым приводит его логика. Он идет до конца, сокращая все, как бы подхватывая доносившийся с севера боевой клич: «Напролом!», «*Perrumpendum est!*» — лозунг Ульриха фон Гуттена³⁹.

Гуттен, младший собрат по литературным борениям, во многом похож на Никколо. Но была между ними и очень большая разница. Гуттен был рыцарь и бросался вперед очертя голову, едва завидев врага. Политик он был плохой, потому что с рыцарской идеологией трудно было делать политику в момент распада феодального общества. Макиавелли феодальный строй ненавидел, рыцарскую идеологию презирал, был политиком до мозга костей и ковал доктрину по требованиям века. В основе его политической теории лежали идеи, о которых Гуттен не подозревал: представления о классовых группировках и о классовой борьбе. И он знал то, чего не знал Гуттен: что классовая борьба — борьба более ожесточенная, чем та, которая ведется сомкнутым строем в открытом поле или вокруг укрепленных стен. Ибо эта борьба не знает мира. Поэтому лозунги Макиавелли по существу еще более беспощадны и суровы, чем гуттеновское «*Perrumpendum est*». Поэтому ему не страшны никакие выводы, хотя бы они тонули в потоках крови. Непримируемость проводится у него до конца.

Чтобы не была отнята только что завоеванная свобода, необходимо, чтобы были «убиты сыновья Брута». Другими словами, если люди самые близкие, самые дорогие властям нового порядка, самые даровитые во всех отношениях и самые нужные угрожают свободе, они должны быть убиты. «Пьеро Содерини думал, что с помощью терпения и доброты ему удастся преодолеть стремление сыновей Брута вернуться под власть другого правительства, и ошибся» *. Ибо, кто создает тиранию и «не убивает Брута» и кто создаст свободное государство и «не убивает сыновей Брута», продержится недолго. Если свободное

* Discorsi. Кн. III. Гл. 3.

государство создается на феодальной почве, необходимо истребить дворянство поголовно*. И вся свободная от моральных сдержек, безоглядная и твердая линия поведения, которая рекомендуется «новому государю»**, в основе своей таит ту же предпосылку: сохранение государства.

Но если спасти родину от варваров должен государь с неограниченной властью, то как совместить с этим республиканские гимны, которыми полны «Discorsi»? На этом вопросе изощряли свое бессильное злорадство целые поколения лицемеров в разных рясах и в разных ливреях. Но противоречие между республиканскими идеями «Discorsi» и программой «Il Principe» призрачно. Нечего говорить, что его не существует в исходной точке зрения Макиавелли, между его флорентийским республиканизмом, республиканизмом его более тесной родины и сознанием невозможности сильной республиканской власти в Италии, в его более широкой родине. Но противоречия нет и в построении. Власть «principe nuovo» — чрезвычайная и по существу временная. Макиавелли, конечно, не думал, что реальный «новый государь» сложит свои полномочия по истечении срока или окончив задачу, на него возложенную: как диктатор в древнем мире. Кругом себя он не видел Цинциннатов⁴⁰ в сколько-нибудь утешительном количестве и легко представлял себе, что бы стало с тем, кто предложил бы такую вещь, например, его великолепному знакомцу, Цезарю Борджа. У Макиавелли идея чрезвычайности и временности власти «нового государя» осуществляется в том, что он после смерти не передает своих полномочий никому***. Его диктатура — пожизненная. Основывается государство властью единоличной и неограниченной. Лишь в процессе организации выступает коллектив и устанавливается республиканское управление. Так бывает и в спокойное время. А в момент, переживаемый Италией, в момент, когда она вступила в последний смертный бой за свое политическое бытие, коллективный образ действий при создании нового государства совершенно исключен. Создавать единство

* Там же. Кн. I. Гл. 55: «non la puo fare, se prima non li spegna tutti» («нельзя этого сделать, если предварительно не истребить их всех»).

** Il Principe. Гл. 18: «Новый государь не может придерживаться такого образа действий, который людям создает добрую славу, ибо для сохранения государства часто бывает необходимо действовать не так, как повелевают верность, милосердие, человечность, религия».

*** Discorsi. Кн. I. Гл. 6; Discorso sopra il riformar...

страны и в объединенной стране новую власть может только лицо единичное, «*principe nuovo*». Если он справится, после него народ может и в единой Италии заняться организацией свободного государства.

Великолепное видение, приводящее на память хорошо известную картину из героического эпоса. Лежит на земле богатырь, разрубленный злыми врагами на куски. Приходит волшебник с живой и мертвой водою. Поливает тело мертвой водой — оно срастается, поливает живую — богатырь поднимается, встряхнувшись, готовый на новые подвиги. То, что вставало в воображении Макиавелли, было той же картиной, но в политической стилизации. Прекрасное тело Италии разрублено на куски. Но к нему спешит он, новый Мерлин, с двумя кувшинами волшебной воды. Поливает сначала мертвой водою принципата — тело срастается. Италия становится едина. Поливает из другого кувшина живой водою свободы, и в ней загорается новая жизнь.

В других образах, но та же картина рождения из хаоса новой, единой, великой Италии была откровенною мечтою и носилась перед глазами Данте, Колы ди Риенцо, Петрарки. Планы Макиавелли остались такою же мечтой, хотя они были теоретически продуманы гораздо лучше и практически казались осуществимы. Макиавелли вполне верил, когда бросал к ногам «нового государя» осанну итальянской свободе и итальянскому единству*, что его рассуждения безошибочны и его страстный призыв неотразим. Он ошибался, и мы увидим почему. Но то, во что он верил, то, что он делал, чтобы претворить свою веру в жизнь, то, что он перестрадал из-за этого, поставило его в ряду пророков единства на одно из первых мест. Люди *Risorgimento***, настоящие кузнецы объединения, сколачивав-

* II Principe. Гл. 26: «Мне трудно выразить, с какой любовью будет он (новый государь) принят во всех областях, которые натерпелись мук от этих чужеземных наводнений, с какой жаждою мести, с какой упорной верою, с каким благоговением, с какими слезами! Какие двери закроются перед ним? Какой народ откажет ему в повиновении? Какая зависть ему воспротивится? Какой итальянец откажет ему в почитании? Всем смердит это варварское господство».

** *Risorgimento* — политическое возрождение. Так принято называть эпоху активной борьбы против чужеземных династий, владевших на юге Неаполем, а на севере Ломбардией, Венецией и герцогствами, от первых вспышек карбонарства в 20-х годах до объединения в 1870 г.

шие из кусков тело единой и свободной родины, этого ему не забыли. И помнит, и будет помнить новая Италия. Это она поет у Джозуэ Кардуччи: «Я — Италия, великая и единая. И воспитал меня Никколо Макиавелли»⁴¹.

...Io sono
Italia grande e una...
E m'ha educata
Niccolò Machiavello...

Почему же в XVI веке не удалось то, что удалось в XIX?

IX

В феврале 1525 года под Павией французы были разбиты войсками Карла V, и король Франциск попал в плен. Перед Италией встала грозная перспектива, что и север и юг ее окажутся в руках Испании. Стало ясно, что если такое положение удержится и будет санкционировано мирным договором, то все итальянские государства сделаются вассалами Карла. Было бы уже легче, если бы в Миланском герцогстве утвердились французы: оставалась бы надежда, что северные и южные «варвары» перегрызут друг другу горло. Но сейчас, после Павии, нужно было много усилий, чтобы побудить французов к действиям. Венеция, Флоренция, папа, особенно папа, были охвачены жгучей тревогою. Все понимали, что нужно сделать все, чтобы не дать сомкнуться на горле Италии железным клещам. Но все колебались, и папа больше всех. Ибо именно теперь, когда спасение было в величайшей решительности, Климент не находил его в себе и, слушая советников, склонялся то к одному, то к другому мнению. Даже венецианские политики, всегда мудрые, как змий, мудрили чересчур и не действовали.

Только два человека оказались на высоте: Гвиччардини и Макиавелли.

Гвиччардини был в это время «президентом», т. е. генерал-губернатором, Романьи и деятельно занимался водворением порядка в этой дикой папской провинции. Макиавелли, как всегда без денег, после долгой переписки с римскими приятелями, решил ехать к папе, чтобы добиться увеличения гонорара за «Историю», которую он только что кончил. Это было в мае 1525 года. Но, получив аудиенцию, Никколо, находившийся, как и все, под впечатлением маневров испанских войск, стал говорить папе, кардиналам и вообще влиятельным лицам в ку-

рии о необходимости принять меры защиты. И выдвинул два проекта: один об укреплении Флоренции, другой о создании милиции в Тоскане и Папской области. Его доводы были так убедительны, что папа отправил его со специальным бреве⁴² к Гвиччардини, чтобы узнать его мнение о возможности набора солдат в Романье. Гвиччардини в принципе очень одобрял идею Макиавелли, но находил ее неприменимой именно в Романье, где это представлялось ему опасным по разным причинам. Кроме того, он боялся, что для тех непосредственных целей, какие имел в виду Макиавелли, нельзя было успеть вооружить и обучить милицию. Никколо не настаивал. Кандидата в «*principe nuovo*» он в этот момент не видел; а оба его проекта в его глазах полный свой смысл получили бы лишь в том случае, если бы их осуществление было поручено именно «новому государю». Он уехал во Флоренцию и занялся другими делами.

Гвиччардини, для которого, наоборот, была важна не программа, а возможность использовать благоприятную ситуацию, продолжал действовать на папу и его советников, добиваясь разрыва с Испанией. Все складывалось счастливо для проектируемого им союза между Римом, Венецией, Флоренцией, швейцарцами, Францией и Англией. Папа постепенно давал себя убедить. С самого начала 1526 года Гвиччардини перебрался из Болоньи в Рим и фактически сосредоточил в своих руках все сложные переговоры о новой лиге. Когда 26 мая договор о лиге был подписан в Коньяке, во Франции, Климент назначил его своим наместником во всей Церковной области и при войске (*luogotenente*)*. А 18 мая во Флоренции были назначены пять прокураторов по укреплениям, которые избрали канцлером и проведитором своей коллегии Макиавелли. Это был поворотный момент в его жизни. «*Principe nuovo*» по-прежнему не было видно, но опасность для Италии возрастала с каждым днем. Нужно было драться, не думая о программе, так, как когда-то Никколо писал в «*Discorsi*»: забыв обо всем и думая только о спасении родины и ее свободы. Макиавелли не раздумывал. Политическая установка, вытекавшая из факта образования Коньякской Лиги, была его собственной установкой. К ней примкнул Гвиччардини, крупнейший идеолог рантьерской группы, потянувший за собою папу. Лига была направлена

* Булла подписана 6 июня. Деятельность Гвиччардини в период подготовки и действия Коньякской Лиги очень хорошо освещены в книге: *Otetea A. Guichardin, sa vie publique et sa pensee politique*. 1926. Р. 137 и след. Текст буллы напечатан там же, стр. 335.

против Испании, т. е. той политической силы, которая — мы знаем — особенно энергично насаждала в Италии феодальную реакцию и была особенно опасна для торгово-промышленных групп. Лига, следовательно, знаменовала собою разрыв — он, правда, оказался временным — между Медичи и рантьерскими группами, с одной стороны, и силами феодальной реакции — с другой. Гвиччардини сделался главным агентом этой политики. Никколо бросился в нее беззаветно, со всей силой своего темперамента. Начался самый кипучий период деятельности обоих друзей. Правда, положение их было разное. Гвиччардини представлял особу папы, Макиавелли имел должность, сравнительно скромную. Но настоящая *virtù* — деятельный энтузиазм, целеустремленная активность — была именно в нем. В нем словно воскресли лучшие представители римской доблести, Камиллы, Цинциннаты, Сципионы, герои его «*Discorsi*». И то, что в чрезмерно рассудительном папском наместнике загорались иной раз столь не свойственные ему искры подъема и воодушевления, объясняется, быть может, тем, что Никколо заражал друга сжигавшим его самого внутренним пламенем; они ведь находились в постоянных сношениях, то письменных, то личных *. Для Никколо пришла пора вспомнить и о том, что он говорил когда-то в «*Discorsi*» (Кн. I. Гл. 26, 27): «Кто не хочет вступить на путь добра, должен пойти по пути зла. Но люди идут по каким-то средним дорожкам, самым вредным, потому что не умеют быть ни совсем хорошими, ни совсем дурными...» «Люди не умеют быть по-честному дурными или вполне (*perfettamente*) хорошими, и так как в дурном есть доля величия и в какой-то мере оно благородно, — они не умеют отдаться дурному». Эти смелые слова показывают, что, даже спокойно сидя в деревне, Макиавелли ставил общественные критерии выше личных, чуял боевую атмосферу и понимал законы борьбы. Когда речь идет о чем-то очень важном, прежде всего когда речь идет о родине, нужно иметь мужество пользоваться такими средствами, которые обыкновенно считаются

* Гвиччардини с легкой руки Эдгара Кине (*Quinet E. Révolutions de l'Italie. Vol. II. P. 146 sq.*), смешавшего его с грязью, и Франческо де Санктиса (*De Sanctis F. Nuovi Saggi. P. 201 sq.; Storia della letter. ital. Vol. II. P. 88 sq.*), нарисовавшего такой яркий и такой отталкивающий его образ, пользуется в общем малыми симпатиями у историков вплоть до Томмазини. При оценке его деятельности в войне 1526—1527 гг. отрицательный взгляд на него особенно несправедлив, и поправки к нему А. Otetea (Указ. соч. С. 212) заслуживают поэтому полного внимания.

дурными, если невозможно добиться цели путями, которые обыкновенно одобряются. И не ползти жалким ужом по безопасным средним тропинкам, на которых легче всего погубить великое дело. «Не бойся греха, если в грехе спасение» — таков смысл афоризмов Макиавелли. И недаром он сошелся в этом с другим борцом, суровым и непреклонным, который заклеил навеки людей средних тропинок, неспособных к добру, бегущих зла, недостойных ни рая, ни ада: ведь это к ним относится приговор Данте Алигьери: «взгляни и пройди» — «guarda e passa» *.

Теперь, когда Никколо был в центре такого дела, он готов был кинуть вызов всему с большим пылом, чем когда-нибудь, был готов с полной ответственностью идти «путем зла», лишь бы это принесло пользу родине. Но он переживал тяжелые муки, ибо не питал больших надежд на победу и задолго до подписания пакта о Лиге вкрапывал в свои письма к Гвиччардини пророчества о грядущих бедах. Он жил во Флоренции и видел, каково настроение. Люди торопились веселиться, карнавал проходил особенно шумно, и думать о войне не желал никто: это был один из видов оппозиции медичейскому режиму. Помимо прочего, все трусили. «Такого страху насмотрелся я в гражданах и так мало в них желаний сопротивляться тому, кто готовится проглотить их живьем, что...» ** Гвиччардини, который в это время гигантскими усилиями проводил свои планы, возмущали колебания папы. «Когда будет упущен удобный случай начать войну, мы все лучше узнаем, какие бедствия принесет нам мир», — писал он Макиавелли и признавался, что теряет ориентацию ***. Но не терял ориентацию Никколо. Он знает, что друг его ведет в Риме борьбу за смелые решения, и шлет ему полные пригоршни аргументов, прокаленных на огне собственной страсти. Два исхода представлялись ему: или откупиться деньгами, или вооружиться. Первый не годится никуда, «потому что либо я совсем слепой, либо у нас возьмут сперва деньги, потом жизнь»... Что же делать? «Я думаю, что нужно вооружаться без малейшего промедления и не ждать, что решит Франция». В нем все кипит — от мыслей, от темперамента, от нетерпения. «Я скажу вам вещь, которая покажется вам

* См. остроумные параллели между Макиавелли и Данте в: *Ercole F. La politica di Machiavelli*. 1926. P. 344—351.

** Lett. fam. 200, 15 декабря 1525, к Гвиччардини.

*** «Ho perduto la bussola». Lett. fam. 201, 25 января 1526 (1525 флор. ст.).

безумной, предложу план, который вы найдете либо рискованным, либо смешным. Но времена таковы, что требуют решений смелых, необычайных, странных». И набрасывает схему действий: поставить Джованни Медичи, самого решительного кондотьера Италии, во главе войска, дать ему столько солдат, сколько нужно, показать врагам и союзникам, что Италия готова бороться. И тогда Испания с Францией подтянут свои хищные когти*. Перед ним опять — силуэт «*principe nuovo*». Что скажет папа? Гвиччардини и Филиппо Строцци, которому Никколо писал в том же духе, читали его письма Клименту. Папе план показался чересчур смелым. Но два месяца спустя, когда было упущено столько времени, и испанцы заняли часть миланской территории, Лига была образована, и Джованни Медичи поставлен во главе папской пехоты, на подчиненное место. Как нарочно, все делалось с опозданием и все наполовину.

Макиавелли занялся укреплением Флоренции. С ним был Пьетро Новарра, суровый воин и опытный инженер. Вдвоем они осмотрели все стены, все подступы к городу, и Новарра объявил, что берется сделать из Флоренции самую мощную крепость Италии. План был представлен папе с подробнейшими выкладками, финансовыми и техническими. Тем временем во Флоренцию пришла весть о бунте в войсках императора, и Никколо пишет Гвиччардини письмо, полное вдруг вспыхнувшего, словно ждавшего только повода оптимизма: «Все стали понимать, как легко выбросить из нашей страны этих разбойников (*ribaldi*). Ради бога, не упускайте случая... Вы знаете, сколько было потеряно возможностей. Не теряйте эту. Не думайте, что все делается само собою, не полагайтесь на фортуна и на время». И дальше торжественно, апокалиптическим тоном, по-латыни: «Освободите от вечной тревоги Италию, истребите этих свирепых зверей, в которых нет ничего человеческого, кроме лица и голоса»**.

Но Климент продолжал колебаться, а Макиавеллев план укрепления Флоренции объявил чересчур дорогим. Никколо вышел из себя. В один день, 2 июня, он отправил Гвиччардини целых три письма. Видно, что он с величайшим трудом подбирает мягкие слова для почтительных возражений папе и едва сдерживается, чтобы не назвать его так, как он заслуживал: скрягой и глупцом. Все было напрасно. Флоренция осталась без укреплений, ибо денег Климент так и не дал.

* Lett. fam. 204, 15 марта 1526. Это письмо Томмазини называет (Т. II. С. 8, 9) «лебединой песней Макиавелли».

** Lett. fam. 107, 17 мая 1526.

Разбитый неудачей, предвидя худшее впереди, Никколо, однако, не падает духом. Отечество в опасности, и он должен отдать ему себя всего без остатка. Дела много. Нужно пробивать упрямство, тупость, самоуверенность, недалёковидность тех, у кого власть. Он снова возвращается к мысли об организации милиции. Под Сиеной большой флорентийский наемный отряд был обращен в бегство кучкою дисциплинированного городского ополчения. Никколо пользуется этим случаем как аргументом. Но уже поздно. Враг приближается. Нужно думать, как спасти незащищенную Флоренцию. Ему приходит в голову смелый план. Быстро и вовремя осуществленный, он обещал верную удачу: вторжение в неаполитанскую территорию*, чтобы обезоружить вице-короля вместе с дружественными ему Колонна, беспрестанно угрожавшими тылу союзников. Климент отверг и это предложение, за что и поплатился: кардинал Помпео Колонна, его соперник на конклаве, с помощью испанцев ворвался в Рим; солдаты ограбили Ватикан, а папа едва спасся в замке Св. Ангела. Это было небольшой репетицией разгрома следующего года.

На фронте дела тоже шли плохо, несмотря на все усилия Гвиччардини. Французская армия не появлялась. Английская диверсия в Испании была отложена. Швейцарские отряды были незначительны. Венецианские войска находились под командою Франческо Мариа делла Ровере, герцога Урбинского, самого безнадёжного и самого трусливого из итальянских кондотьеров. Папскими войсками командовал граф Рангоне, полное ничтожество. С Альфонсо д'Эсте папа, вопреки настояниям Гвиччардини, не сумел сговориться, а его тайная помощь спасла врагов. Когда ландскнехты Фрундсберга, двигаясь на соединение с Бурбоном, запутались в мантуанских болотах, без пищи, без артиллерии, без военных припасов и их можно было взять голыми руками, Альфонсо послал им хлеба, снаряжение и часть феррарской артиллерии, лучшей в Европе. А его племянник, маркиз мантуанский, Федерико Гонзага, предоставил в распоряжение ландскнехтов необходимые перевозочные средства. Ему хотелось угодить Бурбону, который доводился ему кузеном. Ровере и Рангоне прозевали все, хотя Гвиччардини умолял их атаковать немцев. Джованни Медичи, прямодушный и импульсивный, приходил в ярость. Он таскал за бороды мантаунских сановников, грозился вешать мантуанских при-

* Письмо к Филиппо Строцци, излагающее этот план, до нас не дошло. См.: *Tommasini*. Vol. II. P. 859.

дворных, а самого маркиза поносил при всей его челяди так, что тот жаловался папе. В конце концов, выведенный из терпения, чувствуя, что кругом зреет измена, Джованни решил разорвать оковы, и в декабре 1526 года ударил на Фрундсберга один. Попытка кончилась его гибелью: он был смертельно ранен ядром феррарского фальконета под Говерполо. Макиавелли не раз ездил к Гвиччардини в лагерь союзников и по его поручению ходил уговаривать генералов. Но ничто не могло побороть их трусливого упрямства. Становилось ясно, что проволоочки не случайны, а намеренны и скрывают прямое предательство. Герцог Урбинский на эти дела смолоду был мастер.

Макиавелли должен быть и во Флоренции, и на фронте. Он разъезжает непрерывно, забыв годы, забыв болезни — у него камни, — забыв семью. Из лагеря он пишет во Флоренцию, в Рим к Веттори. Из Флоренции к Веттори и в лагерь к Гвиччардини. Слово его все едино. Оно, как звон набатного колокола, несется во все стороны. Бороться до конца и не думать о мире. Сокрушается он только об одном: что генералы не хотят драться и что папа против этого не протестует. Он знает, чего стоит имперская армия. Она хотя и многочисленна, но «если встретит неразбегающегося неприятеля, не будет в состоянии овладеть даже пачкой». И снова припев, суровый и мужественный. Даже когда имперцы дойдут до Тосканы, «если вы не падете духом, вы можете спастись и, защищая Пизу, Пистойю, Прато и Флоренцию, добьетесь с ними соглашения, хотя и тяжелого, но во всяком случае не смертельного» *.

«Не падай духом!» Папа именно пал духом и окончательно потерял голову. Во Флоренции паника. Генералы Лиги изобрели новую тактику. Они следуют за неприятелем сзади, на почтительном расстоянии. Гвиччардини, оставшись один, не в силах защищать Романью и Тоскану. Макиавелли уже в Форли вместе с Гвиччардини. Бурбон смело идет вперед, зная, что враг далеко в тылу и не опасен. Он остановился на скрещении римской и флорентийской дорог. Макиавелли пишет в Рим, к Веттори исступленное письмо, чтобы заставить папу выйти из апатии хотя бы в этот последний страшный момент. «Здесь решено, что если Бурбон двинется, нужно думать исключительно о войне и чтобы ни один волос не помышлял о мире. Если не двинется, думать о мире и бросить всякие мысли о войне». Он хочет определенности, а не виляний, которые погубили дело. «Хотя и надвигается буря, но кораблю нужно плыть, и, решив-

* Lett. fam. 223, 5 апреля 1527, к Веттори.

пись на войну, нужно отрезать все разговоры о мире. Необходимо, чтобы союзники шли вперед, не думая ни о чем. Потому что теперь уже нельзя ковылять (*claudicare*), а нужно действовать по-сумасшедшему (*farea all'impazzata*). Ибо отчаяние часто находит лекарство, которого не умеет отыскать свободный выбор». И дальше слова трогательные и мудрые, которых не стоили ни папа, ни бездарные хозяева Флоренции: «Я люблю мессера Франческо Гвиччардини, люблю свою родину больше, чем душу. И говорю вам то, что подсказывает мне опыт моих шестидесяти лет. Я думаю, что никогда не приходилось ломать голову над такой задачей, как сейчас, когда мир необходим, а с войною нельзя развязаться, да к тому же еще имея на руках государя, которого едва-едва может хватить только для мира или только для войны» *. Климента не хватало уже ни на что. Когда Никколо убедился, что ни у папы, ни у генералов не осталось ни искры мужества, он написал Веттори письмо, последнее из дошедших до нас, быть может самое трагическое, потому что оно — сплошной крик отчаяния. «Бога ради, так как соглашение невозможно — если оно действительно невозможно, — оборвите переговоры сейчас же, немедленно и сделайте письмами и доказательствами так, чтобы союзники нам помогли. Ибо если заключенное соглашение — верное для нас спасение, то одни переговоры, не доведенные до успешного конца, — верная гибель. И то, что соглашение необходимо, будет видно, когда оно не будет достигнуто, а если граф Гвидо это отрицает, то это потому, что он просто cazzo...⁴³ Кто живет войною, как эти солдаты, будет дураком, если станет хвалить мир...» **.

Все было напрасно, ибо крепкое слово, которое Макиавелли на веки вечные выжег на безмозглом сиятельном лбу графа Гвидо Рангоне, было заслужено не им одним: оно столь же точно характеризовало и герцога Урбинского, и правителя Флоренции кардинала Пассерини, и больше всех его святейшество папу Климента VII.

Войска Лиги не торопясь шли сзади «армии Бурбона, а папа, беззащитный, дрожал от страха, сидя в Ватикане. 7 мая 1527 года тактика Франческо Мариа и графа Рангоне увенчалась блестящим успехом. Рим был взят одним ударом, и начался многодневный, неторопливый его разгром. Полководцам Лиги оставалось любоваться красивым заревом пожара Вечного города. Климент заперся в замке Св. Ангела, а Бенвенуто

* Lett. fam. 225, 16 апреля 1527.

** Lett. fam. 227, 18 апреля 1527.

Челлини, ставший главным папским пушкарем, ядрами весело отгонял от стен крепости осмелевших пьяных ландскнехтов. Гвиччардини истощил все силы убеждения, доказывая всем, что атака на занятых грабежом ландскнехтов обещает верный успех: красноречие его пропало даром. Генералы не двинулись. Флоренция при вести о римской катастрофе восстала и прогнала Медичи еще раз.

Никколо, которого эти события застали на фронте, собрался домой. Делать было больше нечего. Сверхчеловеческое напряжение, в котором он находился столько времени, которое давало ему ощущение полной жизни и морального очищения, кончилось. Крылья были сломаны. Впереди не виделось ничего. Спутники слышали, как всю дорогу тяжело вздыхал он, погруженный в невеселые думы. Во Флоренции вместо признательности за то, что было настоящим героическим подвигом, его ожидал провал его кандидатуры на старое место секретаря Коллегии Десяти. Торгово-промышленные классы злились на него за то, что он поступил на службу к Медичи, и не сумели понять, что, защищая Италию от испанцев, он защищал от феодальной реакции итальянскую и прежде всего флорентийскую буржуазию. Буржуазия, вернувшаяся к власти и восстановившая республику, отвергла величайшего своего идеолога. Это было последним ударом. Смерть пришла, как избавление, очень скоро.

Прошло три года, и сбылось все, что предвидел Макиавелли. Флорентийцам, которые не хотели драться в союзе с папой и Венецией против императора, пришлось драться одним против папы и императора. В 1527 году победа над Испанией могла быть сигналом к реформе в духе «*Discorso sopra il riformar lo stato di Firenze*» и открыть для флорентийской буржуазии возможность хозяйственного подъема. В 1530 году поражение республики привело к усилению медичейского деспотизма, подчинило Флоренцию сначала разнузданному господству мулата Алесандро, потом методической тирании Козимо, великого герцога, сына Джованни, убитого в 1526 году. И Козимо, друг и союзник испанцев, активный насадитель феодальной реакции, действовал «так, как говорится у Макиавелли в «*Discorsi*»: он выбирал из представителей прежней буржуазии «людей честолюбивых и беспокойных», давал им поместья, сажал на землю, заставлял переключать капиталы из промышленности и торговли в сельское хозяйство. Ибо ему нужен был между ним и народом класс, при помощи которого он мог осуществлять свое

господство: в точности так, как представлял себе дело Макиавелли в «Discorsi sopra il riformar lo stato di Firenze» *.

Флорентийская буржуазия, как предсказывал Макиавелли, пала под ударами феодальной реакции, потому что итальянские государства, и сама Флоренция в том числе, в 1527 году не хотели «действовать по-сумасшедшему», чтобы изгнать «варваров» из Италии.

В 1530 году усилия Микеланджело, продолжавшего работу над укреплением Флоренции, там, где тупая скаредность Климента вырвала ее из рук Макиавелли, и героизм Франческо Ферручи, взявшегося за создание милиции, согласно указаниям Макиавелли, опоздали ровно на три года.

X

Если сопоставить огненные афоризмы «Il Principe», «Discorsi» и писем с тем, как Макиавелли действовал в год войны, он сразу предстанет перед нами другим человеком.

Он бросился в водоворот событий, связанных с войною, можно сказать, прямо с карнавала, едва успев сбросить с себя маскарадную мишуру и наскоро ликвидировав какие-то темные дразги, о которых флорентийские сплетники писали в Модену, Филиппо Нерли, бывшему там губернатором **. Он сразу забыл обо всем: и о Барбере, и о планах постановки своих комедии в одном из городов Романьи. Он весь отдался делу, которое было — это вдруг стало для него ясно — делом всей его жизни. В нем он искал своего катарсиса, как герои греческих трагедии. С тою только разницей, что трагедия была не вымышленная, а самая настоящая. Карающий рок в виде армии Бурбона с гулом и грохотом приближался к Флоренции и Риму, более страшный, чем все Зевсовы перуны. Когда Никколо ознако-

* См.: *Machiavelli N. Opere*. 1819. Vol. VI. P. 70: «Во Флоренции для установления единоличной власти... было, бы необходимо создать значительное количество дворян (*assai nobili*), с замками и поместьями, которые могли бы вместе с государем силою оружия и с помощью своего сторонничества (*aderenze loro*) держать в подчинении город и всю территорию. Ибо государь один, лишенный поддержки дворянства, не в состоянии нести тяжесть управления монархией: необходимо, чтобы между ним и народом (*l'universale*) был промежуточный слой, который помогал бы ему над ним господствовать».

** Письмо Нерли напечатано: Villari. Vol. III. P. 430.

мился с актерами этой творимой трагедии, с папой Климентом, с герцогом Франческо Мариа, с графом Рангоне, со всей папской челядью в красных и лиловых рясах, он увидел, что положиться можно только на двух людей: на Джованни Медичи и на Франческо Гвиччардини. А когда погиб начальник «Черного отряда», он понял, что один Гвиччардини не может спасти положения. Если бы Макиавелли был прежним Никколо, он бы вернулся к Донато, к Барбере, к карнавалу, к хозяину остерии в Перкуссине, к замызганным лесным и полевым нимфам Альбергаччо: куда угодно. Но Макиавелли был уже другой. Под угрозой была родина, и он не мог, не мог физически, отстраниться от борьбы за нее, хотя знал, что она безнадежна. И кричал, что нужно действовать «по-сумасшедшему», и сам действовал по-сумасшедшему, убивая себя в бесплодных разъездах и бесполезных переговорах.

В истории редко можно встретить такую полную гармонию между словом и делом, какую являл в этот год Никколо. Он стал олицетворением *virtù* и навсегда остался для Италии — и не для одной Италии — учителем энергии, неумирающим примером того, как нужно и как можно действовать «по-сумасшедшему» в трагические моменты кризисов в государстве и у народа. Ибо у всякого народа и во всяком государстве бывают кризисы, когда только сумасшедшая энергия становится настоящим делом.

Энергия Макиавелли Италии не спасла. И не пришлось ему вложить в руки «*principe nuovo*» победный меч, повергающий в прах врагов итальянского единства. Теперь все кандидаты в *principe* были в лагере врагов единства, и само единство ушло в область несбыточной надолго мечты. Почему?

Потому ли только, что Климент был нерасчетливо скуп и поглупому труслив, потому ли, что ему не хватало ни ума, ни энергии, чтобы справиться с положением? Потому ли только, что герцог Урбинский и Гвидо Рангоне почти явно изменяли, а во Флоренции кардинал Пассерини путался и не знал, что делать? Или были другие причины, более глубокие, которых ни Макиавелли, ни Гвиччардини, едва ли не самые острые умы во всей Италии, не видели?

Конечно, будь на месте Климента VII Юлий II, будь во главе венецианских войск не герцог Урбинский, а Бартоломео Альвиани, будь во главе папской армии не Рангоне, а Джованни Медичи, Рим, быть может, не был бы взят. Но общего хода событий изменить было нельзя. Италия была обречена. Ее самостоятельное политическое бытие должно было надолго кон-

читься. Разница могла быть лишь и том, что в Милане сидели бы не испанские губернаторы, а французские. И причины этой неизбежной обреченности для Макиавелли и Гвиччардини были ясны лишь отчасти.

Макиавелли правильно указывал, что нужно для спасения Италии от «варваров». Единство и национальная армия. Единая Италия со своей армией, не зависящей от интересов отдельных тиранов, всяких д'Эсте, Гонзага, делла Ровере, подчиненной единой воле *principe*, была бы способна бороться с любой страной Европы как равная с равной. Ни то, ни другое не оказалось возможно.

Во-первых, милиция. Когда Кине говорит* о роли Макиавелли в 1526—1527 годах, ему приходит на память французская революция: и Дантон, и Сен-Жюст, и Карно, и четырнадцать армий, и многое другое. Прекрасный повод для параллели. Почему французы могли выставить на фронт четырнадцать армий, а обширная Папская область и богатая Тоскана вместе не могли выставить даже одной? Гвиччардини, который знал свою Романью, совершенно определенно объявил, что вооружить население Романьи — значит снарядить вспомогательный отряд для императора, потому что половина населения провинции будет больше слушаться императора, чем папу, своего государя. Макиавелли с ним не спорил. Объявить то, что Французская революция называла *la levée en masse*⁴⁴, в Тоскане было невозможно и по другой причине. Флоренция была полноправной госпожой, остальное население Тосканы было бесправно. Во Флоренции при Содерини всеми правами пользовались только около 3000 человек, при Медичи — раз в десять меньше. Остальные города: Пиза, Ареццо, Прато, Пистойя, Эмполи, Ливорно, все другие, все сельское население прав не имели. Флорентийская буржуазия не желала делиться властью ни с кем, хотя знала очень хорошо, какое царит из-за этого недовольство в городах и в деревне. Пиза лишь недавно была покорена после четырнадцатилетней войны. Ареццо бунтовал и отпадал от Флоренции. В Пистойе и Прато происходили волнения. Деревня была беспокойна. Дать всему этому населению оружие — не значило ли тоже подготовить подкрепление для императора или для французского короля? Опыт *Ordinanza* при Содерини, так позорно закончившийся в Прато, не давал больших поводов для оптимизма.

* *Quinet E. Les révolutions d'Italie. 1848. Vol. II. Ch. 4.*

Макиавелли нигде в своих сочинениях не ставит вопроса, из-за чего армия сражается: не в каждом отдельном случае, а вообще. В «Discorsi» нет главы, посвященной анализу экономической основы римской военной мощи. В «Arte della guerra», в конце четвертой книги*, речь идет о том, что должен делать полководец, чтобы заставить солдат идти в бой в том или другом сражении, и приводятся в сущности примеры, как генералы обманывали солдат или действовали на их суеверие, чтобы поднять у них дух. Под конец, однако, указывается, что лучшее средство пробудить в бойцах упорство — показать им воочию, что они перед альтернативой: победить или погибнуть. И говорится: «Это упорство возрастает вследствие веры в полководца и любви к нему, и любви к родине... Любовь к родине — чувство прирожденное (*è causato dalla natura*)». Любовь к родине, следовательно, учитывается, и было бы странно, если бы она не учитывалась: древние историки ведь говорили о ней без конца. Но нет ни малейшей попытки ее проанализировать. Солдаты Французской революции шли на врага, ведь тоже побуждаемые патриотизмом, *l'amour sacré de la patrie*, но мы знаем, что такое патриотизм революционных солдат. Французская революция дала третьему сословию равноправие и избавила его от королевской опеки, освободила крестьян от крепостного права и дала им землю и волю. Там не думали, что патриотизм — чувство прирожденное, и патриотизм создавали. Солдаты революции дрались за то, чтобы у них не отняли даров революции. Даже в самой Флоренции XVI века в разные моменты граждане республики относились к войне по-разному. При Содерини они шли в милицию, но сражались плохо. В 1526—1527 годах они трусили и не пошевелились, а в 1530, в последней борьбе против папы и императора, бились героями: потому что в последней республике ожила частица демократической души Савонаролы, и к власти были приобщены более широкие круги, чем при Содерини.

Макиавелли, конечно, не мог знать ни про Французскую революцию, ни про эпопею 1530 года. Но история итальянских коммун давала сколько угодно фактов, из которых при надлежащем анализе было нетрудно получить те же выводы. У Макиавелли их не оказалось, потому что его классовая настроенность затемнила столь ясный обычно его анализ.

Макиавелли не додумался до того, что патриотизм представляет собою тоже классовое чувство, что у разных групп насе-

* *Machiavelli N. Opere. 1819. Vol. V. P. 308—309.*

ления одного и того же государства патриотизмы могут быть различны. Его классовая природа делала его патриотом флорентийским и общецентальянским, классовая природа романьольского крестьянина могла делать его патриотом и венецианским и даже имперским, а классовая природа пизанского жителя могла делать и делала его патриотом французским. Экономика Италии по причинам, которые уже указывались, не могла еще создать единого патриотизма, подобно тому как сделала это экономика Франции, разумно направленная монтаньярским Конвентом, в 1793 году⁴⁵.

Макиавелли вводила в заблуждение его классовая идеология, классовая идеология представителя торгово-промышленной буржуазии, и он был склонен своим настроениям придавать характер общих. Он не подумал, что сначала нужно устранить неравноправность во Флоренции и на ее территории и заинтересовать в победе над врагом все население. А если и подумал, то не решился этого сказать, потому что знал, как это будет встречено его собственной группой, Точно так же Жиронда⁴⁶ не хотела дать крестьянам то, чего они требовали, и потому не могла по-настоящему организовать армию, пока была у власти.

И единству Италии мешала в конечном счете та же экономика. Если бы Венеция искренне, без страха пошла на союз с папой и Флоренцией в 1526 году, герцог Урбинский, ее кондотьер, не посмел бы держаться того образа действий, который привел Лигу к поражению. Но Венеция не могла не бояться Флоренции и особенно папы. То, что для Макиавелли, флорентийского буржуазного патриота, было спасением — вся программа «нового государя», — то для венецианского буржуазного патриота было катастрофой, ибо объединение Италии в условиях того момента означало для Венеции потерю самостоятельности и превращение из царицы Адриатики в провинциальный порт: меч «нового государя», разделившись с мелкими, должен был обрушиться в первую голову на нее. Наконец, какими аргументами можно было заставить служить делу объединения этих мелких: Феррару, Мантую, Урбино, Сиену, Лукку и пр.? Ведь они должны были пасть первой его жертвой. Ведь недаром Альфонсе д'Эсте посылал пушки Фрундобергу, Франческо Мариа, щадил ландскнехтов, а Федерико Гонзага старался их выручить. Если бы экономика Италии была благоприятна объединению, она бы сломила и местные сепаратизмы, и династические интересы тиранов, как сломила их в XIX веке. В XVI она для этого не созрела.

Вот почему в тот момент «из пламя и света рожденное слово», последняя глава «Il Principe», «“Марсельеза” XVI века», повисла в воздухе без отклика.

Цель, которую ставил себе Макиавелли, которой он добивался со всей страстью, стремясь к которой он раскрыл такие сокровища воли, темперамента и энергии, достигнута не была.

Ренессанс завещал задачу политического возрождения Италии Risorgimento, а писал его завещание Никколо Макиавелли.

А. Ф. ЛОСЕВ

Никколо Макиавелли (1469—1527)

Макиавелли был историк, писатель, общественный и государственный деятель Флоренции в период изгнания Медичи в 1498 г., вновь удаленный из Флоренции с появлением Медичи в 1512 г. Он прославился своим трактатом «Князь» (или «Монарх», «Государь»), написанным в 1513—1515 гг. и напечатанным уже после смерти автора в 1532 г. Происходя из обедневшего дворянства, Макиавелли навсегда остался сторонником умеренного демократического республиканского строя. Но свои демократические и республиканские взгляды Макиавелли проповедовал только для будущих времен. Что же касается тогдашнего фактического положения Италии, то ввиду ее раздробленности и хаотического состояния Макиавелли требовал установления жесточайшей государственной власти и беспощаднейшего правления этого деспотического государства для приведения Италии в упорядоченное состояние.

У Макиавелли не было ровно никаких религиозных и моральных иллюзий. Как позднее Гоббс, он базировался только на повсеместном и зверином эгоизме людей и на полицейском укрощении этого эгоизма любыми государственными средствами с допущением жестокости, вероломства, клятвопреступления, кровожадности, убийства, любых обманов, любой бесцеремонности. Идеалом Макиавелли был не кто иной, как развращеннейший и жесточайше настроенный в отношении всех людей вплоть до принципиального аморализма и нигилизма известный герцог Цезарь Борджиа. Вот до чего дошло возрожденческое свободомыслие! И тут уже каждый скажет, что перед нами самоотрицающе-модифицированный Ренессанс. К. Маркс изображает оригинальность макиавеллизма, представляя его в виде политики, освобожденной от всяких своих связей с моралью и религией.

Но это как раз и означает, что в учении Макиавелли Ренессанс сам отказывается от самого себя. Это действительно значит, что Макиавелли был «революционером», но то была «революция» против возрожденческих религиозно-моралистических и эстетических ценностей. Мы не будем, однако, отождествлять самого Макиавелли с его «макиавеллизмом». Он все-таки был патриотом своего народа, он мечтал об изгнании из Италии ее захватчиков и верил в справедливое будущее. Но предлагавшиеся им методы государственного правления являются жесточайшим и античеловеческим механицизмом, возникшим в виде полной противоположности эстетическим и свободомыслящим идеалам возрожденческой Италии. Государь Макиавелли формально тоже является возрожденческим титаном. «Макиавеллизм» — все тот же возрожденческий титанизм; этот титанизм освобожден не только от христианской морали, но и от морали вообще, и даже от гуманизма.

Правда, вовсе не государство является у Макиавелли последней целью, и вовсе не этатизм является его последней идеологией. Последняя идеология для него — это единство народа и восстановление его родины. Поэтому «макиавеллизм» для самого Макиавелли был только *разновидностью трагизма*, в котором цели и средства оказывались в мучительном противоречии.

В качестве характеристики этой страшной трагедии итальянской титанической эстетики эпохи Ренессанса мы бы привели следующие высказывания Р. И. Хлодовского: «В “Рассуждениях” человеческая личность в значительной мере утратила не только свою неоплатоническую “божественность”, но и в какой-то мере свою самооценку. Индивидуум здесь нередко приносился в жертву “общественному благу”, отождествляемому, однако, не с “государственным интересом”, как это будет у идеологов контрреформации и абсолютизма, а с Родиной. Гуманистический индивидуализм трансформировался у Макиавелли не в этатизм, а в тот страстный и в основе своей гуманистический патриотизм, который резко выделял автора “Государя” и “Рассуждений” на фоне литературы Чинквеченто. Не абсолютистское государство, а Родина-Народ стала у Макиавелли конечным критерием общественной и индивидуальной морали».

Подобного рода суждения о Макиавелли вносят существенную поправку в этатизм этого мыслителя. Действительно, идеалом для него, которому он был готов служить с начала до конца, является не абстрактное государство, но конкретный народ и любимая им родина. Тем не менее уже элементарная историческая справедливость заставляет нас признать, что для устройства сво-

его народа и горячо любимой им родины Макиавелли был готов на любые ужасы абсолютистски-полицейского государства и на любые кошмары в обращении с отдельными личностями и группировками. Если угодно выставлять на первый план цели, преследуемые Макиавелли, то это действительно какой-то гуманизм, и Ренессанс присутствует здесь в полной мере. Но гуманизм Макиавелли основан не только на гуманных целях, но и на нечеловеческих средствах достижения этого человеческого идеала. Следовательно, гуманизм здесь уже *вполне* антивозрожденческого типа. Поскольку этот гуманизм все же формулируется в виде цели, правильнее будет говорить не просто о возрожденчестве Макиавелли, но, скорее, о модифицированном Ренессансе, правда, ужасном и в подлинном смысле слова трагическом.

Уже самая личность Макиавелли обладает настолько страшными чертами, что заслуживает хотя бы краткого упоминания*. Ренессанс требовал всестороннего развития личности, и Макиавелли тоже был всесторонне развит. Но эта всесторонняя развитость доходила у него до полной беспринципности, всегда и всюду оставляла по себе самые неприятные чувства и сделала его откровенным циником, лишала его возможности иметь друзей и близких людей и открывала для него дорогу к разного рода безобразнейшим предприятиям. Ренессанс требовал от человеческой личности быть принципиальной, собранной в себе и артистически себя проявляющей. Когда мы знакомимся с материалами, относящимися к Макиавелли, мы вполне ощутительно воспринимаем этот его единый принцип. Он заключается в полной беспринципности, в озлобленном отношении к людям и не то чтобы просто эгоизме, но в такой абсолютизации своего Я, которая отталкивала от него всех, кто с ним жил и работал, и заставляла презирать его как человека и как работника в Синьории.

В своих сочинениях он сам достаточно нагло и цинично рассказывает о своем безобразном поведении. Это не просто разложение той человеческой личности, которую так высоко ставил Ренессанс и о воспитании которой так глубокомысленно заботился. Это такой модифицированный Ренессанс, который уничтожает самую идею Ренессанса и при всей структурной общности возрожденческого и антивозрожденческого человека приводит возрожденческую личность Макиавелли к полному развалу и к ее самой настоящей гибели. После всего этого не будут удивитель-

* Многие черты этой сложнейшей личности читатель может найти у А. К. Дживелегова в его вступительной статье к переводу Сочинений Макиавелли, из которых вышел один том.

ными для читателя те слова и выражения, которые мы сейчас приведем из «Князя» Макиавелли.

Изложив все политические гнусности герцога Цезаря Борджиа, Макиавелли пишет: «...кто в своем новом княжестве считает необходимым оградить себя от врагов, заручиться друзьями, побеждать силой и обманом, внушить народу любовь и страх, солдатам преданность и почтение, истребить тех, кто может или должен тебе вредить, перестраивать по-новому старые учреждения, быть суровым и милостивым, великодушным и щедрым, уничтожить ненадежное войско, создать новое, поддерживать дружбу к себе королей и князей, так чтобы им с удовольствием делать тебе добро и бояться тебя задеть, — тот не сможет найти более живой образец, чем дела этого человека».

Далее у Макиавелли читаем: «...надо хорошо помнить, что, овладевая государством, захватчик должен обдумать все неизбежные жестокости и совершить их сразу, чтобы не пришлось каждый день повторять их и можно было, не прибегая к ним вновь, успокоить людей и привлечь к себе благодеяниями. Кто поступает иначе по робости или под влиянием дурного совета, тот вынужден постоянно держать в руке нож; никогда не может он положиться на своих подданных, они же из-за постоянных и все новых притеснений никогда не могут чувствовать себя в безопасности. Дело в том, что обиды следует наносить разом, потому что тогда меньше чувствуешь их в отдельности и поэтому они меньше озлобляют; напротив, благодеяния надо делать понемногу, чтобы они лучше запечатлелись». «Ведь тот, кто хотел бы всегда исповедовать веру в добро, неминуемо погибает среди столь многих людей, чуждых добра. Поэтому князю, желающему удержаться, необходимо научиться умению быть недобродетельным и пользоваться этим, смотря по необходимости».

Иногда, рассуждает Макиавелли, спорят, что должен внушать князь, — любовь или страх. Совместить оба эти качества трудно, так что лучше уж внушать страх и при этом не быть любимым. «Ведь о людях можно вообще сказать, что они неблагодарны, изменчивы, лицемерны, трусливы перед смертью, жадны до наживы. Пока ты им делаешь добро, они все твои, предлагают тебе свою кровь, имущество, жизнь, детей, все до тех пор, пока нужда далека, как я уже сказал, но, как только она приближается, люди начинают бунтовать. Князь, который всецело положится на их слова, находя ненужными другие меры, погибнет. Дело в том, что дружба, приобретаемая деньгами, а не величием и благородством души, хоть и покупается, но в действительности ее нет, и, когда настанет время, на нее невозможно рассчитывать;

при этом люди меньше боятся обидеть человека, который внушал любовь, чем того, кто действовал страхом. Ведь любовь держится узами благодарности, но так как люди дурны, то эти узы рвутся при всяком выгодном для них случае. Страх же основан на боязни, которая не покидает тебя никогда». «Итак, разумный правитель не может и не должен быть верным данному слову, когда такая честность обращается против него и не существует больше причин, побудивших его дать обещание. Если бы люди были все хороши, такое правило было бы дурно, но так как они злы и не станут держать слово, данное тебе, то и тебе нечего блюсти слово, данное им». «Наконец, он должен быть всегда готов обернуться в любую сторону, смотря по тому, как велят ветры и колебания счастья, и, как я говорил выше, не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо».

Чтобы продемонстрировать политическое мировоззрение «Князя» в концентрированном виде, мы позволим себе привести одно место из другого труда Макиавелли, под названием «История Флоренции». Здесь изображается одно из первых рабочих восстаний в Европе, а именно восстание чомпи во Флоренции в 1378 г., но агитационная речь, которую произносит один из составших, целиком повторяет то, что мы находим в «Князе» самого Макиавелли. Это, между прочим, свидетельствует о том, что аморальная, беспринципная и бездушная политика, которую проповедует Макиавелли, мыслится им совершенно одинаково, кто бы ни занимался этой политикой, князь ли или же поработанные и эксплуатируемые низы общества. Вот это место (Кн. III. Гл. 13): «И вот эти люди из низов, как из подчиненных цеху шерстяников, так и из подсобников других цехов, и ранее полные недовольства по уже сказанным причинам теперь испытывали к тому же страх перед последствиями, которые могли для них иметь учиненные ими поджоги и грабежи. Несколько раз в ночь собирались они для обсуждения происшедших событий и все толковали друг другу о грозящей им всем опасности. Наконец, один из тех, кто был посмелее и поопытнее других, решил вдохнуть в них мужество и заговорил так: “Если бы нам надо было бы решать вопрос, следует ли браться за оружие, чтобы жечь и громить дома граждан и расхищать церковное имущество, я был бы первым из тех, кто полагал бы, что вопрос этот нельзя решать необдуманно и что, пожалуй, бедность в мире и покое лучше, чем связанное с такими опасностями обогащение. Но раз оружие все равно уже у нас в руках и бед уже наделано немало, надо нам думать о том, как это оружие сохранить и как избежать ответственности за со-

деянное. Я думаю, что если нас никто научить не может, то научит сама нужда. Как видите, весь город пылает к нам гневом и злобой, граждане объединяются, а Синьория всегда на стороне магистратов. Будьте уверены в том, что нам готовят какую-то западню и над головой нашей собираются грозные тучи. Следовательно, надо нам добиваться двух вещей и совещания наши должны ставить себе две цели. Во-первых, — избежать кары за все, что мы натворили в течение последних дней, во-вторых, — жить более свободно и счастливо, чем мы жили раньше. И вот я считаю, что для того, чтобы добиться прощения за прежние наши вины, нам надо натворить еще худших дел, умножить их, повсюду устраивать поджоги и погромы и постараться вовлечь во все это как можно больше народу. Ибо, когда виновных слишком много, они остаются безнаказанными: мелкие преступления караются, крупные и важные вознаграждаются. Когда все страдают, мало кто стремится к отмщению, ибо общая всем беда переносится легче, чем частная обида. Так что именно в усилении бедствий и смуты должны мы обрести прощение, именно они откроют нам путь к достижению того, что нужно нам для свободной жизни. И я думаю, что ожидает нас верная победа, ибо те, кто могли бы воспрепятствовать нам, богаты и разъединены. Их разъединение обеспечит нам победу, а их богатства станут нашими, помогут нам эту победу упрочить. Не допускайте, чтобы вас смущали древностью их родов, каковой они станут кичиться. Все люди имеют одинаковое происхождение, и все роды одинаково старинны, и природа всех создала равными. Если и мы, и они разденемся догола, то ничем не будем отличаться друг от друга; если вы оденетесь в их одежды, а они в ваши, то мы будем казаться благородными, ибо вся разница — в богатстве и бедности. Я весьма скорблю, когда вижу, что многие из нас испытывают угрызения совести от содеянного и хотят воздержаться от дальнейших действий. И если это действительно так, то вы не те, за которых я вас принимал. Не следует пугаться ни раскаяния, ни стыда, ибо победителей, какими бы способами они ни победили, никогда не судят. ...Бог и природа дали всем людям возможность достигать счастья, но оно чаще выпадает на долю грабителя, чем на долю умелого труженика, и его чаще добиваются бесчестным, чем честным ремеслом. Потому-то люди и пожирают друг друга, а участь слабого с каждым днем ухудшается. Применим же силу, пока представляется благоприятный случай, ибо более выгодным для нас образом обстоятельства не сложатся...”.

Это замечательное место из трактата «История Флоренции» очень ярко свидетельствуют о трех пунктах мировоззрения Макиавелли.

Во-первых, несмотря на полное пренебрежение к тем или другим личным идеалам, личность здесь все-таки продолжает выдвигаться на первый план, и потому мы все еще продолжаем иметь дело ни с чем другим, как с Ренессансом. Во-вторых, выдвигаемая здесь личность совершенно лишена всех своих внутренних идеалов и рассматривается как некоего рода арифметическая единица. Эта арифметическая единица у Макиавелли имеет значение сама по себе, без всяких возможных влияний на нее со стороны, например, религии, морали, искусства, личных симпатий или антипатий, быта и всякого рода предрассудков, общественных или исторических. И все общество мыслится у Макиавелли в виде того или иного объединения этих арифметических единиц. Ничто другое его не интересует. Его интересует, правда, родина, а не государство. У него патриотизм, а не этатизм. Но положение современной личности от этого нисколько не становится легче. С отдельной личностью в политике все равно надо обращаться как с отдельными камнями при построении здания.

В-третьих, отсюда вытекает и своего рода эстетика, по своей прямолинейности и последовательности едва ли не единственная во всей истории эстетической мысли. Общество и история, возникающая как упорядоченное множество этих безличных, бездушных и аморально понимаемых арифметических единиц, если угодно, есть самый настоящий гуманизм, поскольку речь здесь только и идет о создании правильного человеческого общества. Но эти арифметические единицы-личности внутренне опустошены и превращены лишь в строительный материал. Нам кажется, что в этой железной последовательности и прямолинейности, несомненно, есть своего рода эстетика, явно продиктованная идеалами полноценного Ренессанса. И потому во всей этой железно проводимой системе арифметических единиц есть нечто красивое, хотя и ужасное, страшное, звериное и нечеловеческое. Ведь безобразное тоже есть эстетическая категория наряду с прекрасным, и низменное тоже есть эстетическая категория наряду с возвышенным. Поэтому и макиавеллизм, это суровое детище изжившего себя Ренессанса, тоже должен рассматриваться нами как определенная эстетическая система. И эстетической эту систему делает как раз ее железная прямолинейность, ее не доступная никаким посторонним влияниям последовательность и бесчеловечность.

И. Я. ЭЛЬФОНД

Проблема тирании в трактате И. Жантйе «Анти-Макьявелли»

Для общественной мысли Франции XVI в. характерен глубокий интерес к проблемам развития общества и государства. В условиях непрекращающихся гражданских войн и острого социально-политического кризиса появляется огромное по тем временам количество сочинений, посвященных злободневным политическим вопросам. Почти все они носят ярко выраженную агитационную направленность, и большинство публицистов эпохи открыто стремится создать определенное общественное мнение по указанным проблемам.

В ходе гражданских войн во Франции во второй половине XVI в. формируются законченные политические концепции и создается система политической пропаганды; последней уделялось большое внимание, особенно партией протестантов, и, как справедливо отмечает А. Д. Люблинская, «почти все ее [Реформации] литературно-пропагандистские силы ушли в политическую и религиозную полемику» *.

Своего кульминационного развития политическая мысль эпохи гражданских войн достигла в 70-е годы. И хотя политических трактатов и памфлетов в это время написано меньше, чем в конце 80-х годов, наиболее оригинальные идеи и концепции, которые найдут развитие в позднейшей публицистике, были выдвинуты именно в период с 1572 по 1579 г. Варфоломеевская ночь явилась своеобразным катализатором, ускорив-

* Люблинская А. Д. Особенности культуры Возрождения и Реформации во Франции // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 176.

шим процесс формирования основных политических теорий эпохи. В это время выходят в свет такие сочинения, как «Франко-Галлия» Ф. Отмана, «О государстве» Ж. Бодена, анонимные «Иск к тиранам» и «О праве представителя власти над подчиненными» и др. * Большая часть этих произведений достаточно подробно изучена в специальной литературе, за исключением трактата И. Жантийе «Анти-Макьявелли», изданного в 1576 г. в Женеве **. Сочинение это пользовалось широкой популярностью у современников, но внимание позднейших исследователей почти не привлекало.

Краткий анализ и оценка «Анти-Макьявелли» были даны издателем трактата Э. Рате, который в вводной статье утверждал, что Жантийе «всегда остается верен феодальному идеалу» ***. Позднее С. Мастеллоне более детально изучит данный трактат, правда, в основном с точки зрения зарождения антимакиавеллизма во Франции ****. Мастеллоне рассматривал сочинение И. Жантийе наряду с произведениями других монархомахов — Ф. Отмана, Ф. Дюплесси-Морнэ, Т. де Беза, но считал, что его убеждения выражают интересы группировки герцога Алансонского, так называемых «недовольных» *****. Он отмечал две основные черты трактата — полемику с «макиавеллистами», т. е. правящими французскими кругами и их идеологами, и соединение в нем политики и морали **. В статье А. Лапера, посвященной истории изданий «Анти-Макиавелли» **, отмечается ряд особенностей трактата, однако указывается, что Жантийе искажает основные положения Макьявелли **. Наконец, Д. Келли, рассматривая политические взгляды гуманиста К. де Сейселя, утверждает, что последний повлиял на Жантийе **. В работах советских авторов сочинение Жан-

* *Hotman F. Franco-Gallia. (1573); [Languet H., Mornay P.] Vindiciae contra tyrannos (1574); Bodin J. Six livres de la Republique (1576); [Beze T. de]. De jure magistratum in subditos (1579).*

** *Gentillet I. Anti-Machiavel / Ed. E. Rathé. Genève, 1968.*

*** *Rathé E. Introduction // Gentillet I. Op. cit. P. 14.*

**** *Mastellone S. Aspetti del antimachiavellismo in Francia // Machiavellismo ed antimachiavellismo. Firenze, 1970. См. также: Mastellone S. Machiavellismo e venalita in Francia. Firenze, 1972.*

***** *Mastellone S. Aspetti del antimachiavellismo in Francia. P. 65, 83.*

6* *Ibid. P. 83—84.*

7* *Lapéire H. La réédition de l'«Anti-machiavel» de Gentillet // Ibid.*

8* *Ibid. P. 157.*

9* *Kelley D. Beginning of Ideology. Cambridge (Mass.), 1983. P. 190.*

тийе упоминается только в связи с его критикой Макиавелли и вульгаризацией идей последнего*.

Однако трактат Жантйе представляет интерес не только как критика макьявеллизма, но и для изучения особенностей политической теории, а также характера и методов политической пропаганды данного периода.

Большое место в трактате занимает анализ тирании и тираноборчества. Эта проблема являлась центральной для французской общественной мысли периода гражданских войн. Учение о тиране было разработано в 70-е годы, когда после Варфоломеевской ночи особенно остро был поставлен вопрос о границах государственной власти и ее прерогативах. Жантйе вступил в полемику о тирании одним из последних, но его подход к проблеме оказался чрезвычайно своеобразным.

Жантйе был первым политическим теоретиком во Франции и одним из первых в Европе, который начал открытую борьбу с учением Макиавелли. Во французской публицистике первого этапа гражданских войн очень часто встречаются обвинения в макьявеллизме, относящиеся прежде всего к «итальянизировавшимся» придворным кругам. «Макиавеллистами» называли своих противников и Отман, и Теодор де Без, и многочисленные авторы анонимных памфлетов. Жантйе в духе сложившейся традиции попытался опровергнуть теорию Макиавелли. При этом он доказывал, что политическим идеалом итальянского мыслителя является тирания и что этот идеал реализовался в современной политике французского правительства. В силу этого трактат Жантйе приобретал острый злободневный характер.

Жантйе, как и большинство протестантских политических теоретиков во Франции, был профессиональным юристом. После Варфоломеевской ночи он бежал в Женеву, где и создал свой трактат. Ему принадлежат также два небольших публицистических сочинения, написанные до «Анти-Макьявелли»: «Ремонстрация христианнейшему королю» (1575) и «Ремонстрация дворянству Франции» (1574); в них в кратком виде уже содержатся те положения, которые он позднее, уточнив, разовьет в трактате. Свое основное сочинение Жантйе посвятил брату короля Генриха III Франсуа, герцогу Анжуйскому и

* Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л., 1976. С. 116; Комарова В. П. Макьявелли и макьявеллизм в некоторых английских драмах эпохи Шекспира // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 94.

Алансонскому, который был лидером «партии политиков» и заигрывал с гугенотами. Жантийе надеялся, что «его высочество возьмет на себя защиту законности и общественного блага королевства, выступив против тирании» *. Герцог на этот призыв не откликнулся, но трактат Жантийе имел большой успех, выдержав за короткий срок пять изданий. Католическая Церковь осудила «Анти-Макиавелли» в 1605 г. и запретила его.

«Анти-Макиавелли» Жантийе во многом отличается от большинства современных ему политических сочинений. Прежде всего это единственное, за исключением трактата Ж. Бодена «О государстве» произведение тех лет, посвященное проблемам политической теории, которое было создано на французском языке и стало доступно широкому читателю. Остальные известные нам политические трактаты того периода написаны на латыни и в лучшем случае лишь через несколько лет были переведены на французский. Второй характерной чертой трактата является его объем: в отличие от большинства политических сочинений того времени, не превышающих 150 страниц малого формата, «Анти-Макиавелли» даже в современном издании занимает около 650 страниц. Наконец, необычна и структура произведения — трактат состоит из вступления, в котором четко формулируются задачи и цели предпринимаемого труда, и трех больших разделов. Разделы эти посвящены соответственно трем основным темам: а) личные качества государя, б) религия, в) политика. Каждый из них предваряется кратким введением, где излагаются взгляды автора по указанным проблемам. Объем разделов неодинаков: если первый и второй примерно равны, то третий — в четыре раза больше каждого из них. Содержание разделов и построение их своеобразны: автор приводит максимы Макиавелли, чаще всего вольно излагая его мысли, вульгаризируя их, и сопровождает эти максимы своим комментарием. В первом разделе Жантийе дает всего три максимы, во втором — десять, в третьем — тридцать семь. Таким образом, в центре внимания автора оказываются проблемы политики.

Жантийе привлекает большое количество источников. Из произведений самого Макиавелли, которые он постоянно цитирует, хотя и неточно, использованы только два — «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Многочисленные ссылки на политический трактат итальянского юриста XIV в.

* *Gentillet I. Anti-Machiavel. P. 19.* Далее ссылки на это издание трактата даются в тексте с указанием страницы.

Бартоло Сассоферрато «О тиране», положения которого Жантийе противопоставляет тезисам Макиавелли. Заметно также влияние политического учения Фомы Аквинского и «Политии» Аристотеля, но прямых ссылок на них нет.

Помимо сочинений, посвященных проблемам политической теории, Жантийе широко использует исторические произведения как античных, так и средневековых авторов; пытаясь доказать несостоятельность положений Макиавелли, он аргументирует свои тезисы примерами из прошлого. Жантийе ссылается преимущественно на римских историков — Тацита, Саллюстия, Светония, Диона Кассия, Юлия Капитолина, Тита Ливия, Иосифа Флавия и других, гораздо меньше на греческих. Из средневековых авторов упоминаются французские хронисты — Фруассар, Монстреле, Коммин.

Жантийе четко формулирует задачи предпринимаемого им исследования: привести свидетельства несостоятельности теории Макиавелли и обосновать генетическую связь французской внутренней политики с этим учением. Во введении к трактату он заявляет, что цель его состоит в том, «чтобы указать людям, принадлежащим к нашему французскому народу, на источник тирании, которая существует во Франции в течение уже пятнадцати лет, и на ее теоретика» (р. 19). Вот почему он и пытается «опровергнуть учение Макиавелли» (р. 30—31). Критическое отношение Жантийе к этому учению во многом объяснялось тем, что он разделял мнение протестантских публицистов, и прежде всего монархомахов (Ф. Отмана, Т. де Беза, Ф. Дюплесси-Морнэ, Ю. Ланге), в том, что государственная политика Франции, определяемая итальянским окружением королей, идет ей во вред: «...нынешнее правительство, состоящее из итальянцев, уничтожило добрые древние законы страны, оно способствует жестоким войнам во Франции, мир постоянно нарушается, народ гибнет» (р. 39). Подобная ситуация, по убеждению Жантийе, вызвана конкретной причиной: «...совершенно ясно, что Франция управляется сейчас согласно учению Макиавелли»; отсюда следует и вывод: «Франция никогда не была до такой степени ослаблена, народ никогда не был столь беден» (р. 55). В своем антиитальянизме автор трактата идет дальше других публицистов, считая, что все итальянцы от природы склонны к злу: «...подобно тому как драгоценные камни ценятся дороже всего, поскольку они редки, так и благородные итальянцы должны почитаться, поскольку их очень мало» (р. 41).

Следует отметить, что в своем стремлении доказать ложность учения Макиавелли Жантийе не всегда последователен.

С одной стороны, он утверждает, «что о государстве в форме тирании Макьявелли наслышан больше, чем любой из авторов», и одновременно заявляет: «...пусть все узнают, что Макиавелли невежествен в этой науке (речь идет об управлении государством. — И. Э.) и его задачей является только формирование настоящей тирании» (р. 31). Так Жантийе формулирует свой исходный тезис: для него политическое учение Макиавелли лишь руководство для установления тирании. Практически весь его огромный трактат посвящен противопоставлению идеального государства, каким его себе мыслит Жантийе (не случайно полное название сочинения, под которым оно выходило в XVI в., — «Рассуждение о средствах доброго правления и поддержания благого мира в королевстве или ином княжестве» *), — тирании. При этом он упорно приписывает Макиавелли свое понимание тирании, а также настойчиво повторяет, что итальянский мыслитель не только ее теоретик, но и последовательный пропагандист (р. 271).

Какие же основные положения Макиавелли, с точки зрения Жантийе, противоречат идеалу государства и государя? Из пятидесяти тезисов Макиавелли, приведенных в трактате, большую часть составляют те, которые связаны с моральным обликом государя и методами его политики. Максимы, вынесенные в названия глав, наглядно это демонстрируют. Государь прежде всего должен стремиться к тому, чтобы его считали весьма благочестивым, даже если он и не таков (II Principe. Гл. 18); государь должен искоренить род тех, кто раньше господствовал в завоеванной стране (II Principe. Гл. 3); государь должен подражать Цезарю Борджа (II Principe. Гл. 7, 14); государя, если он хочет, чтобы ему повиновались, не должно смущать то, что за ним закрепится репутация жестокого (II Principe. Гл. 17); для государя лучше, чтобы его боялись, чем любили (II Principe. Гл. 17); государь должен сочетать природу льва и лисицы (II Principe. Гл. 18); жестокость, которая ведет к доброму концу, не должна осуждаться (Discorsi. Кн. I. Гл. 9; искажено); государь не должен страшиться предательства, обмана и притворства (II Principe. Гл. 18; искажено); вера, милосердие, щедрость — добродетели, которые могут сильно повредить государю (II Principe. Гл. 17); государь должен свыкнуться в душе с тем, что будет бесчеловечным и жестоким (II Principe. Гл. 18) и т. д.

* Discours sur les Moyens de bien gouverner et maintenir en bonne paix un Royaume ou autre Principauté... Contre Nicolas Machiavel florentin.

Таким образом, Жантийе критикует прежде всего моральную сторону поведения макиавеллиевского государя и, соединяя политику и мораль, оценивает его как тирана.

Обвинения в аморализме в целом характерны для антимакиавеллизма как направления. Работы иезуитов (А. Поссевин, П. Рибаденейра) и английские памфлеты появились позже трактата Жантийе — именно в нем впервые были сформулированы идеи, которые оказали влияние на позднейшую антимакиавеллистскую литературу*. Показательно, что Жантийе критикует не само учение Макиавелли, а, собственно, его вульгаризированную версию и что полемика ведется не с «Государем», а с вырванными из контекста фразами, усиленными Жантийе в нужном ему направлении. При этом «макиавеллистические» тезисы, принадлежащие самому автору трактата, часто оказываются более яркими, чем их опровержение.

Политический идеал Жантийе основывается на античных учениях и частично на христианской морали: «...благо государства полностью заключается в том, чтобы в этом государстве хорошо правили и так же хорошо повиновались, так как в результате возникают настолько превосходные гармония и согласие, что и тот, кто повелевает, и тот, кто подчиняется, достигают наслаждения и пользы. Хорошее послушание полностью определяется добрым правлением, а это зависит от благоразумия и мудрости того, кто повелевает» (р. 41). Основным политическим принципом идеального общества у Жантийе выступает согласие: «...согласие полезно и необходимо для процветания государства» (р. 55). Достижение этого согласия, по мнению Жантийе, возможно и в республике, и в монархии. Он считает, что «законы и управление осуществляются и изучаются лучше, когда ими заняты головы многих людей, чем когда это делается одним человеком» (р. 409). Он ссылается также на опыт других государств: «Древняя римская республика и все остальные управлялись всегда хорошо (как в прошлом, так и в настоящее время), поскольку постановления принимались большинством голосов мудрых людей» (р. 50). При этом Жантийе уточняет (приводя ставшее общим местом в политических учениях того времени сравнение с гармонией в музыке) условия, при которых государственное управление можно рассматривать как удовлетворительное: «...в республике или в совете государя решения и управление не могут быть дурными, если все едины в суждениях, однако если они расходятся во мнении, то

* Комарова В. П. Указ. соч. С. 93—94.

суждения всегда оспариваются разумом и вступают в противоречие с доводами, а решения принимаются гораздо худшие и хуже исполняются» (р. 552). Все это не столько пропаганда республиканских принципов, сколько завуалированный выпад против абсолютной монархии во Франции; аналог античного сената Жантийе видит в Генеральных штатах, которые представляют собой «совет богатых и знатных людей», занятых ведением государственных дел (р. 71). Под «богатыми и знатными людьми», участвующими в правлении, автор трактата понимает явно дворянство — поскольку «бароны, сеньоры, рыцари всегда отважно противостояли тирании» (р. 627), а также городскую верхушку.

Жантийе рисует портрет идеального государя. Будучи «благоразумным, он всегда отдает свои распоряжения в соответствии с разумом и справедливостью и направляет свои повеления, ставя целью достижение общественного блага» (р. 46) и являясь «воплощением закона для подданных» (р. 512). Однако Жантийе присоединяется к мнению Плутарха о том, что «власть выносит на поверхность глубоко запрятанные пороки», выражая тем самым свое критическое отношение к единовластию (р. 56—57).

Совершенно иное отношение у Жантийе к тирану и тирании. Для него тирания — это «государство, основанное на жестокости» (р. 361). Раскрывая этическое содержание «жестокости», он придает этому понятию политический оттенок: «...жестокостью мы называем все то, что совершается по отношению к людям или собственности без соблюдения правосудия и вопреки закону и обычаю» (р. 360—361). Жантийе твердо убежден в том, что такие государства «не продержатся» (р. 361), ибо «любая тирания включает в себя насилие, а насилие не может продолжаться долго, так как вмешивается Бог» (р. 541). Уничтожение тирании, таким образом, связывается с вмешательством иррациональных сил. Причины ее возникновения Жантийе усматривает в падении нравов: «...разврат и разложение общества не могут кому бы то ни было пойти па пользу, за исключением тиранов», которые используют их для утверждения своей власти (р. 588).

Тиран у Жантийе характеризуется с самых разнообразных сторон. Он дает свое собственное определение «тирана», опирающееся на положения Фомы Аквинского: «...тиран — это тот, кто применяет жестокость, тем самым оскверняя божественное право, которое запрещает проливать кровь и убивать; он оскверняет также и естественное право, так как уничтожает

подобного себе человека, которого создала природа; кроме того, он нарушает и гражданское право, согласно которому под страхом смерти запрещается убивать и умерщвлять себе подобных» (р. 363). Используя классификацию права, данную Фомой Аквинским, Жантийе подводит юридическое основание под свое осуждение тирана, ставя его вне закона и оправдывая выступление против него. Немаловажное значение имеет также и ссылка на божественное вмешательство: «...тираны не могут избежать божественного правосудия» (р. 365).

В своей критике Жантийе опирается на восьмую главу трактата Бартоло Сассоферрато «О тиране». Он прямо противопоставляет учение Бартоло, профессора римского права в Перудже, теории Макиавелли, подчеркивая разницу их подходов: «Бартоло писал о тирании, чтобы раскрыть ее сущность и осудить, а Макиавелли — чтобы ввести тиранию в практику государей» (р. 271). Во введении к третьей части «Анти-Макьявелли» Жантийе, излагая свое понимание тирана, ссылается на классификацию Бартоло, восходящую к «Политии» Аристотеля, и выделяет *tyrannus absque titulo* («тиран без титула») и *tyrannus quod exercituni* («тиран по действиям»). Он считает необходимым уточнить разницу между ними и относит возникновение тирании к античности: «...в прежние времена тиранами называли не только тех, кто дурно и жестоко относился к подданным, но также тех, кто обращался с ними хорошо, но узурпировал власть над подданными без всякого на то права» (р. 273). Однако внимательный анализ трактата позволяет сделать вывод, что для Жантийе подлинными тиранами являются только *tyrannus quod exercitum*, поскольку он находит смягчающие обстоятельства для людей, пришедших к власти путем ее захвата, при условии, конечно, если они правили достойным образом. В оправдание такого рода правителей Жантийе ссылается на многочисленные примеры. Он, в частности, пишет: «...если мы рассмотрим то, каким образом правили великие завоеватели, и не такие мелкие тираны, как Борджиа, но великодушные и могучие монархи, превратившиеся в самых великих правителей своего времени (Цезарь, Александр Великий, Кир, Карл Великий), то мы обнаружим, что они использовали средства правления, противоположные тем, которые советует Макьявелли» (р. 318—1319). Вместе с тем для Жантийе тиранами оказываются и императоры Рима, и средневековые короли, пришедшие к власти законным путем, и даже деятели античных республик, выступавшие против существовавшего правления, — все они, по его мнению, узурпаторы власти. Так, Тарк-

виний оказывается дважды тираном — и как узурпатор власти, и как недостойный правитель: «Тарквиний, который предпринял убийство царя Сервия Туллия, показал этим поступком и другими, что он принадлежал к тому роду людей, из которых формируются тираны» (р. 394). Тиранами, по Жантийе, становятся не все люди, но только жестокие от природы (жестокый — постоянный эпитет по отношению к ним). Жантийе приводит длинный список тиранов, среди них — Калигула, Нерон, Коммод, Каракалла, Галлиен, Максим, Оттон, Вителлий, Домициан, Макрин, Гелиогабал (р. 550). К ним он относит и Юлиана, а также триумвират и Гракхов (р. 550), а это доказывает, что автор причислял к тиранам и деятелей республики, боровшихся с оптиматами. Наконец, как величайшего тирана он упоминает английского короля Ричарда III, не только повторяя тюдоровскую легенду, но и усиливая ее (обвиняя Ричарда в убийстве сыновей и дочерей Эдуарда IV) (р. 570).

С точки зрения Жантийе первый шаг к установлению тирании государь совершает тогда, когда «нарушает естественное право» (р. 310) и действует, руководствуясь своими личными желаниями и страстями. В своих оценках деятельности тирана Жантийе присоединяется к Бартоло: он утверждает, что его правление характеризуется наличием десяти принципов: убивать тех подданных, которые способны возглавить борьбу с тиранией; устранять умных и образованных людей; уничтожать знания и книги; бороться со всякого рода обществами; использовать шпионов; проводить принцип «разделяй и властвуй»; грабить население; вести непрерывные войны, чтобы разорить подданных; доверять чужеземцам и не доверять своим подданным; поддерживать одну группировку, чтобы столкнуть ее с другой (р. 270). Эта характеристика, как он отмечает, восходит еще к «Политике» Аристотеля; Жантийе считает ее справедливой и детально рассматривает каждое из приводимых им положений, критикуя подобную государственную практику и доказывая, что Макиавелли советует государям применять именно эти принципы, если они хотят сохранить свою власть в государстве. Свои рассуждения он заключает следующим выводом: «...мы должны считать законченным тираном любого государя и властителя, который использует эти советы и осуществляет их на практике» (р. 419). Критика тирании и учения Макиавелли у Жантийе неразрывно связаны, поскольку, как он пишет, итальянский мыслитель пытался «вменить государю в обязанность все то, что Бартоло относил к нечестию и злодействам тирана» (р. 270).

Таким образом, Жантйе выступает непримиримым противником как учения Макиавелли, так и тиранической власти. Однако в решении проблемы тираноборчества он не столь последователен, как монархомахи. Он, конечно, считает, что понятия тирании и общественного блага несовместимы и что гражданским долгом каждого является ненависть к тирану: «...ни один человек не может любить общественное благо, если он не является врагом тирании, и точно так же никто не способен любить тирана, если он не враг общественного блага» (р. 416). Но при обсуждении конкретных возможностей сопротивления тирании Жантйе проявляет определенные колебания: он, по-видимому, разделяет суждения Кальвина по этому вопросу, когда утверждает, что «всякий подданный и вассал, выступающий против своего суверена, совершают смертный грех» (р. 377). При этом Жантйе уточняет: чем выше мятежник стоит в социальной иерархии, тем больше он виновен, поскольку «вассал больше виновен, чем подданный, барон больше, чем вассал, граф более, чем барон, герцог больше, чем граф, а родственник государя больше, чем герцог» (р. 377). Тем самым он выступает против феодальных мятежей и, возможно, осуждает также и политических гугенотов.

Однако, когда речь заходит о государе-тиране, Жантйе оставляет в стороне всякие колебания: восстание против тирана, по его мнению, санкционируется Богом, так как «Бог всегда против тирана» (р. 317). Тиран и общественное благо — понятия несовместимые, поэтому, утверждает он, в условиях тирании «сохранять верность родине и общественному благу означает покинуть тирана и не оказывать ему поддержки» (р. 365). И хотя Жантйе нигде прямо не призывает к активному выступлению против тирана, не проповедует тираноборчество и тираноубийство, объективно он оправдывает подобные действия. Это заметно в его оценках исторического прошлого: так, излагая судьбу сицилийского тирана Агафокла, пришедшего к власти в результате убийства своего предшественника, Жантйе заключает: «...но что из этого вышло? То, что он и заслужил» (р. 413). В другом месте он высказывается еще более решительно: «...дозволено умертвить тирана, который всегда устраивает западню и повинен в смерти своего суверенного сеньора» (р. 379). Наконец, он приходит к полнейшему оправданию тираноубийства, видя в этом гражданский долг: «...для каждого подданного является почетным и достойным награды убить тирана» (р. 381). Кроме того, он вменяет в обязанность тираноубийство не только обитателям государства, где утвер-

дилась тирания, но и соседям: «...общим долгом всех государств является оказание помощи тем, кто по законному праву противостоит тирану» (р. 273). Последний тезис, по-видимому, определялся конкретными обстоятельствами эпохи: протестанты Франции после Варфоломеевской ночи открыто получали помощь от Англии и немецких княжеств, и противники обвиняли их в отсутствии патриотизма.

В своей разработке проблемы тирании Жантийе в значительной степени опирался на положения монархомахов, пытаясь установить прямую связь между политической теорией и современной ему французской действительностью. Однако в ряде случаев в своей концепции он идет дальше монархомахов: он решительнее выступает против принципа единовластия, пытается доказать прогрессивную политическую роль французского дворянства, вскрыть подлинную сущность тиранического режима.

Как и многие политические теоретики Франции эпохи гугенотских войн, Жантийе получил гуманистическое образование. В отличие от большинства протестантских публицистов, он не был теологом, и в его взглядах в большей степени отразилось влияние новой культуры. Это сказалось прежде всего в его понимании сущности политики, из которой он полностью исключил провиденциалистский элемент. О политическом искусстве Жантийе писал: «...политическое искусство используют двояко, так как, изучая особенности и результаты гражданского правления, можно прийти к познанию правил и аксиом и, наоборот, по правилам и аксиомам можно предположить результаты» (р. 29). Он также перечисляет свойства, необходимые для тех, «кто хочет преуспеть в политической науке»: нужно, «во-первых, обладать естественной и здоровой способностью судить, во-вторых, быть мудрым и беспристрастным и, в-третьих, иметь опыт во всех делах» (р. 30—31). В решении этих вопросов Жантийе во многом близок гуманистам. Влияние их идей сказывается и в самой полемике с Макиавелли — Жантийе использует доводы и аргументацию, характерные для гуманистической историографии и политической науки: обращение к античному наследию, представление о задачах исторической науки, апелляция к опыту прошлого, трактовка проблем идеального государства, понимание роли личности в истории, идея общественного блага как цели всякого правления и т. д.

В трактате «Анти-Макиавелли» не только изложено учение Жантийе о тиране, но и отразились более широкие его полити-

ческие взгляды. В своей «антитиранической» концепции он во многом близок к монархомахам со всеми сильными и слабыми сторонами их теории. Трактовка же Жантийе конкретных политических проблем дает возможность сделать вывод о том, что на его воззрениях сказались самые разнообразные идейные влияния. Как многие деятели французской Реформации, Жантийе не только усвоил отдельные достижения гуманистической мысли, но и попытался приспособить их к пропагандистско-политическим задачам протестантов. По-видимому, можно говорить о наличии у Жантийе определенного синтеза идей гуманизма и Реформации или же по крайней мере об отдельных его элементах.

К. А. СЕРГЕЕВ, А. М. ТОЛСТЕНКО

**Никколо Макиавелли как основатель
новоевропейской политологии**

После эпохи Возрождения принцип деятельности становится основным в горизонте новоевропейского мышления. Этот принцип выдвигал на первый план «конструкцию» автономного субъекта, суверенного в своих действиях, в своих актах мышления и суждения. Такого рода субъект должен быть суверенным прежде всего в сфере политического мышления. В этой сфере он стремится быть властвующим и в своих действиях исходить из своего собственного мышления и суждений, не зависящих ни от каких внешних инстанций. Никакие внешние авторитеты (в том числе мораль и религия) не допускаются в план его мышления, выражающего себя в собственных оценках и суждениях. Все проистекает только из его деятельности, которая обосновывает саму себя эффективностью и оптимальным характером, поскольку речь идет о власти как таковой. Другими словами, истина становится стратегией и тактикой мышления как деятельности, направленной на эффективность и экономичность, то есть на выгоду и полезность. Начиная с Ф. Бэкона и Р. Декарта, именно практический разум опосредует как метафизическую проблематику философской мысли, так и становление новой формы научного познания истины. В этой новой форме научное познание обретает характер свободного исследовательского предприятия.

В период Нового времени, когда шло формирование политико-экономической реальности, все более и более господствующие властные стремления человека постепенно обретали метафизическое измерение. Известно, что такого рода реальность в западноевропейском мире сформировалась в эпоху Возрождения. Эта реальность конституировалась в горизонте антропоцентрического мировосприятия. Своим регулятивным идеалом она имела такую «антропоцентрическую» свободу, которая в

сфере действия и познания выдвигала на первый план практический разум. Сам практический разум оказывается тоже «новым». Это есть разум, наделенный волей и притязающий на получение только такого знания, которое способствует непрерывному умножению его могущества. Это уже не сугубо моральный разум, после Аристотеля называемый практическим. Деятельность человека ради познания истины, конечно, имеет решающее значение, однако эта деятельность скорее направлена на эффективность, нежели на постижение «этической» субстанции. Уже Т. Гоббс отмечает, что человек способен познать истинно только то, что он может сам создать, то есть сделать. Поскольку познание истины становилось одной из основных форм человеческой деятельности в политико-экономической реальности, ориентированной на эффективность и действенность, постольку происходило отождествление истины с правильным и оптимальным действием.

В Италии, еще задолго до Макиавелли, вопрос о государе и правилах властвующего разума вызывал большой интерес у многих мыслителей. У ним можно отнести Джованни Понтано, написавшего трактат о государе. Пьеро Дженнаро составил трактат о правлении государей, Джуниано Майо — о величии государей, Диомеде Карафа — об обязанностях государей, Бартоло Сассоферрато — о тиране. О политике писали Леонардо Бруни и Колуччо Салютати. О рождении из хаоса новой, единой, великой Италии мечтали Данте и Кола ди Риенцо, и даже Петрарка, которого так обожал Макиавелли. Но только Никколо Макиавелли в своей книге «Государь» впервые стал размышлять об оптимальном действии в сфере власти как таковой. «Эту книгу, — говорит Гегель, — часто отбрасывали с ужасом за то, что она полна максимами самой свирепой тирании. Но в высшем смысле необходимости государственных образований Макиавелли установил принципы, согласно которым должны были в условиях того времени создаваться государства»¹.

Макиавелли родился во Флоренции в семье мессера Бернардо ди Никколо ди Буонинсенья и Бартоломеа ди Нелли 3 мая 1469 г. Его образование было ориентировано на семь свободных искусств. Еще в детстве по рассказам отца он познакомился с Ливием и Цицероном и стал страстным поклонником древних римлян. На протяжении всей жизни он не переставал штудировать римских историков. В школе он обучался грамматике по

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия истории. Разд. IV. Отд. 2. Гл. 3. СПб., С. 413.

учебнику Донателло. Греческого языка он не знал, но постоянно пользовался переводами сочинений Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Плутарха и др. Однако из-за нехватки средств Никколо не получил университетского образования. Этот факт исследователи его творчества рассматривали как положительное обстоятельство. С одной стороны, Никколо удалось избежать формализма средневековой схоластики, с другой — это позволило ему создать свой оригинальный язык. Будучи избран секретарем во флорентийскую Синьорию, а затем став канцлером второй Канцелярии, Макиавелли приобрел весьма плодотворный дипломатический и политический опыт. В результате поездок («легаций») к герцогу Валентино в конце 1502 — начале 1503 года появляются такие его работы: «Описание того, как герцог Валентино избавился от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини», «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Валь-ди-Кьяны» и «Речь о снабжении деньгами, произнесенная отчасти для вступления и оправдания». Сообщение о событиях в Валь-ди-Кьяне написано по следам восстания в Ареццо 4 июля 1502 года, организованного против Флоренции Цезарем Борджа через его кондотьера Вителлоццо Вителли и подавленного с помощью Франции. Расправу герцога Валентино в Сенигалии Макиавелли считает образцом решительных и беспощадных мер, предпринятых по отношению к восставшим. «Речь о снабжении деньгами...», начало которой, как и начало трактата «Государь» буквально совпадают, затрагивает тему соотношения силы и осторожности в политике *princesps'a*.

В июне 1502 года Никколо с епископом Содерини, ставшим затем пожизненным гонфалоньером справедливости, попадают на встречу с Цезарем Борджа, стратегию которого Макиавелли считал выдающимся примером эффективных действий ради захвата власти. Именно его попытку подчинить и объединить отдельные области Италии Макиавелли изучает особенно пристально. В своем письме он пишет: «Герцог так смел, что самое большое дело кажется ему легким. Стремясь к славе и новым владениям, он не дает себе отдыха, не ведает усталости, не признает опасностей. Он приезжает в одно место прежде, чем успеешь услышать о его отъезде из другого. Он пользуется расположением своих солдат и сумел собрать вокруг себя лучших людей Италии. Кроме того, ему постоянно везет. Все это, вместе взятое, делает герцога победоносным и страшным»². В 1503—

² Цит. по: Виллари П. Макиавелли и его время. СПб., 1914. С. 295.

1510 годах, выполняя дипломатические поручения во Франции, Никколо изучает французскую политику. Однажды, когда кардинал Руанский бросил ему, что итальянцы ничего не понимают в военном деле, Макиавелли ответил, что французы ничего не понимают в политике, так как, если бы понимали, они не позволили бы папству достичь такого могущества. В другом случае он отказался служить французской монархии: «Предпочитаю умереть с голода во Флоренции, чем от несварения в Фонтенбло»³. В этот период им написаны следующие работы: «О природе галлов», «Памятка тому, кто едет послом во Францию», «Картина французских событий». В них он обсуждает причины могущества французской монархии, ослапленной своей силой.

21 декабря 1507 года Макиавелли отправляется к императору Максимилиану Габсбургскому. По возвращении во Флоренцию он отмечает слабость власти императора. Из германского опыта дипломатии и политики следует упомянуть «Доклад о положении дел в Священной Римской империи», написанный 17 июля 1508 года, «Рассуждение о положении дел в Германии и о германском императоре» и «Картину германских событий» (1508—1510 гг.). После того, как в 1511 г. группа кардиналов-раскольников созвала в Пизе церковный собор, и кардинал Содерини признал этот собор, на следующий год происходит реставрация власти Медичи во Флоренции. Известны письма Макиавелли к семье Паллески, сторонников власти Медичи, в которых он призывает спасти репутацию Содерини, а в его лице и республиканский строй Флоренции, открывший широкую перспективу преобразования прежних средневековых порядков. Именно при господстве католической Церкви, подчеркивает Никколо, итальянцы стали слабыми телом и духом, неспособными изгнать чужеземцев и обеспечить свободу и процветание своей Родине. Содержание воззвания «К Паллески» созвучно первой книге «Рассуждений». Однако призыв Макиавелли остался без ответа. Он был смещен со своей должности и отправлен сначала в тюрьму, будучи заподозренным в заговоре Пьетро Паоло Босколи против Медичи, а затем в ссылку в свое имение Сант-Андреа в Перкусино.

Биографию Макиавелли можно разделить на два этапа: годы государственной службы (1498—1512), когда он заявил о себе как о политическом деятеле, и годы изгнания (1512—1527), в

³ Цит. по: Максимовский В. Новые книги о Макиавелли // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 5. М.; Л., 1930. С. 460 (с. 000 наст. изд.).

продолжение которых создаются главные его произведения. Начиная с 1513 года, Никколо оказывается в вынужденном бездействии. В письме от 10 июля 1514 года он писал: «Так долго продолжаться не может, такая бездеятельная жизнь подтачивает мое существование, и если Бог не сжалятся надо мною, то в один прекрасный день я покину свой дом и сделаюсь репетитором или писарем у какого-нибудь вельможи»⁴. Однако именно в условиях политического бездействия у него наступает продолжительный творческий подъем. Им написаны «Государь» (1513 г.), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513—1516 г.), читанные им в кругах «садов Ручеллаи», «Диалог, или рассуждение о нашем языке» (написанный между 1514 и 1516 гг.), «Золотой осел» (1516—1517 гг.), перевод басен Плавта «Бельфагор» и «Андриа», комедия «Мандрагора» (1518 г.), трактат «О военном искусстве» (1519—1520 гг.), «Рассуждение о способах упорядочения дел во Флоренции после смерти герцога Лоренцо» (1520 г.), составленное по настоянию папы Льва X, «Описание событий в городе Лукке» и «Жизнь Каструччо Кастракани» (1520 г.). В том же 1520 году им начата «История Флоренции». Жизнь сельского отшельника не мешала ему наблюдать и оценивать актуальные политические события.

Первые восемь глав «Истории Флоренции», одного из программных его произведений, он преподнес понтифику Клименту VII в 1525 году. Затем в Фаенце он встречается с Гвиччардини для обсуждения вопросов организации пехотного ополчения. В 1526 году во Флоренции сформирована Магистратура Пяти по инспектированию состояния городских стен, куда приглашают Макиавелли. Он едет к Гвиччардини, ставшему наместником папы при армии, противостоящей испанцам. Тем не менее испанским войскам Италия противостоять не может. Происходит падение Рима. 10 мая 1527 года Макиавелли выдвигает свою кандидатуру на пост канцлера восстановленной Флорентийской республики, но члены Большого Совета ее отвергли. В ту пору Флоренция нуждалась в людях, скорее влиятельных и благонадежных, нежели в ученых и философах. Таково было расхожее мнение. Вскоре после этого 21 июня 1527 года Никколо от резких болей в желудке, мучивших его весьма длительное время, умер.

⁴ Цит. по: Алексеев А. С. Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880. С. 109—110 (с. 134 наст. изд.).

Что же сделал для Италии Макиавелли? Когда Италия представляла собой, по словам Данте, «в суровой буре судно без кормила», Макиавелли поставил вопрос о государе (*princeps*), который своей доблестью (*virtus*) мог бы соединить воедино рассыпавшиеся национальные части, с помощью своей сильной власти создать могучее централизованное государство, в рамках которого только и возможна гражданская жизнь и любая общественная инициатива. В его работах речь идет прежде всего о «прагматике» в стратегии и тактике получения и достижения власти в формирующейся новой политико-экономической реальности.

При феодальной организации общества власть имела знаково-символическое облачение. С одной стороны, это была власть непрерывных междоусобиц и столкновений между сеньорами, власть грабежа и взимания податей. С другой стороны, верности сеньорам, церемониям и ритуалам. Макиавелли создает «новую» науку власти, где на первом плане оптимальность и эффективность сугубо политических действий. Он создает особую «технику власти», которая проходит испытания уже при монархическом правлении в период Нового времени. Эта «техника» менее расточительна с экономической точки зрения и менее рискованна с политической точки зрения, чем «технология» власти, присущая феодальному обществу, которое было терпимо к разного рода произволу, проистекающему из признанных заранее сословных и поместных привилегий. Ясно, что феодальная власть была изначально насильственной. Насильственный характер имел и институт монархической власти, который формировался в период средневековья для преодоления территориальной раздробленности и предотвращения постоянных столкновений между субъектами феодальной власти. Монархия полагала себя властью, способной не только устранять поместные столкновения и местные войны, но и властью, призванной объединить весь народ в единую целокупность национального государства. Монархия нередко осознала себя в терминах теологии как высшей науки знания и поэтому апеллировала к церковному авторитету Рима.

Политическая «наука» Макиавелли не признает не только никаких церковных инстанций, но и никаких нравственных ограничений. По этому поводу он писал: «Когда речь идет о спасении Родины, должны быть отброшены все соображения о том, что справедливо и что несправедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно. Нужно забыть обо всем и действовать лишь так, чтобы было спасено ее существо-

вание и осталась неприкосновенна ее свобода»⁵. И далее: «Никакая страна никогда не может быть единой и счастливой, если она не составляет единую республику или не повинуется одному государю, как Франция или Испания, и причиною того, что Италия находится в ином положении, что она и не единая республика и не управляется единым государем, — исключительно Церковь. Ибо, получив светскую власть и обладая ею, она не сделалась настолько мощной и не обнаружила таких достоинств, чтобы оказаться в силах овладеть остальной Италией и господствовать над нею. А с другой стороны, она не сделалась настолько слабою, чтобы когда перед нею вставала опасность потерять светскую власть, она не смогла призвать могущественного покровителя для защиты против того, кто в Италии сделался чересчур сильным»⁶. А вот, что об итальянской «развращенности» говорит Лютер: «Когда бы христианская религия поддерживалась в том виде, в каком она была задумана ее основателем, то государства и республики жили бы в счастии и единении. И ничто так не свидетельствует об упадке ее, как то обстоятельство, что народы, ближе всего стоящие к римской Церкви, которая является главой нашей религии, меньше всех веруют. Если присмотреться к основам ее, увидеть, сколь отличается нынешнее состояние религии от прежнего, то можно рассудить, что близится либо погибель, либо великое бедствие»⁷.

Для утверждения, распространения и сохранения государственной власти приемлемы какие угодно средства, если они действительны и оптимальны в указанном смысле. На этом же строилась затем и новоевропейская «эпистема», в рамках которой Ф. Бэкон и Р. Декарт провозглашали свободу разума. В одном из писем Гвиччардини и Филиппе Строцци Макиавелли указывал на необходимость такого рода свободы и на действительность предприимчивого разума: «Я скажу вам вещь, которая покажется вам безумной, предложу план, который вы найдете либо рискованным, либо смешным. Но времена таковы, что требуют решений смелых, необычайных, странных». Схема действий такова: поставить Джованни Медичи, самого решительного кондотьера Италии, во главе войска, дать ему столько

⁵ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Кн. III. Гл. 41 / Под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869.

⁶ Там же. Кн. I. Гл. 12.

⁷ Цит. по: Де Санктис Ф. Макиавелли // Макиавелли Н. Сочинения. М.; Харьков, 2001. С. 646—647.

солдат, сколько нужно, показать врагам и союзникам, что Италия готова бороться. И тогда Испания с Францией поймут, с кем имеют дело. «Я думаю, что нужно вооружаться без малейшего промедления и не ждать, что решит Франция»⁸. Быстро и вовремя осуществленный план обещает всегда удачу. Однако папе Клименту план показался слишком смелым. Прошло два месяца. Как нарочно, все делалось с опозданием и все лишь наполовину. В результате испанцы ворвались и разграбили Рим 4 мая 1527 г., предаваясь крайнему разврату.

Макиавелли, следуя правилам политического разума, так наставляет правителей: «Государи должны обладать великим искусством притворства и одурачивания, потому что... человек, умеющий хорошо лгать, всегда найдет достаточно легковых людей, охотно поддающихся обману... Государям, следовательно, нет никакой надобности обладать в действительности хорошими качествами..., но каждому из них необходимо показывать вид, что он всеми ими обладает»⁹. Кроме того, правителям «надо помнить, что князь, и особенно князь новый, не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии»¹⁰. При этом Макиавелли одобряет и ставит в пример другим образ действия Цезаря Борджа: «Цезарь Борджа слыл беспощадным, тем не менее его жестокость восстановила Романью, объединила ее, вернула ее к миру и верности»¹¹. И далее: «Князь не должен бояться, что его ославят безжалостным, если ему надо удержать своих подданных в единстве и верности. Ведь, показав, в крайности, несколько устрашающих примеров, он будет милосерднее тех, кто по своей чрезмерной снисходительности допускает развиваться беспорядкам, вызывающим убийства или грабежи...»¹².

В период Возрождения в условиях становления рыночной стихии решающее значение обретает практический разум. Этот разум, отвергающий любые границы и препятствия ради достижения своих целей, в конечном счете ориентирован только

⁸ Цит. по: *Дживелегов А. Никколо Макиавелли // Жизнь Никколо Макиавелли. СПб., 1993. С. 235 (см. с. 000 наст. изд.)*.

⁹ *Макиавелли Н. Государь. СПб., 1869. С. 75.*

¹⁰ *Макиавелли Н. Государь // Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 85.*

¹¹ Там же. С. 81.

¹² Там же.

на успех. Такой разум расчетливо планирует те или иные действия, заранее их выверяет, а также предвосхищает то или иное положение вещей ради безошибочных решений и правильных суждений. Он изменяет тем самым само понимание истины. Истина теперь относится только к таким суждениям, которые соответствуют реальному положению вещей и дел. Когда Макиавелли стал секретарем военной комиссии Десяти, он выступил инициатором учреждения народного ополчения (Ординанцы), что отвечало новому порядку вещей. План Макиавелли заключался в том, чтобы защитить Флорентийское государство, а это могли осуществить только организованные отряды народного ополчения, а не наемники. В то время войны в Италии велись кондотьерами-наемниками, служившими тем, кто больше заплатит. О них Макиавелли писал: «Это скорее вооруженные, чем воины. Их услуг ищут больше из внимания к их имени и связям, а вовсе не ввиду их доблести и числа солдат, какими они располагают. Поэтому союзы, с ними заключаемые, делятся лишь до тех пор, пока эти люди не найдут случая нарушить их» (Письмо от 29 октября 1503 г.). В таких работах, как «Рассуждение о том, как организовать государство Флоренцию в военном отношении» и «Рассуждение о флорентийских войсках и ополчении» Макиавелли размышляет о возрождении античных военных обычаев во Флорентийской республике. Только создание народной национальной армии способно было спасти Италию и восстановить ее международный авторитет, как это имело место во Франции и в Швейцарии.

Политология как наука, основателем которой следует считать Макиавелли, возникла в определенных исторических условиях. Это положение ныне является «общим местом». Однако важно восстановить тот исторический контекст, в котором феномен «макиавеллизма» становится особенно зримым. К самому Макиавелли этот феномен можно относить с такой же достоверностью, с какой материализм, скажем, к Фалесу или Демокриту. В Италии XV столетия «проявляется дух современного европейского государства, впервые свободно представленный собственным внутренним устремлением...» Этот дух являет себя ничем не ограниченным эгоизмом «в его наиболее устрашающем виде, пренебрегая любым правом...». Но там, где этот дух преодолевается, «в истории появляется нечто новое: государство как сознательно задуманное построение, как произведение искусства»¹³. XVI век в Италии — время вели-

¹³ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 9.

ких бедствий и злодеяний. Было немало жестокого и в прежней итальянской истории. Но именно время Висконти, Малатесты, Цезаря Борджа было временем, когда раскрылись все возможности, жившие в человеческой душе, в том числе и криминальные. Именно в эту эпоху само слово «политика» как «трезвая» государственная мудрость оказывается связанным с коварством, интригами и предательством. Все люди, согласно воззрениям Макиавелли, потенциальные мошенники, отличающиеся друг от друга лишь виртуозностью в своих пороках. В подобном мире ориентирами могут быть только Цезарь Борджа, Каструччо Кастракани, Франческо Сфорца и др. «Семейство Медичи стоит в самой середине обширного и разветвленного цикла преступлений и жестокостей всякого рода»¹⁴.

Эпоха Возрождения в Италии — это не столько эпоха светского вольномыслия, сколько эпоха деморализации общества. Ф. Гвиччардини, изучивший «философию притворства» при испанском дворе, констатирует: «Даже когда человек известен как лицемер и обманщик, люди иногда попадают на его обманы и верят ему. Странно сказать, но это святая истина, и я вспоминаю, что подобной славой больше, чем кто-либо пользовался Король Католический; при всех своих ухищрениях, он всегда встречал людей, веривших ему выше меры...»¹⁵. Служители Церкви содержат кабаки, публичные и игорные дома. В монастырях предаются оргиям и читают «Декамерон». В церквях пируют и убивают. Папа Александр VI охотится за куртизанками для своих ночных оргий. В Риме в конце XV столетия насчитывалось около семи тысяч проституток; в Венеции их было более десяти тысяч. Этому ремеслу посвящаются трактаты и диалоги. Женщин такого рода ремесла привозят из Германии. Хиромантией и врачеванием славятся венецианки и женщины из Испании. Так называемая «французская болезнь», которая появилась в Испании в конце XV столетия, распространилась по всей Западной Европе, и жертвами ее стали не только высокопоставленные светские лица, но также высшие круги клира. Внутренние раздоры в различных итальянских городах определяют всю эпоху Возрождения. Убийства и погромы, заговоры и грабежи, казни и изгнания следуют друг за другом. Мало кто из властителей умирал своей смертью. Утверждалось, что не только Лоренцо Медичи, но и Пико делла Мирандола были просто отравлены. В Италии, начиная с

¹⁴ Муратов П. П. Образы Италии. М., 1994. С. 139—140.

¹⁵ Гвиччардини Ф. Сочинения. М., 1934. С. 141.

XIII столетия, появляются кондотьеры, то есть предводители наемных военных отрядов, которые определяли характер власти в таких городах, как Сиена, Болонья, Перуджа, не говоря уже о Парме, Генуе и Милане. Уже с конца XIII в. в Милане воцаряется род Висконти, прославившийся всякого рода насилием. Властитель Неаполя Феранти (1458—1494) сажал своих врагов в клетки, тучно их откармливал, затем отрубал им головы, а их тела засаливал. Стоило ему только напомнить о его жертвах, как он тут же заливался смехом. Даже Лоренцо Медичи, при котором собиралась платоновская Академия и который вошел в историю как великий покровитель наук и искусств, охотился за красивыми девушками, казнил и вешал, никогда не пренебрегал интригами, а при необходимости использовал яд и кинжал. Врагов и заговорщиков вешали на окнах монастырей. Бандиты, состоявшие на службе родовитых семейств, устраивали сражения на открытых площадях города. Убивали на церковных празднествах и службах, так как «было почти невозможно добраться до хорошо охраняемого властителя иначе, чем во время торжественных церковных процессий; к тому же семейство князя никогда нельзя было встретить собравшимся вместе по иному поводу. Так, жители Фабриано (1435 г.) убили правящее семейство тиранов Кьявелли во время богослужения по уговору при словах молитвы “Credo”: “Et incarnatus est” («И воплотился»). В Милане (1412 г.) герцог Джованни Мария Висконти был убит при входе в церковь Сан-Готтардо, герцог Галеаццо Мария Сфорца (1476 г.) — в церкви Сан-Стефано. А Людовико Моро (1484 г.) избежал кинжалов приверженцев овдовевшей герцогини Боны только потому, что вошел в церковь не через тот вход, у которого его ждали заговорщики»¹⁶. Это было время, «когда человек должен был быть либо молотом, либо наковальней, и личность оказывала большее воздействие, чем обретенное право»¹⁷. Другими словами, исчезла всякого рода легитимность, поскольку все теперь решали только хитрость, сила и коварство.

Само слово «личность» утрачивает всякое религиозное значение. Речь идет уже не столько о личности как таковой, сколько о «персоне» и индивидууме. Если Августин подчеркивал, что личность дороже всего телесного космоса, то в эпоху Ренессанса личность редуцируется к человеческому индивидууму, обретающему значимость при наличии богатства и власти.

¹⁶ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 82.

Нет уже ни у кого никаких прав, если нет в распоряжении средств защиты и нападения. По этому принципу формировался «новый социум» в Западной Европе в период Возрождения. Когда личностное отношение ко всему сущему и происходящему подменяется индивидуальным, тогда появляются законченные злодеи, которые не просто аморальны; они не просто деморализованы. Они совершают преступления даже не для достижения определенных целей, а для собственного, так сказать, самовыражения. Если преступление совершается ради него самого или как средство для достижения целей, тогда всегда найдется повод и любое средство ради какого угодно преступления. Тут даже праздность формирует подлинную страсть к убийствам ради острых ощущений и развлечений. «Враг Бога, сострадания и милосердия» — так было начертано на серебряной нагрудной медали кондотьера Вернера из Урслингена. В период разрушения «социальной ткани», скрепляющей общество в сословный или какой-либо иной порядок гражданственности, полностью «эмансипирующий» человеческий индивидуум оказывается деморализованным, поэтому нередко становится злодеем и преступником. Уже само презрение к церковному отлучению освещало индивидуальность зловещим, можно сказать, светом.

Для «пагубы» тех или иных людей ради утверждения собственной индивидуальности используется и разного рода магия. Появляется стремление к «дьявольским» удовольствиям, к разрушению всего и вся. Именно это мы обнаруживаем в индивидуальности Цезаря Борджа, «жестокость которого в значительной степени превосходила преследовавшиеся им цели. Далее, наслаждение злом как таковым наблюдается у Сиджизмондо Малатеста... епископа из Фано»¹⁸. Когда в религиозно-нравственном плане личность уступает место индивидуальности, которая, в свою очередь, порывает с социальностью как таковой, поскольку государственность оказывается тираничной и нелегитимной, тогда вместо чувства собственной независимости на первый план выступают страсть, мстительность и самовлюбленность. Средние века имели одним из основных измерений социальных отношений христианскую веру и Церковь как ее «соборное» выражение. Когда в период Возрождения деградировала Церковь, то вместе с ее вырождением происходило извращение рыцарства. Личностное преобразовывалось в сугубо индивидуальное. Наряду с этим развивалось блестящее по-

¹⁸ Там же. С. 303.

этическое слово, получившее свое гениальное выражение в поэтике Данте, великолепное искусство живописи, скульптуры и архитектуры, которое восхваляло индивидуальность так, как на это не могли притязать ни античность, ни Средневековье. Разрушалась та «этическая субстанция», которая лежала в основе Средневековья и которая хоть как-то, но присутствовала в греческой и римской античности. Данное обстоятельство требует пояснения.

Нормальным состоянием классического греческого полиса было открытое столкновение экономических, политических, дипломатических и прочих интересов. Это состояние имело как бы «игровой» характер, то есть стремление к открытости полиса имело гораздо большее значение, чем стремление к властвованию одного полиса над другим. Дух игры и соревнования — вот что характеризует классический греческий полис¹⁹. Стремление преодолеть столкновения между враждующими знатными родами, каждый из которых стремился отнять у других принадлежащие им привилегии и почести, указывает как раз на то, что не случайно такие «государственные деятели», как Солон, Биант из Приены, Ферекид из Сироа, попали в список семи мудрецов.

Когда разрушаются социальные связи между людьми, когда происходит война всех против всех, тогда наступает период «бездомности» человеческого существа. В такие периоды человек лишается своего мира и надлежащего места в этом мире. Полис строится по образу природы, в которой все сущее имеет свое собственное место, и с помощью особого рода «логоса». Полис устанавливается как собирающее и сохраняющее начало гражданской жизни греков. Греческий полис, подобно природе, есть прежде всего единая и гармоническая совместимость всех свободных людей, наделенных статусом гражданства. Гармонизация полярных сил и настроений осуществляется на основе общего для всех правосудия, то есть на «агоре». Греческий полис создается прежде всего как единая для всех совместимость, способная объединять, а не разъединять и рассеивать. В греческом полисе человек сохраняется в своей природе, которая имеет свой собственный «логос» и оберегает всех свободных граждан в непрерывно меняющихся обстоятельствах от утраты своего присутствия в мире как едином для всех космосе. Человеческое бытие имело космологический харак-

¹⁹ Об этом см.: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.

тер, в отличие от политико-экономического, присущего нашему времени. Человек есть микрокосм всего космоса. Греки не говорили о человеке как «микрокосме», для них это было само собой разумеющимся. Определяя человека как человека политического, Аристотель постигал его как такое живое существо, которое вне полиса есть либо Бог, либо зверь.

Полисная организация человеческой жизни формировала особый «этос», способный дух вражды и ненависти подчинить взаимной согласованности интересов свободных граждан, чтобы, в конечном счете, следовать самой природе, обретающей свою гармонию в космическом обстоянии всех вещей. Вот почему в античности не могло быть никакой политологии, социологии и психологии как отдельных и самостоятельных сфер знания. Образ жизни и мысли для греков должен быть прежде всего прекрасным. И только в силу этого обстоятельства он мог быть поучительным. Не сама по себе моральность была основным стремлением греков, а жить прекрасной жизнью и в согласии со всем сущим. Этическое не отделялось от эстетического, поскольку пафос греков выражался в желании быть достойными такой жизни, которую современники и потомки могли бы считать прекрасной, а не просто моральной. Этическое мышление греков, таким образом, было связано прежде всего с эстетикой человеческого существования.

Дружба, согласно Аристотелю, означала возможность и необходимость взаимного признания свободных граждан, образующих полисную организацию общества. Согласно Цицерону, дружба как раз и есть высшая добродетель, дающая наслаждение от взаимного признания и уважения, коль скоро она выражает высшее искусство жизни. В этом искусстве важно было уметь всегда владеть самим собой. Поэтому для греков и римлян на первый план выступала «техника» жизни как таковой, а не моральность. Платон в «Алкивиаде» подчеркивает: вы обязаны заботиться о самом себе, чтобы не быть рабом собственных желаний. Греческая «техника» жизни заключалась в том, чтобы стать полностью господином самого себя. Другими словами, наслаждение самой жизнью, в которой человек не является рабом собственных вожделений, именно в этом заключается сущность «этической» субстанции древних греков и римлян в период республиканского правления. Когда разрушается эта субстанция, тогда римская доблесть лишается гражданской основы, и тогда появляется необходимость в новом принципе. Христианство получает все более и более широкое распространение.

В христианском мировосприятии «природное» в человеке означает то, что следует всегда подавлять и взнуздывать. Христианский универсум прежде всего моральный. Человеческое грехопадение означало извращение морально-благостного миропорядка всего *ens creatum*. Поэтому от каждого человека требовалось соблюдение норм церковного вероучения, которое было неотделимо от обязательной для всех и каждого моральности, включающей в себя также и аскетику. В период распространения христианства общепринятым было мнение, что на этой грешной земле человек является всего лишь странником. В трактате «О Граде Божием» Августин порицает всех тех, кто сугубо земной план жизни предпочитал небесному. Мирское ставилось в противовес священному. Мирская изворотливость и ловкость «пользователей мира», ставящих частный интерес превыше Бога, осуждалась церковным сознанием. Церковь и светское общество осмысливались как атрибуты «единого мистического тела Христова». Поэтому светская власть была подсудна каноническому праву, а само «политическое тело» общества было в постоянной зависимости от Церкви. В непрерывных столкновениях светской власти с церковной в период Средневековья все большее значение получала власть как таковая, а не сама по себе Церковь с ее приходами. Уже в 1215 г. королевской власти в Англии была навязана Великая хартия вольностей.

В эпоху Возрождения принцип *habeas corpus* («можете взять тело») защищался как принцип автономности человеческого существа от сугубо церковной власти и как принцип гражданских прав, ограждающих каждого от произвола королевской власти. Формировалась новая политическая организация социума, которая уже не требовала от человека того, чтобы внимать самостоянию природы как таковой (античный полис), или заповедям Бога, заключающим в себе весь замысел сотворенного Им мира. Новая форма политической организации общества была призвана решать задачи предвосхищающего расчета и планирования событий, чтобы упреждать их заранее, контролировать и управлять ими, даже если они происходят стихийно.

Становление новой формы социальности требовало построения государства как художественного произведения. Государство как произведение искусства тем самым скорее неявно, чем явно, противопоставлялось божественному творению мира из ничего. Устранение самого церковного миропорядка с присущей ему изначально моральностью сопровождалось постоянной апелляцией к античному гражданству, то есть к демократиче-

скому полису греков и республиканскому Риму; к античной эстетике жизни как таковой. В этой связи Макиавелли предстает перед нами как законченный язычник с его верой в логику и всеисие политического разума. Он сознательный противник христианской религии и римской курии, в которых он видел не только причину политического упадка, но и источник нравственной деградации: «Мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам тем, что стали нерелигиозны и дурны»²⁰. Отсюда понятно, почему Цезарь Борджа с его ясностью ума и твердостью духа, несмотря на полное отсутствие моральных устоев, для Макиавелли гораздо в большей мере человек, нежели добрый и благороднейший его друг Содерини, который, «глупая душа», из-за своей слабости и неспособности удержать власть погубил республику. Мораль и религия, свобода и добродетель без точного расчета и волевого характера — все это отныне только пустая фраза.

Христианским идеалам Макиавелли противопоставляет античные образцы. Мирская слава для античности была высшим благом, поэтому греки и римляне смелее и решительнее в своих действиях. Блаженство обретал лишь тот, кто обретал славу в мирской жизни: философы, военачальники, правители государств, тогда как для средневекового христианства блаженство обретали люди смирения и созерцания. Величие духа, физическая сила и все то, что способно сделать людей смелыми, — все это выступало высшим благом для античности. Христианская же религия требует силы ради страдания, а не для того, чтобы совершить то или иное решительное деяние. Вот, вследствие чего, согласно Макиавелли, мир стал добычей злодеев, ибо набожные люди с их верой в лучшую, райскую жизнь бессильны им противостоять и склонны, по своей природной бездеятельности, терпеть злодеяния. Макиавелли мыслит, как римлянин времени Сципионов, с той лишь поправкой, что точный и умелый расчет, волевой и ясный ум, не замутненный никакими сверхъестественными элементами и фантазиями, составлял для него идеал политической мудрости. Все, что человека «размягчает», для него неприемлемо. Макиавелли восхищается «Историей» Полибия. До сих пор неизвестно, откуда он знал выдержки из шестой книги: напечатанный в Италии в 1475 году перевод включал лишь пять книг. Такая привязанность Макиавелли к Полибию говорит о многом. Макиавелли восхищался силой римской религии, считая ее, вслед за Поли-

²⁰ Макиавелли Н. Рассуждения. Кн. I. Гл. 12.

бием, одним из решающих условий величия Древнего Рима²¹. Римский правитель Нума изобрел римскую религию, чтобы опираться на ее авторитет для своих новых установлений. И Макиавелли считает религию сугубо человеческим изобретением для усиления мощи государства.

Восстановление величия Италии он связывает исключительно с монархией. Новые моральные принципы, включающие прочность клятвы и преданность, добропорядочность и предприимчивость в мирских делах, — установление этих принципов он связывает не с религией, а с воспитанием под контролем гражданского общества. Степень религиозности для Макиавелли имеет обратную зависимость: чем меньше религиозности, тем прочнее нравственность и гражданский порядок, тем быстрее достигает процветания «принципат», для которого как наука, так и политика функционируют «по ту сторону добра и зла». Именно в этом состоял основной пафос ренессансного сознания, обретающего свою основу в антропоцентрическом мировосприятии. Гуманистическая образованность, отменяя моральную «субстанцию» Средневековья, занимает место религиозного благочестия. Этика и моральное поведение лишаются своего священного значения в сравнении с «техникой» жизни и искусства, то есть техникой живописи, ваяния и архитектуры. Ренессанс снова выдвигает на первый план эстетику существования в противовес моральному миропорядку Средних веков. Другими словами, исчезала «этическая субстанция», в которой не нуждались ни Леонардо да Винчи, ни Микеланджело, ни Челлини, ни тем более Макиавелли.

Идея возможного материального благополучия и справедливости в период формирования политико-экономической реальности обретала, можно сказать, навязчивый характер. Основной становилась идея, что в сугубо земных условиях, причем только человеческими усилиями, можно устроить благоденствие и гарантировать тем самым каждому человеку «спасение», то есть устранить состояние «бездомности» и снова превратить мир в «родной дом» человеческого бытия. Все более действенной становилась предприимчивость, на первый план выдвигалась разумно-расчетливая деятельность, которая при экспансии рыночных отношений требовала устранения всяких запретов и границ. Таким образом происходила десакрализация мира, которая приводила к подчинению даже церковного сообщества (*universitas fidelium*) политико-экономической реальности.

²¹ Ср.: Рассуждения. Кн. I. Гл. 11; *Полибий*. Кн. XI. Гл. 56.

Макиавелли, по сути дела, как раз и есть основатель новоевропейской политологии как науки. Он объявляет «этическую субстанцию» средневекового миропорядка излишней для человека в его гражданском достоинстве. Макиавелли настаивает на том, что политическое «кредо», необходимое для конституирования устойчивого гражданского общества в условиях политико-экономических реалий, должно отвергать морально-религиозные требования. Макиавелли предлагает следующее: «...овладевая государством, захватчик должен обдумать все неизбежные жестокости и совершить их сразу... Дело в том, что обиды следует наносить разом, напротив, благодеяния надо делать понемногу, чтобы они лучше запечатлелись»²². И далее: «Я никогда не побоюсь сослаться на Цезаря Борджа и его образ действия»²³. Властвующий разум должен быть прежде всего действенным, поэтому он оказывается вне религии и морали, коль скоро религиозно-моральная мысль теряет свою эффективную действенность. Макиавелли впервые осознал политико-экономическую реальность в ее собственной самодостаточности. Он отделяет политику от религиозных верований и сугубо моральных поучений, поскольку в его время политика как таковая уже становилась не только искусством, но и «наукой», имеющей свой собственный метод. Для Макиавелли важным является не столько моральное совершенствование, сколько ясность ума, то есть осознание всех своих действий и проектов. Он формулирует ясные и отчетливые правила для руководства политического ума. В них религиозно-нравственные принципы принимаются лишь в той мере, в какой они способствуют утверждению и сохранению власти как таковой. Любые проекты истинны, если они эффективны и осуществимы.

Известно, что Декарт с его учением о методе является основателем новоевропейской науки как *mathesis universalis*. Однако эта наука с ее «правилами для руководства ума» уже в известной степени предвосхищалась Макиавелли, поскольку именно он создавал правила для властвующего ума, которые открывали совершенно новую сферу знания: знания-как-действия в политико-экономической реальности. Сам Макиавелли об этом пишет так: «Хотя по причине завистливой природы человеческой открытие новых политических обычаев и порядков всегда было не менее опасно, чем поиски неведомых земель и морей, ибо люди склонны скорее хулить, нежели хвалить по-

²² Макиавелли Н. Государь. М., 1996. С. 63.

²³ Там же. С. 74—75.

ступки других, я тем не менее, побуждаемый естественным и всегда мне присущим стремлением делать, невзирая на последствия, то, что, по моему убеждению, способствует общему благу, твердо решил идти непроторенной дорогой, каковая, доставляя мне доуки и трудности, принесет мне также и награду от тех, кто благосклонно следил за этими моими трудами»²⁴. И далее: «И если из-за скудости ума, недостаточной искушенности в событиях нынешних и слабого знания событий древних попытка моя окажется безуспешной и не слишком полезной, она все-таки откроет путь кому-нибудь другому, кто, обладая большею силою духа, большим разумом и рассудком, доведет до конца этот мой замысел...»²⁵. Создание государства как художественного произведения требует особой «техники» власти. Искусство и техника все еще неотделимы друг от друга. Всякое искусство изобретает свои собственные правила и средства для создания своего творения. Макиавелли в этой связи отмечал: «...в Италии... достаточно материала, которому можно придать любую форму», но не хватает людей, способных оформить Италию в единое государство как высшее художественное творение²⁶. Вот почему в «Государе», посвященном Лоренцо Медичи, Макиавелли формулирует правила построения государства как такого устройства подлинной гражданской жизни людей, в котором человеческие дарования и доблести не столько бы все расстраивали и сеяли смуту, сколько способствовали бы объединению всех людей в их гражданском согласии. Должны быть заложены надлежащие и прочные основания для государства как художественного произведения. Если такие основания не заложены заранее, пишет Макиавелли, то тем не менее при наличии великой *virtù*, то есть доблести, «это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего...»²⁷.

Во Флоренции XV столетия формируется новоевропейское политическое сознание. В этой связи Я. Буркхардт отмечает, что Флоренция этого времени заслуживает наименования «первого современного государства мира». «Здесь весь народ совершает то, что в княжеских государствах является делом одной семьи. Удивительный дух Флоренции, остро рассуждающий и одновременно художественно творящий, беспрерывно меняет

²⁴ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Кн. I. М., 1996. С. 113.

²⁵ Там же.

²⁶ Макиавелли Н. Государь. Гл. XXVI. М., 1996. С. 107.

²⁷ Там же. Гл. VII. С. 56.

политическое и социальное состояние общества и столь же беспрерывно описывает и судит его. Так, Флоренция стала родиной политических доктрин и теорий, экспериментов и интриг, но также, наряду с Венецией, и родиной статистики и прежде всего первой — ранее всех государств мира — родиной исторического изображения в современном смысле слова. К этому присоединилось впечатление от Древнего Рима и знание его историков...»²⁸ На протяжении многих столетий человек формировался и оставался тем, чем он был для Аристотеля, а именно: живым существом, способным к полисному существованию. Начиная с Возрождения, человек становится существом, жизнь которого в деле политики постоянно ставится под вопрос. И в императорском Риме, и в эпоху эллинизма вообще жизнь в политике всегда была неопределенной. Политика представляла во всем своем смертоносном блеске, поскольку уже тогда закон полностью стирался, а институты правосудия заключали в себе тенденцию к исчезновению.

В период Возрождения ставится вопрос о человеке в его достоинстве и величии. Подлинное основание этого вопроса следует искать не столько в специфике человека как живого существа и в его отношении ко всему иному существу, сколько в новом способе отношения к жизни и истории, к Церкви и искусству. «Окрестности» человеческого существования, пронизанные особой «техникой» знания и власти. Другими словами, сущность человека определяется его богатством и понимается в терминах потребностей и интересов, то есть в терминах осуществления всего возможного. Особое значение придается «ценности Тела» в политико-экономической реальности. Через эту ценность происходит политическая упорядоченность человеческой жизни. Если «дворянская аристократия утверждала особость своего тела, но это было утверждение по крови, то есть по древности родословной и по достоинству супружеских союзов», то буржуазия, с другой стороны, «дабы снабдить себя телом, напротив, смотрела с точки зрения потомства и здоровья своего организма»²⁹. Господство буржуазии, ее собственное самоутверждение зависело от безграничной экспансии силы, жизни и воли к власти; «она стремится дать себе некоторую сексуальность и на ее основе конституировать себе специфическое тело — “классовое” тело со своими особыми здоровьем, гигиеной, потомством и своей породой...»³⁰ Если история по-

²⁸ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 55.

²⁹ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 229.

³⁰ Там же.

стигается Макиавелли как художественная реальность, в которой не столько судьба, сколько человек является творцом своей собственной жизни, и в силу этого государство должно строиться как художественное произведение, создаваемое по определенным канонам и неотъемлемым правилам, то именно на этом основании он говорит и о возможности монархической власти, понимая властителя как суверенного творца и как искусного изобретателя. Как раз этим обстоятельством обусловлены его «правила для руководства политического ума». И здесь важно отметить следующее. Человек может осуществить только то, что он действительно знает. Знание и могущество человека, по словам Ф. Бэкона, совпадают³¹. Именно об этом гласит следующее его наставление: «Первое предписание: человек — мастер своей судьбы — должен умело пользоваться своей линейкой и правильно прилагать ее, то есть заставить свой ум определять значение и ценность всех вещей в зависимости от того, насколько они способствуют достижению им своих целей и своего счастья, заботясь об этом непрестанно, а не от случая к случаю. Удивительное дело, и тем не менее это неоспоримый факт, что существует очень много людей, у которых логическая часть ума (если можно так выразиться) действует хорошо, математическая же — очень плохо, то есть эти люди способны достаточно умно судить о тех последствиях, которые могут вытекать из того или иного поступка или действия, но они совершенно не знают цену вещам»³². О том же говорит и Декарт, когда он провозглашает, что «можно достичь знаний, весьма полезных в жизни, и что вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы»³³.

Поскольку практический разум заранее все рассчитывает и оценивает, постольку логика истины оказывается логикой адекватных в ситуационном плане суждений. Поэтому уже у

³¹ См.: Бэкон Ф. Новый Органон. Кн. 1 // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 12.

³² Там же. Т. 1. С. 485—486.

³³ Декарт Р. Рассуждения о методе // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 286.

Гоббса логика сводится к знаковому исчислению, у Лейбница она становится комбинаторикой, еще ранее Ф. Бэкон создает «Новый органон», а Р. Декарт — «Правила для руководства ума». Стремление к могуществу определяет теперь природу истины и характер ее познания. Когда Ф. Бэкон подчеркивает, что знание должно быть силой, уже тогда политико-экономические реалии выдвигаются на первый план не только в сфере человеческой жизнедеятельности, но и в практике научного познания всего сущего.

При дворе королевы Елизаветы макиавеллизм был очень модным поветрием. Ф. Бэкон, будучи тогда молодым, впечатлительным и честолюбивым юристом, всеми силами стремился добиться королевской милости. Он хорошо понимал, что не только должен находиться на уровне своего времени, но и даже опережать придворную методу мысли и поведения. Макиавеллизм не есть строго научная доктрина, а скорее определенный образ мировосприятия и мышления, такое жизненное кредо, которое диктуется некоторыми характеристиками человеческого естества. Отдельные стороны эпохи Возрождения он выразил лучше, чем кто-либо другой. Макиавелли приобрел известность тезисом: «Цель оправдывает средства». В протестантских странах от этого тезиса сначала приходили в ужас. Но потом к нему проявили академический интерес, а в XX столетии этим положением оправдывали любые преступления. Однако в Италии макиавеллизм воспринимался как вполне заурядное явление. Вся политико-экономическая жизнь Флоренции, Милана, Венеции и других областей Италии, включая Ватикан, была основана на осуществлении этого положения. Макиавелли, как уже об этом говорилось выше, извлекал свою политологию из собственного дипломатического опыта, из близкого знакомства с Цезарем Борджа и другими сильными мира сего. Подлость, вероломство, ложь, братоубийство, отравление, коварный расчет и т. д. — все использовалось политиками и плутократами ради наживы и захвата власти. Однако Макиавелли не просто констатировал беспринципность подобного положения вещей. Он был теоретиком, способным осмысливать беспринципную практику формирующейся политико-экономической реальности. Важно было указать цель и разъяснить, что следует понимать под надлежащими средствами ее достижения. Разъяснение Макиавелли были нетривиальными и весьма четкими. Его сочинение «Государь» — это своего рода политология, т. е. руководство по эффективному использованию государственной власти. Идеалом Макиавелли является твердый порядок, в ко-

тором осуществляется баланс сил и человеческих стремлений. Не столько власть сама по себе является целью, сколько строгое функционирование государственного механизма, который уподобляется искусно созданному произведению. Он учитывал стремление к удовольствиям, жадность, плотоядие и другие низменные стороны человеческой природы. Но для него все это было лишь вторично. Макиавелли настаивал на том, что могущественная власть государя должна утверждаться даже вопреки счастью подданных. Власть необходима не ради наслаждения жизнью, а ради организации ее по строго упорядоченной схеме. Интересы государства как художественного произведения и как четко отлаженного механизма должны быть выше отдельных интересов подданных. Сам государь должен постоянно трудиться, все иметь в виду и все рассчитывать. Любые эмоции и страсти Макиавелли рассматривал как такую данность, которую государь должен использовать в деле укрепления своей власти. Ф. Бэкон потом говорил, что для власти создан только тот, кто способен понять до конца человеческую природу.

Мы до сих пор не осознаем надлежащим образом господствующую ныне политико-экономическую реальность, которая определяет не только внешние обстоятельства, но и внутреннюю суть человеческого бытия с изначально присущим ему экзистированием. В этой реальности на первый план в сфере действия и познания выдвигается, как об этом уже говорилось выше, практический разум. Речь идет не о «практическом разуме» Канта, а об основном положении Маркса относительно практики как критерия всякой истины. Философия, которая в период Нового времени превращается в онтологию познания и в метафизику практического разума, имеет в своей основе «логос» антропоцентризма. В метафизике Канта он становится трансцендентальной логикой, а в спекулятивной диалектике Гегеля — «онто-тео-логией» (М. Хайдеггер). Логос разума, наделенного самодостаточной волей, развертывается в метафизике практического разума. И как раз в силу этого обстоятельства философия распадается на онтологию и теорию познания, на этику и эстетику, на философскую антропологию и культурологию. Продолжается до сих пор процесс поглощения философской мысли идеологией, которая осуществляет тотальную политизацию сознания. Еще совсем недавно философская мысль растворялась в логике и методологии научного познания (неопозитивизм), затем в структурализме и герменевтике. Возникает даже так называемая «философия по краям». Суть не в

том, чтобы выяснять основной логос антропоцентризма, получающего свое выражение в метафизике труда и воли к власти, которая во многом определяет ныне саму парадигму научного познания. И не в том суть, в какой степени внешняя власть воздействует на познание истины. Суть в тех эффектах власти, которые циркулируют в самом режиме научных положений и суждений. Сказано еще было Бэконом, что знание должно быть силой; что только такое знание может быть истинным, которое способствует возрастанию могущества человека над природой и социальной стихией. Коль скоро говорится о такого рода знании, то уже сам дискурс режима познания истины конституирует внутреннюю сущность власти как таковой. Проблема власти обычно постигается в юридических терминах (право, конституция, суверенность и т. д.), либо в терминах государственного аппарата как механизма подчинения и подавления. Об этом говорит марксизм в разных его вариантах и либерализм, рассуждающий постоянно о тоталитаризме. Однако механизм власти самой по себе остается для нас за «семью печатями» по той простой причине, что в современных условиях человеческого существования власть стремится к ментальной «нормализации» индивидуумов. Отсюда столь важное значение придается психологии, психоанализу и средствам массовой информации.

«Массовый человек» является легко внушаемым существом. Благодаря воздействию средств массовой информации ныне преобладают разного рода внушения. Имеет место феномен обширного коллективного внушения, который предопределяет весь набор отличительных признаков сознания современного человека. Исчезает инстанция самосознания, и все сводится теперь к интенции сознания. Однако сама эта интенция определяется журналистикой, телевидением и кинематографом. Все происходит так, как это намечал Макиавелли в своей политологии.

Макиавеллизм вовсе не есть аморальность как таковая; не есть просто беспринципность, если речь идет о сугубо нравственных отношениях или социально-политических идеалах. Макиавеллизм есть выражение властвующей воли, озабоченной установлением гражданского устройства общества как такого художественного произведения, которое может быть создано по каким угодно правилам, лишь бы эти правила способствовали устранению социального «беспредела» и утверждению законного порядка. Разумеется, эти правила выражают волю к могуществу в политико-экономической реальности. Такого рода

волю утверждал Наполеон во всех своих предприятиях. О такой воле говорил К. Маркс, выдвигая на первый план революционизм как таковой. Метафизику этой воли создавал Ницше. Этой метафизике труда и власти подчинял свое мышление В. И. Ленин. В прошлом ее воплощал и Мао Цзэдун в своей «культурной революции». Речь идет не просто о тех или иных доктринах, призванных поучать и наставлять. Речь идет о тактике и стратегии знания как власти, которое устраняет всякие препятствия ради собственного самоутверждения. В этом суть макиавеллизма и всей новоевропейской цивилизации. Макиавеллизм неотделим ни от новоевропейского монархизма, ни от новоевропейского революционизма, ни от большевистской революции и сталинизма, ни от «американизма», который пронизывает уже не только Западную Европу, но и современную Россию.

Вне феномена «макиавеллизма» невозможна вообще теория современной политологии, коль скоро она понимает создание государства как искусство, восстанавливающее по особым правилам законность, гражданский порядок и согласие, утраченные из-за всеобъемлющей гражданской войны, понимаемой в самом широком смысле. Политика, в основе которой лежит принцип власти, стремится реализовать свои цели какой угодно ценой, но при одном условии: если это позволяет экономика. Данное обстоятельство понимал даже Ленин. Поэтому, осознавая катастрофичность политики «военного коммунизма», он провозгласил программу новой экономической политики. Он понимал, что рыночная стихия, допускаемая в строго определенных рамках, способна стать такой силой, которая будет определять и политику. Политическое мышление Сталина было не менее «гениально», поскольку в борьбе за утверждение своей власти он не признавал не только никаких нравственных, но даже и экономических ограничений. Его стратегия коллективизации сельского хозяйства и затем индустриализации имела такой же смысл для экономики страны в целом, как каннибализм для улучшения питания.

Следует подчеркнуть, что в XVII и XVIII столетиях властные отношения утверждаются через свободное предпринимательство, которое создает свое собственное социально-экономическое пространство. Именно в этот период возникает новая технология власти, позволяющая социально облачать индивидуумов и их поступки в горизонте полезности и законности. В этом плане особенно интересны концепции «социального договора» Гоббса, Локка и Руссо. Эти концепции имеют свою со-

циально-экономическую основу. Они не есть просто измышления интеллектуалов или просто идеология буржуазного общества, как об этом говорили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии». Сущность «социального контракта» определяется свободной предпринимательской деятельностью в сфере экономики, которая утверждала себя в Западной Европе, начиная с XV столетия³⁴. В то же самое время формировалась и новоевропейская наука как свободное исследовательское предприятие. Начиная с XVII столетия, западные интеллектуалы, то есть философы, поэты и литераторы, притязали на непрерываемое для них право говорить от имени истины, добра и справедливости. Интеллектуал убеждал себя и постоянно уверял других в том, что он является выразителем «универсального разума» и «духа времени». В России интеллигенция облекла себя статусом выражения народной воли и совести. Марксизм в пролетариате обнаружил «субстанцию» народной воли и такого нерелективного сознания массовых производителей, которая может быть артикулирована только извне; причем интеллектом, уже заранее знающим свой политический выбор, имеющим ясные и отчетливые идеи и занимающим строго моральную и даже религиозно непрерываемую позицию.

Интеллектуал притязает быть фигурой универсального сознания, которое замутнено «коллективным духом» народа, нации, пролетариата и особенно крестьянства. Вот почему марксизм, включая его ленинский вариант, отвергал прежде всего национальное сознание и дух крестьянства. Народ слагается из пролетариата как производителя всех материальных благ. Задача интеллектуала в том заключается, чтобы сделать ясными и просветить интересы и потребности рабочего класса. Как носитель универсального сознания и как свободно мыслящий субъект, он противостоит, с одной стороны, недифференцированной «народной обывательской стихии»; с другой стороны — «компетентным» инстанциям, или «спецам», которые находятся на службе капитала и государства. Он выступает незаангажированным, якобы никем не купленным. И, в силу принятой на себя роли просветителя, вдохновителя и вождя, интеллектуал оказывается просто вынужденным быть писателем, художником и литератором вообще, противопоставляющим свое свободное познание истины, свое жертвенное служение добру, справедливости и красоте господствующим властным отношениям.

³⁴ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.

Но истина не есть привилегия тех, кто якобы достиг успеха в освобождении самого себя, выжимая, так сказать, по капле из самого себя раба, как об этом много говорили еще совсем недавно, однако сегодня уже почти никто и не вспоминает. Истина не есть вознаграждение, даруемое некоему свободному мыслителю, интеллектуалу и художнику, некоему свободному духу. Сама по себе и вне тех властных отношений, в которых раскрывается нам бытийность всего сущего, истина ныне не существует. Истина немыслима вне экспериментирования. Она не производится вне разнообразных форм контроля и принуждения.

Любое современное общество, будь оно тоталитарным или демократическим, имеет свою «политику» истины, поскольку именно общество образует свое пространство для определенного режима истины, для своего особого типа дискурса, который этот режим принимает как свой собственный, и который функционирует как истинный. Всегда присутствует особый механизм и те интенции, которые позволяют отличать истинные и ложные суждения, которые имеют характер средств и орудий санкционирования всего истинного и ложного, имея в виду те или иные социальные ситуации и события. В любом обществе есть своя техника и процедуры согласованной оценки в процессе принятия каких-либо решений и приобретения истины относительно политико-экономических реалий. Даже в тоталитарном обществе определяется статус тех, кто призван и обязуется выяснять все то, что считается истинным. Другими словами, в политико-экономической реальности истина не есть «открытость» в древнегреческом значении слова ἀλήθεια. Истина не есть *veritas* в средневековом смысле Откровения. Истина не есть достоверность как согласование суждений вещам как таковым. Истина теперь производится экспериментированием и подчиняется разнообразным формам контроля. Образуется тем самым особое пространство контролируемого режима истины. В политико-экономической реальности формируется, можно сказать, своя особая «политическая экономия» истины, которая характеризуется тем, что политика определяет экономику, по словам Ленина, а экономика, согласно Марксу, диктует свой режим производства истины. То, что теперь считается истиной, «депонируется» в форме научного дискурса в тех институтах, которые призваны заниматься делом ее производства и распространения.

Вот почему в наше переходное время ученые постоянно апеллируют к государству, к его бюджету и вообще к властным

отношениям. Они требуют поддержки для производства фундаментального знания. В противном случае, говорят они, не будет ни науки, ни, в конечном счете, нынешнего государства. О чем все это свидетельствует? Важно еще раз отметить, что познание истины и производство знания в политико-экономической реальности подвергаются непрерывному воздействию со стороны политико-экономических требований и проектов.

Требования истины теперь имеют такой же вездесущий характер, как и требования экономической продуктивности, включая требования к самой по себе политической власти, призванной все так или иначе регулировать и контролировать. Такого рода требования, а именно стремление к экономической эффективности и действенности политической власти, непрерывно циркулируют во всем социальном теле общества. Именно это тело должно подлежать всеобщему контролю. Другими словами, когда знание имеет характер силы, когда информация обретает значимость одной из самых важных ценностей, истина производится, распространяется и сохраняется под контролем политико-экономических реалий. Истина ныне имеет не столько характер знания в его философско-научном понимании, сколько характер информации. Как раз в силу этого обстоятельства современное индустриальное общество называют «информационной цивилизацией». В форме идеологической борьбы, которая приобрела характер информационной конкуренции, истина оказывается вопросом политических дебатов, а также непрерывных социальных коллизий. Парламентская система, охватывающая сегодня все больше и больше стран, способствует тому, что отныне имеют место постоянные столкновения за «истину» в ее сугубо информационном измерении. В таком измерении истины споры всегда ведутся вокруг «истины». Информационный режим истины выдвигает на сцену социального театра не столько интеллектуала и мыслителя, сколько публициста и журналиста; и в этом театре публицист играет роль скорее драматурга по заказу, нежели роль режиссера или хотя бы талантливого актера. Речь идет уже не столько об истине, которая должна быть открыта и получать затем строгое обоснование и вследствие этого приниматься, сколько о правилах игры, согласно которым истинное отделяется от ложного по степени его информационной значимости. Отныне происходит столкновение не на стороне «истины»; скорее имеет место постоянное столкновение относительно «статуса» и «режима» истины, имеющей теперь сугубо информационную значимость в политико-экономической реальности.

В философских концепциях прошлого столетия истина выражалась в разного рода системах, учениях и доктринах. В период так называемой социалистической революции в России Ленин опирался на учение Маркса. Он создал учение о партии, которая, согласно доктрине Маркса и Энгельса, призвана быть «авангардом рабочего класса». Ленин создал партию как команду «профессиональных революционеров». Он создал теорию «неравномерного развития капитализма», согласно которой из общей цепи капитализма вырывается «слабое звено». Если Маркс утверждал, что социалистическая революция возможна только в самой капитализированной стране, которая исчерпала все возможности наличных производственных отношений, то, с другой стороны, как полагал Ленин, революция возможна только там, где «звено» капиталистической системы оказывается наиболее слабым. Ленин на первый план выдвигал этап захвата власти и удержания власти во что бы то ни было. Именно для этой цели он создал теорию неравномерного развития капитализма. Затем возникла концепция построения социализма уже в отдельно взятой стране, причем в такой, где звено «капиталистической цепи» оказывается наиболее слабым. Тем самым он устранил доктрину Маркса, в которой основную роль социально-экономического развития и самой исторической реальности играла диалектика производительных сил и производственных отношений. Здесь истина существует в форме учения, в форме так или иначе обосновываемой доктрины. При этом подчеркивается закономерность социально-исторического процесса, причем якобы вне всякого произвольного вмешательства человеческого ума и воли.

Экономическому детерминизму Маркса противостоял волюнтаризм Ленина, а затем Сталина. Такого рода волюнтаризм, лежащий в основе политического мышления, присущ любым тоталитарным системам. Ленин говорил: «политика есть концентрированное выражение экономики»; тогда как Маркс подчеркивал преобладание экономики над политикой. Но даже и это учение Ленина о «слабом звене» и партии профессиональных революционеров не могло быть для Сталина непререкаемой доктриной. Ясно, что власть всегда ищет доктрину для самоутверждения и самооправдания. Но истина в форме учения и доктрины не всегда приемлема для власти, которая стремится быть тоталитарной. Важно подчинить себе любую доктрину, чтобы сделать ее достаточно диалектической, достаточно эластичной, чтобы пользоваться ею ради достижения тех или иных целей. Большевики во главе с Лениным шли к власти

под знаменем марксизма. Учение Маркса они использовали только ради оправдания своих акций. Марксизм был провозглашен истиной, имеющей характер обязательной доктрины. Однако уже Ленин ставил власть выше всякой «доктринальной истины». Он говорил: «марксизм — это не догма, а руководство к действию». Когда «истина» марксизма, включая ленинский вклад, стала превращаться в помеху для власти, Сталин начал расправляться со «жрецами» такого рода истины. Любого, кто защищал чистоту «буквы» марксизма, объявляли «начетчиками» и «талмудистами». Власть, если она становится тоталитарной, не нуждается ни в каких авторитетах. Она сама по себе становится авторитарной. В этой связи Макиавелли советовал властителю: «...в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места... А с чернью следует поступать так, как она этого заслуживает: проповедовать одно, делать другое; обещать, но не выполнять; казаться добродетельным, но не быть им; не просить, но приказывать; внушать страх, но не любовь; обижать сразу, благодетельствовать понемногу; не верить клятвам, полагаться на силу; выглядеть львом, походить на лису...»³⁵

Испанский мыслитель Ортега-и-Гассет изумлялся тому обстоятельству, что если марксизм, который претендовал на победу в наиболее развитом капиталистическом обществе, победил в России, где капитализм только еще набирал силу, то это величайший парадокс, «какой только мог случиться с марксизмом». Однако марксизм не опровергается такого рода остроумием. В России победил не марксизм, а большевизм, причем вопреки марксизму. Суть дела в том, что истина в форме научно обоснованного знания в политико-экономической реальности уступила место истине как идеологии и информации. Публицистика, средства массовой информации, разные формы агитации и пропаганды «штампуют» определенный тип сознания, создают тот настрой «массового» человека, который ныне есть просто «беспочвенное» существо. Таким существом можно манипулировать как угодно, а журналист, претендующий на «объективную» информацию, становится «журналюгой», использующим ради своих целей любую информацию. Истина, утратившая философско-научное измерение и превращаемая в значимость информационного порядка, редуцируется к разного рода оценочным суждениям, либо поддерживающих властный контекст общества, либо этот контекст устранивающих.

³⁵ Макиавелли Н. Государь. Гл. XVIII.

Такого рода «режим» истины своим основным условием имеет власть и деньги, то есть такой «логос» объективирующего мышления, который Маркс пытался ниспровергнуть, Ницше — устранить его мораль и религию; тогда как Ленин и Сталин ясно и отчетливо осознавали, что в современном обществе ради удержания власти речь идет не столько об истине в ее научно-философском осуществлении, сколько об информации, которую можно использовать в любое время и как угодно ради тех или иных целей. Следует еще раз отметить, что именно власть создает свой режим истины и производит необходимую ей информацию. Информация уже не столько добывается и приобретает, сколько просто фабрикуется.

Переход от тоталитарной системы власти и экономического режима к демократии означает разрушение сложившейся властвующей системы и социально-экономической структуры общества. В такой ситуации криминальный элемент оказывается единственной инстанцией, способной к инициативе и разного рода предприимчивости. Этому способствует сама властвующая структура тоталитарного общества, которая действует всегда вне всякого права, вне какого-либо закона. Для нее закон не писан; поэтому она сама по себе уже изначально имеет криминальный характер. Привычное лицемерие здесь уже не порок. В режиме тотального контроля и подчинения «лучше всего сочетать добрую славу человека чистосердечного... при случае — способность к скрытности, а в крайней нужде и к притворству»³⁶. В период революционных потрясений на первый план выходит, в силу разрушения властвующих и социально-экономических отношений, криминальность как таковая. Она становится повсеместным явлением. Так было в период Ренессанса, так было в эпоху Великой Французской революции. В более широких масштабах это происходит и ныне.

³⁶ Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 361—364.

КОММЕНТАРИИ

А. С. Алексеев

Макиавелли как политический мыслитель

Печатается по тексту: Алексеев А. С. Макиавелли как политический мыслитель. М.: Издание книгопродавца А. Л. Васильева, 1880.

Александр Семенович Алексеев (1851—1916) — профессор государственного права Московского университета. После заграничной командировки начал чтение лекций по истории политических учений. В 1880 г. получил звание магистра. В 1884 г. вновь был командирован за границу на год (чтение лекций по общему государственному праву и истории политических учений временно было поручено М. М. Ковалевскому), что дало ему возможность собрать большой материал для будущего его сочинения «Этюды о Ж.-Ж. Руссо» (1887). Кроме работ о Макиавелли и Руссо А. С. Алексеев написал книги «К учению о юридической природе государства и государственной власти» (М., 1908), «К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве» (Ярославль, 1910), а также целый ряд статей, помещенных в русских журналах («Вопросы права» и др.)

¹⁾ Я убежден в том, что величайшее благо, которое может быть принято и которое больше всего угодно Богу, — это то, что делается ради своего отечества. *Н. Макиавелли* (Речь о реформе Флорентийского государства).

²⁾ Лучшее, что может совершать человек, состоит не только в том, что он делает, а в том, к чему его побуждают высокие и благородные порывы души. *А. Фейербах*.

³⁾ В переводе на русский язык: *Виллари П.* Никколо Макиавелли и его время / Пер. Кригеля; Под ред. А. Волынского. СПб., 1914. Т. I. (Из трех томов труда Паскуале Виллари на русском языке был опубликован только один.)

⁴⁾ В июне 1489 г. Макиавелли был назначен канцлером второй канцелярии флорентийский Синьории и откомандирован в качестве секретаря в Коллегию Десяти, ведавшую иностранными и военными делами. Подробнее см. в статье А. К. Дживелегова, с. 507—575 наст. изд.

⁵⁾ «Князь» — общепринятый в XIX в. перевод названия трактата Н. Макиавелли «Il Principe»; теперь общепринятым переводом этого на-

звания считается «Государь», но некоторые переводчики используют название «Монарх».

⁶⁾ Едва ли найдется в истории философии и литературы еще одно такое имя, которое бы в большей мере то клеймили, то превозносили, гений, о котором бы так много писали и так плохо понимали, сочинения которого так часто цитировали и так мало читали, как имя, гений и сочинения Макиавелли. *А. Франк. (фр.)*

⁷⁾ *Поссевин.* Мы уже говорили в другом месте, что у Макиавелли не было недостатка в таланте и остроумии, но ему не хватало благочестия и знания вещей.

Иовий. Пусть не выражают недоумения, что ни в одном хоть сколько-нибудь незначительном ученом рассуждении, он не был способен писать по первоисточникам... Общеизвестно, что он, как он сам нам признавался по поводу Марцелла Вергилия... воспринял греческие и латинские языковые изыски, которыми пересыпал свои сочинения (*лат.*).

⁸⁾ Преступное орудие сатаны; мерзкий и к тому же нечестивый писатель (*лат.*).

⁹⁾ Подробнее о книге И. Жантийе см. статью И. Я. Эльфонда, с. 583—595 наст. изд.

¹⁰⁾ «Discorsi» («Рассуждения») — сокращенное название трактата Макиавелли «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», над которым он работал в течение 1513—1517 гг. Первая декада — первые десять книг «Истории Рима от основания города» Тита Ливия; вторая декада (кн. XI—XX) не сохранились, третья декада (кн. XXI—XXX) посвящена истории Второй Пунической войны. См.: *Ливий Т.* История города от основания мира. М., 1989. Т. 1.

¹¹⁾ *Руссо Жан-Жак* (1712—1778) — французский философ и писатель, композитор, представитель французского Просвещения. Своей социальной теорией исходил из тезиса о глубоком индивидуализме человека и неизменности его природы. Своеобразным «первородным грехом» человечества считал появление частной собственности — причины выхода из «естественного состояния», неравенства и подавления изначальной свободы каждого индивида. Выход из противоречий современного ему общества видел в равномерности распределения собственности, в переходе к гражданскому обществу и к правовому государству. Первое для него — результат договора равных лиц друг с другом, поскольку собственность превращает индивида в ответственного члена общества; второе — вырастает из понимания закона как «акта общей воли» народа, каждый член которого равноправен перед ним.

¹²⁾ *Монтескье Шарль Луи де Секонда* (1689—1755) — французский философ, писатель и историк, деятель французского Просвещения. Выступил с обоснованием географического детерминизма в понимании общества, согласно которому почва, климат, рельеф местности определяют дух народа. Выделял три формы организации государства: республику, где власть находится в руках всего народа или его части, монархию — у власти находится один человек, деспотию — власть принадлежит одному лицу, использующему ее по своему произволу. Обосновал принцип разделения властей, без которого невозможна политическая свобода.

¹³⁾ Итак, какая болезнь для тела республики может быть опаснее, чем рабство? Какое лекарство всего нужнее применять, дабы излечить ее от этого недуга? То могут быть лишь справедливые войны, необходимые ей; и средства эти мучительны, если нет надежды ни на что, кроме них. Я не знаю, где они больше необходимы, чем у нас; не знаю и того, какие еще муки могли бы превзойти те, что приходится переносить по причине рабства в своем отечестве. *Макиавелли (итал.)*.

¹⁴⁾ Вот до какой степени ослепляет людей судьба, когда она хочет, чтобы противились ее всесокрушающей силе! (Ливий. Кн. V. Гл. 37). См.: *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 291. Далее в комментариях все сноски на указанные сочинения Макиавелли даются по этому изданию.

¹⁵⁾ Ибо, когда в людях нет мужества, судьба любит показывать им свою власть (Рассуждения. С. 294).

¹⁶⁾ Обращаясь теперь к людям, ставшим властителями силой своей доблести, а не игрой счастья, я скажу, что самые замечательные — это Мойсей, Кир, Ромул, Тезей и им подобные... Изучая их жизнь и деяния, видишь, что они не обязаны судьбе ничем другим, кроме представившегося случая. Он дал материал, которому они могли сообщить форму, какую нашли годной (Государь. С. 53).

¹⁷⁾ Первая причина (лат.).

¹⁸⁾ Чистая доска (лат.).

¹⁹⁾ Действительно, нельзя не удивляться, какого величия достигли Афины в течение ста лет после освобождения от тирании Писистрата. Но еще удивительнее величие Рима после освобождения от власти царей. Причина понятна, потому что величие государств основывается не на частной выгоде, а на общем благосостоянии... Таким образом, люди равно заботятся и о частных, и об общественных выгодах, и вследствие этого удивительно преуспевают и те и другие (Рассуждения. С. 229, 232).

Народ неоднократно общим свободным решением вверял гражданам власть провести реформу правительства; но реформы эти никогда не приносили пользу обществу, а разве партиям, что не только не водворяло порядка, но и усиливало беспорядки (Там же. С. 203).

Однако чтобы не оставлять его нерешенным [вопрос о поведении Манлия как полководца], я думаю, что для гражданина, живущего в законах республики, поведение Манлия заслуживает большей похвалы и представляет меньше опасности, потому что оно стремится единственно к выгоде государства, а не внушается личным честолюбием; так как, будучи со всеми черствым и сообразуясь единственно с общественным благом, весьма трудно получить сторонников. Подобным поведением можно приобрести только особенных друзей, которых мы, как я уже сказал, называем приверженцами. Это до такой степени верно, что республика не сумела бы оценить поведения, которое представляет ей такие выгоды и которое, стремясь только к общественной пользе, не может быть заподозрено в личных и своекорыстных намерениях (Там же. С. 356).

Так что подобная манера поведения не может быть ни более полезной, ни более желательной при республиканском правлении; благодаря ей нет и не может возникать недостатка в общественном благе (Рассуждение о способе упорядочения дел во Флоренции).

²⁰⁾ О Фердинанде см. примеч. 73 к публикации работы В. В. Топор-Рабчинского, с. 658 наст. изд.

²¹⁾ Итак, флорентийцы раздирались двумя противоположными стремлениями: желанием завладеть Луккой и страхом перед войсками герцога. Как всегда бывает, страх оказался сильнее (*Макьявелли Н. История Флоренции*. М., 1987. С. 196; далее в комментариях все ссылки на «Историю Флоренции» даются по этому изданию).

Людьми управляют два могущественных двигателя: любовь или страх (Рассуждения. С. 351).

Люди ненавидят друг друга из страха или зависти (Там же. С. 223).

Люди ведь оскорбляют из страха или из ненависти (Государь. С. 60).

²²⁾ уйди прочь, а я займу твоё место (*фр.*).

²³⁾ Людям недостаточно бывает возвращения того, что было у них отнято, а нужно забрать себе чужое и отомстить (История Флоренции. С. 116).

До такой степени толпа всегда более склонна хватать чужое добро, чем защищать свое, и легче возбуждается расчетом на выигрыш, чем страхом потери (Там же. С. 160).

²⁴⁾ По завистливости человеческой природы открытие новых систем и истин было всегда так же опасно, как открытие новых вод и земель (Рассуждения. С. 113).

Люди ненавидят друг друга из страха или зависти (Там же. С. 223).

Всегда было и будет, что люди, замечательные своими доблестями и блистающие в республике, забываются в спокойное время; зависть, сопровождающая известность, заслуженную ими их высокими достоинствами, возбуждает против них множество граждан, считающих себя не только равными им, но даже выше их (Там же. С. 343).

²⁵⁾ Человек, глубоко оскорбленный обществом или частным лицом и не получивший удовлетворения, какого желает, будет стараться отомстить: если он живет в республике, он в возмездие станет стараться погубить ее; если живет под властью государя и хоть сколько-нибудь уважает себя, то не успокоится, пока не отомстит как-нибудь государю, хотя бы ясно видел, что месть эта сопряжена для него с опасностью и даже гибелью (Рассуждения. С. 289).

После этой необходимости [необходимости действовать или ждать гибели] людей всего сильнее возбуждают к мести оскорбления, наносимые им в их чести и имуществе, и государям больше всего следует заботиться от таких оскорблений. Государь не может до того ограбить человека, чтобы у него не осталось даже ножа для мести (Там же. С. 309).

²⁶⁾ В природе человека чувствовать себя обязанным и за добро, которое делает он сам, и за то, которое делается ему (Государь. С. 67).

Ведь когда люди видят добро от человека, от которого ждали только зла, они тем более признательны своему благодетелю (Там же. С. 65).

²⁷⁾ Это злоупотребление [имеется в виду пренебрежение народным правительством достойными людьми в мирное время] было для республики постоянно источником беспорядков, потому что граждане, думающие, что республика несправедлива к ним, и очень хорошо знающие, что это пренебрежение происходит только от мира и спокойствия, стараются произвести беспорядки и новые войны, несогласные с интересами республики.

Есть два средства предупредить это обстоятельство: или *удерживать всех граждан в бедности, чтобы богатство без доблестей не могло никого прельстить*, [или направлять все учреждения к войне] (Рассуждения. С. 344).

Мы говорили в другом месте, что одно из самых полезных учреждений для свободного образа жизни заключается в том, чтобы поддерживать бедных граждан. Хотя не видно, какое учреждение в Риме было предназначено для достижения этой цели, потому что аграрный закон встретил яростное сопротивление, однако мы видим, что, спустя четвереста лет после его учреждения, в Республике царила страшная бедность; *поэтому можно предполагать, что для достижения этой цели не было надобности ни в каких особенных учреждениях и было достаточно уверенности, что бедность не преграждает ни одному гражданину пути к почету и достоинствам и что добродетель будет всегда открыта, под какой бы кровлей она ни жила...* Здесь надо обратить внимание на две весьма важные вещи: первая — это то, что мы видим граждан счастливых в самой бедности и довольствующихся славой, которую им доставляла война, и предоставляющих государству все прочие ее выгоды. Между тем если бы они имели в виду разбогатеть посредством войны, то что бы значило для них, что их поля были бы запущены? Другая состоит в том, чтобы рассмотреть величие души этих граждан. Едва становились они во главе армии, как величие души поднимало их выше государей. Они презирали могущество государей и республик, и ничто не могло ослепить их или заставить упасть духом; но едва возвращались они к частной жизни, они делались умеренны, скромны, обрабатывали свои маленькие владения, подчиняясь судьям, уважая всех выше себя, — до такой степени, что кажется почти невозможным, чтобы характер человека мог подчиняться подобным изменениям. Эта бедность продолжалась еще до времен Павла Эмилия — последние счастливые дни Республики, — когда видели гражданина, победы которого обогатили Рим, самого жившим в бедности. В это время бедность была еще столь уважаема, что серебряная чаша, которую Павел Эмилий дал своему зятю, раздавая награды, назначенные гражданам, отличившимся в войне, была первой серебряной вещью, вошедшей в его дом. Можно было бы доказывать очень долго, до какой степени плоды, выработанные бедностью, выше плодов богатства и как первая прославляла республики, государства и даже религии, тогда как другое было причиной их гибели, если бы этот предмет не был уже разобран столько раз другими писателями (Там же. С. 360—361).

В благоустроенном государстве общество должно быть богато, но отдельные граждане бедны (Там же. С. 183).

Спарта, как я сказал, управлялась царем и сенатом, состоявшим из небольшого числа лиц, и могла существовать так долго потому, что малочисленность населения ее, недопущение в город чужестранцев и уважение, питаемое к законам Ликурга, которые всегда соблюдались, устранили все поводы к смутам и давали спартамцам возможность жить очень долго в согласии. Дело в том, что Ликург своими законами установил в Спарте имущественное равенство и неравенство общественных положений, так что все жили в равной бедности, и народ был тем менее честолюбив, что городские должности давались только весьма немногим гражда-

нам и что аристократия своими поступками никогда не возбуждала в нем желания лишить ее принадлежащего ей положения (Там же. С. 128).

²⁸⁾ Вторая причина, почему эти республики сохранили чистоту общественного быта, состоит в том, что они не допускают своих граждан принимать дворянские затеи и обычаи; они соблюдают у себя полнейшее равенство и ненавидят всех владетелей и дворян, существующих в их стране; если случайно кто-нибудь из знати попадется им в руки, они убивают его как начало развращения и повод к смутам. Чтобы объяснить, кого я разумею под именем дворян, замечу, что дворянами называются люди, праздно живущие обильными доходами со своих владений, не имея нужды заниматься земледелием или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республике и во всякой стране; из них особенно вредны те, которые имеют, сверх того, замки и покорных подданных. Королевство Неаполитанское, Римская область, Романья и Ломбардия полны подобными людьми. Поэтому в этих странах не может быть ни республики, ни вообще политического порядка, потому что это отродье — заклятый враг всякой гражданственности. В такой стране невозможно учредить республику; если хотеть ввести в ней какой-нибудь порядок, то остается только установить монархию» (Рассуждения. С. 212—213).

Во-первых, для того, чтобы гражданин мог оскорбить общественную свободу и захватить чрезвычайную власть, необходимо множество условий, которые невозможны в республике неразвращенной: ему необходимо быть необыкновенно богатым и иметь много приверженцев и последователей, что невозможно там, где соблюдаются законы (Там же. С. 178—179).

²⁹⁾ Дело в том, что благоустроенная республика никогда не смешивает проступки своих сограждан с их заслугами; она устанавливает награды за добрые дела и наказания за злые, и если тот, кто получил награду за хороший поступок, совершит потом дурной, то она наказует его, невзирая на какие бы то ни было его добрые поступки. Если порядок этот соблюдается точно, государство может долго жить свободно; иначе не замедлит погибнуть. Действительно, если гражданин, совершивший для отечества какой-нибудь блистательный подвиг, кроме славы, которую доставил ему этот подвиг, получит еще смелость и самоуверенность вследствие возможности делать зло, не боясь наказания, то в скором времени смелость его дойдет до того, что он будет пренебрегать всеми гражданскими постановлениями. Но, чтобы поддержать страх наказаний за дурные поступки, необходимо награждать за хорошие, как было в Риме. Если республика бедна и не может дать много, то это еще не изменяет дела, потому что, как бы дар сам по себе ни был ничтожен, если только он назначается в награду за какой-нибудь подвиг, то будет оценен и принят с радостью и уважением (Рассуждения. С. 165).

При свободном управлении почести и награды даются каждому за определенные заслуги, без которых никто не может получить никаких преимуществ (Там же. С. 152).

Верно, разумеется, что имеются разногласия, вредящие республике, а имеются и благоприятствующие ее существованию. Вредоносны для нее те, что приводят к возникновению враждующих между собой партий и групп; благоприятны — те, которые без этого обходятся. Поэтому, если

основатель республики не может воспрепятствовать появлению в ней раздоров, он обязан во всяком случае не допустить образования партий. В связи с этим надо отметить, что в любом государстве гражданам представляется два способа заслужить народное расположение: первый способ — общественное служение, второй — личные отношения и связи. Истинные общественные заслуги состоят в одержании военной победы, взятии города, в ревностном и рассудительном выполнении важного поручения, в мудрых и удачных советах по государственным делам. Выгоды, которых добиваются отдельные лица для себя и которые воспринимаются как их заслуги, достигаются ими путем поддержки того или другого гражданина, защиты его перед должностными лицами, помощи ему деньгами, предоставления ему незаслуженных почестей или же путем заволагования расположения черни щедрыми даяниями и устройством всевозможных игр. Именно такое поведение и приводит к возникновению партий и сект. И насколько вредит обществу полученное таким способом уважение, настолько же полезно истинное, достигнутое помимо всяких партий, ибо оно зиждется на общем благе, а не на частных выгодах. И хотя невозможно помешать разногласиям между гражданами из разных партий, эти разногласия, если они не поддержаны их сторонниками, преследующими свои личные цели, не вредят государству, более того — они ему полезны, ибо для того, чтобы одолеть соперника, надо деяниями своими возвеличить республику, а, кроме того, соперники из разных партий еще и следят друг за другом, чтобы ни один не мог нарушить гражданских установлений (История Флоренции. С. 268—269).

³⁰⁾ Дабы развить мою мысль, я прибавлю, что республика не может существовать без достойных граждан и счастливо управляться без их помощи. Но, с другой стороны, известность граждан полагает иногда начало тирании. Чтобы предотвратить это, следует учредить такой порядок, при котором репутация знаменитого человека была бы полезна и никогда не вредила бы ни государству, ни свободе. Поэтому надо рассмотреть пути, по которым следуют граждане, чтобы приобрести доверие. Этих путей два: поведение частное и поведение общественное. Общественное уважение приобретается посредством подавания хороших советов и еще более действиями для общественного интереса. Пути эти должны всегда быть открыты гражданам, и надо давать тем, которые следуют по ним, такие награды, чтобы они находили в них и славу и удовлетворение, и когда награда, приобретенная этими путями, чиста и справедлива, то она не может причинить никакой опасности. Но когда репутация есть плод частного поведения, которое есть другой путь, о котором мы говорили, то она очень опасна и вредна во всех отношениях. Частное поведение состоит в том, чтобы оказывать услуги тому или иному гражданину, одалживая ему деньги, или выдавая замуж его дочерей, или защищая его против судей, или же осыпая его всеми благодеяниями, которые превращают его в своего сторонника и дают смелость тому, кто приобрел этим путем расположение народа, развращать его и насиловать законы. Таким образом, хорошо устроенная республика должна, как мы уже сказали, открывать все пути тому, кто ищет любви народа на публичной стезе, но она должна преграждать их тем, кто следует частными путями. Так действовал Рим, устраивая для тех, поступки которых были полезны обществу, триумфы

и все те почести, какими только он чествовал своих граждан; между тем он постановлял обвинения против тех, кто под разными предложениями старался возвыситься посредством частных действий (Рассуждения. С. 365—366).

Республикам пагубны только должности и власти, устанавливаемые незаконными путями или средствами; законные же не могут быть пагубными (Там же. С. 178).

³¹⁾ Отсюда видно, что один из недостатков народного правительства состоит в том, что оно пренебрегает в мирное время достойными людьми. Это пренебрежение вдвойне оскорбляет их: во-первых, потому, что они лишаются заслуженного места, а во-вторых, потому, что людей презренных или менее способных ставит равными им и даже выше их. Это злоупотребление было для республики постоянно источником беспорядков, потому что граждане, думающие, что республика несправедлива к ним, и очень хорошо знающие, что это пренебрежение происходит только от мира и спокойствия, стараются произвести беспорядки и новые войны, несогласные с интересами республики. Есть два средства предупредить это обстоятельство: или удерживать всех граждан в бедности, чтобы богатство без доблестей не могло никого прельстить, или направлять все учреждения к войне, чтобы быть всегда готовым к ней и постоянно чувствовать потребность в полезных людях, как это делал Рим в первое время своего существования (Рассуждения. С. 343—344).

³²⁾ Я убежден в том, что величайшее благо, которое может быть принесено и которое больше всего угодно Богу, — это то, что делается ради своего отечества (Речь о реформе Флорентийского государства).

Козимо. Что же вы хотели бы ввести похожее на древние нравы? *Фабрицио.* Почитать и награждать доблесть, не презирать бедность, уважать порядок и строй военной дисциплины, заставить граждан любить друг друга, не образовывать партий, меньше дорожить частными выгодами, чем общественной пользой (О военном искусстве. С. 408).

³³⁾ В первопубликации номер книги не указан.

³⁴⁾ Никакого лекарства от этой беды нет, ибо обезопасить свое господство могут лишь властители, у которых немного врагов, коих легко обезвредить, послав на смерть или в изгнание. Но когда ненависть окружает тебя со всех сторон, не может быть никакой безопасности, ибо не знаешь, откуда грозит удар, а, опасаясь всех, нельзя доверять никому. Стараясь избавиться от угрозы, только усугубляешь опасность, ибо все обиженные разгораются еще большей враждой и еще яростней готовы мстить. Нет сомнения, что время не может заглушить жажду свободы, ибо сколь часто бывали охвачены ею во многих городах жители, никогда сами не вкушавшие ее сладости, но любящие ее по памяти, оставленной их отцами, и если им удавалось вновь обрести свободу, они защищали ее с великим упорством, презирая всякую опасность. А если бы даже этой памяти не завещали им отцы, она вечно живет в общественных зданиях, в местах, где вершили дела должностные лица, во всех внешних признаках свободных учреждений, во всем, что стремятся на деле познать все граждане (История Флоренции. С. 90).

³⁵⁾ В первопубликации номер главы не указан.

³⁶⁾ Размышляя о том, почему древние народы были больше нашего преданы свободе, я прихожу к убеждению, что это зависит от той же причины, по которой нынешние люди менее сильны: это зависит от разницы воспитания, которая, в свою очередь, проистекает от различия религии древней и нашей. Наша религия показывает нам истину и участь справедливой жизни, чем заставляет меньше ценить светские выгоды, которые для язычников были выше всего, в которых они полагали свое высшее благо, и потому в поступках своих они были более жестоки, чем мы. Это видно во всех их обычаях, начиная от великолепных жертвоприношений, между тем как у нас жертвоприношения так скромны, что отличаются более чувством, чем великолепием, и не имеют в себе ничего жестокого и возбуждающего храбрость. Обряды их были пышны и торжественны, но сопровождались кровопролитием и жестокостями; они убивали множество животных, и эта ужасная бойня возбуждала кровожадность людей. Притом древняя религия боготворила только людей, покрывшихся светской славой, как, например, полководцев и правителей. Наша же религия признает святыми большею частью людей смиренных, более созерцательных, чем деятельных. Наша религия полагает высшее благо в смирении, в презрении к мирскому, в отречении от жизни, тогда как языческая религия полагала его в величии души, в силе тела и во всем, что делает человека могущественным. Наша религия если и желает нам силы, то не на подвиги, а на терпение. Это новое учение, как кажется, обессилило мир и предало его в жертву мерзавцам. Когда люди ради рая предпочитают переносить всякие обиды, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще (Рассуждения. С. 230—231).

³⁷⁾ Ведь события настоящего захватывают людей много больше, чем дела минувшие, и когда люди в настоящем находят благо, то радуются этому и не ищут другого (Государь. С. 102).

Не думайте, что люди и вправду спокойно вернутся к привычному образу жизни: это справедливо лишь в том случае, когда прежняя жизнь нравится больше, чем новая; но если она нравится меньше, то возврат к ней возможен исключительно насильственным путем (Речь о реформе Флорентийского государства).

³⁸⁾ И если особенные пороки не сделают его [т. е. наследственного князя] ненавистным, то вполне в порядке вещей, что подданные естественно будут желать ему добра. За давностью и непрерывностью господства исчезает даже воспоминание о бывших когда-то переворотах и об их причинах; всякая же перемена, раз происшедшая, всегда и неизбежно влечет за собой другую (Государь. С. 42).

³⁹⁾ Чтобы уверенно владеть ими, достаточно истребить род правившего князя; если во всем прочем оставить им старые порядки, то, при отсутствии различий в нравах, люди живут спокойно (Государь. С. 43).

Люди вообще, привыкнув к какому-нибудь порядку, неохотно меняют его, а тем более если зло не совершено явно и если приходится доказывать его разными доводами (Рассуждения. С. 158).

⁴⁰⁾ Кто овладел властью в городе или государстве, особенно если основание его власти непрочное, и если он не хочет терпеть ни монархического, ни республиканского гражданского порядка, то лучшее средство удержать свое господство — переделать все в государстве на новый лад, как

только получит власть. Так, например, ему следует учредить в городе новое правление под новыми названиями, с новыми правами, из новых людей; сделать бедных богатыми, как поступил Давид, сделавшись царем: «Алчущих исполнил благ, а богатыщихся отпустил ни с чем» (Лк. 1, 53); воздвигнуть новые города, разрушить прежние, переводить жителей с места на место (Рассуждения. С. 167).

⁴¹⁾ Поэтому не стоит придавать особенную важность тому, что говорит народ о своих добрых или дурных намерениях; если расположение его хорошо, то, конечно, следует поддерживать его в нем; а если злостно, то препятствовать ему нанести вред. Злым расположением народа можно называть то, которое вытекает из иного источника, чем потеря его свободы или любимого государя, еще находящегося в живых; злое расположение, проистекающее из этих причин, конечно, страшнее всего и требует больше всего силы для его подавления, тогда как всякие другие неудовольствия легко укрощаются и при отсутствии возбуждающего их вождя (Рассуждения. С. 215).

Все зависит от того, основано ли преобразуемое государство на насилии или нет. Если оно основано и держится силой, существование его нарушает интересы большинства, и, когда оно сокрушается, весьма естественно, что оскорбленные им жаждут мести; отсюда происходит кровопролитие и много людей погибает (Там же. С. 325).

⁴²⁾ Кто намерен или желает преобразовать государство, с тем чтобы преобразования его были приняты с удовольствием всеми, необходимо должен сохранить по крайней мере тень древних учреждений так, чтобы народ и не подозревал о перемене порядка, хотя бы в действительности новые учреждения не имели ничего общего с прежними (Рассуждения. С. 166).

⁴³⁾ По самому своему устройству она [республика] всегда действует медленнее, и потому ей труднее нарушить свои обязательства (Рассуждения. С. 221).

⁴⁴⁾ Желания же народов свободных редко вредят свободе, потому что возбуждаются или угнетением, или подозрением, что их желают угнетать (Рассуждения. С. 124).

Народ желает двух вещей: во-первых, отомстить тому, кто стал причиной его рабства; во-вторых, восстановить свою свободу... Что касается до другого желания народа — восстановить сою свободу, то государь не может его удовлетворить и должен рассмотреть, какие причины побуждают народ желать свободы. Он найдет, что весьма немногие желают свободы из властолюбия; огромное большинство желает свободы для безопасности (Там же. С. 152—153).

Кроме того, нельзя добросовестно удовлетворить знатных, не обижая других, а народ можно, потому что цели у народа более правые, чем у знати. Она хочет угнетать, а народ — не быть угнетенным (Государь. С. 64).

Если не трогать имущество и честь людей, то они вообще довольны жизнью (Там же. С. 86).

⁴⁵⁾ Люди никогда не соглашаются на новый закон, водворяющий в городе новый порядок, если не будут вынуждены крайней необходимостью (Рассуждения. С. 118).

В самом деле, не было ни одного законодателя и вообще основателя в народе новых установлений, который не ссылался бы на Бога, потому что иначе учреждения его были бы отвергнуты, ибо только мудрый человек может видеть множество преимуществ, не имеющих в себе достаточно очевидности, чтобы в них точно так же убедились и другие (Там же. С. 142).

От свойственного людям неверия, так как они не верят в новое дело, пока не увидят, что образовался уже прочный опыт (Государь. С. 53—54).

⁴⁶⁾ Народ лучше сохраняет существующие учреждения, так что сами законодатели отчасти обязаны постоянству народа славою прочности своих учреждений... Когда народ возненавидит какое-нибудь учреждение, он целые века пребывает в своем убеждении: иное дело государи (Рассуждения. С. 218—219).

⁴⁷⁾ Без сомнения, рассматривая в этом отношении знать и простонародье, мы убеждаемся, что первые одержимы желанием господствовать, тогда как вторые хотят только не быть угнетенными; следовательно, они более любят свободную жизнь и менее знатных имеют средств на похищение свободы в свою пользу. Таким образом, поручая народу охранять свободу, можно надеяться, что он будет больше о ней заботиться и, не имея возможности сам завладеть ею, не позволит захватить ее и другим (Рассуждения. С. 125).

⁴⁸⁾ Что касается благоразумия и постоянства, то народ всегда умнее, постояннее и рассудительнее государя. Не без причины называют глас народа гласом Божиим: в самом деле, предсказания общественного мнения часто так удивительны, что как будто бы оно свыше получает дар предвидения доброго и худого (Рассуждения. С. 218).

Правда, народы, как говорит Туллий [Цицерон], невежественны, но они всегда способны признать правду и легко уступают, когда человек, достойный доверия, показывает им истину (Там же. С. 124).

⁴⁹⁾ Замечу еще, что умному человеку нет причины избегать народного суждения в частных вопросах, как, например, в даровании ему какого-нибудь звания или должности, потому что в этих вещах народ не ошибается, а если и ошибается, то очень редко, по крайней мере гораздо реже всякого многочисленного собрания, которому была бы поручена раздача должностей и званий (Рассуждения. С. 201).

Также при выборе чиновников он действует гораздо удачнее государя; его никогда не убедишь, что полезно возвести в должность какого-нибудь подлеца или развратника, тогда как есть тысяча легких средств убедить в этом государя (Там же. С. 218).

⁵⁰⁾ Дело в том, что масса не способна учредить порядка потому только, что по различию мнений никак не может познать, что всего лучше (Рассуждения. С. 137).

Действительно, рассматривая это обстоятельство, мы находим, что оно зависит от того, что люди гораздо реже ошибаются во взгляде на частный случай, чем в суждениях об общих вопросах» (Там же. С. 199).

⁵¹⁾ Во-первых, народ, увлеченный мнимыми признаками выгоды, нередко сам стремится к гибели, и если не найдется никого, кто, имея на него влияние, указал бы ему ожидающие его бедствия, то республика подвергнется крайней опасности. Если случится, что вследствие частых

обманов со стороны людей или обстоятельств народ потерял доверие и не слушается никого, то гибель государства неизбежна... Впрочем, рассматривая, к чему легко и к чему трудно подговорить народ, надо делать различие: во всяком предлагаемом ему деле народ видит на первом плане выигрыш или проигрыш, честь или позор. Если в предлагаемом деле он видит выигрыш, он обратится к нему, хотя бы впоследствии из этого вышла его гибель; если видит честь, последует внушению, хотя бы предложение, обольстительное по внешности, скрывало величайшую опасность для республики. С другой стороны, предложение, представляющееся на первый взгляд убыточным или бесчестным, очень трудно провести в народе, хотя бы оно заключало в себе его спасение и выгоду (Рассуждения. С. 208).

Большинство людей гораздо более боится внешности, чем сущности, и очень нередко мнимое производит на них гораздо большее впечатление, чем действительное (Там же. С. 166).

⁵²⁾ Люди, против которых был направлен этот приказ, сначала смеялись над ним; но, когда настал срок повиноваться ему, все повиновались. Тит Ливий говорит по этому поводу: «Была назначена смертная казнь, сразу превратившая ожесточенную толпу в разобщенных людей, послушных каждый своему страху» [VI, 4]. Действительно, в этом примере как нельзя лучше выразились все свойства масс. Они всегда смело говорят против своих правительств, но, увидев угрозу, немедленно повинуются, потому что люди, составляющие народную массу, лишены уверенности в содействии друг друга (Рассуждения. С. 215).

⁵³⁾ Читая историю республик, мы видим всюду примеры их неблагодарности своим гражданам (Рассуждения. С. 168).

⁵⁴⁾ Желание сохранить свободу ведет в числе прочих ошибок к оскорблению граждан, заслуживающих награды, к заподозрению достойных доверия (Рассуждения. С. 171).

⁵⁵⁾ Неудивительно также, что народы предаются неумеренному мщению против похитителей свободы (Рассуждения. С. 230).

Однако князь должен внушать страх таким образом, чтобы если не заслужить любовь, то избежать ненависти, потому что вполне возможно устрашать и в то же время не стать ненавистным. Он всегда этого добьется, если не тронет ни имущества граждан и подданных, ни жен их. Когда придется все же пролить чью-нибудь кровь, это надо сделать, имея достаточное оправдание и явную причину, но больше всего надо воздерживаться от чужого имущества, потому что люди забудут скорее смерть отца, чем потерю наследства (Государь. С. 82—83).

⁵⁶⁾ Так как они [дворяне] дальновиднее и хитрее, то всегда находят возможность вовремя спастись и стараются заручиться благосклонностью ожидаемого победителя (Государь. С. 64).

⁵⁷⁾ Таким образом, мы видим, что зло тирании произошло в Риме по тем же причинам, которые возбуждают его всегда во всех государствах, а именно от излишнего желания народа быть свободным и от излишнего желания аристократии властвовать (Рассуждения. С. 192).

Власть народных трибунов в Риме была очень велика, но это было необходимо... Как же можно было бы без нее обуздать честолюбие патри-

циев, которое развратило бы республику гораздо раньше того времени, когда она стала действительно клониться к упадку? (Там же. С. 333).

⁵⁸⁾ Государи могут лучше народа быть законодателями, устроителями новых порядков и установлений (Рассуждения. С. 219).

Для постепенных преобразований необходимы мудрые люди, которые подмечали бы порчу учреждений издалека и как только она возникнет (Там же. С. 158).

Что касается внутренних условий обновления, они могут зависеть или от законов, заставляющих правительственные лица давать часто отчеты в своих действиях, или от какого-нибудь великого человека, который, являсь между гражданами, своим примером и своими подвигами сделал бы для них то же, что в других случаях делают мудрые законы (Там же. С. 301).

⁵⁹⁾ Мудрость и добродетель человека, овладевшего властью, проявляются в том, что он, учредив государство, не передает его наследственно своему потомству, ибо люди более склонны ко злу, чем к добру, и наследник его может воспользоваться для своего личного честолюбия властью, которой он сам пользовался добродетельно. С другой стороны, если один человек может устроить государство, оно будет недолговечно, если порядок, учрежденный в нем, таков, что всегда требует одного правителя; государственный порядок хорош только тогда, когда предоставлен попечению большинства и когда охранение его вверено большинству (Рассуждения. С. 137).

⁶⁰⁾ Но жизнь государей коротка, и по смерти их государство все-таки падает, не имея более опоры в их добродетелях. Отсюда следует, что государство, зависящее только от добродетели одного человека, недолговечно, потому что со смертью его лишается всякой опоры, так как очень редко случается, чтобы его добродетель возродилась в его наследнике, как мудро говорит об этом Данте: «Нечасто доблесть, данная владыкам, восходит в ветви; тот ее дарит, кто может все в могуществе великом» [Чистилище. Песнь VII, 121—123] (Рассуждения. С. 143).

Можно считать несомненным, что если бы третьим царем римским был человек, не способный восстановить оружием воинскую славу своего народа, последнему было бы невозможно или по крайней мере очень трудно стать в стране твердою ногою и совершить все подвиги, которые он совершил. Таким образом, пока Римом правили цари, ему постоянно грозила опасность упадка при правителе слабом и порочном. Изгнав царей, Рим избавился от опасности, которая... грозила ему от них, в случае, если бы в нем воцарился правитель слабый или порочный. Верховная власть перешла к консулам, которые не получали ее ни наследственно, ни интригами и ни честолюбивым насилием, а по свободному выбору и потому были всегда люди самые лучшие (Там же. С. 160—161).

⁶¹⁾ Все, что государь делает в свою пользу, оскорбляет интересы общества, а что делает для общества, то невыгодно ему лично. Притом ему не для кого подчинять или делать данниками завоеванные им государства тому городу, где он царствует, потому что ему невыгодно делать его слишком могущественным; дело тирана — сеять раздоры и стараться, чтобы завоеванные им страны и области подчинялись только ему, а не его государству (Рассуждения. С. 229).

Народ преследует своей жестокостью людей, которых подозревает в намерении овладеть общим достоянием, а государь — тех, кого считает опасным своим личным выгодам (Там же. С. 219).

⁶²⁾ Но так как впоследствии вожди сделались наследственными, а не избираемыми, то тотчас же начали вырождаться; покинув добродетели своих предков, они стали думать, что дело государя только затмевать прочих пышностью, сладострастием и другими подобными качествами (Рассуждения. С. 119).

⁶³⁾ Государь, освобожденный от уз закона, будет неблагодарнее, переменчивее и безрассуднее всякого закона... Государь еще гораздо чаще вводится в заблуждение своими личными страстями, которые у него гораздо многочисленнее, чем у народа... Это потому, что распущенный и бунтующий народ легко уговорить и возвратить его на добрый путь, тогда как злого государя не уговоришь и против него, кроме меча, нет никакого средства. Поэтому можно судить, чьи недостатки вреднее: народ можно исправить словами, а против государя нужно прибегать к мечу, стало быть, всякий может судить, что то зло сильнее, которое требует более сильного средства (Рассуждения. С. 218—219).

⁶⁴⁾ Если бы даже явился тиран добродетельный, который своим умом и энергией распространил бы пределы своего государства, то для страны и это было бы бесполезно; вся выгода была бы только для самого тирана; ему и нельзя возвышать честных граждан, страдающих под тиранией, потому что они немедленно восстанут против него (Рассуждения. С. 229).

⁶⁵⁾ Нет иного способа избежать этих бедствий, как сделать так, чтобы законы в городе были постоянными; а постоянными они будут в том случае, если у каждого будут под рукой и каждый будет знать, что ему нужно делать и чему следует доверять, и если ни один гражданин, какое бы положение он ни занимал, не будет хотеть новшеств, движимый страхом или же честолюбием (Речь о реформе Флорентийского государства).

⁶⁶⁾ Если бы Фабий был царем римским, он, может быть, был бы побежден в этой войне, потому что он не умел бы менять свой образ действия, сообразуясь с различными обстоятельствами. Но он родился в республике, в которой были различные граждане и очень разнообразные характеры; таким образом, как Рим имел Фабия, человека самого полезного в то время, когда нужно было только поддерживать войну, так он имел впоследствии Сципиона для того времени, когда надо было окончательно восторжествовать. Из этого следует, что республика имеет больше жизненных элементов и пользуется большим счастьем, нежели монархия, так как она, имея граждан различного характера, может лучше сообразовываться с обстоятельствами, нежели монархия. Человек, привыкший действовать только известным образом, никогда не меняется, как я уже говорил: если обстоятельства делаются противоположными его привычкам, он необходимо потерпит неудачу (Рассуждения. С. 328).

Чего же должна достигнуть республика, имеющая возможность обладать не только двумя хорошими правителями, но и длинным рядом самых превосходных вождей, преемственно следующих друг за другом? А такое преимущество возможности иметь хороших правителей бывает в каждой хорошо устроенной республике (Там же. С. 161).

⁶⁷⁾ Нетрудно понять, откуда происходит такая любовь народа к свободе, потому что опыт показывает, что государства приобретают могущество и богатство только в свободном состоянии... Причина понятна, потому что величие государств основывается не на частной выгоде, а на общем благосостоянии... Неудивительно поэтому, что древние нации так ненавидели и преследовали тиранов, так любили свободу... Ибо все страны и области, пользующиеся свободой, выказывают во всем чрезвычайные успехи. Народонаселение там многочисленнее, потому что браки свободнее и все их желают. Каждый гражданин радуется рождению детей, которых может прокормить; он уверен, что никто не лишит их наследства, знает, что дает жизнь не рабам, а людям свободным, которые, смотря по своим достоинствам, могут достигнуть высшего значения в стране. Богатства, создаваемые земледелием и промышленностью, возрастают в изобилии. Каждый охотно старается приобрести и приумножить достояние, которым надеется спокойно пользоваться. Таким образом, люди равно заботятся и о частных, и об общественных выгодах, и вследствие этого удивительно преуспевают и те и другие (Рассуждения. С. 229—232).

Притом государства, где господствует народ, делают гораздо более быстрые и обширные завоевания, чем государства, управляемые монархом, например, Рим после изгнания царей и Афины после низвержения Писистрата (Там же. С. 219).

⁶⁸⁾ Общая польза, без сомнения, соблюдается только в республиках; в них выполняется беспрепятственно все, имеющее в виду благо всех (Рассуждения. С. 219).

⁶⁹⁾ Мы сказали выше, что злоумышленник не может достигнуть своей цели в республике, не страдающей развращением нравов... Я полагаю, что во всей истории Рима нельзя найти лучшего доказательства превосходства всех учреждений этой республики, как судьба Манлия. Здесь мы видим, что гражданин, отличающийся самыми блистательными достоинствами, прославленный в частной и общественной жизни множеством знаменитых подвигов, не находит слова в защиту свою, потому что патриотизм заглушает все посторонние соображения. Все более думают об опасностях, которыми он грозит будущему, чем о заслугах его для прошлого, и ставят смерть его непременно условием своей свободы. «Такой конец обрел муж, чье имя, родился он не в свободном государстве, было бы прославлено», — заключает Тит Ливий [VI, 20] (Рассуждения. С. 325—326).

⁷⁰⁾ Выдающиеся люди чаще встречаются в республиках, где таланты в большем почете, чем в монархиях, где их боятся. Там воспитывают дарования, а здесь — их истребляют (О военном искусстве. С. 455).

⁷¹⁾ При свободном управлении почести и награды даются каждому за определенные заслуги, без которых никто не может получить никаких преимуществ; но при этом всякий, получивший награждение за свои подвиги, считает себя обязанным не государству, а только самому себе (Рассуждения. С. 152).

⁷²⁾ Итак, не будет крепкой та республика или монархия, если ее правитель не правит осмотрительно и не заботится о том, чтобы после его смерти сохранился установленный им порядок (Рассуждения. С. 119).

Можно назвать счастливою ту республику, где явится человек до того мудрый, чтобы законы, которые он ей даст, обеспечивали бы суще-

ствование каждого, и чтобы в них не нужно было ничего исправлять... Напротив, несчастлив тот город, который не найдет мудрого законодателя и будет принужден сам распорядиться своими учреждениями. Но из них всех несчастнее тот, который более всех чужд порядку; то есть тот, чьи учреждения более всех удалены от прямого пути, который мог бы привести его к совершенной и истинной цели; такому городу почти невозможно найти благоприятный случай, который помог бы ему возвратиться на истинный путь. Другие же, учреждения которых хотя несовершенны, но которые зато исходят из хорошего начала и способны совершенствоваться, могут достичь лучшего порядка при благоприятном стечении обстоятельств (Там же. С. 118).

⁷³⁾ Надо принять за общее правило, что никогда или почти никогда ни одна республика и ни одно царство не было хорошо устроено или преобразовано вновь на прежних своих основаниях, от которых отклонилось, если основателем его не было одно лицо; необходимо, чтобы воля одного давала государству его порядок, и чтобы единичный ум распорядился всеми его учреждениями. Вот почему мудрый учредитель республики, одушевленный одним желанием услужить не лично себе, а общественной пользе, заботящийся не о наследниках своих, а об общем отечестве, должен всеми силами стараться достигнуть единовластия; ни один умный человек не будет упрекать его, если при устройении государства или при учреждении республики он прибегнет к каким-нибудь чрезвычайным мерам (Рассуждения. С. 136—137).

⁷⁴⁾ Я полагаю, что не будет противоречивым и неуместным после изложенного в предыдущей главе рассмотреть здесь, может ли развращенное государство сохранить своеобразный порядок, если обладает им, или если не обладает, то может ли оно водворить его у себя. Относительно этого вопроса я утверждаю, что и то и другое очень трудно (Рассуждения. С. 156).

⁷⁵⁾ Для основания республики в стране, где дворянство многочисленно, необходимо совершенно истребить его (Рассуждения. С. 213).

Чтобы установить республику в Милане, где имеет место быть сильное неравенство, следовало бы пожертвовать всей этой знатью и уравнивать ее с другими (Речь о реформе Флорентийского государства).

⁷⁶⁾ Как трудно народу, привыкшему жить под монархической властью, сохранить потом свободу, если он даже приобрел ее по какому-нибудь случаю, как приобрел Рим после изгнания Тарквиниев. Трудность эта понятна, ибо подобный народ не что иное, как грубое животное, которое хотя свирепо и дико, но вскормлено в тюрьме и в рабстве. Если его вдруг выпускают на свободу в поле, то оно, не умея найти ни пастбища, ни пристанища, становится добычею первого, кто вздумает снова овладеть им. То же случается и с народом, который привык жить под чуждым ему правительством; он не умеет судить ни о своей защите, ни об обидах, наносимых обществу, не знает своих государей, и они не знают его, и вскоре снова подпадает игу, еще гораздо худшему, чем то, от которого недавно освободился. Впрочем, эти затруднения встречаются тому народу, который все-таки еще не вполне развращен, потому что окончательно развращенный народ не только не может просуществовать сколько-нибудь времени свободно, но не может даже и освободиться (Рассуждения. С. 151).

Нужно признать за несомненную истину, что развращенное монархическое государство никогда не может достичь свободы, хотя бы государь был уничтожен со всем своим родом; это ведет только к смене одного государя другим, и государство никогда не получит свободы, если ему не попадется какой-нибудь добрый и честный правитель; но и тут свобода его продлится лишь на столько времени, на сколько продлится жизнь этого государя (Там же. С. 154).

⁷⁷⁾ Судьба Римской республики доказывает, как трудно устроить свободное государство, где все законы клонились бы к охранению свободы. Рим имел много законов, начиная с Ромула, — Нума, Тулл Гостилий, Сервий и, наконец, 10 граждан, избранных для этой цели, постоянно занимались его законодательством, и тем не менее беспрестанно обнаруживались пробелы, возникали потребности, вызывавшие установление новых законов. Так, например, возникло учреждение Цензоров — этот могущественный оплот римской свободы во все время свободного существования Рима. Цензоры, сделавшись верховными блюстителями общественной и частной нравственности, были одной из главных причин, так долго отстранявших развращение римского общества (Рассуждения. С. 202).

⁷⁸⁾ Государства, особенно плохо устроенные, управляющиеся как республики, часто меняют правительства и порядок правления, что ввергает их не в рабское состояние из свободного, как это обычно полагают, а из рабского в беспорядочное своеволие. Ибо пополаны, которые стремятся к своеволию, и нобили, жаждущие порабощения других, прославляют лишь имя свободы: и те, и другие не хотят повиноваться ни другим людям, ни законам. Если случается, — а случается это очень редко, — что по воле фортуны в каком-нибудь государстве появляется гражданин, достаточно мудрый, добродетельный и могущественный, чтобы наделить его законами, способными либо удовлетворить эти стремления нобилей и пополанов, либо подавить их, лишив возможности творить зло, — вот тогда государство имеет право назвать себя свободным, а правительство его считается прочным и сильным. Основанное на справедливых законах и на хороших установлениях, оно затем не нуждается, как другие, в добродетели какого-либо одного человека для того, чтобы безопасно существовать. Многие государства древности, где форма правления долгое время оставалась неизменной, обязаны этим подобному законодательству, которого недоставало и недостает всем государствам, где правление переходило и переходит от тирании к своеволию и от своеволия к тирании. И действительно, у подобных правительств нет и не может быть никакой прочности из-за всегда противостоящего им значительного количества могущественных врагов. Одно не нравится людям благонамеренным, другое не угодно людям просвещенным; одному слишком легко творить зло, другому весьма затруднительно совершать что-либо хорошее: в первом слишком много власти дается гордыне, во втором — неспособности. Так что и то, и другое могут упрочиться лишь благодаря мудрости или удачливости какого-либо одного человека, которому всегда грозит опасность быть унесенным смертью или же оказаться обессиленным из-за волнений и усталости (История Флоренции. С. 143).

⁷⁹⁾ Но вообще республика должна избегать таких обстоятельств, против которых нужно действовать чрезвычайными мерами. Ибо хотя бы

чрезвычайные меры и помогли в этих случаях, однако пример их всегда действует вредно; когда позволяют себе нарушать законы в видах пользы, то потом немудрено уже, что найдутся и такие, которые нарушат их со злым умыслом. Таким образом, республика не будет совершенна, если в законах ее не предвидено всего и не определены заранее средства на всякие обстоятельства, которые могут представиться. Заключим, следовательно, что республики, которые в минуту опасности не имеют прибежища в диктаторе или в другой подобной власти, должны погибнуть, как скоро им представится важное затруднение (Рассуждения. С. 179—180).

⁸⁰⁾ Для основания монархии в стране равенства надо нарушить его, возвысив значительное число людей честолюбивых и беспокойных, сделав их дворянами, и притом не номинально, а фактически, дав им замки и владения, привилегии, богатство и подданных, так, чтобы, стоя посреди них, государь мог опираться на них свое могущество, как они, окружая его, опираются на нем свое честолюбие; тогда все прочие были бы принуждены переносить иго, которое ничто, кроме насилия, не в состоянии заставить переносить (Рассуждения. С. 213).

И наоборот, для установления монархии во Флоренции, где имеется почти абсолютное равенство, нужно было бы сначала ввести там неравенство, создать слой очень богатых людей, одарить их замками и виллами для того, чтобы они вместе с монархом держали бы с помощью оружия и узды город и всю провинцию в угнетенном состоянии. Поскольку один монарх без знати не может вынести бремя правления, необходимо, чтобы между ним и всеми остальными имелся слой, который его бы поддерживал и помогал ему (Речь о реформе Флорентийского государства).

⁸¹⁾ История учит, каким бедствиям рабство подвергает народы и государства... Таким образом, когда вместо водворяется тирания, самое малое зло, которое государство терпит от этого, состоит в том, что оно не может больше идти вперед, усиливается и обогащается. Большей частью, или, вернее, всегда, оно не только не идет вперед, но даже падает... Иное видим мы в странах поработенных, где тем больше недостатков, чем дольше продолжается рабство (Рассуждения. С. 228, 229, 232).

⁸²⁾ Имейте в виду, Ваше Святейшество, что в тех городах, где имеется гражданское равенство, монархию можно установить лишь с величайшими трудностями. Чтобы установить республику в Милане, где имеет место большое неравенство между гражданами, следовало бы усмирить всю эту знать и уравнивать ее с другими; поскольку среди знати имеются личности настолько из ряда вон выходящие, то для обуздания их одних только законов недостаточно. Здесь требуется Ваше живое слово и Ваш монарший авторитет, чтобы их обуздать (Речь о реформе Флорентийского государства).

Где нет религиозного страха, там государство или распадается, или должно сохраняться боязнью к государю, который в этом случае заменяет религию (Рассуждения. С. 143).

Для общества развращенного бесполезны самые лучшие законы, если только ими не руководит решительный человек, который проводит их так энергично, что совершенно исправляет все общество (Там же. С. 155).

Из всего этого следует, как трудно или невозможно сохранить или учредить республику в государстве развращенном. Поэтому во всяком

случае лучше установить в таком государстве порядок монархический, чем народный, чтобы людей, дерзость которых не могут исправить законы, обуздывала по крайней мере власть монархов. Больше с ними нечего делать; все прочее было бы жестокой и бесполезной попыткой (Там же. С. 158).

Развращенное общество нельзя удержать в порядке одними законами; для этого нужна более действенная сила; мы находим ее только в монархии, которая своим безусловным и чрезвычайным могуществом может обуздывать непомерное честолюбие и разврат дворянства (Там же. С. 213).

⁸³⁾ Без подобной честности не может быть ничего путного; так, в наше время нельзя рассчитывать, чтобы могло быть что-нибудь доброе в такой развращенной стране, как Италия. Хотя и другие страны, как Франция и Испания, также порядком развращены, однако ни в одной из них не бывает таких беспорядков, какие в Италии случаются ежедневно. Впрочем, это зависит не от народных доблестей, весьма слабых, но от того, что в других странах порядок сохраняется королями, и не только достоинствами их, но вообще монархическим строем, который еще не успел испортиться (Рассуждения. С. 211—212).

⁸⁴⁾ Кто овладел властью в городе или государстве, особенно если основание его власти непрочное и если он не хочет терпеть ни монархического, ни республиканского гражданского порядка, то лучшее средство удержать свое господство — переделать все в государстве на новый лад, как только получит власть... Конечно, поступать таким образом жестоко и враждебно всякой гражданственности, не только христианской, но и вообще человеческой; конечно, всякий должен избегать этого и предпочитать самую скромную частную долю существованию царей, основанному на гибели такого множества людей. Но кто не хочет идти путем чести и добра... должен, если хочет удержаться, вступить на эту роковую дорогу (Рассуждения. С. 167).

Что касается внезапного, полного преобразования учреждений, когда негодность их известна уже всякому, я полагаю и это очень трудным, потому что хотя бы зло было совершенно очевидно, но поправить его все-таки нелегко. Дело в том, что для этого недостаточно обыкновенных средств, особенно когда эти средства сделались негодны; здесь необходимо прибегать к чрезвычайным мерам, например, к насилию и к оружию; необходимо прежде всего сделаться господином в государстве и приобрести возможность распоряжаться им по своему усмотрению. Но такая цель, как преобразование государства для восстановления в нем гражданского порядка, предполагает человека добродетельного; между тем сделаться посредством насилия властелином республики предполагает злодея; стало быть, очень редко найдется честный человек, который захотел бы овладеть властью бесчестными средствами, хотя бы и с благой целью; еще реже, чтобы негодяй, достигнув верховной власти, захотел поступать хорошо и чтобы ему вздумалось добродетельно употреблять власть, гнусно приобретенную (Там же. С. 158).

Это зависит от того, что развращение и неспособность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства, а для восстановления равенства необходимы самые крайние меры, но весьма немногие умеют или желают пользоваться этими мерами (Там же. С. 155—156).

Это правило без исключения, что, если отдают приказания, исполненные строгости, следует безжалостно исполнять их, если не хочешь сам сделаться жертвой их; из чего следует заключить, что если хочешь послушания, то надо уметь командовать. Командовать же умеют только те, которые сравнивают свои качества с качествами тех людей, которые должны их слушаться, — только те, которые дают приказания лишь тогда, когда видят их соразмерность и которые остерегаются предписывать что-либо, где не видят ее (Там же. С. 354).

Вот почему я считаю несчастными государей, которые для своего обеспечения должны прибегать к незаконным средствам, имея против себя врагом весь народ (Там же. С. 152).

В силу другой необходимости, столь же естественной и простой, те, из среды которых вышел новый монарх, чувствуют себя задетыми, поэтому с помощью оружия и самых разных оскорбительных действий их следует оставить на задворках нового приобретения. Таким образом, твоими врагами становятся все те, кого ты оскорбил, заняв престол; тебе нельзя считать своими друзьями тех, кто очутился в их рядах (Речь о реформе Флорентийского государства).

Какие же деяния рассчитываете вы совершить, способные уравновесить сладость свободной жизни или вытравить из сердца граждан стремление вернуть нынешние установления? Нет, ничего такого не удастся вам сделать, даже если бы вы присоединили к этому государству всю Тоскану и каждый день возвращались в этот город после победы над нашими врагами, ибо вся эта слава была бы вашей, а не их славой, и граждане Флоренции приобрили бы не подданных, а сотоварищей по рабству, что еще глубже погружало бы их в рабское состояние. И даже будь вы человек святой жизни, благожелательный в обращении, праведнейший судья — всего этого недостаточно было бы, чтобы вас полюбили. И если бы вы сочли, что этого довольно, то впали бы в заблуждение, ибо всякая цепь тягостна тому, кто жил свободно, и любые узы стесняют его. К тому же правление насильственное несовместимо с добрым государем, и неизбежно должно случиться, что они либо уподобятся друг другу, либо одно уничтожит другое. Поэтому у вас есть лишь один выбор: или управлять этим городом, применяя самые крайние средства насилия, для чего весьма часто недостаточно бывает крепостей, вооруженной стражи, внешних союзников, или довольствоваться той властью, какой мы вас облекли, к чему мы вас и призываем, напоминая вам, что единственная прочная власть та, которую люди признают по своей доброй воле. Не стремитесь же в ослеплении ничтожным честолюбием к положению, в котором не сможете прочно обосноваться и из которого вам нельзя будет подняться выше и где, следовательно, вы обречены на падение к величайшему вашему и нашему несчастью (История Флоренции. С. 90—91).

⁸⁵⁾ *Орсини (Orsini)* — римский род. К Орсини принадлежали 5 римских пап, кардиналы, кондотьеры.

Колонна (Colonna) — римский род. В XIV—XV вв. играл важную роль в политической жизни Рима, соперничал с родом Орсини. Из рода Колонна — папа Мартин V и многие кардиналы.

⁸⁶⁾ См. примеч. 73 к работе В. Топор-Рабчинского, с. 658 наст. изд.

⁸⁷⁾ Так и жили граждане Флоренции, с негодованием глядя на то, как сокращается величие их государства, как извращаются все установления,

как уничтожается законность, портятся нравы, попирается всякая пристойность. Те, кто никогда не наблюдал внешней пышности монархической власти, не могли без горести видеть, как по городу торжественно разъезжает герцог, окруженный конкой и пешей свитой. И для того, чтобы еще яснее сознавать свой позор, были они вынуждены выражать почтение тому, кого смертельно ненавидели. К этому еще добавлялся страх, вызываемый частыми казнями и непрерывными поборами, терзавшими и разорявшими город. Негодование и страх граждан были хорошо известны герцогу, и сам он тоже боялся, но тем не менее делал вид, будто считает, что всеми любим. И вот случилось, что Маттео Мороццо, то ли для того, чтобы заслужить его милость, то ли, чтобы отстранить от себя погибель, донес ему о заговоре, который учиняли против него семейство Медичи и еще кое-кто из граждан. Однако герцог не только не начал следствия по этому делу, но вместо этого предал постыдной смерти доносчика. Этот поступок отнял у всех, кто готов был осведомлять его об опасности, всякое желание делать это и предал его в руки тех, кто жаждал его гибели. За то, что Бертоне Чини открыто возмущался его поборами, он велел отрезать ему язык с таким мучительством, что Бертоне скончался [1343]. Гнев народа и ненависть к герцогу от этого еще усилились, ибо флорентийцы, привыкшие и делать, и говорить совершенно свободно все, что хотели, не могли перенести, чтобы им затыкали рот. Возмущение и ненависть дошли до того, что не только флорентийцы, не умеющие ни сохранять свободу, ни переносить рабства, но даже самый приниженный народ загорелся бы стремлением вернуть свободную жизнь. И вот множество граждан всех сословий замыслили или отдать свою жизнь, или вновь стать свободными (История Флоренции. С. 93—94).

⁸⁸⁾ Князь, желающий сохранить власть, часто бывает вынужден не быть добродетельным; ведь если развращена вся совокупность людей, в которых ты нуждаешься, чтобы держаться у власти, — будь то народ, или солдата, — ты должен применяться к их прихотям, удовлетворять их, а в таком случае добрые дела — враги твои (Государь. С. 90).

⁸⁹⁾ Кто хотя бы мгновение созерцал лик высокой Идеи, тот навсегда отдает ей всю свою жизнь, все свои силы и надежды. Беспощадно овладевает она им и с равнодушием проходит по нему к своему осуществлению. Может он нести ее бремя или нет, страдает, побеждает или погибает, — ей все равно, ибо она должна реализоваться. *Л. Штейн. (нем.)*

⁹⁰⁾ О Веттори см. разделы II и III статьи А. К. Дживелегова, с. 513—524 наст. изд..

⁹¹⁾ чувствовать вкус исторических событий, который им присущ (*итал.*).

⁹²⁾ «Отчет о состоянии дел в Маньи», «Рассуждение о состоянии дел в Алеманьи», «Очерки о состоянии дел во Франции», «О природе галлов» (*итал.*).

⁹³⁾ о том как строить отношения с мятежным народом Вальдикьяны (*итал.*).

⁹⁴⁾ Мятеж Вильдикьяны и Ареццо, сочинение Никколо Макиавелли, иллюстрированное Джузеппе Кенестрини; <...> Предписание лагерю при Ареццо (*итал.*).

⁹⁵⁾ *Децемвират* (от лат. *decemviri* — десять мужей) — коллегия из десяти патрициев, избранных в Риме в 451 г. до н. э. на годичный срок и наделенных консульской властью для закрепления прав народа; разработали Законы XII таблиц.

⁹⁶⁾ «Мелкий народ» и «толстый (жирный) народ» (*итал.*). См. также примеч. 59 к работе В. В. Топор-Рабчинского, с. 000 наст. изд.

⁹⁷⁾ *Савонарола (Savonarola) Джироламо* (1452—1498) — итальянский проповедник, религиозно-политический деятель, поощрял занятия монахов изящными искусствами; подчеркивал роль разума в исследовании и доказательстве истин вероучения. К концу 80-х гг. снискал большую известность как проповедник, бичующий пороки церковной жизни и нравов общества. После изгнания Медичи стал вдохновителем изменений в политической системе, а так же реформы нравов, подразумевавшего усиление аскетических начал в повседневной жизни народа. Выступил с предложением к папе о реформе католической Церкви.

⁹⁸⁾ См. примеч. 73 к работе В. Топор-Рабчинского, с. 658 наст. изд.

⁹⁹⁾ *Максимилиан I (Maximilian)* (1459—1519) — австрийский эрцгерцог, император «Священной Римской империи» с 1493 г., из династии Габсбургов. Положил начало реальному объединению австрийских земель Габсбургов. В 1477 г., вступив в брак с Марией Бургундской, присоединил к владениям Габсбургов Нидерланды и Франш-Конте.

¹⁰⁰⁾ *Кондотьеры (итал. condottieri)* — в Италии XIV—XVI вв. предводители наемных военных отрядов, находившихся на службе у отдельных государей и римских пап. Вербовались сначала преимущественно из иностранных рыцарей, с конца XIV в. — из числа итальянских. Нередко кондотьеры захватывали власть в городах, основывая синьории (например, Франческо Сфорца).

¹⁰¹⁾ Такому имени никакая хвала не равна (*итал.*) — надпись на мраморной плите Н. Макиавелли.

¹⁰²⁾ Имеются в теория «двух мечей»: меч духовной и светской власти, по поводу которых спорили средневековые схоласты, римские папы и императоры. Подробнее см.: *Булгаков С. Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 10, 97, 99, 100.

¹⁰³⁾ *Лютер (Luther) Мартин* (1483—1546) — немецкий теолог, общественный деятель эпохи Реформации, основатель протестантизма. Проповеди «добрых дел» как решающего средства спасения, характерной для католицизма, он противопоставил концепцию «спасения только верой». Обнародовал 95 тезисов, в которых обличал продажу индульгенций как корыстную торговлю «небесными сокровищами». Первоначально Лютер не претендовал на пересмотр католической доктрины, но последовательное теологическое обоснование его концепции подрывало устои земной власти римского святого престола. Своеобразным подвигом Лютера стал перевод Библии на немецкий язык, сыгравший громадную роль в подъеме национальной культуры.

¹⁰⁴⁾ См.: *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 134—259.

¹⁰⁵⁾ ...и к свободе ведет испуганного раба (*фр.*).

¹⁰⁶⁾ Эта глава называется «О государственном устройстве Англии». См.: *Монтескье III. Избранные произведения*. М., 1957. С. 290—300.

¹⁰⁷⁾ Алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем (Лк. 1, 53) — эти слова Макиавелли цитирует в «Рассуждениях» (Кн. I. Гл. 26).

¹⁰⁸⁾ *Гонфалоньери* (итал. *gonfaloniere*, букв. знаменосец) — в итальянских городах-республиках XIII—XV вв. глава ополчения городского квартала. В XV—XVIII вв. во Флоренции — глава городского магистрата.

¹⁰⁹⁾ *Ad hoc* (лат.) — букв.: «к этому» (случаю); размышление (чаще — гипотеза) *ad hoc* создается специально для объяснения данного конкретного случая.

¹¹⁰⁾ О нем см. преамбулу к комментариям его работы, с. 660 наст. изд.

¹¹¹⁾ Благо народа — высший закон (лат.).

¹¹²⁾ См. публикацию посвященного Макиавелли фрагмента этой работы Б. Н. Чичерина, с. 380 наст. изд.

¹¹³⁾ О княжествах (лат.).

Вл. Топор-Рабчинский

Макиавелли и эпоха Возрождения. Введение
в изучение Макиавелли

Впервые: Варшава, 1908. Публикуется по первому изданию. *Рец.: Перцев В.* Топор-Рабчинский В. В. Макиавелли и эпоха Возрождения. Введение в изучение Макиавелли. Варшава [год издания не указан] // *Русская мысль*. 1910. Кн. I. С. 9—11.

Владимир Викентьевич Топор-Рабчинский — закончил Варшавский университет, с 1911 по 1915 гг. оставлен при кафедре государственного права этого же университета для подготовки к профессорскому званию, с 1916 г. — профессор по кафедре государственного права. С 1915 г., после эвакуации Варшавского университета в Ростов-на-Дону, работал в этом городе, где в 1916 г. выпустил книгу «Энциклопедия права. Курс лекций» (Ч. 1—2).

¹ всего христианства (лат.).

² Первое издание этого труда известного французского исследователя вышло в 1901 г.; русское издание: *Монье Ф.* Опыт литературной истории Италии XV века. Кватроченто. СПб., 1904.

³ О книге П. Виллари см. примеч. 3) к работе А. С. Алексеева, с. 629 наст. изд.

⁴ Первое издание этого известного труда вышло в 1868 г.; в переводе на русский язык: *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. Т. 1—2. СПб., 1904—1906. Якоб Буркхардт одним из первых настойчиво проводил мысль о самостоятельности Возрождения как культурно-исторической эпохи и о ее принципиальном отличии от Средневековья.

⁵ *Виссарион Никейский* (ок. 1400—1472) — византийский церковно-политический и литературный деятель, ученый. Архиепископ г. Никеи. Склонился к принятию унии между греческой и латинской Церквями на Ферраро-Флорентийском Соборе 1438—1439 гг. После отвержения унии

греками поселился в Италии, стал кардиналом. Переводил на латинский язык Аристотеля, Теофраста и Ксенофонта и способствовал знакомству Запада с греческой литературой и философией. Собранная им библиотека явилась основой знаменитой венецианской библиотеки св. Марка.

Плифон (Плетон) Георгий Гемист (ок. 1355—1452), византийский философ-платоник, ученый и государственный деятель. Разработал проект политических реформ, призванных вывести Византию из кризиса, и универсальную религиозную систему, противостоящую христианству и в основном совпадающую с греко-римским язычеством (религиозно-политическая утопия «Законы», сожженная в 1460 г. как безбожная). Упоминутые византийские мыслители прибыли в Италию после взятия Константинополя турками в 1453 г. Плифон (Плетон) остановился во Флоренции и вошел в круг Козимо Медичи; именно под его влиянием при дворе Медичи возникла Платоновская академия, ставшая одним из ярчайших школ ренессансной философии. Топор-Рабчинский упоминает весьма распространенное до середины XIX в. убеждение, что феномен итальянского Возрождения был целиком обусловлен влиянием византийских ученых и философов, переселившихся в Италию после 1453 г.

⁶ «Новая жизнь» (*итал.*) — автобиографическая повесть Данте Алигьери (1292—1293), в которой можно найти предвосхищение таких сторон мировоззрения Возрождения, как внимание к внутреннему миру личности, высокая оценка духовной индивидуальности человека.

⁷ *Пико делла Мирандола (Pico della Mirandola) Джованни* (1463—1494) — итальянский философ и гуманист эпохи Возрождения. Современники называли Пико «божественным», видели в нем воплощение высоких устремлений гуманистической культуры. Его личность и его труды были известны всей образованной Европе. Четырнадцать лет поступил в Болонский университет, затем учился в Ферраре, Падуе (1480—1482), Павии (1483) и Париже (1485—1486), осваивая право, древнюю словесность, философию, богословие. Он изучал новые и древние языки (помимо латинского и греческого также еврейский, арабский, халдейский), стремясь охватить все самое важное и сокровенное из того, что накоплено духовным опытом разных времен и народов. Пико довольно рано сблизился с М. Фичино, А. Полициано, Лоренцо Медичи и некоторыми другими участниками флорентийской Платоновской академии, дух и среда которой оказались весьма благотворны для его творческих планов и религиозно-философских устремлений. В 1486 г. он составил «Комментарий к канцоне о любви Джироламо Бенивьени» (изд. 1519) и «900 тезисов по диалектике, морали, физике, математике для публичного обсуждения», лелея планы защищать их на философском диспуте в Риме в присутствии всех знаменитых ученых Италии и Европы. Диспут, намеченный на 1487 г., должен был открыться «Речью» (изд. 1496), напоминающей скорее манифест, чем вступительное слово, и посвященной двум главным темам: особому предназначению человека в мироздании и исходному внутреннему единству всех положений человеческой мысли. Папа Иннокентий VIII, смущенный не только смелостью рассуждений, «выраженных новыми и необычными словами», о магии, каббале, свободе воли и иных сомнительных предметах, но и юным возрастом философа (ему было тогда 23 года), назначил для проверки «Тезисов» специальную комиссию, которая осудила часть положений, выдвинутых Пико. Наскорю

составленная им «Апология» (1487) привела к осуждению всех «Тезисов». Перед угрозой преследования со стороны инквизиции в 1488 г. Пико бежал во Францию, но там был схвачен и заточен в Венсеннский замок. Его спасло заступничество высоких покровителей и прежде всего Лоренцо Медичи, фактического правителя Флоренции, где Пико и провел последние свои годы. В 1489 г. он закончил и издал трактат «Гептапл, или О семи подходах к толкованию шести дней творения», в котором, применяя тонкую герменевтику, исследовал сокровенный смысл книги «Бытия». В 1492 г. был написан небольшой трактат «О сущем и едином» (изд. 1496) — самостоятельная часть программного труда, который имел целью согласовать учения Платона и Аристотеля, но так и не был осуществлен. Не был осуществлен и другой замысел Пико — обещанное «Поэтическое богословие». Незадолго до смерти он завершил «Рассуждения против прорицающей астрологии» (изд. 1496). Похоронен Пико в доминиканском монастыре св. Марка, настоятелем которого был набожный и аскетичный Джироламо Савонарола, тесно общавшийся с философом-гуманистом в конце его жизни.

⁸ *Лоренцо Валла (Lorenzo Valla)* (1407—1457) — итальянский гуманист. Доказал подложность «Константинова дара», на котором основывались папские владения в Италии, обвинял папскую власть в «страшных преступлениях» в истории. Приверженец философии и этики Эпикура, Валла эмоционально критиковал христианский аскетизм.

⁹ *Бруни (Bruni) Леонардо* (прозвище — Аретино; 1369—1444) — итальянский гуманист и историк. С 1427 г. до конца жизни был канцлером Флорентийской республики. Написал «Историю Флоренции» в 1439 г. и «Записки о событиях своего времени» в 1440 г., охватывающие период с 1378 по 1440 г. Считался родоначальником ренессансной историографии, последовательным защитником республиканской формы правления.

¹⁰ Инвектива Лина Колюция Салютати, Флорентийская республика, направленная против Антония Лусха Вицентаина, придерживающегося дурного мнения об оной республике (*лат.*).

¹¹ «творец канцон» (*итал.*).

¹² Имеется в виду эпизод, произошедший во время войны Флоренции с объединенной коалицией папы римского, Неаполитанского королевства и Венецианской республики. Поскольку Флоренция в этой войне не достигла успеха, Лоренцо Медичи, глава республики, решился на смелый шаг: в декабре 1479 г. он отправился к неаполитанскому королю, чтобы убедить его в необходимости заключить мирный договор с Флоренцией. Король удерживал Медичи до марта 1480 г., но в итоге все-таки согласился на заключение весьма почетного для Флоренции договора, который вызвал возмущение у союзников Неаполитанского королевства и укрепил власть Лоренцо Медичи в своем государстве (см.: *Макиавелли Н.* История Флоренции. Л., 1973. С. 314—320).

¹³ Лоренцо Великолепный Медичи (1449—1492) правил во Флоренции с 1469 г. до своей кончины; в этот период Флоренция достигла наивысшего могущества и играла активную роль в итальянских делах.

¹⁴ На самом деле 14 лет и 9 месяцев. Макиавелли лишился своей должности в апреле 1512 г. после падения Флорентийской республики и восстановления правления Медичи.

¹⁵ *Полибий* (ок. 200 — ок. 120 до н. э.) — древнегреческий историк. Автор «Всеобщей истории», охватывающей историю Греции, Македонии, М. Азии, Рима и других стран от 220 до 146 г. до н. э.; из 40 книг сохранились полностью первые 5, остальные — во фрагментах. Главной задачей своего произведения Полибий считал возвеличивание Рима, доказательство абсолютного превосходства римского государственного устройства над устройством других национальных образований.

¹⁶ См. примеч. 5) к работе А. С. Алексеева, с. 629 наст. изд.

¹⁷ Мне не известно, что говорил Аристотель о различных государствах (*итал.*).

¹⁸ И Аристотель в первую очередь упоминает крушение тиранов... (*итал.*).

¹⁹ См. примеч. 10) к работе А. С. Алексеева, с. 630 наст. изд.

²⁰ *Ксенофонт* (ок. 430—355 или 354 до н. э.) — древнегреческий писатель и историк. Основное историческое сочинение «Греческая история» (в 7 книгах) — изложение событий 411—362 гг. до н. э. с проспартанских, антидемократических позиций. Под трактатом о тирании имеется в виду диалог Ксенофонта «Гиерон», в котором сиракузский тиран Гиерон II в беседе с поэтом Симонидом жалуется на тяжелую судьбу властителя, а Симонид дает ему рекомендации, как тиран может обрести любовь подданных.

²¹ Сочинение Макиавелли называется «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки, рассказанная Никколо Макиавелли и посвященная дорогим его друзьям Дзаноби Буондельмонте и Луиджи Аламани», написано в 1520 г.

²² *Катилина* (*Catilina*) (ок. 108—62 до н. э.) — римский претор в 68 г. В 66—63 гг. пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов. Заговор был раскрыт Цицероном. Эта история была подробно описана Саллюстием (86— ок. 35 до н. э.) в монографии «О заговоре Катилины».

²³ «Об обязанностях» (*лат.*) — трактат Цицерона.

²⁴ *Ариадна* — в греческой мифологии дочь критского царя Миноса. Помогла афинскому герою Тесею, убившему Минотавра, выйти из лабиринта, снабдив его клубком ниток, конец которых был закреплен при входе («нить Ариадны»).

²⁵ Дух разрастания и беготни столь жаден (*лат.*).

²⁶ «эта максима» (*итал.*).

²⁷ Эта история подробно изложена в сочинении Макиавелли «Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, сеньора Паоло и герцога Гравина Орсини, составленное Никколо Макиавелли» (1503). Цезарь Борджиа (титул герцога Валентинуа, который использует по отношению к нему Макиавелли, он получил от французского короля Людовика XII в 1498 г. после сложения с себя сана кардинала), пытаясь подчинить своей власти всю Романью, заманил нескольких властителей мелких городов Романьи (своих бывших кондотьеров) в Сингалью и там разом уничтожил их. Указанный эпизод упоминается Макиавелли в «Государе» (глава VII).

²⁸ См. примеч. 100) к работе А. С. Алексеева, с. 650 наст. изд.

²⁹ человек единственный, человек отдельный (*итал.*).

³⁰ См.: «...многие, кому не довелось прославиться каким-либо достойным деянием, старались добиться известности делами бесчестными... деяния, сами по себе имеющие некое величие, — как, скажем, все дела государственных и политических, — как бы их не вили, к какому бы исходу они не приводили, всегда, по-видимому, приносят совершающим их больше чести, чем поношения» (*Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 10—11.*).

³¹ честь, достоинство (*итал.*).

³² *Кастильоне (Castiglione) Бальдассарпе* (1478—1529) — итальянский поэт и писатель. В трактате «Придворный» («Царедворец». Кн. 1—4. 1528), имитируя беседы реальных лиц, воссоздает картины придворной жизни как искусства, выявляющего разнообразные грани человеческой личности.

³³ О Веттори и его отношениях с Макиавелли см. в очерке А. Дживелегова, разделы II и III, с. 513—524 наст. изд.

³⁴ «Извините меня» (*итал.*).

³⁵ См. примеч. 108) к работе А. С. Алексеева, с. 650 наст. изд.

³⁶ «Сострадание» (*итал.*).

³⁷ Склони свои ветви (перекладины), о крест высокий, дай отдых твоему Создателю (*итал.*).

³⁸ *Патарии* (*итал. Pataria* — от названия рынка старьевщиков в Милане) — движение во 2-й половине XI в. в Милане и ряде других северо-итальянских городов против духовенства и городской знати; приняло форму религиозной борьбы (за Ключийскую реформу — за укрепление независимости Церкви, особенно монашества, от светских властей и от «мира»). Движение патариев было подавлено к 80-м гг. XI в. Способствовало образованию в Северной Италии городов-коммун.

³⁹ *Фридрих II Штауфен (Friedric II Staufen)* (1194—1250) — германский король с 1212 г., император «Священной Римской империи» с 1220 г., король Сицилии с 1197 г. Превратил сицилийское королевство в централизованное государство. Боролся с папством и североитальянскими городами.

⁴⁰ *Аверроизм* — направление в западноевропейской философии XIII—XVI вв., развивавшее идеи Ибн Рушда (Аверроэса) о вечности и несотворенности мира, о едином, общем для всех людей мировом разуме как субстанциальной основе индивидуальных душ (отсюда следовало отрицание их бессмертия), а также учение о двойственной истине. Возник в Парижском университете, противостоял как августицизму, так и томизму (аристотелизму). Был осужден католической Церковью. Главный представитель аверроизма — Сигер Брабантский.

⁴¹ Имеется в виду *падуанская школа* в философии (XIV—XVI вв.; университеты Падуи, Болоньи и других городов Северной Италии), которая развивала идеи аристотелизма в аверроистской интерпретации; характеризуется чертами средневекового свободомыслия.

⁴² *Лев X* (1475—1521) — римский папа с 1513 г. При нем процветали nepотизм, спекуляция индульгенциями. В 1520 г. отлучил от Церкви М. Лютера.

⁴³ Здесь явно чувствуется влияние на В. В. Топор-Рабчинского той интерпретации античной культуры, которую осуществил Ф. Ницше в своей книге «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» и которая была чрезвычайно популярна в начале XX в. В настоящее время невозможно признать, что она достаточно правильно отражает античное мирозерцание.

⁴⁴ Пико делла Мирандоле принадлежал трактат «Рассуждения против прорицающей астрологии» (изд. 1496), который пользовался большой популярностью и оказал существенное влияние на настроения эпохи.

⁴⁵ о чудесах, которые должны быть сотворены (лат.).

⁴⁶ *Екатерина Сиенская* (*Caterina Benincasa, Caterina da Siena*; 1347—1380) — монахиня-доминиканка, мистик.

⁴⁷ *Интердикт* (от лат. *interdictum* — запрещение) — в католицизме временный запрет (без отлучения от Церкви) совершать на территории, подвергшейся наказанию, богослужение и религиозные обряды. Налагался папой либо епископом; широко применялся в XI—XII вв. Савонарола был отлучен папой от Церкви и над Флоренцией был объявлен интердикт в 1498 г.

⁴⁸ Мы приходим к народному заблуждению (лат.).

⁴⁹ Имеется в виду *Фридрих 1 Барбаросса* (*Friedric Barbarossa*, букв. — краснородый; ок. 1125—1190), германский король с 1152 г., император «Священной Римской империи» с 1155 г., из династии Штауфенов. Пытался подчинить северо-итальянские города, но потерпел поражение от войск Ломбардской лиги в битве при Леньяно (1176). После этого организовал 3-й крестовый поход (1189—1192), формальным поводом к которому стало завоевание в 1187 г. Иерусалима Салах-ад-Дином. Погиб во время крестового похода, окончившегося безрезультатно.

⁵⁰ «Выдержки из писем» (итал.).

⁵¹ Если бы не возгорелся и не был потушен его божественный свет (!) еще более сильным огнем (итал.).

⁵² См. наст. изд., с. 68.

⁵³ См. примеч. 85) к работе А. С. Алексеева, с. 648 наст. изд.

⁵⁴ *Висконти* (*Visconti*) — знатный итальянский род (известен с кон. X в.), к которому принадлежали тираны (правители) Милана в 1277—1447 гг. (с 1395 г. — герцоги).

Сфорца (*Sforza*) — династия миланских герцогов в 1450—1535 гг. (с перерывом в начале XVI в.).

⁵⁵ *Нобилитет* (от лат. *nobilitas* — знать) — в Древнем Риме замкнутый круг патрицианских и знатных плебейских семейств, имевших доступ к высшим государственным должностям. В широком значении нобилитет — «знать» в противоположность «народу», «черни».

⁵⁶ *Гвельфы и гибеллины* — политические направления в Италии XII—XV вв., возникшие в связи с борьбой за господство в Италии между «Священной Римской империей» и папством. Гвельфы, поддерживавшие римских пап, в основном выражали интересы пополанов (народа), а гибеллины, сторонники императора, — интересы нобилей (знати). Однако в ходе борьбы нередко ориентация менялась: пополаны переходили в лагерь гибеллинов, нобили — гвельфов. С XIV в. во Флоренции и ряде других го-

родов гвельфы разделились на черных («партия» нобилей) и белых («партия» богатых горожан).

⁵⁷ Капитан народа; 12 старейшин (*итал.*) — должностные лица во Флоренции, которые осуществляли управление пополанской частью населения (так называемой «малой коммуной»). Всем населением города («большой коммуной») управлял подеста.

⁵⁸ Постановления правосудия (*итал.*).

⁵⁹ «народ толстый», «народ тонкий» (*итал.*) — имеется в виду различие богатых пополанских семей (купцы, владельцы крупных ремесленных мастерских) и самых бедных слоев народа (простые ремесленники и наемные рабочие).

⁶⁰ *Чомпи* (*итал. ciompi*) — чесальщики шерсти и другие наемные рабочие мануфактур Флоренции XIV в. В 1378 г. подняли восстание, к которому примкнули мелкие ремесленники. Добивались повышения заработной платы, создали свое правительство во главе с Микеле ди Ландо (предавшим повстанцев). Восстание было подавлено.

⁶¹ *Медичи* (*Medici*) — флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. Медичи основали торгово-банковскую компанию, одну из крупнейших в XV в. в Европе; в 1434—1737 гг. (с перерывами в 1494—1512, 1527—1530 гг.) правили Флоренцией. Главные представители: Козимо Старший Медичи (1389—1464), правил с 1434 г.; Лоренцо Великолепный Медичи (1449—1492), правил с 1469 г. К роду Медичи принадлежала французская королева Екатерина Медичи (1519—1589).

⁶² Козимо Медичи, здесь сидящий по народному волеизъявлению, отец отечества (*лат.*).

⁶³ *30 афинских тиранов* — олигархическая коллегия из 30 человек, находившаяся у власти в Афинах в апреле-декабре 404 г. до н. э. Была избрана народным собранием под нажимом Спарты после поражения Афин в Пелопонесской войне 431—404 гг. В состав 30 тиранов вошли яркие противники демократии во главе с Критием. В результате восстания, поднятого в Пирее изгнанными сторонниками демократии во главе с Фрасибулом, Критий был убит, его сподвижники бежали, и в Афинах было восстановлено демократическое правление.

⁶⁴ Войсками Карла Испанского (Карлоса I); см. ниже, в отделе третьем.

⁶⁵ «Или Цезарь — или ничто» (*лат.*).

⁶⁶ *Карл IV* (1316—1378) — германский король и император «Священной Римской империи» с 1347 г., чешский король (Карл I) с 1346 г., из династии Люксембургов.

⁶⁷ *Проскрипции* (от *лат. proscriptio*, букв. — письменное обнародование) — в Древнем Риме списки лиц, объявленных вне закона (при Сулле, 82—79 гг. до н. э.; при 2-м триумвирате, 43 г. до н. э.). Использовались в политической борьбе, для сведения личных счетов, а также как средство обогащения (имущество проскрибированного подвергалось конфискации).

⁶⁸ *Фаларис* (*Фаларид*) — тиран Агригента (570—555 гг. до н. э.).

Дионисий Старший (406—367 гг. до н. э.) — сиракузский тиран.

⁶⁹ *Тит, Нерва, Траян, Антонин Пий, Марк Аврелий* — римские императоры.

Агесилай (398—360 гг. до н. э.) — царь Спарты, которого древнегреческие историки (Ксенофонт и Плутарх) изображали идеальным правителем.

Тимолейонт — коринфский полководец, уничтоживший тиранию Дионисия Младшего в Сиракузах (344 г. до н. э.).

⁷⁰ *Клеомен III* (235—221 гг. до н. э.) — спартанский царь, продолживший дело своего предшественника Агида IV, который убил эфоров (пять должностных лиц, ведавших в Спарте почти всеми государственными делами), осуществил земельную реформу и возродил военное могущество Спарты.

⁷¹ См. наст. изд., с. 117.

⁷² *Моисей*, *Ликург* и *Солон*, *Ромул* и *Нума Помпилий* — легендарные и полуполулегендарные законодатели, установившие основы своих государств: Иудеи, Спарты, Афин и Рима.

⁷³ *Тесей (Тезей)* легендарный афинский царь (ок. XIII в. до н. э.).

Людовик XII (1462—1515) — французский король с 1498 г., из династии Валуа. Походом 1499 г. возобновил Итальянские войны 1494—1559. Провел реформы по реорганизации войска, по упорядочению суда, налогообложения, монетной системы.

Агафокл (ок. 361—289 гг. до н. э.) — тиран Сиракуз с 317 г.

Об Оливеротто см. в главе VIII «Государя».

Набид — тиран Спарты (ок. 205—192 гг. до н. э.), противник Ахейского союза.

Гиерон Сиракузский Младший (ок. 306—215 гг. до н. э.) — сиракузский стратег, затем тиран (с 265 г. до н. э.).

Фердинанд Испанский — Фердинанд II Арагонский (1452—1516), король Арагона с 1479 г., Сицилии (Фердинанд II) с 1468 г., Кастилии (Фердинанд V) в 1479—1504 гг. (совместно с Изабеллой), Неаполитанского королевства (Фердинанд III) с 1504 г. Фактически первый король объединенной Испании; добивался превращения ее в абсолютную монархию. Ревностно защищал католицизм.

⁷⁴ См. наст. изд., с. 120.

⁷⁵ См. наст. изд., с. 120.

⁷⁶ См. наст. изд., с. 121.

⁷⁷ См. наст. изд., с. 123.

⁷⁸ См. наст. изд., с. 124—125.

⁷⁹ См. наст. изд., с. 129.

⁸⁰ См. примеч. 237*—238* на с. 122—123 наст. изд.

⁸¹ необходим властный голос и королевская власть для их обуздания (*итал.*).

⁸² «Где материал испорчен, не помогут даже хорошо упорядоченные законы, если только они не предписываются человеком, который с огромной энергией заставляет их соблюдать» (*итал.*).

⁸³ которая с помощью абсолютной и чрезвычайной власти положила бы конец чрезмерным амбициям и порочности могущественных (*итал.*).

⁸⁴ есть король, который поддерживает единство не только с помощью своей добродетели, но и с помощью порядка в тех областях, которые еще не подверглись порче (*итал.*).

⁸⁵ царь, монарх (*итал.*).

⁸⁶ доблесть, добродетель (*итал.*).

⁸⁷ амбиции и порочность могущественных (*итал.*).

⁸⁸ См. примеч. 239* на с. 123 наст. изд.

⁸⁹ Когда кто-нибудь становится государем какой-нибудь страны или города и не склоняется ни к монархическому, ни к республиканскому гражданскому строю, то для него самое надежное средство удержать власть... это переделат в этом государстве все по-новому... Меры эти до крайности жестоки и враждебны всякому образу жизни... их следует избегать всякому, лучше жить частной жизнью, нежели сделаться монархом ценой гибели множества людей (*итал.*).

⁹⁰ См. наст. изд., с. 105—108.

⁹¹ См. наст. изд., с. 125.

⁹² См. наст. изд., с. 126.

⁹³ См. наст. изд., с. 130.

⁹⁴ «В наше время они — предатели» (*итал.*).

⁹⁵ *Непотизм* (от *лат.* *peros*, род. падеж *nepotis* — внук, племянник) — раздача римскими папами ради укрепления своей власти доходных должностей, высших церковных званий, земель родственникам. Был широко распространен в XV—XVI вв.

⁹⁶ *Фердинанд Католик* — тот же Фердинанд Испанский (Арагонский), о котором шла речь выше, см. примеч. 73 к наст. публикации.

⁹⁷ В 1503 г.

⁹⁸ *Франциск I (François I)* (1494—1547) — король Франции из ангулемской ветви династии Валуа. На годы его правления приходится расцвет французского Возрождения, усиление абсолютистских черт в королевской политике и начало складывания социально-политической системы, действовавшей до 1789 г. (так называемый «старый порядок»). В Итальянских войнах 1494—1559 гг. одержал победу в 1515 г. при Мариньяно. Начавшаяся в 1521 г. война с Карлом V складывалась неблагоприятно для Франции: 24 февраля 1525 г. ее армия была разбита при Павии, Франциск I взят в плен и увезен в Испанию. Правительству Луизы Савойской, королевсы-матери, осуществлявшей регентство, удалось использовать противоречия в антифранцузской коалиции и заключить мир на приемлемых условиях. Война вскоре возобновилась. Неоднократно неприятельские армии вторгались в глубь Франции, но король, заключая союзы с врагами императора — германскими протестантскими князьями и даже с турецким султаном, — сумел отразить нападения и вернуть часть владений в Северной Италии. Изнурительные войны с Габсбургами были завершены лишь следующим французским королем, Генрихом II, в 1559 г.

⁹⁹ *Карл V* (1500—1558) — император «Священной Римской империи» в 1519—1556 гг., испанский король (Карлос I) в 1516—1556 гг., из династии Габсбургов. Попытался под знаменем католицизма осуществить план создания «мировой христианской державы». Вел войны с Францией (Итальянские войны 1494—1559), с Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с немецкими князьями-протестантами и после заключения с ними Аугсбургского религиозного мира 1555 г. отрекся от престола.

- ¹⁰⁰ «Мир! Мир! Да не будет мира!..» (лат.).
- ¹⁰¹ оратор; тот, кто (только) говорит (итал.).
- ¹⁰² См. примеч. 99) к работе А. С. Алексеева, с. 000 наст. изд.
- ¹⁰³ «Военное искусство» (итал.) — трактат Макиавелли, написанный в 1520 г.
- ¹⁰⁴ «содействие в учреждении флорентийской милиции» (итал.).
- ¹⁰⁵ Имеется в виду «Комиссия Девяти по делам народного ополчения» (итал.). Точное название упоминаемой здесь организации было «Nove ufficiali dell' Ordinanza fiorentina». Этот орган был призван реализовать давнюю идею Макиавелли о формировании народного ополчения; учрежден в 1506 г.
- ¹⁰⁶ Освобождайте Италию от продолжительной заботы, искореняйте этих лютых зверей, которые, кроме лица и голоса, ничего не имеют человеческого (лат.).
- ¹⁰⁷ королевским утром (лат.).
- ¹⁰⁸ «Рассуждение о реформе государственного устройства Флоренции» (итал.) — сочинение Макиавелли, написанное в 1520 г.
- ¹⁰⁹ См. наст. изд., с. 81—94.
- ¹¹⁰ «война всех против всех», «город городу — волк» (лат.).
- ¹¹¹ См. наст. изд., с. 226—227.
- ¹¹² См. наст. изд., с. 254—256.
- ¹¹³ *Прокрустово ложе* — в греческой мифологии ложе, на которое великан-разбойник Прокруст насильно укладывал путников: тем, кому ложе было коротко, обрубал ноги; тех, кому было длинно, вытягивал (отсюда имя Прокруст — «растягивающий»).
- ¹¹⁴ *Немесида* (*Немезида*) — в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм. Изображалась с атрибутами контроля (весы, уздечка), наказания (меч или плеть) и быстроты (крылья, колесница, запряженная грифонами).

Б. Чичерин

Томас Мор и Макиавелли

Печатается по первопубликации: *Чичерин Б.* История политических учений. Часть I. Древность и Средние века. М., 1867. С. 294—315.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — российский юрист, историк, философ, почетный член Петербургской АН (1893). В 1861—1868 профессор Московского университета. В своих философских взглядах был последовательным сторонником Гегеля. Чичерин использовал идеи Гегеля для того, чтобы обосновать абсолютное значение человеческой личности. По Чичерину, являясь парадоксальным соединением конечного и бесконечного, человек именно в силу этого обладает свободой: если бы он был только конечным или только бесконечным существом, он был бы всецело подчинен или законам божественного разума, или мировой необходимости. Такое философское понимание человека обусловило чрезвычай-

но оригинальные политико-правовые воззрения Чичерина. С одной стороны он был ярким и последовательным сторонником либерального течения российской философско-юридической мысли. Признавая наличие в личности абсолютного начала, Чичерин выводил отсюда неизбежность основополагающих прав личности, охрана которых и является главной задачей государства. В этом слагаемом своей политической концепции он оказывался ближе к Канту и Фихте, чем к Гегелю. Однако, с другой стороны, Чичерин стал основоположником «государственной школы» в российской историографии, он защищал идею «порядка», выступал за твердую власть, готовую решительно противостоять любым проявлениям революционных настроений. В этой части наиболее заметно влияние на него гегелевской философии права. Считал наилучшей формой государственного устройства для России конституционную монархию. Основные сочинения Чичерина: «История политических учений» (1874), «Наука и религия» (1879), «Собственность и государство» (ч. 1—2, 1882—1883), «Мистицизм в науке» (1892), «Начала логики и метафизики» (1894), «Философия права» (1900), «Вопросы философии» (1904), «Воспоминания» (ч. 1—4, 1929—1934).

¹ *Мор (More) Томас* (1478—1535) — английский гуманист, государственный деятель и писатель; один из основоположников утопического социализма. Друг Эразма Роттердамского. Канцлер Англии в 1529—1532. Будучи католиком, отказался дать присягу королю «верховному главе» англиканской церкви, после чего обвинен в государственной измене и казнен; канонизирован католической церковью (1935). В сочинении «Утопия» (1516), содержащем описание идеального строя фантастического острова Утопия (название дано Мором), Мор изобразил общество, где нет частной собственности и обобществлены производство и быт; труд — обязанность всех, распределение происходит по потребности.

² Описывая идеальное общество, Мор непосредственно развивал те представления, которые Платона положил в основу своей модели идеального государства, изображенного в диалогах «Государство» и «Законы».

³ В отличие от Платона, который полагал, что главная задача идеального государства заключается в «отстранении» граждан от земных интересов ради высшей цели — подготовке к посмертному существованию в запредельном мире идей, Аристотель считал, что государство призвано служить именно земным потребностям людей, обеспечивать своим гражданам возможность счастливой и достойной жизни.

⁴ Сейчас название главного трактата Макиавелли, построенного в форме свободного комментария первых десяти книг «Римской истории от основания города» Тита Ливия, принято переводить как «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия».

⁵ *Гракхи*, братья Тиберий (162—133 до н. э.) и Гай (153—121 до н. э.) Семпронии Гракхи (Tiberius et Gaius Sempronii Gracchi) — противники римского сената, защитники простонародья, проводившие земельные и другие реформы в интересах плебса. Происходили из знатного плебейского рода. Братья пытались проведением демократических земельных реформ приостановить разорение крестьян. Гаем был предложен также закон о предоставлении прав римского гражданства итальяским союзникам. Погибли в борьбе с сенатской знатью, выступавшей против реформ.

⁶ *Трибуны народные (трибуны плебейские)* (лат. *tribuni plebis*) — в Древнем Риме высшие выборные должностные лица из плебеев (с начала V в. до н. э.); обладали правом налагать запрет на постановления магистратов и сената. Ежегодно на плебейских собраниях избирались сначала 2, 4, потом 10 народных трибунов. Личность народных трибунов считалась неприкосновенной. В период империи потеряли значение.

⁷ *Децемвиры* (лат. *decemviri*, от *decem* — десять и *vir* — муж) — в Древнем Риме коллегия из 10 человек, избиравшаяся для выполнения специальных государственных поручений (например, результатом деятельности коллегий децемвиров 451 и 450 гг. до н. э. было составление двенадцати таблиц законов).

⁸ *Цензор* (лат. *ensor*) — в Древнем Риме должностное лицо, осуществлявшее проведение ценза, контроль над государственными финансами, надзор над нравами, общественным строительством и прочее.

⁹ *Ромул* — легендарный основатель г. Рима и первый царь (VIII в. до н. э.). По легенде, Ромул и его брат-близнец Рем — сыновья Реи Сильвии и бога Марса — были вскормлены волчицей и воспитаны пастухом.

¹⁰ История Джовампаоло Бальони, тирана Перуджи, который не решился разом покончить со своим врагом папой Юлием II, изложена в главе XXVII книги первой «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия». Из этой истории Макиавелли делает вывод, что «люди не умеют быть ни достаточно преступными, ни совершенно хорошими».

П. И. Новгородцев

Макиавелли

Печатается по: *Новгородцев П. И.* Лекции по истории философии права. Учения нового времени, XVI—XVIII и XIX веков. М., 1912. С. 00—00. Текст главы неоднократно перерабатывался автором и существует в нескольких вариантах. См.: *Новгородцев П. И.* Сочинения. М., 1995. С. 28—39.

Павел Иванович Новгородцев (1866—1924) — философ, социолог и правовед, профессор Московского университета, ректор Московского высшего коммерческого института (1906—1918), член партии кадетов (в 1917 — член ЦК партии), в 1930 г. эмигрировал из России, основал Русский юридический факультет в Праге. Подробнее о нем см. статью В. Н. Жукова в словаре «Русская философия» (М., 1995. С. 327—329).

Е. Н. Трубецкой

Политическое мировоззрение эпохи Возрождения

Печатается по тексту: *Трубецкой Е. Н.* История философии права. М., 1907. С.

Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863—1920) — философ, правовед, публицист и общественный деятель, брат философа С. Н. Трубецкого; инициатор и участник московского книгоиздательства «Путь», главный редактор «Московского еженедельника» (1906—1910), один из

идеологов белого движения. Умер в Новороссийске при эвакуации Добровольческой армии.

Подробнее о нем см.: Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 522—523 (статья Л. В. Фирсовой); Голлербах Е. А. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1918) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 76—81.

¹ Точнее: «служанка богословия», согласно известному изречению Цезаря Барония — *philosophia ancilla theologiae*.

² В русском синодальном переводе «убеди прийти» (Лк. 14, 23)

³ См.: Деян. 9, 1—9.

⁴ Т. е. сторонники «номинализма» (от лат. *nomen* — имя, наименование), учения средневековой философии, отрицающее онтологический статус универсалий (общих понятий, идей) и утверждающее, что они существуют не в действительности, а только в сознании, «по имени».

⁵ Благо республики (лат.).

М. М. Ковалевский

Предисловие к книге П. Виллари
«Никколо Макиавелли и его время»

Впервые: Виллари П. Никколо Макиавелли и его время. М., 1914. Т. 1. С. VII—XIII. Печатается по первой публикации.

Максим Максимович Ковалевский (1851—1916) — историк, социолог и правовед, основатель Русской высшей школы общественных наук в Париже, издатель журнала «Критическое обозрение». Подробнее о нем см.: Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 229—230 (статья Б. Г. Сафронова).

¹ О судьбе издания см. примеч. 3) к работе А. С. Алексеева, с. 629 наст. изд.

² См. примеч. 5) к работе А. С. Алексеева, с. 629 наст. изд.

³ Так в издании 1914 г.; вероятно, опечатка, ибо ниже (с. 422) М. Ковалевский пользуется общепринятым переводом названия этой работы Макиавелли.

⁴ Периандр, по словам Аристотеля в «Политии», «вырывая те колося, которые слишком выдавались своей высотой, сравнивал засеянное поле». Это означало, что «следует убивать выдающихся людей» (Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 472).

⁵ *принципат* — калька итальянского *principatibus* — княжество.

⁶ *оптиматы* — социальное движение знати в Риме — сенаторов, высшей части всадников и спокойной части плебса, старавшиеся устранить от высших государственных должностей всех не принадлежащих к ее среде с целью влиять на государственную политику против демократических реформ.

⁷ В небольшом сочинении о принципатах (итал.). «De principatibus» («О принципатах») — первоначальное название книги Макиавелли «Il Principe». Русские переводы — «Князь», «Государь», «Монарх» — не со-

всем точно передают его буквальный смысл: «принцепс» — тот, кто первым захватил власть.

⁸ Вероятно, опечатка; первое издание «Государя» вышло в 1532 году.

В. Максимовский

К. Маркс: выписки из сочинений Макиавелли

Впервые: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.; Л., 1929. Кн. IV. С. 332—351. Печатается по первой публикации.

Владимир Николаевич Максимовский (1887—не ранее 1935) — родился в семье рабочего. Рано увлекся революционными идеями, член РСДРП(б) с 1903 г. Активный участник революционных смут 1905—1917 гг. Многократно арестовывался царским правительством. После гражданской войны работал в Институте Маркса и Энгельса, примыкал к группе «демократического централизма», добивавшейся статуса фракции в рамках ВКП(б). В 1929 г. был исключен из партии, а в 1935 г. по сфабрикованному уголовному делу репрессирован.

В. Максимовский

Идея диктатуры у Макиавелли

Впервые: Историк-марксист. М., 1929. Т. 13. С. 55—94. Печатается по тексту первой публикации.

В. Максимовский

Новые книги о Макиавелли

Впервые: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.; Л., 1930. Кн. V. С. 457—463. Печатается по первопубликации.

Л. Каменев

Предисловие [к 1-му тому собрания сочинений Н. Макиавелли]

Впервые: *Макиавелли Н.* Сочинения. М.; Л.: ACADEMIA. 1934. Т. 1. С. 7—15 (последующие тома этого собрания сочинений так и не вышли). Печатается по указанному изданию.

Лев Борисович Каменев (наст. фамилия Розенфельд; 1883—1936) — политический деятель, революционер; в окт. 1917 г. выступал против вооруженного восстания. В ноябре 1917 г. — председатель ВЦИК. В 1918—1926 гг. — председатель Моссовета. В 1923—1926 гг. — зам. председателя СНК СССР и директор Института Ленина, затем — на дипломатической и административной работе. В 1925—1927 гг. — участник «новой» (ленинградской) оппозиции. С 1933 г. — директор издательства «ACADEMIA», в 1934 г. — директор Института мировой литературы АН СССР. В 1935 г. осужден по делу «Московского центра» на 15 лет, затем по «Кремлевскому делу» — на 10 лет; в 1936 г. расстрелян; реабилитирован посмертно.

¹ Видимо, имеется в виду Антонио Поссевино, опубликовавший в 1592 г. трактат, направленный против Макиавелли.

² См.: Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 401.

³ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 413.

⁴ См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.; Л., 1929. Кн. 4. С. 343—350; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 154; Т. 3. С. 314.

⁵ См.: Там же. Т. 20. С. 346.

А. К. Дживелегов

Никколо Макиавелли

Впервые: *Макиавелли Н.* Сочинения. М.; Л.: ACADEMIA, 1934. С. 17—122. Печатается по первому изданию.

Алексей Карпович Дживелегов (1875—1952) — российский литературовед, театровед, член-корреспондент АН Армении (1945). С 1930 г. — профессор ГИТИСа. Труды по театральному искусству и литературе эпохи Возрождения: «Итальянская народная комедия» (М., 1962); «Титаны итальянского Возрождения» (М., 1998); «История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года» (М., 1941) и др. Подробнее о нем см.: *Кирикасян Д. С.* А. К. Дживелегов и его историко-публицистическое наследие. Ереван, 1986.

¹ Заговор Пацци, в котором участвовало несколько членов этого известного флорентийского семейства, произошел в 1478 г. во время обострения отношений между двумя союзами итальянских государств, в одном находились папа и король Неаполитанский, в другом — Флоренция, герцог Миланский и Венеция. Заговорщики, рассчитывая на поддержку папы и Неаполя, предполагали свергнуть власть Лоренцо Медичи во Флоренции. Описанию заговора и его политических последствий посвящена VIII книга «Истории Флоренции» Макиавелли.

² *Фичино (Ficino) Марсилио* (1433—1499) — итальянский гуманист и философ-неоплатоник. Козимо Медичи, банкир и фактический правитель Флоренции, обратил внимание на Фичино и покровительствовал ему. В 1462 г. он подарил Фичино имение неподалеку от своего собственного, а также греческие рукописи произведений Платона и некоторых других древних авторов. Около 1462 г. Фичино перевел с греческого на латынь «Гимны» и «Аргонавтики» — сочинения, автором которых традиция считала легендарного поэта древности Орфея. Затем взялся за цикл гностических трактатов, известных под общим названием «Поймандр» (1471) и приписываемых Гермесу Трисмегисту. Только после этого Фичино в 1463 г. приступил к диалогам Платона. Перевод всех сочинений Платона на латынь и краткие пояснения к ним Фичино завершил в 1468 г. Тогда же он приступил к комментированию некоторых платоновских диалогов. В 1469—1474 гг. Фичино создал свое главное произведение — фундаментальный трактат «Платоновское богословие о бессмертии душ» (1482) с целью «показать во всем созвучие платоновских мыслей с Божественным

законом». Деятельность Фичино вызвала живейший интерес в обществе. Вокруг него начала складываться группа единомышленников, своего рода вольное ученое братство, получившее известность под именем Платоновской академии. Она не имела устава и фиксированного членства, в ее деятельности принимали участие люди самого разного звания и рода занятий: именитые патриции, купцы, дипломаты, должностные лица государства, священнослужители, врачи, университетские профессора, гуманисты, богословы, поэты, художники. С 1484 г. Фичино переводит и комментирует «Эннеады» Плотина (изданы в 1492 г.). В это же время Фичино перевел сочинения Порфирия, Ямвлиха, Прокла, Дионисия Ареопагита, Афинагора, Синезия, Михаила Пселла. Умер Фичино за комментированием «Послания к римлянам» апостола Павла. Идеи Фичино оказали сильное влияние на богословскую и гуманистическую мысль, на художественную культуру Возрождения конца XV—XVI вв.

Полицциано (Poliziano) (наст. фам. Амброджини, Ambrogini) *Андже-ло* (1454—1494) — итальянский поэт, гуманист. Автор драмы в стихах «Сказание об Орфее» (постановка 1480 г.). Член Флорентийской академии, возглавлявшейся Фичино.

Ландино (Landino) Кристофоро (1424 — ок. 1504) — итальянский писатель-гуманист. Член Флорентийской академии, комментатор Овидия, Вергилия, Данте.

³ «История живописи в Италии» (*фр.*).

⁴ пошел в задницу <...> кровавый понос тебе в рот (*итал.*).

⁵ В данном случае «оратор» — это посол, тот, кто «озвучивает», воспроизводит без каких-либо добавлений, мнение своего правительства.

⁶ «Литературная академия», в которую входил Макиавелли собиралась в саду дома известного флорентийского семейства Ручеллаи, в начале 1520-х годов ее возглавлял гуманист Бернардо Ручеллаи. В 1522 г. академия прекратила свое существование из-за подозрения, что в ней зреет новый анти-медицийский заговор.

⁷ ты знаешь, о ком я тебе говорил (*итал.*).

⁸ абсолютно доступная (*итал.*).

⁹ В Галлии ты никак не можешь жить, разве что с превеликим риском, потому что здесь педофилы и распутники сурово караются законом (*лат.*).

¹⁰ недостойный человек (*итал.*).

¹¹ вульгарное обозначение сексуального удовольствия (*итал.*).

¹² «Новеллино» — анонимный сборник новелл (конец XIII—начало XIV века), ранний памятник итальянской прозы. Зафиксировал ряд «бро- дячих» сюжетов, позже неоднократно повторявшихся в литературе.

¹³ *Путти* (*итал.* putti, множественное число от putto — младенец) — изображения мальчиков (обычно крылатых), излюбленный декоративный мотив в искусстве итальянского Возрождения, навеянный античными образами.

¹⁴ «Неистовый Роланд» (*итал.*) — главное произведение выдающегося итальянского поэта Лудовико Ариосто (Ariosto) (1474—1533). Героическая рыцарская поэма «Неистовый Роланд» (1516), продолжившая «Влюбленного Роланда» М. Боярдо, проникнута тонкой иронией, воплощает гуманистические идеи эпохи Возрождения.

¹⁵ *Алой и Белой розы война* (1455—1485) — междоусобная война в Англии за престол между двумя ветвями династии Плантагенетов — Ланкастерами (в гербе алая роза) и Йорками (в гербе белая роза). Гибель в войне главных представителей обеих династий и значительной части знати позже облегчила установление абсолютизма Тюдоров. *Эдуард IV* (1442—1483) — английский король с 1461 г. (кроме октября 1470 г. — апреля 1471 г.), первый из династии Йорков. Занял престол в ходе войны Алой и Белой розы. Независимая от парламента политика Эдуарда IV во многом предвосхищала абсолютистскую политику Тюдоров.

¹⁶ *Людовик XI (Louis)* (1423—1483) — король Франции с 1461 г., из династии Валуа. Придя к власти, Людовик начал борьбу с феодальной раздробленностью страны. Подкупив Эдуарда IV и заключив с ним мир в Пикиньи, официально завершил в 1475 г. Столетнюю войну. Демонстративно выражая любовь к низшим сословиям, Людовик в то же время резко увеличивал налоги, сокращал муниципальные свободы. Вместе с тем он покровительствовал ремеслам, наукам, особенно медицине, книгопечатанию. Его царствование превратило знать из совокупности территориальных государей в сословие крупных землевладельцев. В дальнейшем феодалы могли вести борьбу за власть в государстве, но не за независимость от него. После смерти Людовика во Франции сохранилось только одно независимое феодальное владение — герцогство Бретонское, присоединенное уже при Карле VIII. Правление Людовика XI подводит черту под историей феодальной Франции и начинает историю Франции абсолютистской.

¹⁷ *Анжуйская династия* — королевская династия в Англии в 1154—1399 гг. (Плантагенеты), Южной Италии в 1268—1442, Сицилии в 1268—1282 (номинально в 1266—1302 гг.), Венгрии в 1308—1387 гг., Польше в 1370—1382 и 1384—1385 гг. Вела происхождение от французских графов Анжу (Anjou).

¹⁸ См. главу VIII в «Истории Флоренции».

¹⁹ Это объединение фактически произошло при Фердинанде Испанском (Фердинанд II Арагонский; 1452—1516), короле Арагона с 1479 г., Сицилии (Фердинанд II) с 1468 г., Кастилии (Фердинанд V) в 1479—1504 гг. (совместно с Изабеллой), Неаполитанского королевства (Фердинанд III) с 1504 г. Он стал первым королем объединенной Испании.

²⁰ пригород (*итал.*).

²¹ Королевство (*итал.*).

²² Карл VIII, сын Людовика XI, стал королем в 1483 г., после смерти отца. Его сын Людовик XII правил с 1498 по 1515 г.; походом 1499 г. возобновил Итальянские войны 1494—1559 гг.

²³ великий капитан (*итал.*).

²⁴ народ (*итал.*).

²⁵ плебс (*итал.*) — низшие, почти бесправные слои народа; противостояние плебе и ророло фиксировалось в понятиях «тощий народ» и «толстый народ» (см. примеч. 57 к работе Вл. Топор-Рабчинского).

²⁶ См. с. 424—446 наст. изд.

²⁷ «плакальщики» (*итал.*) — итальянский термин для обозначения последователей Савонаролы.

²⁸ См. с. 441 наст. изд.

²⁹ См. с. 441 наст. изд.

³⁰ дословно (*фр.*).

³¹ См. с. 424 наст. изд.

³² *Сципион Африканский Младший (Scipio Africanus Junior)* (ок. 185—129 до н. э.) — римский полководец. В 146 г. захватил и разрушил Карфаген, завершив 3-ю Пуническую войну. Римское предание изображает Сципиона Африканского ревностным поклонником эллинской культуры, приверженцем староримских нравов.

Цезарь (Caesar) Гай Юлий (100—44 до н. э.) — римский диктатор в 49, 48—46, 45 гг., с 44 г. — пожизненно. Полководец. Начал политическую деятельность как сторонник республиканской группировки, занимая должности военного трибуна в 73 г., эдила в 65 г., претора в 62 г. В 49 г., опираясь на армию, начал борьбу за единовластие. Сосредоточив в своих руках ряд важнейших республиканских должностей (диктатора, консула и т. п.), стал фактически монархом. Убит в результате заговора республиканцев.

³³ Здесь в тексте первого издания содержится явная типографская погрешность, которая не позволяет восстановить смысл одной строки.

³⁴ Синьория, или тирания, с XIV—XV веков стала новой формой правления в итальянских городах-государствах, резко противопоставленной республиканской. Во главе государства становился какой-либо род, либо захвативший власть силой, либо формально получивший ее от республики.

³⁵ См. с. 447—491 наст. изд.

³⁶ Под Анельяно в 1509 г. французские войска нанесли поражение венецианцам.

³⁷ разграбление (*итал.*). Об этом см. ниже, с. 568.

³⁸ «Новый государь», «новый монарх» (*итал.*).

³⁹ *Гуттен (Hutten) Ульрих фон* (1488—1523), немецкий писатель, гуманист, идеолог рыцарства. Идейный вождь рыцарского восстания 1522—1523 гг. Один из авторов памфлета «Письма темных людей».

⁴⁰ *Цинциннат (Cincinnatus)* — римский патриций, консул 460 г. до н. э., диктатор 458 г. и 439 г. Согласно преданию, Цинциннат был образцом скромности, доблести и верности гражданскому долгу.

⁴¹ *Кардуччи (Carducci) Джозуэ* (1835—1907) — итальянский поэт. В лирике (сборники «Новые стихи», 1873; «Ямбы и эподы», 1867—1879, издан в 1882 г.; поэма «К Сатане», 1863), ориентированной на поэтику классицизма, осуществляет развитие как романтических (воспевание радости жизни, торжества разума), так и реалистических (в том числе политических) мотивов. Нобелевская премия (1906). Прочитированные слова были написаны Кардуччи в честь объединения Италии, окончательно осуществленного в 1870 г.

⁴² бреве — от итальянского *breve* — краткий. Обозначает краткое послание папы римского.

⁴³ обценное обозначение пениса (*итал.*).

⁴⁴ народное ополчение (*фр.*).

⁴⁵ Монтаньярями называли сторонников М. Робеспьера, которые в Конвенте (ставшим с 21 сентября 1792 г. высшим законодательным органом Франции) соперничали с жирондистами. В результате произошедшей 31 мая—2 июня 1793 г. революции жирондисты были изгнаны из конвента и его возглавили монтаньяры. Победе монтаньяров в национальном масштабе предшествовала их победа над своими оппонентами в Якобинском клубе; поэтому установленный ими режим получил название Якобинской диктатуры. В условиях внешней и внутренней войны якобинское правительство пошло на самые крайние меры. Еще до прихода к власти монтаньяры добились казни короля: 21 января 1793 г. Людовиг XVI был гильотинирован. По аграрному законодательству якобинцев (июнь—июль 1793 г.) крестьянам передавались общинные и эмигрантские земли для раздела; полностью без всякого выкупа уничтожались все феодальные права и привилегии. В сентябре 1793 г. правительство установило всеобщий максимум — верхнюю границу цен на продукты потребления и заработную плату рабочих. Максимум отвечал чаяниям бедноты; однако он был весьма выгоден и крупным торговцам, сказочно богатевшим на оптовых поставках, ибо разорял их конкурентов — мелких лавочников. Якобинцы продолжали наступление на католическую Церковь и ввели республиканский календарь. В 1793 г. была принята конституция, декларирующая всеобщее избирательное право, однако реализация этого принципа была отложена до лучших времен из-за критического положения республики. Якобинская диктатура, успешно использовавшая инициативу социальных низов, продемонстрировала полное отрицание либеральных принципов. Промышленное производство и сельское хозяйство, финансы и торговля, общественные празднества и частная жизнь граждан — все подвергалось строгой регламентации. Дживелегов в духе марксистской историографии 20—30-х годов изображает якобинский период Великой французской революции как наиболее отвечающий чаяниям народа. Однако именно непродуманные экономические мероприятия якобинцев привели к углублению экономического и социального кризиса, в результате чего в сентябре 1793 г. Конвент «поставил террор на повестку дня».

⁴⁶ *Жирондисты* — политическая группировка периода Великой французской революции. Название «жирондисты» дано историками позднее — по департаменту Жиронда, откуда родом были многие деятели группировки. Лидеры: Ж. П. Бриссо, П. В. Верньо, Ж. А. Кондорсе и др. После свержения монархии (10 августа 1792 г.) стали у власти. Восстание 31 мая—2 июня 1793 г. лишило жирондистов власти. В октябре 1793 г. часть их была казнена. После термидорианского переворота 1794 г. жирондисты примкнули к контрреволюционерам.

А. Ф. Лосев

Никколо Макиавелли (1469—1527)

Впервые: *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1982. С. 556—563. Печатается по первому изданию. Публикуется отрывок из 3 главы отдела «Разложение эстетики Ренессанса во внехудожественных областях культуры и литературе XV—XVI вв.».

Алексей Федорович Лосев (1893—1988) — философ, филолог, религиозный мыслитель, автор фундаментальных работ по античной эстетике, логике, языкознанию, эстетике Возрождения и русской философии.

И. Я. Эльфонд

Проблемы тирании в трактате И. Жантийе «Анти-Макьявелли»

Впервые: Культура Возрождения и общество. М., 1986. С. 190—199. Печатается по первому изданию.

Ирина Яковлевна Эльфонд — современный исследователь, доктор исторических наук.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин** Блаженный Аврелий (Augustinus Sanctus) (354—430). Христианский теолог, виднейший представитель западной патристики. Автор трудов «Исповедь», «О граде Божием». Для Средних веков — непревзойденный авторитет в вопросах религии и философии. С 395 — епископ Гиппона — 11, 13, 270, 406, 408, 413, 415, 416, 606, 610
- Агафокл** (360—289 до н. э.). Сиракузский тиран с 317—316. Основал в 313 Сицилийский союз городов, к которому принадлежали и греческие города. Воевал с Карфагеном. Подчинил в 304 греческую часть Сицилии. Был женат на дочери Птолемея I. Свою дочь отдал замуж за Пирра, себя короновал царем сицилийцев. Сюжет о А. Макиавелли заимствовал у греч. историка Диодора Сицилийского и рим. историка Юстина — 128, 348, 593
- Агесилай**, Агезилай II (444—ок. 361 до н. э.). Спартанский царь в 400—361 до н. э. В 396—394 вел войну против персов. В 394 одержал победу в Коринфской войне над враждебным Спарте союзом, куда входили Фивы, Афины, Коринф и Аргос. Был изображен Ксенофонтом в произведении «Агесилай» — 340
- Аламанны** Луиджи (1495—1566). Флорентийский лирический и эпический поэт, комедиограф — 514, 528
- Аларих I** (Alaricus, Alarich) (ок. 370 — кон. 410). Король вестготов с 395. Вторглся во Фракию, захватил Афины, Коринф, Аргос, Спарту. В 401, 408 вторглся в Италию. 24 августа 410 взял «вечный город» и подверг его трехдневному разгрому. Это нашествие варваров стало началом окончательного захвата ими Западной Римской империи — 415
- Александр VI** (в миру — Родриго Ланцуоли Борджиа; 1442—1503). Пап римский (с 1492). Был юристом, военным, но затем под влиянием Каликста III, своего дяди, посвятил себя духовному поприщу. Благодаря таланту, энергии и богатству приобрел большое влияние. Время его управления представляет картину произвола, вероломства и разврата; не останавливался ни перед какими средствами в устранении своих политических соперников. По легенде умер, отравившись ядом, предназначенным для его гостей — 144, 174, 309, 356, 397, 426, 450, 467, 482, 505, 510, 535, 557, 605
- Александр Великий** (Македонский) (356—323 до н. э.). Македонский царь (336—323 до н. э.), сын царя Филиппа II, воспитанник Аристотеля. Вел ряд войн. Завоевал и покорил Грецию, Персию, Малую Азию, совершил поход в Среднюю Азию, его войско дошло до границ Индии. Создатель крупнейшей монархии древности — 85, 342, 345, 591

- Алексеев Александр Семенович (1851—1916). О нем см. преамбулу комментария к публикации его работы, с. 627 наст. изд. — 45, 315, 338, 341, 345—348, 371, 372, 376, 377, 600
- Альберти (Alberti) Леон Батиста (1404—1472). Итальянский ученый, архитектор, писатель, музыкант. Крупный деятель культуры Возрождения. Автор трактатов: «О статуе», «О живописи», «О зодчестве», комедий: «Любитель славы», «Мом». В сочинении «О семье» рисует образцовую семью и выдвигает идеал гармонии человека. В архитектуре тяготел к смелым экспериментальным решениям — 20, 21, 293, 549
- Альбицци (Albizzi). Старинный флорентийский род, происходивший из Ареццо, состоял в цехе Лана, играл видную роль в партии гвельфов. Его представители занимали во Флоренции (с 1240) высшие государственные должности. Соперничали с родом Медичи. В 1434, когда власть захватил Козимо Медичи, были высланы из Флоренции — 318, 537
- Альвизи. Историк, автор ряда трудов, в т. ч. работы, посвященной Цезарю Борджиа — 327, 509
- Альфонс II Неаполитанский (1448—1495). Король неаполитанский, сын Фердинанда I. В 1495 отрекся от престола и удалился в один из сицилийских монастырей. Своими жестокостью, корыстолюбием и развратом возбудил к себе всеобщую ненависть — 275
- Альфьери (Alfieri) Витторио (1749—1803). Граф, итальянский историк литературы, поэт, создатель итальянской национальной трагедии классицизма — 58
- Амбуаз Жорж де (1460—1540). Кардинал Руанский (с 1498), министр Людовика XII, который без его согласия не принимал ни одного серьезного решения. Папский легат во Франции; безуспешно боролся за папский престол — 369
- Амальрих де Бена (кон. XII—XIII вв.). Средневековый мистик и основатель религиозной секты, обвиненной в пантеистическом учении Церковью — 8
- Амиго Гаспар. Автор труда о Макиавелли «Жизнь Никколо Макиавелли: Комментарии историко-критические» — 419, 421
- Аммирато (Ammirato) Сципион (1531—1601). Флорентийский историк, перу которого принадлежит книга об истории Флоренции как города и государства, «Рассуждения на Тацита» — 495
- Антонин Пий (86—164). Римский император (с 138). Во время его правления Римская империя упрочила свое положение. Основатель династии Антонинов, существовавшей до 192. Его приемным сыном был Марк Аврелий — 340
- Анчилотти (Anzilotti) Дионисио (1867—1950). Итальянский юрист и дипломат; профессор международного права в Флорентийском, Палермском, Болонском и Римском ун-тах; действительный чл. Итальянской АН. Автор ряда работ по философии и праву — 532, 538, 541
- Аппий Клавдий, по прозвищу Слепой (Цек). Римский государственный деятель, цензор (в 312 до н. э.), консул (в 307 и 296), претор (в 295), диктатор. Провел реформы, ликвидировавшие некоторые привилегии патрициев и расширившие права плебеев. Считается основателем юриспруденции — 155, 158, 215, 216

- Аретино (Aretino) Пьетро (1492—1556). Итальянский писатель и публицист. Автор бытовых комедий и прозы. Оставил большое эпистолярное наследие (ок. 3300 писем), дающее картину общественной и культурной жизни Италии первой половины XVI в. В 1558 его сочинения были внесены Ватиканом в индекс запрещенных книг — 524, 438
- Ариосто (Ariosto) Лудовико (1474—1533). Итальянский поэт. Сочинял пьесы, писал стихи на случай — 286, 290, 292, 523, 528
- Аристотель Стагирит (384—322 до н. э.). Древнегреческий философ, ученый-энциклопедист. Ученик Платона. Основатель школы философов-перипатетиков. Автор трудов в области философии, поэтики, логики, естественных наук — 60, 189, 191, 270, 275, 280, 340, 379, 384, 408, 410, 411, 419, 420, 457, 467, 505, 587, 591, 592, 597, 598, 609, 615, 616
- Байрон (Byron) Джордж Ноэль Гордон (1788—1824). Великий английский поэт-романтик — 482
- Банделло (Bandello) Маттео (ок. 1485—1561). Итальянский писатель-гуманист. Член доминиканского ордена. Оставил сб. любовных стихов, поэму и 214 новелл, принесших ему мировую известность — 519
- Бартоло да Сассоферрато, Бартолус (Bartolo da Sassoferrato, Bartolus) (1314—1357). Итальянский юрист, глава школы постгlossаторов; профессор права ун-тов Болоньи, Пизы и Перуджи. Его работы пользовались в конце Средних веков и позднее большим авторитетом — 587, 592, 597
- Баткин Леонид Михайлович. Современный исследователь. Автор ряда трудов, в т. ч. книги «Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности» — 22, 23
- Баумгартен (Baumgarten) Герман (1825—1901). Немецкий историк, профессор истории литературы ун-та в Страсбурге — 357, 367, 368
- Без (Beza, Bèze) Теодор де (1519—1605). Публицист, церковный деятель, проповедник протестантизма; вместе с Кальвином и после его смерти — глава Реформаторской Церкви в Женеве — 584, 585, 587
- Беноццо (Benozzo) Гаццولي (собств. Беноццо ди Лези ди Сандро; 1420—1495). Итальянский художник-портретист — 510
- Бентам (Bentham) Иеремия (1748—1832). Английский публицист, юрист, философ, один из представителей философии утилитаризма, исходным принципом которой является понятие пользы. Последняя конечным своим основанием уходит во врожденные человеку чувства удовольствия и сострадания. В социальной области принцип утилитаризма разворачивается в идею пользы и счастья человечества, которые являются истинной целью законодательства — 231, 232, 241, 242
- Блунчли (Bluntschli) Иоган Каспар (1808—1881). Швейцарский профессор государственных наук, представитель исторической школы; одно время подвизался в политической деятельности, будучи главой конституционной партии — 198, 221, 226, 227, 231, 283
- Боден (Bodin) Жан (1530—1586). Французский юрист, политический мыслитель, теоретик естественного права. Автор ряда трудов — 40, 169, 176, 188—192, 257, 267, 584, 586
- Бодрильяр (Baudrillart) Анри Жозеф Леон (1821—1892). Французский публицист, экономист, главный редактор журнала по экономическим вопросам — 192

- Боккаччо (Воссассио) Джованни (1313—1375). Итальянский писатель. Один из первых представителей гуманистической литературы Возрождения. Вершиной его творчества считается «Декамерон» — 277, 295, 302, 303, 306, 410, 431, 552
- Больони Паоло. Тиран Перуджи, воевал с Папской областью во времена Юлия II — 76, 161, 163, 214, 215, 219, 267, 385, 445, 516
- Бонаккорси (Buonaccorsi) Биаджо. Служащий канцелярии, в которой Макиавелли был секретарем; его друг и почитатель — 421, 513—515
- Борджиа Цезарь (1476—1507). Герцог Валентино, правитель Романьи. Сын папы Александра VI, стал епископом в 16 лет, кардиналом — в 18, затем снял с себя сан, назначен gonfaloniere Церкви (1499), захватил Романью. Для достижения своих целей не останавливался ни перед подкупом, ни предательством, ни убийством. Смерть отца положила конец его честолюбивым замыслам, а после избрания папой Юлия II (1503) лишился всех своих завоеваний. Конец жизни провел в Наварре — 38, 127, 144, 145, 147, 148, 157, 158, 161, 163, 164, 217, 218, 282, 286, 292, 296, 297, 309, 325—327, 335—337, 345, 348, 349, 354, 356, 360, 364, 367, 368, 377, 393, 394, 402, 403, 420, 421, 426, 427, 450, 454, 472, 474, 482, 493, 501, 505, 530, 544, 556, 557, 559, 576, 579, 588, 591, 603, 605, 611, 613, 617
- Босколи Пьетро Паоло. Противник владычества Медичи во Флоренции. Б. и Каттони составили список лиц, на сочувствие которых рассчитывали в планируемом свержении Медичи. В данный список попал и Макиавелли. Однако список попал в руки правительства, и заговор не удался — 394, 525, 599
- Боссюэт (Bossuet) Жак Бенин (1627—1704). Французский проповедник, богослов и историк — 495
- Боттичелли (Botticelli) Сандро (1445—1510). Итальянский живописец флорентийской школы. Творчество Б., впитавшее в себя лучшие традиции итальянского искусства XV в., отразило глубокие противоречия духовной жизни Флоренции этого периода — 509
- Брагина Лидия Михайловна. Современная исследовательница. Автор ряда научных трудов, в том числе работы «Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV веков» — 20
- Брандес (Brandes) Георг (1842—1927). Датский литературный критик, историк литературы, публицист. Начал литературную деятельность в 1860-х. В основных своих работах следовал принципам позитивистской эстетики, сочетая их с психолого-биографическими характеристиками писателей и литературных героев. Корреспондент и популяризатор философии Ницше — 26, 27
- Браччолини (Bracciolini) Джан Франческо Поджо (1380—1459). Итальянский писатель, гуманист, государственный деятель. Канцлер Флорентийской республики. Его перу принадлежат «История Флоренции» и философские трактаты в форме диалога — 328, 438, 495, 496, 511, 529, 547, 552
- Брунелески (Brunellesco) Филиппо (1377—1446). Итальянский архитектор, скульптор, ученый, инженер. Один из основоположников архитектуры Возрождения — 528
- Бруни (Bruni) Леонардо (прозвище: Аретино, Aretino; 1370 или 1374—1444). Итальянский гуманист, писатель и историк. Канцлер Флорен-

- ции. Автор ряда морально-философских и педагогических трактатов. Отстаивал идеи всестороннего развития личности и осуждал аскетизм — 276, 511, 529, 531, 547, 597
- Бруно (Bruno) Джордано Филиппо (1548—1600). Итальянский философ, поэт, представитель пантеизма. Преследовался Церковью за свои взгляды, жил во Франции, Англии, Германии. По возвращении в Италию (1592) был обвинен в ереси и свободомыслии и после восьмилетнего пребывания в тюрьме сожжен на костре — 9, 10
- Буаналекки. Итальянский писатель эпохи Возрождения — 167
- Буондельмонти Дзаноби. Флорентийский политик, неизменный участник собеседований в знаменитых «Садах Ручеллаи» («Orti Oricellarii»), участник заговора 1522 против Медичи и один из деятелей переворота 1527, вторично изгнанного их из Флоренции — 514
- Буркхардт (Burkhardt) Якоб (1818—1897). Швейцарский историк и философ культуры; занимался проблемами Др. Греции, Возрождения, барокко. Главная работа — «Культура Италии в эпоху Возрождения» — 271—273, 287, 292, 293, 303, 305, 324, 327, 329, 352, 450, 604, 607, 614, 615
- Бьондо (Biondo) Флавио (1388 или 1392—1463). Итальянский гуманист, профессор грамматики, риторики и поэтики, автор «Истории Флоренции» — 495
- Бэкон (Bacon) Роджер (ок. 1214—ок. 1292). Английский философ и естествоиспытатель. Преподавал в ун-те в Оксфорде, состоял в францисканском ордене. Разрабатывал проекты утопической сословной республики — 408
- Бэкон (Bacon) Френсис (1561—1626). Английский философ, родоначальник английского материализма — 37, 38, 427, 507, 596, 602, 616—619
- Валейя** Патеркул. Древнеримский историк — 281
- Валерий Максим (I в. н. э.). Римский писатель, автор сборника «О знаменательных деяниях и изречениях» (в 9 кн.), написанного им в правление императора Тиберия — 281
- Валла (Valla) Лоренцо. О нем см. примеч. 8 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 9, 276, 290, 304, 354, 531
- Варки (Varchi) Бенедетто (1502—1565). Итальянский писатель, историк; как сторонник Строцци, был изгнан из Флоренции, в которую вернулся после долгих лет скитаний по Италии. Написал историю Флоренции — 515, 517
- Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.). Великий римский поэт эпохи Августа. Еще при жизни стал знаменитостью и хрестоматийным автором и на протяжении всей античности оставался образцом для поэтов. Главные произведения — эпическая поэма «Энеида», созданная по образцу «Илиады» и «Одиссеи», дидактическая поэма «Георгики», сб. пастушеских стихотворений «Буколики» — 510
- Верначчи Джованни. Племянник Макиавелли — 296, 517
- Веселовский Александр Николаевич (1838—1906). Русский историк литературы, акад. Петербургской АН (1880). Окончил Московский ун-т (1858). В 1859—1869 вел научную работу в Испании, Германии, Чехии, Италии. С 1872 профессор Петербургского ун-та. Знаток запад-

- ноевропейской литературы. Автор ряда трудов о Боккаччо, Данте, Петрарке и др. — 273, 318, 328, 352
- Веспуччи Агостино. Приятель Макиавелли — 513, 518
- Веттори (Vettori) Франческо. Посол Флорентийской республики в Риме, корреспондент и добрый приятель Макиавелли — 135, 263, 267, 298, 365, 368, 423, 512, 514, 519—523, 532, 552, 567, 568
- Вико (Vico) Джамбаттиста (1668—1744). Итальянский философ. С 1698 — профессор риторики ун-та в Неаполе, с 1734 — придворный историограф. Его идеи сыграли видную роль в становлении историзма, во многом предваив философию истории И. Г. Гердера и Г. В. Ф. Гегеля. В. считал историческую науку сознанием человечества о собственных деяниях. Автор ряда трудов — 39, 439
- Виллари (Villari) Паскуале (1827—1904). Итальянский государственный и общественный деятель, историк, профессор в ун-тах Пизы и Флоренции. В молодые годы принимал участие в движении за освобождение Италии. Автор работ о Савонароле, Макиавелли, истории итальянской литературы, принесших ему всемирную известность — 45—48, 63, 270, 274, 279, 284, 290, 291, 295, 297—299, 320, 325, 327, 328, 337, 338, 351, 356, 358, 362, 371, 375, 376, 418, 546, 570
- Винклер (Winkler) Гуго (1863—1913). Немецкий историк, археолог. Автор ряда трудов — 517
- Виньяль (Vignal) Л. Готье. Биограф Макиавелли — 492, 493, 500
- Вирджилио Марчелло (Virgilio Marcello). Учитель Макиавелли — 279, 510, 511
- Висконти (Visconti). Итальянский аристократический род, известный с 1037, игравший видную роль в Милане и Ломбардии. Оспаривая первенство у семейства дела Торре, его представители становились правителями Милана; в середине XV в. власть от В. посредством брака перешла к Сфорца — 316, 323, 324, 329, 331, 352, 353, 606
- Висконти Валентина (1370—1408). Дочь герцога Миланского Джан Галеаццо, жена Людовика Орлеанского, брата французского короля Карла VI — 533, 552
- Виссарион Никейский (Bessarion). О нем см. примеч. 5 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 272
- Вителли (Vitelli) Паоло (ум. 1499). Командующий флорентийскими войсками в войне против Пизы. Казнен по обвинению в измене — 516
- Вителлий Авл (12—69). Римский консул (с 48), провозглашен германскими легионами императором (в 69), убит в том же году в Риме после того, как войска другого провозглашенного императора, Веспасиана, разбили его армию — 592
- Вольтер (Voltaire) (псевдоним Мари Франсуа Аруэ (Arouet); 1694—1778). Французский мыслитель, философ, историк. Чл. Французской академии (с 1746) — 528
- Галилей (Galilei) Галилео (1564—1642). Итальянский физик, астроном, математик и мыслитель, один из основателей современного экспериментально-теоретического естествознания; заложил основы динамики — 162
- Галлиен Публий Лициний Эгнаций (218—268). Римский император с 253 (до 260 — соправитель своего отца Валериана). Опираясь на городские

- слои и армию, пытался ограничить роль сенаторов, отстранив их от высших военных должностей, чем вызвал с его стороны резкую оппозицию. Был убит близ Медиолана (совр. Милан) во время мятежа, возглавленного начальником конницы Авреолом — 378, 592
- Гама (da Gama) Васко да (1469—1524). Португальский мореплаватель, завершивший поиски морского пути из Европы в Индию — 411
- Гвиччардини (Guicciardini) Франческо (1483—1540). Итальянский историк, философ-гуманист, политический деятель. В 1511—1514 — посол Флоренции в Испании, в 1516—1534 — наместник папы в Модене, Романье, Болонье. Автор «Истории Италии» — 49, 51, 167, 169, 176, 179, 180—182, 184—187, 257, 283, 285, 313, 314, 322, 327, 329, 330, 334, 352, 365, 495, 510, 514, 516, 517, 531—533, 542, 552, 557, 561—569, 571, 572, 600, 605
- Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831). Немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. С 1816 — профессор философии в ун-тах Гейдельберга (до 1818) и Берлина (с 1818) — 35, 427, 505, 507, 556, 597, 618
- Гелиогабал (Элагабал). Римский император (218—222), посаженный на императорский трон легионами и убитый преторианцами — 592
- Гельвеций (Helvetius) Клод Адриан (1715—1771). Французский философ-материалист, остававшийся в рамках методологии метафизического мышления. Отрицая бессмертие души, мышление рассматривал как результат деятельности ума, придавая последнему физиологический оттенок. Главной движущей силой общества и его изменений считал страсти человека — 231, 232—234, 236
- Генрих II (1133—1189). Английский король с 1154; его деятельность была направлена на разрушение социальных основ феодализма и превращение Англии в централизованное государство с сильной королевской властью — 55
- Генрих III (1551—1589). Французский король с 1574, последний представитель династии Валуа. Правил в разгар религиозных войн — 585
- Генрих IV (1366—1413). Английский король (с 1399), основатель Ланкастерской династии. В результате военного маневра захватил своего предшественника на троне — Ричарда — и принудил его отречься в свою пользу — 226
- Гервинус (Gervinus) Георг Готфрид (1805—1871). Немецкий историк и литературовед. Профессор ун-тов в Геттингене (1836—1837) и Гейдельберге (1835, 1844—1853). Накануне и в период революции 1848—1849 — один из видных деятелей оппозиции в Юго-Западной Германии. Видный представитель культурно-исторической школы, подчеркивал тесную связь литературы с эпохой — 60, 61, 279
- Геродиан (170—240). Греческий историк, возможно, родом из Сирии. Его исторический труд «История царствования Марка» излагает римскую историю от смерти Марка Аврелия (180) до Гордиана III (180—238) — 281
- Геродот (между 490 и 480—ок. 425 до н. э.). Древнегреческий историк — 281, 598
- Гете (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832). Немецкий мыслитель, писатель, естествоиспытатель, основоположник немецкой литературы

- Нового времени. Мировоззрение Гете оказало существенное влияние на романтизм и философию XIX века — 482
- Гиберти (Ghiberti) Лоренцо (ок. 1381—1456). Итальянский скульптор и ювелир Раннего Возрождения. Работал во Флоренции, Сиене, Венеции и Риме — 528
- Гиерон II Сиракузский (ок. 306—215 до н. э.). С 275/274 властитель Сиракуз. В первой Пунической войне перешел на сторону Рима, был его сторонником и во второй Пунической войне. При его правлении Сицилия превратилась в страну с развитым зерновым хозяйством, а с 212 стала римской провинцией — 345, 349, 364, 420, 470, 474
- Гирландайо (Ghirlandaio, собств. ди Томмазо Бигорди, di Tommaso Bigordi; 1449—1494). Итальянский живописец Раннего Возрождения, представитель флорентийской школы — 509, 510
- Гоббс (Hobbes) Томас (1588—1679). Английский философ-материалист. Осн. соч.: философская трилогия «Основы философии», «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» — 35, 40, 576, 597, 616, 620
- Гольбах (Holbach) Поль Анри (1723—1789). Французский философ-материалист, метафизик. Утверждал вечность и несотворенность материи, порождающей все многообразие мира. Решающей силой общественного развития признавал сознание и волю выдающихся личностей — 231, 232, 237, 238, 240
- Гомер. Легендарный эпический поэт Др. Греции — 274
- Гонзага Джан Франческо (1466—1513). Маркиз Мантуанский. Возглавлял войска антифранцузского союза, заключенного в Вероне 31 марта 1495, победитель Карла VIII при Форново — 566, 572, 574
- Гонсальво Фернандес де Кордова (1443—1515) — знаменитый полководец Фердинанда Католика, так называемый Великий Капитан, утвердивший господство Испании в Неаполе. В 1507 был отстранен от командования Фердинандом Католиком и фактически подвергся изгнанию — 536
- Григорий VII. Римский папа. Выходец из низших классов; на святом престоле в 1073—1085. Его социально-политическим идеалом была теократия, которую он понимал как мировую систему — 353
- Григорий XI. Римский папа. Последний папа авиньонского периода. На святом престоле в 1371—1378, вернулся со святым двором обратно в Рим в 1377 — 431
- Гуссе (Houssaye) Амело де ла. Французский публицист XVII в. — 56
- Гуттен (Hutten) Ульрих фон (1488—1523). Немецкий гуманист, писатель и политический деятель. Принадлежал к рыцарскому сословию. Был активным членом Эрфуртского кружка гуманистов, одним из основных авторов сатиры «Письма темных людей» (1515—1517), разоблачавшей моральное разложение духовенства — 558
- Данилевский Николай Яковлевич (1802—1888). Русский публицист, социолог и естествоиспытатель, идеолог панславизма — 39
- Данте Алигьери (1265—1321). Выдающийся итальянский поэт. Макиавелли был его страстным почитателем, а «Божественная комедия» стала его настольной книгой. Макиавелли учился у Данте литературному стилю и часто цитировал его стихи по памяти. В «Диалоге о языке»

- Данте выступает его собеседником — 135, 173, 263, 270, 273, 291, 410, 510, 522, 560, 564, 597, 600, 601, 608
- Дантон (Danton) Жорж Жак (1759—1794). Деятель Великой французской революции — 572
- Декарт (Descartes; латинизированное имя — Картезий; Renatus Cartesius) Рене (1596—1650). Французский философ, математик, представитель классического рационализма. Один из родоначальников новой западноевропейской философии и науки, выступившей с требованиями пересмотра всей прошлой традиции — 38, 596, 602, 613, 616, 617
- Демокрит (ок. 460 до н. э. — ?) из Абдер. Древнегреческий философ-атомист и ученый энциклопедист. Каталог его сочинений, дошедших до нас лишь в отрывках, содержит до 70 названий и обнимает все области знания того времени — 604
- Де Санктис (De Sanctis) Франческо (1817—1883). Итальянский историк литературы, критик и общественный деятель. Участвовал в национально-освободительном движении Рисорджименто. После объединения Италии был министром просвещения — 285, 290, 563, 602
- Джакомини Тебалдуччи Антонио. Знаменитый гражданин Флоренции, занимавшийся вопросами народного ополчения. Макиавелли вел с ним переписку — 314
- Джанотти (Gianotti) Донато (1494—1563). Итальянский историк и государственный деятель. С 1527 занимал пост, на котором до 1512 находился Макиавелли — 330, 552, 571
- Дживелегов Алексей Карпович (1875—1952). О нем см. преамбулу комментария к его работе, с. 663 наст. изд. — 502, 504, 578, 603
- Джингене. Автор работы о Макиавелли — 283, 296, 297
- Джирами Рафаэль. Посланник Флоренции при дворе Карла V — 145
- Джовампаоло. Тиран Перуджи — 25
- Джовио (Giovio) Паоло (1483—1552). Итальянский историк. Являясь врачом по образованию, рано бросил медицину и сделался хронографом своего времени. По церковной иерархии дослужился до епископа в Ноцере — 279, 327, 495, 556
- Джотто ди Бондоне (Giotto di Bondone) (1266 или 1267—1337). Итальянский живописец, представитель искусства Проторенессанса. Учился, по-видимому, в мастерской Чимабуэ (1280—1290). Пользовался широким признанием среди своих современников и граждан Флоренции, где с 1334 руководил строительством собора и гор. укреплений — 270
- Диачето Якопо. Итальянский мыслитель, один из участников собеседований Платоновской академии, современник Макиавелли — 514
- Диоген. Стоик. Участвовал в афинском посольстве в Рим, о котором подробнее см.: *Карнеад* — 168
- Диоген Лаэртий (Лаэртский) (1-я пол. III в.). Автор единственной сохранившейся биографической истории древнегреческой философии, близкой к жанру «преемств», одного из важнейших источников информации о греческих философах. Полное заглавие в Парижском кодексе: «Жизни и мнения прославленных философов вместе с сокращенным сводом воззрений каждой философской школы» — 281
- Диодор Сицилийский (ок. 90—21 до н. э.). Историк эпохи эллинизма, автор 40 книг по всемирной истории («Историческая библиотека»). Это украшенное анекдотами, не всегда точное, но интересное изложение

- ранней истории до времени Цезаря (включая историю Египта, Ассирии, Индии, Мидии, островов Западного и Восточного Средиземноморья) — 281
- Дион Кассий Коккеян (между 155 и 164—после 229). Древнегреческий историк, автор сочинения «Римская история» (в 80 кн., на греч. яз.), охватывающего историю Рима с древнейших времен до 229 года. События в этом труде излагаются погодно (по консулам), по принципу анналов. В языке и стиле подражает Фукидиду — 587
- Дионисий I, или Старший (431—36 до н. э.) — коварный и жестокий правитель; вел длительную и упорную борьбу с Карфагеном за обладание Сицилией — 339
- Дионисий II (367—344 до н. э.) — наследник Дионисия I, прославился жестокостью и кутежами; в 357 был изгнан и бежал в Южную Италию. В 347 вернулся, но в 344 был свергнут Тимолеоном и сослан в Коринф — 420
- Доминик св. (1170—1221). Церковный деятель, проповедник, основатель Доминиканского ордена. В 1233 католическая Церковь причислила Д. к лику святых — 172, 310
- Домициан Тит Флавий (51—96). Римский император (с 81), последний из династии Флавиев. Сын Веспасиана, которому активно помогал в борьбе за императорский престол. Был убит заговорщиками — 592
- Донателло (Donatello; собств. Донато ди Никколо ди Бетто Барди, Donato di Niccolò di Betto Bardi; ок. 1386—1466). Итальянский скульптор, один из основоположников скульптуры Возрождения в Италии — 528, 598
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881). Русский писатель, мыслитель и публицист. Оказал огромное влияние на отечественную и зарубежную литературу, религиозную философию — 44
- Дунс Скот (Duns Scotus) Иоанн (ок. 1266—1308). Средневековый философ-схоласт, теолог; монах-францисканец. Учился и преподавал в Оксфорде и Париже. Из его идей в определенной мере исходили У. Оккам и оккамисты — 409
- Дюплесси-Морнэ (Duplessis-Mornay) Филипп (1549—1623). Французский политический деятель, публицист. Гугенот, близкий адмиралу Г. Колиньи. С сер. 70-х до 1593 — ближайший помощник Генриха Наваррского (будущего Генриха IV). Участник религиозных войн — 584, 587
- Екатерина Сиенская (Caterina da Siena; 1347—1380). Монахиня-доминиканка, мистик — 308
- Жане (Janet) Поль (1823—1898). Французский философ, профессор Парижского ун-та; переводил сочинения Спинозы — 205, 206, 303, 371
- Жантийе (Gentillet) Инсент (ум. 1595). Французский протестантский теолог и юрист — 37, 54—57, 583—595
- Жебар (Gebahrt) Феликс Ежен (1845—1903). Бельгийский мыслитель, автор «Мистической Италии» — 302, 353, 354
- Жефруа (Jeffroy) Матье Огюст (1820—1885). Французский историк, профессор в Сорбонне, затем директор Французской школы в Риме, автор фундаментальных работ по истории Франции и Рима — 294, 308, 351

- Ильин Иван Александрович** (1882—1954). Русский религиозный философ, представитель неогегельянства. Автор ряда философских трудов. Выслан из СССР в 1922 — 7
- Иннокентий III** (в миру — Лотарио ди Сеньи (Lotario di Segni); 1160/61—1216). Римский папа с 1198. Из богатого рода графов Сеньи. Время его понтификата — период наивысшего могущества средневекового папства. Стремился установить верховенство папской власти над светской, вмешивался во внутренние дела европейских государств. В 1215 организовал крестовый поход. Способствовал организации инквизиции — 408
- Иннокентий VIII** (в миру — Джованни Баттиста Чибо). Римский папа (1484—1492). Один из наиболее характерных представителей папства в эпоху упадка. Главную свою задачу видел в собирании денег, которые расходовал на свое незаконное потомство; продавал всевозможные места и освобождал за мзду от наказания осужденных. Боролся с гугенотами и осудил как ересь 900 тезисов, извлеченных из сочинения Пико делла Мирандола — 532, 535
- Иоанн (Хуан, João) Португальский** (1357—1433). Незаконнорожденный сын Петра Жестокого и Терезы Лоренцо; в 1383, после смерти законнорожденного брата Фердинанда, регент, а с 1385 — король Португалии; воевал с Кастилией и маврами — 291
- Иоанн Салисберийский** (Johannes Salesberegensis; 1115—1180). Схоласт, учился в Парижском ун-те, секретарь Фомы Бекета; написал трактат о системе церковно-политической этики — 173
- Иосиф Флавий** (37—ок. 100). Писатель-историк, происходил из иудейского священнического рода. В качестве полководца участвовал в Иудейской войне (66—70), был взят в плен, освобожден Веспасианом (отсюда имя — Флавий). Автор «Иудейской войны» и «Иудейских древностей», написанных на греческом языке — 587
- Исократ** (436—338 до н. э.). Древнегреческий публицист. Ученик софистов, испытал также влияние Сократа. Автор памфлетов, которым придавал форму речей, «Панегирика» (380) и др. — 281
- Казавеккиа Филиппо**. Корреспондент Макиавелли — 512
- Калигула** — прозвище Гая Цезаря Германика (12—41), римского императора (37—41). Отличался жестокостью и сумасбродством, в частности, устраивал триумфы в честь своих вымышленных побед. Был убит участниками заговора трибунов преторианской гвардии — 592
- Кальвин** (Calvin, латинизир. Calvinus, франц. Calvin — Ковен) Жан (1509—1564). Деятель Реформации, основатель кальвинизма — 593
- Кампанелла** (Campanella) Томмазо (1568—1639). Итальянский философ, поэт, политический деятель. Создатель коммунистической утопии. Монах-доминиканец — 11, 303
- Кант (Kant) Иммануил** (1724—1804). Немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии. Прожил всю жизнь в Кенигсберге. В 1770—1796 — проф. ун-та — 26, 27, 35, 618
- Каппони Нери** (ум. 1457). Представитель знаменитого флорентийского рода, занимал высокое положение во Флорентийской республике, описал историю Флоренции своего времени — 331

- Каппони Никколо ди Джино. Председатель Совета Флорентийской республики после падения власти Медичи в 1527 — 497
- Каппони Пьеро (ум. 1496). Внук Нери, посол Флоренции ко многим правящим дворам Италии и во Франции — 509, 532
- Каракалла (первоначальное имя — Септимий Бассиан) (186—217) — прозвище Марка Аврелия Севера Антонина, полученное им от гальской одежды. Римский император (211—217). Сын Септимия Севера. В 197 подавил восстание иудеев. Опирался на поддержку армии. Во время его правления закончился процесс становления Рима как столицы империи. Пытался завоевать Парфянское царство. Во время одного из походов был убит заговорщиками — 592
- Каратта (Caraffa) Диомедо. Итальянский писатель XV в. Автор нескольких трактатов о нравственности — 597
- Кардуччи (Carducci) Джозуэ (1835—1907). О нем см. примеч. 41 к работе А. К. Живелегова — 501, 556, 561
- Карл IV (1294—1328). О нем см. примеч. 66 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 328
- Карл V (1500—1558). Император Священной Римской империи. Подробнее о нем см. примеч. 99 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 145, 448, 561
- Карл VIII (1470—1498). Король Франции (с 1483). Начал Итальянские войны. В 1495 завоевал Неаполитанское королевство и другие итальянские земли — 272, 320, 350, 352—355, 392, 501, 509, 536
- Карл Великий (742—814). Король франков (с 768), император (с 800) из династии Каролингов, создатель обширной империи, распавшейся вскоре после его смерти. Основатель так называемого каролингского Возрождения, сущность которого составляло стремление к возрождению культуры и образования в антично-христианском духе — 591
- Карл Испанский. См. *Карл V* — 328
- Карнеад (216—130 до н. э.). В 156 был вместе со стоиком Диогеном и перипатетиком Критолаем в Риме в качестве афинских послов, где произвел большое впечатление красноречием и умением доказывать противоположные тезисы с одинаковой силой. Считается родоначальником Новой Академии; развил скептическое учение с положительной стороны, добавив учение о вероятности и ее степенях. Его сочинения до нас не дошли — 168
- Карно (Carnot) Лазар Никола (1753—1823). Французский государственный и военный деятель, ученый. Член Конвента (1792—1795). В период якобинской диктатуры был членом Комитета общественного спасения (с 1793). В период термидорианского переворота (июль 1794) выступал против М. Робеспьера. В 1795—1797 — член Директории. Автор трудов по математике — 572
- Карно Донато дель. Знакомый Макиавелли — 517, 521, 522
- Кастильоне (Castiglione) Бальдассаре. О нем см. примеч. 32 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 293
- Кастракане (Castracane) Каструччо (1281—1328). Политический деятель и правитель Лукки, предательски попавший в плен к своему военному союзнику; позднее — диктатор. Персонаж одноименного произведения Макиавелли — 605
- Катилина Луций Сергей. О нем см. примеч. 22 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 281

- Катон (234—149 до н. э.). Римский государственный деятель и писатель. Боролся со всяким проявлением роскоши и нарушениями общественных интересов в пользу частных, считал излишней образованность греческого типа. Крупнейший прозаический писатель своего времени — 168, 313
- Каттони. См. *Босколи* — 394
- Квинт Курций Руф (вероятно, I в. н. э.). Римский историк, написал «Историю Александра Великого» в 10 книгах, из которых некоторые до нас не дошли; цель его писаний — не поучать, а забавлять, поэтому в своем изложении, несмотря на то, что он опирался на мемуары сподвижников Александра, К. стремился не столько к исторической правде, сколько к блеску описаний и характеристик героев — 281
- Келли Д. (Kelley D.). Английский исследователь политической жизни общества — 584
- Кине (Quinet) Эдгар (1805—1875). Французский историк, профессор иностранных литератур ун-та в Лионе. Автор ряда работ о революционных движениях Италии и Франции — 204, 207, 209, 563, 572
- Кир Старший (Кир II Великий) (VI в. до н. э.). Основатель Персидской державы, первый царь из династии Ахеменидов (в 558—529). Жизнь К. описал Геродот. В сочинении Ксенофонта «Киропедия» К. изображен идеальным правителем — 85, 345, 349, 591
- Клавель (Clavel). Французский философ-позитивист; автор книги «Мораль, изложенная позитивным методом» — 232, 245, 248—250
- Клеарх из Гераклеи. Тиран. Был краткое время учеником Платона; убит в результате заговора — 487
- Клеомен. О нем см. примеч. 70 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 341, 470
- Климент VII (в миру — Джулиано Медичи). Римский папа (1523—1534). Незаконнорожденный сын Джулио Медичи, брата Лоренцо Великолепного; усыновлен дядей, благодаря чему и высокому покровительству других родственников занимал высокие должности в церковной иерархии. Избран на святой престол не без подкупа, где больше занимался политическими делами, чем церковными — 322, 358, 370, 430, 497, 501, 541, 553, 556, 557, 561, 562, 565, 568, 570, 571, 600, 603
- Ковалевский Максим Максимович (1851—1916). О нем см. преамбулу комментария к его работе, с. 661 наст. изд. — 321, 330, 418
- Кожев Александр (1902—1968). Французский философ-идеалист, представитель неогегельянства — 35
- Козимо (Cosimo) Пьеро ди (1462—1521). Итальянский живописец раннего Возрождения — 509
- Колонна. См. примеч. 85 к работе А. С. Алексеева — 127, 316, 353, 566
- Колонна (Colonna) Помпео (ум. 1532). Неаполитанский кардинал и вице-король (с 1530) — 566
- Колонна Фабрицио. Итальянский полководец. Служил французскому королю Карлу VIII, королю Неаполитанскому Федерико, Фердинанду Католику, возведшему его в 1507 в достоинство великого коннетабля и, наконец, папе Юлию II. Участник битвы при Равенне, во время которой был взят в плен герцогом Феррарским Альфонсо д'Эсте. Умер в 1520. В трактате «О военном искусстве» К. выступает как проповедник и защитник теорий Макиавелли — 555

- Колумб (лат. Columbus, итал. Colombo, исп. Colon) Христофор (1451—1506). Мореплаватель, по происхождению генуэзец. К. принадлежат звание первооткрывателя Америки (1492) — 411, 536, 554
- Комарова Валентина Петровна (р. 1928). Современный исследователь, филолог, шекспировед. Автор ряда научных трудов — 585, 589
- Коммин (Commynes, Comines) Филипп де (1447—1511). Французский гос. деятель, писатель. Приближенный Карла Смелого. Сопровождал Людовика XII в военной кампании против Генуи. Автор «Мемуаров» — 449, 587
- Коммод Луций Элий Аврелий (161—192). Римский император в 180—192. Последний представитель династии Антонинов, сын Марка Аврелия. В 176—180 — соправитель отца. Убит заговорщиками из числа придворных — 592
- Конт (Comte) Огюст (1798—1857). Французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии. В 1817—1822 был секретарем Сен-Симона — 231
- Коперник (Kopernik, Copernicus) Николай (1473—1543). Польский астроном, создатель гелиоцентрической теории солнечной системы. Книга Коперника была внесена Церковью в «Индекс запрещенных книг» — 411, 417
- Корелин Михаил Сергеевич (1855—1907). Русский историк, профессор Московского ун-та. Главный научный интерес фокусировался на истории культуры, литературы и искусства эпохи Возрождения — 291, 293, 328, 329
- Корнето Адриан. Кардинал (XV—XVI вв.) — 303
- Ксенофонт (ок. 430—355 до н. э.). Древнегреческий писатель и историк, ученик Сократа. Провел много лет на службе в персидской армии и принял участие в походе Кира Младшего против Артаксеркса. Автор истории Кира Великого («Киропедия»), «Греческой истории» и др., а также сократических диалогов. Произведения К. отличаются простотой языка и ясностью изложения. Сохранились полностью и многократно переводились — 281, 364, 598
- Кьеркегор, Киркегор (Kierkegaard) Сёрен (1813—1855). Датский теолог, философ-идеалист и писатель — 44
- Кьявелли (Ciavelli). Семейство тиранов из Фабриано — 606
- Ланге (Lange) Фридрих Альберт (1828—1875). Немецкий философ и экономист, представитель марбургской школы неокантианства. Проф. философии ряда ун-тов — 304
- Ланге (Langet) Ю. Л. Французский протестантский публицист — 587
- Ландино Кристофоро. О нем см. примеч. 7 к работе А. К. Дживелегова — 509
- Лапер А. (Lapéire H.). Современный французский исследователь — 584
- Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825—1864). Деятель немецкого рабочего движения, социалист, публицист и адвокат. Родоначальник движения, получившего название «лассальянства» — 545
- Лев X (в миру — Джованни де Медичи; Giovanni de Medici; 1475—1521). Папа римский (с 1513), сын Лоренцо Великолепного Медичи. Избран папою в 37 лет. Принес на св. престол все достоинства и недостатки современных ему гуманистов; религия не имела влияния ни на его ча-

- стную жизнь, ни на политику — 262, 304, 322, 357, 358, 366, 367, 369, 370, 430, 448, 460, 485, 501, 514, 532, 542, 545, 556, 557, 600, 602
- Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646—1716). Немецкий философ, математик, физик, юрист и историк; с 1676 состоял на службе у ганноверских герцогов — 616
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924). Основатель Советского государства и КПСС, пролетарский революционер. Автор ряда трудов — 41, 462, 463, 508, 620, 622, 624, 627, 628
- Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452—1519). Итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый и инженер. Заложил основы искусства Высокого Возрождения. Создал гармоничный образ человека, отвечающий гуманистическим идеалам. Стал символом эпохи Возрождения — 167, 290, 293, 473, 525, 612
- Ликург (IX—VIII вв. до н. э.). Легендарный законодатель Спарты, якобы по велению дельфийского оракула или по образцу государственной системы Крита создавший политические институты спартанского общества — 117, 341, 348, 350, 413, 439, 442
- Линкольн (Lincoln) Авраам (1809—1865). Адвокат, конгрессмен, 16-й президент США, выходец из штата Иллинойс; при нем началась гражданская война между Севером и Югом за отмену рабства — 226
- Липсио (Lipsio) Джусто (1547—1606). Итальянский гуманист, писал по проблема философии, филологии, политического устройства общества — 37
- Локк (Locke) Джон (1632—1704). Английский философ-просветитель и политический мыслитель. Разработал эмпирическую теорию познания и идейно-политическую доктрину либерализма — 35, 620
- Лоран (Laurent) Франсуа (1810—1887). Белгийский юрист, историк, профессор гражданского права, горячий защитник идей либерализма — 350, 354
- Лосев Алексей Федорович. О нем см. преамбулу комментария к публикации его работы, с. 667 наст. изд. — 25, 576
- Любинская А. Д. Современный исследователь, автор ряда научных работ — 583
- Людовик X (1289—1316). Французский король, сын Филиппа IV. Поскольку Л. был бесхарактерным и беззаботным человеком, фактически всеми делами управлял его дядя Карл Валуа — 351
- Людовик XI. О нем см. примеч. 16 к работе А. К. Дживелегова — 449, 469, 533, 534
- Людовик XII (1462—1515). Французский король (с 1498). Походом 1499 возобновил Итальянские войны (1494—1559). Опираясь в Италии на Флоренцию и семейство Борджиа. Макиавелли неоднократно анализировал его политические и военные шаги и оценивал как лишенного чести, наводящего страх правителя — 144, 161, 267, 345, 356, 367, 369, 536
- Людовик XVI (1754—1794). Король Франции. Казнен 21 января 1794 — 463
- Лутер (Luther) Мартин (1483—1546). Глава бюргерской Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма (лютеранства) — 33, 179, 287, 302, 309, 602

- Магеллан**, Магальянш (португ. Magalhaes, исп. Magallanes) Фернан (ок. 1480—1521). Мореплаватель, первым совершивший кругосветное путешествие — 411
- Майо Джуниано**. Автор трактата о величии монархов — 597
- Макиавелли Пьеро**. Сын Никколо Макиавелли — 521
- Маколей (Macauley) Томас Бабингтон (1800—1859)**. Английский историк, публицист и политический деятель. Автор многотомной «Истории Англии» — 60, 62, 288, 293, 351
- Макрин (164—218)**. Римский император (217—218). Первый император, не принадлежавший к сенатской аристократии. Выходец из сословия всадников, по происхождению мавр из Кесарии. Погиб в борьбе с мятежниками — 592
- Максим (ок. 172/73—238)**. Римский император (с 235). Из семьи фракийского крестьянина, прошел путь от рядового воина до высших чинов — 592
- Максимилиан I Габсбург (1459—1519)**. О нем см. примеч. 99 к работе А. С. Алексеева — 147, 153, 161, 267, 321, 355, 360, 366, 367, 472, 501
- Максимовский Владимир Николаевич**. О нем см. преамбулу комментария к публикации его работы «К. Маркс: выписки из сочинений Макиавелли», с. 662 наст. изд. — 540, 546, 547, 553, 590
- Малатеста (Malatesta) Сиджизмондо (1417—1469)**. Кондотьеры, властитель Римини; глубоко безнравственный, но превосходно образованный, меценат, любил и понимал литературу и искусство, содержал при своем дворе гуманистов-писателей; эротический поэт — 605, 607
- Манетти (Manetti) Джаноццо (1396—1459)**. Итальянский гуманист; необыкновенно разносторонний и плодовитый писатель, отличался от других гуманистов интересом к богословским вопросам; перевел с древнегреческого Новый Завет — 276
- Марк Аврелий Антонин (121—180)**. Римский император (161—180), философ-стоик. Время его правления считается в античной исторической традиции Золотым веком, сам М. А. представлен в этой традиции как идеальный правитель. После смерти был официально обожествлен — 340, 349
- Маркс (Марх) Карл (1818—1883)**. Немецкий философ, экономист, публицист, общественный деятель. Основоположник историософской доктрины, получившей название «научный коммунизм». Его работы оказали на развитие современного общества — 35, 39—42, 44, 424, 425, 428—431, 433—435, 439, 441, 443, 450, 458, 462, 479, 480, 483, 486, 488—491, 494, 496, 498, 500, 507, 508, 540, 546, 547, 576, 618, 620—622, 624, 627, 628
- Марсили (Marsigli) Луиджи (ум. 1394)**. Итальянский гуманист, монах монастыря св. Духа; несмотря на полученное в Сорбонне богословское образование был горячим поклонником Петрарки, близко знал Боккаччо, проводил в своей келье собрания гуманистов — 328
- Мастеллоне (Mastellone)**. Современный итальянский исследователь эпохи Возрождения — 584
- Маттер (Matter) Жак (1791—1864)**. Французский философ, профессор протестантской семинарии в Страсбурге. Автор работ по истории социально-политических учений — 46, 60, 210, 211

Медичи (Medici). Флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. В течение трех столетий (1434—1737) с небольшими перерывами (1494—1512 и 1527—1530) правили Флоренцией. Символом рода являются шары, а точнее, круглые пилюли как символ профессии предков (*medici* — медики). В гербе было шесть шаров — 38, 134, 135, 156, 162, 166, 184, 308, 309, 313, 316, 318, 322—324, 331, 358, 365, 370, 376, 392, 395, 401, 405, 421—423, 425, 428, 430, 437, 440, 448, 449, 479, 485, 493, 496, 498, 499, 509, 545, 576, 599, 605, 606, 614

Медичи Джованни. Отец Козимо Старшего — 322, 336, 460, 538

Медичи Козимо I (1389—1464) Старший. После успешной борьбы с родом Альбруцци стал фактическим правителем Флоренции (с 1434); покровительствовал ученым и художникам — 156—158, 167, 168, 318, 336, 352, 437, 528, 533, 535, 536, 538

Медичи Пьеро (1416—1469) Подагрик. Сын Козимо Старшего, правил Флоренцией с 1464 — 319

Медичи Лоренцо (1449—1492) Великолепный. Сын Пьеро, правил Флоренцией с 1469, свел на нет систему республиканского управления, став полновластным тираном. Писатель, покровительствовал гуманистам, поэтам и художникам — 156, 168, 315, 319, 320, 322, 336, 344, 353, 391, 392, 489, 509, 528, 532, 538, 539, 589, 605, 606

Медичи Пьеро (1472—1503). Сын Лоренцо; правил Флоренцией с 1492. После сдачи флорентийских крепостей в войне с Францией был изгнан (в 1494) — 320, 322, 336, 355, 360, 392, 422, 423

Медичи Джулиано. См. *Климент VII*.

Медичи Джованни. См. *Лев X*.

Медичи Лоренцо (1492—1519). Сын Пьеро Медичи; номинальный правитель Флоренции с 1513 (при фактическом владычестве Льва X) — 61, 259, 260, 263, 265, 342, 358, 365—370, 385, 389, 405, 422, 557, 614

Медичи Алесандро (1511—1537). Незаконнорожденный сын Лоренцо, правил с 1530, после объявления Флоренции герцогством в 1532 — герцог — 323, 569

Медичи Джованни (ум. 1526). Представитель младшей линии Медичи; кондотьеры — 557, 558, 565—567, 569, 571, 602

Медичи Козимо. Сын Джованни, после смерти Алесандро — герцог Флорентийский — 569

Медичи Екатерина (1519—1589). Дочь Лоренцо, французская королева после брака с Генрихом II — 55, 56, 449

Медичи Мария. Королева Франции — 449

Мельтцинг О. (Meltzing O.). Автор ряда научных трудов, в т. ч. «*Das Bankhaus der Medici und seine Vorläufer*» — 533

Микеланджело Буонаротти (Michelangelo Buonarrotti) (1475—1564). Итальянский скульптор, живописец, поэт, архитектор. В искусстве М. отразились идеалы, пафос Высокого Возрождения — 287, 557, 570

Миль (Mill) Джон Стюарт (1806—1873). Английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель. Его социально-политическая доктрина рассматривает государство как систему духовного и политического деспотизма, игнорирующую человеческую свободу и индивидуальность — 232, 243, 245

Моль (Mohl) Роберт фон (1799—1875). Немецкий юрист, профессор права. Правовое государство противопоставляет государству античному и тео-

- кратическому, поскольку оно — лишь средство достижения различных жизненных целей личности и служит для охранения ее прав — 50, 56, 340, 372, 374, 384, 419
- Монстреле (de Monstrellet) Анжеран (ок. 1390—1453). Французский хроникер, написавший продолжение хроники Фруассара, охватывающее 1400—1444 годы — 587
- Монтень (Montaigne) Мишель де (1533—1592). Французский философ и писатель — 11, 427, 495
- Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи. О нем см. примеч. 12 к работе А. С. Алексеева — 60, 192, 194, 217, 427, 431, 462, 495, 499
- Монье (Monnier) Филипп. Французский историк литературы Возрождения — 270, 276, 290, 293, 306, 324, 325, 350
- Мор (More) Томас (1478—1535). О нем см. примеч. 1 к работе Б. Н. Чичерина — 11, 379, 380
- Муссолини (Mussolini) Бенито (1883—1945). Итальянский политический деятель. Был учителем, начал политическую карьеру в рядах социалистического движения; в 1919 создал собственную политическую партию; после государственного переворота 1922 — глава итальянского правительства до 1943 — 464, 499
- Набид.** Спартанский тиран (206—192 до н. э.); выдавал себя за продолжателя великодушного царя Клеомена и мстителя за него, для чего неоднократно объявлял передел полей и уничтожение долговых обязательств, которые в действительности были составной частью главной цели его деятельности — положить конец древней спартанской аристократии — 345, 349
- Наполеон I Бонапарт (Napoleon Bonaparte) (1769—1821). Французский гос. деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799—1804), французский император (1804—1815) — 38, 499, 619
- Нерва Марк Кокцей (30—98). Римский император (с 96) — 339
- Нерли Филиппо деи. Губернатор Модены, современник Макиавелли — 514, 552, 570
- Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (37—68). римский император (с 54). Жестокий, коварный, самовлюбленный тиран — 592
- Никколи (Nickoli) Никколо (1365—1437). Флорентийский гуманист; все свое состояние истратил на собирание книг и памятников древности — 275, 328
- Николай Кузанский (Nicolaus Cusanus), Николай Кребс (Krebs; 1401—1464). Философ, теолог, ученый, церковно-политический деятель — 9, 10, 11, 19
- Нитти (Nitti) Франческо (1851—1905). Итальянский историк, биограф Макиавелли, Льва X, публикатор документов — 63, 286, 295, 298, 300, 312, 322, 337, 362
- Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844—1900). Немецкий философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, поэт. В 1869—1879 профессор классической филологии Базельского ун-та — 23, 26, 35, 39, 42—44, 620, 628
- Новарра Пьеро. Военачальник, инженер. Современник Макиавелли — 565

- Ноде (Naude) Габриель (1600—1653). Французский библиотекарь, библиограф. Был библиотекарем у кардиналов Ришелье, а затем Мазарини, служа у которого, создал «Библиотеки Мазарини» — 37
- Нума Помпилий. Согласно римской традиции, второй царь Древнего Рима, сабин по происхождению. Ему приписывают многочисленные государственные меры: установление законов, сооружение храмов, введение религиозных обрядов, разделение граждан на сословия. Предание рисует Нуму царем-жрецом в противоположность Ромулу, царю-воину — 341
- Нурриссон (Nourrisson) Жан Феликс (1825—1897). Французский философ, член академии нравственных и политических наук — 295, 296, 303, 338
- Овидий Публий Назон (43 до н. э. — ок. 18 н. э.). Римский поэт, автор «Метаморфоз» и др. произведений — 522
- Оккам (Ockham, Occam) Уильям (ок. 1285—1349). Английский философ, логик и церковно-политический писатель, представитель поздней схоластики. Монах-францисканец. Последователь Иоанна Дунс Скота — 173, 409
- Оливеретто де Фермо. Тиран из Фермо — 344, 349, 419
- Оппель-Брониковский (Oppeln-Bronikowski) Фредерик (1873—1936). Немецкий журналист и публицист — 492
- Орсины. Римский княжеский род, борьба которого с родом Колонна на протяжении многих веков определяла политическую историю Рима. Ожесточенно преследовался папой Александром VI, возвратил свои позиции в период понтификата Юлия II — 127, 316, 317, 353, 455, 505
- Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset) Хосе (1883—1955). Испанский философ, публицист и общественный деятель — 627
- Осокин Николай Алексеевич (1839—1895). Историк, писатель, профессор всеобщей истории Казанского ун-та; автор книг о Савонароле и истории Италии — 324
- Отман (Hotman) Франсуа (1524—1590). Французский публицист, юрист, один из монархомахов. Преподавал римское право в Париже, Лионе, Женеве, Лозанне, Страсбурге, Валансе, Бурже. В 1547 перешел из католицизма в кальвинизм — 584, 585, 587
- Отон Марк Сальвий (32—69). Римский император (с15.01.69) — 592
- Павел IV (в миру — Джампьеро Карафа (Giampietro Carafa); 1476—1559). Римский папа (с 1555). До избрания папой возглавлял верховный инквизиционный трибунал — 36, 430
- Палла Баттиста делла. Современник Макиавелли — 514, 517
- Парменид из Элеи (род. ок. 540 до н. э.). Древнегреческий философ, глава элейской школы. Был идейно связан через Ксенофана с Анаксимандром и через пифагорейца Аминия с пифагореизмом. Помимо философии занимался законодательством — 42
- Пассерини (Passerini) Сильвио (1459—1526). Кардинал Флоренции (с 1524), легат Перуджи (1520), наместник папы во Франции — 571
- Пастор (Pastor) Вилли (1867—1933). Немецкий историк политических институтов общества — 295, 307, 308, 326, 357, 362
- Пацци (Pazzi). Итальянский гвельфский род; первоначально жил в своих владениях в долине Арно, затем переселился во Флоренцию; члены

- рода составили заговор против Лоренцо Великолепного и Джулиано Медичи в 1478, причиной которого были зависть к могуществу Медичи, отнятое наследство и соперничество в банковских делах — 440, 489, 493, 508, 537
- Падди Франческо. Один из участников заговора против Медичи в 1478 — 508
- Периандр (ок. 660 — ок. 585 до н. э.). Тиран Коринфа (ок. 627 — ок. 585 до н. э.) — 419, 420
- Перран (Perrens) Франсуа (1822—1906). Французский историк. Автор ряда работ по истории Италии и Франции — 288, 308, 318
- Петрарка Франческо (1304—1374). Итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения, оказал значительное влияние на развитие европейской поэзии. Макиавелли знал его стихи наизусть и часто цитировал (например, в последней главе «Государя») — 135, 167, 273—277, 293, 302, 327—329, 353, 410, 512, 513, 522, 529, 531, 560, 597
- Петруччи (Petrucci) Пандольф (1450—1512). Сиенский тиран, добился власти после убийства своего соперника — тестя. Первая половина его правления — постоянная смена союзников и их предательства. Счастливо избежал резни в Синигалии — 161, 163, 267
- Пико делла Мирандола (Pico della Mirandola) Джованни (1463—1494). О нем см. примеч. 7 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 9, 18, 19, 275, 305, 308, 605
- Плавт Тит Макций (ок. 250—184 до н. э.). Римский комедиограф; благодаря песням его пьесы приобрели опереточный характер; до нас дошла только 21 комедия — 600
- Платон (427—347 до н. э.). Один из выдающихся греческих мыслителей, ученик Сократа. Макиавелли часто ссылается на П., цитируя его или подразумевая — 42, 275, 291, 319, 377, 378, 379, 407, 409
- Плифон Гемист. О нем см. примеч. 5 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 271
- Плутарх (ок. 46 — позже 119). Древнегреческий историк, философ и писатель. Его труды показывают широту интересов и универсальную образованность автора — 281, 282, 291, 337, 394, 530, 590, 598
- Поджо (Poggio-Bracciolini) Джованни Франческо. См. *Браччолини*.
- Полибий. О нем см. примеч. 15 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 28, 280, 281, 337, 340, 368, 369, 371, 380, 530
- Поликрат Самосский (ум. ок. 523/22 до н. э.). Древнегреческий тиран о. Самос (приблизительно с 540) — 420
- Полициано. О нем см. примеч. 2 к работе А. К. Дживелегова — 277, 287, 291, 293, 509
- Помпонацци (Pomponazzi) Пьетро (1462—1525). Итальянский философ, ведущий представитель аристотелизма эпохи Возрождения — 303, 304, 312
- Понтано (Pontano) Джовиано (1426—1503). Итальянский гуманист; долгое время был главой неаполитанской Академии. После себя оставил много произведений в прозе и стихах, морально-политические трактаты — 292, 305, 529
- Поскари. Итальянский гуманист — 353
- Поссевин (Antonii Possevini; Possevinus) Антоний (1534—1611). Один из наиболее видных деятелей католической реакции, боровшейся против

- различных видов протестантизма; член ордена иезуитов, писатель, публицист — 52, 53, 589
- Преццоллини (Prezzolini) Джузеппе. Биограф Макиавелли — 492, 493, 496, 498, 499
- Пуччи (Русси) Франциск (ум. 1600). Итальянский католический богослов; большая часть его произведений была направлена против кальвинизма — 532
- Рангони (Rangoni)** Гвидо ди Никколо (ум. 1539). Представитель одного из прославленных итальянских родов, главнокомандующий войсками — 566, 568, 571
- Ранке (Ranke) Леопольд фон (1795—1886). Немецкий историк. Проф. Берлинского ун-та — 280, 366—368
- Рафаэль (собств. Раффаэлло Санти (Санцио); Raffaello Santi (Sanzio); 1483—1520). Итальянский живописец и архитектор — 167, 274, 287, 293
- Рибаденейра (Ribadeneyra) Педро (1527—1611). Испанский писатель-иезуит, составил жизнеописания святых — 589
- Риенцо (di Rienzo) Кола ди (ок. 1313—1354). Знаменитый римский трибун, выходец из простонародья; мечтал восстановить величие Др. Рима; организовал политический переворот с этой целью, который был подавлен — 353, 560
- Ричард III (1452—1485). Английский король (с 1483), последний из династии Йорков. Мл. брат короля Эдуарда IV — 592
- Риччи Дж. Внук Макиавелли — 521, 522
- Ришелье (Richelieu) Арман Жан Дюплесси (1585—1642). Герцог, кардинал (с 1622), один из влиятельнейших людей своего времени. Подчинив своей воле Людовика XIII, самовластно управлял Францией вплоть до своей смерти, жестоко расправляясь со своими врагами — 38
- Ровере (Rovere) Франческо Марио делла; Франческо I (1491—1538). Представитель княжеского рода, герцог Урбино; в различные периоды своей жизни — военачальник папской и венецианской армий — 566, 568, 571, 572
- Родолико (Rodolico) Никколо (р. 1873). Историк, профессор ун-та Флоренции — 533
- Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1712—1778). О нем см. примеч. 11 к работе А. К. Дживелегова — 35, 38, 383
- Рутенбург Виктор Иванович. Современный исследователь эпохи Возрождения — 36, 585
- Руффини Бартоломео. Приятель Макиавелли — 513, 571
- Ручеллаи Бернардо (Козимо) (1495—1520), принявший имя своего отца Козимо и прозванный Козимино. Рано умерший флорентийский меценат и любитель литературы, друг Макиавелли, владелец «Orti Oricellarii» — центра философских и литературных бесед флорентийской молодежи — 514
- Сабатье (Sabatier)** Луи Огюст (1839—1903). Французский протестантский богослов, профессор ун-та в Париже, автор трудов по теологии и комментариев к Библии — 302

- Савонарола (Savonarola) Джироламо (1452—1498). О нем см. примеч. 97 к работе А. С. Алексеева — 159, 162—164, 166, 208, 302, 306—309, 310, 312, 313, 320—323, 349, 392, 414, 448, 470, 497, 509—511, 538, 539, 542, 573
- Саллюстий Крисп Гай (86—35 до н. э.). Римский историк, автор «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны», Тацит назвал Саллюстия самым блистательным историком Рима — 281, 332, 587
- Сальвиати (Salviati). Архиепископ Флоренции и Пизы. Участник заговора против Медичи в 1478. После неудавшегося покушения на Лоренцо Великолепного казнен — 508
- Салютати (Salutatus) Колуччио (1331—1406). Один из самых выдающихся итальянских гуманистов второго поколения, собиратель и пропагандист римских древностей, автор многих трактатов, в т. ч. и на морально-политические темы — 276, 323, 329, 511, 529, 552, 597
- Саннацаро, Саннадзаро (Sannazzaro) Якопо (1456—1530). Итальянский писатель. Служил при дворе герцога Калабрийского. Наиболее известное произведение — «Аркадия» — 277, 327
- Светоний Транквилл Гай (ок. 70 — после 122). Римский историк и писатель — 281, 587
- Сейсель (Seissel; Seyssel) Клод де (1450—1520). Французский гуманист, историк автор работ по истории Древнего Рима — 584
- Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.). Римский политический деятель, философ и писатель — 281
- Сен-Жюст (Saint-Just) Луи Антуан (1767—1794). Деятель Французской революции, сподвижник Робеспьера — 572
- Сервий Туллий. Предпоследний римский царь (578—534 до н. э.). Ему приписывают создание Сервиевого законодательства, по которому римские граждане были разделены в соответствии с имущественным цензом — 591
- Сикст IV (в миру — Франческо делла Ровере; 1414—1484). До своего избрания папой был профессором нескольких ун-тов. После интронизации (1471) продолжал просветительскую деятельность. Известен своим непотизмом — 534, 535
- Содерини (Soderini) Пьеро ди Томмазио (1452—1522). Флорентийский государственный деятель, пожизненный гонфалоньер республики — 162, 223, 298, 299, 321, 322, 334, 338, 359, 362, 375, 376, 395, 422, 448, 465, 466, 493, 494, 541, 542, 545, 555, 558, 572, 573, 598, 599, 611
- Сократ (470 или 469—399 до н. э.). Древнегреческий философ — 42, 378
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900). Русский религиозный философ, поэт, публицист и критик — 374
- Солон (ок. 638 — ок. 560 до н. э.). Афинский политический деятель, социальный реформатор, законодатель и поэт. В греческой традиции — один из семи мудрецов — 155, 341, 350, 414
- Спиноза (Spinoza, d'Espinosa) Бенедикт (Барух) (1632—1677). Нидерландский философ-материалист, пантеист — 38, 40, 175, 226
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953). Профессиональный революционер, один из руководителей Октябрьского вооруженного переворота, с середины 20-х до 1953 — бессменный руководитель Советского государства и КПСС — 508, 624, 627, 628

- Стендаль де Стендаль (Stendhal) — псевдоним Бейля (Beyle) Мари Анри (1783—1842). Французский писатель, историк искусства, автор работ по искусству Возрождения — 513, 589
- Строцци Филиппо (1488—1538). Представитель знатного флорентийского рода, активно участвовавшего в политической жизни Флоренции с конца XIII в. Филиппо принимал участие в антимедицейском перевороте 1527 г., а затем в вооруженной борьбе против Медичи — 565, 566
- Сфорца. Подробнее см. примеч. 54 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 315, 348, 352
- Сфорца Франческо (1401—1466). Кондотьери на службе Милана, Флоренции, Венеции, зять последнего герцога из рода Висконти; с 1456 — герцог Миланский; меценат — 325
- Сфорца Галециано Мария (1444—1476). Правитель Милана с 1466 — 325
- Сфорца Асканио (ум. 1506). Сын герцога Франческо С., кардинал — 292, 331
- Сфорца Екатерина (1450—1535). Супруга правителя Форли. Была подвержена оскорблению Цезарем Борджиа в период его завоеваний — 163
- Сфорца Людовико (1452—1508) по прозвищу Моро (Мавр). Герцог Миланский (1476—1499); в результате народного восстания был изгнан из Милана — 292, 325, 335, 354, 355
- Сципион Корнелий Публий Африканский. О нем см. примеч. 32 к работе А. К. Дживелегова — 552
- Тарквинии.** По римской исторической традиции, аристократический род из этрусского города Тарквинии, к которому принадлежали римские цари Т. Древний и Т. Гордый.
- Т. Древний — пятый царь Рима (610—579 до н. э.). Одержал победы над сабинянами и латинами. Ему приписываются постройка в Риме канализации и закладка Капитолийского храма
- Т. Гордый — седьмой и последний царь Рима (534—510 до н. э.) — 591
- Тацит (ок. 55 — ок. 120). Последний великий римский историк. Основные труды — «История» и «Анналы» — он посвятил истории Римской империи начиная со смерти Августа и кончая убийством Домициана — 280, 281, 530, 587
- Тибул Альбий (ок. 50—19 до н. э.). Римский поэт — 135, 522
- Тимолеонт (ок. 411 — ок. 335 до н. э.). Коринфянин из благородной семьи; согласно жизнеописанию Плутарха в 347 по просьбе жителей Сиракуз с небольшим отрядом избавил город от тирании Дионисия II, восстановил демократический образ правления и управлял городом справедливо и бескорыстно; после изгнания карфагенян восстановил республиканское правление во всех прочих греческих городах Сицилии и объединил их в один союз — 340
- Тит Ливий. Римский историк, автор «Истории Рима от основания города» — 152, 153, 158, 165, 169, 171, 275, 280, 281, 283, 286, 331, 332, 337, 340, 372, 383, 394, 433, 439, 451, 530, 587
- Тициан Вецелло (Vecello) (1477—1576). Итальянский живописец, глава венецианской школы — 167

- Томмазини (Tommazini) Орест (1844—1919). Итальянский историк Средних веков и Возрождения — 278, 279, 285, 290, 299, 300, 321, 322, 337, 355, 356, 362, 376, 418, 495, 521, 563, 565, 566
- Траверсари (Traversari) Амброджио (1386—1439). Итальянский богослов и гуманист; родом из Романьи, разыскивал по монастырям древние рукописи. Перевел на латинский язык труды греческих церковных писателей, а также Диогена Лаэртского — 306
- Траян Марк Ульпий (53—117). Римский император (с 98), прославившийся добрым нравом — 340
- Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863—1920). Русский религиозный философ, последователь и друг Вл. С. Соловьева; правовед и общественный деятель, брат С. Н. Трубецкого — 273, 406
- Тэн (Taine) Ипполит Адольф (1828—1893). Французский философ, эстетик, писатель, историк — 285, 373, 375
- Фаларис** (VI в. до н. э.). Тиранин Акраганта, известный невероятной жестокостью — 339
- Фалес Милетский** (ок. 625 — ок. 547 до н. э.). Древнегреческий мыслитель, один из семи мудрецов. Согласно традиции Ф. — родоначальник философии как особой отрасли знания, греческой астрономии и геометрии — 604
- Фейербах** (Feuerbach) Ансельм (1775—1833). Немецкий криминалист, представитель классической школы уголовного права. Сформулировал ряд принципов современного права, в т. ч. равенства всех перед законом — 45
- Фердинанд Католик** (1452—1516). О нем см. примеч. 73, 96 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 77, 345, 355, 356, 367, 440, 443, 476
- Ферранте, Феррандино** (Ferrandino) (1458—1494). Неаполитанский король (с 1465) — 355, 606
- Феррара** (Ferrara) Орест. Кубинский государственный деятель, профессор истории — 492—496
- Феррари** (Ferrari) Джузеппе (1811—1876). Итальянский революционный демократ, публицист, историк революционных движений Италии — 47, 204, 206, 207, 352, 492
- Ферручи** (Ferrucci) Франческо (1489—1530). Флорентийский военачальник и государственный деятель — 570
- Филипп II Македонский** (ок. 382—336 до н. э.). Македонский царь (с 359), отец Александра Македонского — 342
- Фиренцуола** (Firenzuola) Аньоло (1493—1543). Итальянский писатель. В 1518—1526 был монахом — 510
- Фичино** (Ficino) Марсилио (1433—1499). О нем см. примеч. 2 к работе А. К. Дживелегова — 9, 19, 305, 509
- Фишер** (Fischer) Куно (1824—1907). Немецкий историк философии, гегельянец — 410
- Флор Луций** (или Юлий) Анней (II в.). Древнегреческий историк, автор «Эпитом», или «Двух книг извлечений из Тита Ливия о всех войнах за семьсот лет», в которых излагается история римских завоеваний — 281
- Фома Аквинский, Фома Аквинат** (Thomas Aquinas) (1225 или 1226—1274). Средневековый философ и теолог, систематизатор ортодоксаль-

- ной схоластики, основатель томизма; монах-доминиканец (с 1244) — 173, 270, 407, 587, 590, 591
- Форлендер (Vorländer) Карл (1860—1928). Немецкий философ, представитель магбургской школы неокантианства, профессор ун-та в Мюнстере — 60, 492
- Франк (Franck) Адольф (1809—1893). Французский философ и историк — 46, 47, 50, 60, 210, 211
- Франк Семен Людвигович (1877—1950). Русский религиозный философ и психолог. Профессор ряда российских ун-тов. В 1922 выслан из России. Эволюционировал от марксизма к реализму, представляющему собой попытку описать целостность человеческого существования — 44
- Франц (Frantz) Йоган (1804—1851). Немецкий философ — 200, 201
- Франциск I (1497—1547). О нем см. примеч. 98 к работе В. В. Топор-Рабчинского — 55, 310, 357, 561
- Франциск Ассизский (Franciscus Assisiensis) (в миру — Джованни Бернардоне; 1181 или 1182—1226). Учредитель названного его именем ордена, символ новой эпохи в истории Западного монашества; углубил идею монашеского служения, заменив монаха-отшельника монахом-миссионером, который, отрехшись от мира в себе, остался в миру для других — 302, 358
- Фридрих II (Великий) (1740—1786). Король Пруссии, прославился как политик, полководец, дипломат и писатель; ему Пруссия обязана своим возвышением на степень великой державы — 38, 57, 303, 506
- Фруассар (Froissart) Жан (ок. 1337 — после 1404). Французский хронист и поэт — 587
- Фукидид (460—396 до н. э.). Греческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны», в которой принимал активное участие как стратег — 42, 281
- Фуко (Foucault) Мишель Поль (р. 1926). Французский философ, историк и теоретик культуры, один из представителей структурализма — 617
- Фурий Камилл (V в. — 365 до н. э.). Легендарный полководец Др. Рима; был 6 раз военным трибуном с консульской властью, 5 раз диктатором; после принятия Лициниевых законов в память прекращения гражданской войны построил у подошвы Капитолийского холма храм богине Согласия — 151, 152
- Хейзинга (Huizinga) Йоган (1872—1945). Нидерландский историк культуры, культуролог, профессор ряда ун-тов. Автор сочинений: «Эразм», «Осень Средневековья» — 7
- Хлодовский Руф Игоревич. Филолог, автор трудов по истории литературы Возрождения — 577
- Хрисолар (середина XIV в. — 1415). Византийский ученый, дипломат, глубокий знаток и учитель греческой литературы и философии, один из греков, познакомивших Италию и Западный мир в целом с античной культурой — 272
- Цезарь Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.). О нем см. примеч. 32 к работе А. К. Дживелегова — 222, 325—327, 337, 345, 360, 386, 486, 487, 530, 552, 558, 591

- Цицерон Марк Туллий (106—43). Древнеримский политический деятель, оратор, писатель — 28, 281, 291, 337, 531, 597, 609
- Челлини** (Cellini) Бенвенуто (1500—1571). Итальянский золотых дел мастер, гравер и медальонист; провел бурную жизнь, работая ювелиром при дворах итальянских правителей и французских королей; во время осады Рима войсками Карла V был в числе защитников города — 569
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904). О нем см. преамбулу комментария к его работе, с. 658 наст. изд. — 47, 227, 228, 253, 379
- Шекспир** (Shakespeare) Уильям (1564—1616). Великий английский драматург и поэт — 26, 27, 585
- Шестов Лев (наст. имя — Лев Исаакович Шварцман; 1860—1938). Русский философ-экзистенциалист и литератор — 26, 27, 44
- Шоппе (Schoppe) Гаспар (1576—1649). Немецкий писатель, дипломат. Перейдя в Праге в католичество, уехал в свите посла в Рим; ревностно нападал в своих трудах на протестантов — 37
- Шпенглер Освальд (1880—1936). Немецкий философ-идеалист, представитель философии жизни. Автор «Заката Европы» — 39
- Эдуард IV** Английский (1442—1483). Король Англии (1461—1483; перерыв окт. 1470 — апр. 1471). Первый король из династии Йорков. Захватил престол в ходе войны Алой и Белой розы — 533, 592
- Эгидий Римский (Aegidius Romanus; 1247—1316). Средневековый богослов, августинец; происходил из рода Колонна; ученик Фомы Аквинского, профессор теологии и философии — 173
- Экхарт (Eckhart) Мейстер Иоганн (ок. 1260 — кон. 1327 или нач. 1328). Немецкий мыслитель, виднейший представитель философской мистики позднего Средневековья в Зап. Европе. Монах-доминиканец — 9
- Эллингер (Ellinger) Георг (1859—1939). Немецкий историк и теоретик государства — 280, 364, 452
- Энгельс (Engels) Фридрих (1820—1895). Немецкий мыслитель, один из основоположников марксизма, друг и соратник К. Маркса — 40, 41, 547
- Эразм Роттердамский (Erasmus Rotterdamus) Дезидерий (Desiderius) (1469—1536). Нидерландский ученый-гуманист, писатель, филолог, богослов, виднейший представитель северного Возрождения — 11
- Эсте, Альфонсо д' (1505—1534). Герцог Феррарский, сын Эрколе д'Эсте — 566, 572, 574
- Ювенал** Децим Юний (ок. 60 — ок. 127). Римский поэт-сатирик — 487
- Юлий II (в миру — Джулиано делла Ровере; 1443—1513). Римский папа (с 1503). Добивался усиления папской власти и расширения Папской области — 25, 76, 144, 162, 214, 215, 293, 297, 354, 356, 357, 363, 385, 421, 422, 475, 476, 501, 535, 554—556, 571, 592
- Юлий Капитолина. Один из так называемых *Scriptores Historiae Augustae*, написавший биографии ряда римских императоров — 587
- Яничек** (Janitschek) Губерт (1846—1893). Немецкий искусствовед, исследователь эпохи Возрождения, автор ряда трудов — 273, 291, 304